ОКТЯБРЬ
И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СССР

каб. ист. СССР
750

Фонд
кабинета истории

579849

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ
К 70-ЛЕТИЮ
АКАДЕМИКА
И. И. МИНЦА

ОКТЯБРЬ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА"
МОСКВА · 1966

2011

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

академик П. М. МАЙСКИЙ, академик М. В. ПЕЧКИНА,
академик В. М. ХВОСТОВ,
член-корреспондент АН СССР А. М. САМСОНОВ,
Л. С. ГАПОНЕНКО, Е. Н. ГОРОДЕЦКИЙ, А. Е. ИОФФЕ,
С. М. КЛЯЦКИН, И. М. РАЗГОН, Г. Е. РЕЙХБЕРГ

579849

1-6-4
47-66

1750

ПРЕДИСЛОВИЕ

У истоков всех прогрессивных свершений XX в. стоит Великий Октябрь. Победа социалистической революции в нашей стране и создание первого социалистического государства означали глубочайший переворот в истории человечества и стали решающим фактором в борьбе за мир во всем мире, за освобождение народов от социального и национального гнета, в борьбе порабощенных народов против империализма.

Великая Октябрьская революция создала Советское государство — оплот мира и прогресса всего человечества, привела к победе социализма в нашей стране. Победа Советского Союза во второй мировой войне, поражение германского и итальянского фашизма и японского милитаризма ослабили общий фронт империализма. Во многих европейских и азиатских странах победили социалистические революции, что привело к образованию мировой социалистической системы. Вот почему история Октябрьской революции является бессмертной и неисчерпаемой темой исследований.

В публикуемом сборнике на обширном документальном материале разработан ряд проблем, связанных с историей социалистической революции и героической защиты ее завоеваний: раскрывается картина бессмертного подвига рабочих и крестьян в борьбе за власть Советов, показывается роль В. И. Ленина, Коммунистической партии и народных масс в революции. В ряде статей детально освещается история возникновения и деятельности Советов, солдатских комитетов, фабзавкомов и профсоюзов: показано, как солдаты в борьбе за мир практически осуществляли на фронте призывы партии и Советского правительства к заключению немедленного перемирия и приостановке военных действий на фронте. Исследуются важнейшие вопросы аграрной политики Советского государства, в частности история подготовки

и реализации Декрета о земле. Несколько статей хронологически выходят за рамки темы сборника, но они связаны с ней постановкой вопроса о миролюбивой внешней политике Советского государства, вытекающей из самой его сущности, как государства нового типа, а также вопроса о пролетарском интернационализме.

Авторы публикуемого сборника — ученики и коллеги академика И. И. Минца — посвящают свои исследования 70-летию со дня рождения и 50-летию его научной, общественной и педагогической деятельности.

* * *

Исаак Израилевич Минц — видный советский ученый, историк, педагог, общественный и политический деятель, действительный член Академии наук СССР. Он родился 3 февраля 1896 г. в селе Кринички Днепропетровской области в семье служащего. Самостоятельную трудовую деятельность начал с 14-летнего возраста. Вступив юношей в революционное движение, И. И. Минц в апреле 1917 г. стал членом великой ленинской партии. В декабре 1917 г. молодой коммунист стал бойцом Красной гвардии, а затем добровольно вступил в боевые ряды формирующейся Красной Армии. В грозную годину для Советской республики, когда контрреволюция начала кровавую и жестокую гражданскую войну против трудового народа России, И. И. Минц сражался на фронте. Начав военную службу рядовым красноармейцем, И. И. Минц быстро зарекомендовал себя смелым революционным воином и политработником. Партия по достоинству оценила его организаторский талант и выдвинула на ответственную работу военного комиссара в войсках Красной Армии. В 1919 г. И. И. Минц был назначен на пост военного комиссара 2-й Украинской повстанческой дивизии и вскоре стал военным комиссаром крупных кавалерийских соединений Красной Армии. В 1920 г. И. И. Минц — комиссар одного из героических соединений Красной Армии — 1-го конного корпуса червонного казачества, которым командовал легендарный герой гражданской войны В. М. Примаков.

Верный воинскому долгу и беспредельно преданный социалистической революции, И. И. Минц не знал усталости и страха в боях с врагами Советской власти. Будучи военным комиссаром, он по требованию боевой обстановки брал на себя функции коман-

И. П. МИНЦ

дира, показывая советским воинам пример отваги и доблести. Послужной список военного комиссара И. И. Минца отмечен многими примерами личного мужества.

В острой политической борьбе против врагов Советской власти — кадетов, эсеров, меньшевиков, националистов всех мастей — формировалось марксистское мировоззрение И. И. Минца, развивался его талант организатора и оратора.

По окончании гражданской войны И. И. Минц остался на военной работе; в 1923 г. он был назначен на пост военного комиссара Академии военно-воздушного флота РККА.

В годы гражданской войны молодой коммунист И. И. Минц самоотверженно сражался в рядах народа, творившего историю, и уже тогда им овладело желание писать ее. С 1923 г. он стал слушателем исторического отделения Института красной профессуры, куда приходил еще в форме командира военно-воздушного флота. В 1926 г., после окончания Института красной профессуры, И. И. Минц был демобилизован и назначен заместителем директора этого института, руководителем его исторического отделения. С того же года в течение пяти лет он состоял председателем кафедры ленинизма и преподавателем на международных ленинских курсах. В 1931 г. И. И. Минц был назначен секретарем Главной редакции «Истории гражданской войны».

Ни на один год не прекращалась и преподавательская деятельность И. И. Минца. В течение ряда лет он руководил кафедрой истории СССР в Высшей партийной школе при ЦК КПСС, в МИФЛИ, МГУ; был профессором Академии общественных наук. С 1950 г. и по настоящее время И. И. Минц заведует кафедрой Государственного Московского педагогического института им. В. И. Ленина.

В 1936 г. Президиум Коммунистической Академии присвоил И. И. Минцу ученую степень доктора исторических наук. В 1939 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, а в 1946 г. стал ее действительным членом.

Академик И. И. Минц дважды удостаивался почетной награды — Государственной премии СССР; награжден орденом Отечественной войны I степени и двумя орденами Трудового Красного Знамени.

70-летие со дня рождения И. И. Минца совпадает с 50-летием его общественно-политической и научной деятельности. Он при-

надлежит к первому поколению историков-марксистов, боровшихся за усвоение ленинских взглядов историками, за создание советской исторической науки. Многосторонний ученый, крупный специалист по истории КПСС, советского общества и международных отношений, он широко известен не только в СССР, но и за рубежом.

Первые научные труды И. И. Минца появились в 20-х годах. К настоящему времени опубликовано более 200 его работ. Первое место среди них занимают книги, статьи, публикации по истории Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в СССР. И. И. Минц — неутомимый и страстный исследователь истории первой мировой войны, Февральской буржуазно-демократической революции, а также многих вопросов истории КПСС, истории дипломатии, Великой Отечественной войны и социалистического строительства в СССР. Он был организатором и научным руководителем капитальных коллективных трудов, среди которых первое место принадлежит «Истории гражданской войны в СССР». В трудах академика И. И. Минца впервые поставлен и разрешен целый комплекс проблем истории революции и гражданской войны, вовлечен в научный оборот огромный документальный материал. Им впервые на основе ленинской концепции разработан вопрос о расстановке сил революции и контрреволюции накануне Октября, изучены важнейшие проблемы возникновения и развития Советов, октябрьских вооруженных восстаний в Петрограде, Москве и ряде крупных промышленных центров, подвергнуты глубокому анализу процесс установления Советской власти по всей стране и различные формы этого процесса. В монографии «Английская интервенция и северная контрреволюция», в главах и разделах «Истории гражданской войны» (т. I—II), в десятках его научных статей исследованы вопросы о причинах интервенции, об основных направлениях военных и политических действий интервентов, о роли меньшевиков, эсеров и других антисоветских партий и организаций в интервенции.

Вторая большая область научных интересов И. И. Минца — история советской внешней политики. Кроме значительного числа исследовательских и популярных работ, им написаны многие главы «Истории дипломатии» (1-е и 2-е издания). Он является одним из первых авторов, подготовивших научные труды по

истории Великой Отечественной войны. Написанные по горячим следам исторических событий, они были переведены на многие языки как в союзных республиках, так и за рубежом.

Академик И. И. Минц написал много работ на историко-партийные темы, а также ряд глав «Истории КПСС». В настоящее время он деятельно участвует в подготовке шеститомного труда по истории КПСС, являясь одним из его авторов и членом Главной редакции.

Исследование проблем истории советского общества И. И. Минцем всегда сопровождалось формулированием оригинальных выводов и обобщений, труды юбиляра — это ценная и неотъемлемая часть советской исторической науки.

Ведя большую исследовательскую работу, И. И. Минц проявляет постоянную заботу о молодых ученых и уделяет много внимания своим ученикам. Он подготовил около 200 докторов и кандидатов исторических наук. Особо следует подчеркнуть его участие в подготовке кадров историков национальных республик. Нет такой республики в нашей стране, в которой не работали бы его докторанты и аспиранты, где бы он не выступал: на научных конференциях, коллоквиумах, сессиях, в университетах и партийных школах. Со дня создания Научного совета Академии наук СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» И. И. Минц является бессменным его председателем. Под его руководством создан научно-координационный центр, который руководит исследовательской работой по одной из ведущих проблем истории в масштабе всей страны и устанавливает контакты с учеными социалистических стран. Результаты исследований, проводимых под руководством Научного Совета, опубликованы в нескольких томах, из которых необходимо отметить следующие: «Рабочий класс и рабочее движение в России в 1917 г.» (М., 1964), «Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде» (М., 1964), «Зарубежная литература об Октябрьской революции» (М., 1960).

Помощь и заботу И. И. Минца чувствуют не только будущие исследователи — студенты, которым он читает свои блестящие лекции, но и самые юные граждане нашей страны — школьники; для них И. И. Минц написал учебник по истории СССР. Этот учебник за короткий срок выдержал несколько изданий.

Труды академика И. И. Минца известны не только научным работникам, рабочим и колхозникам нашей страны, но и тысячам

граждан зарубежных государств. Его книга о Красной Армии переведена на английский, французский, немецкий, испанский, китайский языки, ряд работ по истории Великой Октябрьской социалистической революции переиздан в западноевропейских странах; «История дипломатии», «История гражданской войны» неоднократно переводились в ряде государств; учебник по истории СССР издан в Венгрии, Польше, Японии. Многие зарубежные историки знакомы с И. И. Минцем не только по его трудам, но и по его лекциям и докладам; только за последние восемь лет ученый трижды побывал в Чехословакии, участвовал в работе Стокгольмского и Венского международных конгрессов историков, читал лекции в Корейской Народно-Демократической Республике, дважды представлял советскую историческую науку в США, выступал перед преподавателями и студентами многих американских университетов.

Научную и преподавательскую работу И. И. Минц всегда сочетает с активной партийно-политической деятельностью. Он является одним из руководителей массовой общественной организации — общества «Знание», активным лектором и пропагандистом. Присущие ему скромность, самокритичность, требовательность он прививает своим многочисленным ученикам. Окружающие его товарищи по работе привыкли видеть маститого ученого всегда доброжелательным, отзывчивым, щедро делящимся своими знаниями, мыслями и опытом.

Юбиляр в расцвете творческих сил. К 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции он завершает свой многолетний капитальный трехтомный труд по истории Великой Октябрьской социалистической революции. Позади 70 лет большой яркой жизни коммуниста — солдата революции и ученого. Впереди — новые поиски и исследования, подготовка новых специалистов отечественной истории.

СОВЕТСКАЯ НАУКА И ИЗУЧЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ РОССИИ в 1917—1920 гг.

★

Е. Н. ГОРОДЕЦКИЙ

Сияющей красавицей называли русские ученые дореволюционную Россию с ее неразведанными и неиспользованными естественными богатствами. «Посмотрите на карту РСФСР,— говорил В. И. Ленин.— К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость» [1].

Иностранные капиталисты тормозили изучение производительных сил страны. Они хищнически добывали сырье в России с тем, чтобы потом в переработанном виде, по высокой цене продать продукцию из русского сырья на русском же рынке. Русская буржуазия и самодержавие не противодействовали хищнической политике иностранных монополий в России.

В ходе первой мировой войны неумолимая борьба великих империалистических держав поставила задачу мобилизации всех ресурсов, естественных производительных сил на нужды обороны.

В непосредственной близости от Петрограда находился совершенно неисследованный богатейший край — Кольский полуостров. В годы первой мировой войны здесь была построена Мурманская железная дорога. Однако постройка дороги рассматривалась русскими капиталистами только как средство бесперебойного получения от союзников военного снаряжения. Ни русская буржуазия, ни царизм не имели в виду строительство дороги как

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 228.

средства для освоения богатств Севера. Даже и после постройки дороги промышленность Петрограда потребляла только 5% местного сырья, а в остальном базировалась на ввозе сырья из других районов страны и из-за границы. Впрочем, Мурманская железная дорога к 1917 г. была закончена только на 30%, а строительство Мурманского порта находилось в зачаточном состоянии.

В 1915 г. при Академии наук была создана Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). И тут сразу же выявились как слабость в организации научной работы в стране, так и тормозящее влияние общественного строя России в реализации великих достижений русской науки.

«Когда наша Академия наук подняла впервые вопрос об естественных производительных силах и их изучении..., понимания и проникновения экономической мысли в работу натуралистов еще не было,— пишет А. Е. Ферсман.— Я помню как непосредственный участник этого большого общественного течения, как неясны и запутаны были первые шаги в этом направлении, с каким непониманием вокруг и ошибками внутри была связана работа первого в нашей стране учреждения, поднявшего эти вопросы...» [2]

А. Е. Ферсман в этой же статье отмечает, что само понятие производительных сил для многих было неясным. Некоторым же сторонникам «чистой науки» идея создания КЕПС казалась «ошибкой военного переходного времени» [3].

Сотни честных исследователей и до 1917 г. трудились над раскрытием кладовой естественных богатств России. М. И. Боголепов в 1919 г. подчеркнул огромную роль краеведческой литературы, в которой давалось описание богатств окраин России. «Нам приходилось закапываться и погружаться в литературу о Сибири, о Европейском Севере, о Туркестане и удивляться не только разбору накопленных сведений, но и тому особому романтическому чувству, которым овеяна эта краевая литература, той любви к исследуемому краю, которая дышит от множества, если не от большинства, книг и статей» [4]. Автор называл эту литературу «поэтической экономией». Но, давая высокую оценку труду многих русских ученых, изучавших производительные силы России, М. И. Боголепов все же отмечал: «Прикидывая полученный результат к размерам русских естественных богатств и к объему назревших потребностей, мы должны сказать, что сделана меньшая, может быть, ничтожная доля работы, необходимой во имя самых существенных интересов хозяйствующей нации» [5].

Даже буржуазные экономисты понимали, что изучение производительных сил находится в прямой зависимости от степени их использования. Рагозин в 1895 г. подсчитал, что для настоящего

---

[2] «Наука и техника СССР», т. II. М., 1928, стр. 453.
[3] Там же, стр. 454.
[4] «Отчет Российской Академии наук за 1919 г.». Пг., 1920, стр. 271.
[5] Там же.

размаха в разработке недр земли России потребуется несколько столетий..., если не совершится чуда.

В буржуазной печати периода первой мировой войны была поднята кампания за широкое изучение производительных сил России, за использование ее богатств. Под прикрытием этой кампании проводилось хищническое уничтожение производительных сил страны. Журнал «Производительные силы России» отмечал, что одна только ухтинская нефть могла бы обслуживать всю промышленность Урала. Но на Ухте можно было видеть только множество заявочных столбов, за исключением Варваринского промысла, нефть в этом районе нигде не добывалась [6].

Подчиненные одному принципу, движимые одной целью — получением максимальной прибыли, господствующие классы страны стали на путь разрушения производительных сил в промышленности и сельском хозяйстве, довели до полного развала транспорт, стали бесстыдно распродавать национальные богатства России. Во всей этой спекулятивной вакханалии они заставляли ученых играть роль приказчиков при монополиях. Знаменитый русский исследователь И. М. Губкин писал: «В Баку... с его богатейшими нефтяными месторождениями геолог часто должен был *открывать* нефть, чтобы ее тем самым и *закрыть*... Обгоняя друг друга, нефтепромышленники брали с торгов новые и новые участки, чтобы *не ставить* на них промышленной эксплуатации новых месторождений нефти, которая привела бы лишь к снижению рыночных цен... На взятых с торгов участках ставили столбы, и это называлось столбопромышленностью» [7]. Заявочными столбами были покрыты весь Кавказ, прибрежная часть Черного и Каспийского морей. Спекуляция нефтеносными землями велась с широким размахом.

«...После невинной установки столбов начиналась безудержная спекуляция нефтью, которую никто не собирался добывать,— отмечал Губкин.— Геологи, в том числе и ученые авторитеты, вынуждены были играть постыдную роль приказчиков при спекулянтах» [8].

Некоторые экспедиции, организованные крупными финансистами, давали заведомо неверные сведения о богатствах отдельных районов Севера. Так, Камчатская экспедиция Ф. П. Рябушинского (1908—1909 гг.) дала безоговорочно отрицательный отзыв об ископаемых богатствах Камчатки: «Кроме серы в кратерах некоторых вулканов и небольших признаков медных руд, известных еще со времен Крашенинникова, нами никаких горных богатств не найдено. Все, что приходится видеть и слышать по этому поводу относительно других частей страны во время двух с половиной годичного там пребывания, никаких надежд тоже не дает.

---

[6] «Производительные силы России», 1917, № 15, стр. 17.
[7] «Сын народа». Ростов-на-Дону, 1938, стр. 15, 16.
[8] Там же.

Даже обыкновенных строительных материалов — известняка и глины — на Камчатке почти нет»,— писал руководитель экспедиции С. А. Конради[9]. Такое заключение было сделано вопреки давно известным данным о роли третичных отложений в строении Камчатки, связанных обычно с месторождениями угля и нефти. Послереволюционные исследования показали антинаучность выводов экспедиции Рябушинского. Установление многочисленных месторождений полезных ископаемых, наличие в крае грандиозных запасов энергоресурсов (угля, торфа, нефти) и строительных материалов (известняка, глины, камня) заставляет думать, что экспедиция Рябушинского *не хотела* видеть этих богатств. Это обстоятельство было отмечено еще летом 1917 г. в решении I Камчатского областного съезда. «Политика старого правительства в этом направлении ничего не дала и лишь убивала проявление инициативы и энергии лиц, стремившихся к раскрытию горных богатств и к их правильному и полному общественному использованию»,— говорится в этом документе[10].

Результаты научных исследований авторитетных геологов использовались крупными фирмами как средство разжигания ажиотажа, взвинчивания цен и получения огромных прибылей при полном запустении на нефтеносных участках. Еще накануне первой мировой войны Губкин разработал теорию рукавообразных залежей нефти в Майкопе. Однако нефтяные монополии считали добычу майкопской нефти невыгодным делом и вплоть до Октябрьской революции искусственно тормозили развитие этого района.

Научные учреждения России не имели самых необходимых сведений о запасах и месторождениях сырья и топлива в стране. «По самым элементарным видам сырья у нас не было справочников или сводок»,— отмечал Ферсман[11]. Такие металлы, как свинец, цинк, алюминий, молибден, никель, кобальт, олово, ввозились из-за границы, несмотря на наличие природных запасов в России. Около 80% предприятий цветной металлургии находилось в руках иностранных капиталистов, главным образом английских, всячески препятствовавших разработке естественных богатств страны.

В 1915—1916 гг. Военное министерство царского правительства тщетно пыталось получить в научно-технических кругах сведения, где можно добывать соединения бария и существует ли где-нибудь в России тальк. «По своеобразной иронии судьбы,— писал 10 лет спустя Ферсман,— на меня тогда легла обязанность составить ответ на эти вопросы, и я сейчас еще вспоминаю, какую

---

[9] С. А. Конради. Краткий производственный отчет о работах партии геологического отдела Камчатской экспедиции Ф. П. Рябушинского. 1908—1909 гг. СПб., 1911.

[10] М. А. Сергеев. Народное хозяйство Камчатского края. М.—Л., 1936, стр. 96.

[11] «Наука и техника СССР», т. II, стр. 460.

это представило трудность и, откровенно говоря, сколько невольных ошибок я внес в этот ответ — и это в стране с богатейшими месторождениями барита (уже тогда добывавшегося) и на Онежском озере, под боком у Ленинграда, и на Кавказе, и на Урале, в Туркестане, Алтае и с замечательными по богатству и чистоте уральскими тальками!» [12]

И в таком затруднении находился крупнейший специалист, признанный знаток минеральных богатств России!

В стране огромных нефтяных богатств, в стране, которая могла гордиться великими достижениями геологической науки, капиталисты и помещики, правительственные органы не отпускали средств на создание геологических карт нефтяных месторождений. До Октябрьской революции не было создано даже геологической карты Апшеронского полуострова, не говоря уже о других, менее известных тогда месторождениях. Губкин отмечает, что до революции нельзя было даже приблизительно говорить, какими запасами располагает старая Россия. «Не будет ошибкой,— писал он,— если я скажу, что в дореволюционное время мы ничего не знали о богатствах нашей нефтяной жемчужины, какой является Бакинский район, разработка коего велась не на научной основе, а ощупью, по старой поговорке „как бог положит на душу“. В результате такой „системы“ разработки богатейшие пласты верхнего отдела продуктивной толщи оказались затопленными водою и грозили затопить еще невыработанные свежие нефтяные пласты. Таким образом, месторождения вследствие варварского отношения к ним со стороны капиталистов оказались по крайней мере наполовину загубленными» [13].

Буржуазные экономисты не уставали кричать о препятствиях на пути развития производительных сил России. Они имели в виду прежде всего систему формальных ограничений в деле создания акционерных компаний. О подлинных преградах на пути развития производительных сил, лежащих в характере общественного строя России, не было, конечно, и упоминания в откровениях буржуазных экономистов вроде Озерова, Туган-Барановского и др. Рецепты подъема производительных сил России, предлагаемые этими экономистами, не выходили за рамки подражания капиталистической Америке. При этом они не касались вопроса о необходимости изменения социального строя страны. Озеров предлагал создать специальную комиссию и направить ее в США для изучения условий воспитания человека «с большей энергией и инициативой», для копирования методов работы американской школы, печати, распространения общественного мнения и даже... американской семьи! [14]

---

[12] Там же.

[13] И. М. Губкин. Достижения геологоразведочных работ за 15 лет. Л., 1933, стр. 34.

[14] «Производительные силы России», 1917, № 4, стр. 3.

Подлинные ученые, честные труженики науки самой жизнью подводились к пониманию причин отсталости экономики России и тормозящего влияния устаревших общественных отношений на развитие производительных сил России. Это понимание было стихийным и непоследовательным, буржуазные экономисты всячески его затемняли и запутывали. Известный русский ученый-металлург Н. Беляев незадолго до Октябрьской революции отметил тормозящее влияние социального строя России на развитие русской техники: «В *системе* (курсив наш.— *Е. Г.*) ведения современными металлургическими заводами технического дела и хозяйства большое значение сыграла, конечно, атмосфера работы, которая вела не к объединению, а к разрозненности технических сил. Она насадила рутину и эмпирику..., задерживала прогресс, отвергая значение науки и научных методов работы в практических производствах, систематически губила самосознание и понижала работоспособность наших технических сил» [15].

В этой же статье Беляев выдвинул идею организации такого производства, в котором был бы устранен хаотический беспорядок, которое велось бы экономично, было бы большой лабораторией, объединено с другими производствами общими задачами, строилось на основе науки. В высказываниях Беляева нет ясного и точного ответа на вопрос об общественных условиях создания таких предприятий, о препятствиях, стоящих на пути развития производительных сил в России. Но Беляев близко подошел к ответу на этот вопрос, который окончательно стал для него ясным после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Он взялся за реализацию своих идей только в советских условиях, в задуманном и организованном им предприятии «Электросталь». Но преждевременная смерть помешала ему полностью реализовать свои замыслы.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции Советское правительство в соответствии с ленинской программой, данной им в «Очередных задачах Советской власти», широко развернуло изучение естественных производительных сил страны.

«Подъем производительности труда,— писал В. И. Ленин,— требует, прежде всего, обеспечения материальной основы крупной индустрии: развития производства топлива, железа, машиностроения, химической промышленности» [16]. В. И. Ленин указал на гигантские богатства руды на Урале, топлива в Западной Сибири (каменный уголь), на Кавказе и Юго-Востоке (нефть), в центре (торф), богатства лесов, водных сил, сырья для химической промышленности (Карабугаз) и т. д. «Разработка этих естественных богатств приемами новейшей техники,— писал он,— даст

---

[15] «Производительные силы России», 1917, № 9-10, стр. 29.

[16] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 188.

основу невиданного прогресса производительных сил»[17]. Конкретным заданием ученым в деле изучения естественных богатств России был ленинский план научно-технических работ.

В отличие от дореволюционного времени коренным образом меняются как направление и содержание этого изучения, так и принципы научной организации. Речь идет уже не о случайном изучении естественных богатств России по отдельным заданиям правительственных органов или монополистических организаций предпринимателей. Впервые в истории человечества изучение естественных производительных сил ставится на основе широко задуманного научного плана. Это изучение подчиняется ясно поставленной цели — социалистическому переустройству общества, завоеванию экономической независимости Советской России. Далеко не все ученые и специалисты, работавшие в эти годы в области изучения естественных богатств страны, принимали эти целевые установки, не все понимали великий смысл происходивших в стране революционных событий. Некоторые буржуазные ученые, тесно связанные с кадетской партией и другими политическими организациями русской буржуазии, расценили обращение советских правительственных органов к научным организациям как признак слабости новой власти. Они согласились сотрудничать с советскими органами, видя в этом сотрудничестве возможность повлиять на характер экономического и политического развития страны. Однако большинство ученых вскоре правильно поняло, что при новом государственном строе наука впервые получает возможность гигантского развития в интересах народа.

Новое направление в научной работе потребовало и новых форм организации. Если КЕПС по-прежнему была важнейшим центром по изучению естественных производительных сил, то после победы революции она уже не могла быть единственным таким центром. Наряду с КЕПС возникли и развивались научные институты и организации при Высшем совете народного хозяйства, народных комиссариатах, при местных советских организациях.

Сама КЕПС изменила свою структуру, направление и организацию работы. Крупнейшие ученые страны, работавшие в КЕПС,— Н. С. Курнаков, П. П. Лазарев, А. Е. Ферсман, А. П. Карпинский, В. И. Вернадский, А. Н. Крылов — стремились придать работе комиссии общегосударственный характер. «К концу отчетного года,— констатирует отчет КЕПС за 1918 г.,— уже явственно вырисовываются те отдельные жизненные и государственно необходимые начинания, которые в ближайшем будущем должны выйти за ее (комиссии) пределы и приобрести тот госу-

[17] Там же.

дарственный масштаб, которого они были неизбежно чужды, оставаясь в недрах самой Комиссии» [18].

В 1918 г. при КЕПС был организован ряд новых научных институтов (в том числе Платиновый и Физико-химический), сооружен завод по извлечению радия, выполнены крупные работы для керамической промышленности, положено начало почвенному обследованию страны. «Сообразно с этими расширявшимися задачами,— отмечает отчет КЕПС,— Комиссия получила и новую конструкцию, разбившись на самостоятельные отделы, а отпуск в более широком масштабе кредитов позволил более систематически поставить ряд экспериментальных работ» [19].

В 1918 г. КЕПС получила возможность организовать свои местные отделы. Крупнейшим центром была Московская комиссия по изучению естественных производительных сил. Местные отделы КЕПС были созданы в Перми и Казани. Во главе Московского отделения КЕПС стоял П. П. Лазарев. В совет отделения входили крупные ученые — А. П. Павлов, Д. П. Прянишников, Д. П. Анучин и др. Однако в 1918 г. здесь все еще продолжала действовать кадетская профессура (А. Астров, В. Железнов, П. Вальден), которая под видом экономического изучения России пыталась обосновать необходимость реставрации капитализма и «реорганизации» хозяйства по типу германского или американского капитализма. Брестский мир воспринимался этими учеными как капитуляция перед империализмом, а Россия рисовалась ими как придаток к крупным капиталистическим державам.

В Московском отделении КЕПС были поставлены работы по рентгенологии, фотохимии, радиотехнике под руководством П. П. Лазарева. В 1918 г. здесь было организовано производство аппаратов для изучения ультрафиолетовых и инфракрасных лучей [20]. Исследования в институтах КЕПС постепенно становились частью общегосударственного плана. Так, в мае 1918 г. отдел электротехнической промышленности ВСНХ обратился в КЕПС с указанием списка тем, заслуживающих самого серьезного внимания для исследования и изучения в связи с нуждами народного хозяйства. Совет Института физико-химического анализа признал эти темы вполне своевременными и решил взять на себя научную разработку вопросов легких сплавов алюминия и магния, «которые имеют применение в автомобильном деле и авиации» [21].

* * *

Важнейшим показателем жизненности и могущества победившей социалистической революции был процесс создания и роста

---

[18] «Отчет о деятельности КЕПС за 1918 г.» Пг., 1919, стр. 2.
[19] Там же, стр. 2.
[20] Там же, стр. 70.
[21] Там же, стр. 5—6.

новых производительных сил. Самым удивительным и абсолютно непостижимым для буржуазных историков и экономистов было то, что этот процесс происходил в условиях страшной и, казалось, всепоглощающей разрухи. Катастрофическая разруха мешала и многим честным наблюдателям разглядеть те ростки нового, которые неудержимо поднимались среди развалин и торжествовали над смертью, над гибелью старого.

Освобожденные от оков частной собственности, силы нового стали подниматься быстрее, чем восстанавливалась разрушенная войной промышленность. Так поднимался после Октябрьской революции промышленный гигант, представлявший новые производительные силы,— завод «Электросталь», который уже к 1921 г. был полностью электрифицирован. К концу гражданской войны на заводе-лаборатории были исследованы и установлены приемы производства различных сортов высококачественной стали, ввозившейся ранее из-за границы. Особое внимание было уже тогда обращено на производство высокосортной стали для авто- и авиапромышленности, инструментальной и т. п. Но в центре внимания все еще были сорта стали, предназначенные для пил, кос, проволочных канатов [22]. Конечно, масштабы производства на «Электростали» по сравнению с позднейшими периодами были весьма незначительными. За 1918 г. завод выплавил всего 13 тонн годной стали; в 1924 г. он выпустил 572 тонны продукции, в 1930 г.— 9524 тонны, в 1935 г.— 55 561 тонну. Однако огромное значение завода на заре его существования определялось тем, что, «являясь первым заводом по выплавке электростали, он служил научно-практической школой, где выращивались кадры для нового в Советском Союзе производства в заводском масштабе» [23].

Новые производительные силы стали вырастать в области химической промышленности. При отделе химической промышленности ВСНХ в 1918 г. под руководством Л. Я. Карпова была создана Комиссия по организации новых производств. В 1919 г. этот отдел был реорганизован в Технический совет химической промышленности.

В основной химической промышленности был разработан оригинальный способ производства серной кислоты путем окисления сернистого газа азотной кислотой [24].

В эти годы было впервые организовано производство анилиновых красок на четырех химических заводах. Химический институт им. Карпова провел ряд ценных экспериментальных работ, многие из которых тогда же, в период гражданской войны, полу-

[22] «Новые достижения в производстве РСФСР за 1918—1921 гг.» М., 1921, стр. 14.

[23] «Высококачественная сталь», 1936, № 7, стр. 16.

[24] «Новые достижения в производстве РСФСР за 1918—1921 гг.», стр. 20.

чили практическое осуществление (например, очистка сернокислого глинозема от железа) [25].

Осуществление ряда новых заданий по химической промышленности и производство новых опытов было поставлено в 1920 г. на опытном заводе Российского института прикладной химии. «Смонтировано и установлено в заводском масштабе ряд производств — металлического натрия, магния, алюминия из русских бокситов, радия из ферганских руд и платины из черных шлихов,— отмечается в образе ВСНХ [26]. На заводе была поставлена также сухая перегонка торфа и сапропеля. К этому же времени относятся опыты по получению синтетического каучука.

Ущерб, нанесенный во время войны главной производительной силе,— резкая убыль живой рабочей силы — ускорил постановку вопроса о механизации производства в широком масштабе. «Нужно всюду больше вводить машин, переходить к применению машинной техники возможно шире»,— говорил В. И. Ленин в 1920 г. на VIII съезде Советов [27]. Такая постановка вопроса вытекала из социалистического характера производственных отношений.

В этом направлении после Октябрьской революции резко проявилась противоположность постановки и решения проблем техники в дореволюционной и Советской России. «Крохоборческие замыслы деятелей промышленности, связанных тесными пределами внутреннего рынка и неспособных поставить перед собой, даже как отдаленную мечту, задачу достижения превосходства над передовыми западноевропейскими странами и Америкой, и, что самое главное, наличие громадной резервной армии труда, позволяющее пользоваться чрезвычайно дешевой рабочей силой и не делать капиталовложений в механизацию трудовых процессов и модернизацию оборудования,— все это создавало в старой России атмосферу технического застоя и бесперспективности»,— отмечал академик И. П. Бардин [28]. Он же констатировал, что русскому инженеру трудно было заниматься техническим творчеством, «так как для этого не было стимулов, соответствующих интересам предпринимателей» [29].

Именно в это время возник вопрос о необходимости разработки таких источников сырья, которые создадут основу для независимости русской промышленности от иностранного капитала. Вопрос, поставленный В. И. Лениным еще в работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», разработанный им затем в «Наброске плана научно-технических работ» и «Очередных задачах Советской власти», начал получать свое разрешение уже в

---

[25] «Новые достижения в производстве РСФСР за 1918—1921 гг.», стр. 21.
[26] Там же, стр. 22.
[27] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 153.
[28] «Вестник Академии наук СССР», 1943, № 1-2, стр. 23.
[29] Там же.

первые годы Советской власти. Вот как свидетельствуют об этом процессе документы ВСНХ: «Отсутствие тех или иных материалов отечественного производства, ставившее промышленность в зависимость от иностранного рынка, заставляло обратиться к поискам внутри страны таких материалов, которые могли бы заменить предметы иностранного ввоза и таким путем освободить нас от иностранной зависимости. Во всех этих направлениях работала коллективная творческая мысль, и если в настоящее время мы видим нашу промышленность не только не окончательно захиревшей, но, напротив, начинающей уже возрождаться, то этим оздоровлением она обязана всем достижениям коллективного творчества» [30]. Таким образом, оказывается, экономическая блокада, предпринятая капиталистическими государствами против Советской России, принесшая голод и нищету для многих миллионов людей в России, в конечном счете обернулась против империалистических хищников. Блокада заставила советскую промышленность усиленно и ускоренно искать внутри страны источники сырья, ранее получаемого из-за границы. Новые производственные отношения, возникшие после Октябрьской революции, создали возможность реализации этой потребности. Это сказалось прежде всего в тенденции к росту новых орудий и средств производства. Наиболее революционный элемент производительных сил стал быстро изменяться в условиях ломки старых общественных отношений. Этот процесс заслоняла и затемняла *господствовавшая* в стране разруха. Но если мы хотим проникнуть в глубь явлений, а не скользить по поверхности, то нужно обратить особое внимание на эти, тогда еще слабые ростки нового.

В это время было налажено производство ручных перфораторов оригинальной, крайне простой системы. Проект специальных приспособлений для ремонта паровозов позволил резко ускорить темпы ремонта. Ижорский завод создал для этой цели специальные станки и новые технологические приемы производства [31]. На Московском инструментальном заводе было налажено массовое производство новых инструментов для металлургической и металлической промышленности. На Златоустовском заводе (Урал) и «Электростали» были пущены в ход электроплавильные печи для выплавки высоких сортов инструментальной стали. На Шайтанском заводе (Урал) было пущено в ход новое производство сварных и цельнотянутых труб. Особенно крупные достижения были в области электромашиностроения. Здесь были заложены основы для совершенно новых производств. Таким новым производством было создание машин высокой частоты системы инженера В. П. Вологдина. Производство этих машин было поставлено в Петрограде и Нижнем Новгороде еще в 1920 г. Как известно,

[30] «Новые достижения в производстве РСФСР за 1918—1921 гг.», стр. 3.
[31] Там же, стр. 13.

этим вопросом занимался лично В. И. Ленин. Производство катодных ламп было поставлено в Москве еще в 1918—1920 гг. Тогда же стали производиться высоковольтные трансформаторы для Каширской и Шатурской ГЭС, сигнальные лампы, высоковольтные изоляторы, электрические хлебопекарные печи.

Особый интерес представляет изобретение и применение в то время гидравлического способа добычи торфа. Изобретение русским инженером Р. Э. Классоном торфососа за несколько лет до революции не привело к каким-нибудь изменениям в добыче и производстве торфа. Капиталистический способ производства, особенно в этой области, где применялась дешевая рабочая сила «сезонников», не давал возможности выявить огромные преимущества гидравлического метода добычи торфа. Попытки применить русское изобретение в Германии и Дании также не привели к успеху и закончились крахом. Только после победы Октября «Гидроторф» технически усовершенствовался и получил широкое применение. В декабре 1920 г. В. И. Ленин на VIII съезде Советов отмечал: «...в области топлива мы имеем один из крупнейших успехов в виде гидравлического способа добывания торфа... Добывание торфа гидравлическим способом, которое так успешно двинуто вперед ВСНХ, открывает возможность добывания топлива в огромном количестве...» [32]

В то время были изобретены, запроектированы и частью построены и пущены в эксплуатацию железнодорожные платформы, позволяющие поворотом рычага быстро разгружать 1000-пудовые грузы. Это изобретение должно было революционизировать добычу и транспортировку угля, руды, соли и т. п. В 1921 г. уже было заказано 600 таких платформ. В этом же направлении шли разработанные проекты, частью уже находившиеся в производстве, элеваторов для разгрузки леса, конвейерных лент для разгрузки угля и сортировки в вагоны или на склад.

В области транспорта были изобретены новые типы искроуловителей, снегоочистителей, введены усовершенствования в паровозном деле, тяге и сигнализации.

* * *

Уже в годы гражданской войны на основании ленинского плана научно-технических работ как неотъемлемая часть этого плана была выдвинута задача порайонного экономического изучения России. При КЕПС был создан промышленно-географический отдел во главе с М. И. Боголеповым. Отдел готовил серию работ по изучению русского рынка, условий производства и распределения товаров внутри страны и места России в мировом производ-

---

[32] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 152, 153.

стве, разрабатывал вопросы экономического значения и будущего отдельных районов России.

Особое внимание уделялось в то время изучению русского Севера.

Советское правительство по инициативе В. И. Ленина развернуло широкие мероприятия по изучению Севера и развитию его производительных сил. В начале июля 1918 г. по декрету, подписанному В. И. Лениным, была создана первая советская гидрографическая экспедиция в моря Северного Ледовитого океана. Экспедиция развернула гидрографические работы в устьях Оби и Енисея. В 1918 г. велась также подготовка морской транспортной экспедиции для вывоза сибирского хлеба по Оби и Енисею, через Карское море в районы Европейского Севера. Таким образом, Советское правительство во главе с В. И. Лениным с самого начала Октябрьской революции приступило к изучению и освоению Великого Северного морского пути.

Несмотря на то, что развернувшаяся интервенция помешала реализации этих планов, работы по исследованию Севера не прекращались. При КЕПС был создан отдел по изучению Севера, который поставил своей задачей освоение природных богатств Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Пермской, Тобольской, Енисейской губерний и Якутской, Приморской, Камчатской областей. Как видно из этого перечня, под русским Севером понималась обширнейшая территория собственно северных районов Европейской части Российской Федерации, включая северный Урал, районы Сибири и Дальнего Востока [33].

Северные и восточные районы Советской республики (за исключением Дальнего Востока) были освобождены от интервентов и белогвардейцев раньше, чем западные и южные. Естественно, что отрезанная от богатств Украины и Белоруссии, Кавказа и Крыма Советская Россия обратила огромное внимание на районы Севера.

Северный отдел КЕПС провел в 1919 г. сводку всех климатических материалов, имеющихся для Севера Европейской России до 55° северной широты. Работа эта имела целью «составление подробного климатического очерка указанного района с климатологическими картами» [34]. По заданию ВСНХ Северный отдел КЕПС провел ряд климатических и гидрологических работ по исследованию новых водных путей сообщения на Севере и использованию источников водной энергии Севера. «Метеорологический вестник» дает подробную характеристику этих работ:

«Исследование колебаний уровня рек и озер Северного района, определение количества и режима осадков и снежного покрова в связи с колебанием уровня, условия воздействия на погоду

---

[33] «Отчет Российской Академии наук за 1919 г.», стр. 223.

[34] «Метеорологический вестник», 1919, т. 29, № 1-6, стр. 101.

полярных максимумов, условия движения циклонов и возникновения связанных с ними бурь, режим сильных ветров в Северном районе и возможность их влияния на сооружения...»[35] Все эти исследования имели целью оказать помощь строительству и использованию электростанций на берегах Свири и Волхова.

Северный отдел КЕПС предпринял также организацию гидрометрической станции для учета количества воды, приносимой Невой. «Станция эта,— отмечал «Метеорологический вестник»,— будет иметь характер научно-показательный для гидротехников, на которых будут возлагаться гидрометрические исследования наших рек, а равно и для студентов Политехнического института, Института инженеров путей сообщения и других специальных учебных заведений»[36]. Трансбалт и Наркомзем также организовали в то время гидрометеорологические станции на Севере России. Метеорологический отдел сельскохозяйственного ученого комитета Комиссариата земледелия предпринял организацию ряда областных опытных станций[37].

Однако и эти районы были центрами «приложения сил» интервентов. В 1918—1919 гг. англо-американские империалисты оккупировали Мурманск и Архангельск и установили там кровавый режим. Захватив северные районы России, англо-американские империалисты показали, в чем была подлинная сущность их планов. Во второй половине 1918 г. интервенты вывезли только из Архангельского порта около 7 млн. пудов различных грузов, главным образом награбленных продуктов сельского хозяйства, лес, руду. В 1919 г. интервенты вывезли из Архангельска более 4 млн. пудов грузов. Находившийся в Вологде американский посол Френсис разработал детальные планы превращения русского Севера в колонию США. С американскими империалистами соперничали в кровавых злодеяниях на Севере английские колонизаторы. Они готовы были водрузить флаг Британской империи на берегах Ледовитого океана, Онеги, Северной Двины. В 1918 г. в Лондоне появились географические карты, на которых Кольский полуостров был окрашен в цвет английских колоний. Английские монополии разработали свой план колонизации русского Севера и через известного капитана Шекльтона диктовали белогвардейскому «правительству» Чайковского условия скупки лесопильной промышленности, эксплуатации рыбных и пушных богатств, использования водной энергии, захвата портов Севера.

Еще в 1916 г. норвежская фирма «Эд. Ганневиг», под прикрытием которой действовал консорциум из английских и германских банков, пыталась получить концессию на разработку богатств Севера. В 1919 г. группа буржуазных специалистов-лесоводов предложила передать фирме «Эд. Ганневиг» концессию на строитель-

[35] «Метеорологический вестник», 1919, т. 29, № 1-16, стр. 101.
[36] Там же, стр. 102.
[37] Там же.

ство железнодорожного пути. Лесоводы действовали под вывеской «Кооперативного товарищества „Лесное дело“». На страницах своего журнала они подняли шумиху о предстоящем мирном «экономическом» завоевании России, особенно русского Севера. «Прибытие представителей и агентов мирового капитала для „мирного завоевания“ нашего Севера — это, в сущности, факт уже завтрашнего дня, вопрос лишь нескольких месяцев, быть может, и недель»,— писали «кооператоры» в своем журнальчике «Лесное дело» [38]. Автор статьи В. Классен превозносил английских и американских империалистов, которые, дескать, «ограничиваются чисто банковыми операциями» и свободны от «узко национальных планов и тенденций» [39].

Разгром интервентов сорвал планы концессионеров и способствовал интенсивному изучению и разработке природных богатств Севера. Изгнание англо-американских интервентов создало новые условия для развития богатейшего края. В январе 1921 г. один из исследователей Севера М. Е. Жданко, подводя итоги работы за первые годы Советской власти на Севере, писал: «За последние три года наш Север стал неузнаваем: столько сил двинулось туда, столько проявлено стремлений вывести его из спячки, пробудить в нем жизнь, деятельность... И прежде всех само правительство обратило на Север самое серьезное внимание и повело планомерно работу для поднятия Севера не только в центре, но и на местах» [40].

Уже в январе 1918 г. Народный комиссариат по просвещению оказал поддержку Архангельскому обществу по изучению русского Севера. Народный комиссар просвещения А. В. Луначарский для расширения работ по изучению русского Севера установил в то же время связь с председателем Русского географического общества Ю. Шокальским [41].

Органы руководства народным хозяйством в северных губерниях развернули горные разведки в Холмогорском, Шенкурском и Пинежском уездах (руда, уголь), начали исследование Ухтенских нефтяных промыслов. Изучением природных богатств Севера занялись, кроме Академии наук, Геологический комитет, Комиссия по изучению и практическому использованию русского Севера при научно-техническом отделе ВСНХ, Северные экспедиции Наркомзема, Северная научно-промысловая экспедиция ВСНХ (позднее преобразованная в Институт по изучению Севера, а затем во Всесоюзный арктический институт).

По инициативе Академии наук уже в 1918 г. были проведены геологические исследования по берегам Кольского залива, разведка месторождений магнитного железняка.

---

[38] «Лесное дело», 1919, № 3-6, стр. 25.
[39] Там же, стр. 26.
[40] «Наука и ее работники», 1921, № 2, стр. 14.
[41] ЦГАОР СССР, ф. 2306, оп. 31, д. 55, л. 1.

Геологический комитет провел в 1918 г. обследование месторождения меди в районе Мурманской железной дороги. В 1920 г. Геологический комитет совместно со Свирским строительством выполнил работы по изысканию строительных материалов, в результате которых были обнаружены значительные запасы строительного камня, глин, песков, торфа. В 1920 г. возобновились работы по изучению и освоению Северного морского пути (СМП). При Сибирском ревкоме был создан Комитет для изучения и оборудования СМП. В 1920 г. по трассе Северного морского пути из Сибири через Карское море было доставлено в Архангельск 10,6 тыс. тонн грузов.

В 1919 г. при Народном комиссариате торговли и промышленности была создана Комиссия по изучению и практическому использованию русского Севера, перешедшая затем в ведение ВСНХ. Комиссией руководил научно-технический отдел ВСНХ (его Петроградское отделение). Наиболее крупным мероприятием комиссии была Печорская экспедиция. Эта экспедиция провела большую работу по исследованию лесных и рыбных богатств в бассейне р. Вычегды. Экспедиция работала по заданиям Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной Армии.

По инициативе научных работников Печорской экспедиции был поставлен вопрос о необходимости организации компетентного руководящего органа для разработки и осуществления мероприятий по развитию экономической и промысловой жизни Севера. Это предложение получило в феврале 1920 г. поддержку Совещания при Особой продовольственной комиссии Северного фронта. Таким образом, органы снабжения Красной Армии выступили как созидательная и организующая сила в таком важном государственном деле, как изучение и использование богатств Севера. Реввоенсовет 6-й армии обратился к В. И. Ленину с просьбой поддержать предложение о создании руководящего государственного органа по изучению Севера. По поручению В. И. Ленина вопрос этот был рассмотрен в ВСНХ, и в результате в марте 1920 г. была создана Северная научно-промысловая экспедиция при научно-техническом отделе ВСНХ.

Во главе Северной научно-промысловой экспедиции были поставлены крупнейшие ученые и общественные деятели страны. В состав Ученого совета, находившегося в Петрограде, входили академики В. А. Карпинский, А. Е. Ферсман, профессора Ю. М. Шокальский, Н. М. Книпович, К. М. Дерюгин и др. В Москве было создано Ученое совещание как научный орган экспедиции [42].

В чрезвычайно трудных условиях, часто при отсутствии необходимого оборудования, одежды, приспособлений развернулась большая экспедиционная работа. Летом 1920 г. часть экспедицион-

[42] «Советская Арктика», 1941, № 3.

ных отрядов была отправлена на побережье Белого моря, Кольского полуострова, Мурманское побережье, бассейн Печоры.

Северная научно-промысловая экспедиция ВСНХ за 1920 г. исследовала месторождения железной руды в районе Кольского залива, вела геологические работы на Рыбачьем полуострове. В результате работ экспедиции в 1920 г. были открыты гигантские апатито-нефелиновые месторождения в Хибинах, разведан Печорский угольный бассейн и другие горнорудные районы Севера. Эта же экспедиция провела любопытные опыты по устройству огородов и лугов в районе Мурманской железной дороги. «Работы отряда,— пишет М. Жданко,— доказали возможность вызревания овощей (репа, брюква, морковь, лук, картофель) и произрастания луговых трав вплоть до Ледовитого океана» [43]. Северная научно-промысловая экспедиция ВСНХ опубликовала к началу 1922 г. 15 выпусков своих трудов.

Труды, изданные Северной научно-промысловой экспедицией в 1920—1922 гг., свидетельствуют о значительном размахе ее работ, проведенных в сложных условиях гражданской войны. Геологические и ихтиологические изыскания, экономические обследования северных районов, разработка вопросов строительства государственных холодильников и шахтного оборудования на Севере, изучение лесных богатств и лесной промышленности Севера, вопросы оленеводства, проблемы этнографии в полярных областях — таков самый общий перечень работ Северной научно-промысловой экспедиции за первые годы Советской власти.

Как видно из этого перечня, Северная научно-промысловая экспедиция занялась изучением как естественных богатств Севера, так и главной производительной силы этих районов — трудящегося населения. Исследования экспедиции носили новаторский характер. Исследования Хибинского массива горно-геологическим и минералогическим отрядами под руководством А. Е. Ферсмана определили пути дальнейших разведывательных работ в этом важнейшем районе. Работы гидрологов и ихтиологов в районе Баренцова моря дали чрезвычайно важные данные для организации рыбных промыслов и материалы для разработки вопроса об искусственном разведении рыбы. Отряды экспедиции занимались вопросом о рациональной разработке лесных богатств Севера. В этих работах принимали участие Н. М. Книпович, А. Е. Ферсман, В. Г. Богораз, Р. Л. Самойлович и другие виднейшие ученые.

Предложения, разработанные Северной научно-промысловой экспедицией, строились на принципах экономической политики Советской власти. Большой интерес представляет анализ развития холодильного дела в России. Еще до революции применение холодильных складов в Сибири, в местах производства животного масла, использование специальных поездов для перевозки масла

[43] «Наука и ее работники», 1921, № 2, стр. 18.

и холодильных складов в экспортирующих масло портах и обслуживающих их пароходов-рефрижераторов привело к увеличению экспорта масла из Сибири. Однако, как отмечают «Труды» экспедиции, «все начинания в области холодильного дела в России были совершенно случайными и являлись главным образом результатами попыток частного капитала найти для себя выгодное помещение... Главнейшим мотивом, руководившим всеми начинаниями, была, конечно, возможность получить достаточно высокий процент доходности на вложенные в предприятия средства» [44].

Необходимо отметить, что Северная научно-промысловая экспедиция не только дала критическую оценку положения холодильного дела в старой России, но и указала пути и стимулы его развития. Экспедиция указывала, что при этом должны быть учтены «соображения высшего государственного характера об организации планомерного снабжения населения продуктами первой необходимости, о развитии и интенсификации сельского хозяйства, о создании необходимого для страны экспорта, о возможности вывозить из деревни только ее избытки, но не отнимать необходимое, о развитии мелких хозяйств и т. п...» [45]

ВСНХ организовал изыскания для строительства железнодорожной линии в районах Котлас — Сорока и Котлас — Плесецкая. Изыскания проводились в 1919—1920 гг. [46]

В 1920 г. была организована первая советская Карская экспедиция. Едва оправившись от тяжелых потерь, понесенных на Севере в борьбе с интервентами, Северный флот снарядил в арктический поход 15 кораблей. Суда эти были изношены до предела, не хватало топлива, однако отважные моряки не отступали перед трудностями. Уголь помогли добыть водолазы с пароходов, затопленных в 1915 г. немецкими подводными лодками. Со дна Белого моря было поднято более 200 тыс. пудов угля.

В это время навстречу кораблям Карской экспедиции по Оби и Енисею продвигались караваны речных судов с грузами продовольствия и сырья из районов Сибири. Вопрос о доставке хлебных и сырьевых грузов из Сибири был жизненно важным не только для северных районов, но и для всей Советской страны.

«Первая советская Карская экспедиция прошла в обе стороны без аварий и доставила в Архангельск 500 тыс. пудов муки и 100 тыс. пудов других грузов, в том числе ценную пушнину, кожу, конский волос, шерсть, лен для товарообменных операций с заграницей» [47]. Корабли Карской экспедиции доставили также в рай-

[44] «ВСНХ. НТО. Труды Северной научно-промысловой экспедиции», вып. 5; А. А. Орлов. О задачах государственного холодильного строительства». Пг., 1920, стр. 7.

[45] Там же.

[46] «Север», 1924, № 1, стр. 69.

[47] П. Зубов, М. Черненко. Русские люди в Арктике и Антарктике. М., 1951, стр. 90.

оны Сибири сельскохозяйственные машины и промышленные товары. С этого времени Карские экспедиции проводились ежегодно.

В. И. Ленин внимательно следил за ходом организации и за работой Карских экспедиций [48].

Именно в это время была выдвинута идея строительства магистрали Москва — Ухта. Речь шла не только о том, чтобы возместить потерю бакинской нефти за счет разработки и вывоза ухтинской нефти. Соединение Центрального промышленного района с бассейном Печоры имело огромное народнохозяйственное, государственное значение. Это было бы шагом на пути соединения железной дорогой Ледовитого и Тихого океанов, которая связала бы Мурманск с Котласом и Сибирской железной дорогой. Вся магистраль должна была явиться мощным ускорителем развития промышленности и сельского хозяйства Севера. Изыскания, которые были проведены в годы гражданской войны, послужили основой для реализации планов строительства северного железнодорожного пути, осуществленного в позднейшие годы.

Огромная работа по изучению и освоению Севера проводилась под непосредственным руководством и по указанию В. И. Ленина. При его поддержке создавались важнейшие научные центры по изучению Севера. Так было с Северной научно-промысловой экспедицией, о чем говорилось выше; так было и при создании ряда научных учреждений совершенно нового типа.

Весной 1920 г. среди ученых Москвы возникла идея создания Плавучего морского научного института. Институт был задуман как специально оборудованная плавучая лаборатория для всестороннего исследования северных морей, их островов и побережий. «Идея эта сама по себе не нова: это давнишняя мечта русской науки, при наличии колоссальных водных пространств, входящих в состав русского государства»,— писал один из организаторов Плавучего института профессор И. И. Месяцев [49].

В своей записке в СНК об организации Плавучего морского научного института ученые подчеркивали народнохозяйственное и политическое значение его задач и деятельности. «Всестороннее и планомерное изучение Северного моря и его островов в настоящее время, когда Северное море является единственным выходом Республики в мировой океан, является особенно важным и неотложным и имеет не только научное, но экономическое и политическое значение как охрана Севера» [50].

16 марта 1921 г. СНК издал подписанный В. И. Лениным декрет о создании Плавучего морского научного института. Районом деятельности института был определен Северный Ледовитый океан

---

[48] «Ленинский сборник», XX. стр. 262.

[49] И. И. Месяцев. Плавучий морской научный институт и его полярная экспедиция. 1921. М., 1922. стр. 3.

[50] Там же, стр. 4.

с его морями и устьями рек, островами и прилегающими к нему побережьями РСФСР, Европы и Азии.

Первая полярная экспедиция Плавучего морского института была организована в 1921 г. на ледокольном пароходе «Малыгин». На «Малыгине» были оборудованы просторные лаборатории для научных работ по гидрологии, биологии, ихтиологии, метеорологии, гидрографии. Кроме проведения научных изысканий, «Малыгин» должен был произвести ледовую разведку и оказать помощь хлебной экспедиции, которая отправлялась из устьев Оби и Енисея; в случае необходимости взять на себя часть груза. Экспедиция была хорошо оборудована, как отмечает начальник экспедиции Месяцев, «в некоторых отношениях лучше экспедиций мирного времени» (т. е. до революции) [51].

В течение августа — сентября 1921 г. экспедиция провела огромную научную работу; был собран «богатый и разнообразный материал по гидрологии, метеорологии, биологии, гидрографии. Вследствие хорошего оборудования лабораторий специалисты выполнили ряд работ, выходящих из рамок обычных экспедиций» [52].

Так было положено начало реализации ленинского декрета о всестороннем и планомерном изучении Северного Ледовитого океана с прилегающими к нему побережьями Европейской и Азиатской частей Советской Республики.

Все эти начинания научных центров и советских государственных органов послужили исходным материалом для широкого изучения и использования производительных сил в последующие годы мирного социалистического строительства. Но первые шаги в этом направлении, сделанные сразу после победы Октября, сохраняют свой непреходящий интерес и свидетельствуют о великой созидательной силе социалистической революции.

---

[51] И. И. Месяцев. Указ. соч., стр. 5.
[52] Там же, стр. 12.

ПЕТРОГРАДСКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ ВО ВСЕОБЩЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАЧКЕ 25 ФЕВРАЛЯ 1917 г.

И. П. ЛЕЙБЕРОВ

В условиях общенационального политического кризиса в России конца 1916 — начала 1917 г. всеобщая политическая стачка столичного пролетариата была важной составной частью Февральской буржуазно-демократической революции. В тесном переплетении с массовой политической демонстрацией она способствовала подъему народных масс, активному вовлечению их в уличное движение, подведению масс к вооруженному восстанию против царизма.

Всеобщая политическая стачка на этапе буржуазно-демократической революции в России всегда была неразрывно связана с вооруженным восстанием. Она создавала необходимые условия для вооруженного восстания.

Проблема участия петроградского пролетариата в Февральской всеобщей политической стачке 1917 г. изучена в советской историографии крайне недостаточно. По существу эта проблема лишь поставлена, да и то в самой общей форме [1].

В данной статье сделана попытка проследить историю участия петроградского пролетариата в начальном этапе всеобщей политической стачки 25 февраля 1917 г.— стачки, переросшей в вооруженное восстание.

---

[1] И. И. Минц. Об освещении некоторых вопросов истории Великой Октябрьской социалистической революции.— «Вопросы истории КПСС», 1957, № 2; С. В. Шестаков. Большевики во главе рабочего движения России в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.). М., 1961; И. П. Лейберов. О революционных выступлениях петроградского пролетариата в годы первой мировой войны и Февральской революции.— «Вопросы истории», 1964, № 2 и др.

* * *

...Морозная зимняя ночь 24 февраля 1917 г. Кончился второй день бурных революционных событий, разыгравшихся в Петрограде с четверга, 23 февраля. Опустели центральные проспекты и улицы столицы. И только в ночной темноте, в свете тускло горевших уличных фонарей и в свете ярких костров, у правительственных зданий и на перекрестках виднелись ощетинившиеся штыками хмурые фигуры военно-полицейских патрулей. Изредка слышалось цоканье конских подков казачьих разъездов.

Здесь всего лишь несколько часов назад бурлили волны революционных демонстраций. Стихийно зародившееся на Выборгской стороне массовое революционное движение быстро охватило Нарвский, Петроградский, Василеостровский, Московский и Невский районы. Если 23 февраля в разрозненных политических стачках и экономических выступлениях участвовало 128 388 рабочих 49 крупных заводов и фабрик (32,6% общего числа рабочих столицы), то на следующий день в общегородской политической стачке уже участвовало 214 111 рабочих 224 предприятий (57% общего числа рабочих города) [2].

Далеко не вся масса учтенных рабочих приняла сразу же активное участие в политических выступлениях против царизма. Не менее 20—25% рабочих приняло участие 23—24 февраля в стихийных волнениях, вызванных острой нехваткой хлеба и других продуктов питания. Но не стихийные выступления голодных рабочих определили массовый и острый характер борьбы, а массовые политические стачки ударного отряда питерского пролетариата — металлистов. Уже 23 февраля металлисты в общей массе борющихся рабочих Петрограда составляли 89%.

Петроградский пролетариат поднялся на решительную и окончательную схватку со своим ненавистным врагом — царским самодержавием. Еще днем 24 февраля Русское бюро Центрального Комитета партии одобрило предложение исполнительной комиссии Петербургского комитета РСДРП(б) о переводе разрозненных политических стачек и экономических выступлений в трехдневную всеобщую забастовку. Одновременно Бюро ЦК предлагало не ограничивать массового движения только рамками всеобщей стачки, а всемерно расширять и углублять движение, вовлекать в него солдатские массы [3].

Руководящий центр партийной организации большевиков стремился взять революционную инициативу в свои руки и придать движению более наступательный и организованный характер, хотя действия и указания центра в целом отставали от массовых выступлений пролетариата 23—24 февраля. Оценивая революционные события в столице тех дней, начальник Петроградского воен-

---

[2] Подсчеты произведены автором («Вопросы истории», 1964, № 2).

[3] А. Шляпников. Семнадцатый год. кн. 1. М.—Пг., 1923, стр. 87.88

ного округа генерал-лейтенант Хабалов писал, что выступление масс, несомненно, инспирируется революционерами [4].

Наступило утро субботы 25 февраля. Многотысячные массы рабочих и работниц с рассветом начали сосредоточиваться около своих предприятий в пролетарских районах Петрограда. Весь красный пояс рабочих окраин столицы — Выборгской и Петроградской сторон, Нарвской, Московской и Невской застав, Васильевского острова — был охвачен всеобщей политической стачкой. На многих крупных заводах и фабриках состоялись массовые революционные митинги и собрания; большевистские ораторы призывали пролетариев к усилению революционного натиска на царизм, к братанию с солдатами, разоружению полиции и жандармерии.

Короткий массовый митинг в сочетании с распространением подпольных прокламаций был в дни февральских событий 1917 г. основной формой революционной пропаганды и агитации, доведения до пролетарских масс большевистских лозунгов и призывов к действиям.

Промышленная жизнь столицы — огромного 2,5-миллионного города была парализована всеобщей политической стачкой. Данные табл. 1 [5] динамики революционной стачечной борьбы

---

[4] «Падение царского режима», т. I. Л., 1924, стр. 188.

[5] Данные таблицы приводились в статье И. П. Лейберова («О революционных выступлениях петроградского пролетариата в годы первой мировой войны и Февральской революции, стр. 65). Табл. 1, 2 и 3 составлены автором по статистическим сведениям отдела промышленности Министерства торговли и промышленности, полученным и разработанным на основании донесений участковых фабричных инспекторов в марте — мае 1917 г. (ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 16, 1917, д. 253, лл. 1—119). Эти данные касаются в основном лишь частных предприятий Петрограда, однако они являются наиболее полными и достоверными, ибо в них есть сведения не только о числе стачек и стачечников, но и о продолжительности забастовок (в потерянных рабочих днях). При подсчетах стачек и стачечников на казенных, ведомственных и ремесленных предприятиях за основу брались сведения: Особого отдела Департамента полиции (ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1917, д. 341, ч. 57, лл. 1—46 об.), данные телефонных донесений полицейских надзирателей в Петроградское охранное отделение (там же, д. 669, лл. 1—325; ГИАЛО, ф. 1229, оп. 1, д. 944, лл. 31—32), данные донесений и рапортов полицейских приставов различных районов города в градоначальство (ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 741, лл. 9—161), данные администрации отдельных петроградских предприятий (ГИАЛО, ф. 1229, оп. 1, д. 937, 943, 962, 968, 985; ф. 1258, оп. 2, д. 276; ф. 1419, оп. 6, д. 9; ф. 1270, оп. 12, д. 315; ф. 1221, оп. 1, д. 78; ф. 1285, оп. 2, д. 352). Если сведения о стачках на этих предприятиях повторялись в различных источниках и в разных цифровых выражениях, то за основу бралась та цифра, которая повторялась в одинаковом выражении не менее чем в двух документах. В этих случаях, во избежание преувеличения числа стачечников, сведения о числе забастовщиков сверялись с общим числом рабочих на данном предприятии, так как нередко приводимые чиновниками Департамента полиции сведения о числе стачечников превышали число рабочих на данном предприятии. Сведения Департамента полиции о числе рабочих на казенных военных заводах уточнялись обычно по данным Главного экономического комитета Временного правительства (ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 16, д. 318, лл. 56—58). При подсчете забастовочных

петроградского пролетариата с 23 по 26 февраля 1917 г. свидетельствуют о широком размахе всеобщей стачки в ее начальной стадии.

Из данных табл. 1 видно, что всеобщей политической стачкой в Петрограде было охвачено 306 489 пролетариев с 438 промышленных предприятий — почти 80% общей численности петроградского рабочего класса и почти 50% всех заводов и фабрик столицы.

Таблица 1

	Февраль 1917 г.	Число участников революционного движения			
		число вновь забастовавших предприятий	число вновь забастовавших рабочих	общее число забастовавших предприятий	общее число стачечников
Общегородская стачка и массовая демонстрация	23	49	128 388	49	129 388
	24	175	85 723	224	214 111
Всеобщая политическая стачка	25	197	90 834	421	304 945
	26*	17	1 544	438	306 489

* Воскресенье.

Как уже указывалось, ведущей силой всеобщей политической стачки в Петрограде были металлисты.

Данные табл. 2 показывают широту охвата и степень участия различных отрядов (по профессиональному признаку) питерского пролетариата в ходе революционных боев 23—26 февраля 1917 г.

Данные табл. 2 наглядно подтверждают наш вывод о том, что петроградские металлисты занимали руководящее положение в ходе всеобщей стачки — 25—26 февраля они составляли 71,5% общей массы ее участников. Правда, по сравнению с первым днем революции — 23 февраля — удельный вес металлистов в общей массе забастовщиков снизился за четыре дня на 17,5% (с 89 до 71,5%).

Вслед за металлистами в революционную борьбу против самодержавия втянулись самые широкие массы столичного пролетариата.

выступлений питерского пролетариата с 23 по 26 февраля 1917 г. учитывались все стачки на частных, казенных, ведомственных, городских и ремесленных предприятиях. Каждая забастовка подсчитывалась только один раз, несмотря на неоднократное упоминание о ней в различных источниках. При подсчетах учитывались стачки, происходившие не только на предприятиях Петрограда, но и на предприятиях его пригородов (Сестрорецк, Колпино, Кронштадт, Шлиссельбург, Ораниенбаум). Данные этих подсчетов автор не считает окончательными; вполне возможны их дальнейшие уточнения с выявлением новых сведений о стачках в дни Февральской революции в Петрограде.

Таблица 2

	Февраль 1917 г.	Число предприятий и стачечников	Число участников (по профессиональному признаку) всеобщей стачки			
			металлисты	текстильщики	печатники, химики, деревообделочники, кожевники, трамвайщики	пищевики и рабочие керамического производства
Общегородская стачка и массовая демонстрация	23	49* / 128388	36 / 114236	10 / 13110	2 / 752	1 / 320
	24	175 / 85723	90 / 55661	23 / 14020	52 / 9036	10 / 7006
Всеобщая политическая стачка	25	107 / 90834	76 / 47922	12 / 8342	86 / 32760	23 / 1810
	26**	17 / 1544	15 / 1427	—	2 / 117	—
Всего на 26 февраля 1917 г.		478 / 306489	217 / 219216	45 / 35472	142 / 42665	34 / 9136

* В числителе указывается число предприятий, в знаменателе — стачечников.
** Воскресенье.

Главными опорными пунктами всеобщей политической стачки в Петрограде были крупнейшие (с числом рабочих свыше 1000) и крупные (с числом рабочих от 500 до 1000) промышленные предприятия. На них были сосредоточены лучшие революционные силы питерского пролетариата: к началу 1917 г. на 77 предприятиях Петрограда и губернии с числом рабочих более 1000 было занято свыше 67% всего состава петроградских пролетариев[6]. Такими эпицентрами всеобщей стачки были крупнейшие предприятия в различных районах столицы: в Выборгском — «Новый Лесснер», «Розенкранц», «Старый Парвиайнен», «Я. М. Айваз»; в Нарвском — Путиловский завод; в Петроградском — «Дюфлон», «Вулкан», «Лангензиппен»; в Московском — «Сименс-Шуккерт»; в Василеостровском — «Сименс Гальске» и Балтийский судостроительный завод; в Невском — Обуховский и Невский судостроительные заводы; в Колпино — Ижорский судостроительный завод; в Сестрорецке — Сестрорецкий оружейный завод. Весьма характерно, что на этих же заводах имелись сплоченные и наиболее многочисленные большевистские ячейки: на «Новом Лесснере» — 75—80 членов партии, «Розенкранце» — 80, «Старом Парвиайнене» — 45,

[6] ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 16, д. 318, лл. 31—32, 56—58, 72—75.

Путиловском — свыше 100, Ижорском — 30, «Дюфлоне» — 20—25, Обуховском — 15 и т. п.[7] Здесь на предприятиях определялись перед выступлением на улицы революционные лозунги, направление движения колонн демонстрантов в центр города, действия боевых групп пролетариев. Приводимая табл. 3 раскрывает динамику участия рабочих во всеобщей стачке с 23 по 26 февраля 1917 г.

Таблица 3

	Февраль 1917 г.	Число предприятий и стачечников	Число рабочих на предприятиях					
			свыше 1000	от 500 до 1000	от 100 до 500	от 50 до 100	от 10 до 50	от 1 до 10
Общегородская стачка и массовая демонстрация	23	49 * / 128388	30 / 119532	6 / 5456	12 / 3350	1 / 50	—	—
	24	175 / 8572	22 / 53857	21 / 14903	59 / 13702	29 / 2085	40 / 1142	4 / 34
Всеобщая политическая стачка	25	197 / 90834	11 / 65930	9 / 6178	64 / 14152	30 / 2592	67 / 1936	7 / 46
	26 **	17 / 1544	—	1 / 664	2 / 289	4 / 324	10 / 267	—
Всего на 26 февраля 1917 г.		438 / 306489	63 / 239319	37 / 27201	137 / 31493	73 / 5051	117 / 3345	11 / 80

* В числителе указывается число предприятий, в знаменателе — стачечников.
** Воскресенье.

Из данных табл. 3 видно, что 100 крупнейших и крупных предприятий (или 22,8% числа всех предприятий) дали абсолютное большинство — 266 520 человек (87%) участников всеобщей политической стачки в ее начальной стадии 25—26 февраля; 137 (31,2%) средних предприятий — 31 493 человека (10,2%), а 201 (46%) мелких и мельчайших предприятий дали только 8476 (2,8%) стачечников.

Успех и дальнейшее развитие Февральской всеобщей политической стачки в Петрограде решался поведением и силой революционного натиска основной массы питерского пролетариата, сосредоточенной в своей подавляющей части на крупнейших и крупных металлообрабатывающих предприятиях.

Благодаря тому, что среди металлистов на крупнейших предприятиях произошли наименьшие изменения в количественном и социальном составе за период войны и в большей степени сохранилось довоенное правдистское пролетарское ядро (по сравнению

[7] «История СССР», 1957, № 1, стр. 48.

с другими отрядами столичных рабочих), большевистская организация столицы могла оказывать наиболее действенное влияние на этот отряд пролетариев [8].

С утренних часов 25 февраля пульс всеобщей политической стачки с наибольшей силой бился на Выборгской стороне. 25 февраля Выборгский районный комитет партии по предложению И. Д. Чугурина принял решение о проведении всеобщей стачки, усилении борьбы с полицией, создании «особо повышенного настроения среди масс» [9]. Выборжцы, группируясь около своих предприятий, с 9—10 часов утра организовали четыре демонстративные колонны. Демонстранты действовали организованно, поддерживая в своих рядах революционный порядок. На заводе «Я. М. Айваз», например, рабочие на массовом митинге решили стачку продолжать до 1 марта и «всем мирно пойти на Невский проспект к Казанскому собору». Об этом 25 февраля сообщал пристав Лесного участка градоначальнику; он отметил, что рабочие «просили ни к каким погромам не прибегать и удерживать от этого товарищей» [10]. Двум самым массовым колоннам с Большого Сампсониевского проспекта удалось по Пироговской набережной и Нижегородской улице пробиться в район Литейного моста. Здесь произошли упорные схватки демонстрантов с отрядами конной полиции [11] и драгун [12]. Старший помощник пристава 1-го участка Выборгской части сообщал градоначальнику: «Громадная напиравшая на Александровский (т. е. Литейный.— *И. Л.*) мост толпа... была несколькими повторными атаками конных частей и нарядом полиции оттеснена с моста и постепенно рассеяна... Из толпы раздавались выстрелы» [13]. Демонстранты, разбившись на мелкие группы и обходя полицейские и казачьи заслоны, прорывались в центр столицы по льду Большой Невы и через Сампсониевский мост на Петроградскую сторону.

Последовательные революционные действия выборжцев в течение дня дали значительные успехи. К вечеру почти все участковые полицейские канцелярии на Выборгской стороне были разгромлены революционными рабочими, полицейские разоружены. Рабочие захватывали и устанавливали свой контроль над

---

[8] «Вопросы истории», 1961. № 1, стр. 50, 51.

[9] Ленинградский партийный архив, ф. 4000, оп. 5, св. 459, д. 74 (Воспоминания И. Д. Чугурина).

[10] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 741, лл. 74—75, 80—80 об.

[11] Отрядами конной полиции командовал пристав 1-го участка Выборгской части полковник Шалфеев. В схватке с полицией демонстранты стащили Шалфеева с лошади и избили его (там же, лл. 74 об.— 75).

[12] До прибытия драгун в заслоне против выборжцев с конными городовыми около Симбирской улицы стояла 4-я казачья сотня 1-го Донского полка, которая сразу же покинула свой участок заслона, как только городовые по приказу Шалфеева начали атаковать демонстрантов (там же, л. 74 об.).

[13] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 741, л. 75.

крупными предприятиями. Телефонная связь Петроградского градоначальства с Выборгским районом была полностью прервана [14].

Революционное движение от основного эпицентра всеобщей стачки — Выборгской стороны — распространялось по всем рабочим окраинам Петрограда, захватывая все новые предприятия и пролетарские массы.

Утром на Петроградской стороне массы рабочих близлежащих предприятий — 1-го Российского товарищества воздухоплавания, железопрокатного завода Донецко-Юрьевского общества, трикотажной фабрики Керстена, ситценабивной «Бр. Леонтьевых» и ряда мелких — начали концентрироваться у ведущего завода в районе — Петроградского механического (бывш. «Вулкан»). Собравшаяся пятитысячная колонна демонстрантов двинулась на Большую Спасскую улицу, стремясь выйти на Большой проспект. В районе Колтовских улиц дорогу демонстрантам преградил усиленный наряд полиции. С большим трудом полиции удалось расчленить колонну. Рабочие начали мелкими группами прорываться в центр столицы [15]. Одновременно в другом конце Петроградского района рабочие сконцентрировались у завода «Дюфлон» [16] и двинулись на Каменноостровский проспект, чтобы выйти к Троицкому мосту [17]. В течение дня рабочие Петроградской стороны организовали на улицах района не менее пяти массовых демонстраций, против которых действовали усиленные наряды полиции и солдаты Гренадерского полка [18].

На Васильевском острове пролетарии с 7 часов утра концентрировались в двух пунктах: у Балтийского судостроительного завода на Чекушской набережной и Косой линии и у завода «Сименс-Гальске» на 6-й линии и Тучковой набережной. Рабочие-судостроители, двигавшиеся по Косой линии, с пением революционных песен направились к Большому проспекту, обезоружив по дороге городового [19]. В районе завода «Сименс-Гальске» сконцентрировалось более 3,5 тыс. рабочих; слившись в одну колонну, они двинулись в центр города [20]. Трагические события развернулись на Трубочном казенном заводе. Здесь большевики и передовые рабочие с помощью пролетариев-выборжцев [21] повели настойчивую

---

[14] Э. Б. Генкина. Февральский переворот.— В кн.: «Очерки истории Октябрьской революции», т. 2. М.— Л., 1927, стр. 47.

[15] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 741, л. 69—69 об.

[16] Перед тем, как выйти на улицу, дюфлоновцы провели часовое собрание, где обсудили план действий (там же, л. 82). На заводе действовала не многочисленная, но весьма сильная большевистская ячейка во главе с членом ПК А. К. Скороходовым.

[17] Там же.

[18] Там же, лл. 69, 82.

[19] Там же, л. 67—67 об.

[20] Там же, л. 105.

[21] По свидетельству пристава 2-го участка Васильевской части, с утра в районе Трубочного завода действовали «посторонние рабочие», которые пытались не пропустить трубочников на завод (ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1,

агитацию за присоединение трубочников к всеобщей стачке. Однако значительная группа штрейкбрехеров из числа эсеро-меньшевистски настроенных рабочих наотрез отказалась остановить станки. Между стачечниками и штрейкбрехерами завязалась схватка. Начальник завода вызвал роту солдат Финляндского полка под командой поручика Иосса. Рота при входе на завод была окружена возмущенными рабочими. Поручик приказал рабочим разойтись и грозил применить оружие. Рабочие не выполнили приказа. Тогда Иосса выстрелом в упор застрелил слесаря Ивана Дмитриева. Возмущению рабочих не было предела. Более 10 тыс. пролетариев присоединилось к всеобщей стачке. В течение дня трубочники митинговали и демонстрировали в районе завода [22].

Серьезных успехов в ходе всеобщей стачки добились пролетарии Нарвской заставы и их авангардный отряд — путиловцы. Утром путиловцы и рабочие соседних предприятий на Петергофском шоссе организовали массовую демонстрацию. На колонну рабочих налетел казачий разъезд, который попытался ее рассеять. Однако дружными действиями демонстранты блокировали разъезд, остановив его продвижение. На помощь разъезду подоспела резервная сотня казаков, которая рассеяла демонстрантов [23]. Спустя некоторое время большая толпа путиловцев, сломив сопротивление заводской охраны и обезоружив ее, овладела Путиловским заводом. По инициативе большевиков был организован рабочий комитет, который взял всю полноту власти на заводе в свои руки [24]. Рабочий комитет принял решение организовать боевую дружину на заводе, установить порядок на улицах, разоружить полицию в Нарвском районе [25].

В Невском районе к массовой демонстрации рабочих Обуховского завода присоединились рабочие соседних предприятий — Карточной фабрики, завода «Атлас» и Фарфорового завода. 9-тысячная колонна с пением революционных песен и с красным флагом двинулась в центр столицы. Путь демонстрантам преградили усиленные наряды конной и пешей полиции. Атаковав рабочих, полиция сумела расчленить колонну. Однако рабочие мелкими

д. 741, л. 105). По-видимому, это были группы рабочих-активистов (прежде всего выборжцев), посланные руководящим центром большевиков для организации всеобщей стачки в различных районах столицы. Об этом, в частности, свидетельствует бывший казначей Выборгского районного комитета партии, руководитель партийной ячейки завода «Старый Лесснер», член КПСС с 1907 г., делегат XXII съезда КПСС П. Ф. Свешников.

[22] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 741, л. 105—105 об.; «Красная летопись», 1932, № 5-6 (50-51), стр. 242, 243.

[23] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 741, л. 101.

[24] В состав рабочего комитета Путиловского завода вошли большевики В. П. Алексеев, С. И. Афанасьев, И. Я. Генслер, И. Голованов.

[25] М. Мительман, Б. Глебов, А. Ульянский. История Путиловского завода. 1801—1917. М., 1961, стр. 551.

сплоченными группами продолжали направляться в центр города [26].

Напуганные мощным размахом всеобщей политической стачки, царские власти прибегли к крайним мерам для подавления революционного движения в столице. Еще утром 25 февраля генерал Хабалов издал приказ о применении оружия войсками «для водворения порядка в столице» [27]. Для усиления войск столичного гарнизона из Царского Села, Красного Села и Павловска были вызваны дополнительные кавалерийские части [28]. Организованным силам питерского пролетариата в февральские дни противостояли значительные контрреволюционные силы: общая численность военно-полицейских патрулей достигала 69 084 человек и казачьих частей — 8400 человек [29]. Этими силами царские власти рассчитывали изолировать центр Петрограда от рабочих окраин. По приказу штаба Петроградского военного округа и градоначальства военно-полицейские патрули и казачьи разъезды перекрыли подступы к центру города через мосты, переходы и набережные Невы, Фонтанки, Мойки, Обводного и Екатерининского каналов. Большие кордоны войск и полиции были выставлены на перекрестках центральных улиц, на площадях, у вокзалов, почтамта, телеграфа, правительственных зданий [30].

Действия царских войск и полиции направлял и координировал объединенный штаб контрреволюции, беспрерывно заседавший в квартире градоначальника генерал-майора Балка. Здесь в течение 25 февраля присутствовали: Хабалов, Балк, начальник петроградской охранки Глобачев, министр внутренних дел Протопопов, начальник войсковой охраны города полковник Павленков и др. [31] По указанию этого штаба в столице в ночь на 26 февраля были произведены массовые аресты среди питерских большевиков [32], рабочих-активистов, революционного студенчества. Всего было арестовано около 100 человек [33]. По распоряжению штаба войсковые части и полиция повсеместно применяли против бастующих рабочих и демонстрантов огнестрельное и холодное оружие. Для разгона демонстраций казаки пользовались нагайками со свинцом на конце.

Царские власти рассчитывали, что своими действиями они обезглавят массовое движение и сумеют подавить его. Но они жестоко

[26] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 741, лл. 99—100 об.

[27] Там же, л. 6.

[28] «Красный архив», 1927, № 21, стр. 4, 5.

[29] ГИАЛО, т. 569, оп. 17, д. 199, л. 365; Б. М. Кочаков. Состав Петроградского гарнизона в 1917 г.— «Ученые записки ЛГУ», вып. 24, 1956, стр. 68, 75.

[30] «Падение царского режима», т. I, стр. 184; «Русское слово», 2 марта 1917 г.

[31] «Падение царского режима», т. I, стр. 190, 191.

[32] Утром 26 февраля 1917 г. полиция арестовала работников Русского бюро ЦК А. И. Елизарову-Ульянову и Е. Д. Стасову, членов исполнительной комиссии ПК РСДРП(б) А. Скороходова, А. Винокурова и Е. Эйзенштадта.

[33] ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1917 г., д. 341, ч. 57, л. 45.

просчитались. Всеобщая стачка развивалась, к ней присоединилось демократическое студенчество. С утра 25 февраля массовые митинги состоялись в Университете, Политехническом, Горном, Психоневрологическом, Технологическом институтах, на Бестужевских высших женских курсах и других учебных заведениях; выносились резолюции о присоединении к бастующим рабочим [34]. В этот же день впервые отдельные революционно настроенные солдаты и даже младшие офицеры начали открыто переходить на сторону рабочих и работниц [35]. Вскоре во всеобщую стачку влились рабочие городского хозяйства: электрики, водопроводчики, газовщики. Особое значение имело присоединение к всеобщей стачке трамвайщиков. Своей организованной забастовкой они лишили контрреволюционный штаб возможности использовать основную транспортную связь в городе для переброски войск и полиции из одного района столицы в другой [36].

Революционное движение петроградских рабочих и работниц 25 февраля носило значительно более организованный характер, чем 23 и 24 февраля. Недаром даже московская либерально-буржуазная газета «Русское слово» в своем обзоре февральских событий в столице вынуждена была отметить: «25 февраля движение приняло уже более организованный характер. В нем приняли участие организованные группы рабочих» [37]. На движении бесспорно сказывалось направляющее влияние руководящего центра большевиков, заводских партийных ячеек, традиции революционной борьбы и сплоченность металлистов.

Широкий размах движения сопровождался массовым революционным творчеством и инициативой рабочего класса Петрограда. На некоторых крупных металлообрабатывающих предприятиях рабочие явочным порядком начали организовывать фабрично-заводские комитеты [38]. Они создавались на базе действовавших в годы войны нелегальных стачечных комитетов [39]. Одновременно на ведущих предприятиях Выборгской стороны по инициативе большевиков и рабочих-активистов состоялись выборы в Совет рабочих депутатов. Выборгский районный комитет партии одобрил эту

---

[34] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 741, лл. 72 об., 153. По подсчетам автора, 25 февраля в стачечном и уличном движении приняло участие не менее 10—15 тыс. студентов, т. е. 30—50% их общего числа в городе.

[35] **Там же, л. 72 об.**

[36] Там же, лл. 101, 106 об.; «Правда», 5 марта 1917 г.

[37] «Русское слово», 2 марта 1917 г.

[38] Там же.

[39] И. П. Лейберов. Стачечная борьба петроградского пролетариата в период первой мировой войны (19 июля 1914 г.— 16 февраля 1917 г.).— «История рабочего класса Ленинграда», вып. 2. Л., 1963, стр. 174, 175, 177, 178. Под «особыми комитетами», о которых сообщал корреспондент «Русского слова», надо иметь в виду фабрично-заводские комитеты, создававшиеся на базе подпольных стачечных комитетов. Следует заметить, что в годы войны в практике стачечной борьбы петроградский пролетариат признавал только стачечные комитеты.

инициативу [40]. В руководстве движением масс приняли участие профсоюзы металлистов, текстильщиков, печатников и другие [41], вышедшие из подполья и начавшие свою легальную деятельность с первого дня всеобщей забастовки. На Петроградской стороне рабочие и работницы заставили владельцев продовольственных лавок снизить цены на продукты питания и продавать их по твердой таксе [42].

Всеобщая политическая стачка повела к подъему революционной активности пролетарских масс, созданию новых и восстановлению старых классовых организаций рабочего класса. Включение фабрично-заводских комитетов, инициативных групп депутатов Совета рабочих депутатов, профессиональных союзов в руководство революционной борьбой придавало движению бо́льшую организованность, целенаправленность и сплоченность.

К середине дня 25 февраля центр всеобщей стачки из рабочих окраин переместился в центральную часть столицы. Здесь в районе Невского, Литейного и Владимирского проспектов, Знаменской и Казанской площадей, Садовой улицы развернулось бесконечное массовое шествие и митингование революционных демонстрантов. «На Невском проспекте, в течение всего дня,— доносил пристав 1-го участка Литейной части градоначальнику,— двигались толпы вперед и назад... Толпа состояла из рабочих, преимущественно мужчин, мальчишек-подростков, студентов, ...а иногда попадались и лица в форме нижних воинских чинов и прапорщиков. Настроение толпы к чинам полиции было самое враждебное» [43].

В течение дня только в районе Невского проспекта состоялось не менее 15 массовых демонстраций и 4 многотысячных митинга. Митинги и демонстрации сопровождались пением революционных песен и лозунгами: «Долой войну!», «Долой самодержавие!» [44]. В ходе этих выступлений революционные пролетарии и студенты провели не менее 17 ожесточенных схваток с конной и пешей полицией, жандармерией; в 11 схватках рабочие использовали оружие (револьверы — в семи случаях, бомбы — в трех, гранаты — в одном и в шести схватках — камни, бутылки, куски металла и льда, лопаты, поленья). В результате этих схваток с рабочими (в двух случаях они были поддержаны революционными казаками) полиция и жандармерия, действовавшие на Невском проспекте, потеряли 14 человек (1 был убит). Рабочие освободили 85 арестованных полицией демонстрантов [45]. Эти факты со всей убеди-

---

[40] Н. Свешников. Отрывки из воспоминаний.— «Петроградская правда», 14 марта 1923 г.; «Русское слово», 2 марта 1917 г.

[41] «Русское слово», 2 марта 1917 г.

[42] «Вестник Комиссариата Петроградской стороны», 4 марта 1917 г.

[43] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 741, лл. 72 об.— 73.

[44] Там же, лл. 83, 89 об.— 91 и др.

[45] Подсчеты произведены автором на основе данных, приводимых в рапортах полицейских приставов, начальников жандармских дивизионов и

тельностью свидетельствуют о переходе пролетарских масс Петрограда от мирной обороны к наступлению, к вооруженной борьбе.

Наиболее упорные схватки питерских пролетариев с полицией и жандармерией произошли в 12 часов 40 минут — 13 часов на Казанской площади у набережной Екатерининского канала, где 40 конных городовых и сотня 4-го Донского казачьего полка пытались рассеять пятитысячную колонну рабочих [46]; в 16 часов — на углу Невского и Литейного проспектов и у Аничкина моста, где в полуэскадрон конных жандармов и городовых 1-го отделения конно-полицейской стражи было брошено три бомбы и сделано несколько револьверных выстрелов [47]. На Знаменской площади в 16 часов разыгралось настоящее сражение между конной полицией и демонстрантами [48]. На эту площадь, оцепленную войсками, полицией и казаками, с Невского проспекта прорвалась многотысячная колонна демонстрантов с красными флагами. У памятника Александру III начался грандиозный митинг. Начальник 6-го отделения конной стражи ротмистр Геллиг цинично сообщал в рапорте полицеймейстеру 6-го отделения столицы: «В это время, получив приказание от командира батальона лейб-гвардии Волынского полка разогнать толпу и отобрать красные флаги, я построил развернутый фронт и бросился в атаку на группу, где стояли красные флаги, действуя нагайками. Пристав 1-го участка Александро-Невской части ротмистр Крылов следовал за отделением, действуя обнаженной шашкой, которому я лично помог отобрать у одной женщины, по-видимому, курсистки, один красный флаг, свалив ее ударом по голове нагайкой...» [49]. Действия конной полиции вызывали возмущение всей массы демонстрантов. «...В конных городовых со стороны толпы открылась стрельба, и стали в них же бросать камнями, бутылками и сколотым льдом,— сообщал старший помощник пристава 1-го участка Александро-Невской части подполковник Терпилевский полицеймейстеру 6-го отделения.— После чего конные городовые начали отступать на рысях по направлению Гончарной улицы... Почти вся толпа бросилась за ними с криком: „Бей их!", продолжая стрелять и бросать лед и бутылки» [50]. На помощь демонстрантам подоспел казачий разъезд 1-го Донского полка. Подхорунжий Филиппов, возмущенный палаческими действиями пристава Крылова, ударом шашки зарубил его. Тысячи демонстрантов бросились к казакам, обнимая и приветствуя их восторженными возгласами: «Ура! Казаки с нами! Долой войну!

конной стражи за 25 февраля 1917 г. (там же, лл. 72—73, 78—79, 83—84, 89—95, 153).

[46] Там же, л. 89 об.— 91.

[47] Там же, лл. 150—151.

[48] Там же, л. 84—84 об.

[49] Там же, л. 83.

[50] Там же, л. 84.

Долой царя! Хлеба!» [51] Это была первая серьезная победа питерского пролетариата в борьбе за войско и казаков.

Все наличные, хотя и крайне немногочисленные силы Петроградской организации большевиков были мобилизованы Русским бюро ЦК для организации и руководства стачечной борьбой и массовым уличным движением. Лучшие члены столичной партийной организации мужественно и самоотверженно направляли революционные массовые действия питерского пролетариата и демократического студенчества. Большевики возглавляли колонны демонстрантов, выступали на митингах, участвовали в схватках с полицией и жандармерией, вели агитацию среди рабочих, солдат и казаков.

Русское бюро ЦК в течение 25 февраля в целом правильно руководило движением масс, координируя деятельность ПК РСДРП(б), Выборгского, Нарвского и других районных комитетов партии. Но в то же время Бюро ЦК по настоянию А. Г. Шляпникова заняло неправильную позицию в вопросе о вооружении рабочих и создании боевых дружин, требуя от партийного актива приобретения оружия только от солдатских масс. Бюро ЦК явно затянуло составление и выпуск Манифеста ЦК РСДРП(б) с программой революционных действий, не поддержало своевременно инициативы Выборгского райкома партии в организации выборов в Совет рабочих депутатов [52]. Спустя два дня этот тактический промах Бюро ЦК был использован лидерами партий меньшевиков и эсеров при организации Временного исполкома Петроградского Совета рабочих депутатов.

Более гибко и оперативно руководил стачечной борьбой и уличным движением масс Петербургский комитет РСДРП(б), работавший в эти дни в тесной связи с Выборгским районным комитетом. Обобщая опыт революционного движения пролетариата за истекшее время, исполнительная комиссия ПК РСДРП(б) (А. К. Скороходов, К. И. Шутко, И. Д. Чугурин, П. И. Ганшин и от Бюро ЦК — П. А. Залуцкий) на своем заседании (во второй половине дня 25 февраля на Петроградской стороне) приняла решение о дальнейшем усилении борьбы пролетариата столицы против царизма, о применении тактики братания рабочих и работниц с солдатами и о вовлечении их в уличную борьбу [53]. Одновременно ПК с ведома и согласия Бюро намечал с понедельника, 27 февраля, при-

---

[51] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 741, л. 153—153 об.; см. также: Е. Ефремов. Подвиг на Знаменской.— «Нева», 1962, № 2, стр. 218, 219.

[52] А. Шляпников. Указ. соч., стр. 105, 106, 126, 127; Н. Свешников. Указ. статья.

[53] П. Залуцкий. В последние дни подпольного Петербургского комитета большевиков в начале 1917 г.— «Красная летопись», 1930, № 2 (35), стр. 36, 37. Залуцкий отмечает, что в начале заседания некоторые из членов ПК допустили колебания в вопросе о необходимости усиления движения и демонстраций в городе ввиду применения войсками и полицией оружия против рабочих.

ступить к строительству баррикад, захвату электрических станций, водопровода, телеграфа. Петербургский комитет ставил в порядок дня вопрос о переводе всеобщей стачки в вооруженное восстание. Для установления тесных связей с пролетарской массой ПК предусматривал организацию на предприятиях заводских комитетов. Члены комитетов должны были выделить своих представителей в Информационное бюро, на основе которого ПК намечал образование Совета рабочих депутатов [54].

25 февраля Бюро ЦК направило в Москву и Нижний Новгород своих представителей для оповещения местных партийных организаций о революционных событиях в столице [55]. ПК направил специальное письмо харьковским большевикам со сведениями о революционных боях в Петрограде и текстом выпущенной им листовки [56].

Четкая и ясная позиция руководящего центра большевиков, направленная на всемерное развитие революционной инициативы питерских рабочих, положительно сказалась в февральские дни на тактике и других левых, интернационалистских революционных организаций: межрайонцев, меньшевиков-интернационалистов, левых эсеров и анархистов. Петроградский межрайонный комитет РСДРП в двух листовках, обращенных к пролетариям и солдатам, призывал: первых — всеобщую стачку продолжать до победного конца, а вторых — к переходу на сторону революционного народа [57]. Левые эсеры, по свидетельству столичной охранки, намеревались примкнуть к движению «с целью поддержать революционное выступление пролетариата» [58]. Анархисты решили организовать в самых широких масштабах террор против представителей правительственной власти, планировали взрыв охранного отделения и губернского жандармского управления [59]. Но все же четкой последовательности в действиях левых мелкобуржуазных организаций не было, хотя их деятельность объективно способствовала революционизированию рабочих и солдатских масс.

---

[54] И. И. Минц. Указ. статья, стр. 18; Е. К. Бартштейн, Л. М. Шалагинова. Департамент полиции о плане петроградских большевиков в феврале 1917 г.— «Вопросы архивоведения», 1962, № 1, стр. 112.

[55] И. И. Минц в своей статье сообщает следующий интересный факт: 25 февраля начальник Департамента полиции телеграммой предупредил начальника Московской охранки, что Петроградская организация большевиков, «желая использовать происходящие в Петрограде забастовки в целях попытки организовать вооруженное восстание, командировала в Москву и Нижний по одному неустановленному делегату для переговоров с местными организациями» (стр. 18).

[56] «Сборник научных работ кафедр общественных наук вузов Харькова», вып. 2. Харьков, 1957, стр. 51.

[57] А. Шляпников. Указ. соч., стр. 338; «Пролетарская революция», 1924, № 2 (25), стр. 140, 141.

[58] «Вопросы архивоведения», 1962, № 1, стр. 112.

[59] ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1917 г., д. 341, ч. 57, л. 43.

Ведущей силой единого общедемократического фронта в столице против царизма была Петроградская организация большевиков.

Свою наступательную революционную тактику в движении руководящий центр большевиков противопоставил оппортунистической линии меньшевиков-оборонцев и правых эсеров. Начало революции и ее стремительное развитие застали врасплох мелкобуржуазные партии меньшевиков и эсеров и их вождей. Меньшевики и эсеры не имели конкретного плана действий, не представляли себе ни характера движения, ни его размаха. Остававшиеся на свободе члены гвоздевской рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета еще 23 февраля предлагали рабочим-стачечникам «немедленно приступить к работам», ибо «рабочий класс не должен ослаблять своих сил затягиванием забастовки» [60]. Своей оппортунистической тактикой меньшевики-ликвидаторы и правые эсеры стремились подчинить рабочее движение задачам оппозиционной борьбы русской буржуазии против царизма, ввести его в рамки буржуазного парламентаризма.

...Сумерки спустились над Петроградом. Кончался третий день революции. Мощные волны революционных колонн демонстрантов отхлынули из центра города обратно в пролетарские районы, чтобы за ночь, отдохнув, с новыми силами продолжить штурм царизма. В эти поздние часы 25 февраля 1917 г. на заседании Бюро ЦК представитель ПК сообщал, что питерские пролетарии решили закончить всеобщую политическую стачку «лишь по достижении победы над царизмом» [61].

---

[60] Н. Авдеев. Революция 1917 г. Хроника событий, т. 1. М.—Л., 1923, стр. 28.

[61] А. Шляпников. Указ. соч., стр. 169.

О ЗАСЕДАНИИ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ 28 ФЕВРАЛЯ 1917 Г.

★

Г. И. ЗЛОКАЗОВ

История образования и начала деятельности Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — малоизученная страница революционных событий февраля 1917 г. Пресса тех дней чрезвычайно скупо освещала первые шаги новой революционной власти, пытаясь представить возникший Совет организацией частной и второстепенной, выдвигая на первый план Временный комитет Государственной думы. В органе Совета «Известиях» начало работы власти восставшего народа также излагалось бегло и кратко. В совершенно неудовлетворительном состоянии находится архив Петроградского Совета, особенно запись его первых заседаний. Протоколы представляют собой трудно поддающиеся прочтению карандашные наброски выступлений ораторов и самого хода заседаний. Многие фразы оборваны, и зачастую вообще не представляется возможным уловить точный смысл сказанного. Расшифровка этих протоколов сопряжена с очень большими трудностями. И тем не менее работа с черновиками протоколов Петроградского Совета представляется нам совершенно необходимой. Сличение этих материалов с прессой, с воспоминаниями дает возможность глубже и полнее нарисовать картину событий, выяснить характер только что возникшего Совета рабочих депутатов, который сразу же стал привлекать в свои ряды и солдат Петроградского гарнизона.

Некоторые историки полагают, что архивные протоколы пленарных заседаний Петроградского Совета не сохранились [1].

[1] С. А. Артемьев. Состав Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в марте 1917 г.— «История СССР», 1964, № 5; Л. Ф. Карамышева. Борьба большевиков за Петроградский Совет (март — октябрь 1917 г.). Л., 1964.

По-видимому, они считают сохранившиеся протоколы только черновыми набросками и допускают существование еще каких-то протоколов, более или менее обработанных. Такие предположения не имеют под собой почвы. Нельзя забывать, что Совет возникал в огне вооруженного восстания. Запись первых заседаний, проведенная наспех людьми, далекими от канцелярских дел, вряд ли могла быть лучше той, которую мы имеем. Кстати говоря, в путеводителях, изданных Ленинградским архивом Октябрьской революции, черновые наброски заседаний Петроградского Совета именуются протоколами. Ранее эти протоколы очень долго хранились в ЦГАОР СССР, о чем свидетельствуют записи архивариусов почти в каждом деле, сделанные еще в 20-х годах. Под № 1 значится протокол пленарного заседания Совета от 28 февраля 1917 г.[2] Обстановка, в которой проходило это заседание, была сложной и во многом тогда неясной: царизм пал, но еще не был добит окончательно; буржуазия в лице ее виднейших лидеров — Милюкова, Родзянко, Шульгина, Гучкова — не оставляла надежды сохранить монархию, лишь несколько видоизменив основы прежней государственной машины; Николай II еще официально не отрекся от престола. Наконец, весьма вероятной была возможность военного подавления народного восстания в столице карательной экспедицией генерала Иванова, двинутой по приказу царя на революционный Питер.

Таким образом, победу, вырванную народом ценою немалых жертв, предстояло закрепить и упрочить. Естественно, что власть революционных масс, воплощенная в Петроградском Совете, не могла миновать или обойти все эти вопросы.

Заседание Совета проходило днем 28 февраля[3]. Исполком Совета предложил следующий порядок дня: заслушать доклады исполкома, обсудить продовольственный и финансовый вопросы, а также текущие дела[4]. Этот порядок дня был выработан без консультаций с рядовыми депутатами, что не могло не вызвать недовольства. Об этом свидетельствуют следующие строчки записи: «К порядку. Сами наметят»[5]. Депутаты настаивали на том, чтобы повестка дня была выработана самим заседанием, а не навязана сверху. Они возражали не против распорядка дня, а против формы ее утверждения. Тем не менее порядок обсуждения был все же принят в том плане, как это предлагалось исполкомом Совета. Но в этот распорядок властно вклинивались «внеочередные» дела, которые выдвигала революция.

---

[2] Первое заседание Петроградского Совета состоялось поздно вечером 27 февраля, но протокол этого заседания не сохранился («Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 27 августа 1917 г.).

[3] В конце протокола указано точное время заседания — 12 часов дня (ГАОРСС ЛО, ф. 1000, оп. 73, д. 1, л. 15).

[4] Там же, л. 1.

[5] Там же.

В протоколе дается набросок доклада одного из лидеров Петроградского Совета, тогда «внефракционного социал-демократа» Ю. Стеклова (он вступил в партию большевиков в начале октября 1917 г.). Ему прежде всего пришлось признать, что исполкому Петроградского Совета, состоявшему в абсолютном большинстве из соглашателей [6], не удалось провести никаких особых мер, что намечен только план. Докладчик сообщал, что лидеры Совета признали необходимым послать «в основные ячейки, кроме рабочих», представителей и «других социалистических групп, близких пролетариату...» По словам Стеклова, «для достижения [успеха нужно] опираться не только на рабочих. Без представителей других [политических групп] не удержаться» [7].

Кого здесь конкретно имел в виду Стеклов, становится более ясно из дальнейшей записи его выступления. Он с удовлетворением говорил, что «организация обывательских сил» Петроградского района предложила комиссару Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов «народному социалисту» Пешехонову, посланному для организации районного Совета на Петроградской стороне [8], поддерживать деловой контакт и сотрудничество и выдвинула для этой цели гласного столичной городской думы Шнитникова [9].

Линия соглашателей на сотрудничество с буржуазией, по признанию эсеро-меньшевистских деятелей, подверглась сразу же резкой критике со стороны большевиков. Бундовец Рафес, входивший в руководство Совета и выступавший на заседании 28 февраля, вспоминает: «Большевистские элементы Совета с первых же дней революции хотели толкать Совет на путь свержения комитета Государственной думы» [10]. Именно в связи с этим докладчик Стеклов говорил о пессимистах, предложивших сверхмеры, по-видимому, имея в виду большевиков, сурово осуждавших курс на классовые компромиссы с буржуазией.

В своем выступлении Стеклов остановился также на вопросах организации работы исполкома Петроградского Совета. Он указал

---

[6] Исполком, избранный 27 февраля вечером, состоял из 15 человек. Большевиков было трое — А. Шляпников, Н. Залуцкий, П. Красиков («Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 27 августа 1917 г.).

[7] ГАОРСС ЛО, ф. 1000, оп. 73, д. 1, л. 1.

[8] Решение об организации районных отделений Совета было принято уже на первом заседании 27 февраля и конкретизировано постановлением исполкома утром 28 февраля («Известия Петроградского Совета рабочих депутатов», 28 февраля 1917 г., с Прибавлением).

[9] О том, как развивалось это сотрудничество, рассказали впоследствии Пешехонов в своих воспоминаниях и кадетствующий журналист Арбузьев в серии очерков в газете «Речь», опубликованных вскоре после этих событий.

[10] М. Рафес. Мои воспоминания.— «Былое», 1922, № 19, стр. 193. Воспоминания относятся к маю 1918 г.; впоследствии Рафес вступил в большевистскую партию.

на необходимость комиссарам Совета, направленным в районы города, иметь «общение с исполкомом» [11]. Докладчик коснулся также технических вопросов работы Совета. В связи с этим он отметил, что исполком Совета испытывает большие трудности в ведении протоколов заседаний Совета («Терзаюсь и разрываюсь на части. Не в силах справляться с протоколами»). Докладчик предложил возложить дальнейшее ведение протоколов на редакцию «Известий» [12].

На заседании был подвергнут обсуждению вопрос о милиции. Из-за отрывочности и нечеткости записи невозможно дать полную картину обсуждения этого важнейшего вопроса. Приходится поэтому ограничиваться разбором лишь отдельных фраз, дающих некоторое представление, в каком аспекте шло это обсуждение. На заседании выяснилось, что рабочую милицию успел создать только Выборгский район, в составе милиции насчитывается не менее 100 человек [13]. Такая оперативность рабочих-выборжцев была, несомненно, связана с деятельностью крепкого и сплоченного Выборгского районного комитета большевиков, выполнявшего после ареста Петербургского комитета утром 26 февраля функции ПК и выпустившего 27 февраля листовку с призывом к созданию Совета рабочих депутатов [14].

На заседании Совета говорилось о необходимости проинструктировать и вооружить будущих милиционеров. В связи с этим было решено выяснить, каковы возможности военной комиссии Совета относительно вооружения милиции.

В ходе заседания ставился также вопрос о целях, которые выдвигаются перед милицией. Эти цели были определены следующим образом: свергнуть самодержавие и поддержать пролетариат в его требованиях. Таким образом, депутаты Совета важнейшей гарантией успеха революции вполне резонно считали вооружение пролетарских рядов на случай возможных происков буржуазии в лице Временного комитета Государственной думы. Об этом говорит следующая запись: «Может оказаться, что вооруженная сила в руках Временного правительства [15]. Рабочий класс в своих домогательствах не сумеет опираться на реальную силу».

Эти же мотивы звучат и в других местах записи, но менее четко зафиксированных в протоколе. Рабочие депутаты не только торжествовали победу, но и думали о способах ее закрепления и расширения. Понимая, что для организации милиции нужны во-

---

[11] ГАОРСС ЛО, ф. 1000, оп. 73, д. 1, л. 1.

[12] Там же, л. 1 об. Неизвестно, было ли принято это предложение.

[13] Решение о создании рабочей милиции было принято исполкомом Совета утром 28 февраля.

[14] «Революционное движение в России после свержения самодержавия». Документы и материалы. М., 1957, стр. 5.

[15] Временным правительством здесь назван Временный комитет Государственной думы. Временное правительство было сформировано только в ночь на 2 марта.

енный опыт и знания, участники заседания говорили о привлечении на сторону Совета молодых офицеров, проникнутых революционным духом и являющихся членами партий, входящих в Совет. Не случайно на заседании дебатировался вопрос об опубликовании в «Известиях» специального воззвания к офицерам с призывом примкнуть к революции и обращаться в Совет рабочих депутатов [16].

Известно, что большинство высшего и среднего офицерства Петроградского гарнизона, настроенное монархически, с неприязнью встретило Февральскую революцию. По воспоминаниям многочисленных очевидцев, восставшие войска, как правило, появлялись на улицах без офицеров. Это была вынуждена признать даже кадетская «Речь», повествуя о бурных событиях в феврале [17]. Лишь меньшинство офицеров, преимущественно младший командный состав (поручики, прапорщики), отнеслись к революции с сочувствием. Многие из них примкнули к восставшему народу. Из них и была составлена военная комиссия Петроградского Совета, сформированная еще днем 27 февраля. Комиссию возглавляли эсеры В. Филипповский и С. Мстиславский (Масловский).

Упоминания о деятельности комиссии встречаются уже в Прибавлении к № 1 «Известий Петроградского Совета рабочих депутатов» от 28 февраля. Там сказано, что во главе восставших войск стоит военный комитет из офицеров и солдат, находящийся в Таврическом дворце; всем частям войск и отдельным солдатам предлагалось обращаться в этот военный комитет.

Интересные подробности о деятельности военной комиссии Петроградского Совета рассказал впоследствии ее непосредственный руководитель Мстиславский [18].

В составе военной комиссии были и офицеры-фронтовики, прибывшие в отпуск или в командировку.

В течение 27 февраля и до утра 28 февраля комиссия работала самостоятельно и проявляла довольно активную деятельность. Часа в 3—4 утра в комиссии неожиданно появился председатель Временного комитета Государственной думы Родзянко. Он предложил объединиться с военной комиссией при Думском комитете. Его предложение было принято, и по обоюдному соглаше-

---

[16] О решении издать обращение к офицерам-социалистам с призывом к участию в организации милиции говорится также в газетном отчете. Такой же призыв было решено адресовать военным студенческим организациям («Известия Петроградского Совета рабочих депутатов», 1 марта 1917 г.).

[17] «Речь», 5 марта 1917 г. (статья «Народ и войска»).

[18] С. Мстиславский. Пять дней. Берлин, 1922; он же. Гибель царизма. М., 1927; см. также: Е. И. Мартынов. Царская армия в февральском перевороте. Л., 1927. По свидетельству С. Мстиславского, военная комиссия выполняла функции «штаба восстания».

нию председателем общей военной комиссии был назначен полковник Б. Энгельгардт [19].

По свидетельству Мстиславского, робкие попытки присутствовавшего при этом члена исполкома Совета Н. Соколова отстоять самостоятельность советской военной комиссии ни к чему не привели. Родзянко сумел добиться назначения Энгельгардта. Стукнув ладонью по столу, он проговорил: «Нет уж, господа, если вы нас заставили впутаться в это дело, так уж потрудитесь слушаться» [20]. Военная комиссия Совета не прекратила своего существования, но она стараниями эсеро-меньшевистских лидеров Петроградского Совета была фактически подчинена Временному комитету Государственной думы.

1 марта во главе военной комиссии стоял уже А. Гучков, ставший на другой же день военным министром буржуазного правительства. По свидетельству Н. Суханова, военная комиссия приобретала не только чуждый характер, но и «злокачественный вид». Явившись 1 марта в комнату, где работала военная комиссия, Суханов с изумлением отметил, что состав комиссии совершенно преобразился: «Офицеры были не наши и не прежние..., а совсем иного сорта, каких я видел потом около Керенского и Пальчинского в Главном штабе в эпоху корниловщины». Из прежних руководителей военной комиссии Суханов не нашел никого [21].

Столь подробное описание деятельности военной комиссии Петроградского Совета необходимо в связи с ее частым упоминанием в тексте протокола при обсуждении вопросов, связанных с вооружением восставшего народа.

При анализе этого комплекса вопросов необходимо помнить, что военная комиссия Совета к 28 февраля претерпела уже заметную эволюцию вправо. Она практически перестала быть органом Совета.

В процессе обсуждения вопроса о милиции встала задача снабжения ее оружием. Из анализа протокола следует, что меньшевистско-эсеровское руководство Петроградского Совета не в силах было воспрепятствовать формированию рабочей милиции, но пыталось задержать этот процесс ссылками на недостаток оружия для милиционеров. Выборгский район, первым создавший свою милицию, обратился в исполком за помощью в приобретении оружия. Ссылаясь на то, что военная комиссия не располагает достаточным количеством оружия для собственных целей, соглашатели заявили выборжцам, что оружия для снабжения милиции Совет не имеет [22]. Лидеры Совета признавали важность

---

[19] «Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 27 августа 1917 г. По данным Мстиславского, визит Родзянко состоялся ровно в полночь.

[20] С. Мстиславский. Пять дней, стр. 30.

[21] Н. Суханов. Записки о революции, кн. 1. Берлин, 1922, стр. 251.

[22] ГАОРСС ЛО, ф. 1000, оп. 73, д. 1, л. 2 об.

вооружения восставшего народа для защиты победившей революции от контрреволюционных покушений. Приведем соответствующий абзац, где говорится об этом: «Возлагать надо на военную комиссию. Задержка вооружения. В городе свободное оружие Среди солдат вооружают рабочих. Нужно заполучить и сгруппировать. Постановить: обратиться ко всему населению Петрограда, выяснить имеющееся оружие. Представить в комиссариаты. Если предпочитают нам, то в ИК» [23].

Насколько можно понять из этой записи, речь здесь идет о сосредоточении всего оружия в одних руках — в распоряжении самого Совета или его районных комиссаров. О том же фактически говорится и в обращении Петроградского Совета к рабочим столицы, принятом, видимо, вскоре после заседания [24]. Обращение перекликается с тем, что уже говорилось по этому поводу в Совете 28 февраля. Ссылаясь на острую нужду рабочего класса в оружии, авторы обращения призывали рабочих, имеющих оружие, передавать его комиссарам, назначенным в районы, или приносить и сдавать оружие непосредственно Совету. Обращение заканчивается словами: «Товарищи, вооружайтесь!» Однако забота о вооружении масс носила во многом формальный характер. На заседании ничего не было сказано о реализации решения исполнительного комитета об образовании рабочей милиции на предприятиях, о ее вооружении. Призывая массы вооружаться, руководители Совета в то же время убеждали их сдавать имеющееся на руках оружие [25]. Вряд ли этот путь создания запасов оружия был наилучшим для органа, располагавшего в то время фактической полнотой власти в стране. Призыв к вооружению масс плохо вязался со стремлением заполучить оружие для нужд Совета за счет этих же масс, являвшихся опорой власти восставшего народа. Все это наводит на мысль, что мелкобуржуазные лидеры Совета не имели ясной программы в таком важном вопросе, как вооружение масс. Эти лидеры без всякого энтузиазма встречали вести о проявлении революционной самодеятельности восставшим народом. В связи с этим представляет интерес реакция руководителей Петроградского Совета на сообщение депутатов из Сестрорецка о ходе событий. В связи с краткостью и нечеткостью записи необходимо хотя бы в нескольких словах охарактеризовать обстановку, сложившуюся в Сестрорецком районе в дни революции. В Сестрорецке накануне революции действовал слаженный большевистский коллектив, возглавляемый такими работниками, как

---

[23] ГАОРСС ЛО, ф. 1000, оп. 73, д. 1, л. 2 об. Упоминание о таком обращении содержится также в кратком отчете о заседании Совета в «Известиях Петроградского Совета рабочих депутатов» (1 марта 1917 г.).

[24] «Известия Петроградского Совета рабочих депутатов», 1 марта 1917 г.

[25] В дни революции восставший народ захватил до 40 тыс. винтовок, до 30 тыс. браунингов, огромное количество патронов (С. Д. Мстиславский. Гибель царизма, стр. 76).

В. И. Зоф, Н. А. Емельянов. В исполнительную комиссию большевиков Сестрорецкого района входили И. Андреев, А. Палкин, Ф. Петров[26]. Влияние большевиков среди рабочих-оружейников было исключительно велико. Уже 28 февраля на многотысячном митинге горожан и рабочих Зоф и Емельянов были избраны депутатами Петроградского Совета[27]. Восставший пролетариат Сестрорецка 28 февраля захватил большое количество оружия и боеприпасов, передав его основную часть петроградским рабочим. На пограничной станции Белоостров рабочие организовали красногвардейскую железнодорожную комендатуру, которая контролировала сообщение с Финляндией, телеграфную связь и действия железнодорожной администрации. На учет у лавочников были взяты все запасы продуктов[28]; для охраны революционного порядка 1 марта была создана рабочая милиция, которую возглавляли большевики М. Н. Ильин, А. А. Андреев, П. Г. Шилов[29]. В городе был создан Временный революционный комитет, в который вошли представители различных групп и политических организаций: большевиков, меньшевиков, эсеров, совета заводских старост, продовольственной комиссии, милицейской комиссии, женской организации, бельгийского общества, польской и эстонской организаций, солдаты и офицеры воинских частей[30].

Отзвуки этих бурных событий мы находим и в протоколе заседания Петроградского Совета 28 февраля. Сестрорецкие представители сообщили, что у них избраны комитет и депутаты в Петроградский Совет; полиция разоружена и бездействует («Все отдали винтовки»[31]).

Как же реагировали руководители Совета на вести, полученные из Сестрорецка?

Информация сестрорецких представителей пришлась явно не по вкусу члену исполнительного комитета Совета Б. Богданову — представителю правого крыла меньшевиков, видному деятелю гвоздевской «рабочей группы» при Центральном военно-промыш-

---

[26] Всего к моменту революции в районе было около 100 большевиков («Петроградская правда», 24 февраля 1923 г.).

[27] «Бастионы революции». Сб. материалов из истории ленинградских заводов, вып. I. Л., 1957, стр. 226.

[28] В. А. Цыбульский. Рабочие Сестрорецкого завода в 1917 г.— «История СССР», 1957, № 4, стр. 143, 144.

[29] А. И. Давиденко. Сестрорецк. Очерки по истории города. Л., 1962, стр. 77.

[30] Там же, стр. 78. Автор относит образование Временного революционного комитета к 8 марта.

[31] ГАОРСС ЛО, ф. 1000, оп. 73, д. 1, л. 3 об. В протоколе не расшифровывается характер избранного комитета, но из сказанного выше можно заключить, что здесь говорится о революционном комитете, возникшем в ходе событий. Из приведенной записи следует, что начало организации революционного комитета относится к 27—28 февраля. В. А. Цыбульский вообще точно не датирует образование комитета, оставляя этот вопрос открытым («История СССР», 1957, № 4).

ленном комитете (ЦВПК). Он воспротивился предложению утвердить Сестрорецкий комитет, считая, что одного комитета недостаточно. Богданов призывал к организации революционного самоуправления «не только для рабочих, но и для всего революционного населения Сестрорецка». Возражая против утверждения революционного комитета, Богданов пытался также ссылаться на недостаток оружия [32]. Даже из этой беглой записи видно, насколько претила лидерам Петроградского Совета идея самостоятельной организации масс. Под видом единения всех «живых сил» они всячески стремились растворить революционные органы рабочего класса в буржуазных организациях самоуправления. У нас нет прямых данных, позволяющих проследить, как повлияла позиция лидеров Петроградского Совета на сестрорецких рабочих. Но, по-видимому, не без давления меньшевиков и эсеров сложился 8 марта тот состав революционного комитета, о котором было упомянуто. Есть все основания полагать, что в самые первые дни революции этот комитет носил более классово выраженный характер. Слова Богданова о необходимости расширения революционного управления для всех слоев «революционного населения» Сестрорецка говорят в пользу такого предположения. Эсеро-меньшевики были противниками революционных «крайностей». Существование «общенародного» комитета было недолговечным; революционные массы быстро отрешались от соглашательских иллюзий. Уже 20 марта в Сестрорецке был создан большевистский революционный комиссариат, деятельность которого поддерживало большинство трудящегося населения [33].

На заседании Петроградского Совета рассматривался также вопрос о финансах. Разумеется, очень трудно по отдельным фразам и словам восстановить обстановку обсуждения. Финансовая проблема была затронута в докладе Стеклова. Докладчик отвергал путь получения необходимых Совету средств явочным порядком, хотя и признавал реальность такого подхода. («Есть много оснований полагать на свою прерогативу, с которой делиться не можем. Рабочий класс и Совет рабочих депутатов имеет право начать».) Однако встать на такой путь значило бы признать Совет единственной реальной властью и отвергнуть притязания комитета Государственной думы. Стеклов предложил иной выход: обратиться к думскому комитету, который «финансирует средства», а также «к населению и крестьянам», чтобы они пришли «на помощь Совету рабочих депутатов» своими «взносами и добровольными пожертвованиями» [34].

Более четко позиция Совета в финансовых вопросах сформулирована в постановлении о финансах, опубликованном в «Известиях» 1 марта 1917 г. До сих пор не выяснено, когда и на каком

---

[32] ГАОРСС ЛО, ф. 1000. оп. 73, д. 1, л. 3 об., 4.
[33] А. И. Давиденко. Указ. соч., стр. 78.
[34] ГАОРСС ЛО, ф. 1000, оп. 73, д. 1, л. 3.

заседании принималось это постановление. Обычно его датируют 1 марта, т. е. днем опубликования в «Известиях»[35]. Н. Авдеев относит это постановление к 27 февраля[36]. Анализ протокола пленарного заседания Совета от 28 февраля приводит к выводу, что постановление было принято на этом заседании. Прежде всего обращает на себя внимание одинаковый подход к проблеме и в докладе Стеклова, и в постановлении о финансах. И в докладе, и в постановлении единственным распорядителем средств объявляется Временный комитет Государственной думы. Изъятие государственных средств у старой власти, согласно постановлению, Совет поручил произвести Временному комитету[37].

Совет согласился избрать совместно с комитетом думы финансовый комитет, который наделялся широкими полномочиями. Об избрании финансового комитета «в прошлый раз» говорилось и на заседании Совета, откуда следует, что финансовый комитет был назначен еще 27 февраля.

При обсуждении финансового вопроса на заседании говорилось о двух сторонах этой проблемы. «С одной стороны, общую задачу и, кроме того, специальную». К сожалению, протокол донес до нас только обсуждение «специальной» задачи, т. е. путей финансирования работы Совета. Что касается общих принципов, то они нашли воплощение в постановлении. Как известно, отправным моментом для соглашателей было признание первенствующей роли в основных вопросах революции Временного комитета Государственной думы с оставлением за Советом лишь функций проверки и контроля. Этими соображениями они руководствовались и здесь[38]. Большой накал страстей вызвал у депутатов Совета провокационный приказ председателя Временного комитета Государственной думы Родзянко, обращенный к войскам Петроградского гарнизона. Этот приказ настоятельно призывал все воинские части Петрограда 28 февраля покинуть улицы и возвращаться в казармы к своим обязанностям, а также нести обратно взятое оружие[39].

Приказ Родзянко в виде листовки был расклеен на улицах. Экземпляры приказа Родзянко появились и в здании Таврического дворца[40].

---

[35] «Революционное движение в России после свержения самодержавия», стр. 190.

[36] Н. Авдеев. Революция 1917 г. (Хроника событий), т. 1. М., 1923, стр. 42.

[37] «Известия Петроградского Совета рабочих депутатов», 1 марта 1917 г.

[38] Отзвуки этого обсуждения имеются в газетном отчете, где сказано, что Совет решил предложить Временному комитету Государственной думы принять участие «в известной доле финансирования» потребностей Совета (там же).

[39] Н. Суханов. Указ. соч., кн. 1, стр. 207; М. Рафес. Указ. статья, стр. 193.

[40] М. Рафес. Указ. статья, стр. 193.

Председатель Государственной думы «вразумлял» солдат не только в тексте приказа. Подобные призывы звучали 28 февраля и в многочисленных его выступлениях перед солдатами. Некоторые из этих выступлений опубликованы в органе комитета петроградских журналистов — «Известиях революционной недели». Родзянко увещевал воинские части не тратить время для долгих разговоров, найти своих офицеров и ждать приказаний Временного комитета Государственной думы; уговаривал солдат стать под команду офицеров, подчиняющихся Государственной думе. Но в приказе глава Временного комитета пошел еще дальше, он раскрыл замыслы буржуазии: оторвать восставшую армию от народа, лишить Совет рабочих и солдатских депутатов главного источника его силы — вооруженной поддержки и покончить с двоевластием. Это была судорожная попытка остановить революцию.

Не удивительно поэтому, что контрреволюционная вылазка Родзянко породила возмущение депутатов Совета. Возникли бурные и страстные прения; выступили представители различных партийных направлений[41]. Об очень ярких и страстных речах с призывом арестовать Родзянко и думский комитет, которых депутаты Совета обвиняли в предательстве и провокаторстве, пишет очевидец событий М. Рафес[42]. Материалы протокола вполне подтверждают это. Сообщение о приказе Родзянко сделал член исполкома Богданов. По его словам, после получения приказа в Совете от Временного комитета Государственной думы поступило через несколько минут разъяснение, в котором говорилось, что приказ Родзянко отменен и не подлежит никакому распространению[43]. Богданов стремился замять конфликт, не допустить широкого обсуждения. Однако этот маневр не удался. Хотя отдельные депутаты, вроде меньшевика Чернева[44], призывали к сохранению хладнокровия, большинство присутствующих не поддалось на уговоры Богданова. Депутат Павлов назвал приказ Родзянко погромной прокламацией. Он обвинил Родзянко в стремлении к восстановлению старого порядка и в предательстве. Павлов потребовал явки главы Временного комитета Государственной думы на заседание Совета с объяснениями[45]. Дважды на заседании брал слово представитель большевиков В. Молотов. Издание приказа он оценил

---

[41] Партийная принадлежность ораторов специально оговаривается, за исключением тех случаев, когда ее не удалось установить.

[42] М. Рафес. Указ. статья, стр. 193.

[43] ГАОРСС ЛО, ф. 1000, оп. 73, д. 1, л. 7.

[44] Чернев был близок к соглашательскому ядру Совета. 2 марта он был направлен лидерами Совета на переговоры с руководством общегородской милиции по вопросу о слиянии с ней рабочей милиции и создании единой общегородской милиции. Об этом рассказывает З. Кельсон, секретарь общегородской милиции, организованной при буржуазной городской думе («Былое», 1925, № 1 (29), стр. 172). Начальником общегородской милиции был гласный городской думы архитектор Д. А. Крыжановский.

[45] ГАОРСС ЛО, ф. 1000, оп. 73, д. 1, л. 9.

как контрреволюционный шаг со стороны Родзянко. Молотов предложил выразить протест и принять меры против контрреволюционных выступлений. Он потребовал уничтожить отпечатанный приказ. Представитель большевиков напомнил, что революцию «провел рабочий класс с революционной армией». В записи речи Молотова есть упоминание о демократической республике и об «отнятии» земель [46].

Большевики, следовательно, квалифицировали прокламацию Родзянко как сознательное наступление на революцию, на боевое единство пролетарских и солдатских рядов. Гарантии против подобных выпадов они видели в осуществлении программных требований революции.

Доводы большевиков встречали сочувствие и других депутатов. О реакционной тенденции Родзянко и Гучкова говорил Грибков; депутат Сахаревский назвал приказ контрреволюционным актом и потребовал отпечатать специальное постановление Совета, впредь выпускать все бумаги от имени Совета [47].

Часть депутатов, стоявшая на позициях мелкобуржуазных партий, осуждая Родзянко, остерегалась призывать к радикальным мерам. Этому в немалой степени способствовала линия непосредственных руководителей Петроградского Совета — Н. Чхеидзе и А. Керенского, входивших в состав думского комитета. Когда депутаты потребовали у них объяснений происходящего, Керенский и Чхеидзе сразу же постарались отделить думский комитет от Родзянко, представив весь инцидент как личную инициативу последнего [48]. Представители эсеро-меньшевистского лагеря не решались настаивать на принятии решительных мер против Временного комитета Государственной думы. Бундовец Рафес призывал усилить контроль над комитетом. Соглашаясь с тем, что Совет рабочих депутатов должен потребовать объяснений, Рафес, однако, не считал нужным обострять отношения. Он даже защищал думский комитет от критики, утверждая, что «сегодня думский комитет помогает» [49]. К усилению контакта с думцами взывал и депутат Бельский; меньшевик Канторович, критикуя действия Временного комитета, назвал приказ Родзянко покушением на революцию. Он предлагал потребовать от думского комитета прекращения поползновений против «революционного народа и пролетариата», полагая, что думские политики испугаются и после этого изменят свое поведение («убоятся», по словам Канторовича) [50]. Меньшевик Гриневич вообще считал, что на бумажке с приказом останавливаться не следует.

Лидеры Совета попытались прекратить прения. Богданов внес

---

[46] ГАОРСС ЛО, ф. 1000, оп. 73, д. 1, лл. 10 об.— 11, 13—13 об.
[47] Там же, л. 11.
[48] М. Рафес. Указ. статья, стр. 193.
[49] ГАОРСС ЛО, ф. 1000, оп. 73, д. 1, л. 11—11 об.
[50] Там же, лл. 10—10 об., 11 об.— 12.

проект резолюции, в которой предлагалось Чхеидзе и Керенскому от имени Совета заявить протест комитету Государственной думы. Проект резолюции предлагал также поручить исполнительному комитету Совета выяснить взаимоотношения Совета и думского комитета; выяснить отношение думского комитета к армии и к вопросам ее организации. Предлагалось на следующий день вновь вернуться к обсуждению положения, возникшего в связи с приказом Родзянко [51]. Такое робкое и половинчатое решение не могло удовлетворить присутствующих. Депутат Савинков [52] потребовал делегировать к думцам Чхеидзе и Керенского и немедленно принести ответ. Он заметил, что прокламацию Родзянко читали уже около 1000 человек. Родзянко не отказывался от заявления, поэтому говорить здесь не о чем. Савинков предлагал «обезвредить» прокламацию. Бундовец Эрлих внес собственный проект резолюции, который в общем мало чем отличался от богдановского и страдал тем же коренным недостатком — отсутствием действенности. В резолюции Эрлиха выдвигалось требование о том, чтобы документы из Таврического дворца не выходили без засвидетельствования их представителями рабочего класса [53]. Таким образом, снова призыв к усилению взаимосвязи и контакта двух непримиримых в классовом отношении органов — власти народа в лице Совета рабочих и солдатских депутатов и ведущего органа буржуазии!

Павловичем (псевдоним большевика П. А. Красикова) были внесены поправки к проекту Богданова. Он потребовал выяснить, какова позиция Временного комитета Государственной думы («за или против демократического движения» [54]).

Непоследовательный характер носило выступление Стеклова. Он убеждал не предпринимать активных действий до того, пока Керенский предварительно не присоединится к протесту в связи с приказом Родзянко. Вместе с тем Стеклов считал, что надо объяснить ситуацию солдатам, чтобы они проявляли осторожность и оставались на улице.

Учитывая критику, Богданов внес дополнения в первоначальный проект резолюции. Уточненный проект предусматривал: 1) заявить протест в думский комитет от имени социал-демократов и трудовиков; 2) отдельно выразить протест от имени Совета; 3) выяснить взаимоотношения Совета с комитетом Государственной думы, связав «с вопросом об организации наших сил», чтобы гарантировать «наше влияние на ход революционного движения» [55]. «Улучшенный» проект не предусматривал никаких радикальных

---

[51] Там же, л. 12 об.

[52] Там же, л. 13. Дополнительных данных о личности Савинкова установить не удалось. Однако совершенно ясно, что речь идет здесь не об известном эсере-террористе Савинкове.

[53] ГАОРСС ЛО, ф. 1000, оп. 73, д. 1, л. 13.

[54] Там же, л. 13 об.

[55] Там же, л. 14.

мер на случай новых возможных покушений Временного комитета Государственной думы на прерогативы Петроградского Совета.

Стараниями лидеров Совета обсуждение острого вопроса было фактически скомкано. Усилия меньшевистско-эсеровских руководителей Совета были направлены на то, чтобы выгородить Родзянко и Временный комитет Государственной думы и вывести их из-под удара [56]. Принципиальная линия мелкобуржуазных лидеров Совета состояла в том, чтобы искать пути соглашения с комитетом Государственной думы. Отсюда и проистекало естественное стремление к сохранению думского комитета для продолжения закулисных манипуляций с буржуазией. Соглашательская линия, как известно, привела уже на другой день к достижению договоренности между Советом и Временным комитетом об образовании буржуазного Временного правительства, которое было окончательно создано в ночь на 2 марта. Лидеры Совета боялись даже думать о превращении революционной власти восставшего народа в орган государственной власти.

Однако вмешательство Совета не прошло бесследно. Временный комитет Государственной думы не мог не реагировать на столь дружное осуждение провокационного акта Родзянко. Под давлением обстоятельств начальник Петроградского гарнизона полковник Энгельгардт 1 марта издал приказ по гарнизону, в котором «опроверг» слухи об отобрании оружия у солдат. Как председатель военной комиссии Государственной думы полковник Энгельгардт обещал принять самые решительные меры против подобных действий со стороны офицеров, вплоть до расстрела виновных [57].

Приказ Энгельгардта был вызван к жизни возмущением солдатской массы и резким вмешательством Петроградского Совета. В результате с приказом Родзянко было покончено, он больше не распространялся.

Прямым откликом на провокационную вылазку Родзянко была активизация солдатской массы; в частности, ответом на приказ Родзянко явились события 1 марта и появление на свет знаменитого приказа № 1, основные положения которого были выработаны и сформулированы солдатами. Об этом подробно рассказано в воспоминаниях Н. Соколова, который был председателем на первом заседании солдатской секции Петроградского Совета 1 марта и записал текст продиктованного ему приказа [58]. «С опубликованием

[56] Показательно, что в «Известиях» Совета об инциденте с приказом Родзянко вообще ничего не сказано. Вскользь упомянуто лишь, что «в связи с вопросом о мерах, принятых для организации армии, решено выяснить взаимоотношения между комитетом думы и Советом рабочих депутатов» («Известия Петроградского Совета рабочих депутатов», 1 марта 1917 г.).

[57] «Известия революционной недели», 2 марта 1917 г.

[58] Н. Д. Соколов. Как родился приказ № 1.— «Огонек», 1927, № 11 (207); см. также: Н. Суханов. Указ. соч., кн. 1, стр. 265, 267. В составлении и редактировании приказа № 1 активное участие принимал большевик А. И. Падерин («Пролетарская революция», 1924, № 8—9).

приказа № 1,— пишет Соколов,— положение Совета рабочих депутатов резко изменилось к лучшему. Совет как-то сразу осознал себя как реальную величину, опирающуюся на подлинную реальную базу — Петроградский гарнизон» [59].

Обсуждая вопросы текущих событий, Петроградский Совет не мог отстраниться от того, что происходило на улице, где еще продолжалось сопротивление последних очагов самодержавного режима. В протоколе скупым языком излагалось выступление меньшевика М. Скобелева, прибывшего на заседание с сообщением о взятии Петропавловской крепости, этого мрачного символа самодержавного режима. По словам Скобелева, гарнизон крепости, узнав, на чьей стороне вооруженная сила, присоединился без боя к революции. От имени Государственной думы в крепость был назначен новый комендант [60]. Военной победе революции было посвящено и выступление председателя Петроградского Совета меньшевика Чхеидзе [61].

Таковы основные вопросы, стоявшие в порядке дня заседания Петроградского Совета 28 февраля. Их важность и актуальность не подлежат сомнению. Все это служит новым подтверждением того бесспорного положения, что Петроградский Совет, сформированный восставшим пролетариатом и гарнизоном столицы, был властью народа. По определению В. И. Ленина, Петроградский Совет был главным, хотя и неофициальным рабочим правительством, выражающим интересы всех беднейших масс населения, т. е. $^{9}/_{10}$ населения, добивающимся мира, хлеба, свободы [62]. Опираясь на массы, Совет имел исключительно благоприятные условия для превращения в орган государственной власти, в орган борьбы за мирную победу социалистической революции. Этому помешала политика мелкобуржуазных лидеров Совета, ставших на путь сдачи власти буржуазии. Пытаясь занять среднюю, промежуточную позицию между буржуазией и революционным пролетариатом, эсеро-меньшевистские лидеры стали быстро эволюционировать вправо, делая одну уступку за другой и обессиливая Совет. Политика соглашательских авантюр и комбинаций завела их в конечном итоге в болото буржуазной контрреволюции. Сомкнувшись с контрреволюцией в июле 1917 г., эсеро-меньшевистская верхушка, по образному выражению В. И. Ленина, оказалась на самом дне помойной контрреволюционной ямы. Только полный разрыв с соглашательством вывел Петроградский Совет на путь революционной борьбы за социалистическую революцию под руководством марксистско-ленинской партии.

---

[59] «Огонек». 1927, № 11 (207), стр. 8.
[60] ГАОРСС ЛО, ф. 1000, оп. 73, д. 1, л. 9—9 об.
[61] Там же, л. 14—14 об.
[62] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 18, 19.

СТАВКА И СОЛДАТСКИЕ КОМИТЕТЫ В МАРТЕ 1917 г.

★

В. И. МИЛЛЕР

История солдатских комитетов, существовавших в русской армии в 1917 г., не получила достаточного освещения в нашей литературе. Возникшие уже в первые дни Февральской революции солдатские комитеты были своеобразными организациями трудящихся, аналогичными Советам. Партия большевиков уделяла много внимания этим революционным организациям. Немногочисленные большевистские организации в армии и даже отдельные большевики, разбросанные по фронту, были, как правило, инициаторами создания и руководителями первых солдатских комитетов.

Самим фактом своего существования солдатские комитеты противопоставляли себя офицерству, лишали его власти или, в лучшем для офицеров случае, ограничивали их власть. Понятно поэтому стремление генералитета запретить создание комитетов, остановить их рост. Однако позиция командования по отношению к комитетам не оставалась неизменной. Уже в конце первой декады марта Ставка [1] пришла к выводу о необходимости не только при-

[1] В годы первой мировой войны Ставкой называли полевой штаб верховного главнокомандующего, находившийся в Могилеве. До 2 марта 1917 г. верховным главнокомандующим считался царь, но фактически руководил боевыми операциями начальник штаба верховного главнокомандующего (наштаверх) генерал М. В. Алексеев. После отречения царя Алексеев стал временно исполнять обязанности верховного главнокомандующего, а 2 апреля Временное правительство официально утвердило его на этом посту. К числу руководителей Ставки относились также генералы В. Н. Клембовский (помощник начальника штаба верховного главнокомандующего), А. В. Лукомский (генерал-квартирмейстер) и П. К. Кондзеровский (дежурный генерал). Поэтому слово «Ставка» употребляется в статье как синоним верховного командования русской армии.

знать их, но и развернуть работу, чтобы овладеть ими и регламентировать их деятельность.

Целью настоящей статьи является попытка проследить этот поворот в политике Ставки и выяснить, какие факторы оказали влияние на изменение ее политики.

После свержения царского самодержавия Ставка направила свои усилия к тому, чтобы оградить армию от проникновения в нее революционных идей, сохранить ее вне политики и тем обеспечить возможность продолжать войну. Поэтому Ставка сразу заняла резко отрицательную позицию в отношении такой опасной, с точки зрения командования, формы революционной организации, возникшей в армии, какой были солдатские комитеты. Однако долго придерживаться такой политики Ставка не могла. Растущая революция вынудила Ставку изменить свою политику, прибегнуть к маневрированию, избрать эластичную тактику в отношении солдатских комитетов.

Первые солдатские комитеты появились на фронте уже 1—2 марта. Распространение приказа № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов ускорило процесс возникновения комитетов, дало известную программу их деятельности. Однако в первые дни марта солдатские комитеты еще не упоминались в переписке Ставки. В какой-то степени это объясняется тем, что в те дни Ставка была занята другими вопросами, прежде всего связанными с отречением Николая II.

Первое упоминание о солдатских комитетах в документах Ставки появляется только 4 марта. В телеграмме генерала Алексеева вел. кн. Николаю Николаевичу, находившемуся тогда в Тифлисе, сообщалось: «Главкосев телеграфирует, что Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов издан приказ № 1 Петроградскому гарнизону о выборах комитетов из представителей от нижних чинов, о главенствующем значении самого Совета и взаимоотношениях между офицерами и нижними чинами. Приказ этот распространяется в войсках частях и вносит смущение в умы» [2]. Далее в телеграмме говорилось о переходе власти в гарнизоне Выборга в руки солдатских делегатов, о создании солдатского комитета в Калуге и т. п. Заканчивая телеграмму, Алексеев сообщал, что одновременно собирается списаться с председателем Государственной думы и военным министром, так как «при продолжении подобных неурядиц зараза разложения быстро проникнет в армию, и армия станет небоеспособной» [3]. Однако события развивались далеко не так, как хотел генерал Алексеев. Комитеты все шире охватывали армию. Ставка нервничала, но сделать ничего не могла. В разговоре по прямому проводу 4 марта между только что вступившим в должность военного министра Гучковым и Алексеевым

[2] «Революционное движение в России после свержения самодержавия». Документы и материалы. М., 1957, стр. 607.

[3] Там же, стр. 609.

Гучков не только не мог обещать помощь Ставке, но даже просил «не принимать суровых мер против участников беспорядка; они только подольют масла в огонь и помешают тому успокоению в центре, которое теперь наступает. Без центра мы не успокоим и фронт» [4]. Единственное, что Алексеев мог вынести утешительного из беседы с Гучковым, так это его слова: «В Петрограде общее успокоение умов идет довольно быстро вперед. Очень рассчитываю, что это влияние через некоторое время скажется и у вас на фронте» [5]. Естественно, столь неопределенные обещания не могли устроить Алексеева, тем более что с фронтов непрерывно приходили известия о новых и новых солдатских выступлениях. Уже на другой день, 5 марта, в новой телеграмме, направленной Львову, Родзянко и Гучкову, Алексеев, ссылаясь на данные, полученные с Северного фронта, сообщал о стремлении «каких-то неуловимых элементов создать солдатские организации на фронте, могущие нарушить порядок» [6]. Прошло лишь несколько часов, и Алексеев направил военному министру новую телеграмму, в которой с тревогой сообщал, что революционная волна докатилась до самой Ставки. Генерал Алексеев писал: «Среди нижних чинов распространяются здесь листки и прокламации Совета солдатских и рабочих депутатов, требующие немедленного выбора делегатов в Петроград, признания республики, обезоруживания несочувствующих ей и немедленного введения внеслужебных льгот» [7]. В этой не очень точной передаче мы снова ясно слышим отзвуки приказа № 1. Из создавшегося положения Алексеев видел один выход — срочно издать постановление Временного правительства, в котором твердо было бы заявлено, что «армии никто не смеет касаться и что все распоряжения должны проходить через верховного главнокомандующего».

Приведенные телеграммы и переговоры Алексеева неоспоримо свидетельствуют о том, что руководство Ставки совершенно не представляло себе той обстановки, которая реально сложилась в Петрограде. Видимо, в Ставке быстро почувствовали, что они не имеют достаточно полного представления о ходе революции. В результате не ранее 4 марта, но и не позднее утра 5 марта в Петроград был командирован видный чиновник дипломатической канцелярии Ставки П. А. Базили. Нам не удалось установить, получил ли он какие-либо письменные инструкции. Но анализ его сообщений в Ставку позволяет сделать вывод, что перед ним был поставлен ряд задач, из которых главная заключалась в установлении непосредственного контакта с руководителями Временного правительства с целью скорейшего решения тех вопросов, которые

[4] «Революционное движение в России после свержения самодержавия», стр. 607.

[5] Там же, стр. 606.

[6] «Красный архив», 1927, № 3 (22), стр. 51; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 134, л. 80.

[7] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 139, л. 14.

волновали в те дни Алексеева и его ближайшее окружение. Это прежде всего вопросы о верховном главнокомандовании, о присяге и, естественно, о мерах, которые необходимо принять, чтобы оградить армию от влияния революции.

Как видно из телеграммы генерала Гурко генералам Брусилову и Алексееву, 6 и 7 марта по радио из Петрограда были переданы приказы № 1 и 2, которые были приняты многими фронтовыми радиостанциями [8]. Хотя приказ № 2 был издан с целью разъяснить приказ № 1 и подчеркнуть его локальный характер, тем не менее, как отмечал еще в свое время С. Е. Рабинович [9], во многих местах, где дотоле о приказе № 1 не знали, он сыграл роль, не успокаивающую, а скорее будоражащую.

Как известно, приказ № 1 (в опубликованном варианте) не содержал ни слова о выборности командного состава, но приказ № 2 прямо указывал, что «все произведенные до настоящего времени выборы офицеров, утвержденные и поступившие на утверждение военного начальства, должны остаться в силе». И далее: «До того времени, когда вопрос о выборных начальниках будет разрешен вполне точно, Совет признает за комитетами отдельных частей право возражений против назначения того или иного офицера». Таким образом, приказ № 2, хотя и содержал положение о том, что солдаты обязаны подчиняться всем распоряжениям «военных властей» в отношении военной службы, не мог примирить Ставку с Советами и комитетами. Когда 7 марта из штаба Кавказской армии поступил в Ставку запрос о содержании приказа № 2, генерал Алексеев наложил на телеграмме следующую резолюцию: «Совет рабочих и солдатских депутатов к составу правительства не принадлежит. Приказы его никакого отношения к армии не имеют. Нужно чаще говорить с солдатами и разъяснять им» [10].

6 марта произошли еще два события, которые неизбежно должны были ослабить сопротивление Ставки натиску революционной волны. Приехавший в Петроград Базили передал свое первое сообщение генералу Лукомскому. В разговоре по прямому проводу с Базили Лукомский заявил, что для успокоения армии «необходимо прекратить какое-либо сношение с армией комитетам делегатов от рабочих и солдат». На это Базили коротко заметил: «Опасаюсь, что это невозможно» [11]. В конце беседы Базили подчеркнул, что Временное правительство старается действовать, насколько

---

[8] Там же, д. 134, лл. 77—82.

[9] С. Е. Рабинович. Борьба за армию в 1917 г. М.—Л., 1930, стр. 19, 20.

[10] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 136, л. 186. Интересно отметить, что эта резолюция была использована генералом Лукомским в его телеграмме от 7 марта начальникам штабов фронтов по поводу распространения приказов Петроградского Совета («Революционное движение в России после свержения самодержания», стр. 619, 620).

[11] ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 62, л. 239.

возможно, в согласии с Советом. В тот же день Алексеев получил телеграмму военного министра № 9215, которая содержала приказ Гучкова по Военному министерству № 114. Военный министр официально признавал необходимость выполнения большей части двух последних пунктов приказа № 1 (п. 6 — об отмене ограничений солдат в гражданских правах и п. 7 — об отмене титулования офицеров и унизительного обращения к солдатам на «ты»). Хотя из телеграммы следовало, что Гучков не хочет принять формулировку вопроса об отдании чести, предлагаемую Советом, но он не рисковал сохранить даже простое упоминание о взаимном приветствии вне службы, ибо «решение этого вопроса таким образом, несомненно, вызвало бы протест Совета рабочих депутатов». Ни в телеграмме, ни в содержавшемся в ней приказе не упоминались солдатские комитеты, но положение приказа о том, что солдатам разрешается «участие в качестве членов в различных союзах и обществах, образуемых с политической целью», давало основание для того, чтобы под этими «союзами и обществами» понимать и самочинные солдатские организации. О том, что такое предположение возникло в Ставке, свидетельствует реакция ее руководства на телеграмму № 9215. Немедленно по получении телеграммы содержавшийся в ней приказ был доведен до войск в виде приказа № 348 начальника штаба верховного главнокомандующего [12]. Гучкову же Алексеев направил телеграмму, в которой, сообщая об отданном приказе, заявлял: «Считаю настоятельным предупредить, что коренную ломку во время войны основ и устоев старых уставов в смысле допущения солдат к участию в политических обществах и союзах признаю гибельной для поддержания дисциплины и успеха ведения войны ввиду неминуемого раскола в армии» [13].

На другой день, 7 марта, в новой телеграмме, направленной Родзянко, Львову и Гучкову, Алексеев писал уже о возникших «недоразумениях», которые имели место в связи с телеграммой № 9215 «в части, касающейся участия солдат в различных обществах, союзах и кружках, образуемых с политической целью». В телеграмме говорилось: «Во избежание различных толкований мною разъяснено, что указанное разрешение надлежит понимать в том смысле, что все солдаты могут состоять членами различных политических обществ, *но отнюдь не создавая таковых*» (курсив наш.— *В. М.*).

Как видим, разъяснения Алексеева были направлены на то, чтобы столь опасное, с его точки зрения, положение не могло быть понято как разрешение образования солдатских организаций.

Между тем в Петрограде происходили важные события, имевшие самое непосредственное отношение к событиям, происходившим на фронте. Вечером 6 марта на квартире военного министра

---

[12] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 139, л. 22.
[13] Там же, л. 21а.

состоялось заседание с участием делегации исполнительного комитета Совета. В ходе заседания было выработано воззвание к войскам фронта, объявлявшее, что приказы № 1 и 2 относятся только к войскам Петроградского округа, и обещавшее армиям фронта, что «новые правила отношений солдат и командного состава» будут выработаны военным министром в согласии с исполнительным комитетом Совета. Утром 7 марта текст воззвания в виде приказа № 3 был утвержден исполнительным комитетом Совета [14], и в тот же день (очевидно, после новой встречи с представителями Совета) Гучков лично передал его в Ставку. Можно предполагать, что в Ставке этот документ был встречен с одобрением, ибо он свидетельствовал об отступлении исполнительного комитета Совета перед требованиями Временного правительства. Поздно вечером в Ставку пришла очередная телеграмма от Базили, в которой сообщалось: «Положение, по-видимому, улучшается. У военного министра виделся с представителями Совета р. д. Те из них, с которыми я беседовал, высказывали определенное намерение довести войну до конца... Обещают послать на фронт представителей Совета р. д., что, по общему здесь мнению, имело бы огромное значение» [15]. Таким образом, материалы, полученные в Ставке 7 марта, позволяли ее руководителям надеяться, что постепенно можно будет восстановить прежние порядки на фронте. Это новое настроение реализовалось в «Записке», составленной в Ставке 7 марта [16]. В «Записке» содержался перечень мероприятий, которые, по мнению ее авторов, нужно было немедленно осуществить в армии для наведения в ней «порядка». Ставка требовала: 1) издать правительственный акт о запрещении въезда всевозможных депутаций и делегаций в районы театра военных действий, подчиненные главнокомандующим; 2) не допускать впредь арестов высших чинов армии солдатами и гражданскими чинами (городскими комитетами); 3) не допускать изменения существующих уставов и положений, ведущих к нарушению основы воинских взаимоотношений, дисциплины и порядка, без заключения Ставки; 4) запретить допуск солдат в политические клубы и собрания; если же это нововведение отменить нельзя, то обезвредить его указанием на то, что оно касается лишь солдат, находящихся вне театра военных действий, и то только в свободное от службы время; 5) издать правительственное постановление, восстанавливающее авторитет и власть офицеров и требующее от солдат безусловного подчинения своим начальникам, как офицерам, так и избранным из среды солдат; 6) оставить в полной силе все карательные меры за несоблю-

---

[14] «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний исполнительного комитета и Бюро И. К.». М.—Л., 1925, стр. 24.

[15] ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 62, лл. 229—230.

[16] «Записка» была доложена Временному правительству секретарем дипломатической канцелярии Ставки А. В. Солдатенковым.

дение дисциплины и возмущение военнослужащих против своих начальников и т. п.[17]

Составляя эту «Записку», Ставка не знала истинного положения дел в Петрограде и считала Временное правительство всесильным. Однако эта иллюзия рассеялась, как только в Ставке была получена телеграмма Базили от 8 марта. В ней сообщалось: «Солдатенков в присутствии генерала Корнилова доложил А. И. Гучкову привезенную им записку. Военный министр вполне сознает настоятельную и срочную необходимость принятия изложенных в ней мер, но меры эти могут привести к цели лишь под условием, что не будет противодействия со стороны Совета рабочих депутатов. В руках последнего находится вся фактическая сила, он может запретить даже печатание любого распоряжения со стороны Временного правительства. У Временного правительства имеется лишь сила убеждения, и благодаря ей положение постепенно, хотя и весьма медленно, улучшается»[18]. Телеграмма Базили показывала тщетность надежд Ставки, возлагаемых на Временное правительство. К этому следует добавить также, что, видимо, Базили довольно точно передал мнение Гучкова, высказанное в его присутствии; это видно из письма Гучкова к Алексееву от 9 марта. Гучков писал: «Временное правительство не располагает какой-либо реальной властью, и его распоряжения осуществляются лишь в тех размерах, как допускает Совет рабочих и солдатских депутатов. Можно прямо сказать, что Временное правительство существует, пока это допускается Советом рабочих и солдатских депутатов. В частности, по военному Ведомству ныне представляется возможным отдавать лишь те распоряжения, которые не идут коренным образом вразрез с постановлениями вышеназванного Совета»[19].

Однако генерал Алексеев так и не понял истинного положения дел в Петрограде и с удивительным упорством продолжал настаивать на необходимости проведения мер, указанных в «Записке». В телеграмме № 2091, посланной 9 марта, он снова призывал Временное правительство не «потакать» Совету рабочих депутатов и указывал на необходимость «поставить предел бесконечному потоку воззваний и прокламаций рабочей партии...»[20] Гучков не ограничился посылкой приведенного выше письма. Одновременно он командировал в Ставку двух офицеров: полковника Д. В. Саттерупа — начальника мобилизационного отдела главного управления Генерального штаба и полковника Г. Н. Туманова — одного из своих ближайших политических советников. Рекомендуя их генералу Алексееву, Гучков подчеркивал, что оба офицера вполне осведомлены «как в современных условиях по-

[17] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 136, л. 144.

[18] Там же, д. 137, лл. 34—36.

[19] «Революционное движение в России после свержения самодержавия», стр. 429, 430.

[20] А. Шляпников. Семнадцатый год, кн. 2. М.—Л., 1925, стр. 232.

полнения армии, так и в деталях сложившейся в Петрограде обстановки, ибо оба названных штаб-офицера находились с первых же дней революции в Гос[ударственной] думе и в близком общении как с членами Временного правительства, так и с членами Совета раб[очих] и солд[атских] депутатов». Подобная характеристика говорит о том, что на этих офицеров была возложена миссия информировать Ставку о положении в Петрограде и, может быть, даже предъявить генералу Алексееву определенные требования. В беседе с кн. Львовым, состоявшейся в середине дня 11 марта, Алексеев говорил: «Вчера здесь был командированный военным министром полковник князь Туманов. Переданные им вопросы спешно будут здесь разрабатываться»[21]. Беседа Алексеева с Львовым закончилась в 15 часов 30 минут, а уже в 16 часов к аппарату подошел сам Туманов. Он беседовал с полковником Якубовичем — сотрудником Гучкова, находившимся в этот момент в Петрограде, и первыми его словами были: «Достигнуто соглашение, решено считаться с создавшимся положением Совета рабочих депутатов»[22]. Отсюда следует, что одним из элементов возложенной на Туманова и Саттерупа миссии было разъяснение Алексееву действительной роли Петроградского Совета в событиях и что, по крайней мере, эту часть своей миссии они выполнили успешно.

На Туманова и Саттерупа было возложено еще одно поручение, касавшееся уже лично Алексеева. 8 марта в «Известиях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» была помещена статья «Распоряжение генерала Алексеева». В статье сначала приводилась полностью телеграмма Алексеева от 3 марта № 1925 о необходимости бороться против «разнузданных революционных шаек», причем подчеркивалось, что «таковые желательно не рассеивать, а стараться захватывать и по возможности тут же назначать полевой суд, приговор которого приводить немедленно в исполнение»[23]; потом давался редакционный комментарий к телеграмме, в котором, между прочим, говорилось: «Генерал Алексеев достоин своего поверженного господина Николая II. Дух кровавого царя жив в начальнике штаба верховного главнокомандующего. Своим распоряжением генерал Алексеев сам подписал себе приговор в глазах искренних сторонников нового строя». Появление такой статьи в «Известиях», естественно, не могло не обеспокоить Временное правительство, которое уже тогда взяло курс на передачу генералу Алексееву верховного командования[24]. Туманов и Саттеруп не только должны были разъяс-

[21] «Красный архив», 1927, № 3 (22), стр. 70.

[22] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 137, л. 95.

[23] «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 8 марта 1917 г.; телеграмма опубликована также в «Красном архиве» (1927, № 3 (22), стр. 34, 35).

[24] Еще 6 марта Гучков заявил об этом Алексееву в разговоре по прямому проводу («Красный архив», 1924, № 5, стр. 63).

нить Алексееву подлинное положение в Петрограде, реальную роль Петроградского Совета, но и потребовать от него таких решений и, может быть, публичных заявлений, которые позволили бы Временному правительству говорить о действительном переходе Алексеева на сторону революции.

Подведем некоторые итоги. К 10 марта (т. е. после получения письма от Гучкова и приезда Туманова и Саттерупа) руководству Ставки стало ясно подлинное положение дел. На действенную помощь Временного правительства в сохранении старых порядков в армии оно надеяться уже не могло. С Советом ссориться оно было не в силах. Революционная волна ширилась, число солдатских выступлений росло; перед Ставкой снова встал вопрос о необходимости приспособиться к революционному движению в армии и, взяв его в свои руки, направить по угодному Ставке руслу.

Между тем развитие событий в самом Могилеве подводило руководство Ставки к вполне определенным выводам. Уже в первые дни революции в городе возник солдатский комитет Могилевского гарнизона, состоявший из представителей частей, не причисленных к Ставке. 8 марта собрался на свое первое заседание солдатско-офицерский комитет Ставки, вначале носивший длинное название: «Союз уполномоченных офицеров и солдат частей и учреждений Ставки верховного главнокомандующего» [25]. Генерал Деникин в своих мемуарах изображает дело таким образом, будто и этот комитет возник стихийно и только позже, «с согласия Алексеева, к нему примкнули офицеры, чтобы своим участием дать надлежащий тон и сдерживать в определенных рамках солдатские настроения» [26]. Несколько иначе события отразились в прессе. «Русское слово» в корреспонденции из Могилева от 9 марта сообщало: «С разрешения генерала Алексеева образовалось собрание солдатских и офицерских представителей, выбранных от всех частей и управлений Ставки» [27]. Далее в корреспонденции говорилось, что на первом собрании было до 20 офицеров и 50 солдат; председателем был избран полковник Значко-Яворский. Более подробные сведения о комитете давались в газете «Могилевский вестник». Здесь систематически помещались отчеты о его заседаниях. Из этих отчетов видно, что, по крайней мере, вначале комитет был вполне лоялен по отношению к командованию. Целями комитета были намечены «сближение офицерского и солдатского состава армии и совместное разрешение всех текущих вопросов, связанных с новым положением страны и армии». Уже в отчете о первом заседании комитета «Могилевский вестник» сообщал: «На собрании обнаружилась полная возможность совместной работы ввиду взаимного доверия офицерского и солдат-

[25] «Могилевский вестник», 12 марта 1917 г.

[26] А. И. Деникин. Очерки русской смуты, т. I, ч. 1. Париж, 1927, стр. 92.

[27] «Русское слово», 10 марта 1917 г.

ского состава и желания идти навстречу друг другу»[28]. Руководящая роль офицеров особенно ярко проявилась на втором заседании комитета (10 марта), где проходили выборы постоянного президиума. Формально он был построен на паритетных началах (три солдата и три офицера), но руководящие посты занимали офицеры. В ответ на запрос командования Западного фронта, можно ли допускать на офицерские собрания солдат, Ставка 11 марта телеграфировала: «Наштаверх препятствий не встречает. [В] Штаверх (т. е. в Ставке.— *В. М.*) осуществлено это [в] составе избранных из своей среды офицеров и избранных солдатами солдат для разъяснения отношений, уяснения событий и прочее»[29]. Телеграмма знаменовала поворот в политике Ставки в отношении солдатских комитетов. Учитывая, что к этому времени солдатские комитеты возникли во многих частях армии, Ставка решила овладеть ими. Она надеялась, что введение офицеров в солдатские комитеты позволит командованию удержать солдат в повиновении военным властям, пресечет дальнейшее «разложение» армии и даст возможность офицерам повести за собой солдатскую массу. Такой поворот в политике Ставки в отношении солдатских комитетов произошел в ночь на 11 марта.

Развитие революционных событий и включение армии в политическую жизнь страны показали Ставке, что офицерский корпус не обладает политической подготовкой, необходимой для того, чтобы ориентироваться в новых условиях и тем более вести за собой солдат. 9 марта на офицерском собрании была прочитана лекция о различных формах государственного устройства, Учредительном собрании и пр. Лекция переросла в собеседование, о котором мы знаем из секретного доклада начальника канцелярии по гражданскому управлению Лодыженского генералу Алексееву[30]. В центре внимания довольно быстро оказался вопрос о постановке агитации в армии. В результате обсуждения образовался маленький частный кружок из офицеров Ставки под председательством состоявшего при Ставке сенатора Трегубова «для обсуждения возникающих в связи с этим предположений». Автор доклада указывал, что «относиться к этому делу легкомысленно или с недостаточными для сего средствами нельзя, иначе эти мероприятия не достигнут цели, а самое дело будет в корне скомпрометировано». В заключение доклада Лодыженский указывал, что дело это настолько важное, что «или его совсем не начинать, или взяться за него самым решительным образом, осмысленно и с надлежащими знаниями техники», которыми, по мнению автора, никто из участников кружка не обладал. Жизнь заставляла руководство Ставки искать людей, которые могли бы оказать помощь

---

[28] «Могилевский вестник», 12 марта 1917 г.
[29] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 139, л. 51.
[30] Там же, д. 28, л. 194.

командованию в политическом «просвещении» армии в угодном Ставке духе. И такие люди довольно быстро нашлись.

Вот что писал об этих событиях старый большевик И. Е. Любимов — один из основателей Минского Совета: «Самые первые дни революции... Настроение фронтового командования и Ставки еще не определилось, опасались активного выступления командования против движения; колебания чувствовались в особенности в Ставке. Роль свата между командованием и революцией пытались играть либералы из Земсоюза во главе с его председателем дворянином Вырубовым. В один из моментов земсоюзники ищут Фрунзе, Позерна, меня. Нашли меня. Оказалось, что получены сведения о революционной ненадежности Ставки и Алексеева. Необходимо было послать кого-либо для соответствующего воздействия. После долгих размышлений и сношений с кем-то решил поехать... сам Вырубов» [31]. Так произошла очень важная встреча представителей верховного командования и буржуазных кругов. Поводом для поездки Вырубова послужила, видимо, упомянутая выше статья в «Известиях Петроградского Совета». Результаты этой беседы скоро сказались: 12 марта в газете «Русское слово» появилась корреспонденция из Могилева под названием «Осведомление действующей армии». В корреспонденции говорилось: «Начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Алексеев предложил председателю земского союза Западного фронта Вырубову взять на себя инициативу организации при Ставке «комитета пропаганды» в составе представителей думы, правительства, общественных организаций и Совета рабочих депутатов. Целью комитета будет широкое осведомление армии о происходящих событиях, предупреждение ложных слухов и организация таких же комитетов в расположении войск. Вырубов запросил по этому поводу мнение кн. Г. Е. Львова» [32].

Эта корреспонденция красноречиво говорит о том, что встреча была достаточно «плодотворной». Нужно только добавить, что инициатором создания подобного комитета «Русское слово» считало Алексеева. Между тем в делах Ставки сохранилась копия телеграммы генерала Клембовского (временно исполнявшего обязанности наштаверха после того, как Алексеев стал исполнять обязанности верховного главнокомандующего) Вырубову от 14 марта. Телеграмма была, видимо, вызвана тем, что Ставка испугалась самого названия «комитет пропаганды» и желала заменить «пропаганду» словом «осведомление». В телеграмме подчеркивалось, что комитет создается по инициативе Вырубова. Вот оно, лицо дюжинного либерала! Он едет в Ставку, чтобы предотвратить контрреволюционное выступление, и мгновенно превращается в пособника реакционного генералитета.

---

[31] И. Любимов. Февраль на Западном фронте и Минский Совдеп.— «Пролетарская революция», 1923, № 5 (17), стр. 256.

[32] «Русское слово», 12 марта 1917 г.

Выше уже говорилось о телеграмме в Ставку командования Западного фронта от 10 марта с запросом о возможности допуска солдат на собрания офицеров. В этой телеграмме отмечалась инертность офицерского корпуса в условиях, когда «некоторые политические течения» (а для Минска, откуда была отправлена телеграмма, это в значительной степени большевики) «имеют большой успех» в овладении солдатскими массами. Подписавший телеграмму генерал Квецинский предлагал: «Раз проникновение политики в армию не может быть остановлено, то необходимо, чтобы офицерство взялось за самоорганизацию, дабы иметь соответственное значение в этой новой стороне жизни армии» [33].

Эта мысль о самоорганизации офицерского состава была сразу же подхвачена в Ставке.

К вечеру 11 марта закончился процесс выработки нового политического курса Ставки, который был сформулирован в телеграмме № 2137 Алексеева главкомам [34]. Алексеев выдвинул три основных предложения: первое — о создании в армиях и на фронтах комитетов из работников Земгора, депутатов Государственной думы и умеренных членов Совета (т. е. лиц, не входящих в состав армии) для агитации в частях, где «замечается колебание»; второе — о необходимости организации офицерского состава, подготовки его к ответам на вопросы солдат и допуска солдат на собрания офицеров; третье — о необходимости ввести офицеров в солдатские комитеты, образовавшиеся «помимо воли начальства». При изучении этого документа следует обратить внимание на те источники, которыми пользовался Алексеев:

Источники	Текст телеграммы Алексеева № 2137
...поставить предел бесконечному потоку воззваний, прокламаций рабочей партии... (из телеграммы генерала Алексеева А. И. Гучкову № 2091 от 9 марта 1917 г.).	Поток распоряжений, приказов, воззваний... докатился, без сомнения, до боевых линий... [35]
...В руках последнего (Совета рабочих депутатов.— *В. М.*) находится вся фактическая си-	...Временное правительство не имеет реальной силы, фактически сосредоточенной в руках

[33] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 139, лл. 48—49.

[34] «Революционное движение в России после свержения самодержавия», стр. 627, 628. Необходимо отметить, что составители сборника опубликовали телеграмму по дешифранту, сохранившемуся в штабе Западного фронта; между тем в ЦГВИА сохранился подлинник телеграммы, написанный рукой Алексеева (ф. 2003, оп. 3, д. 9, лл. 3—5) и имеющий некоторые, хотя и незначительные, отличия от опубликованного текста.

[35] Интересно отметить, что если 9 марта Алексеев еще надеялся «поставить предел потоку воззваний», то 10 марта он уже не сомневался в том, что этот поток докатится до боевых линий.

ла. Он может запретить даже печатание любого распоряжения Временного правительства... У Временного правительства имеется лишь сила убеждения...

(из телеграммы Н. А. Базили в Ставку от 8 марта 1917 г.).

указанного Совета депутатов. Какое бы то ни было распоряжение правительства может появиться только при согласии Совета, который лишь в силу морального значения правительства считается с ним...

...У военного министра виделся с представителями Совета рабочих депутатов. Те из них, с которыми я беседовал, высказывали определенное намерение довести войну до конца...

(из телеграммы Н. А. Базили в Ставку от 7 марта 1917 г.).

...Совет рабочих депутатов [в] известной части состоит из умеренных, понимающих положение элементов, признавших необходимость продолжения войны до победы...

...ген. Алексеев предложил председателю Земского союза Западного фронта Вырубову взять на себя организацию при Ставке «комитета пропаганды» в составе представителей думы, правительства, общественных организаций и Совета рабочих депутатов. Целью комитета будет широкое осведомление армии о происходящих событиях, предупреждение ложных слухов и организация таких же комитетов в расположении войск...

(«Русское слово», 12 марта 1917 г.) [36]

...в каждой армии или на фронте организовать особые комитеты из подходящих работников Земгора и других организаций, пригласить членов Государственной думы и войти в сношение с правительством о командировании представителя Совета рабочих депутатов из числа умеренных, здравомыслящих, рекомендуемых думой или правительством. Этот комитет должен объехать части войск и быть всегда в готовности командировать своих членов для бесед в те части войск, в которых замечается колебание.

...Необходимо, чтобы офицерство взялось за самоорганизацию...

...Настоятельно необходимо сорганизовать офицерский состав.

...Является нужным на офицерские собрания допускать представителей от солдат...

(из телеграммы генерала Квецинского в Ставку от 10 марта 1917 г.).

...дать возможность солдатам присутствовать, слышать и знать, что говорится и делается на этих офицерских собраниях...

---

[36] Корреспонденция в «Русском слове» не являлась, собственно, источником для Алексеева, но она проливает свет на детали соглашения Вырубова с Алексеевым, предшествовавшего телеграмме № 2137.

Приведенные материалы убедительно показывают, под влиянием каких документов складывалось мнение Ставки, выраженное в телеграмме Алексеева. К этому нужно добавить, что тезис о том, что «если где-либо сформировались солдатские комитеты помимо воли начальства, нужно ввести в их состав офицеров..., дабы взять ход событий в свои руки, руководить ими, а не сталкиваться беспомощно с явлениями, получившими жизнь явочным порядком» [37], не находит текстуальных параллелей в документах Ставки. Он является скорее всего выводом Алексеева из опыта создания комитета Ставки, результатом его информации о положении дел в тех местах, где комитеты с участием офицеров уже образовались.

В целом телеграмма № 2137 была тем документом, в котором зафиксирован поворот в политике Ставки, переход ее от борьбы за предотвращение возникновения солдатских комитетов к борьбе за овладение уже сформировавшимися комитетами, к насаждению таких «общественных организаций» и комитетов, которые не могли явиться угрозой для реакционного командования.

При рассмотрении событий 11 марта в Ставке обращает на себя внимание высокая активность генерала Алексеева в сфере, не очень ему свойственной. В течение дня 11 марта он долго беседовал с кн. Львовым [38], принял корреспондента газеты «Русское слово» В. Белгородского и дал ему интервью [39]. В каждой из этих бесед Алексеев в той или иной форме излагал содержание телеграммы № 2137. О том же сообщал в Петроград Туманов в беседе с Якубовичем. Рекламирование телеграммы № 2137, на наш взгляд, подтверждает, что меры, намеченные Ставкой в этой телеграмме, с точки зрения реакционного генералитета, были необходимы для удержания в своих руках солдатской массы и имели целью укрепить положение Алексеева в Ставке перед лицом Совета.

В последующем изменении позиции Ставки большую роль сыграло мнение командования фронтов и армий. Ответы приходили не одновременно. Вечером 11 марта был получен первый ответ — от командующего Кавказской армией генерала Юденича, ночью — от генерала Брусилова (Юго-Западный фронт), утром 12 марта ответ прислал генерал Рузский (Северный фронт). Ответ генерала Смирнова (Западный фронт) был получен только 18 марта, а генерала Сахарова (Румынский фронт) — даже 20 марта [40].

Нельзя не обратить внимание на то, что быстро ответили на телеграмму Алексеева руководители Северного и Юго-Западного фронтов, где накал революционного движения солдат был сравнительно высок; эти фронты самим ходом событий, развернув-

---

[37] «Революционное движение в России после свержения самодержавия», стр. 628.

[38] «Красный архив», 1927, № 3 (22), стр. 68—70.

[39] «Русское слово», 12 марта 1917 г.

[40] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 3, д. 9, лл. 7—11, 23—28, 32—35.

шихся в солдатской массе, были подготовлены к восприятию указаний генерала Алексеева. На Северном фронте уже 9 марта были образованы исполнительные комитеты Советов солдатских и офицерских депутатов 12-й армии (так называемые «Некосол» и «Искомоф»); 10 марта по инициативе генерала Брусилова было приступлено к формированию солдатско-офицерского комитета штаба Юго-Западного фронта. На фронтах уже побывали депутаты Государственной думы. Задержка ответа Западного фронта не была связана с неподготовленностью его командования. Более того, опыт политической работы в войсках, накопленный штабом Западного фронта, был настолько выше опыта Ставки, что телеграмма № 2137 не могла особенно заинтересовать командование Западного фронта. Недаром одним из источников этой телеграммы был запрос генерала Квецинского в Ставку, о котором говорилось выше. Несколько иначе складывалось положение на Румынском фронте. Отсутствие большевистских организаций в этом районе, удаленность от революционных центров страны и, как следствие всего этого, относительная слабость солдатского движения на Румынском фронте в марте привели к тому, что командование этого фронта вначале пыталось воздержаться от применения таких мероприятий, которые, по его мнению, были преждевременными и необоснованными.

Не будет ошибкой наше утверждение, что первое впечатление Ставки о мнении фронтов сложилось именно на основании тех трех телеграмм, которые были получены в течение 11—12 марта. Ответы эти были в основном однотипными: Юденич так же, как Рузский и Брусилов, поддерживал предложения Ставки. Особенно интересна телеграмма Рузского, который отмечал «значительное успокоение как в населении, так и в армиях», которое принесло посещение фронта и тыловых пунктов членами Государственной думы. Он сообщал также, что уже дал указания о том, чтобы офицеры «не уклонялись от участия в солдатских комитетах и собраниях и стремились упрочить атмосферу доверия к себе, столь необходимую в целях дальнейшего продолжения войны». Наконец, Рузский считал «крайне необходимым скорейшее решение вопроса о... регламентации ротных и вообще войсковых административно-хозяйственных комитетов из офицеров и солдат». Вместе с тем он заявил, что организацию комитетов из членов Земгора считает малополезной «по отсутствии у них необходимого авторитета». Телеграмма Брусилова была лаконичной. Он сообщил: «Согласен со всеми тремя пунктами, делаю распоряжения о выполнении их применительно к обстановке». Более пространная телеграмма Юденича для нас мало интересна, так как в основном излагает положение в тыловом районе Кавказской армии, а не мнение его по существу телеграммы № 2137.

Впечатление, которое произвели эти телеграммы на Ставку, можно проследить по пометкам на них, сделанным Алексеевым и

Лукомским. Так, на телеграмме Юденича, которая пришла первой, Алексеев пометил: «12.III 917. По получению всех ответов буду решать»,— а Лукомский сделал еще более интересную запись: «*Деж. ген.* По получении всех ответов вр. и д. верх. главк. Прошу дать для составления ответа по пред. (?) из Петрограда. Лукомский. 12.III 17...» Сопоставление этих пометок с заключительной частью телеграммы № 2137, где Алексеев просил главкомов *срочно* ответить, позволяет сделать вывод о том, что телеграмма № 2137 имела целью прощупать настроения командования фронтов и армий, и лишь после получения соответствующего материала Алексеев намеревался выработать окончательные предложения Ставки по приспособлению армии к условиям революции. Что касается слов из пометки Лукомского о «составлении ответа по пред[писанию] из Петрограда», то они наводят на мысль, что «вопросы», привезенные Тумановым и Саттерупом в Ставку 10 марта, о срочной разработке которых говорил Алексеев с Львовым днем 11 марта, и были тем самым предписанием, которое имеет в виду Лукомский.

Этот документ, который должен был заменить в качестве директивы телеграмму № 2137, нам не удалось обнаружить в фондах Ставки, Военного министерства и фронтов. Тем не менее существование его не вызывает сомнений. Газеты «Речь» и «Русское слово» 14 марта поместили изложение документа, развивавшего положения телеграммы № 2137 и направленного, как говорилось в заметках, главнокомандующим армиями фронтов. В «Речи», кроме того, содержались указания на то, что редакция получила сообщаемый материал непосредственно из Военного министерства.

Каково же содержание этого документа? В известной степени он повторяет положения телеграммы № 2137, но в то же время почти каждый пункт был сформулирован по-новому, а ряд важных положений был дан впервые. Так, в телеграмме № 2137 имелось положение о создании фронтовых комитетов из представителей Земгора, Государственной думы и умеренных членов Совета рабочих депутатов. В новом же документе, как он изложен в газетах, говорится уже о комитетах, создаваемых из «представителей *офицеров, солдат* (курсив наш.— *В. М.*), Совета рабочих депутатов, Государственной думы и общественных организаций, работающих на фронте»[41] (т. е. от Земсоюза и Союза городов.— *В. М.*). Иначе говоря, на первое место в комитетах выдвигались солдаты и офицеры (очевидно, выборные от войск фронта), а представители Земгора перемещались с первого места на последнее[42].

[41] «Русское слово», 27 марта 1917 г. Впервые о предполагаемом включении в эти комитеты офицеров сообщил Алексеев Львову в беседе днем 11 марта («Красный архив», 1927, № 3 (22), стр. 69); о включении же в эти комитеты солдат до этого документа нигде не говорилось.

[42] Здесь мы, вероятно, сталкиваемся с влиянием уже цитированной те-

Новый документ повторяет положение о периодических объездах войск членами этих комитетов, но дополняет его тезисом о том, что «на эти комитеты возлагается руководство теми организациями и комитетами, которые *уже возникли на местах в отдельных воинских частях и командах*» (курсив наш.— *В. М.*) [43]. Здесь интересно то обстоятельство, что Алексеев предполагал подчинить солдатские комитеты, возникшие в результате революционного почина масс, верхушечному органу, в котором солдаты должны были составлять меньшинство.

В новом документе повторялись положения о совещаниях офицеров с участием солдат, о необходимости введения офицеров в уже возникшие солдатские организации. Появляется здесь и очень важная новая формулировка. «Речь» подчеркивает, что офицеры должны войти не только в уже возникшие солдатские комитеты, но и в «могущие еще возникнуть». Иначе говоря, Алексеев понимал, что вряд ли удастся ограничиться созданием центральных комитетов для обуздания уже возникших солдатских организаций и нужно исходить из предположения, что число солдатских комитетов будет расти.

Приведенные нами положения нового документа являются повторением или развитием содержания телеграммы № 2137. Вместе с тем изложение его в «Речи» и «Русском слове» позволяет выявить новые предложения Ставки, которые до этого в ее переписке не появлялись. Так, генерал Алексеев впервые «отнесся сочувственно» к вопросу о «посылке делегатов от Совета рабочих и солдатских депутатов в части войск» [44]. До сих пор Алексеев всячески стремился помешать подобным поездкам. В «Справке», составленной 7 марта, он прямо требовал «воспрещения выезда всевозможных делегаций и депутаций в районы театра военных действий, подчиненные главнокомандующим». Теперь положение изменилось. По-видимому, здесь скорее всего отразилось давление на Алексеева, производимое из Петрограда. Вместе с тем согласие Алексеева на поездки членов Совета сочетается в новом документе с требованием, чтобы Совет рабочих депутатов и другие общественные организации определенно высказались в пользу лозунга «война до победы» и содействовали бы возвращению на фронт дезертиров.

Таковы основные положения документа. Встает, однако, вопрос, почему этот документ не обнаружен в фондах фронтов. Бо-

---

леграммы Рузского от 11 марта, где главнокомандующий Северным фронтом выражал сомнения в целесообразности организации комитетов из Земгора. Интересно отметить, что на телеграмме Рузского Алексеев пометил: «Если у Сев[ерного] фронта нет подходящих деятелей Земгора, то на других фронтах они есть. Следовательно, мера может быть применена с местными отступлениями» (ЦГВИА, ф. 2003, оп. 3, д. 9, л. 8).

[43] «Речь», 14 марта 1917 г.

[44] Там же.

лее того, можно с уверенностью сказать, что он и не был послан на фронты, ибо в противном случае можно было бы обнаружить хотя бы ответы на него. Остается предположить, что документ был послан только в Военное министерство как некоторое переложение документа, направленного главнокомандующим, т. е. телеграммы № 2137, но с известными поправками и дополнениями. Посылать же повторно на фронты документ известного содержания, видимо, по мнению Ставки, не имело смысла, так как отличия его от телеграммы № 2137 были не так уж значительны.

Какое же действие произвела телеграмма № 2137 на фронты? Даже беглый обзор событий показывает, что эта телеграмма развязала инициативу командного состава, скованную ранее отсутствием распоряжения вышестоящих начальников. Уже 12 марта Брусилов довел до сведения войск Юго-Западного фронта содержание телеграммы № 2137. В дополнение к тексту Ставки Брусилов распорядился «учредить по одному комитету на армию согласно пункту первому телеграммы, а в каждом корпусе иметь свой (специально военный) комитет из офицеров и солдат, согласно пункту третьему» [45]. В заключение Брусилов указывал: намеченная схема учреждения комитетов может быть видоизменена и развита в зависимости от обстоятельств на месте. В тот же день Брусилов обратился с письмом к Гучкову, в котором сообщал о своем распоряжении учредить в каждой из четырех армий и при штабе Юго-Западного фронта по одному комитету «с участием подходящих работников Земгора и других работающих на фронте общественных организаций» и корпусных комитетов из офицеров и солдат [46]. Далее Брусилов просил содействия военного министра в командировании на фронт членов Государственной думы и представителей Совета рабочих депутатов «из числа сторонников войны и дисциплины в армии» в качестве членов пяти указанных выше комитетов. Так, буквально, немедленно реализовались на Юго-Западном фронте указания Алексеева. Прошло немногим более суток, и в ночь на 14 марта Брусилов в новой телеграмме (№ 979) дал командармам уже более точные указания по формированию комитетов. Он предложил образовать «армейские комитеты для обсуждения текущих нужд» в составе одного офицера и солдата (выборных) от каждого корпуса или даже дивизии, а корпусные — по одному офицеру и солдату от каждого полка и других частей. Кроме того, Брусилов указывал, что не возбраняются собрания и меньших частей, «если ближайшие начальники найдут необходимым» [47]. Эта телеграмма Брусилова послужила основой дальнейших распоряжений командармов.

---

[45] ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 3040, лл. 45—46.

[46] «Революционное движение в России после свержения самодержавия», стр. 628, 629.

[47] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 3, д. 9, лл. 12—18.

Вечером 15 марта командующий 7-й армией генерал Щербачев направил своим комкорам телеграмму, в которой давал директиву о создании комитетов в армии (от полковых до армейского) с указанием, что число офицеров должно относиться к числу солдат, как 1 : 2; почти одновременно был издан приказ о создании комитетов и в 8-й армии [48], где упомянутое выше соотношение составляло 1 : 1.

Несколько сложнее развивались события в Особой армии. Там еще 15 марта состоялось собрание представителей 165 воинских частей, на котором присутствовали 362 солдата и 53 офицера. В ходе собрания были выработаны «Устав и наказ Совету армейских выборных Особой армии» [49]. На другой день «Устав и наказ» были утверждены командармом генералом Гурко и объявлены в приказе по армии. Ввиду того что комитеты в частях и соединениях армии ни «Уставом», ни приказом по армии не предусматривались, в отдельных корпусах Особой армии командиры корпусов по своей инициативе издали приказы о создании комитетов в различных частях. 16 марта был издан приказ о создании комитетов в 5-м армейском корпусе (командир генерал Балуев), 22 марта — в 25-м армейском корпусе (командир генерал Илькевич) и т. п. Наконец, 22 марта генерал Балуев, сменивший генерала Гурко на посту командарма Особой армии, издал приказ № 303/44, в котором устанавливал обязательность создания комитетов во всех частях и соединениях Особой армии.

Аналогичные процессы происходили и на других фронтах. Однако не везде события развивались так гладко, как на Юго-Западном фронте. На Румынском фронте, например, командование оказалось недостаточно подготовленным к тому, чтобы быстро приспособиться к развитию событий.

Так, постепенно, начиная с двадцатых чисел марта, весь фронт покрылся сетью новых солдатско-офицерских комитетов. Выборы в комитеты (в том числе и по приказу сверху) втянули в политическую жизнь огромные солдатские массы. С появлением комитетов, ставших ареной политической борьбы, ускорился процесс образования большевистских ячеек в армии. Многие из них возникали как большевистские фракции в войсковых комитетах. А немногочисленные большевистские солдатские комитеты первых дней революции оказались теми центрами, которые заставляли бродить и самые благонамеренные вначале комитеты. Решение командования признать комитеты и овладеть ими обернулось против его вдохновителей.

---

[48] Там же, ф. 2067, оп. 1, д. 7040, лл. 58—61; ф. 2158, оп. 1, д. 267, лл. 15—16 об.

[49] Там же, ф. 2003, оп. 2, д. 28, лл. 195—200.

БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ФРАКЦИИ В СОВЕТАХ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРОМЫШЛЕННОГО РАЙОНА (март—август 1917 г.)

★

З. Л. СЕРЕБРЯКОВА

Исследование истории большевистских фракций в 1917 г. представляет существенные трудности. В мирный период развития революции партийные фракции в Советах только начали создаваться. Организационные формы были еще весьма нечеткие. После июльских событий партия перешла на полулегальное положение. Условия, в которых собирались члены большевистских фракций, были таковы, что протоколы обычно не велись. Их не было даже у большевистской фракции Московского областного бюро Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, организационно объединявшего Советы 14 губерний Центрального промышленного района. В Московском Совете протоколы большевистских фракций не сохранились.

Сведения, которые можно извлечь из протоколов заседаний Советов, материалов Московского областного бюро ЦК РСДРП(б) и из воспоминаний, как правило, случайны и отрывочны. В этом одна из причин отсутствия обобщающих работ по истории большевистских фракций всей страны и специальных исследований по истории большевистских фракций отдельных районов.

В данной статье делается попытка осветить основные моменты в образовании и деятельности большевистских фракций в Центральном промышленном районе с марта 1917 г. и до массовой большевизации Советов в канун Октября.

* * *

Большевистские фракции были тем ядром, которое определяло степень революционности и силу Советов. Еще в 1906 г. в тактической платформе к объединительному съезду РСДРП(б),

написанной В. И. Лениным, указывалась основная задача: «...в беспартийных Советах рабочих депутатов Российская социал-демократическая рабочая партия должна участвовать, образуя непременно возможно более сильные группы членов партии внутри каждого Совета и направляя деятельность этих групп в строгой связи с общей деятельностью партии» [1].

В 1917 г., когда после победы Февральской революции большевистская партия вышла из подполья и собирала свои ряды, а Советы только начали организовываться, большевистские фракции в них были созданы далеко не сразу.

В первый период после Февраля большевики во многих Советах выступали как отдельные члены партии, порой с различными несогласованными точками зрения.

Типичным было положение в Тульском Совете рабочих депутатов, о котором Г. И. Каминский писал: «... в Совете первого созыва не было никаких фракций, там были депутаты: меньшевики, эсеры, большевики, но каждый выступал сам по себе на свой собственный страх и риск, не был связан партийной дисциплиной» [2].

Характеризуя Московский Совет рабочих депутатов, П. Г. Смидович на VII (Апрельской) Всероссийской конференции говорил: «В начале фракции не были резко обособлены, и в общем Совет был без особенно определенной физиономии...» [3].

Отсутствие сплоченных большевистских фракций в Совете тормозило партийную работу, борьбу за революционное руководство Советами, за их большевизацию.

12 марта на торжественном соединенном заседании Московских Советов рабочих и солдатских депутатов по поручению Московского областного бюро ЦК и Московского комитета А. М. Орехов (Маликов) обратился ко всем большевикам Совета рабочих депутатов с просьбой прийти в Бюро ЦК зарегистрироваться для организации фракции.

Меньшевики понимали, какую силу будет представлять большевистская фракция, и всячески препятствовали делению на фракции. Председательствовавший на заседании меньшевик Хинчук заявил: «Должен сказать совершенно определенно и совершенно решительно и категорически, что Совет р. д. работает не фракционно» [4].

13 марта на первом заседании фракции большевиков Московского Совета присутствовало всего 15 человек. На собрании еще

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 231.

[2] Г. И. Каминский. Тульская партийная организация в борьбе за завоевание и упрочение власти Советов.— «Это было в 1917 году». Сб. воспоминаний участников октябрьских событий в Туле. Тула, 1957, стр. 11.

[3] «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 года. Протоколы». М., 1958, стр. 88.

[4] Е. Игнатов. Московский Совет рабочих депутатов в 1917 году. М., 1925, стр. 36, 37.

обсуждался вопрос, нужно ли организовывать фракцию. Подавляющее большинство высказалось за ее образование. Было выбрано бюро большевистской фракции, куда вошли: В. П. Ногин, В. А. Обух, М. П. Владимиров, Е. И. Игнатов, Д. М. Певунов[5].

19 марта на заседании большевистской фракции Московского Совета рабочих депутатов присутствовал уже 51 человек. После вступительного слова П. Г. Смидовича была принята резолюция, в которой говорилось о необходимости тесного контакта фракции с партийными организациями, о единстве и сплоченности в действиях и в выступлениях в Совете. В случае расхождения мнений меньшинство должно было подчиняться большинству[6]. Эта резолюция послужила конкретным руководством для организации и деятельности большевистских фракций в Советах рабочих и солдатских депутатов Центрального промышленного района. Но еще 25 марта на Московской областной конференции, где были представлены Советы рабочих и солдатских депутатов 13 губерний Центрального промышленного района, партийные фракции не были четко разграничены.

Приезд В. И. Ленина в Россию, Апрельские тезисы, принятие партией ленинского лозунга «Вся власть Советам!» усилили резкую грань между большевиками и мелкобуржуазными соглашателями. Резче обозначилось деление на фракции большевиков, меньшевиков, эсеров и т. п. Но несмотря на формальное разнообразие фракций в Советах, фактически образовалось два противоположных лагеря: большевиков и представителей мелкобуржуазных партий. В Московском и других Советах, начиная с голосования за так называемый «Заем свободы», против большевиков объединились представители мелкобуржуазных партий. Большевистской фракции приходилось противостоять блоку, в который входили члены различных по названию партий, но близких друг к другу по своему соглашательству с буржуазией, по своим позициям в вопросе о войне, в отношении к Временному правительству.

На I областном съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, на который в конце мая 1917 г. собрались представители 13 губерний Центрального промышленного района, была образована большевистская фракция[7]. Выступали докладчики от большевиков и от эсеро-меньшевистского блока. По всем важнейшим вопросам, обсуждавшимся на съезде, разгорались бурные прения; с трибуны съезда большевики разоблачали Временное правительство и поддерживавшие его мелкобуржуазные партии, доказывали необходимость перехода всей власти к Советам[8].

---

[5] Там же, стр. 38.

[6] «Социал-демократ», 22 марта 1917 г.

[7] ЦПА ИМЛ, ф. 60, оп. 2, д. 5, л. 116.

[8] З. Л. Серебрякова. Московское областное объединение Советов рабочих и солдатских депутатов в период подготовки Великого Октября.—

Вслед за Московским Советом большевистские фракции организовались в губернских и других городах области. Значительную роль в этом играло Московское областное бюро ЦК РСДРП(б). 17 мая 1917 г. на заседании Бюро ЦК в докладе В. П. Ногина об укреплении влияния большевиков в Советах говорилось, что все бо́льшая часть рабочих переходит на сторону большевиков и это создает благоприятную обстановку для деятельности партии в Советах. Далее указывалось, что партийные организации должны принимать активное участие в работе большевистских фракций [9].

В принятой резолюции подчеркивалось: «Создавая внутри Советов фракции большевиков, необходимо устанавливать взаимное представительство фракции и местных партийных организаций и стремиться к строгому оформлению большевистских фракций в организацию со специальными исполнительными органами (бюро фракции, секретариат) и собственной кассой» [10].

Представители Московского областного бюро РСДРП(б) и члены большевистской фракции Московского областного бюро Советов во время своих поездок по Центральному промышленному району помогали создавать большевистские фракции в местных Советах.

24—26 мая в отчете в Московское областное бюро о своей поездке в Кинешму А. С. Бубнов, например, пишет о том, что он там «указывал на необходимость немедленного образования фракции в Советах» [11]. Из Брянска член Московского областного бюро И. И. Фокин сообщал, что до его появления в местных Советах о большевиках были самые нелепые представления. «Я целых два дня затратил на заседания Совета рабочих и солдатских депутатов Брянска. Выступал с контрдокладами о войне и Временном правительстве. Предложенная мною резолюция собрала до 20 голосов из общего числа 110—115... В общем сейчас организуем кампанию перевыборов в Советы и вместо трех молчаливых большевиков надеемся как среди рабочих, так и особенно среди солдат значительно увеличить свою фракцию» [12]. Перевыборы, состоявшиеся вскоре на Брянском заводе и среди многочисленного гарнизона, действительно увеличили большевистскую фракцию в Совете до 50 человек (из 170 депутатов) [13]. Кроме членов партии, в работе фракции участвовали и беспартийные депутаты Совета. М. Жаринов в своих воспоминаниях писал: «Вместе с другими членами

«Советы и союз рабочего класса и крестьянства в Октябрьской революции». Сб. статей. М., 1964, стр. 52, 53.

[9] «Протоколы заседаний Московского областного бюро (май — июнь 1917 г.)».— «Пролетарская революция», 1927, № 4, стр. 255.

[10] «Подготовка и победа Великой Октябрьской революции в Москве» Документы и материалы. М., 1957, стр. 130.

[11] ЦПА ИМЛ, ф. 60, оп. 1, д. 14, л. 39.

[12] «Октябрь на Брянщине». Сб. документов и воспоминаний. Брянск, 1957, стр. 34.

[13] Там же, стр. 36.

большевистской фракции я выполнял задание бюро фракции. Приходилось почти ежедневно выступать в воинских частях, на предприятиях, просто на улице перед рабочими и солдатами. Мы разъясняли Апрельские тезисы В. И. Ленина, решения Апрельской конференции, большевистскую программу, разоблачали соглашательскую политику меньшевиков и эсеров. И наша агитация действовала. Все больше и больше рабочих, солдат и крестьян шло за большевиками». Далее он рассказывает, как по заданию фракции он работал жестянщиком в механическом цехе Арсенала [14].

В Твери к лету 1917 г. в Совете рабочих депутатов была создана большевистская фракция. Большевики стремились к тому, чтобы организованные группы членов партии были образованы и в более мелких Советах. В письме Тверского комитета РСДРП(б) в уездные организации указывалось: «Во всех организациях, куда входят наши представители (Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, клубы, заводские комитеты, профсоюзы и т. д.), должны быть организованы фракции, связанные с партийной организацией» [15].

Большевистские фракции на местах играли решающую роль в укреплении Советов. В анкете, заполненной на VI съезде РСДРП(б) Иваново-Вознесенским комитетом, указывалось: «В Совете рабочих и солдатских депутатов организация имеет руководящее значение, которое было приобретено после образования фракции большевиков в апреле с. г.» [16]. После большевизации Иваново-Вознесенского Совета рабочих и солдатских депутатов вся его деятельность проходила под руководством большевистской фракции, тесно связанной с Иваново-Вознесенским комитетом РСДРП(б). С марта 1917 г. партийный комитет разбирал на своих заседаниях вопрос о Советах, давал направляющие указания депутатам-большевикам. В дальнейшем деятельность большевистской фракции и всего Совета продолжала оставаться в центре внимания иваново-вознесенских большевиков.

18 мая на заседании Иваново-Вознесенского комитета РСДРП(б) рассматривался наказ фракции в Совете рабочих и солдатских депутатов для проведения его на Всероссийском съезде Советов. Было принято решение руководствоваться резолюцией Апрельской конференции РСДРП(б), призывавшей бороться за переход всей власти к Советам [17].

Для революционного руководства массами огромное значение

---

[14] Там же, стр. 203.

[15] «Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Тверской губернии». Сб. документов и материалов. Калинин, 1960, стр. 179.

[16] «Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы». М., 1958, стр. 333.

[17] «Иваново-вознесенские большевики в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции». Сб. документов. Иваново, 1947, стр. 67.

имел повсеместный разрыв большевиков с меньшевиками. 21 мая Московское областное бюро большевиков приняло решение «Об отношении к объединенным организациям». Бюро призывало партийные организации большевиков Центрального промышленного района порвать всякие организационные связи с оборонцами и создать самостоятельные большевистские организации вместо ранее объединенных. Это было совершенно необходимо и для образования большевистских фракций.

Там, где существовали объединенные партийные организации, не было самостоятельной большевистской фракции, и это явно отрицательно сказывалось на политических позициях и революционной деятельности Совета. В Костроме, крупном промышленном центре Московской области, большевики по существу возглавили Совет с самого начала его существования. Председателем Совета рабочих депутатов был большевик С. С. Данилов. Решающая роль большевиков еще более укрепилась после перевыборов Совета в апреле 1917 г. Однако то, что до августа 1917 г. в Костроме официального раскола еще не было, приводило к нечеткости в политической линии [18]. В конце концов это было одной из главных причин того, что власть Советов была провозглашена со значительным опозданием.

О несостоятельности попыток образовать объединенную фракцию РСДРП(б) в Советах красноречиво говорит пример Тулы. Первоначально в Тульском Совете была образована объединенная социал-демократическая фракция. 11 мая перед общим собранием Совета нового состава (после перевыборов) состоялось организационное собрание фракции. Однако первое же заседание объединенной фракции показало полную бесплодность этого «объединения». Бесплодным был разговор о дисциплине фракции в то время, время, когда не было единой политической платформы. Еще более отчетливо проявились острые идейные разногласия на общем собрании Совета [19]. Все это говорило о необходимости образования самостоятельной большевистской организации и единой большевистской фракции в Совете. В Московское областное бюро ЦК РСДРП(б) была послана телеграмма из Тулы за подписью Г. И. Камińского с просьбой прислать представителя к 28 мая на собрание, которое должно было решить вопрос о выходе большевиков из состава объединенной организации [20]. Сразу же после выхода большевиков из объединенной организации в Совете была образована большевистская фракция. 5 июня собралось 35—40 человек, идейно и организационно сплоченных в монолитную группу [21]. Было избрано бюро фракции с секретарем и казначеем.

---

[18] «Установление Советской власти в Костроме и Костромской губернии». Сб. документов (март 1917 — сентябрь 1918 г.). Кострома, 1957, стр. 157.

[19] «Октябрь в Туле». Сб. документов и материалов о борьбе за власть Советов в Туле и губернии в 1917 году. Тула, 1957, стр. 115—117.

[20] Там же, стр. 136.

[21] Там же, стр. 146.

Несколько позже Г. Н. Каминский, характеризуя фракцию, говорил: «Из 414 членов наша фракция — 44 члена, но влияние ее благодаря сплоченности и нашей линии огромно. И резолюции социал-революционеров и меньшевиков проходят очень слабым большинством» [22].

Самостоятельную партийную организацию образовали в мае 1917 г. нижегородские большевики. В основу деятельности во фракции Совета было решено положить резолюцию Апрельской конференции о Советах [23].

После раскола с меньшевиками и образования чисто большевистской партийной организации в Калуге деятельность большевиков стала более активной. В Совете была создана фракция большевиков и депутатов, примыкающих к ним. После перевыборов Совета число членов фракции увеличилось до 25 (из 240 депутатов). Было избрано бюро фракции в составе трех человек. Фракция представляла меньшинство в Совете, но по ее инициативе ставились на обсуждение важнейшие общие и местные вопросы. Особенно большим влиянием пользовалась фракция среди солдат; симпатии большинства гарнизона были на стороне большевиков [24].

Летом 1917 г. после разрыва с меньшевиками и образования большевистской организации в Ярославле в Совете рабочих и солдатских депутатов была образована большевистская фракция.

Во Владимире большевистская фракция в Совете была образована только после 18 июня, так как до этого партийная организация была смешанной [25]. Положительное влияние на работу Владимирского Совета оказывали Иваново-Вознесенский Совет и его большевистская фракция.

Раскол большевиков с меньшевиками и образование самостоятельной партийной организации в мае 1917 г. сыграли решающую роль в создании большевистской фракции в Воронеже. И. А. Чуев пишет в своих воспоминаниях: «Влияние большевиков и в начале деятельности Совета было значительным, а в дальнейшем, в связи с правильной тактикой нашей партии, оно еще более возросло, в то время как эсеры непрерывно теряли доверие масс» [26]. И далее он отмечает: «Большевистская фракция первого созыва Воронежского Совета рабочих и солдатских депутатов состояла примерно из 15 человек. Это была хоть и не очень многочисленная, но стой-

---

[22] Там же, стр. 176.

[23] ЦПА ИМЛ, ф. 60, оп. 1, д. 8, л. 13.

[24] «Установление Советской власти в Калужской губернии». Документы и материалы. Март 1917 — июль 1918 г. Калуга, 1957, стр. 93.

[25] «Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы», стр. 335.

[26] И. А. Чуев. Борьба за власть Советов в Воронеже.— «За власть Советов». Сб. воспоминаний участников революционных событий в Воронежской губернии в 1917—1918 годах. Воронеж, 1957, стр. 13, 14.

кая группа, которая с каждыми перевыборами росла численно и укреплялась организационно» [27].

О работе большевистской фракции в Смоленском Совете рабочих и солдатских депутатов рассказывает в своих воспоминаниях активный участник революционных событий В. А. Смольянинов. Рабочие — металлисты, печатники, деревообделочники — выбирали в Совет большевиков и сочувствующих большевикам. Однако вначале в Совете было только 12 большевиков. После перевыборов, к июлю 1917 г., большевистская фракция увеличилась до 27 человек, но в то же время в Совете было 83 меньшевика и 110 эсеров [28]. Хотя большевистская фракция в Смоленском Совете была немногочисленная, но она состояла из энергичных работников и имела значительное влияние как в самом Совете, так и среди широких рабочих и солдатских масс. Большевистская фракция в Смоленском Совете боролась за усиление своего влияния, за решительную, революционную линию Совета. Она ставила на обсуждение те вопросы, которые особенно волновали депутатов Совета. Одним из таких вопросов была отправка бывших полицейских на фронт. На пленуме Совета, где присутствовало большое число рабочих и солдат, не являющихся членами Совета, от имени большевистской фракции выступил В. А. Смольянинов. В своих воспоминаниях он пишет: «Соглашатели предполагали свести вопрос к «пустячкам», к «маленькому недоразумению», которое большевики «раздувают». Но большевики предложили посмотреть из окна на «монументальную фигуру царского фараона» около здания Совета. Эффект был полный, и Совет единогласно принял предложенную большевиками резолюцию об отправке всех бывших полицейских на фронт» [29]. Несмотря на протесты соглашателей, Совет подавляющим большинством голосов принял предложение большевистской фракции занять для работы Совета дом бывшего смоленского губернатора.

В Московской губернии большевистские фракции играли важную роль во многих Советах промышленных центров. 29 июня на заседании Московского областного бюро ЦК РСДРП(б) представитель Гусь-Хрустального Козлов докладывал: «В Совете рабочих депутатов из 22 членов 8 большевиков, которые организованы во фракцию; эсеры во фракцию не организованы, и благодаря этому удавалось проводить большевистские резолюции». Козлов сообщил, что проходят перевыборы Совета, избрано 12 большевиков [30].

---

[27] «За власть Советов», стр. 15.

[28] «Установление и упрочение Советской власти в Смоленской губернии. 1917—1918 гг.». Сб. документов. Смоленск, 1957, стр. 78.

[29] В. А. Смольянинов. Незабываемый 1917 год.— В кн.: «Воспоминания участников борьбы за власть Советов в Смоленской губернии». Смоленск, 1957, стр. 25.

[30] «Революционное движение в России в мае — июне 1917 г. Июньская демонстрация». Документы и материалы. М., 1959, стр. 120.

К лету 1917 г. большевистская фракция возглавила Московский губернский Совет рабочих депутатов; большевик И. С. Вегер был избран его председателем.

В начале июня в результате перевыборов, отразивших усиление влияния большевиков на трудящиеся массы, большевистская фракция в Московском Совете рабочих депутатов стала самой многочисленной: более 200 человек (из 700 депутатов) [31]. Однако в исполнительном комитете Московского Совета, построенном на паритетных началах, большевики занимали лишь одну треть мест. По этому же принципу было построено и Московское областное бюро Советов.

Паритетное представительство партий большевиков, меньшевиков и эсеров было явным просчетом московских большевиков, давших на это согласие, ибо оно не учитывало дальнейшего развития революционного сознания масс и неизбежного их перехода на сторону большевиков. Паритетное представительство предрешало преобладание соглашателей в областном органе Советов. Число членов большевистской партии в Московском областном бюро Советов было строго ограничено; только тогда, когда выбывал один из его членов, московские партийные организации могли направлять туда другого. Так было до осени 1917 г., до отмены, по требованию большевиков, равного представительства трех партий и введения пропорционального представительства, значительно увеличившего большевистскую фракцию в Московском областном бюро Советов.

Большевики придавали огромное значение работе в Советах. Ведущие деятели партийных организаций большевиков обычно одновременно были и руководителями большевистских фракций Советов. Так было в Московском Совете рабочих депутатов, в Московском областном бюро Советов и тем более в местных Советах, где опытных партийных работников было значительно меньше.

Остановимся на истории большевистской фракции Московского областного бюро Советов. Ее членами были многие видные деятели партии с яркой судьбой революционеров: А. С. Бубнов, А. Ломов (Г. И. Оппоков), М. П. Янышев, В. И. Соловьев, Я. Д. Зевин, И. С. Кизильштейн, Я. Э. Рудзутак, Ем. Ярославский и др. Они были активными работниками московских партийных организаций большевиков. М. П. Янышев был одновременно членом Московского областного партийного бюро и одним из самых активных деятелей бюро Советов на всех этапах Октябрьской революции [32]. В. И. Соловьев был членом Московского окружного комитета

---

[31] «Социал-демократ», 7 июня 1917 г.

[32] В 1919 г. после ликвидации дел Московского областного бюро Советов М. П. Янышев был направлен на Южный фронт комиссаром 15-й дивизии, геройски погиб в штыковой атаке при штурме Сиваша, похоронен у Кремлевской стены; одна из улиц в центре Москвы названа его именем.

РСДРП(б), редактором «Социал-демократа»[33]. Показательно, что почти все члены большевистской фракции Московского областного бюро Советов были делегатами на партийных конференциях большевиков и в дальнейшем на VI съезде РСДРП(б).

Через большевистские фракции партия оказывала непосредственное влияние на все стороны жизни Советов. Партийные организации осуществляли повседневное руководство и контроль за деятельностью большевистских фракций в Советах. Представители партийных комитетов участвовали на заседаниях фракций. В партийных организациях вырабатывались резолюции для фракций, заслушивались отчеты об их работе и о деятельности Советов в целом.

Работа большевиков в Советах рабочих и солдатских депутатов, образование большевистских фракций постоянно находились в центре внимания Московского областного бюро ЦК РСДРП(б). На пленарном заседании, проходившем 28—29 июня, подчеркивалась важность пропаганды большевистских идей в Советах, необходимость повседневно разоблачать соглашательскую тактику меньшевиков и эсеров.

Московское областное бюро в обращении ко всем партийным организациям Центрального промышленного района призывало «немедленно организовать фракции большевиков и интернационалистов там, где их еще нет, и тем самым сделать первый шаг по пути завоевания Советов»[34].

Ленинская стратегия и тактика, решения центральных партийных органов и московских партийных организаций большевиков определяли деятельность большевистских фракций, борьбу за трудящиеся массы, за большевизацию Советов Центрального промышленного района. Вопреки сопротивлению мелкобуржуазных партий большевистские фракции в Советах росли и укреплялись организационно.

* * *

После июльских событий лозунг «Вся власть Советам!», как известно, был временно снят. Однако перед партией по-прежнему оставалась задача высвобождения масс, а через них и Советов из-под влияния мелкобуржуазных партий.

«Мы остаемся в Советах,— писала от имени большевиков газета «Социал-демократ»,— не для участия в предательской работе меньшевистских и эсеровских вождей, а для борьбы с ней... Эту борьбу мы ведем и в Советах, и на фабриках, и в казармах, везде и всюду, разоблачая предательскую политику меньшевистско-эсе-

---

[33] В октябре 1917 г. В. И. Соловьев входил в партийный боевой центр.

[34] «Подготовка и победа Великой Октябрьской революции в Москве», стр. 161.

ровских вождей и заставляя массы делать выбор между нами и меньшевистско-эсеровским блоком» [35].

Несмотря на то, что ЦИК и многие Советы заняли позицию поддержки контрреволюционной политики Временного правительства, большевики не призывали выходить из Советов. Большевистские фракции остались в Московском Совете, в Московском областном бюро Советов и во всех (кроме Калужского) местных Советах рабочих и солдатских депутатов Центрального промышленного района.

В Калуге обстановка в Совете крайне обострилась. Соглашатели воспользовались июльскими событиями как предлогом, чтобы лишить большевистскую фракцию 2 тыс. рублей, которые ей полагались для предвыборной агитации. Меньшевики и эсеры в Совете отказались поддержать ходатайство большевиков об освобождении двух арестованных товарищей. А выступления мелкобуржуазных ораторов были таковы, что большевик Ткачев от имени фракции выразил протест «против допущения в заседании Совета рабочих и солдатских депутатов явно погромных против большевиков речей» [36]. Вместе с тем члены большевистской фракции не проявили должной выдержки, поддались провокациям и вышли из Совета.

Гонения, начатые против большевиков, парализовали активность Советов, ослабили их силу. Многие видные депутаты-большевики были арестованы, других преследовали клеветой. Но несмотря на травлю, большевистские фракции в Советах упорно продолжали свою деятельность.

Н. Н. Рабичев в своих воспоминаниях о работе большевистской фракции Воронежского Совета рабочих и солдатских депутатов рассказывает, что 8 июля были произведены перевыборы городского Совета. «...Мы в первом же заседании после перевыборов зарегистрировали 23 товарища. На этот раз мы уже совершенно четко оформили нашу фракцию, избрали бюро фракции... На первом заседании я был избран ее секретарем. Перед каждым заседанием горсовета аккуратно происходило заседание фракции и регистрация членов. Список и порядок фракционных ораторов каждый раз предварительно обсуждался на бюро фракции, и все выступления корригировались фракцией. На заседания фракции мы допускали всех сочувствующих членов Совета» [37].

Рабичев далее отмечает: «...Для нас каждое заседание было большим напряженным боем, и нужно отдать честь нашей фракции — мы были самыми аккуратными из всех членов городского Совета...

Наша фракция беспрерывно возрастала в числе. С каждым

---

[35] «Социал-демократ», 2 августа 1917 г.

[36] «Установление Советской власти в Калужской губернии», стр. 90.

[37] Н. Н. Рабичев. Октябрьские дни в Воронеже. Воронеж, 1934, стр. 31.

заседанием приходили регистрироваться по нескольку новых членов: то таяла беспартийная часть Совета...» [38].

Фракция большевиков Воронежского Совета рабочих и солдатских депутатов имела свой устав, характерный и для других большевистских фракций. В уставе регламентировались права и обязанности членов фракции [39], указывалось, что всю свою работу фракция ведет на основе партийной программы и тактики, руководствуясь постановлениями партийных съездов и Центрального Комитета. «Цель фракции — координировать всю работу, ведущуюся большевиками в Совете,— говорилось в уставе.— В состав фракции входят все члены Совета, принадлежащие к РСДРП (большевиков), а также сочувствующие этой партии» [40]. В уставе подчеркивалась необходимость соблюдать партийную дисциплину, единство действий; члены фракции должны были выступать и голосовать в Совете строго в соответствии с принятыми фракцией решениями.

В нескольких пунктах устава говорилось о важности тесной связи большевистской фракции в Совете и местного комитета РСДРП(б); под его руководством должна была проходить вся деятельность фракции. Комитету предоставлялось право приостанавливать неправильные решения и разрешать все спорные дела.

По всем важнейшим политическим вопросам, обсуждавшимся в Совете, фракция разрабатывала, обосновывала и защищала свои проекты резолюций. В партийном архиве Воронежского обкома КПСС сохранились некоторые интересные документы фракции большевиков Воронежского Совета, в частности, резолюция о событиях 3—5 июля [41], резолюция против участия в Московском государственном совещании и о том, что Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, не выражающие воли широких масс трудящихся, должны быть переизбраны [42].

Большое внимание деятельности большевистской фракции в Советах по-прежнему уделяли московские партийные организации.

Отчетливо проявилась самостоятельная позиция большевистской фракции Московского областного бюро Советов на Всероссийском совещании по обороне, созванном ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов в Петрограде 7—8 августа 1917 г. В соответствии с решением ЦК партии большевиков на совещании была оглашена декларация, подписанная ЦК РСДРП(б), фракциями большевиков ЦИК, Петроградского и Московского Советов.

---

[38] Н. Н. Рабичев. Октябрьские дни в Воронеже. Воронеж, 1934, стр. 33.

[39] «Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии. 1917—1918 гг.». Сб. документов и материалов. Воронеж, 1957, стр. 160, 162.

[40] Там же.

[41] «1917 год в Воронежской губернии» (Хроника). Воронеж, 1928, стр. 75, 76.

[42] «Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии. 1917—1918 гг.», стр. 128, 129.

Член большевистской фракции Московского областного бюро Советов Л. П. Серебряков в своем выступлении заявил, что до тех пор, пока власть находится в руках буржуазии, большевики отказываются поддерживать финансирование войны. Огласив декларацию, большевики демонстративно покинули совещание по обороне. Большевистская декларация вызвала злобную реакцию в рядах соглашателей. Несколько ораторов взяло слово для внеочередных заявлений, содержавших клевету по адресу большевиков [43]. Вскоре эсеро-меньшевистское руководство Московского областного бюро Советов официально выразило недовольство позицией Серебрякова как делегата Областного бюро на совещании по обороне. В ответ большевики напечатали «Открытое письмо Исуву», в котором напоминали, что представитель Московского областного бюро Советов, член большевистской фракции, вначале снял свою кандидатуру, не желая принимать участие в подготовлявшемся совещании, и затем согласился ехать в Петроград с условием, что ему предоставляется полная свобода действий [44].

В августе 1917 г. от местных Советов стали поступать сведения, что деятельность большевистских фракций постепенно восстанавливается. Ярославские большевики рассказывали на II Московской областной конференции РСДРП(б), что работа фракций в Совете рабочих депутатов июльскими событиями была приостановлена, но уже к двадцатым числам вновь начала налаживаться [45]. В отчете А. Ломова (Г. И. Оппокова) в Областное бюро о поездке в Ярославскую губернию говорилось: «В Совете солдатских депутатов большевики преобладают, но работы планомерной не ведется, нет фракции» [46]. 26 июля на общем собрании Ярославской организации РСДРП(б) по вопросу о Советах было принято решение бороться за большинство и защищать Совет от контрреволюционных сил.

«Известия Московского Совета рабочих депутатов» 4 августа 1917 г. в заметке «Победа большевиков» вынуждены были признать, что вопреки надеждам, которые возлагала контрреволюция на то, что после июльских событий рабочие массы отойдут от большевиков, «выборы рабочих на разные должности на фабриках и заводах дали совершенно обратные результаты» [47]. Далее указывались предприятия, на которых при перевыборах депутатов в Московский Совет меньшевики и эсеры были заменены большеви-

---

[43] «Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 9 августа 1917 г.

[44] «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 18, 19 и 20 августа 1917 г.

[45] «Установление Советской власти в Ярославской губернии». Сб. документов и материалов. Ярославль, 1957, стр. 181, 193, 194.

[46] ЦПА ИМЛ, ф. 60, оп. 1, д. 16, лл. 31, 32.

[47] «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 4 августа 1917 г.

ками. К тому времени большевистская фракция уже объединяла около половины депутатов Московского Совета [48].

Калужская печать сообщала, что в Жиздре и Людинове, «как и в других городах, большевики одержали блестящую победу» на перевыборах Советов [49].

Борьба с корниловским мятежом была мощным толчком в развитии революции. В Центральном промышленном районе большевистские фракции повели за собой Советы. Наступил момент, когда количественные изменения, которые накапливались в Советах в процессе большевизации, проявились в качественном скачке. Ведущие Советы рабочих и солдатских депутатов еще до осенних перевыборов 1917 г., т. е. в прежнем своем составе, перешли на сторону большевиков. «Советы — орган борьбы угнетенных масс естественно, отражали и выражали настроения и перемену взглядов этих масс неизмеримо быстрее, полнее, вернее, чем какие бы то ни было другие учреждения...» [50],— писал В. И. Ленин.

31 августа Петроградский Совет принял большевистскую резолюцию о власти. 5 сентября 1917 г. был знаменательный день в Московском Совете рабочих депутатов. На объединенном заседании Московских Советов рабочих и солдатских депутатов после горячих прений о политическом положении было проведено голосование. Подавляющим большинством голосов (354 за и 292 против) была принята большевистская резолюция о власти [51]. В этот же день в большевистскую фракцию записалось 15 человек [52]. В то время по спискам большевистской фракции числилось менее 300 человек; результат голосования показал, что большевики увлекли за собой многих беспартийных и даже членов мелкобуржуазных фракций.

Большевизация как итог борьбы за Советы была подготовлена всем предыдущим периодом в их истории. В Кинешме, крупном промышленном городе Костромской губернии, в Совете долгое время преобладали мелкобуржуазные партии, но проводимая ими политика вызывала все большее недовольство депутатов-рабочих. Вскоре после Государственного совещания, как сообщалось в газете «Северный рабочий», на заседании Совета была впервые принята резолюция, предложенная большевистской фракцией. «Когда же грянул корниловский гром, глаза у большинства окончательно прозрели» [53], и на следующий день после корниловского мятежа Совет рабочих и солдатских депутатов подавляющим большинством принял резолюцию с большевистскими лозунгами.

---

[48] «Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы», стр. 325.

[49] «Установление Советской власти в Калужской губернии», стр. 120.

[50] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 281.

[51] «Рабочий путь», 8 сентября 1917 г.

[52] «Социал-демократ», 12 сентября 1917 г.

[53] «Установление Советской власти в Костроме и Костромской губернии», стр. 193.

Беспартийные и рядовые меньшевики — рабочие голосовали вместе с большевистской фракцией в Тверском Совете. Там в начале сентября 1917 г. большевистская резолюция о власти была принята 170 голосами (против 12) [54].

Газета «Путь жизни» отмечала, что в Воронеже после корниловского мятежа «мелкобуржуазные вожди эсеров шарахнулись на время влево..., политиканы из центра, все время шельмовавшие нас, большевиков, за требование «Вся власть Советам!», выносят резолюцию, осуждающую политику соглашательства и требующую власти Советам» [55]. Большевики понимали, что это временный маневр, но в нем отражались раскол, который начался в партии эсеров, и формирование той позиции, которую вскоре заняли левые эсеры в вопросе о власти Советов.

Правильность политической линии, вся повседневная практическая деятельность большевистских фракций в Советах расширяли сферу их влияния, втягивали в орбиту воздействия большевиков все более и более широкие круги депутатов Совета — беспартийных, случайно примкнувших к меньшевикам и эсерам, и рядовых членов мелкобуржуазных партий. Происходили два параллельных процесса, взаимно усиливавшие и дополнявшие друг друга. Большевистские фракции расширялись внутри Советов и беспрестанно пополнялись, увеличиваясь не менее чем вдвое в ходе перевыборов.

Революционное движение в России в феврале — октябре 1917 г. развивалось под знаком неуклонно возраставшей большевизации широких трудящихся масс. На всех этапах развития революции мы наблюдаем процесс большевизации Советов. Укрепление большевистских фракций Советов, начавшееся с первых же месяцев после Февральской революции, продолжалось и в мрачный период после июльских дней. С марта по август 1917 г. неизмеримо возросло влияние большевистских фракций. Они сыграли крупную роль в массовой большевизации Советов рабочих и солдатских депутатов накануне Октября.

---

[54] «Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Тверской губернии», стр. 241.

[55] «Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии. 1917—1918 гг.», стр. 163—165.

БОЛЬШЕВИЗАЦИЯ СОВЕТОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ НАКАНУНЕ ОКТЯБРЯ

★

Г. А. ТРУКАН

Изучение истории революционного движения в Центральном промышленном районе накануне Октября представляет большой интерес. Москва и прилегающие к ней губернии были крупными центрами всей экономической и политической жизни страны. Здесь было сконцентрировано более 1 млн. рабочих.

Московское областное бюро объединяло 56 партийных организаций большевиков, насчитывавших в июле 1917 г. 45 тыс. человек [1]. По данным объединительного съезда РСДРП, проходившего в августе, в районе имелось 15 чисто меньшевистских и 6 объединенных организаций, насчитывавших 29 962 человека [2]. В районе были сосредоточены большие силы буржуазных организаций. Общество заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района, возникшее еще в 1905 г., объединяло 912 предприятий с числом рабочих около 422 тыс. [3]

В этом районе, отличавшемся высоким уровнем промышленного развития, более 83% населения было занято сельским хозяйством. Здесь сохранились помещичьи имения, крепко держались пережитки крепостничества. В селах и деревнях размещались многие предприятия. Рабочим, тесно связанным с землей, с крестьянским миром, были особенно близки и понятны цели аграрного движения. В гарнизонах Московского военного округа находилось 743 тыс. солдат, а с Москвой — около 850 тыс. При такой расста-

---

[1] «Пролетарская революция», 1930, № 11 (106), стр. 147.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 14, л. 46.

[3] «Известия заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района», 1917, № 1-2, стр. 47.

новке сил классовая борьба в центральных губерниях неизбежно должна была достигнуть наибольшей остроты [4].

В советской историографии имеется много книг и статей, посвященных истории революции 1917 г. в отдельных губерниях промышленного Центра. Эти работы содержат интересные факты, наблюдения, вводят в научный оборот новые архивные документы, главным образом из местных архивов. Однако имеющиеся в них цифровые материалы почти не поддаются обобщению, так как они объединяют разнородные несопоставимые данные. Серьезный недостаток многих работ — исследование революционных процессов в отрыве от экономического, политического, организационного центра этих губерний — Москвы. За последнее время появилось несколько работ, рассматривающих различные стороны революционного движения, в том числе и вопросы большевизации отдельных Советов в масштабах всего Центрального промышленного района как единого сложившегося социально-экономического и политического комплекса. П. А. Николаев показывает борьбу одного из отрядов пролетариата Центрального района — металлистов [5]. Г. А. Цыпкин исследовал некоторые вопросы истории Советов, связанные с образованием Красной гвардии [6]. З. Л. Серебрякова анализпровала деятельность Областного бюро Советов, во главе которого стояли меньшевики и эсеры [7]. Работы, посвященные рабочему движению, опубликовал автор этих строк [8].

Публикуемая статья ставит задачу дать обобщающую картину процесса перехода Советов Центра на сторону большевиков в сентябре — октябре 1917 г.

* * *

После разгрома корниловщины в политическом сознании масс наступил крутой поворот. В докладе Московского областного бюро

---

[4] Обстоятельная характеристика Центрального промышленного района содержится в статье И. И. Минца «Победа социалистической революции на местах» («История СССР», 1957, № 4, стр. 66, 67).

[5] П. А. Николаев. Рабочие-металлисты Центрально-промышленного района России в борьбе за победу Октябрьской революции (март — ноябрь 1917 г.). М., 1960.

[6] Г. А. Цыпкин. Из истории организации Красной гвардии Центрального промышленного района (февраль — октябрь 1917 г.) — «Вопросы истории», 1962, № 11.

[7] З. Л. Серебрякова. Московское областное объединение Советов рабочих и солдатских депутатов в период подготовки Великого Октября.— В кн.: «Советы и союз рабочего класса и крестьянства в Октябрьской революции». М., 1964.

[8] Г. А. Трукан. Положение пролетариата России накануне Октября 1917 г. (По материалам Центрального промышленного района).— «Ученые записки Академии общественных наук при ЦК КПСС», вып. 40. М., 1958; он же. О некоторых вопросах рабочего движения в Центральном промышленном районе (февраль — октябрь 1917 г.).— «Рабочий класс и рабочее движение в России в 1917 г.» Материалы научной сессии, состоявшейся 3—5 июля 1962 г. в Киеве. М., 1964.

РСДРП(б) на III областной конференции говорилось: «После корниловских дней положение стало быстро и резко изменяться. В сентябре началось массовое обращение в большевизм. В тех глухих местах, в которых организации в июле распались под влиянием травли и появление большевистских агитаторов грозило им избиением, теперь достаточно было одного митинга, чтобы оказалось множество желающих вступить в партию. За сентябрь вновь восстановились все распавшиеся организации, возникли новые в пунктах, где их раньше не было, у Областного бюро завязались новые связи с неоформленными еще группами. Даже в Тамбовской и Рязанской губерниях, этих неприступных твердынях эсеров и меньшевиков, вдруг обнаружились большевистские группы, вошедшие в связь с Областным бюро» [9]. Крутой перелом в настроении масс после разгрома корниловщины нашел свое яркое выражение в большевизации Советов. Этот процесс развивался и в мирный период, не остановился он и после июльских событий, хотя значительно замедлился. Наибольших же успехов в Советах большевики добились после разгрома корниловщины. Сигналом к массовому переходу Советов на сторону большевиков послужили выступления Петроградского и Московского Советов. На заседании Петроградского Совета 31 августа с огромной радостью было встречено сообщение о ликвидации генеральского мятежа. Большевики предложили осудить соглашателей, поддерживавших контрреволюционную буржуазию, и добиваться перехода всей власти в руки революционного пролетариата и крестьянства. Большинство депутатов проголосовало за эту резолюцию, являвшуюся резолюцией ЦК РСДРП(б) от 31 августа.

В резолюции не говорилось прямо о передаче власти Советам. Но требование в качестве единственного выхода создания власти из представителей революционного пролетариата и крестьянства в сложившейся в то время обстановке было равнозначно лозунгу «Вся власть Советам!», так как оно могло осуществиться только в форме Советов. Доказательством этого утверждения может служить резолюция о власти, принятая 5 сентября объединенным заседанием Московских Советов рабочих и солдатских депутатов (за — 365, против — 254) [10].

В основу была положена резолюция ЦК партии большевиков от 31 августа как революционная платформа новой власти. «Осуществление этой платформы,— подчеркивалось в резолюции, принятой Московскими Советами,— возможно лишь при разрыве с политикой соглашения и при решительной борьбе широких народных масс за власть Советов рабочих и солдатских депутатов» [11]. Таким образом, эта резолюция содержала прямое требование власти Со-

---

[9] «Пролетарская революция», 1930, № 11 (106), стр. 147.

[10] «Социал-демократ», 8 сентября 1917 г.

[11] «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве». Документы и материалы. М., 1957, стр. 302.

ветов, чего не было в резолюции, принятой Петроградским Советом.

Меньшевики и эсеры на собрании 5 сентября в знак протеста заявили о выходе из президиума и исполнительного комитета Московского Совета рабочих депутатов. Фракция меньшевиков выступила в печати с заявлением, в котором решение объединенного пленума называлось «гибельным для революции». 19 сентября пленум Совета рабочих депутатов провел выборы нового исполнительного комитета и президиума. В исполнительный комитет вошло 32 большевика, 15 меньшевиков, 9 эсеров и 3 объединенца [12]. В президиум, состоявший из 9 человек, вошло 5 большевиков. Председателем исполнительного комитета Совета был избран член ЦК партии большевиков В. П. Ногин. В исполнительном комитете Совета солдатских депутатов большевики были пока в меньшинстве. Но на объединенных пленумах Советов рабочих и солдатских депутатов отныне принимались большевистские резолюции.

В. И. Ленин подчеркивал, что большинство в Советах Петрограда и Москвы «создано *только* историей июля и августа, опытом «расправы» с большевиками и опытом корниловщины» [13].

То же происходило и в других городах Центральной России. Об этом красноречиво говорят доклады с мест на заседании Областного бюро РСДРП(б), состоявшемся 27—28 сентября.

Представители Твери сообщали, что меньшевики и эсеры проваливаются, рабочие их не слушают; фабрично-заводские комитеты в городе, профсоюзы текстильщиков, металлистов, портных, торгово-промышленных служащих идут за большевиками. «Совет рассыпается, из 190 человек на собраниях присутствует около 30. Даже в самом Совете начинается поворот в сторону большевиков: в корниловские дни даже м[еньшеви]ки рабочие пошли за нами, и наша резолюция прошла 170 голосами против 12. Перевыборы дают нам большинство» [14]. В сентябре — октябре большевистское требование перехода власти к Советам было принято Старицким, Вышневолоцким, Осташковским и Новоторжским Советами Тверской губернии [15].

Бурный рост большевистских партийных организаций происходил в Сормове. Рабочие там сотнями переходили из эсеровской организации к большевикам. В Сормовском Совете рабочих депутатов в июле большевикам принадлежало 12 мест из 50, а после перевыборов в сентябре они получили 25 мест. В Кулебакском

---

[12] Там же.

[13] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 243.

[14] «Пролетарская революция», 1928, № 10 (81), стр. 184, 185.

[15] «Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Тверской губернии». Сб. документов и материалов. Калинин, 1960, стр. 22.

Совете рабочих депутатов среди 48 депутатов большевиков было 8; после новых выборов их стало 24 [16].

Нижегородский окружной комитет сообщал в Областное бюро РСДРП(б): «В последнее время в Нижнем начала оживляться деятельность организации. События в связи с корниловской авантюрой открыли для большевиков широкое поле деятельности. До сих пор в некоторые районы и заводы не было доступа. Теперь завоевывается положение и здесь нашей организацией. Были устроены митинги, на которых принимались большевистские резолюции. Особенно выделяются последние митинги в Сормове, на которых присутствовало до 10—15 тыс. человек» [17]. В Нижегородском Совете рабочих и солдатских депутатов соглашатели сохранили численное превосходство только за счет непролетарского центра города. Канавино и Сормово посылали в Совет преимущественно большевиков [18].

В Александрове (Владимирская губерния) на районной конференции делегаты Струнино, Кольчугина сообщали, что всюду преобладает влияние большевиков [19]. Представитель Ковровской организации отметил сильный приток в организацию после корниловских дней. Он подчеркнул, что Совет рабочих и солдатских депутатов «трудно отделить от партии» [20].

«Корниловские дни,— докладывал кинешемский представитель Беляев на сентябрьском заседании Областного бюро РСДРП(б),— дали большевикам преобладание в Совете р. и с. д. В профессиональных союзах также преобладают большевики. Большевистскую литературу берут нарасхват. Меньшевикам уже не дают говорить» [21].

В южных крестьянских губерниях также усилилась тяга к большевизму. Не находя большевистских комитетов в своих уездных городах, крестьянские ходоки из деревень Калужской, Тамбовской, Воронежской губерний стали все чаще появляться в Областном бюро. Они требовали агитаторов, докладчиков, лекторов.

Во второй половине сентября, когда работники Областного бюро совершали очередной объезд области, некоторые из них направились в южные губернии. Всюду они сталкивались с одним общим явлением: «Во всех губерниях происходил процесс поголовной большевизации масс» [22]. Но в соответствующие организационные формы этот процесс еще не успел вылиться. Состав Советов там отражал докорниловский период революции.

---

[16] «Очерки по истории Октябрьской революции в Нижегородской губернии». Нижний Новгород, 1927, стр. 30.

[17] «Горьковская организация КПСС», ч. I. Горький, 1964, стр. 394, 395.

[18] «Пролетарская революция», 1928, № 10 (81), стр. 186.

[19] Там же, стр. 177, 178.

[20] Там же, стр. 187.

[21] Там же, стр. 188.

[22] Там же, 1922, № 10, стр. 303.

Большевики Калуги выдвинули лозунг перевыборов Советов. Работник Областного бюро В. Н. Максимовский после посещения Калуги сообщал: «Большевиками выдвинут лозунг перевыборов Советов. В Совете солдатских депутатов влияние большевиков закрепилось. В Совете р. д. замечается стихийный перелом настроения в сторону б[ольшеви]ков. Раньше, после июльских дней, они были изгнаны оттуда господствующими партиями, в корниловские же дни вновь вернулись туда, и влияние их растет. Гарнизон очень большой — 40 тыс. человек под безусловным влиянием большевистской организации» [23]. В Козлове (Тамбовская губерния) партийная организация, пользовавшаяся влиянием в Советах солдатских и рабочих депутатов, приняла по текущему моменту большевистскую резолюцию, но не порывала связи с ЦК объединенной РСДРП. Представитель Областного бюро партии большевиков Сафронов выступил с докладом и в течение нескольких дней работал в организации. В результате организация определилась как большевистская.

В Козловском Совете рабочих депутатов большинство мест имели эсеры, а председателем был меньшевик. В Совете солдатских депутатов преобладали также эсеры, их фракция насчитывала 70 человек, а меньшевистская — 13. Большевистская фракция, хотя и состояла из 21 человека, вела основную работу в Совете. В качестве очередной задачи фракция считала борьбу за новые выборы Советов [24]. Большевики Рязанской губернии несколько позднее передовых промышленных губерний добились заметных успехов в этой работе. На открывшемся 14 октября Рязанском губернском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов были приняты большевистские резолюции. В губернское бюро Советов, состоявшее из 7 человек, было избрано четыре большевика. В телеграфном донесении губернского комиссара в Петроград говорилось: «Закончился губернский съезд представителей Советов солдатских и рабочих депутатов. Большинство большевистское. Резолюция за немедленное прекращение войны и передачу власти Советам... Противодействовать движению, к которому примыкают преимущественно солдаты трех пехотных полков, силами гражданской власти невозможно» [25].

Процесс перехода Советов Центральной России на сторону большевиков особенно наглядно прослеживается по данным проходившего с 30 сентября по 5 октября II Московского областного съезда Советов.

Правоэсеровское руководство крестьянской секции Московского областного бюро Советов, стараясь сохранить свою «монополию» в крестьянских Советах, попыталось отделить их от Советов

---

[23] Там же, 1928, № 10 (81), стр. 176.

[24] Там же, стр. 176, 177.

[25] «Борьба за установление и укрепление Советской власти в Рязанской губернии (1917—1920 гг.)». Сб. документов. Рязань, 1957, стр. 115, 116

рабочих и солдатских депутатов. С этой целью они объявили, что представители крестьянских Советов собираются самостоятельно и составляют свой I областной съезд крестьянских депутатов. Фактически же оба съезда слились. Все важнейшие политические вопросы обсуждались на объединенных заседаниях.

II Московский областной съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов был самым представительным после I Всероссийского съезда собранием делегатов Советов в предоктябрьский период. 390 делегатов представляли 211 Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в том числе один от Московского областного бюро Советов, два — от действующей армии, пять — от Советов Балаклеи Харьковской губернии, Мариуполя, Пскова, один — от калужского землячества в Москве. Кроме этого, на съезде с правом решающего голоса присутствовали два представителя Московского областного бюро партии большевиков и по одному — от областных комитетов ЛСДРП, СД Польши и Литвы, еврейской социалистической партии, эсеров, Паолейцион, меньшевиков, Бунда, комитета объединенной СДРП. По партийной принадлежности они распределялись так: 130 большевиков, 180 эсеров, 38 меньшевиков и примыкающих к ним, 19 меньшевиков и социал-демократов интернационалистов, 3 анархиста, 20 беспартийных [26].

Однако общие цифры не дают еще возможности определить степень влияния большевиков в Советах Центра накануне Октября. Они прежде всего не сопоставимы с данными I областного съезда, где присутствовали только делегаты Советов рабочих и солдатских депутатов. Кроме того, среди делегатов II съезда были представители Советов, не входящих в Центральный район, и многочисленных областных комитетов мелкобуржуазных партий.

Общие цифры не позволяют также выяснить, где и в каких Советах преобладали большевики, а где соглашатели. Поэтому следует рассмотреть партийный состав Советов рабочих и солдатских депутатов и Советов крестьянских депутатов отдельно.

Анкеты делегатов Советов рабочих и солдатских депутатов характеризуют положение партий в Советах на конец сентября — начало октября 1917 г. (табл. 1).

Данные о партийном составе делегатов отражают коренные изменения, происшедшие к октябрю в настроении рабочих и солдатских масс. Советы рабочих депутатов, представлявшие основные пролетарские центры и Советы солдатских депутатов, крупнейшие гарнизоны страны, а также объединенные Советы послали на съезд 119 большевиков, или 54,4% всех делегатов. Если на I областном съезде Советов рабочих и солдатских депутатов большеви-

[26] Данные о представительстве Советов рабочих и солдатских депутатов, действующей армии, городов, не входивших в Центральный район, а также партийных комитетов извлечены из анкет делегатов (ГАОРСС МО, ф. 683, оп. 1, д. 27, лл. 1—166; д. 28, лл. 1—79). Данные о Советах крестьянских депутатов были опубликованы в журнале «Наш вестник» (1917, № 3—4, стр. 48).

Таблица 1

Партийный состав делегатов Советов рабочих и солдатских депутатов II Московского областного съезда Советов *

Губерния	Большевики	Эсеры	Эсеры-максималисты и эсеры-интернационалисты	Меньшевики	Меньшевики-интернационалисты	Социал-демократы без указания фракции	Социал-демократы интернационалисты	Народные социалисты	Беспартийные	Анархисты	Число представленных Советов
Московская . . .	35	8	2	4	—	—	2	—	3	1	18
Рязанская	3	5	—	1	—	2	—	—	—	—	7
Калужская . . .	7	1	—	1	—	—	—	—	—	—	3
Орловская . . .	3	3	1	2	1	—	1	—	—	—	4
Владимирская . .	35	2	—	3	2	1	—	1	5	—	28
Смоленская . . .	7	1	—	2	2	—	—	—	—	—	6
Курская	—	2	—	1	—	—	—	—	—	—	2
Тульская	1	1	—	2	—	—	—	1	—	—	2
Тверская	2	1	—	—	—	1	—	—	4	—	7
Костромская . .	11	2	—	—	—	1	1	—	—	—	7
Ярославская . .	4	1	—	1	3	—	—	—	—	—	3
Воронежская . .	2	5	—	1	1	—	1	—	2	2	6
Нижегородская	5	4	—	4	—	—	—	—	—	—	6
Тамбовская . . .	4	2	—	—	—	—	—	—	—	—	5
Итого . . .	119	38	3	22	9	5	5	2	14	3	104
Всего, % . . .	54,4	17,3	1,3	10	4,1	2,3	2,3	1,0	6,0	1,3	100

* Таблица составлена на основе данных анкет делегатов съезда (ГАОРСС МО, ф. 683, оп. 1, д. 27, лл. 1—166; д. 28, лл. 1—79). При определении партийности сочувствующие включены в графу соответствующей партии, бундовцы и объединенцы — в графу «меньшевики».

ки составляли не более 33%, то теперь они выходят на первое место как руководящая и направляющая сила [27].

Этот вывод подтверждается не только общими данными о партийном составе делегатов Советов рабочих и солдатских депутатов. Число Советов, представленных большевиками, свидетельствует о возросшем влиянии большевиков накануне Октябрьской революции в Центральной России (табл. 2).

[27] «Социал-демократ», 3 июня 1917 г. В основу подсчетов положены итоги голосования большевистской и меньшевистской резолюций о текущем моменте, так как других данных о партийности делегатов не сохранилось.

Таблица 2

Сравнительные данные о Советах, представленных большевиками на II областном съезде Советов рабочих и солдатских депутатов *

Губернии	Всего Советов	Советы, представленные только большевиками	Советы, представленные большевиками на 50% и более	Советы, представленные большевиками менее чем на 50%
Московская	18	9	4	3
Рязанская	7	2	—	4
Калужская	3	1	2	—
Орловская	4	1	—	2
Владимирская	28	16	1	7
Смоленская	6	2	2	1
Курская	2	—	—	2
Тульская	2	—	—	1
Тверская	7	1	—	6
Костромская	7	4	1	2
Ярославская	3	—	2	—
Воронежская	6	1	—	5
Нижегородская	6	2	2	2
Тамбовская	5	3	—	2
Итого	104	42	14	37

* Таблица составлена на основе данных анкет делегатов съезда (ГАОРСС МО, ф. 653, оп. 1, д. 27, лл. 1—166; д. 28, лл. 1—79).

Из данных табл. 2 следует, что 42 Совета были представлены одними большевиками; от 14 Советов большевики составляли не менее половины состава делегации, кроме того, от четырех Советов большевики вместе с интернационалистами составляли большинство делегаций. В таких губерниях, как Московская, Владимирская, Смоленская, Костромская, Советы были представлены, как правило, большевиками. Медленнее шел процесс большевизации в Тульской, Воронежской, Курской, Рязанской губерниях.

Советы крестьянских депутатов представляли исключительно эсеры. Из 150 делегатов с решающим голосом от 11 губернских и 88 уездных Советов крестьянских депутатов только 9 были большевики и им сочувствующие (табл. 3).

Важнейший показатель, характеризующий политический облик Советов,— итоги голосования большевистской, эсеровской и меньшевистской резолюций о власти на объединенном заседании областного съезда. По данным стенограммы съезда, дополненным сведениями из списка участников голосования, можно выяснить отношение делегатов к этому основному вопросу революции.

Таблица 3

Партийный состав делегатов Советов крестьянских депутатов II Московского областного съезда Советов *

Губерния	Эсеры	Большевики	Меньшевики	Беспартийные	Итого делегатов	Число представленных Советов
Московская . . .	16	1	2	2	21	13
Рязанская . . .	17	1	—	—	18	12
Калужская . . .	17	3	—	—	20	12
Орловская . . .	13	1	—	—	14	8
Владимирская . .	10	—	—	—	10	7
Смоленская . . .	11	3	1	—	15	10
Курская	14	—	—	—	14	9
Тульская	8	—	—	—	8	5
Тверская	5	—	—	3	8	7
Костромская . .	7	—	—	—	7	6
Ярославская . .	5	—	1	—	6	4
Воронежская . .	7	—	—	1	8	5
Нижегородская	1	—	—	—	1	1
Итого . . .	131	9	4	6	150	99
%	87,3	6	2,5	4	100	

* «Наш вестник», № 3—4, стр. 48.

Большевистская резолюция о власти получила: за — 137 (44,3%) голосов, против — 147 (47,6%), воздержалось — 25 (8,1%).

Эсеровская резолюция о власти собрала: за — 159 (51,1%) голосов, против — 132 (42,5%), воздержалось — 20 (6,4%).

Меньшевистская резолюция о власти получила: за — 26 (8,4%) голосов, против — 152 (48,9%), воздержалось — 143 (42,7%).

Сохранился список участников голосования по вопросу о власти. Партийный состав участников голосования по данным этого списка выглядел следующим образом: большевиков — 115 (37,5%), эсеров — 145 (47,2%), меньшевиков — 27 (8,8%), без указания партийности (предположительно беспартийные) — 20 (6,5%) [28].

[28] Итоги голосования приводятся по материалам счетной комиссии съезда («Известия Московского Совета рабочих депутатов», 22 октября 1917 г.). Партийный состав участников голосования подсчитан по спискам (ГАОРСС МО, ф. 683, оп. 1, д. 24, лл. 19—29 об.).

Итак, съезд, хотя и незначительным большинством голосов, высказался против передачи власти Советам. Но при более внимательном изучении и сопоставлении цифр выясняется любопытная картина. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что большевики вели за собой левые элементы из эсеров, меньшевиков и беспартийных делегатов. За большевистскую резолюцию голосовало 44,3% делегатов, в то время как большевики среди участников голосования составляли 37,5%. Позиция многих рядовых членов соглашательских партий оказалась отличной от линии, проводимой их вождями. За эсеровскую резолюцию голосовало 51,1% делегатов, а всего среди участников голосования эсеры и меньшевики составляли 56%.

Сравнительные данные итогов голосования большевистских резолюций о Красной гвардии и политической части резолюции об Учредительном собрании, которая требовала гарантий для создания наиболее благоприятных условий развития революционной демократии в период избирательной кампании, в том числе и создание Красной гвардии, также отразили динамику политической борьбы в стране: первая резолюция получила 123 голоса, в то время как эсеро-меньшевистская собрала 151 голос. В бюро фракций поступили заявления о неправильном подсчете, позволившем соглашателям присвоить несколько чужих голосов [29]. Через день состоялось голосование политической части резолюции большевиков об Учредительном собрании. Учитывая склонность соглашателей «ошибаться» при подсчетах голосов, большевики настояли на том, чтобы голосование производилось... выходом через двери. Вышел в одну дверь — значит за большевиков, вышел в другую — значит против. За большевиков проголосовало 119 человек, против — 116, воздержалось — 7 человек [30]. Большевик И. Н. Стуков очень убедительно разъяснил соглашателям, оспаривавшим правильность подсчетов, что это вполне закономерное явление. «Я думаю,— говорил он,— что различное отношение к вопросу о Красной гвардии в двух голосованиях объясняется тем, что во время обсуждения вопросов о выборах в Учредительное собрание многие изменили свое отношение к текущему моменту» [31]. Большевистская фракция пошла на уступку, исключила из резолюции пункт о Красной гвардии, заявив при этом, что по-прежнему считает необходимым ее создание. В таком окончательном виде политическая часть резолюции получила 116 голосов, против было подано 96 голосов, 17 человек воздержалось [32].

Эсеры, представлявшие Советы крестьянских депутатов, давали незначительный перевес сил соглашательскому блоку при совместном голосовании делегатов Советов рабочих, солдатских и

---

[29] ГАОРСС МО, ф. 683, оп. 1, д. 20, л. 34.
[30] Там же, лл. 32—33.
[31] Там же, л. 84.
[32] Там же, л. 42.

крестьянских депутатов. Но преобладающая часть крестьянской секции, руководимой правыми эсерами, не отражала подлинного настроения крестьян в губерниях и уездах. Значительная часть делегатов крестьянской секции (около 40%) была послана непосредственно губернскими Советами, которые являлись верхушечными организациями, давно уже оторвавшимися от масс. В большинстве уездных Советов крестьянских депутатов были сильны кулацкая прослойка и значительные кулацкие организации. Как губернские, так и уездные крестьянские Советы были созданы еще в тот период, когда крестьяне верили эсеровским обещаниям. Более поздние данные свидетельствуют о том, что из 40 крестьянских Советов 36 не перезбирались вплоть до Октябрьской революции [33]. Если учесть, что наиболее активная и сознательная часть крестьянства была представлена солдатами, входившими в Советы рабочих и солдатских депутатов, где преобладало влияние большевиков, то станет ясной позиция крестьянских масс по вопросу о власти.

Процесс большевизации местных Советов сопровождался укреплением функций власти у них, ограничением или ликвидацией ряда важных функций буржуазного государственного аппарата. По данным анкет делегатов-большевиков II Всероссийского съезда Советов, из 44 Советов Центрального промышленного района более половины (25) установили контроль над производством, 26 Советов занимались организацией продовольственного снабжения населения, 32 Совета отметили локауты и саботаж капиталистов. Советы не только вмешивались в вопросы экономики, но и подавляли репрессивные функции буржуазно-помещичьей власти на местах. Делегат Острогожского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов писал в анкете: командный состав, подняв голову, начал применять насилия над всяким свободным мнением, арестовывал и сажал... благодаря энергичному вмешательству Совета, это право удалось вырвать у командного состава. Делегат Гусь-Хрустального Совета констатировал, что правительственные чиновники подотчетны Совету [34]. В тех случаях, когда во главе Советов стояли меньшевики и эсеры, проводившие соглашательскую политику, эти Советы чахли, теряли силу и авторитет. Такая участь постигла и верхушечную организацию — Московское областное бюро Советов (после II областного съезда он именовался исполнительным комитетом).

На заседании исполнительных комитетов Московских Советов рабочих и солдатских депутатов 3 сентября был принят устав Красной гвардии. Меньшевики и эсеры всячески тормозили его практическое осуществление, и устав был окончательно утверж-

---

[33] Там же, оп. 7, д. 16, лл. 1—109.

[34] «Второй Всероссийский съезд Советов». Сб. документов. М., 1957, стр. 227—385 (выборочно); Е. И. Городецкий. Рождение Советского государства. 1917—1918 гг. М., 1965, стр. 50.

ден на объединенном заседании Советов рабочих и солдатских депутатов только 24 октября [35]. Меньшевики и эсеры в Областном бюро Советов даже не сочли нужным маскироваться и приняли постановление, в котором массовое вооружение рабочих признавалось «вредной и невыполнимой задачей». Большевики отказались принимать участие в голосовании [36]. Соглашательские лидеры Областного бюро Советов оказались пособниками контрреволюции в подавлении крестьянского движения. В сентябре совместное заседание представителей Совета солдатских депутатов и Областного бюро с участием командующего военным округом санкционировало проведение карательных экспедиций против деревни. Делегаты Совета солдатских депутатов и Областного бюро согласились для подкрепления карателей выделить своих эмиссаров [37]. Лидеры Областного бюро на этом не остановились. В октябре Областное бюро, не считаясь с протестами большевиков В. И. Соловьева и Н. Осинского (В. В. Оболенского), создало специальную комиссию для борьбы с «погромным движением» (т. е. для борьбы с крестьянским движением.— *Г. Т.*) [38].

Большинство местных Советов не признавали Московское Областное бюро Советов как руководящий центр.

Большевики — члены Областного бюро не могли изменить его общей линии, так как были там в меньшинстве. Поэтому все силы большевистской фракции были брошены туда, где решалась судьба вооруженного восстания,— в местные Советы, в рабочие кварталы и солдатские казармы. «В Областном бюро Советов,— отмечал в своем докладе на III областной партийной конференции Максимовский,— большевистская фракция не принимала никакого участия, так как это было бессмысленно» [39].

Обновленные Советы, вмешиваясь во все области жизни, приближали тот момент, когда в стране не могла существовать никакая иная власть, кроме советской. В условиях, когда деятельность Советов приобрела новое содержание, лозунг «Вся власть Советам!» был непосредственно связан с вооруженным восстанием. В. И. Ленин указывал: «...по крайней мере с половины сентября, этот лозунг *равносилен призыву к восстанию*» [40].

---

[35] «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 25 октября 1917 г.
[36] ГАОРСС МО, ф. 683, оп. 2, д. 22, лл. 33—34.
[37] Там же, д. 21, л. 97.
[38] Там же, д. 22, лл. 49, 50.
[39] «Пролетарская революция», 1930, № 11, стр. 13.
[40] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 388.

СОВЕТЫ СРЕДНЕГО И НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В БОРЬБЕ ЗА ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПЕРЕВЫБОРЫ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ (март—август 1917 г.)

★

А. И. РАЗГОН

6 марта 1917 г. В. И. Ленин направил в Скандинавию телеграмму большевикам, отъезжающим в Россию. В ней говорилось: «Наша тактика: полное недоверие, никакой поддержки новому правительству; Керенского особенно подозреваем; вооружение пролетариата — единственная гарантия; немедленные выборы в Петроградскую думу; никакого сближения с другими партиями. Телеграфируйте это в Петроград» [1]. Несколько позже в заявлении в газету «Volksrecht» В. И. Ленин конкретизировал тезис о немедленных выборах в думу: «Выборы в Петроградскую городскую думу можно и должно было бы провести *немедленно*, если правительство действительно способно провести в жизнь обещанные свободы. Эти выборы могли бы оказать пролетариату помощь при организации и укреплении его революционной позиции» [2].

Указание В. И. Ленина было подхвачено не только питерскими большевиками, но и местными комитетами партии. Идея носилась в воздухе. И все Советы крупных волжских городов попытались осуществить ее уже в марте 1917 г. Это было и требованием широких масс. Саратовские «Известия», публикуя впечатления от докладов с мест, состоявшихся на I областной конференции Советов Южного Урала, Среднего и Нижнего Поволжья отмечали, что реформа самоуправления находится в центре внимания рабочих и солдат [3]. Действительно, не было ни одного общественного учреждения в городах, ни одной партии, ни одной группы населения, которые не были бы заинтересованы, каждая по своему, в городских

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 7.

[2] Там же, стр. 8.

[3] «Саратовский Совет рабочих депутатов. 1917—1918 гг.». М.—Л., 1931, стр. 59.

думах. Состоявшие ранее из цензовых элементов, думы проводили политику, чуждую интересам народных масс. Но тем более представители капитала хотели сохранить свое монопольное положение в них. Рабочие, ремесленники волжских городов добивались реформы думы, ибо были кровно заинтересованы в демократизации продовольственного дела, во введении бесплатной медицинской помощи, улучшении быта окраин, налаживании и удешевлении общественного транспорта, организации вечерних клубов, библиотек, читален. Затем борьба за демократизацию общественного самоуправления была правом, завоеванным революцией. Народ хотел на деле осуществить его.

Для двух полярных организаций — Советов и местных органов Временного правительства — все, связанное с городскими думами, было пробой сил, прообразом будущих столкновений вокруг выборов в Учредительное собрание.

Каждая из партий, представленных в Советах, тоже преследовала свои собственные интересы. Линия раздела в данном случае проходила между блоком меньшевиков и эсеров и большевиками. Первые видели в думах организации, которым предстояло унаследовать завоевания «буржуазной» революции, внушали массам, что «муниципальные выборы имеют значение не политическое, а хозяйственное» [4].

Для большевиков вопрос стоял иначе. Разумеется, они стремились через изменение состава городских общественных учреждений изменить и их хозяйственную политику. Но главное было в ином. Состоявшаяся в апреле 1917 г. Петроградская общегородская партийная конференция по предложению В. И. Ленина приняла «Резолюцию по коммунальному вопросу», в которой говорилось, что коммунальная платформа, особенно в революционное время, не может сводиться только к коммунальным проблемам. В муниципальной большевистской платформе во главу угла были положены требования: никакой поддержки войне, правительству капиталистов; не дать восстановить полицию, замена ее всенародной милицией. От решения этих коренных вопросов, по мнению большевиков, зависело и решение муниципальных задач.

Таким образом, включаясь в предвыборную борьбу, большевистская партия стремилась использовать ее для мобилизации масс на революцию, пропаганды большевистских лозунгов, политического просвещения народа. В конечном итоге борьба за реформу городских дум была для большевиков одним из элементов борьбы за полное использование демократических резервов революции.

Перечень заинтересованных организаций был бы неполным, если не назвать Временное правительство. Оно приложило максимум усилий, чтобы решить вопрос с реформой городского самоуправления в плане, приемлемом для русской буржуазии в целом.

---

[4] Цит. по кн.: Б. Лейбзон. Ленинское учение о партии и современное коммунистическое движение. М., 1963, стр. 284.

Временное правительство сразу же командировало на места лиц, «пользующихся общественным авторитетом, в качестве комиссаров, для ознакомления с положением дел... и направления деятельности в соответствии с требованиями момента»[5]. Через Министерство внутренних дел оно последовательно регулировало деятельность местных «комитетов порядка», не скупясь на директивы и обстоятельно отвечая на выдвигаемые вопросы. Уже в конце марта 1917 г. Министерство внутренних дел Временного правительства приступило к выработке временного положения об административном управлении. Вскоре был организован и специальный отдел Министерства по делам местного управления во главе с товарищем министра С. М. Леонтьевым. Вот эти силы и столкнулись на политической арене Поволжья по вопросу о реорганизации общественного самоуправления.

* * *

23 марта 1917 г., докладывая областному съезду Советов о революционных событиях в Самарской губернии, делегат Совета рабочих депутатов большевичка С. Дерябина отметила как событие большой важности, что «вся городская дума и управа сложили полномочия»[6]. Среди представителей 17 Советов[7], собравшихся в Саратове, только делегат от Оренбурга мог сообщить съезду, что и у них в связи с конфликтом по поводу милиции между думой и Советом последний постановил распустить городскую думу.

Самарцы действительно могли гордиться: они первыми добились отставки цензовых элементов. Но предварительно дума успела создать сильный и недемократический Комитет народной власти, который взял на себя подготовку реформы городского самоуправления. 13 марта он выделил соответствующую комиссию, а двумя днями позже — комиссариат из 9 человек для руководства городским самоуправлением и его реорганизацией. Был принят также проект о создании 7 районных дум; его автором был председатель Комитета народной власти кадет П. Подбельский.

21 марта и Совет рабочих депутатов выделил муниципальную комиссию. Кроме того, исполнительный комитет Совета решил пополнять состав городских гласных представителями рабочих и кооперативов[8]. Это был явный паллиатив, не имеющий ничего общего с чаяниями широких масс, не решающий проблему состава

---

[5] ЦГАОР СССР, ф. 1503, оп. 1, д. 18, л. 2.

[6] «Саратовский Совет рабочих депутатов. 1917—1918 гг.», стр. 65.

[7] На I областной конференции Советов рабочих и солдатских депутатов в Саратове (23—24 марта 1917 г.) были представлены Советы Астрахани, Аткарска, Балашова, Вольска, Златоуста, Камышина, Козлова, Новоузенска, Оренбурга, Пензы, Покровска, Ртищева, Самары, Саратова, Уральска, Челябинска и села Аркадак.

[8] И. И. Блюменталь. Революция 1917—1918 гг. в Самарской губернии, т. I. Самара, 1927, стр. 43.

думы. Именно поэтому Комитет народной власти без особых сожалений отверг ранее принятые планы и, по докладу члена Совета меньшевика А. Кабцана, согласился на введение в городскую думу 60 гласных-нецензовиков. Комитет народной власти решил выделить по 15 мест Совету рабочих и Совету солдатских депутатов. Остальные 30 распределить между общественными организациями и нецензовой интеллигенцией [9]. Совету рабочих депутатов удалось добиться, чтобы вся подготовка выборов осталась у него в руках. Дальнейшие события развернулись следующим образом. 28 марта 1917 г. исполнительный комитет Совета создал комиссию для подготовки довыборов в думу. 8 апреля было проведено совещание исполнительного комитета Совета и кооперативов. На совещании 60 мест поделили: Совет рабочих депутатов, Совет солдатских депутатов, Общество неимущих мещан, кооперативы и Совет депутатов общественных организаций.

15 апреля состоялись довыборы. Среди вновь избранных гласных оказалось: меньшевиков — 18, большевиков — 8, кадетов — 6, народных социалистов — 4, беспартийных — 24. В данном случае самым интересным является факт полного отсутствия эсеров среди избранных гласных. Это свидетельствует о слабости партии эсеров в городе Самаре в первые недели революции. Вместе с тем партийный состав довыбранных показывает, что недемократический путь, частичные перевыборы не могли обеспечить подлинной демократизации думы. А так как они проводились по организациям, то ни о какой широкой предвыборной кампании не могло быть и речи. Для города это мероприятие прошло незаметно.

Такая же половинчатая реформа была и в Астрахани. Из телеграммы на имя министра внутренних дел Временного правительства видно, что 17 марта 1917 г. Астраханская городская дума решила ввести в свой состав 21 представителя от социал-демократов, народных социалистов, Совета рабочих депутатов, офицеров гарнизона [10]. Затем в апреле число нецензовых гласных было увеличено «на 24 представителя общественных организаций» [11]. Правда, настоятельные требования масс, давление Совета вынуждали на следующий шаг, и «отцы города» запрашивают Министерство внутренних дел Временного правительства о разрешении провести перевыборы в городскую думу на основе всеобщего избирательного права.

И в третьем крупном центре Среднего и Нижнего Поволжья — Царицыне борьба масс за новую городскую думу сначала сложилась неудачно. Здесь также прошло предложение о дополнительных выборах. Оно состоялось 7 апреля 1917 г. и было вынесено по настоянию смешанной комиссии, составленной из гласных-

---

[9] «Волжский день», 22 марта 1917 г.
[10] ЦГАОР СССР, ф. 398, оп. 2, д. 81, л. 16.
[11] Там же, л. 24.

цензовиков и делегатов от временного исполкома (Царицынский «комитет порядка»). Решено было доизбрать 60 гласных, причем от Совета — лишь 20, а остальных — от всякого рода союзов, клубов, обществ [12].

В отличие от Астрахани и Самары в Царицыне выборам предшествовала длительная и острая политическая борьба. Нашлось в ней место и Совету — не только как организации, посылающей в думу гласных, но и как руководящему органу, способному и призванному отстаивать интересы эксплуатируемых. 15 апреля назвали своих кандидатов городские служащие, на следующий день — женский клуб Французского и Орудийного заводов, объединенное заседание Советов рабочих и солдатских депутатов. Но, разумеется, основная борьба была впереди: 9 июля в Царицыне должны были состояться выборы нового, полного состава городской думы по четырехчленной формуле.

Иначе сложились обстоятельства в Саратове. Здесь Совет, организованный и руководимый большевиками, с первых же дней взял дело реформы городского самоуправления в свои руки, причем это мероприятие тесно увязывалось с проблемой создания милиции, налаживанием продовольственного дела, ликвидацией старой царской администрации. Характерно, что Совет в лице своей большевистской части уже в первых числах марта предлагал решать вопрос о составе думы кардинально — переизбрать ее на основе равного, всеобщего, прямого и тайного избирательного права [13].

Один из руководителей Совета, большевик М. Васильев-Южин, докладывая 6 марта 1917 г. пленуму о деятельности общественного исполкома (Саратовский «комитет порядка») и о позиции делегатов Совета в нем, отметил: «Не ожидая закона, мы преобразуем городское самоуправление на основании всеобщего голосования... Мы добиваемся наших прав захватным путем, но должны их закрепить организованным путем» [14].

Затем вопрос о скорейшей реорганизации городского самоуправления обсуждался исполнительным комитетом Совета 14 марта. И опять-таки не изолированно, а в тесной связи с вопросами о продовольствии, о борьбе против наследия царской монархии, об устранении лиц, не пользующихся доверием населения. Подготовка выборов — дело не простое и прежде всего длительное, а время не ждало, и Совет решил учредить специальную комиссию для контроля за думой и управой.

«Отцы города» предприняли маневр, хорошо известный по остальным поволжским центрам: спасая целое, они были готовы пожертвовать частью и без всякой консультации с Советом ввести в состав городской думы «новых членов из демократических слоев». Но Саратов — не Астрахань. Большевистская организация в

[12] «1917 год в Сталинградской губернии». Сталинград, 1927, стр. 24.
[13] «Саратовский Совет рабочих депутатов. 1917—1918 гг.», стр. 7.
[14] Там же, стр. 10, 11.

Совете оказалась достаточно сильной, чтобы предупредить эту попытку [15]. Выступления большевиков П. Лебедева, В. Милютина, М. Васильева-Южина убедили членов исполнительного комитета, что Совет не может пойти «на компромиссы» [16]. Ленинцев не смутило даже такое серьезное обстоятельство, как пример Москвы (широко разрекламированный соглашательской прессой), где была осуществлена частичная демократизация думы.

30 марта все эти проблемы были поставлены на обсуждение пленума Совета. Доклад о реорганизации городского самоуправления сделал большевик П. Лебедев. Он указал, что цензовая дума не заботилась о народном хозяйстве, скверно поставила городские производства; в результате ее хозяйничанья сложились невозможные гигиенические условия на окраинах, ухудшилось снабжение города продовольствием. «Необходимо положить конец этому,— заключил оратор. Нужно выбрать новую думу на основах всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права» [17]. В качестве переходной меры Лебедев предложил избрать контрольную комиссию, которая должна следить за работой городской думы и управы. По докладу развернулись прения. Выступавшие указали на злоупотребления, на преступное пренебрежение делом народного образования и здравоохранения, которое отличало старую Саратовскую думу; указывалось также, что контрольная комиссия должна разобраться во всех тонкостях городского хозяйства, чтобы ввести вновь избранную думу в курс дела.

Пленум Совета принял резолюцию, предложенную Лебедевым. В ней говорилось: «1) Немедленно приступить к подготовке выборов в городскую думу на основах всеобщего, равного, прямого избирательного права с тайной подачей голосов и предложить существующим политическим партиям ознакомить население с их муниципальными программами, а также к намечению кандидатов. 2) Временно для контроля и участия в деятельности городского самоуправления учредить секретариат из представителей Совета р. и с. д., военного комитета, общественного комитета, продовольственного совещания. Этой комиссии поручить приступить немедленно к разработке вопроса о выборах в городскую думу на указанных выше условиях» [18].

Резолюция, принятая Советом 30 марта, явилась примечательным этапом не только в подготовке к перевыборам городского самоуправления: она способствовала дальнейшему углублению революционных событий в губернии в целом. Обращение к политическим партиям с призывом включиться в избирательную кампанию, познакомить все слои общества с муниципальными программами

---

[15] «Саратовский Совет рабочих депутатов. 1917—1918 гг.», стр. 51, 52.
[16] Там же, стр. 52.
[17] «Известия Саратовского Совета рабочих и солдатских депутатов», 2 апреля 1917 г.
[18] Там же.

каждой партии, выдвигать кандидатов — все это выводило проблему демократизации губернского самоуправления за рамки Совета, будило революционную инициативу масс. Вместе с тем настойчивое требование Совета — не дожидаясь распоряжений Временного правительства идти на выборы — поднимало его авторитет в глазах масс. Саратовцы еще раз убеждались: Совет — власть, только он — полномочный представитель народа, ибо никто другой, как Совет, выполнил желание рабочих, ремесленников, солдат, высказался за решительные (а не частичные) перевыборы и приступил к подготовке их практического осуществления.

Совет в эти дни предпринял наступление и в губернском общественном исполнительном комитете. На заседании комитета И. Лебедев огласил от имени Совета резолюцию [19]. Она была встречена в штыки. Заводчики, купцы, представители буржуазной интеллигенции в один голос заявили, что проекты о реорганизации городской думы следует отложить, а контрольную комиссию над деятельностью существующей думы не создавать. Они ссылались на Московское государственное совещание и на выступление товарища министра внутренних дел кн. Урусова, пообещавшего от имени Временного правительства, что в ближайшее время будет разработан план реорганизации местного самоуправления. Соглашатели и в данном случае были верны себе. Взявший слово меньшевик Д. Топуридзе (ставший вскоре губернским комиссаром Временного правительства) попытался успокоить страсти, заявив: «Предполагаемая комиссия не будет осуществлять контроля в том смысле, как обычно понимают это слово. Она будет скорее информационным органом» [20]. Но поскольку большинству присутствующих по опыту марта было известно, что Совет не снимет своего требования, было выдвинуто второе предложение: передать контроль над думой общественному исполкому. Однако большевики, в том числе и Лебедев, хотели абсолютно иного. И они добились создания комиссии из 16 человек (по четыре представителя от Совета, военного комитета, общественного исполкома, продовольственного комитета) «для организации выборов в городскую думу по четырехчленной формуле, для разрешения вопроса о немедленной демократизации городского управления и для осуществления контроля над деятельностью существующего состава городского управления» [21].

Но этим дело не ограничилось. При Совете как его специальный отдел начала функционировать муниципальная комиссия, целью которой была подготовка выборов на основаниях, приемлемых для организации угнетенных [22].

В эти дни орган саратовских большевиков газета «Социал-де-

[19] Госархив Саратовской обл., ф. 462, оп. 1, д. 68, л. 1.
[20] Там же, л. 2.
[21] Там же, л. 5.
[22] «Известия Саратовского Совета рабочих и солдатских депутатов», 24 мая 1917 г.

мократ» писала, что под давлением Совета рабочих и солдатских депутатов общественный исполком «подошел, наконец, к вопросу о городской реформе». Газета информировала читателей, что Совету пришлось выдержать острую борьбу, так как на губернском съезде представителей «комитетов порядка» правое, буржуазное крыло настаивало на частичной демократизации городских дум путем ввода в их состав нецензовых элементов. «Социал-демократ» отмечал, что в то время, как на съезде «комитеты порядка» выступили с готовым и достаточно детально разработанным планом земской реформы, «на месте городской реформы зияло пустое место, которое так и осталось незаполненным в результате работы съезда».

Большевики в дальнейшем уделяли постоянное внимание подготовке выборов. 28 апреля этому вопросу было посвящено специальное заседание партийного комитета. Он счел необходимым выделить муниципальную комиссию, куда вошли П. Лебедев, М. Васильев-Южин, И. Мгеладзе (Вардин), Я. Долецкий (Фенигштейн) [23].

И все-таки Саратовскому Совету не удалось провести перевыборы думы ни в мае, ни в июне. Они состоялись в июле 1917 г. и протекали в момент, чрезвычайно неудачный для большевиков. Закономерен вывод: прямой саботаж соглашателей сорвал хорошо налаженное и заметно продвинувшееся вперед дело. Но в начале, т. е. в середине марта 1917 г., положение складывалось иначе. Последовательно революционной части Совета во главе с большевиками удалось тогда разработать и затем поставить на практические рельсы реформу милиции, продовольственного дела, городского самоуправления. А затем — срыв. Почему? Ответ может быть только один: непрерывно продолжающиеся довыборы Совета и процесс размывания его беспартийного ядра, проходившие в обстановке поднявшейся мелкобуржуазной волны, захлестнувшей своим гребнем и Советы, изменили первоначальную ситуацию, благоприятную для большевиков. Резкое возрастание числа депутатов-эсеров, спаявшихся в единый соглашательский блок с меньшевиками, изменило соотношение партийных сил в Совете, и это не замедлило сказаться на его деятельности.

* * *

Саратовские большевики не сложили оружие. К концу апреля они добились многого, непрерывно концентрируя внимание масс на вопросе о перевыборах в городскую думу. Это приводило к объединению вокруг Совета пролетариев города, солдат и способствовало выявлению лица каждой партии, каждой группы, каждой организации.

---

[23] «Социал-демократ», 30 апреля 1917 г.

В мае — июне наступил новый этап в борьбе Советов за демократизацию городского самоуправления. Этот этап имел несколько отличительных особенностей. Прежде всего выборы проводились повсеместно на основе четырехчленной формулы. Центр тяжести предвыборной кампании переместился от Советов к комитетам политических партий, каждая из которых широко пропагандировала свою муниципальную программу. В ходе предвыборной кампании установилась практика, по которой на выборах в городские думы Советы не выдвигали своих собственных кандидатов, если ведущие политические партии не сумели договориться о блоке. Характерно, что по всему Среднему и Нижнему Поволжью известна только одна попытка нарушения этого порядка. В Камышине рядом со списками кандидатов в городскую думу от эсеров и меньшевиков был обнародован перечень лиц, баллотирующихся от Совета. Делегация Царицынского Совета, побывавшая в Камышине, отчитываясь на пленуме об увиденном, отмечала: «Совет выставил свой самостоятельный список, в котором весьма странно сочетаются имена якобы социал-демократов, беспартийных кандидатур и имя начальника гарнизона, по меньшей мере, кадета. Все это мотивируется остротой переживаемого момента, когда не должно быть ни партий, ни групп, а тем более „большевиков“» [24].

Возмутились не только царицынские делегаты, но и камышинские рабочие. Руководителям Совета было недвусмысленно заявлено, что за такой список рабочие голосовать не будут, и затея провалилась.

Советы (а не политические партии) выступили главными действующими лицами на выборах в двух городах: Бугуруслане и Покровске. Здесь столкнулись кандидаты от Советов и стародумцев. В Бугуруслане на выборах, состоявшихся 8 июля, 75% избирателей отдали голоса кандидатам в думу от Совета. В Покровске Совет накануне выборов выступил с широкой программой изменения существующей муниципальной политики. Совет заявил, что впредь городское самоуправление должно стать центром собирания революционных сил; оно обязано взять на себя удовлетворение нужд главным образом трудового населения. В предвыборной платформе содержалось также указание на необходимость заботы о благоустройстве окраин, открытии городской хлебопекарни, организации торговли продуктами первой необходимости в рабочих пригородах. Совет наметил также ряд мероприятий по улучшению санитарного состояния города: осушение болот, строительство прачечных, бань и т. п. В связи с ростом безработицы и дороговизны он счел необходимым потребовать от будущей думы, чтобы все городские работы передавались профсоюзам, а не частным подрядчикам; чтобы городское самоуправление урегулировало квартирный вопрос [25].

---

[24] «1917 год в Сталинградской губернии», стр. 189.

[25] «Саратовский вестник», 2 июля 1917 г.

Противники Совета ничего конструктивного предложить не сумели, и в Покровске победа кандидатов трудящихся была полной: на выборах 9 июля 33 человека (92% гласных!) послал в думу Совет. Что это были за кандидаты, какие партии они представляли? Как правило, чем меньше был поселок, тем труднее в нем пробивались к общественному управлению большевики. Исключением были населенные пункты, сплошь состоящие из рабочих того или иного крупного предприятия. В этих местностях Советы господствовали безраздельно и в них очень сильны были большевики.

Иная картина наблюдалась в Бугульме, Бузулуке, Балакове, Ставрополе-Самарском. В этих городах в выборах приняло участие менее половины избирателей (и их было бы еще меньше, если бы не вмешались Советы). Выборы состоялись: в Балакове и Бугульме — 16 июля, Бузулуке — 6 августа и Ставрополе-Самарском — 19 августа. В составе всех четырех дум оказался всего один большевик. В Бугульме кадеты получили 4,5% голосов и мест, в Бузулуке — 10,8%, в Ставрополе-Самарском — 9% мандатов. Эсеры и меньшевики собрали в Балакове 96,6% голосов, в Бузулуке — 71%. Но даже и здесь влияние Советов чувствовалось и играло заметную роль в осуществлении населением, особенно солдатами, права выборов.

Документы, хранящиеся в фондах Главного управления по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел Временного правительства, свидетельствуют о том, что почти повсеместно в Поволжье стародумцы пытались оставить солдат вне избирательной кампании. Так было в Бузулуке, Ставрополе-Самарском, Покровске, Самаре, Новоузенске, Сердобске, Балашове, Петровске [26]. И везде Советы рабочих и солдатских депутатов выступали на стороне масс, требовали дополнительных списков, перенесения сроков выборов. В Балашове Совет самочинно внес в списки избирателей солдат-фронтовиков, отпускников, белобилетников; Новоузенский Совет ходатайствовал о допуске солдат 237-го запасного полка к выборам в думу. 14 августа на имя товарища министра внутренних дел Временного правительства поступила следующая телеграмма из Самары: «Многие солдаты оказались невнесенными в избирательные списки... Лишение избирательных прав вызывает сильное возбуждение, которое едва возможно сдерживать. Исполнительный комитет Самарского Совета рабочих и солдатских депутатов постановил просить министра внутренних дел разрешить на пропущенных солдат составить дополнительные списки. Товарищ председателя Кушин» [27]. А вот второй документ: «Петроград. Председателю Совета министров..., копия Совету рабочих и солдатских депутатов. ...Городской голова Покровска вме-

[26] ЦГАОР СССР, ф. 404, оп. 1, д. 15, лл. 1, 4, 9, 17, 19, 23, 24; д. 16, лл. 25, 36, 45.

[27] Там же, д. 16, л. 17.

сте со всей управой... не желает путем рассылки избирательных карточек по городу дать возможность всем избирателям осуществить свое законное право при выборах, почему Совет рабочих и солдатских депутатов считает своей обязанностью всеми имеющимися способами не допускать выборы в городскую думу в назначенный срок, а также просит распорядиться отложить выборы и создать демократический избирательный комитет, который даст возможность всем избирателям исполнить свой долг. Совет рабочих и солдатских депутатов» [28].

В фонде Главного управления имеются также документы противоположного лагеря с бесконечными жалобами на Советы и солдат, которые якобы мешают проведению выборов, терроризуют жителей городов и т. п. В совокупности эти материалы дают основание высоко оценивать деятельность Советов по организации выборов в думы на подлинно демократических началах. Если в глубокой и непролетарской по составу жителей провинции большевики на выборах оказывались забаллотированными, то в ведущих центрах Поволжья — Самаре, Царицыне, Саратове они добились значительного успеха, особенно в Самаре. Победа была тем более ощутима, что в начале, т. е. в марте — апреле 1917 г., Самарский Совет согласился на довыборы в городскую думу, т. е. явно пошел на поводу у цензовых элементов. Документы свидетельствуют о том, что большевистская часть Совета, партийный комитет Самары не хотели и не могли примириться с засильем кадетов и меньшевиков в думе; на протяжении всего мирного периода революции большевики изо дня в день наращивали усилия в борьбе за массы, стремились завоевать и завоевывали их на свою сторону.

Самарская организация большевиков была самой крупной в Среднем и Нижнем Поволжье. Ко времени VI съезда партии в ее рядах насчитывалось 4 тыс. человек. Она сумела выделить из своего состава великолепных организаторов, истинных вождей масс: В. Куйбышева, П. Шверника, А. Митрофанова, Ф. Венцека, А. Галактионова, С. Дерябину, В. Мяги, Ю. Милонова, П. Теплова. Большевики Самары оказались способными органически связать подготовку к выборам с насущными задачами революционного движения. Свидетельство тому — постановление губернского комитета РСДРП(б) по вопросу о блоке с меньшевиками на выборах в городскую думу (опубликовано в газете «Приволжская правда» 15 июня 1917 г.). Губернский комитет указывал, что задачи городского самоуправления вследствие их неразрывной связи с общегосударственными требуют от революционной социал-демократии широкого развертывания своих политических требований и особенно скорейшей ликвидации войны, перехода власти в руки революционной демократии. В постановлении говорилось, что, кро-

[28] Там же, д. 15, л. 9.

ме удовлетворения нужд демократических слоев населения, большевики ждут от думы организации революционных сил на местах, борьбы за ликвидацию всех остатков старого полицейского строя в местном хозяйстве и управлении, создания новых демократических форм местной жизни. Условием выполнения этих задач комитет считал строгое проведение принципа выборности. В заключение большевики заявили: «Самарский комитет РСДРП считает, что выборная кампания должна вестись под лозунгами интернационализма и решительной борьбы с буржуазией, и поэтому находит принципиально недопустимым блок с меньшевиками, последовательно проводящими политику соглашательства с буржуазным правительством и буржуазией вообще, а тем самым политику затягивания империалистической войны» [29].

Двумя неделями позже (2 июля 1917 г.) на страницах «Приволжской правды» появилось предвыборное воззвание большевиков. В нем очень четко показываются три основные силы, которые будут бороться на выборах: капиталисты, мелкие буржуа и рабочий класс. Охарактеризовав политические партии каждой из групп, ленинцы буквально в нескольких строчках набросали программу своей деятельности: «Партия рабочего класса — это РСДРП (большевики и другие интернационалисты). Эта партия — против войны. Она хочет, чтобы земля немедленно отошла крестьянам. Она против уступок капиталистам. Она за то, чтобы вся власть в нашей стране принадлежала только Советам р. и с. д.

«Все, как один человек, голосуйте за списки с.-д. большевиков и интернационалистов» [30] — этим призывом заканчивается документ.

Предвыборная кампания велась не только в прессе. Районные комитеты проводили собрания членов партии, на которых присутствующие знакомились с планом избирательной кампании. Изыскивались необходимые средства; основным источником были отчисления рабочих в фонд партии «на выборы». Партийный комитет рекомендовал наиболее известным ораторам-большевикам организовывать лекции-митинги на темы: «Революционная социал-демократия и выборы в городскую думу», «Революция, контрреволюция и городское самоуправление».

Напряженная работа принесла свои плоды: 24 июля профсоюз металлистов решил отдать голоса большевикам [31], 6 августа собрание союза строительных рабочих предложило членам союза голосовать за большевиков; 11 августа к ним присоединились рабочие элеватора [32]. 7 августа состоялось собрание рабочих и служащих завода № 1 городского Военно-промышленного комитета. По вопросу о выборах в думу была принята резолюция, в которой вы-

---

[29] И. И. Блюменталь. Указ. соч., стр. 386.
[30] «Приволжская правда», 2 июля 1917 г.
[31] «Известия Самарского Совета рабочих депутатов», 27 июля 1917 г.
[32] И. И. Блюменталь. Указ. соч., стр. 172, 176.

ражалось недоверие меньшевикам и эсерам, содержался резкий протест в связи с репрессиями против большевиков. Собравшиеся осудили политику соглашателей в Советах и постановили голосовать за большевиков.

События последней недели предвыборной кампании были тесно связаны с борьбой против Московского государственного совещания. Возмущение рабочих, подготовка к демонстрации протеста, митинги на заводах — все это способствовало усилению позиции большевиков. Однако начавшиеся 15 августа выборы не были доведены до конца, оказались сорванными буржуазией. Через шесть недель, когда жители города вновь двинулись к избирательным урнам, они в еще меньшей степени были склонны поддерживать соглашателей и капитал, чем в середине августа (табл.).

Таблица

Выборы в городскую думу Самары в 1917 г.*

	15 августа по 11 участкам		1 октября	
	всего голосовало	% к общему числу	всего голосовало	% к общему числу
Большевики	4 865	16,6	20 318	32,0
Эсеры, эсеры-максималисты, народные социалисты	16 173	55,2	22 265	35,5
Меньшевики, «Единство», Бунд	1 497	5,1	2 144	2,7
Национальные группы	2 180	7,4	5 888	8,3
Кадеты	13 262	11,1	7 560	12,2
Союз домовладельцев	1 323	4,5	3 478	5,5
«Ревнители православия»	—	—	1 026	1,9
Прочие	—	—	1 020	1,9

* Таблица составлена на основе данных газеты «Приволжская правда» 19 августа 1 и 5 октября 1917 г.

Анализ итогов выборов говорит о многом. Прежде всего скачок от 16,6 до 32% большевиков. Это — рост влияния партии, рост доверия к ней. 32% голосов, отданных большевикам, — свидетельство резкого перелома в развитии революции. Но не менее показательно падение авторитета эсеров, эсеров-максималистов, трудовиков, народных социалистов. С 55,2% они скатились до 35,5%. Шло под гору дело и у меньшевиков. 5,1% на выборах 15 августа — эта цифра сама по себе красноречива, но 2,7% спустя полтора месяца — это уже признак политического банкротства.

Необходимо отметить, что в Самаре еще в начале революции четко прослеживалось влияние кадетской партии. Некоторое

увеличение процента голосов, отданных за нее на выборах 1 октября 1917 г.,— результат консолидации сил капитала в преддверии социалистического переворота.

Не менее интересные события развернулись в Царицыне. Как и в Самаре, здесь сразу же вслед за довыборами в думу началась борьба большевиков за перевыборы ее на демократических началах. Одним из первых шагов на этом пути было решение Совета произвести тщательную проверку избирательных списков [33]. Затем начались митинги и собрания. 2 июля по инициативе комитета РСДРП(б) была организована предвыборная демонстрация, которая превратилась в общеполитическую. Рабочие несли лозунги: «Долой 10 министров-капиталистов!», «Хлеба, мира и свободы!» В этой демонстрации ни меньшевики, ни эсеры не приняли участия [34].

В первые дни июля 1917 г. одним грандиозным митингом выглядела Сергиевская площадь. Для царицынцев она стала тем же, чем для самарцев Аржановский сад. Сюда приходили, чтобы выслушать ораторов-большевиков. Здесь выступали Я. Ерман, И. Павлюков, С. Минин, А. Григорьев. Серьезной победой большевиков нужно считать то, что в ходе предвыборной кампании партийному комитету удалось вырвать целый ряд предприятий (в том числе Французский завод) из-под влияния соглашателей. 7 июля рабочие завода присутствовали на собрании, где большевики Я. Ерман, С. Минин, Ф. Чекасинов вступили в горячие споры с меньшевиками Д. Полуяном, Д. Сагиравили, И. Цицановым и другими по важнейшим вопросам текущей политики. Рабочие вынесли решение — «список большевиков поддержать» [35].

Почти накануне выборов Царицынскому Совету пришлось выдержать острую борьбу с цензовиками и кадетами, которые хотели отсрочить день голосования. Выборы, как это и было намечено Советом, состоялись в воскресенье 9 июля. Большинство голосов на выборах получили списки «социалистического блока» (меньшевики, эсеры, Бунд) — 41 место в думе. Большевики получили 39 мест. Остальные 22 места поделили кадеты, национальные группы, домовладельцы и т. п. Конечно, подобное распределение мест иначе как победой большевиков не назовешь. Ведь нельзя не учитывать того, что как бы серьезно ни относились большевики к выборам в городскую думу, для них выборы не были самоцелью; успех же в избирательной кампании явился достаточно ярким отражением непрерывно усиливавшегося влияния ленинцев в массах.

20 июля Царицынский комитет РСДРП(б) дал директиву исполнительному бюро городского Совета о немедленном созыве думы [36]. Между тем 21 июля постановлением Саратовского окружк-

[33] «1917 год в Сталинградской губернии», стр. 41.
[34] Там же, стр. 60.
[35] Там же, стр. 62.
[36] Там же, стр. 72.

ного суда выборы в думу были объявлены недействительными. 26 июля в Царицын был введен отряд оренбургских казаков и юнкеров. В нем насчитывалось до тысячи штыков и сабель, 14 пулеметов и 2 трехдюймовых полевых орудия[37]. Начались аресты большевиков, закрылась газета «Борьба».

Но и в этих чрезвычайно неблагоприятных условиях царицынские большевики пошли на перевыборы. 27 августа они добились уже не 39, а 45 (из 102) мест в городской думе!

* * *

Борьба Советов Среднего и Нижнего Поволжья за демократические перевыборы местного самоуправления в целом была успешной. В ведущих промышленных центрах большевикам через мобилизацию масс, через Советы рабочих и солдатских депутатов удалось вытеснить из городских дум значительную часть цензовых элементов. Это имело большое практическое значение в налаживании продовольственного дела, в развертывании контроля за производством и распределением, в борьбе с безработицей. В дальнейшем сильное пролетарское ядро в местном самоуправлении затрудняло объединение сил контрреволюции вокруг городских дум. Однако много важнее был эффект от той политической борьбы, которая развернулась в ходе предвыборной кампании. На Петроградской общегородской конференции РСДРП(б) в апреле 1917 г. при обсуждении резолюции о коммунальных выборах В. И. Ленин потребовал, чтобы партия на выборах «выступила с определенной программой». Поволжский отряд ленинцев выполнил это указание вождя революции.

В. И. Ленин тогда же говорил: «Теперь существует борьба трех партий: первая — это партия грабителей, убийц; вторая — это те, кто прикрывает этих грабителей красивыми словами, и, наконец, третья партия — никакой поддержки грабителям, разъяснение ошибок всего, включая ошибки Исполнительного Комитета Совета Р. и С. Д.»[38] Партийные комитеты Самары, Саратова, Царицына сумели, опираясь на факты, донести до масс это ленинское положение. Оно раскрывалось в муниципальных программах, в предвыборных воззваниях большевиков. Таким образом, политическое просвещение масс поднялось на новую ступень.

Вне всякого сомнения, практика предвыборной борьбы, широкое обсуждение возможных блоков, попытки найти общий язык с отдельными группами интернационалистов в соглашательских партиях, явное тяготение меньшевиков, эсеров и бундовцев к объединению против соратников В. И. Ленина — все это многому научило местные большевистские комитеты, а там, где продолжали

---

[37] Там же.

[38] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 253.

действовать объединенные организации, ускорило процесс размежевания.

Перевыборы городского самоуправления проходили в условиях, когда Временное правительство, соглашатели предприняли открытое наступление на завоевания революции. Тем важнее было показать, что все потуги контрреволюционного лагеря обречены на провал. Успех пролетарских и солдатских масс, даже неполный, частичный, имел огромное мобилизующее политическое и психологическое значение. Он свидетельствовал о том, что вопреки всему борьба продолжается и народ побеждает; он как бы призывал всех под знамена революции, под знамена Советов.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕТРОГРАД И БОРЬБА ЗА ПОБЕДУ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА ЮГЕ РОССИИ

★

А. Л. ФРАЙМАН

Вопросу участия петроградских рабочих в борьбе за установление Советской власти в различных районах страны, в частности на Юге России, уделено значительное внимание как в специальных исследованиях, посвященных данной проблеме, так и в обобщающих трудах, отражающих борьбу за победу социалистической революции в стране в целом или в отдельных ее районах [1]. Однако внимание исследователей до сих пор привлекали главным образом проблемы, связанные с формированием красногвардейских отрядов в Петрограде и с их боевой деятельностью на различных фронтах.

Боевые действия петроградских красногвардейцев были, безусловно, одной из форм оказания действенной помощи трудящимся многих районов страны, однако эта форма не была единственной. В. И. Ленин и Центральный Комитет большевистской партии ставили перед партийными, рабочими и военными организациями крупных промышленных центров, в первую очередь Москвы и Петрограда, многие другие задачи: содействие местным партийным и советским органам в организации советского аппарата, развертыва-

[1] И. И. Минц. Октябрьская социалистическая революция. М., 1939; он же. Очерки из истории Советской Армии.— «Пропагандист и агитатор», 1947, № 19; «История гражданской войны», т. 3. М., 1957; М. Лурье. Петроградская Красная гвардия. Л., 1938; А. Федоров. Разгром контрреволюционных очагов Красной гвардией. М., 1940; Е. Ерыкалов. Красная гвардия в борьбе за власть Советов. М., 1957; «Бастионы революции. Страницы истории ленинградских заводов». Вып. 2. Л., 1959; И. Павлюк. Харківська червона гвардія. Київ, 1948; Х. Лукьянов. Красная гвардия Донбасса. Донецк, 1958; В. Ежов. Рабочие Петрограда в борьбе за установление Советской власти на Украине.— В кн.: «Из истории первых лет Советской власти». Л., 1959.

ние агитационно-массовой работы среди населения, борьба с контрреволюцией и т. п.

Огромную роль в установлении Советской власти на местах сыграли эмиссары, комиссары и агитаторы, посланные из Петрограда сразу же после победы Октябрьского вооруженного восстания в столице. Уже 26 октября 1917 г. Петербургский комитет по указанию ЦК РСДРП(б) предложил всем районным партийным комитетам выделить агитаторов для ведения работы в провинции. На следующий день Петроградский Военно-революционный комитет и Межрайонное совещание Советов Петрограда предписали всем исполнительным комитетам районных Советов города отобрать людей «для поездки по линиям железных дорог, а также по городам, поселкам, деревням для широкого оповещения рабочих, солдат, крестьян и всего населения о совершившемся в России перевороте и о создании новой демократической власти» [2].

В первый месяц существования Советской власти только по линии Петроградского Военно-революционного комитета было направлено на места 106 комиссаров, 61 инструктор, более 600 агитаторов [3]. С середины ноября наибольшее число людей было послано на Дон, Кубань и Украину, где в это время вспыхнули контрреволюционные мятежи Каледина и Центральной рады, действовавших в тесном контакте с империалистами Антанты. В декабре 1917 г. Петербургский комитет большевиков по просьбе Народного комиссариата по военным делам предложил партийным организациям города выделить для посылки на Дон, Кубань, Украину и Урал не менее 500 агитаторов [4].

Посылке агитаторов в провинцию и их деятельности В. И. Ленин придавал большое значение. Он лично подписал «Инструкцию эмиссарам, посылаемым в провинцию» [5], и в январе 1918 г. выступил с речью перед агитаторами, посланными на места [6]. Перед отправкой в провинцию всем агитаторам читались лекции в Смольном. Каждому из них, кроме «Инструкции эмиссарам», вручалась специально составленная «Краткая памятка для агитаторов», в которой сжато рассказывалось о сущности и значении Великой Октябрьской социалистической революции, о первых мероприятиях Советской власти, о необходимости ее укрепления и защиты от посягательства контрреволюции. «Памятка» заканчивалась призывом: «Каледин на Юге, кадеты здесь. Товарищи, не дадим торжествовать нашим кровным врагам. Все дружно грудью будем защищать нашу дорогую свободу!» [7]

---

[2] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Документы и материалы. М., 1957, стр. 876; ЛПА, ф. 1, оп. 1, д. 26, л. 12.

[3] Г. И. Голиков. Очерки истории Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1959, стр. 331.

[4] ЛПА, ф. 1, оп. 1, д. 12, л. 8 об.

[5] «Декреты Советской власти», т. I. М., 1957, стр. 41, 42.

[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 323—327.

[7] ЛПА, ф. 1, оп. 1, д. 26, лл. 26, 28.

Кандидатуры большевиков и беспартийных рабочих, посылаемых на места, всесторонне обсуждались на партийных собраниях, на заседаниях фабрично-заводских комитетов и других организаций. На собрании большевиков Охтинского района, состоявшемся 18 декабря, указывалось, например, что нужно «посылать только тех, которые отличаются выдержанностью, стойкостью и способностью дать ответы на целый ряд важных политических вопросов»[8]. Расширенное заседание заводского комитета Балтийского завода, обсудив 21 декабря вопрос о положении на Дону, постановило выделить агитаторов, послать их для ведения работы по сплочению трудящихся масс России, Украины и Дона и для пропаганды идей большевистской партии и Советской власти. Было решено все расходы, связанные с посылкой агитаторов, принять за счет завода[9]. Заводской комитет Трубочного завода постановил выдать каждому своему агитатору, уезжающему в провинцию, по 200 рублей для приобретения литературы[10].

Центральный Комитет партии направил из Петрограда в южные районы ряд видных партийных работников. Чрезвычайным комиссаром Украины и Юга России был послан выдающийся партийный и государственный деятель Г. К. Орджоникидзе. В качестве комиссаров были направлены на Юго-Западный фронт Г. И. Чудновский, а на Румынский С. Г. Рошаль. На Дон для организации борьбы против калединщины был послан член ЦК РСДРП(б) А. С. Бубнов. Член ЦК В. Володарский провел большую работу по организации революционных сил в южных районах Украины, в Бессарабии и Черноморском флоте. В Донецкий бассейн вернулся К. Е. Ворошилов, являвшийся после победы Октябрьского вооруженного восстания председателем Комитета охраны Петрограда. И. А. Скрыпник и Ю. М. Коцюбинский, работавшие в Петрограде, вернулись на Украину и заняли руководящие посты в высших органах Советской власти Украины. В Крым из Петрограда была послана большая группа партийных работников во главе с членом ЦК А. И. Слуцким, который был избран председателем Совета Народных Комиссаров Советской республики Тавриды.

Большой вклад внесли петроградские рабочие и в дело оказания военной помощи трудящимся Юга. С начала декабря в столицу стали прибывать делегации рабочих Дона, Украины, Крыма и Бессарабии. Выступая на рабочих собраниях, они рассказывали о бесчинствах контрреволюционных банд и просили оказать трудящимся этих районов реальную помощь в борьбе за установление Советской власти. Делегация от партийных, советских и профсоюзных организаций Донецкого бассейна в своей докладной записке, представленной в Совет Народных Комиссаров, просила «дви-

---

[8] Там же, д. 12, л. 8.
[9] ГИАЛО, ф. 1304, оп. 1, д. 367, лл. 131, 132.
[10] Там же, ф. 1173, оп. 5, д. 25, л. 45.

путь из Петрограда и Москвы крупные военные силы, чтобы раз навсегда покончить с теми отбросами военщины, которые группируются под контрреволюционным знаменем Каледина» [11]. В январе 1918 г. В. И. Ленин принял делегации трудящихся Дона и Украины и имел с ними продолжительные беседы. Член делегации Советской Украины В. П. Затонский в своих воспоминаниях указывал, что В. И. Ленин проявил исключительно большой интерес к украинским делам, подробно расспрашивал о событиях на Украине, об организации революционных сил и дал указание о всемерном содействии рабочим и крестьянам Украины, поднявшимся на борьбу против контрреволюционной Центральной рады [12].

Руководствуясь ленинскими указаниями, петроградские большевики немедленно приступили к формированию отрядов рабочих, матросов и революционных солдат для борьбы с внутренней контрреволюцией. Еще 4 ноября 1917 г., когда стало известно о начавшемся контрреволюционном мятеже Каледина, Петроградский Военно-революционный комитет в своем письме фабрично-заводским комитетам предложил немедленно обсудить вопрос о борьбе с калединщиной. На следующий день это письмо было рассмотрено на заседании заводского комитета Путиловского завода, которое постановило «войти с предложением в Военно-революционный комитет: 1) принять самые энергичные меры к подавлению контрреволюционного движения и прежде всего и главным образом калединского; 2) немедленное вооружение рабочих Донецкого бассейна и 3) о мерах, принимаемых Военно-революционным комитетом к подавлению контрреволюции, сообщить в печати» [13].

Резолюции о немедленной мобилизации революционных сил для борьбы с контрреволюцией на Юге были приняты рабочими Арсенала и многих других предприятий города [14]. Выборгский районный Совет рабочих и солдатских депутатов призвал рабочих приложить все усилия для разгрома южной контрреволюции, которая «стремится задушить весь рабочий класс, все рабочие организации и затопить в крови русскую революцию» [15]. На общем собрании Совета была принята резолюция об оказании всемерной помощи Советскому правительству в борьбе с калединщиной [16].

Калединщина была наиболее опасным очагом контрреволюции на Юге России. «Вокруг Каледина,— писал В. И. Ленин,— груп-

---

[11] «Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине. Февраль 1917 — апрель 1918 г.» Сб. документов и материалов. т. 3. Киев. 1957, стр. 117.

[12] «Летопись революции», 1929, № 4, стр. 160, 161.

[13] «Документы по истории гражданской войны в СССР», т. I. М., 1941, стр. 37.

[14] ГАОРСС ЛО. ф. 4601, оп. 1, д. 12, лл. 33, 41; «Известия», 6 января 1918 г.

[15] ГАОРСС ЛО. ф. 149, оп. 1, д. 1, л. 22.

[16] «Правда», 7 ноября 1917 г.; «Новая жизнь», 7 ноября 1917 г.

ируются собравшиеся со всех концов России контрреволюционные элементы из помещиков и буржуазии» [17].

Положение на Юге ухудшалось тем, что Центральная рада, самочинно провозгласив себя властью на Украине, открыто выступила против Советской власти и стала одним из очагов всероссийской контрреволюции. Рада установила единый антисоветский фронт с донской, кубанской, крымской и кавказской контрреволюцией и заключила соглашение с Калединым об объединении вооруженных сил, взаимном обмене оружием и боеприпасами и экономической блокаде Советской России [18]. Выражая интересы украинских помещиков и буржуазии, Центральная рада установила на Украине террористический режим. Советское правительство в начале декабря 1917 г. вынуждено было принять срочные меры для решительной борьбы против объединенных сил южной контрреволюции.

3 декабря в обстановке нараставшего на Украине возмущения против контрреволюционной диктатуры украинских буржуазных националистов Совет Народных Комиссаров обратился с написанным В. И. Лениным Манифестом к украинскому народу. В этом историческом документе было подтверждено признание Советским правительством независимости Украины и всех суверенных прав украинского народа. В нем была разоблачена контрреволюционная политика Центральной рады. Совнарком предъявил Центральной раде требования: прекратить пропуск контрреволюционных войск на Дон, Урал и в другие места, оказать содействие революционным войскам, сражавшимся против Каледина, прекратить разоружение революционных войск и Красной гвардии на Украине, не допускать никаких попыток дезорганизации общего фронта [19].

Эти законные требования Советского правительства были отклонены Центральной радой. Мало того, в своем ответе она недвусмысленно заявила, что не уклоняется от войны с Советской Россией [20]. 5 декабря Совнарком на своем заседании постановил признать ответ Центральной рады неудовлетворительным и считать ее в состоянии войны с Советской Россией. Совнарком поручил комиссии во главе с В. И. Лениным снестись со Ставкой и принять все необходимые меры, вытекающие из обстановки. Комиссия была уполномочена действовать от имени СНК [21].

Контрреволюционные действия Центральной рады, ее открытый сговор с Калединым и западными империалистами, развязывание ею братоубийственной войны вызвали огромное возмущение трудящихся масс Украины. Массовые революционные выступ-

---

[17] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 211.
[18] ЦГАСА, ф. 14, оп. 3, д. 68, л. 42; «Робітнича газета», 21 декабря 1917 г.
[19] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 143—145.
[20] «Киевская мысль», 6 декабря 1917 г.
[21] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 19, л. 4.

ления украинцев были с большим воодушевлением поддержаны рабочими и крестьянами Советской России. 8 декабря в Петрограде состоялось объединенное заседание ВЦИК, Всероссийского крестьянского съезда, Петроградского Совета, партийных, советских, профессиональных и военных организаций города, которое обратилось с воззванием к украинскому народу. Воззвание призывало рабочих и крестьян Украины к решительной борьбе с Центральной радой и Калединым, к установлению Советской власти на всей Украине и к укреплению неразрывного единства с братским русским народом. Воззвание заканчивалось призывом: «Украинский рабочий, украинский крестьянин и русский рабочий, русский крестьянин — родные братья; а украинский крестьянин и украинский помещик — враги не на жизнь, а на смерть... За нашу и вашу вольность, за победу рабочих, солдат и крестьян, за социализм!» [22]

На предприятиях Петрограда в эти дни состоялись митинги и собрания рабочих, где обсуждался вопрос о положении на Юге. Рабочие Путиловского завода в резолюции, принятой 8 декабря, предлагали «принять самые решительные меры к подавлению контрреволюционного восстания калединцев, корниловцев и других, а если Центральная рада будет мешать подавлению восстания [23], то все последствия за это лягут черным пятном на руководителей Рады» [24]. Рабочие Трубочного и Балтийского заводов, Арсенала, заводов «Новый Лесснер», «Феникс» и других предприятий города, выразив возмущение против развязывания контрреволюцией гражданской войны, приняли решение о формировании отрядов рабочих для борьбы с внутренней контрреволюцией [25].

Большое значение в деле организации борьбы с контрреволюцией на Юге имело раскрытие в Петрограде и на Северном фронте подпольных групп контрреволюционеров-заговорщиков, связанных с Калединым и Центральной радой. 4 ноября в гостинице «Россия» красногвардейцами была арестована большая группа заговорщиков во главе с черносотенцами-монархистами В. Пуришкевичем и герцогом Лейхтенбергским. При обыске у Пуришкевича было обнаружено большое количество оружия и письмо к Каледину. В письме сообщалось, что в Петрограде создана возглавляемая Пуришкевичем организация, которая «работает не покладая рук над спайкой офицеров и всех остатков военных училищ и юнкерских полков». Пуришкевич предлагал Каледину немедлен-

---

[22] «Правда», 11 декабря 1917 г.

[23] Имеются в виду военные действия революционных войск против Каледина.

[24] ГАОРСС ЛО, ф. 5870, оп. 1, д. 7, л. 90.

[25] ГИАЛО, ф. 1350, оп. 3, д. 1, лл. 39, 57; ф. 1173, оп. 5, д. 27, л. 21; ГАОРСС ЛО, ф. 4597, оп. 1, д. 13, лл. 39, 57.

но повести наступление на Петроград, где его войска будут поддержаны заговорщиками [26].

Организаторами контрреволюционных заговоров в Петрограде были лидеры партии кадетов и магнаты финансового капитала. В заговоре Пуришкевича участвовали нефтяные магнаты братья Манташевы. Впоследствии были изобличены бывший директор Международного банка А. И. Вышнеградский и бывший директор Русско-Азиатского банка А. И. Путилов; у них было обнаружено письмо генерала Алексеева лидеру кадетов Милюкову. В этом письме Милюкову поручалось получить от Вышнеградского и Путилова 300 тыс. рублей для Каледина. Предлагалось также оказать материальную помощь тем офицерам в Петрограде, которые пожелают перебраться на Дон к Каледину или примут участие в контрреволюционном мятеже, готовившемся в Петрограде [27].

Контрреволюционеры в Петрограде располагали крупными денежными средствами. В начале января 1918 г. в городе был раскрыт ряд контрреволюционных организаций, вербовавших офицерские кадры для южной контрреволюции и систематически выплачивавших им жалованье в соответствии с воинским званием завербованных. На Николаевском вокзале красногвардейцы задержали группы переодетых офицеров и юнкеров, пытавшихся выехать на Дон [28]. В середине января в Петрограде был ликвидирован контрреволюционный центр, имевший регулярную связь с Калединым [29].

Одновременно были пресечены все попытки перебросить из Петрограда и с Северного фронта казачьи войска на Дон. Генерал Краснов, арестованный в начале ноября 1917 г. в Гатчине, был, как известно, доставлен в Смольный и освобожден после того, как дал «честное слово» впредь не выступать против Советской власти. Из Петрограда Краснов перебрался в Великие Луки, где находился штаб 3-го казачьего корпуса. Отсюда он трижды обращался в Ставку верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко с просьбой разрешить его эшелонам выехать в Донскую область. В своих письмах он писал: «Я умею честно держать свое слово и, как старый солдат, никогда ему не изменю» [30]. Эшелоны казаков на Дон не были выпущены, но некоторым чинам штаба корпуса и самому Краснову удалось тайно пробраться на Дон, где «старый солдат» стал одним из вожаков контрреволюции.

Казачьи части, находившиеся в Петрограде, твердо заявили, что они будут поддерживать Советскую власть. На собрании представителей казачьих частей Петроградского военного округа,

---

[26] «Правда», 7 и 8 ноября 1917 г.; «Новая жизнь», 7 и 11 ноября 1917 г.
[27] «Новая жизнь», 12 декабря 1917 г.
[28] «Красная газета», 13 января 1918 г.
[29] «Газета Временного рабочего и крестьянского правительства», 12 января 1918 г.
[30] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1. д. 533, лл. 304, 325, 391.

состоявшемся 29 октября 1917 г., было принято постановление о формировании и отправке на Дон сводного отряда для борьбы с Калединым [31]. 20 января 1918 г. в Петрограде, в цирке Чинизелли состоялся грандиозный казачий митинг, организованный Петроградским Советом. Несколько тысяч рабочих, казаков и солдат с большим воодушевлением слушали речи А. В. Луначарского, В. Володарского, П. Е. Дыбенко и других ораторов. Тепло был встречен оратор — член казачьей делегации, прибывшей с Дона в Петроград и принятой В. И. Лениным. В заключение Демьян Бедный прочитал собравшимся свою «Балладу о казаках» [32].

Решительный отпор получили в Петрограде и украинские буржуазные националисты, имевшие здесь свой центр — «Украинскую краевую войсковую раду», действовавшую в тесном контакте с петроградскими комитетами партий украинских социал-демократов и эсеров. Эти контрреволюционеры вели в столице разнузданную шовинистическую агитацию, стремясь разъединить русских и украинских рабочих и солдат. В конце ноября 1917 г. они распространили на предприятиях и в казармах листовки, призывавшие украинских рабочих и солдат оставить Петроград и уехать на Украину для «оказания помощи Центральной раде». Этот вопрос специально обсуждался 21 ноября на совещании представителей украинских буржуазно-националистических партий, состоявшемся в помещении «войсковой рады» на Воскресенском проспекте [33]. Одновременно «войсковая рада» и армейские «рады» Северного фронта призывали солдат-украинцев выделиться в отдельные части и самовольно выехать на Украину.

В Петрограде шовинистическая агитация украинских буржуазных националистов успеха не имела. Рабочие и солдаты украинской национальности на своих собраниях и митингах единодушно осудили Центральную раду и требовали решительной борьбы с ней. Такие резолюции были приняты на митингах рабочих-украинцев Выборгской стороны, Путиловского завода, на съезде железнодорожников и в других коллективах трудящихся [34]. Резолюции протеста против контрреволюционных действий Центральной рады были приняты также на собраниях солдат-украинцев Петроградского гарнизона, на митингах солдат ряда частей и на кораблях Балтийского флота [35].

Из солдат-украинцев Петроградского гарнизона был сформирован отряд добровольцев, выразивших желание отправиться на Украину для борьбы с Центральной радой. Командир этого отря-

---

[31] «Борьба за власть Советов на Дону. 1917—1920 гг.» Сб. документов. Ростов-на-Дону, 1957, стр. 189.

[32] «Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот», 20 января 1918 г.

[33] ГАОРСС ЛО, ф. 4602, оп. 1, д. 3, л. 171.

[34] «Правда», 9 и 14 декабря 1917 г., 25 января 1918 г.

[35] Там же, 17 декабря 1917 г.; «Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов», 14, 15 и 30 декабря 1917 г.

да Покитько в донесении на имя главнокомандующего Петроградским военным округом К. С. Еремеева писал: «Первым долгом для нас является самая спешная борьба с буржуазной Киевской Центральной радой, отказывающейся признать голос большинства украинского народа, желающего идти в полном контакте со всеми народами Российской республики. Это обстоятельство заставляет нас как можно скорее отправиться к месту назначения, дабы там скорее принять активное участие в происходящих ныне событиях» [36]. Отряд Покитько, насчитывавший первоначально 50 бойцов, отправился в г. Лубны Полтавской губернии, «где послужил ядром созданного на Полтавщине соединения украинских революционных войск в составе двух конных полков, пулеметного и пехотного батальонов, конно-горной батареи и обозной команды» [37].

Украинские буржуазные националисты в Петрограде, несмотря на явную безуспешность их антисоветской деятельности, продолжали издавать контрреволюционные листовки и даже рассылали приказы в другие города. Так, 2 тыс. солдат-украинцев, отпущенных на Украину Московским Советом, окружили и обстреляли Бердянск, заявив, что они действуют по приказу «украинского военно-революционного штаба в Питере» [38].

Антисоветские действия украинских буржуазных националистов в Петрограде вызвали возмущение рабочих и солдат города. Советское правительство, учитывая требования трудящихся в целях пресечения контрреволюционной деятельности «Краевой украинской войсковой рады» в Петрограде, арестовало главарей этой «рады» Омельченко, Ерошенко, Медведева, Бойчука, Дзюбана, Постульчака и Квитко [39]. Одновременно верховный главнокомандующий Крыленко приказал комиссару Северного фронта парализовать антисоветские действия украинских «войсковых рад» на фронте и, в частности, не давать им возможности рассылать по прямым проводам свои провокационные, антисоветские телеграммы. В случае оказания сопротивления главари этих «рад» подлежали аресту [40].

Борьба с контрреволюцией в Петрограде имела общероссийское значение. Она способствовала укреплению Советской власти в центре страны и была своеобразной помощью трудящимся Дона, Украины и других районов, боровшихся против антисоветских мятежников, так как ослабляла силы контрреволюции и срывала ее планы.

С большим подъемом велась в Петрограде работа по формированию красногвардейских отрядов для борьбы с контрреволюцией.

---

[36] ЦГАСА, ф. 25888, оп. 5, д. 5, л. 7.

[37] Там же, л. 13.

[38] «Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 13 декабря 1917 г.

[39] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 38; «Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 10 декабря 1917 г.

[40] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 49, л. 63.

Вопрос о формировании таких отрядов обсуждался на собраниях партийных организаций, Советов, фабрично-заводских комитетов. На многих предприятиях кандидатуры добровольцев, записавшихся в отряды, обсуждались на собраниях рабочих. Отбор добровольцев осуществлялся под руководством большевистских организаций районов и предприятий. Выборгский районный комитет РСДРП(б) обратился ко всем фабрично-заводским коллективам с письмом, в котором предлагалось уделить максимум внимания вопросам вербовки и отбора добровольцев [41]. Василеостровский районный Совет указал фабрично-заводским коллективам своего района, что при комплектовании отрядов необходимо строго учитывать политическую, моральную и другие стороны деятельности и поведения каждого рабочего, зачисляемого в отряд [42]. Петроградские рабочие, несмотря на тяжелое экономическое положение города, проявляли большую заботу о красногвардейцах, уезжавших на фронт. На основании постановления Петроградского Совета всем им выдавалась заработная плата за две недели вперед. В дальнейшем заработная плата выдавалась семьям красногвардейцев или пересылалась им на фронт. В день отправки бойцов каждое предприятие было обязано предоставить для своего отряда грузовые автомашины и снабдить бойцов продуктами на двое суток, а чаем и сахаром — на месяц [43].

Общая численность петроградских красногвардейцев, находившихся вне Петрограда (в Белоруссии, на Украине, Дону, Кубани, в Финляндии, на Урале и т. д.), составила примерно 22 тыс. человек [44]. Бо́льшая их часть находилась в южных районах. Только в декабре 1917 г. в Петрограде было сформировано два крупных сводных отряда: Первый маршевый эшелон Красной гвардии Выборгской стороны и 2-й сводный отряд Петроградской Красной гвардии.

Первый маршевый эшелон Красной гвардии состоял из сведенных в один отряд красногвардейских отрядов 17 предприятий Выборгской стороны (заводы «Айваз», Нобеля, «Новый Парвиайнен», Лесснера, Розенкранца и др.); он подразделялся на два батальона по 600—800 человек в каждом и был отправлен для оказания помощи трудящимся Украины, боровшимся против Центральной рады. 2-й сводный отряд Петроградской Красной гвардии был сформирован в основном из красногвардейцев Василеостровского района (отряды Трубочного, Балтийского, Военно-подковного, Гвоздильного и других заводов); он насчитывал около 1500 че-

---

[41] ГАОРСС ЛО, ф. 4592, оп. 1, д. 1, л. 1.

[42] Там же, ф. 4600, оп. 1, д. 5, л. 44.

[43] Там же, ф. 4591, оп. 52, д. 86, лл. 9, 10; ГИАЛО, ф. 1304, оп. 1, д. 3762, л. 131.

[44] «Из истории борьбы советского народа против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции в 1918 году». Сб. статей. М., 1956, стр. 46.

ловек и был направлен для борьбы против калединцев на Дону. Одновременно на фронт были отправлены и другие отряды. Сводный отряд Южная экспедиция № 2 Петроградской Красной гвардии насчитывал около 600 красногвардейцев преимущественно Выборгской стороны (заводы Эриксон, Металлический, Розенкранц и др.). Этот отряд был послан на калединский фронт. Там же сражался Гатчинский боевой отряд под командованием И. З. Левенсона, состоявший из рабочих Путиловского завода. Рабочие этого завода, кроме того, отправили на фронт бронепоезд (под командованием А. Е. Зайцева), героически сражавшийся против калединцев и гайдамаков. Небольшие отряды были отправлены в Крым и Бессарабию. Вместе с отрядами петроградских рабочих на фронт были отправлены сводные отряды частей Петроградского гарнизона и моряков Балтийского флота [45].

Все отряды, отправленные на Юг из Петрограда, Москвы и других городов Центральной России, поступали в распоряжение народного комиссара по борьбе с контрреволюцией В. А. Антонова-Овсеенко, штаб которого находился в Харькове. В отряды входили самые стойкие и преданные социалистической революции рабочие. Большинство из них были членами большевистской партии и Социалистического союза рабочей молодежи. В составе сводного красногвардейского отряда Выборгского района были большевики И. Гаврилов, Б. Синайский, Е. Копытина, Н. Быстров и др. Ядро Путиловского (Гатчинского) отряда также составили большевики: Левенсон, Крастынь, Богданов, Крылов, Большаков, Соловьев и Ефимов. Большевики преобладали во всех отрядах. Так, например, в отряде завода «Айваз», насчитывавшем 91 красногвардейца, было 45 большевиков, 44 беспартийных и левый эсер; в отряде завода «Феникс» был 41 человек, из них 30 большевиков, 9 беспартийных, левый эсер и меньшевик-интернационалист [46].

Возрастной состав красногвардейцев был самый разнообразный. В отряде завода «Экваль», например, сражались на фронте старый большевик-подпольщик В. А. Егоров и 16-летний Л. Ф. Филиппов — организатор Социалистического союза рабочей молодежи на заводе. Значительную часть красногвардейцев составляла молодежь. Из 2274 красногвардейцев, опрошенных в 1932 г., почти 40% было в 1917 г. в возрасте до 23 лет [47]. В некоторых отрядах молодежь преобладала. Так, из 52 красногвардейцев завода Розенкранца 44 человека были в возрасте от 17 до 24 лет [48].

---

[45] М. Лурье. Указ. соч., стр. 161, 162, 167; В. И. Старцев. Формирование и состав рабочей Красной гвардии Петрограда (Канд. дисс.). Л., 1962, стр. 459—467; ГАОРСС ЛО, ф. 4000, оп. 5, д. 2471, лл. 1—3.

[46] ГАОРСС ЛО, ф. 4592, оп. 1, д. 5, лл. 1—4.

[47] Е. Ерыкалов. Указ. соч., стр. 95.

[48] ГАОРСС ЛО, ф. 1633, оп. 12, д. 4, л. 1

Во фронтовых отрядах петроградских красногвардейцев были и женщины, выехавшие вместе с отрядами в качестве сестер милосердия, агитаторов, а нередко и бойцов. На некоторых предприятиях зачисление женщин во фронтовые отряды было связано с известными трудностями, так как тогда среди части рабочих было распространено мнение, что женщин на фронт отправлять не следует. В. Я. Байер, красногвардеец фабрики «Скороход», сообщает в своих воспоминаниях о собрании рабочих, где «мужчины стали доказывать, что это не женское дело, другие товарищи выступили и сказали, что никому нельзя запретить защищать революцию» [49].

Партийные, советские и профессиональные организации Петрограда имели постоянную связь со своими фронтовыми отрядами. Они регулярно получали информации от командиров и политических работников, посылали на фронт своих представителей, обсуждали на заседаниях и собраниях доклады красногвардейцев, прибывавших с фронта. Штаб Красной гвардии Выборгского района, получив сообщение, что в действующих отрядах не хватает артиллеристов, предложил всем заводским комитетам немедленно отправить на фронт всех рабочих, знающих артиллерийское дело [50]. Собрание Василеостровского районного Совета, обсудив доклад представителя своего отряда Финогенова, постановило ассигновать 4 тыс. рублей для приобретения подарков красногвардейцам [51]. 17 января 1918 г. по просьбе В. А. Антонова-Овсеенко партийная организация и заводской комитет Путиловского завода отправили в Харьков большую группу рабочих для ремонта отбитых у противника английских автомобилей и пушек. Путиловцы захватили с собой инструменты и необходимые запасные части [52]. Через некоторое время в распоряжение Антонова-Овсеенко была послана из Петрограда группа инженеров, знающих саперное дело [53]. В начале января 1918 г. в Петербургский комитет РСДРП(б) поступила просьба Харьковского комитета большевиков об откомандировании в Харьков не менее 100 типографских рабочих для обслуживания партийной и советской печати Украины. Эта просьба была удовлетворена при активном содействии Петроградского союза печатников [54].

Петроградские красногвардейцы, сражаясь на первых фронтах гражданской войны [55], показывали образцы стойкости и высокой политической сознательности. Они были не только бойцами,

---

[49] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 355, л. 1.
[50] ГАОРСС ЛО, ф. 4592, оп. 1, д. 2, л. 62.
[51] Там же, ф. 47, оп. 1, д. 26, л. 23.
[52] ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 126, л. 24.
[53] Там же, д. 158, л. 159.
[54] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 79, д. 26, л. 168; ЛПА, ф. 1, оп. 1, д. 112, л. 3.
[55] Вопрос о боевых действиях петроградских отрядов Красной гвардии подробно освещен в указанных трудах М. Л. Лурье, Е. Ф. Ерыкалова и др. В данной статье он специально не рассматривается.

но и пропагандистами ленинских идей, организаторами Советской власти. Это имело в тех условиях первостепенное значение. В. И. Ленин не случайно подчеркивал, что в период триумфального шествия Советской власти борьба с контрреволюцией «...соединяла в себе не столько военные действия, сколько агитацию» [56].

Красногвардейцы помогали трудящимся районов, освобожденных от белогвардейцев, создавать советские органы власти, формировать Красную гвардию, налаживать хозяйственную жизнь. Общаясь с населением, они рассказывали об Октябрьской революции, разъясняли декреты Советской власти, вели беседы на самые актуальные темы. В. Бакинский в своих воспоминаниях о боевых действиях 2-го сводного отряда петроградской Красной гвардии на калединском фронте рассказывал: «Прибывая на шахты и рудники, отряд выделял группу товарищей, которая вела агитацию и пропаганду, созывала общие собрания, разъясняла события, происходящие в России, знакомила рабочих с сущностью и значением органов Советской власти. На местах организовывались боевые дружины, снабжались оружием, которого у отряда было много. Желающих идти драться с белыми сразу брали к себе в отряд. Благодаря всему этому отряд завоевал авторитет, население относилось к нему с огромным уважением. Когда отряд уходил, шахтеры и крестьяне сел толпами выходили провожать его» [57].

Митинги, собрания, беседы проводились в пути следования эшелонов красногвардейцев, в прифронтовой полосе, в районах, освобожденных от врага. Красногвардейцы Выборгской стороны, находясь 9 января 1918 г. в пути, вели на всех железнодорожных станциях между Харьковом и Полтавой беседы с населением о событиях 9 января 1905 г., умело связывая эти беседы с задачами борьбы против Каледина, Центральной рады и других врагов Советской власти. На станции Бахмач красногвардейцы провели митинг, на котором собравшиеся железнодорожники и крестьяне приняли резолюцию о поддержке рабочих Москвы и Петрограда продовольствием и об оказании всемерной помощи красногвардейцам в борьбе с контрреволюцией [58].

Агитационная работа петроградских красногвардейцев получила такой размах, что политические руководители отрядов и рядовые красногвардейцы непрерывно обращались в партийные организации своих предприятий с просьбами регулярно высылать им политическую литературу. Красногвардейцы Петроградской стороны писали: «Не предвидя при отъезде из Петрограда, что нам, кроме оружия, нужна будет нравственная поддержка товарищей-украинцев, мы убедительно просим снабдить нас литературой большевистского направления» [59]. Красногвардейцы Выборгской

[56] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 95.
[57] «Красная летопись», 1934, № 2, стр. 90.
[58] ЛПА, ф. 1, оп. 1, д. 240, лл. 2, 3.
[59] «Красная газета», 19 января 1918 г.

стороны в письме, адресованном районному штабу Красной гвардии, просили выслать им на фронт литературу, особенно газету «Правда»[60]. Из писем красногвардейцев видно, что наибольшим спросом среди населения пользовалась литература, разъясняющая цели и задачи большевистской партии — программа партии, работы В. И. Ленина, популярные в то время брошюры «Кто такие большевики?», «Что хотят социал-демократы — большевики?», а также брошюры по аграрному вопросу и о мире. Спрос на большевистскую литературу был настолько велик, что Антонов-Овсеенко обратился 11 января 1918 г. в Петроградский Совет с просьбой помочь «правильно поставить снабжение партийной литературой наших товарищей, сражающихся на Южном контрреволюционном фронте, а равно и гражданского населения освобожденных от контрреволюционного господства областей». В письме содержалась просьба ежедневно высылать 9 тыс. экземпляров газет («Правда», «Известия», «Деревенская правда» и др.) и по 5 тыс. экземпляров различных брошюр[61].

Литература из Петрограда отправлялась по железной дороге посылками или нарочными. Кроме газет было послано много экземпляров программы партии, «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, произведений В. И. Ленина («Политические партии в России и задачи пролетариата», «О лозунгах», «Как и почему крестьян обманули?», «Материалы по аграрному вопросу»), брошюр: В. Невского «Большевики», В. Либкнехта «Пауки и мухи», Ем. Ярославского «Отчего нет товаров», стихотворения Демьяна Бедного[62].

Петроградские рабочие, ведя агитационную работу среди населения, разоблачали калединцев и буржуазных националистов, их клевету на большевистскую партию, Советскую власть, на русский народ. Правдивое большевистское слово помогало во многих случаях избегать братоубийственных столкновений между советскими отрядами и обманутыми солдатами контрреволюционных войск. Используя опыт, накопленный питерскими рабочими в период боев с войсками Керенского и Краснова под Петроградом, красногвардейцы шли в казармы и эшелоны вражеских войск, устраивали там митинги и собрания, которые, как правило, заканчивались добровольным разоружением частей противника, принятием резолюций о нейтралитете, а нередко и переходом на сторону советских войск. Так, на калединском фронте петроградские большевики Гаврилов, Копытина, Клинов без оружия выехали в Кичкас, Никополь и другие пункты, где находились казачьи эшелоны, следовавшие на Дон; они вели переговоры с казаками, разъясняли им сущность событий, происходивших в стране, политику

---

[60] ГАОРСС ЛО, ф. 5425, оп. 1, д. 9, л. 206.
[61] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 79, д. 24, л. 64.
[62] Там же, л. 171.

Советского правительства. В результате было разоружено 40 эшелонов казаков [63].

Большую организаторскую и агитационную работу вели на Юге и те петроградские рабочие, которые были посланы своими предприятиями для заготовки топлива и угля. Рабочий Арсенала М. Иванов, прибыв в Харьков, выступал на собраниях и митингах харьковских рабочих. Он посещал и митинги, организованные украинскими буржуазными националистами, выступал на них. В своем письме Иванов указывал, что участники таких митингов принимали резолюции против Центральной рады и горячо приветствовали питерских рабочих. «Все рабочие,— сообщал он,— в их числе украинской национальности, против Центральной рады» [64]. Рабочий того же завода Вылковский писал из Донецкого бассейна, что петроградские рабочие помогают шахтерам создавать отряды Красной гвардии для борьбы с калединцами [65]. Рабочие фабрики «Скороход» послали своих представителей в Одессу и Киев. Скороходовцы выступали на митингах и собраниях обувщиков, информировали их о событиях в Петрограде. В принятых резолюциях рабочие приветствовали петроградский пролетариат и заверили его, что «будут стоять на страже великой русской революции и грудью защищать народную власть, стоящую на защите всего трудящегося населения» [66]. О большой работе, проделанной на Юге сестрорецкими рабочими, рассказал на заседании заводского комитета Сестрорецкого завода прибывший с Юга рабочий Гончуков [67].

Решающую роль в разгроме контрреволюции на Дону, Украине, в Крыму и Молдавии сыграли трудящиеся массы этих районов. Вместе с ними героически сражались отряды рабочих, прибывших из Центральной России, в их числе и петроградские отряды. Прибытие этих отрядов на Юг вызвало большое воодушевление среди рабочих и крестьян. С калединского фронта сообщали, что «крестьяне встречают радостно, везут нам хлеб и продукты в подарок, а рабочие хватаются за винтовки и присоединяются к частям» [68]. Петроградский красногвардеец В. М. Дубинин в своих воспоминаниях сообщает: «Всюду и везде наш отряд имел симпатии как среди рабочих-шахтеров, так и среди крестьян занятых местностей» [69]. В некоторых местах на пути к Ростову-на-Дону крестьяне встречали красногвардейцев крестным ходом [70].

---

[63] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 562, лл. 8, 9; ГАОРСС ЛО, ф. 4591, оп. 52, д. 20, л. 35.

[64] ГАОРСС ЛО, ф. 4601, оп. 1, д. 3, л. 52.

[65] Там же, л. 74.

[66] Там же, ф. 6273, оп. 2, д. 12, лл. 1, 2.

[67] Там же, ф. 1642, оп. 1, д. 12, л. 259.

[68] Там же, ф. 4579, оп. 1, д. 24, л. 22.

[69] Там же, ф. 4591, оп. 52, д. 20, л. 5.

[70] Там же, ф. 4579, оп. 1, д. 24, л. 27; В. А. Антонов-Овсеенко. Записки о гражданской войне, т. I. М., 1924, стр. 216.

На Украине, несмотря на разнузданную шовинистическую агитацию буржуазных националистов, рабочие и крестьяне не только не поддались провокациям, но и вливались в ряды революционных войск, оказывали им всемерное содействие. Еще в начале военных действий против Центральной рады с фронта было получено сообщение: «Со всех сторон Украины к нам приходят вести об отложении крестьян, рабочих и солдат от буржуазной Киевской рады. С нами идут украинские войска, везде вооружаются крестьяне, рабочие против союзной Каледину преступной Рады» [71]. Петроградский красногвардеец Ф. Антипов в своем письме с фронта писал: «Когда мы приехали, то все увидели, что наша цель — освободить украинский народ от ига капиталистов и помещиков. Нас принимали, как братьев» [72]. Красногвардеец С. Алымов сообщал, что украинские крестьяне везде радушно встречали петроградский отряд. «Не нужно было даже заготовлять продукты, ибо в хатах, где останавливались красногвардейцы, их и так хорошо кормили» [73]. Красногвардеец завода «Новый Парвиайнен» К. И. Чесноков писал: «После одного удачного наступления и занятия помещичьей экономии на Украине нами были розданы крестьянам лошади и кое-что из инвентаря. И вот крестьяне, приходя к нам, убедились, что мы не враги им, как рассказывали им про нас петлюровские офицеры, а молодежь оставалась у нас в отряде» [74].

Петроградские красногвардейцы оказали реальную помощь рабочим ряда городов, поднявших восстание против кровавой диктатуры калединцев и Центральной рады. Они приняли участие в ликвидации контрреволюционного заговора в Харькове, что сыграло большую роль в организации борьбы против Каледина и Центральной рады [75]. После занятия станции Синельниково небольшой отряд петроградских и московских красногвардейцев поспешил на помощь восставшим рабочим Екатеринослава. Питерцы участвовали в штурме здания почты, где засели гайдамаки [76].

После упорных боев в Донбассе и в районе Закадычно-Матвеев Курган петроградские красногвардейцы вместе с другими революционными войсками повели наступление на Таганрог, где рабочие, разгромив калединцев, с большим трудом удерживали город. Выдержав двухчасовой бой под Таганрогом, революционные войска 28 января вступили в город. С большой радостью встретили своих освободителей рабочие. «Рабочие,— писал в своих воспоминаниях петроградский красногвардеец В. Я. Байер,— повсюду на-

---

[71] ЦГАОР СССР, ф. 375, оп. 1, д. 12, л. 47.
[72] «Красная газета», 16 января 1918 г.
[73] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 549, л. 5.
[74] ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 2127, л. 4.
[75] ЦГАСА, ф. 14, оп. 3, д. 68, л. 25; «Правда», 30 декабря 1917 г.
[76] ЛПА, ф. 4000, оп. 6, д. 170, л. 3.

столько радостно встречали Красную гвардию, что нельзя было пройти город: повсюду встречали толпы народа»[77].

На Украине петроградские красногвардейцы участвовали в освобождении многих городов и сел. После упорных боев у станции Круты в середине января 1918 г. революционные отряды стали быстро продвигаться к Киеву для оказания помощи восставшим рабочим столицы Украины. В Дарнице к красногвардейцам стали просачиваться из Киева небольшие группы рабочих — участников восстания; они просили оказать им немедленную помощь. Красногвардеец завода «Новый Парвиайнен» К. И. Чесноков рассказывал в своих воспоминаниях, что в его отряд прибыл киевский рабочий, рассказал о зверствах гайдамаков в Киеве и просил: «Братцы, помогите!, а сам показывает нам спину, пальто у него разрублено шашкой и измазано в крови. Он говорил, что в Арсенале много раненых, а у защитников продукты и патроны на исходе»[78]. С просьбами о выдаче патронов и продовольствия обратились группы рабочих Арсенала, которым удалось вырваться из Киева[79].

Киевские рабочие оказали большую помощь красногвардейцам в организации разведки и подготовки наступления на Киев. К начальнику одного из петроградских красногвардейских отрядов Воробьеву прибыла из Киева работница, член большевистской партии; она подробно рассказала о дислокации петлюровских войск в городе; на основе ее данных был открыт артиллерийский огонь по Лавре и другим укрепленным пунктам врага[80]. Командир 5-й роты Петроградского отряда Абабков сообщил в своих воспоминаниях, что его роте удалось продвинуться к станции Киев-II лишь благодаря помощи киевских железнодорожников[81].

В уличных боях в Киеве особенно отличились бойцы путиловского бронепоезда и 1-го Петроградского отряда. «На улицах Киева,— рассказывал красногвардеец этого отряда,— мы выдержали не один бой, и не один наш товарищ пал здесь смертью храбрых»[82].

26 января 1918 г. столица Украины была освобождена. В боях с контрреволюцией на Юге питерский пролетариат потерял многих своих сыновей и дочерей. Смертью храбрых пали в сражениях с калединцами рабочие Трубочного завода Петров, Запальников, путиловец Антонов, Кузнецов с завода «Вулкан», Кулаков с «Гейслера», Лобанов с «Сименс-Шуккерт», Николькевич с «Лоренца», Игнатьев с «Феникса» и многие другие. Только в Ростове-на-Дону

---

[77] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 625, л. 25.
[78] ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 2127, л. 5.
[79] Там же, оп. 6, д. 191, л. 28.
[80] Там же, оп. 5, д. 2124, л. 15.
[81] Там же, оп. 6, д. 671, л. 22.
[82] М. Лурье. Указ. соч., стр. 165.

было опущено в землю 70 гробов с прахом красногвардейцев, погибших в боях за освобождение города. «Похороны товарищей,— писал в своих воспоминаниях С. Ф. Соколов,— обратились в грандиозную демонстрацию против буржуазии, и по своей мощности эта демонстрация напомнила нам первые дни революции в Петрограде» [83]. Многие красногвардейцы погибли и в боях с Центральной радой. Под Крутами погибли красногвардейцы Выборгской стороны Смирнов, Егоров, Денисенков, Кондратьев, Игнатов, Овсянников, Коль Гумбар, Окулов, Григорьев и Алексеев. Их тела были доставлены в Петроград и в торжественной обстановке преданы земле [84]. На братской украинской земле покоятся тела питерцев, павших в боях в Донбассе, на Полтавщине, Черниговщине, Киевщине, Екатеринославщине и в других местностях. В телеграмме правительства Советской Украины, направленной Совету Народных Комиссаров 28 января 1918 г., говорилось: «Кровь украинских и российских рабочих и крестьян, пролитая во имя рабочей революции на Украине, навсегда освятила братский союз между трудящимися массами Великороссии и Украины. Они не потерпят никаких покушений со стороны буржуазии разорвать этот союз» [85].

Революционный Петроград, колыбель социалистической революции, внес достойный вклад в дело победы Советской власти во всей стране. Характеризуя роль питерского пролетариата в борьбе за установление и упрочение Советской власти, В. И. Ленин писал: «Самые развитые, самые сознательные рабочие, рабочие Питера, больше всего сил отдали для управления Россией» [86].

---

[83] «Красная летопись», 1926, № 4, стр. 46.

[84] ГАОРСС ЛО, ф. 5425, оп. 1, д. 9, лл. 62, 72, 186; ф. 4601, оп. 1, д. 26, л. 48; «Правда», 27 января 1918 г.

[85] «Вестник Украинской народной республики», 30 января 1918 г.

[86] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 225.

ОБЪЕДИНЕНИЕ СОВЕТОВ РАБОЧИХ, СОЛДАТСКИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ НА УКРАИНЕ в 1917 г.

Ю. М. ГАМРЕЦКИЙ

Неотъемлемой частью истории Октября является освещение роли Советов в 1917 г. Известно, что В. И. Ленин, обращаясь к историческому опыту, неоднократно отмечал огромную роль Советов в революции [1].

Первые немногочисленные статьи, посвященные истории некоторых Советов, созданных в 1917 г. на Украине, появились в конце 20-х годов. Они положили начало изучению этой важной темы [2]. В последующие годы, в обстановке культа личности исследовательская деятельность в этой области была резко заторможена. После XX съезда КПСС изучение истории Советов значительно усилилось. Особенно оживилась исследовательская работа во время подготовки к празднованию 40-летия Великого Октября.

За последние годы опубликовано немало исследований, сборников документов, воспоминаний активных участников Октября, написано немало диссертаций, в которых значительное внимание уделяется возникновению и деятельности Советов рабочих и солдатских депутатов. Среди книг, вышедших на Украине, в первую очередь следует назвать II том «Історії Української РСР» и «Очерки истории Коммунистической партии Украины». В разделах, посвященных 1917 г. на Украине, раскрывается и деятельность Со-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 6 и др.

[2] Е. Викторов. Первый этап революции на Николаевщине.— «Летопись революции», 1927, № 2, 4; он же. Николаевский Совет рабочих и военных депутатов.— «Літопис революції», 1929, № 4; Г. Куранов. Советы на Артемовщине между февралем и октябрем 1917 года.— «Летопись революции», 1927, № 5—6; И. Брагинский. Киевский Совет рабочих депутатов.— «Літопис революції», 1929, № 2, 3; В. Лобахин. Харьковский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте и апреле 1917 года.— «Літопис революції», 1929, № 4.

ветов. Рассматривается этот вопрос и в трудах по истории крупных городов Украины, таких, как Киев и Одесса. Кроме того, имеется свыше двух десятков исследований непосредственно по этой теме[3]. Однако далеко не все стороны деятельности Советов достаточно глубоко и всесторонне изучены. В частности, совершенно не исследован вопрос об объединении Советов Украины в 1917 г. В изучении этого вопроса имеются, правда, серьезные трудности; значительная часть архивных документов, отражающих различные аспекты деятельности большевистских организаций и Советов, погибла в бурные годы гражданской войны и иностранной интервенции: многое из того, что сохранилось, не удалось спасти во время Великой Отечественной войны. Поэтому оставшиеся в центральных и местных архивах разрозненные материалы, имеющие отношение к истории Советов, могут быть использованы только в тесной связи с сохранившейся прессой различных партий и направлений, которая выдвигается в качестве одного из основных источников в изучении рассматриваемой проблемы.

* * *

Большевистская партия активно выступала за прочный союз рабочего класса с трудящимся крестьянством. Одной из конкретных форм его воплощения было создание объединенных Советов рабочих и солдатских депутатов. В марте-апреле 1917 г. повсеместно возникали Советы рабочих депутатов; одновременно с ними, а нередко и по их инициативе создавались Советы солдатских депутатов.

---

[3] С. М. Королівський. Більшовизація Рад на Україні в період підготовки Великої Жовтневої соціалістичної революції.— «Учені записки Харківського університету», т. 69. «Труди історичного факультету», т. 4, 1956; он же. Боротьба більшовиків України за завоювання Рад у 1917 р.— «Більшовики України в боротьбі за перемогу Жовтневої революції і встановлення Радянської влади (березень 1917 р.— лютий 1918 р.)». Сб. статей. Киев, 1957; он же. Перший з'їзд Рад України. Киев, 1957; он же. До питання про представництво України на II Всеросійському з'їзді Рад.— «Український історичний журнал», 1960, № 4; П. Гончаренко. Советы Донбасса в 1917 году (март — декабрь). Донецк, 1957; он же. Борьба за укрепление власти Советов в Донбассе. Луганск, 1963; Б. М. Бабій. Місцеві органи державної влади Української РСР в 1917—1920 рр. Киев, 1956; В. Г. Лисенко. Харківська Рада в березні — жовтні 1917 г.— «Учені записки Харківського університету», т. 89. «Труди історичного факультету», т. 6, 1957; К. К. Шияп. Діяльність Харківської Ради робітничих і солдатських депутатів (жовтень 1917 р.— березень 1918 р.) «Труди історичного факультету», т. 6. 1957; В. М. Терлецький. Ради на Київщині в 1917 р. Киев, 1957; Ю. Е. Зык. Борьба с корниловщиной и большевизация Советов на Украине в 1917 году.— «Труды Донецкого индустриального института». Серия общественных наук, т. 48, вып. 3, 1959; А. Г. Алексеенко. Городские Советы Украинской ССР (1917—1920 гг.). Киев, 1960; В. Я. Борщевский. Рабочий класс и Советы Донецко-Криворожского бассейна в Октябрьской революции, ч. I—II. Днепропетровск, 1962.

Дальнейшее развитие революции настоятельно требовало сплочения сил. Всероссийское совещание Советов в области организационного строительства Советов рабочих и солдатских депутатов признало необходимость их совместного существования. В принятой резолюции допускалось проведение раздельных заседаний «лишь по вопросам, касающимся исключительно военной или рабочей среды и не имеющим общего политического значения» [4].

Процесс сближения Советов прошел несколько стадий. Прежде всего налаживались контакты и устанавливались связи между исполнительными комитетами. По более важным вопросам, касающимся внутренней и внешней политики страны, созывались совместные заседания. Довольно часто имело место такое положение, когда исполнительный комитет существовал уже единый, а Совет продолжал подразделяться на две совершенно самостоятельные секции — рабочую и солдатскую. И лишь на заключительной фазе происходило окончательное объединение Советов.

Исчерпывающие сведения о характере Советов, как и вообще какие-либо обобщенные данные об их организации, разносторонней деятельности, партийном, социальном и национальном составе, отсутствуют. Такое положение в значительной степени объясняется тем, что на Украине не было центра, объединяющего все Советы и концентрирующего подобного рода информацию. Поэтому в большинстве случаев приходится ограничиваться отдельными фактами и цифрами, которые могут создать определенное представление о процессе объединения Советов.

В Харькове, Полтаве, Чернигове, Виннице, Херсоне и Николаеве объединение Советов рабочих и солдатских депутатов произошло вскоре после Февральской революции и осуществилось без особых осложнений. Николаевские Советы объединились 24 апреля. Как сообщает председатель Совета и член ЦИК Советов Я. Рянно, до этого «целый ряд комиссий обоих Советов вел параллельную работу в полном контакте, но необходимость объединения чувствовалась все сильнее и сильнее; не было сомнения, что слияние даст мощную революционную организацию, которая в состоянии объединить и направить вокруг себя широкие массы революционной демократии» [5].

Большевики активно боролись за объединение Советов. Екатеринославская «Звезда» в первом номере опубликовала специальное заявление, в котором приветствовала решение местного Совета солдатских депутатов о его слиянии с рабочим Советом [6]. Однако объединительный процесс осуществлялся там не совсем гладко: некоторые большевики все же опасались, что в объеди-

[4] «Организация и строительство Советов рабочих депутатов в 1917 году». Сб. документов. М., 1928, стр. 190.

[5] Там же, стр. 37.

[6] «Большевистские организации Украины в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (март — ноябрь 1917 г.)». Сб. документов и материалов. Киев, 1957, стр. 89.

нием Совете будет особенно трудно противостоять мелкобуржуазным элементам. Создавалась иногда довольно сложная ситуация: не объединяться с солдатскими Советами значило отдавать местный гарнизон буржуазному влиянию; создание же единого Совета могло привести к значительному увеличению числа соглашателей в Совете. Вопрос был настолько важен, что делегатка Екатеринославских большевиков на VII Всероссийской (Апрельской) конференции РСДРП(б) С. И. Гопнер посвятила ему значительную часть своего выступления[7]. В своих воспоминаниях Гопнер по этому поводу писала: «Я остановилась на вопросе о нашей борьбе за слияние двух Советов — рабочего и солдатского. Я сказала, что, борясь за это слияние и придавая ему громадное значение, мы вместе с тем опасаемся, что объединенный Совет будет нам навязывать голосами солдат неприемлемые для нас решения. Это мы видели на примере поведения представителей армии во время голосования по вопросу о 8-часовом рабочем дне в первые дни революции. Поэтому, сказала я, мы, борясь за это слияние, вместе с тем боимся, что после этого слияния Совет окажется в плену мелкобуржуазной стихии. Неожиданно я услышала совсем близко вопрос Ленина: «Почему же боитесь?» (Я думала, что его нет в зале). И эти его три слова как-то сразу показали мне, в чем я неправа: ведь речь шла не о слиянии разных групп в партии, а о Советах, которые включали представителей разных политических направлений и были ареной нашей борьбы за укрепление союза рабочего класса и крестьянства и за ведущую роль рабочего класса в этом союзе»[8].

По приезде из Петрограда делегатов VII (Апрельской) Всероссийской конференции слияние Екатеринославских Советов пошло гораздо быстрее и завершилось в середине мая.

В некоторых крупных городах и отдельных губернских центрах создание объединенных Советов несколько затянулось, особенно там, где промышленный пролетариат был слабым. Многочисленная прослойка городских ремесленников и кустарей подавляла своей численностью и была питательной средой для деятельности мелкобуржуазных и националистических партий. Так, в Житомире, где большевистской организации до июля не существовало (эсеров к этому времени в городе насчитывалось 153, бундовцев — 174, народных социалистов — свыше 300)[9], в течение двух дней (25—26 марта) в Совете воинских депутатов обсуждался вопрос о взаимоотношениях с местным Советом рабочих депутатов. Присутствовавшие депутаты, в подавляющем большинстве

---

[7] «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 года. Протоколы». М., 1958, стр. 137—139.

[8] С. И. Гопнер. Мартовские и апрельские дни 1917 года.— «Вопросы истории», 1957, № 3, стр. 50.

[9] Госархив Житомирской обл., ф. р-405, оп. 1, д. 7, лл. 175, 207, 238.

унтер-офицеры, прапорщики, юнкера, фельдфебели и хорунжие, опасались открыто продемонстрировать свое отрицательное отношение к единению солдат и рабочих [10]. Поэтому первое заседание открытой баллотировкой приняло решение о необходимости объединения. Однако 26 марта Совет воинских депутатов тайным голосованием (54 голоса против 33) определил свое отрицательное отношение к объединению Советов, снова признав их самостоятельное существование с взаимным (по пять депутатов) представительством. Предусматривался, правда, по мере надобности, но не менее одного раза в месяц, созыв объединенных собраний Советов [11]. Должного контакта между этими Советами наладить не удалось: в апреле не было созвано ни одного общего собрания Советов, а позднее такие собрания хотя и начали созываться, но Советы по-прежнему до середины сентября существовали раздельно [12].

Медленно проходило объединение Советов в Киеве. Солдаты гарнизона настаивали на немедленном слиянии Советов. Резолюции такого содержания принимались на общих собраниях солдат различных войсковых единиц и, как правило, публиковались на страницах большевистского «Голоса социал-демократа» [13]. Рабочие Киева на своих собраниях принимали резолюции, в которых предлагали «направить все свои усилия для объединения в целях совместной продуктивной деятельности» [14]. Несколько раз обсуждался этот вопрос на заседаниях исполнительного комитета Киевского Совета рабочих депутатов и на общих собраниях Совета.

Среди большевиков Киева вначале были те же опасения, что и в Екатеринославе. Об этом говорил на Апрельской конференции член Киевского Совета рабочих депутатов большевик М. Майоров [15]. Однако вскоре было решено, что Совет рабочих депутатов должен слиться с Советом солдатских депутатов. Позиция большевиков нашла одобрение в Совете рабочих депутатов, который 7 мая почти единогласно принял резолюцию о полном слиянии Советов [16]. Но от постановлений до практических результатов

[10] Из 17 членов исполкома Житомирского Совета воинских депутатов было всего лишь шесть солдат; подавляющее большинство составляли прапорщики, поручики, юнкера, штабс-капитаны и даже был один полковник (там же, д. 8, л. 25).

[11] «Протоколы заседаний Житомирского Совета воинских депутатов». Житомир, 1917, стр. 18—21; «Трудовая Волынь», 2 апреля 1917 г.

[12] «Трудовая Волынь», 25 апреля и 19 сентября 1917 г.

[13] «Большевистские организации Украины в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (март — ноябрь 1917 г.)», стр. 259; «Борьба за власть Советов на Киевщине (март 1917 г.— февраль 1918 г.)». Сб. документов и материалов. Киев, 1957, стр. 89.

[14] «Борьба за власть Советов на Киевщине», стр. 113.

[15] «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 года. Протоколы», стр. 141.

[16] «Борьба за власть Советов на Киевщине», стр. 118; «Голос социал-демократа», 10 мая 1917 г.

дистанция продолжала оставаться прежней. Эсеро-меньшевистское руководство Советов, признавая на словах необходимость слияния, на деле всячески тормозило его осуществление.

После Октябрьского вооруженного восстания оттягивать дальше создание единого Совета было невозможно. По предварительной договоренности день слияния Советов был назначен на 12 ноября. Газета «Пролетарская мысль» поместила обращение большевистской фракции Киевского Совета рабочих депутатов, в котором выражалось удовлетворение по поводу наметившегося единения сил: «Товарищи рабочие и солдаты, члены Советов р. и с. д., наконец-то должно произойти слияние Советов не на словах, а на деле» [17].

В начале октября 1917 г. в Киевском Совете рабочих депутатов большевики представляли самую значительную группу, а в исполнительном комитете занимали почти 50% мест (14 из 30). После перевыборов 11—12 ноября состав объединенного исполнительного комитета был следующий: 23 большевика, 15 украинских эсеров, 11 русских эсеров, 9 меньшевиков и бундовцев и 2 украинских социал-демократа [18]. Такое соотношение сил в пользу меньшевиков и эсеров дала солдатская часть исполнительного комитета, в которой из 30 депутатов было всего лишь 5 большевиков. В то же время в рабочей части исполнительного комитета большевики получили 18 мест (из 30) [19].

Уже на первом заседании нового исполнительного комитета (15 ноября) ярко проявилась его оппортунистическая сущность. Предложение большевиков определить отношение к вопросу о признании власти Советов было отвергнуто большинством голосов (20 — за признание власти Советов, 36 — против) [20]. Это произошло уже после того, когда не только Киевский Совет рабочих депутатов высказался за передачу всей власти Советам (8 сентября), но и совместное заседание обоих Киевских Советов (4 ноября) приняло подобное решение. Таким образом, исполнительный комитет объединенных Советов оказался гораздо правее своих избирателей.

16 ноября рабочая секция Совета избрала А. Иванова своим председателем и приступила к дальнейшей работе по организации Красной гвардии, продолжая фактически проводить свою самостоятельную линию.

Меньшевики и эсеры пошли на объединение в надежде на безраздельное господство в новом Совете. Казалось, они добились своей цели. Блок русских, украинских и еврейских мелкобуржу-

---

[17] «Борьба за власть Советов на Киевщине», стр. 394.

[18] «Южная газета», 14 ноября 1917 г.

[19] В большевистскую фракцию рабочей секции исполкома входили: Я. Б. Гамарник, П. В. Голубенко, А. Горвиц, А. И. Иванов, Д. И. Иткинд и др.

[20] «Южная газета», 16 ноября 1917 г.

азных партий насчитывал в Совете рабочих и солдатских депутатов 367 человек из 589 депутатов (свыше 62%). Однако дальнейшие собрания этого Совета (24 и 30 ноября) подтвердили большевистскую резолюцию о переходе всей власти к Советам.

Будучи не в силах изменить политику всего Совета и желая сохранить свое влияние на его солдатскую часть, эсеро-меньшевистские лидеры пытались расколоть Совет; 2 декабря они добились принятия решения о выходе солдатской секции из состава объединенного Совета.

С неменьшими трудностями осуществлялся процесс объединения Советов в Одессе. Так же, как и в Киеве, Одесский Совет рабочих депутатов неоднократно предпринимал попытки к объединению. 12 марта на общем собрании Совета шла речь о тесном единении между рабочими, солдатскими и матросскими организациями. 8 апреля объединенное собрание исполнительных комитетов Одесских Советов рабочих и солдатских депутатов приняло решение чаще устраивать объединенные заседания исполнительных комитетов и Советов, на которых обсуждать особо важные вопросы, интересующие обе организации [21].

В отличие от Киева, где в Совете рабочих депутатов была довольно сильная большевистская фракция, в Совете рабочих депутатов Одессы большевиков было мало; им приходилось сдерживать сильный напор соглашателей. Характерную картину объединенного собрания Одесских Советов, посвященного выборам делегатов на I Всероссийский съезд Советов, рисует в своем письме в ЦК РСДРП(б) от 7 июня 1917 г. П. С. Заславский: «Выступления большевиков вызывали резкие протесты солдатских депутатов, предводительствуемых офицерами. Ораторам-большевикам не давали говорить вначале. Поведение солдат нервировало рабочих, и даже не сочувствующие большевикам требовали предоставления последним слова; в отместку солдатам рабочие срывали [выступления] оборонцев-солдат. Объединение налаживается чрезвычайно туго» [22]. Особенно отчетливо подавляющее влияние соглашателей среди депутатов солдатского Совета проявилось после июльских дней. Однако, несмотря на абсолютное засилье мелкобуржуазных партий в Совете солдатских депутатов, большевики настойчиво поддерживали идею объединения Советов. Борясь с объединенческими тенденциями внутри партии, они в слиянии Советов усматривали возможность для ведения наступления на соглашателей в более широком масштабе. Преодолевая нерешительность

---

[21] «В борьбе за Октябрь (март 1917 г.— январь 1918 г.)». Сб. документов и материалов об участии трудящихся Одессы в борьбе за установление Советской власти. Одесса, 1957, стр. 27.

[22] «Большевистские организации Украины в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (март — ноябрь 1917 г.)», стр. 383.

некоторой части депутатов Совета рабочих депутатов, которые опасались засилья соглашателей, большевики настаивали на скорейшем создании единого Совета. На заседании исполнительного комитета 18 июля при обсуждении вопроса о текущем моменте большевик А. Воронский сказал: «Срочно нужно поставить вопрос об объединении Советов р. и с. д., ибо вся политика ведет к разъединению рабочего и солдата»[23]. И все же до установления Советской власти слияния Советов в Одессе не произошло.

Объединительный процесс наблюдался в Советах не только в крупных городах и губернских центрах, но и в уездах и поселках. Проследим это хотя бы на примере Полтавской губернии. Уездные Советы (за исключением Лохвицкого)[24] были созданы повсеместно еще весной 1917 г. В подавляющем большинстве они существовали раздельно. На I Киевском областном съезде Советов (23—27 апреля) было представлено 34 Совета рабочих депутатов и 7 Советов рабочих и солдатских депутатов Киевщины, Полтавщины, Черниговщины, Подолии и Волыни. Из семи уездных Советов Полтавщины только один (Роменский) был объединенным[25]. К III губернскому съезду Советов Полтавщины (20—21 июля) только в двух уездных городах Советы продолжали существовать раздельно. Объединения не произошло в Кременчуге, хотя, как отмечалось в материалах съезда, «в важных случаях исполнительные комитеты заседают и решают дела совместно»[26]. В Прилуках Советы объединялись «только в важных случаях»[27]. Ко времени созыва IV губернского съезда Советов (13 октября 1917 г.) во всех 15 уездах Полтавщины действовали объединенные Советы рабочих и солдатских депутатов; в двух из них (Миргороде и Лубнах) возникли даже Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов[28]. В Кобеляках же Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов существовал еще летом 1917 г.[29]

На основании докладов делегатов I губернского съезда Советов (июнь 1917 г.) можно утверждать, что на Подолии положение было примерно то же, что и в Полтавской губернии. Везде организовались Советы рабочих депутатов и гарнизонные Советы, которые затем объединялись в один Совет. В информации о съезде, опубликованной в Винницком «Свободном голосе», отмечалось: «В некоторых местах слияние этих Советов задерживалось, а в Каменце слияния этого нет. Лишь теперь работает орга-

---

[23] «Известия Одесского Совета рабочих депутатов», 22 июля 1917 г.

[24] В Лохвице, как отмечалось в материалах губернского съезда Советов (апрель 1917 г.), Совет постоянно конструировался (Госархив Полтавской обл., ф. 4042, оп. 1, д. 4, л. 2).

[25] «Первый Киевский областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов». Киев, 1917, стр. 4, 5.

[26] «Голос труда», 2 августа 1917 г.

[27] Там же.

[28] Госархив Полтавской обл., ф. р-4042, оп. 1, д. 15, лл. 118, 121.

[29] «Голос труда», 2 августа 1917 г.

низационная комиссия, реорганизуется Совет солдатских депутатов, и через несколько дней можно ждать слияния обоих Советов» [30].

Те же процессы имели место на Киевщине. Слияние Черкасских Советов рабочих и солдатских депутатов произошло 18 июля 1917 г. В президиум Совета было избрано 12 человек, поровну от каждой части Совета [31]. Уманские Советы рабочих и солдатских депутатов находились в тесном взаимодействии; нередко их именовали даже одним Советом. Однако решение о полном объединении было принято на пленарном заседании Совета рабочих депутатов и гарнизонного Совета только 16 сентября, причем предполагалось сохранение двух секций в Совете для защиты специальных интересов рабочих и солдат [32]. Окончательное слияние и избрание временного исполкома Уманского Совета, созданного на паритетных началах из 16 человек, произошло 22 сентября [33].

Несколько иное положение сложилось в Донбассе. В ленинских записях выступлений делегатов на Апрельской конференции упоминается 132 Совета рабочих депутатов Донбасса, из которых 48 были объединенными [34]. Такое большое число Советов рабочих депутатов объяснялось тем, что они создавались как по территориальному, так и по производственному принципу. Наряду с возникновением Советов в уездах они организовались на шахтах и рудниках. Это, между прочим, имело место и на Урале [35].

Процесс объединения Советов на Украине отражен в анкетных данных и мандатных материалах участников II Всероссийского съезда Советов. Из сохранившихся сведений о характере 64 Советов Украины, представленных на съезде, видно, что только 12 были Советами рабочих депутатов [36]. Из них 10 Советов представляли Донбасс, где местные условия не позволяли создать объединенные Советы. Остальные Советы, за исключением двух солдатских (Киев, Одесса) и двух крестьянских, были объединенными: 31 Совет рабочих и солдатских депутатов и 17 Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Убедительный материал о проходившем на Украине процессе объединения Советов дает также резолюция, принятая 11 декабря на заседании I Всеукраинского съезда Советов в Харькове.

---

[30] «Свободный голос», 4 июня 1917 г.

[31] «Наше слово», 20 июля 1917 г.

[32] «Уманское слово», 19 сентября 1917 г.

[33] Там же, 24 сентября 1917 г.

[34] «Ленинский сборник», XXI, стр. 46.

[35] «Организация и строительство Советов рабочих депутатов в 1917 году», стр. 211; «Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис». Документы и материалы. М., 1958, стр. 169, 395, 471.

[36] «Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов». М.—Л., 1928, стр. 114, 141—152, 160; «Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов». Сб. документов. М., 1957, стр. 386—397.

В ней говорится об отказе 42 Советов и 7 комитетов от участия в работе подтасованного Центральной радой «съезда» Советов в Киеве. Характерный факт: из 42 Советов, охватывавших все украинские губернии, только один (Киевский) продолжал оставаться Советом рабочих депутатов; остальные (поставившие подписи под этим важнейшим документом) были объединенными [37]. Следовательно, Советов, которые существовали совершенно раздельно, оставалось к Октябрю очень мало. По мере усиления революционной борьбы процесс объединения рабочих и солдат усиливался, возрастало понимание необходимости взаимной поддержки в совместной борьбе.

Таким образом, на Украине еще до победы социалистической революции Советы, за очень небольшим исключением, объединились и представляли собой органы, отражающие интересы широких масс трудящихся.

* * *

В. И. Ленин неустанно подчеркивал, что только Советы крестьянских депутатов, избранные массой трудящихся и сменяемые ею в любое время, способны правильно выражать волю крестьянства и проводить ее в жизнь. Поэтому большевистская партия советовала крестьянам по примеру тружеников города создавать свои независимые и демократически избранные органы власти.

Соглашатели, прежде всего эсеры, также выступали за создание Советов крестьянских депутатов, но они не видели в них новых революционных органов власти, которые должны сплотить крестьянство в борьбе против буржуазного строя.

На Украине Советы крестьянских депутатов начали организовываться раньше всего в Харьковской, Херсонской и Полтавской губерниях.

24 мая Полтавский Совет обсуждал вопрос об организации Советов крестьянских депутатов. Украинские националисты в качестве основной формы организации крестьянства отстаивали спилку (Крестьянский союз), руководство которой находилось в руках украинских эсеров. По предложению большевика В. М. Шахрая 46 голосами (против 35) была принята резолюция, в которой крестьянству предлагалось организоваться в Советы: до создания Советов крестьянских депутатов Совет рабочих и солдатских депутатов и спилка должны были обменяться представителями [38].

По имеющимся сведениям совещания представителей исполнительных комитетов Советов крестьянских депутатов Харьковской

---

[37] «Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине (февраль 1917 г.— апрель 1918 г.)». Сб. документов и материалов, т. 2. Киев, 1957, стр. 565—567.

[38] Госархив Полтавской обл., ф. р-4042, оп. 1, д. 6, л. 12.

губернии (25 июля 1917 г.), в уездах и даже волостях к этому времени уже были организованы Советы крестьянских депутатов, но они не везде развернули активную деятельность [39].

Большую работу провел Николаевский Совет рабочих и солдатских депутатов среди крестьянства Херсонщины. Это отмечалось 22 августа 1917 г. в отчете председателя Совета Я. Ряппо: «Все работы по организации крестьянских Советов были проведены при энергичном содействии крестьянской комиссии Николаевского Совета рабочих и военных депутатов и в настоящее время уже закончены» [40].

Большевики Донбасса к лету 1917 г. усилили работу по организации крестьянства в Советы. В Луганске, где влияние большевиков было значительным, неоднократно поднимался в Совете вопрос о создании крестьянских Советов. На конференции Советов, открывшейся в Луганске 15 мая, многие представители отмечали, что «организация крестьян оставляет желать улучшения». Конференция признала «очередной и неотложной задачей момента, в соответствии с Южно-Русской областной конференцией, усиление работ по организации Советов крестьянских депутатов и объединение их с Советами р. и с. д.» [41] 21 июня общее собрание Дружковского Совета вменило в обязанность «агитационной комиссии Совета энергичнее направить силы к организации крестьян в Советы крестьянских депутатов» [42].

Материалы Екатеринославской районной конференции Советов р. и с. д. (9—11 июля) содержат упоминание о том, что из 12 Советов, представленных на конференции, только Мариупольский Совет мог доложить о наличии в уезде Советов крестьянских депутатов; представители других городов [43] еще только предлагали организовать такие Советы «и связать их с Советами рабочих и солдатских депутатов» [44]. Екатеринославский и Херсонский Советы проводили работу среди той части крестьянства, на которую особое внимание обращала большевистская партия; они дважды созывали конференции сельскохозяйственных рабочих губернии [45].

---

[39] «Народное дело», 27 июля 1917 г.

[40] «Организация и строительство Советов рабочих депутатов в 1917 году», стр. 213.

[41] «Известия Харьковского Совета рабочих и солдатских депутатов», 2 июня 1917 г.

[42] Госархив Донецкой обл., ф. р-2620, оп. 1, д. 2, л. 65.

[43] В работе конференции принимали участие представители Советов рабочих и солдатских депутатов Екатеринослава, Новомосковска, Александровска, Никополя, Верхнеднепровска, Гуляй-Поля, Синельниково, Каменского, Хортицы, Павлова, Павлограда и Мариуполя (Партархив Днепропетровского областного комитета КПУ, ф. 24, оп. 1, д. 216, л. 72); «Звезда», 12 июля 1917 г.

[44] Партархив Днепропетровского областного комитета КПУ, ф. 24, оп. 1, д. 216, л. 91.

[45] «Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации», т. I, ч. II. М., 1929, стр. 226; Госархив Херсонской обл., ф. р-1887, оп. 3, д. 1, лл. 3, 4; «Солдат и рабочий», 17 сентября 1917 г.

К июлю 1917 г. темпы организации Советов крестьянских депутатов на Украине в силу значительного влияния украинских эсеров на селе несколько отставали от Центральной России. Данные статистического отдела Всероссийского Совета крестьянских депутатов говорят о том, что на Украине лишь в 57,8% всех уездов были созданы уездные Советы и 89,6% губерний — губернские, в то время как в Европейской России этот процент значительно повышался и составлял соответственно 79,3 и 92,9 [46].

В некоторых губерниях создание крестьянских Советов проходило медленно. На Черниговщине организация крестьянства в июле 1917 г. находилась в самом зачаточном состоянии [47]. Такое же положение сложилось и на Подолии; об этом можно судить хотя бы по тому, что только в начале сентября Винницкий Совет принял решение об организации в уездах крестьянских Советов [48].

Волынская губерния являлась непосредственным тылом действующей армии, по ряду уездов проходила линия фронта. В июле 1917 г. был создан уездный Совет крестьянских депутатов в Житомире. Губернского Совета крестьянских депутатов на Волыни не было до сентября, тогда как к этому времени Советы существовали во всех губернских центрах [49].

В губернских центрах наблюдались первые попытки координации действий городских Советов с крестьянскими. Проходили, как это было, например, в Харькове и Виннице, объединенные заседания исполнительных комитетов и даже Советов. Первое объединенное заседание исполнительных комитетов Харьковских Советов состоялось 31 мая [50]. Второе заседание проходило на следующий день. Было решено образовать совместные комиссии: продовольственную, агитационную, земельную и лесную [51]. На состоявшейся в Харькове 19 июня губернской конференции Советов тоже шла речь о необходимости слияния всех Советов «в рамках хотя бы уездов» [52].

Особенно ощущалась необходимость участия крестьянства в уездных Советах рабочих и солдатских депутатов, которым часто приходилось сталкиваться с решением различных аграрных конфликтов, регулировать взаимоотношения и предотвращать эксцессы между землевладельцами и сельскими пролетариями. Поэтому такие Советы стремились действовать в тесном контакте с Советами крестьянских депутатов, а где их не было — путем

---

[46] «Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации», т. I, ч. II, стр. 228.

[47] «Черниговская земская газета», 28 июля 1917 г.

[48] «Свободный голос», 13 сентября 1917 г.

[49] «Трудовая Волынь», 6 сентября 1917 г.

[50] «Известия Харьковского Совета рабочих и солдатских депутатов», 8 июня 1917 г.

[51] Там же, 4 июня 1917 г.

[52] «Южный край», 22 июня 1917 г.

привлечения представителей крестьянства к работе местного Совета.

Объединенные Советы рабочих и солдатских депутатов раньше других взяли курс на сближение с крестьянскими Советами. Сумской Совет рабочих и солдатских депутатов еще в марте 1917 г. заявил, что «видит в революционном крестьянстве стойких борцов за интересы демократии, будет с ними идти рука об руку в деле укрепления завоеваний свободы...»[53] Золотоношский Совет рабочих и солдатских депутатов, объединение которого произошло 21 апреля[54], обратился через свою газету ко всему населению уезда с предложением пополнить свой состав депутатами от крестьян. В обращении говорилось, что Совет «будет являться представителем всего уезда и составит мощную силу в лице солдатских, рабочих и крестьянских депутатов[55]. В работе Прилукского Совета рабочих и солдатских депутатов принимали участие выборные от крестьян[56]. Но это сотрудничество не носило постоянного характера.

На Полтавщине существовало несколько Советов, в работе которых крестьянство принимало самое непосредственное и деятельное участие в качестве полноправных членов. Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов существовал в Карловке Константиноградского уезда. В Кобеляках в мае 1917 г. из 191 депутата Совета рабочих и солдатских депутатов было: крестьян — 91, рабочих — 45, представителей служащих — 35 и всего лишь 20 солдат[57]. Объединенные Советы существовали в июле 1917 г. в Яготине и Лубнах, а в октябре — в Миргороде и Селенцине[58].

Вопрос об объединении с крестьянским Советом встал и перед Уманским Советом рабочих и солдатских депутатов. 9 ноября Совет признал желательным слияние, но поскольку в уезде, кроме крестьянского Совета, существовала свитка, Совет рабочих и

[53] «Харьков и Харьковская губерния в Великой Октябрьской социалистической революции (февраль 1917 г.— апрель 1918 г.)». Сб. документов и материалов. Харьков, 1957, стр. 33.

[54] «Известия Полтавского Совета рабочих и солдатских депутатов», 8 июня 1917 г.

[55] «Голос труда», 18 июня 1917 г.

[56] «Известия Полтавского Совета рабочих и солдатских депутатов», 8 июня 1917 г.

[57] Там же, 3 июня 1917 г.

[58] Госархив Полтавской обл., ф. р-4042, оп. 1, д. 15, лл. 118, 121; д. 16, л. 1. По данным анкеты большевистской фракции II Всероссийского съезда Советов, в Кременчуге также был Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов («Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов». М., 1957, стр. 391). Однако в анкете делегата III Всероссийского съезда Советов представитель Кременчугского Совета на вопрос, «существуют ли отдельно или объединены секции рабочая, солдатская, крестьянская и казачья», ответил: «Рабочая и солдатская объединены, а крестьянская — отдельно» (ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 2, д. 35, л. 66).

роль в этом процессе массовых рабочих организаций, особенно фабрично-заводских комитетов.

В настоящей статье мы делаем попытку несколько восполнить этот пробел в нашей историографии.

Красная гвардия как в России, так и на Украине создавалась в очень сложной обстановке, в жестокой борьбе не только против Временного правительства, но и соглашателей. Газета киевских меньшевиков «Знамя труда» 30 апреля 1917 г. поместила статью «Красная гвардия», в которой недвусмысленно продемонстрировала свою позицию в этом вопросе. Констатируя факт организации в Петрограде Красной гвардии и определяя, что цель ее — защита революции и борьба против контрреволюции, киевские меньшевики в то же время поддерживали точку зрения соглашательских «Известий ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», которые в действиях Красной гвардии усматривали «прямую угрозу единству революционных сил» и заявляли о несвоевременности организации Красной гвардии.

Отрицая необходимость создания Красной гвардии, меньшевики выдвигали бесспорный, по их мнению, аргумент: после победы Февральской революции есть «революционная» армия, которая охраняет революцию, и российской свободе ничто не угрожает; сильная регулярная армия лучше охраняет завоевания демократии, и поэтому Красная гвардия не нужна.

«Если же Красная гвардия организуется потому, что у организаторов ее нет доверия к армии, то в этом,— заявляло «Знамя труда»,— скрывается одно из тех пагубных действий, которые могут разорвать тесное единство революционных сил, разорвать армию и пролетариат и тем самым погубить революцию» [4]. А далее шло просто демагогическое заявление о «единстве» революционных сил: «Не Красная гвардия, а единство революционной армии и пролетариата — таково требование сознательных рабочих» [5].

Буржуазия также энергично боролась против создания Красной гвардии.

Работа по строительству и укреплению Красной гвардии на Украине значительно усложнялась активизацией деятельности украинских буржуазно-националистических партий. В противовес Красной гвардии они решили создавать наряду с украинизированными воинскими формированиями так называемую украинскую народную милицию — «вольное казачество», которое к осени 1917 г. представляло довольно серьезную силу.

Первоначально формирование Красной гвардии осуществлялось при партийных организациях РСДРП(б). В отряды зачислялись преимущественно члены партии. Однако вскоре стало

---

[4] «Знамя труда», 30 апреля 1917 г.

[5] Там же.

ясно, что этот принцип ограничивал рост Красной гвардии. Партия большевиков перенесла центр тяжести всей работы по формированию Красной гвардии непосредственно на предприятия, в массовые рабочие организации; это вызвало большую творческую инициативу рабочего класса и способствовало быстрому развитию Красной гвардии.

На киевском «Арсенале» по инициативе большевистской фракции заводского комитета боевая рабочая дружина была создана уже в марте 1917 г.[6] Организация боевых дружин развернулась и в рабочем коллективе завода Шиманского[7]. 8 марта вопрос об организации отрядов рабочей милиции обсуждался Харьковским Советом рабочих депутатов. Была принята резолюция, выработанная в свое время на многотысячном митинге рабочих завода «Гельферих-Саде». В резолюции отмечалось, что рабочая милиция должна функционировать в контакте с общегородской и организация ее поручалась совету цеховых представителей, т. е. заводскому комитету[8].

7 апреля на собрании совета старост завода ВЭК был выработан устав заводской автономии. Собрание приняло также решение о милиции. По решению совета старост была распущена старая боевая дружина, созданная еще до Февральской революции для охраны завода, вместо нее была организована новая, рабочая дружина. Красногвардейцам немедленно было роздано оружие. О дополнительном выделении оружия была договоренность с Харьковским Советом рабочих депутатов[9].

В Донбассе вооружением рабочих в основном ведали местные Советы рабочих депутатов, которые также опирались на поддержку массовых организаций пролетариата на отдельных предприятиях. 2 мая Должанский районный Совет рабочих депутатов с целью предотвращения контрреволюционных выступлений предложил местным Советам (которые зачастую выполняли и функции рудничных комитетов) немедленно приступить к организации боевых дружин на каждом руднике[10]. Таким образом, и здесь полностью развязывалась инициатива широких масс пролетариата.

В Екатеринославе Красная гвардия возникла в апреле 1917 г. при городском комитете РСДРП(б). Организация ее была поручена Т. Л. Бондареву. Принимать новых членов в Красную гвардию разрешалось лишь по рекомендации районных комитетов

---

[6] Ю. Г. Чайковський. На київському «Арсеналі».— «Боротьба за перемогу Радянської влади на Україні». Сб. статей. Київ, 1957, стр. 101.

[7] «Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине (февраль — октябрь 1917 г.)». Сб. документов и материалов, т. I. Киев, 1957, стр. 158.

[8] Там же, стр. 164.

[9] Там же, стр. 163.

[10] Там же, стр. 275, 276.

большевистской организации. Отряды формировались при непосредственном и активном участии заводских комитетов. Основой для создания этих отрядов Красной гвардии стали боевые рабочие дружины, возникшие на заводах еще задолго до Февральской революции.

По сведениям М. И. Потапова, одного из активных организаторов и руководителей Екатеринославской Красной гвардии, первая подпольная дружина возникла еще в 1915 г. на Брянском заводе под руководством Т. Л. Бондарева; в 1916 г. боевая дружина была создана на заводе «Сириус» [11].

Возникновение Красной гвардии в Одессе было тесно связано с событиями, происходившими в Петрограде. Первые упоминания о создании Красной гвардии в Одессе совпадают по времени с возвращением из Петрограда Г. Ачканова, который рассказал о реорганизации рабочих отрядов Выборгского района в Красную гвардию. Аналогичное решение было принято согласительским Советом рабочих депутатов Одессы 9 апреля 1917 г. под давлением трудящихся масс [12].

Создание отрядов рабочей милиции и постепенное перерастание их в отряды Красной гвардии проходило по всей Украине. Их ядро составляли большевики.

Первый этап в создании вооруженных сил пролетарской революции в основном завершился в мае 1917 г., после того, как «Правда» 29 апреля опубликовала Проект основ устава Рабочей гвардии, выработанный районным Советом рабочих и солдатских депутатов Выборгской стороны в Петрограде. Проект четко формулировал цели, план организации и вооружения и т. п. Наряду с этим он снова остро ставил вопрос о том, кто же мог стать членом Красной гвардии. Ответ давался вполне ясный: красногвардейцами могли стать рабочие и работницы — «члены социалистической партии или члены профсоюза», по рекомендации или выбору общего собрания завода или мастерской.

Проект устава питерских рабочих стал образцом для создания Красной гвардии на местах, однако в местных уставах имелись и отклонения. Так, в уставе рабочей гвардии Екатеринослава, принятом 4 июня 1917 г., говорилось, что в Красную гвардию можно принимать «членов социалистической партии или профсоюзов», но обязательно «по рекомендации партийных комитетов, правлений союзов, заводских комитетов и других органов» [13]. На собрании представителей Красной гвардии Екатеринослава был избран командный состав, который в основном формировался из наиболее авторитетных рабочих, зачастую членов заводских и цеховых комитетов. На всех крупных предприятиях города были

---

[11] М. І. Потапов. Червона гвардія Катеринослава.— «Боротьба за перемогу Радянської влади на Україні», стр. 253.

[12] С. М. Ковбасюк. Указ. статья, стр. 156, 157.

[13] «Червона гвардія на Україні в 1917—1918 роках», стр. 13, 14.

свои отдельные красногвардейские отряды (Брянского завода, Шодуар, Гантке, Ланге и др.).

Устав рабочей гвардии Харькова, выработанный в сентябре 1917 г., типичен для всей Украины. Он отводил большую роль в организационном строительстве массовым организациям пролетариата и предусматривал следующую структуру Красной гвардии: во главе стоят штаб и общегородская конференция районов, затем следуют районные штабы и районные конференции и, наконец, комитеты Красной гвардии на заводах и при профсоюзах.

Фабрично-заводские комитеты оказывали большую практическую помощь в организационных вопросах; они выполняли и техническую работу по записи и учету красногвардейцев, по подбору кадров красногвардейских отрядов. Типично, что даже те немногочисленные рабочие комитеты, в которых к осени 1917 г. еще преобладали соглашатели, под давлением большевиков и массы передовых революционно настроенных рабочих также вынуждены были проводить эту работу. При организации Красной гвардии большое значение имел вопрос об источниках ее финансирования. В. И. Ленин считал, что нужно обеспечить оплату ее капиталистами [14]. Нелегко было заставить фабриканта или заводчика платить членам дружины за потраченное время. Петроградское общество заводчиков и фабрикантов категорически отказалось платить красногвардейцам, заявив, что это дело правительства и общественных организаций; всем местным обществам фабрикантов и заводчиков, в том числе и Екатеринославскому, был разослан соответствующий циркуляр [15].

В уставах Красной гвардии различных городов Украины вопрос об оплате красногвардейцам не был четко и ясно сформулирован. В Екатеринославском уставе, например, трудно уяснить, на какие средства должна содержаться Красная гвардия; ясно было лишь то, что каждый красногвардеец должен сделать вступительный взнос в размере рубля [16].

В июне 1917 г. большевики Одессы для создания и пополнения фондов Красной гвардии обратились к рабочим заводов и фабрик города с предложением организовать добровольные денежные отчисления. Рабочие на этот призыв откликнулись в прессе. В номерах «Известий Одесского Совета рабочих депутатов» за июнь 1917 г. появилось много сообщений о том, какие поступления в фонд Красной гвардии шли от рабочих заводов Ровенского, «Анатра», «Свит», Гомберга, Спивак-Спиваковского и др.; всего от 19 предприятий [17].

---

[14] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 286.

[15] «Вестник Екатеринославского общества заводчиков и фабрикантов», ноябрь 1917 г.

[16] «Червона гвардія на Україні в 1917—1918 роках», стр. 13, 14.

[17] С. М. Ковбасюк. Указ. статья, стр. 156, 157.

Исполнительный комитет Одесского Совета рабочих и солдатских депутатов в поисках средств на содержание Красной гвардии также пошел по пути создания особого фонда Красной гвардии. 18 сентября на объединенном заседании представителей профсоюзов и секций Красной гвардии было решено отчислять в особый фонд Красной гвардии полпроцента членских взносов профсоюзов. Красногвардейцам же, которые во время выполнения заданий теряли трудоспособность (ранение и т. п.), содержание уплачивалось из фонда помощи жертвам русской революции [18]. И только позднее одесская секция Красной гвардии поняла свою ошибку и выдвинула требование о содержании красногвардейцев за счет предпринимателей. Однако в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции этот вопрос в целом на Украине оставался нерешенным.

Во всех уставах Красной гвардии на Украине обязательно был пункт о вооружении красногвардейцев. От них требовалось содержание доверенного им рабочей организацией оружия в чистоте, сохранности и полной боевой готовности. Строго запрещалось применять оружие без санкции выдавшей его рабочей организации. Нарушение указанных правил грозило исключением из рядов Красной гвардии, объявлением бойкота и т. п. Следствием такого сурового контроля над использованием оружия на отдельных предприятиях (киевский «Арсенал» и др.) было то, что оружие заводской Красной гвардии вообще хранилось при заводских комитетах и выдавалось красногвардейцам только во время выполнения боевых заданий [19].

Важное значение в организации Красной гвардии имело четкое определение ее функций как защитницы интересов трудящихся. В первые месяцы после Февральской революции организации пролетариата пользовались помощью рабочих дружин в охране заводов, фабрик и рабочих кварталов, в осуществлении рабочего контроля, во введении 8-часового рабочего дня, во время арестов представителей администрации и т. п. Позднее Красная гвардия, отказавшись от исполнения только милицейских функций по охране порядка [20], оказывала рабочим большую помощь во время демонстраций, митингов, собраний, была надежной опорой в стачечной борьбе. Пресекая контрреволюционные действия буржуазии и ее приспешников, красногвардейцы Украины нередко предотвращали или прекращали уже начавшиеся погромы.

В июньские дни в Екатеринославе красногвардейцы обеспечили усиленную охрану партийных комитетов, редакций газет и приняли непосредственное участие в демонстрации [21].

---

[18] С. М. Ковбасюк. Указ. статья, стр. 167.
[19] ЦГИА УССР, ф. 582, оп. 2, д. 1475, л. 21.
[20] Там же, оп. 1, д. 20, лл. 107, 108, 119.
[21] В. Борщевський. Рабітники Катеринослава в дні Жовтня. Днепропетровск, 1961, стр. 32, 33.

Рабочие организации Одессы в своей экономической борьбе также опирались на отряды Красной гвардии. Летом 1917 г. в Одессе в условиях развертывания стачечной борьбы именно Красная гвардия была той реальной силой, на которую опирались рабочие, добиваясь уступок у предпринимателей. На Ильинском сахарном заводе, в жестяных мастерских, переплетных, ресторанах, магазинах красногвардейцы снимали с работы штрейкбрехеров.

Соглашатели, которые все еще были в большинстве в исполнительном комитете Совета рабочих и солдатских депутатов, в совете профсоюзов и Центральном совете фабрично-заводских комитетов, пытались помешать участию Красной гвардии в экономической борьбе пролетариата. Исполнительный комитет совета профсоюзов даже призывал протестовать против такого вмешательства [22].

В октябре 1917 г. рабочие завода «Дека» в Александровске использовали рабочие дружины для организации охраны района площади Т. Шевченко от уголовных элементов [23].

В период подготовки Октября особенно возросла роль красногвардейцев в борьбе с саботажем капиталистов, которые сознательно обостряли хозяйственную разруху и вели страну к экономической катастрофе. После июльских событий, в условиях наступления капитала на рабочий класс и его организации, часто только опираясь на силу вооруженных отрядов, фабрично-заводские комитеты могли успешно осуществлять рабочий контроль и делать первые шаги на пути к установлению рабочего управления.

Огромную поддержку Красная гвардия оказала рабочим Харькова в их борьбе против промышленников летом и осенью 1917 г., помешав организовать в городе массовый локаут. Красная гвардия осуществляла охрану предприятий, оказывала давление на администрацию, прибегая в критические моменты даже к ее аресту на заводах ВЭК, Харьковском паровозостроительном, «Герлях и Пульст» [24].

Опираясь на вооруженную силу, заводские комитеты твердо отстаивали интересы рабочих в ходе упорной стачечной борьбы [25].

Министерство юстиции пыталось провести следствие в связи с арестами в Харькове директоров заводов. Но это оказалось невозможным; члены рабочих комитетов отказались дать протоколы своих заседаний и уклонялись от свидетельских показаний. 29 сентября прокурор Шидловский в телеграмме в Министерство юстиции писал, что он будет требовать применения принудительных

---

[22] С. М. Ковбасюк. Указ. статья, стр. 163; ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 183, д. 6а, л. 75.

[23] «Александровская мысль», 28 октября 1917 г.

[24] П. Павлюк. Указ. соч., стр. 50, 51.

[25] ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 468, лл. 8—10.

мер, но уверен, что дело окончится писанием бумаг, так как «сила не подчиняется власти» [26].

Курс партии на вооруженное восстание выдвинул перед Красной гвардией новые задачи: она должна была стать главной ударной силой в борьбе за власть Советов. К осени 1917 г. военная работа стала одним из основных направлений в деятельности большевистских организаций, уделявших огромное внимание формированию и объединению вооруженных сил социалистической революции, созданию штабов Красной гвардии, которые в своей деятельности опирались бы на большевистские ячейки предприятий и фабрично-заводские комитеты. Именно так было в Киеве [27].

В этот период активизировался процесс создания красногвардейских отрядов как в целом по стране, так и на Украине. Выполняя решения VI съезда РСДРП(б), массовые рабочие организации под руководством большевиков создавали все новые и новые дружины — на фабриках и заводах, при отдельных профсоюзах, фабрично-заводских комитетах и Советах рабочих депутатов.

2 сентября общее собрание членов РСДРП(б) Заднепровского района Екатеринослава предложило районному и заводским комитетам принять энергичные меры «для защиты свободы и прав пролетариата и для скорейшего осуществления идеи пролетариата» [28]. Организационной комиссии было предложено выработать «однородное ведение записи вступающих членов гвардии по заводам заводскими комитетами» [29].

Благодаря самоотверженной работе большевистской партии и руководимых ею массовых рабочих организаций Красная гвардия Украины к моменту боев за власть Советов стала серьезной военной силой. Если в период двоевластия общая численность Красной гвардии Украины определялась в 6,5 тыс. человек, то в канун вооруженного восстания она возросла почти до 30 тыс., а в период борьбы против сил буржуазно-националистической контрреволюции за установление и укрепление власти Советов в рядах Красной гвардии на Украине насчитывалось свыше 50 тыс. бойцов. При этом в подсчет не вошли многие мелкие отряды, разбросанные в различных местностях Украины и трудно поддающиеся учету [30].

В борьбе за установление и укрепление власти Советов на Украине против объединенных сил российской и украинской

---

[26] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 389, д. 49, л. 20.

[27] А. Сивцов. Киевская Красная гвардия в борьбе за власть Советов. Киев, 1927, стр. 19.

[28] «Октябрь в Екатеринославе». Сб. документов и материалов. Днепропетровск, 1957, стр. 135.

[29] Там же, стр. 181.

[30] М. Я. Онуфриенко. Красная гвардия в борьбе за установление Советской власти на Украине (Канд. дисс.). Киев, 1955; Ю. М. Гамрецький. Червона гвардія України в радянській історіографії».— «Український історичний журнал», 1959, № 6, стр. 123—125.

контрреволюции наиболее ярко проявились героизм и самоотверженность отрядов Красной гвардии. Уже в этот период боевые действия красногвардейцев показали, что «...вооруженные рабочие были зачатком *новой* армии, организационной ячейкой *нового* общественного строя» [31].

Красная гвардия вписала много героических страниц в летопись Октября на Украине. В ходе борьбы она черпала свои силы и боевую мощь в поддержке и доверии широких масс пролетариата и его организаций. На этом этапе борьбы за победу Великой Октябрьской социалистической революции роль массовых организаций пролетариата особенно возросла.

Формирование все новых и новых вооруженных рабочих отрядов продолжалось и в ходе борьбы за власть Советов. К рабочим обращались штабы Красной гвардии с призывом пополнять ее ряды. 10 ноября 1917 г. штаб Красной гвардии Киева, обращаясь к рабочим города, писал: «Товарищи рабочие всех фабрик, заводов и мастерских! Не медля ни дня, ни часу, собирайте общие собрания у себя на фабриках, заводах и мастерских, открывайте запись в Красную гвардию. Каждый завод, фабрика и мастерская должны дать максимум верных и преданных революции товарищей под ружье. Да здравствует пролетарская Красная гвардия — революционная сила Советов!» [32]

Рабочий класс непрерывно посылал в ряды Красной гвардии своих лучших представителей, готовых, не щадя жизни, сражаться против врагов социалистической революции.

В связи с увеличением числа красногвардейских отрядов в период вооруженной борьбы за установление Советской власти на Украине большевистские комитеты проводили огромную работу по улучшению структуры, организации и руководства Красной гвардии. В Донбассе значительную роль в организации штаба Красной гвардии сыграли губернский Военно-революционный комитет и областной комитет Советов. На необходимости объединения красногвардейских отрядов по районам настаивала II конференция рудничных и горнозаводских комитетов Донбасса, проходившая в Дебальцево с 25 по 27 ноября 1917 г. На конференции было представлено до 200 тыс. рабочих. По вопросу о Красной гвардии была принята резолюция, предложенная представителем Екатеринославского Военно-революционного комитета большевиком Т. Бондаревым. В ней шла речь об организации Красной гвардии при районных Советах рабочих депутатов и ревкомах, о создании штабов Красной гвардии, подчиненных Советам и ревкомам, и т. п. [33] Это был еще один шаг на пути создания центра

---

[31] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 295.

[32] «Борьба за власть Советов на Киевщине (март 1917 г.— февраль 1918 г.)». Сб. документов и материалов. Киев, 1957, стр. 399, 400.

[33] «Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине». т. 2, стр. 275.

для объединения действий вооруженных сил революции в Донбассе. К концу ноября — началу декабря 1917 г. такая необходимость стала очевидной, так как общая численность красногвардейцев достигала здесь 16 тыс. человек.

4 декабря в Никитовке собрался съезд военно-революционных комитетов Донбасса. Съезд избрал Центральное бюро ВРК. В январе 1918 г. Центральное бюро ВРК Донбасса образовало Центральный штаб Красной гвардии, в который вошли представители Петроградского, Московского и местных красногвардейских отрядов [34].

Одним из наиболее важных вопросов по обеспечению боевой деятельности Красной гвардии был вопрос о вооружении красногвардейцев. В ноябре 1917 г. II конференция рудничных и горнозаводских комитетов Донбасса для выявления и распределения оружия между революционными штабами и для «налаживания контактов с соответствующими революционными учреждениями» выделила особый штаб из 5 человек [35].

В конце ноября большевистская газета «Пролетарская мысль» напечатала воззвание штаба Красной гвардии Киева, в котором все начальники дружин города ставились в известность о том, что, «согласно уставу Красной гвардии, все оружие, которое выдается дружинам Красной гвардии, должно храниться при заводских комитетах, профессиональных союзах и других организациях, которые за целость оружия отвечают перед штабом Красной гвардии» [36]. Начальник дружины, выдавая оружие и патроны красногвардейцам для выполнения операций, отвечал перед заводским комитетом или профсоюзом не только за сохранность оружия, но и за поведение вооруженных красногвардейцев.

В Одессе существовал такой порядок: все обнаруженное оружие красногвардейцы и рабочие должны были реквизировать и передавать в распоряжение своих заводских комитетов. Особенно большую роль в вооружении Красной гвардии сыграли одесские железнодорожники, которым иногда удавалось перехватывать вагоны с оружием, направляемым на фронт. Значительные запасы оружия были собраны в железнодорожных мастерских, а накануне январских боев был захвачен бронепоезд «Заамурец» [37], доставленный гайдамаками для ремонта. Значительное количество оружия поступало через рабочих Одесского порта.

Большевистская партия основные заботы по обеспечению красногвардейцев оружием возложила на массовые рабочие организа-

---

[34] Н. Гончаренко. Борьба за укрепление власти Советов в Донбассе. Луганск, 1963, стр. 93.

[35] «Борьба за власть Советов в Донбассе». Сб. документов и материалов. Донецк, 1957, стр. 214, 215.

[36] «Борьба за власть Советов на Киевщине», стр. 457; «1917 год на Киевщине» (Хроника событий). Киев, 1928, стр. 409.

[37] І. Ф. Сазонов. Залізничники Одеси в боротьбі за владу Рад.— «Боротьба за перемогу Радянської влади на Україні», стр. 374, 375.

ции — фабрично-заводские комитеты. Именно они осуществляли контроль над производством и распределением, в том числе над производством и распределением оружия и боеприпасов. Особенно это касается периода после победы Октябрьского вооруженного восстания.

2 ноября 1917 г. собрание объединенных заводских комитетов г. Сумы (присутствовало 46 делегатов от 11 предприятий) единогласно приняло решение о необходимости организации боевой рабочей дружины. Во 2-м пункте повестки дня отмечалось: «Для того чтобы боевая рабочая дружина существовала не только на бумаге, а представляла собой реальную силу, с которой должны считаться, боевая дружина должна быть вооружена»[38]. Решено было обратиться к Сумскому ревкому с требованием отпустить оружие за счет реквизированного в первые дни революции в воинских частях.

Чаще всего рабочим организациям приходилось добывать оружие самочинным путем, о чем и сообщал в ноябре 1917 г. «Вестник Екатеринославского общества заводчиков и фабрикантов». Это было вызвано тем, что заводской комитет завода Гантке и рабочие комитеты других заводов вывесили объявление, текст которого газета промышленников приводила дословно: «Те, кто при себе имеет огнестрельное оружие, но не имеет на него разрешения от ревкома, обязан в трехдневный срок представить его в заводской комитет или записаться в Красную гвардию». Общество заводчиков и фабрикантов обращалось к Екатеринославскому губревкому с просьбой «разъяснить заводским комитетам, что последние вторгаются в область, которая не входит в круг их компетенции, и этим нарушают свободу личности». Добились они немногого. Губревком сообщил Обществу заводчиков и фабрикантов о том, что завкомам сделано разъяснение, чтобы обыски и реквизиции оружия проводились только по ордерам революционного бюро[39].

Снабжение отрядов Красной гвардии патронами обеспечивал Луганский патронный завод. Здесь большую роль играл заводской комитет. Среди дел Луганского патронного завода встречается довольно много документов, в которых упоминается распоряжение общезаводского комитета о погрузке и отправке патронов для Красной гвардии, указаны даты выдачи патронов, от кого получены требования на них и количество отпущенных патронов[40]. В течение декабря 1917 — января 1918 г. Луганский патронный завод снабжал патронами как отряды Красной гвардии Луганска, так и отряды близлежащих предприятий (Екатерининских копей, Юрьевского завода, Селезневского рудника), Славяносерб-

[38] «Червона гвардія на Україні в 1917—1918 роках», стр. 31.

[39] «Вестник Екатеринославского общества заводчиков и фабрикантов», ноябрь 1917 г.

[40] «Червона гвардія на Україні в 1917—1918 роках», стр. 101, 102.

ского военно-революционного комиссариата, революционного отряда при станции Лихая и т. п. Всего за это время Луганским патронным заводом было отпущено 25 461 тыс. патронов, причем ведал этим делом исключительно заводской комитет, который лишь ставил в известность начальника завода о количестве отпущенных патронов, прилагая при этом соответствующие ведомости. Документы такого характера подписывали председатель и секретарь заводского комитета.

В марте 1918 г. начальнику Луганского патронного завода было предложено немедленно наладить изготовление патронов системы «Наган», в которых была острая нужда. Но руководство завода заявило, что это невозможно сделать быстро: необходимы, дескать, материалы, чертежи и т. д. Тогда Чрезвычайный штаб военного округа республики Донецкого и Криворожского бассейнов 13 марта послал общезаводскому комитету распоряжение немедленно начать изготовление этих патронов. Приказ был выполнен [41].

В обеспечении Красной гвардии оружием огромное значение имела пролетарская солидарность с рабочим классом России. 22 ноября 1917 г. исполнительный комитет Дружковского Совета рабочих и солдатских депутатов выдал мандаты большевикам О. А. Недриту и Г. И. Ляшенко, которые делегировались за оружием. В мандатах указывалось, что в Дружковке имеется 2560 большевиков и 700 эсеров-максималистов, т. е. есть возможность создать значительный отряд Красной гвардии, но нет оружия. В связи с этим большевики Дружковки и обращались в военно-революционные комитеты Петрограда, Москвы, Харькова и других городов [42].

В октябре — ноябре 1917 г. донецкие шахтеры получили из России более 55 тыс. винтовок, пулеметы и другое военное снаряжение [43].

Довольно успешно решая задачи вооружения и экипировки отрядов Красной гвардии, массовые рабочие организации Украины большое внимание уделяли также боевой подготовке красногвардейцев [44].

Особенно хорошо было налажено дело в Харькове, где в первых рядах шел многотысячный крепко спаянный коллектив завода ВЭК. Заводской комитет уделял огромное внимание организации, снаряжению, вооружению и обучению красногвардейского отряда. А. Пастер ездил с делегацией Харьковского Совета в Тулу за оружием, значительная часть которого после возвращения в Харьков была тайно перевезена в ВЭК и там хранилась. Член

---

[41] Госархив Луганской обл., ф. 3, оп. 1, д. 315, л. 12.

[42] «Борьба за власть Советов в Донбассе», стр. 207, 208.

[43] «Установление Советской власти на местах в 1917—1918 годах». Сб. статей, вып. I. М., 1953, стр. 95.

[44] «Голос труда», 21 января 1918 г.

завкома Г. М. Завицкий в своих воспоминаниях отмечал, что завод был по сути арсеналом харьковской Красной гвардии. На заводе регулярно проводились занятия красногвардейцев под руководством опытных унтер-офицеров и офицеров революционно настроенных частей Харькова. Занятия проходили после работы на площади перед заводом или за городом. Красногвардейский отряд завода ВЭК стал центром, вокруг которого по указанию Петинского райкома РСДРП(б) объединились красногвардейцы заводов «Герлях и Пульст» и Шпильберга [45].

Как вспоминает член Центрального штаба харьковской Красной гвардии старый коммунист Ф. З. Минайленко, командирами этих отрядов в большинстве были «наиболее авторитетные на заводе или фабрике люди, которые играли выдающуюся роль в парторганизации, завкоме» [46].

Выше упоминались руководители Красной гвардии завода ВЭК. На других заводах Харькова тоже были авторитетные руководители: рабочие Яковлев и Нехаенко — на паровозостроительном; Ширяев — на «Гельферих-Саде»; Стебаев — на заводе Мельгозе, Сербиченко, Скороход, Кабаненко — на железной дороге; А. Иванов и Скарботовский — на заводе Шиманского [47]. Это были кадровые рабочие, активные участники революционной борьбы. Многие из них имели большой опыт работы в массовых организациях пролетариата, в том числе и фабрично-заводских комитетах. В период ожесточенной вооруженной борьбы с каледенщиной и Центральной радой стала проявляться тенденция рабочих организаций привлекать к руководству отрядами рабочей Красной гвардии опытных военных руководителей из революционно настроенных частей войск. Так, во время январского восстания 1918 г. в Киеве заводские организации «Арсенала» назначили комендантом Красногвардейского гарнизона завода командира батальона полка им. Сагайдачного большевика С. Мищенко, который привел на помощь восставшим все свое подразделение [48].

Много сил созданию Красной гвардии на Украине отдали Ф. А. Сергеев (Артем), В. К. Аверин, А. Б. Батов, Т. Л. Бондарев, Н. Вишняков, К. Е. Ворошилов, Ш. М. Грузман, А. А. Недрит, А. Я. Пархоменко, Д. И. Пономарев, А. Ф. Радченко, Ф. П. Ракутин, М. А. Руднев, М. Л. Рухимович, Р. Я. Терехов и многие другие [49].

---

[45] Г. М. Завицький. На чолі колективу рабітників.— «Боротьба за перемогу Радянської влади на Україні», стр. 212, 213; П. И. Чепурнов. Красная гвардия Харькова.— «Харьков в 1917 г.», стр. 55, 56.

[46] Ф. З. Минайленко. З гвинтівкою в руках.— «Боротьба за перемогу Радянської влади на Україні», стр. 164.

[47] В. Моргунов. Организация и борьба Красной гвардии на Украине в 1917—1918 гг.— «Летопись революции», 1923, № 5, стр. 160.

[48] «Киевский Арсенал в Октябрьской революции». Киев, 1928, стр. 95.

[49] П. Гончаренко. Указ. соч., стр. 94.

Перенося центр работы по формированию отрядов Красной гвардии на фабрики и заводы, в рабочие организации, большевики уже в первые месяцы после победы Февральской революции к решению этой задачи привлекли широчайшие массы пролетариата, дали им возможность проявить творческую, революционную инициативу. Партия большевиков понимала, что творчество масс непременно выдвинет нужные формы организации, и поэтому не навязывала им их сверху. В. И. Ленин говорил: «...была бы нелепа мысль о составлении какого бы то ни было „плана" пролетарской милиции: когда рабочие и весь народ настоящей массой возьмутся за дело практически, они во сто раз лучше разработают и обставят его, чем какие угодно теоретики» [50].

И действительно, благодаря тому, что в формировании и боевом оснащении Красной гвардии большевики отводили огромную роль рабочим организациям, а красногвардейские отряды создавались преимущественно на заводах и фабриках, удалось сорвать попытку Временного правительства путем слияния Красной гвардии с городской милицией помешать организации вооруженных сил пролетариата. Во всех крупнейших промышленных центрах Украины отряды Красной гвардии сохранили самостоятельность, и к моменту вооруженной борьбы за власть Советов имели значительный боевой потенциал.

Трудно преувеличить роль массовых рабочих организаций в формировании Красной гвардии, в ее боевой подготовке, в обеспечении оружием, снаряжением, продовольствием и т. п.

По мере роста красногвардейских отрядов на Украине Советы рабочих депутатов, профсоюзы, фабрично-заводские комитеты и другие массовые организации трудящихся стали инициаторами создания центров объединения вооруженных сил социалистической революции — штабов Красной гвардии в масштабах определенных районов.

В рядах красногвардейцев сражались лучшие сыны рабочего класса Украины, которые все силы, а очень многие и свою жизнь отдали в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции.

---

[50] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 42.

ОТНОШЕНИЕ ИМПЕРИАЛИСТОВ АНТАНТЫ И США КО «ВТОРОЙ КОРНИЛОВЩИНЕ»

★

А. В. ИГНАТЬЕВ

«Второй корниловский заговор» — одна из важных проблем истории Октябрьской революции, инициатива научной разработки которых принадлежит И. И. Минцу. Менее изученной стороной этой проблемы является вопрос об отношении к «новой корниловщине» держав Согласия и США. В трудах И. И. Минца и других советских историков дано пока лишь самое общее решение вопроса, в частности, отмечено возникновение наряду со «второй корниловщиной» широкого международного заговора империалистов против русской революции, а также содействие представителей союзных держав в России корниловцам «второго призыва» [1]. При этом соотношение двух заговоров четко не выяснено, а роль отдельных держав никак не дифференцирована.

Цель настоящей статьи — конкретизировать общие положения, высказанные советскими историками по данной проблеме, и ответить на вопросы: какое место занимала «вторая корниловщина» в международном контрреволюционном заговоре и имелись ли заметные расхождения между союзниками в отношении к ней.

В нашей исторической литературе была однажды сделана неправомерная попытка подвести под понятие «второй корниловщи-

---

[1] И. И. Минц. Октябрьская социалистическая революция.— «Всесоюзное совещание руководителей кафедр марксизма-ленинизма. Доклады и лекции». М., 1941; «История гражданской войны в СССР», т. 2, изд. 2-е. М., 1942, стр. 17, 18; А. Е. Иоффе. Русско-французские отношения в 1917 г. (февраль — октябрь). М., 1958, стр. 308—340; П. Я. Иванов. Из истории борьбы против «второй корниловщины».— «Вопросы истории», 1960, № 11; А. В. Игнатьев, А. Е. Иоффе. Международная обстановка накануне Октября.— «Вопросы истории», 1962, № 11; Г. И. Журавлев. К вопросу о втором контрреволюционном военном заговоре накануне Великой Октябрьской социалистической революции.— «Исторические записки», т. 56.

ны» весь международный заговор против назревавшей в России пролетарской революции [2]. Это было не логической ошибкой отождествления части с целым, а серьезным преувеличением роли, отводимой тогда в планах мирового империализма русской контрреволюции. На самом деле роль ее была куда более скромной, хотя и претерпела на протяжении сентября — октября 1917 г. ряд изменений.

Эволюция отношения империалистов Антанты и США к новой корниловщине связана как с развитием классовой борьбы в России, так и с переменами в международной обстановке. Провал генеральско-кадетского путча вызвал глубокое разочарование союзников, так как наглядно продемонстрировал неспособность русской контрреволюции, лишил офицерство остатков авторитета, восстановил влияние Советов и усилил ненавистных империалистам большевиков. Правда, Директория через корниловца Терещенко клялась партнерам по коалиции, что выполнит программу мятежного главковерха сама [3]. Но ее словам мало верили, и не потому, что сомневались в их искренности, а главным образом в силу глубокого кризиса, в который оказался повергнут контрреволюционный лагерь России.

Имеются многочисленные свидетельства того, что как правительство, так и военное командование Англии — ведущей державы Антанты — считали положение в России безнадежным, и, во всяком случае, на будущее сбрасывали ее со счетов как серьезного союзника. Приведем лишь некоторые из этих свидетельств. Согласно записи в дневнике командующего английской экспедиционной армией Д. Хейга от 4 сентября, премьер Д. Ллойд Джордж говорил ему: «С Россией, по всей вероятности, все кончено. Фактически Россия не сможет оказать дальнейшей помощи союзникам в войне» [4]. Начальник британского Генерального штаба В. Робертсон в меморандуме военному кабинету от 9 октября констатировал, что Россия потерпела крах и не сможет больше связывать сил противника [5]. Сам Ллойд Джордж в мемуарах характеризовал положение в таких словах: «Было ясно, что Россия как боеспособная сила распадалась на части... Поведение Керенского казалось достойным сожаления и давало мало надежды на его успех» [6]. Лондонская биржа реагировала на неудачу Корнилова значительным падением цен на русские денежные бумаги всех видов — и правительственные, и частные [7]. А в английской буржуазной печати подсчитывали, сколько десятков дивизий сумеют перебросить немцы к весне с восточного фронта. Пессимя-

[2] Н. Я. Иванов. Указ. соч., стр. 50, 67.

[3] «Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел», № 3, изд. 2-е. Пг., 1917, стр. 115—117.

[4] D. Haig. The Private Papers of Douglas Haig. L., 1952, p. 253.

[5] W. Robertson. Soldiers and Statesmen, vol. 2. L., 1926, p. 180.

[6] Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. V. М., 1938, стр. 84.

[7] «The Economist», 15.IX 1917, p. 393.

стические настроения преобладали и во Франции [8] и в Италии [9].

Несколько иной была реакция правительства США. Американские политические деятели тоже сожалели о провале Корнилова и рассматривали ситуацию в России как «действительно критическую» [10]. В то же время они не утратили веры в возможность укрепить правительство Керенского и в способность его при предстоящей пробе сил взять верх над Советами [11]. Оптимизм американской дипломатии был следствием не столько личных качеств представителей госдепартамента в России, сколько особого положения США, едва начинавших мобилизовывать свои огромные ресурсы для участия в войне и не переживавших таких серьезных внутренних трудностей, как европейские державы.

Напомним, что события в России были важнейшей составной частью наметившегося осенью 1917 г. общего поворота в европейском революционном движении. Чрезвычайно большое впечатление на господствующие классы держав континента произвело августовское восстание на германском флоте. Итальянская буржуазия и помещики только что пережили страх от революционного взрыва в собственной стране (всеобщая забастовка и восстание в Турине). Во Франции до сентября продолжались волнения воинских частей. Англия осенью 1917 г. стала ареной нового подъема забастовочного движения, что дало основание газете «Таймс» писать о «ферменте революции» в стране.

Если раньше европейская буржуазия могла утешать себя надеждой, что происходящее в отсталой России не повторится в других государствах, то теперь угроза революции стала реальной в некоторых развитых странах континента. Страх перед распространением революции побудил империалистов предпринять шаги к объединению своих разобщенных войной сил. Первоначально преобладало стремление заключить мир, который позволил бы укрепить шаткое положение господствующих классов и высвободить войска для подавления русской революции. Международный империализм, по словам В. И. Ленина, «*заколебался* между войной до победы и сепаратным миром против России» [12].

В США, хотя и наблюдался подъем забастовочного движения, развитие классовой борьбы не создало революционной ситуации. Американская империалистическая буржуазия, как ей казалось, удачно выбрала момент для утверждения своей мировой гегемонии и не намеревалась отказываться от намеченных планов.

---

[8] А. Е. Иоффе. Указ. соч., стр. 320.

[9] К. Э. Кирова. Революционное движение в Италии 1914—1917 гг. М., 1962, стр. 382.

[10] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Lansing Papers. 1914—1920», vol. 2. Wash., 1940, p. 49.

[11] Там же, стр. 48—49; «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia», vol. 1. Wash., 1931, p. 192.

[12] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 243.

Поэтому американская дипломатия выступала против попыток «преждевременного» мира. Ее отрицательная позиция имела и более узкие, специфически «русские» мотивы. Дело в том, что в основе попыток сговора Антанты с противником лежала идея: «вознаградить» центральные державы (прежде всего Германию) за уступки на западе и в колониях компенсациями в России. Между Англией и Германией даже намечалась сделка, согласно которой предусматривалось расчленение России на несколько государств и раздел русского наследства на сферы влияния [13]. К такому сговору могла примкнуть и Япония, мечтавшая об «освоении» богатств русского Дальнего Востока и Восточной Сибири. США в силу их позиций на русском рынке, экономических возможностей и географического положения не были заинтересованы в расчленении России.

Какова же была линия поведения господствующих классов России и Временного правительства? Неверие в собственные возможности и надежда на «призвание варягов» получили после провала корниловского мятежа широкое распространение в буржуазно-помещичьих кругах. Нельзя сказать, чтобы политические деятели эксплуататорских классов не видели проистекавшей из такого курса опасности для целостности и суверенитета страны. Но нараставшая пролетарская революция пугала их куда больше, чем перспектива утраты части территории или даже государственной самостоятельности. Эти узко классовые соображения и тяжкая военно-экономическая зависимость от союзников предопределили внешнеполитический курс Директории. Керенский и его коллеги, почувствовав недоверие союзников к их заявке на роль новых «спасителей отечества», не нашли ничего лучшего, как следовать в хвосте более сильных партнеров в надежде послушанием заслужить необходимую помощь. Директория фактически примирилась с подчиненной ролью, отводимой русской контрреволюции в международном заговоре.

Позиция Временного правительства устраивала державы Антанты, так как не создавала серьезных препятствий к переговорам об антирусском мире и позволяла рассчитывать, что союзник не пойдет на сепаратный сговор с Германией. Решимость Директории продолжать войну и осуществить программу Корнилова могла быть использована также в случае возможной неудачи переговоров с центральными державами. Правительство, которое готово было поступиться чем угодно ради искоренения «большевизма» и в то же время противостояло стремлению части буржуазно-помещичьих кругов сторговаться непосредственно с Германией, имело смысл поддержать. Отсюда такое парадоксальное на первый взгляд явление, как заметное расширение военно-экономической помощи России со стороны держав, которые не верили в спо-

[13] А. В. Игнатьев, А. Е. Иоффе. Указ. статья, стр. 76.

собность Керенского, Терещенко и К° справиться с революцией и беззастенчиво ущемляли интересы русского империализма. В самом деле, в сентябре — октябре Россия получила взаимообразно от Англии 147,1 млн. рублей, т. е. почти на 70% больше, чем в мае — июне при первой коалиции и в 7 с лишним раз больше, чем в июле — августе при подготовке корниловского мятежа [14]. Три новых займа на общую сумму 171,6 млн. иен предоставила Временному правительству Япония. Велись переговоры об увеличении месячной нормы французских кредитов [15]. В сентябре в Архангельск было доставлено военных грузов больше, чем в любой месяц летней навигации 1917 г. по Белому морю [16]. На таком фоне естественным представляется расширение американской финансовой помощи [17].

Поддержка союзников, хотя относительно и возросла, однако являлась совершенно недостаточной, не соответствовавшей потребностям русской буржуазии в расчете на длительную войну. Она сопровождалась усилением иностранного вмешательства во внутренние дела страны. Как раз в это время в Россию прибыли французская военная миссия, английская морская миссия, американская миссия Красного Креста; активизировали свою деятельность Межсоюзнический комитет снабжения в Петрограде, английская военная миссия снабжения, американская железнодорожная миссия и другие организации союзников.

В конце сентября — начале октября в международной ситуации и положении в России появились некоторые новые моменты. Главными из них, с точки зрения империалистов, были: неудача попыток заключить сепаратный мир и известная консолидация реакционных сил России (третья коалиция). Происшедшие перемены не заставили, однако, державы Антанты пересмотреть их отношение ко «второй корниловщине».

Невозможность на данном этапе согласовать планы перекройки земного шара не могла положить конец международному контрреволюционному заговору. Зондаж мирных условий продолжался, но на первый план теперь выступили интриги, имевшие целью подавление русской революции в условиях продолжения войны. Войска для интервенции в разных масштабах готовили почти все ведущие державы. Главной же ударной силой международного империализма стали по ряду причин германские войска [18].

США оказались на этот раз заодно с державами Антанты — лишнее подтверждение того, что их отрицательное отношение к

---

[14] ЦГИА СССР, ф. 1524, оп. 1, д. 6, лл. 33—40.

[15] А. Л. Сидоров. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917). М., 1960, стр. 496—499, 502, 503.

[16] «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции (март — октябрь 1917 г.)». Документы и материалы, ч. 2. М.— Л., 1957, стр. 527, 528.

[17] А. Л. Сидоров. Указ. соч., стр. 483.

[18] А. В. Игнатьев, А. Е. Иоффе. Указ. статья, стр. 70—72.

сепаратному миру было продиктовано собственными империалистическими интересами, а отнюдь не симпатиями к России. В Вашингтоне знали о предстоящей операции германских войск на русском фронте, угрожавшей потерей Прибалтики и Петрограда, но, подобно Англии и Франции, ничего не сделали, чтобы обеспечить России помощь британского флота и союзных армий [19].

Временное правительство и русское командование, выполняя социальный заказ буржуазии и помещиков, сами хотели инспирировать германский удар на Северном фронте [20], а затем фактически попустительствовали Моонзундской операции противника. Они, таким образом, снова оказались в хвосте у более сильных союзных держав. Одновременно правительственные корниловцы активизировали подготовку к осуществлению контрреволюционного переворота. Но преодолеть неверие Англии, Франции и Италии в способность русской реакции справиться с поставленной задачей было нелегко.

Скептицизм держав Антанты поддерживался известиями о разногласиях в контрреволюционном лагере России. Правда, образование третьей коалиции было расценено союзной прессой как «луч солнца в октябрьское туманное утро». Неоднократно высказывалось мнение, что это едва ли не самое сильное из существовавших в послеромановский период министерств [21]. Однако союзники прекрасно знали, что между партиями правительственной коалиции и внутри самого кабинета продолжался разброд в отношении методов борьбы с большевизмом и анархией. Если воинствующие реакционеры требовали оздоровления страны и армии исключительно грубой силой, по-корниловски, то более гибкие политические деятели, как, например, А. И. Верховский, считали необходимым сочетать методы подавления с моральным воздействием на массы, используя остатки влияния соглашателей. Правительство в целом еще не стало решительно на сторону воинствующих реакционеров.

Позиция держав Антанты и США оказалась различной. Страны Согласия поддержали воинствующих корниловцев. 26 сентября послы Англии, Франции и Италии предприняли известный коллективный демарш с требованием навести порядок в стране и армии под угрозой прекращения военно-экономической помощи. Государства Антанты отрицательно отнеслись к реорганизации русской армии по плану Верховского, поддержав корниловский контрпроект Ставки. Они выступили против заигрывания Временного правительства с соглашателями, выразившегося в обещании включить в состав делегации на союзническую конференцию в Париже «представителя демократии». США, где война еще не привела к столь широкому отказу от буржуазно-демократических

[19] «Papers... 1918. Russia», vol. 1, p. 196, 204, 205.
[20] Г. И. Журавлев. Указ. статья, стр. 291.
[21] АВПР, ф. Отдел печати и осведомления, д. 283, лл. 195, 199, 202, 205.

методов правления, как в Европе, склонялись на сторону представителей более гибкого течения. Френсис очень одобрительно отзывался о либеральной и пользующейся доверием Советов линии Верховского. «После провала Корнилова,— утверждал посол,— это единственная политика, которая дает какую-то надежду на спасение России и продолжение ее участия в войне» [22]. Не случайно американская дипломатия не присоединилась к коллективному демаршу перед Керенским. США уделяли в это время значительно больше внимания, чем другие союзные державы, пропагандистской деятельности в России, выступая самостоятельно (через миссию Красного Креста, Христианскую ассоциацию молодежи, русский филиал Комитета общественной информации) и поддерживая социал-патриотов (финансирование Комитета социально-политического просвещения эсерки Е. Брешко-Брешковской и др.) [23].

Из сказанного отнюдь не следует, что США были противником вмешательства союзников во внутренние дела России или вооруженного подавления революционного движения. Френсис довольно откровенно писал государственному секретарю Лансингу 21 сентября, что задача спасения России для демократии требует от союзников «готовности помочь» и «может стоить некоторого кровопролития...» [24] США приняли участие в реализации англо-французского плана раздела России на «сферы помощи», взяв на себя реорганизацию железнодорожного транспорта. Френсиса, как свидетельствует его переписка, беспокоило в октябре не само намерение Временного правительства подавить силой предполагаемое большевистское выступление, а то, что сумеет ли оно эффективно руководить карательными действиями [25].

События, развернувшиеся в России в середине октября, побудили державы Антанты несколько изменить свой взгляд на значение «второго корниловского заговора». Германия, опасаясь потерять австрийского союзника и встретившись в боях при Моонзунде со стойким сопротивлением революционных моряков, перенесла активные операции с Восточного фронта на итальянский. Реализация англо-французского проекта использования в интервенционистских целях японских войск тормозилась вследствие империалистических противоречий внутри антигерманской коалиции [26]. Неспособность иностранных империалистов в этот момент

---

[22] D. R. Francis. Russia from the American Embassy. April 1916 — November 1918. N. Y., 1921, p. 163.

[23] По данным Г. К. Селезнева, в России издавалось тогда на американские деньги 17 газет, много брошюр, листовки с миллионными тиражами и содержалось свыше 800 эсеро-меньшевистских ораторов (Г. К. Селезнев. Тень доллара над Россией. Из истории американо-русских отношений. М., 1957, стр. 71).

[24] «Papers... 1918. Russia», vol. 1, p. 203.

[25] Там же, стр. 211, 214.

[26] А. В. Игнатьев, А. Е. Иоффе. Указ. статья, стр. 71, 72.

выделить достаточные силы для вмешательства извне на фоне обострения революционного кризиса в России повышала роль русской контрреволюции.

В том же направлении воздействовал и другой фактор — торжество воинствующих корниловских элементов внутри Временного правительства. Внешне это проявилось в удалении Верховского из правительства и в конфликте Терещенко с соглашателями по вопросу о наказе делегату Советов на Парижскую конференцию. Керенский, не желая лишиться власти, предпочел перейти в лагерь наиболее агрессивных контрреволюционеров. 16 октября он утвердил разработанный Ставкой по подсказке из Быхова (где в то время находился «под стражей» Корнилов) проект создания на развалинах старой армии отборной «Русской народной армии». Подготовка контрреволюционного переворота приняла общероссийский планомерный характер.

Ценность «второй корниловщины» в глазах союзников увеличивалась и в связи с тем, что ее организаторы проявили готовность принять любую помощь и следовать советам более сильных партнеров. Контакт ведущих министров и руководителей Ставки с представителями союзных держав никогда еще не был столь тесным. Временное правительство еще в конце сентября с лакейской угодливостью заявило, что согласно одобрить раздел России на сферы содействия и даже взять на себя почин в этом деле. План создания «Русской народной армии» намечалось реализовать при участии американцев и англичан, от которых ожидали в первую очередь денежной помощи [27]. Активная роль в заговоре отводилась иностранным военным формированиям в России. Русские корниловцы в соответствии с пожеланиями союзников стремились инспирировать удар немцев на Петроград. На смену провалившемуся проекту наступления Северного фронта пришел новый проект: атаковать превосходящего противника на море, погубить Балтийский флот и открыть врагу путь на столицу [28].

Все это привело к тому, что союзники, не оставляя окончательно надежд на немецкую интервенцию в России, должны были усилить внимание ко «второй корниловщине». США и Англия открыли Временному правительству дополнительные сравнительно крупные кредиты (125 млн. долл. и 9,7 млн. ф. ст., соответственно) [29]. Союзники спешно принимали меры к усилению своего влияния на подготовку и осуществление заговора. Одной из этих мер являлась реорганизация Францией, Англией и США румын-

---

[27] АВПР, ф. Канцелярия Министерства иностранных дел, 1917 г., д. 141, лл. 124—126 об.

[28] «Красный архив», 1927, № 6 (25), стр. 38, 40; «Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции». М.—Л., 1957, стр. 247, 248.

[29] А. Л. Сидоров. Указ. соч., стр. 483; M. W. Bernatzky. The Russian Public Finance during the War. New Haven. 1928, p. 312.

ской армии, к которой предполагалось присоединить югославянскую дивизию и чехословацкие части. Между Англией и США обсуждался вопрос о посылке в Россию контингентов американских войск, вокруг которых группировались бы русские «патриотические» элементы[30]. Союзники установили тесные связи с контрреволюционной казачьей верхушкой. Они вынашивали проект создания ударного кулака контрреволюции на юго-востоке Европейской России из соседних казачьих войск и румынской армии, которую нужно было отвести на Дон[31]. Планировалась посылка в Россию чрезвычайной английской миссии во главе с У. Черчиллем[32].

Высокая оценка «второй корниловщины» державами Антанты сближала их с США. В своих донесениях об ожидаемом подавлении правительством «большевистского выступления» Бьюкенен и Френсис говорили уже одним языком[33]. Однако некоторые расхождения между Антантой и США еще давали себя знать. Если Англия и Франция видели выход из острейшего кризиса в России в том, чтобы Временное правительство шло напролом, Америка иногда оглядывалась на свою старую тактическую линию. Об этом свидетельствует совещание 21 октября у руководителя американской миссии Красного Креста Томпсона, где американцы предлагали английским и французским коллегам предпринять маневр с целью укрепить положение Временного правительства — объявить о передаче земли крестьянам с позднейшей компенсацией и согласиться с формальной подотчетностью кабинета меньшевистско-эсеровскому ЦИК Советов. Договориться о более гибком курсе не удалось, если не считать совместного заявления западных держав о том, что в случае захвата власти большевиками Парижская конференция не станет пересматривать договоров о целях войны[34]. Эта жульническая декларация, как и другие интриги против пролетарской революции в России, не спасли русской политики союзников от провала.

Подводя итоги сказанному выше, ответим на вопросы, поставленные в начале статьи.

Место «второй корниловщины» в международном заговоре определялось, с одной стороны, дискредитацией русской контрреволюции в результате провала генеральско-кадетского путча и глубокого кризиса верхов, а с другой — стремлением империалисти-

---

[30] «Papers... 1918. Russia», vol. 1, p. 221; vol. 2, p. 1, 2.

[31] V. S. Mamatey. The United States and East Central Europe, 1914—1918. A Study in Wilsonian Diplomacy and Propaganda. Princeton, 1957, p. 128.

[32] М. М. Карлинер. Февральская революция в России и английское рабочее движение.— «Вопросы истории», 1957, № 3, стр. 134.

[33] Дж. Бьюкенен. Мемуары дипломата, изд. 2-е. М., [б. г.], стр. 275—280; «Papers... 1918. Russia», vol. 1, p. 216; D. R. Francis. Указ. соч., стр. 178.

[34] «The Russian Provisional Government. 1917». Documents, vol. 2. Stanford, 1961, p. 1040.

ческих держав под влиянием перелома в европейском революционном движении объединить усилия с целью ликвидировать главный очаг общей опасности.

«Вторая корниловщина» играла в этих поисках подчиненную роль: она должна была облегчить иностранное вмешательство и дополнить его результаты. Акции русской контрреволюции несколько поднялись только во второй половине октября, когда выяснилась неспособность ведущих воюющих держав договориться об условиях мира и произошла заминка с выделением сил для интервенции, а во Временном правительстве победили воинствующие корниловские элементы.

Хотя главная цель русской политики всех союзных держав была единой, между ними существовали различия во взглядах на методы ее достижения. Они в известной мере касались и подхода к русской контрреволюции. США с самого начала оценивали возможности новой корниловщины с бо́льшим оптимизмом, чем Англия, Франция и Италия, и выступали противниками сепаратного мира. Это объясняется главным образом особым положением США, которые длительное время играли роль «третьего радующегося», не переживали столь серьезных внутренних трудностей и имели основания рассчитывать, что война закончится в их пользу. Другим нюансом в русской политике Антанты и США была ставка на разные течения внутри правительственной контрреволюции.

Расхождения, имевшие место на протяжении сентября — октября 1917 г., постепенно сглаживались. Державы Антанты не смогли прийти к соглашению с противником об условиях антирусского сепаратного мира. Накануне Октябрьского вооруженного восстания им пришлось до некоторой степени изменить свою оценку «второй корниловщины». США в свою очередь примкнули к международному заговору в форме «взаимопонимания двух коалиций» об удушении русской революции чужими, преимущественно немецкими руками. Менялось и их отношение к корниловским течениям, хотя предложения о более гибкой линии делались с американской стороны чуть ли не до последних дней существования буржуазной власти в России.

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ СОЛДАТ ЗАПАДНОГО ФРОНТА ЗА МИР В 1917 г.

★

Л. С. ГАПОНЕНКО, Т. Ф. КУЗЬМИНА

Первым декретом Советского государства, рожденного Великим Октябрем, был Декрет о мире, принятый на II Всероссийском съезде Советов 26 октября. В нем говорилось: «Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире».

Советское правительство, выполняя решения II съезда Советов, уже в первые дни предприняло конкретные меры к достижению справедливого, демократического мира, которого жаждали все трудящиеся втянутых в войну государств.

Ввиду отказа Англии и Франции от переговоров о мире Советское правительство, выполняя решение II съезда Советов, вынуждено было приступить к переговорам с Германией и Австрией. С этой целью Совнарком 7 ноября предписал исполняющему обязанности верховного главнокомандующего генералу Духонину обратиться к военным властям неприятельских армий с предложением немедленного приостановления военных действий для открытия мирных переговоров. Генерал Духонин не выполнил предписания Советского правительства. Не получив ответа из Ставки, в ночь на 9 ноября В. И. Ленин в присутствии И. В. Сталина, П. В. Крыленко и членов Комитета по военным делам потребовал от Духонина немедленно вступить в переговоры о перемирии и докладывать правительству каждый час о ходе переговоров. Духонин пытался уклониться, ссылаясь на многочисленные технические причины. Но когда от него категорически потребова-

ли начать переговоры, он отказался подчиниться. Стало ясно, что Ставка и генералитет на фронте ведут открытую борьбу против Советской власти. Духонин был смещен с занимаемой им должности. Главнокомандующим был назначен прапорщик Н. В. Крыленко.

9 ноября от имени Совнаркома за подписью В. И. Ленина была послана радиотелеграмма всем полковым, дивизионным, корпусным, армейским и другим комитетам, всем солдатам революционной армии и матросам революционного флота, призывавшая солдат взять дело мира в свои руки, начать переговоры о заключении перемирия.

«Солдаты! — говорилось в радиотелеграмме.— Дело мира в ваших руках. Вы не дадите контрреволюционным генералам сорвать великое дело мира... Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем. Совет Народных Комиссаров дает вам права на это. О каждом шаге переговоров извещайте нас всеми способами. Подписать окончательный договор о перемирии вправе только Совет Народных Комиссаров.

Солдаты! Дело мира в ваших руках! Бдительность, выдержка, энергия, и дело мира победит!» [1]

Буржуазные и мелкобуржуазные партии восприняли этот смелый призыв к солдатам как призыв к полной анархии, как конец всякой государственности. Они не хотели и не могли понять, как можно переговоры о перемирии поручать солдатским массам. Между тем Декрет о мире и обращение В. И. Ленина к солдатам всколыхнули солдатские организации. Солдаты понимали, что это не пустые слова и обещания, что долгожданный мир близок.

Для солдатских масс, измученных войной, основным вопросом было заключение мира. Все донесения командиров и комиссаров полков, дивизий, корпусов и армий о положении в армии пронизывает одна мысль: «Основное желание — это мир, желание мира заполнило ум и сердце солдата» [2]. Командующий 12-й армией в донесении о настроении солдат за время с 15 по 30 ноября так характеризовал состояние армии: «Армия представляет из себя огромную, усталую, плохо одетую, с трудом прокармливаемую, озлобленную толпу людей, объединенных жаждой мира» [3].

Нас интересует, какие формы приняла организованная большевистской партией борьба солдат за мир, какими путями шли солдатские массы, в творческие силы которых так глубоко верил В. И. Ленин, к завоеванию перемирия.

К этому времени в армии широкого размаха достигло брата-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 82.
[2] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 36, л. 76.
[3] Там же.

ние, в котором солдаты видели один из этапов приближения окончания войны.

В. И. Ленин, тесно связывая братание солдат с борьбой за мир, говорил: «В этой революционной борьбе за мир и с борьбой за мир мы соединим революционное братание» [4].

В Ставку направлялись одно за другим секретные донесения с фронтов, суммируя которые начальник военно-политического отдела штаба верховного главнокомандования сообщал: «Категорически поставленный вопрос о мире захватил все внимание армии, вызвав большую надежду на немедленное окончание войны и обесценив в глазах массы все то, что направлено к ее продолжению. В сознании большинства война уже окончена... Надлежит отметить прежде всего увеличение числа случаев братания, широкой волной захватившего все фронты» [5]. На основании донесений военно-политическим отделом управления штаба верховного главнокомандования была составлена таблица о состоянии армии с 1 по 15 ноября 1917 г., в которой первым пунктом стоял вопрос «братание», причем составители документа оговаривали, что донесения получены ими не со всех фронтов. Следовательно, надо полагать, данные таблицы несколько занижены.

Мы приводим из таблицы только сведения о братании на фронтах с 1 по 15 ноября 1917 г. [5а]

Фронт	Северный				Западный			Юго-Западный			Румынский				Кавказский
Армия	42 корпус	XII армия	1 армия	V армия	III	X	II	Особая	XI	VII	VIII	IX	IV	VI	Армия
Случаев массового братания	—	—	—	4	—	—	—	2	1	—	2	1	4	—	

Нужны были эффективные действия по заключению перемирия на фронтах. С получением радиотелеграммы Совнаркома Военно-революционный комитет Западного фронта принял решение немедленно начать переговоры о перемирии с командованием немецких войск, расположенных на участке фронта. Военно-революционный комитет потребовал от командующего фронтом генерала П. С. Балуева немедленно приступить к переговорам о перемирии. Требование было изложено в письменном виде и вручено Балуеву как директива Советского правительства. Балу-

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 86.
[5] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 31, л. 77—77 об.
[5а] Там же, лл. 81—82.

ев отказался выполнить это требование и 10 ноября разослал по армии приказ: «Все мы ждем скорейшего заключения мира, но для этого необходимо, чтобы было образовано правомочное правительство... В настоящее время нет органа, который мог бы от всего русского народа говорить о мире... Между тем вам предлагается вступить в переговоры о перемирии самим, устраняя ваших начальников. Вспомните, чем грозит России такое неорганизованное выступление отдельных частей. Противники используют эти переговоры для своих целей, и России грозит гибель» [6].

Генерал Балуев был не одинок в своем отношении к заключению перемирия на фронтах. Комиссар Ставки В. Б. Станкевич в разговоре по прямому проводу с Крыленко заявил, что «распоряжение о заключении перемирия отдельными полками — это или чистейшая демагогия или безумие, или предательство» [7]. И командный состав, и соглашательские армейские газеты в один голос пытались убедить солдат не предпринимать никаких мер для заключения перемирия [8].

Но сопротивление мирной политике Совнаркома в контрреволюционных верхах армии только ускоряло самостоятельные действия революционных организаций на фронтах. Военно-революционный комитет Западного фронта, убедившись, что без смещения генерала Балуева переговоры о перемирии на фронте провести невозможно, принял решение вооруженным путем захватить штаб фронта и взять власть в свои руки. 11 ноября революционные войска окружили штаб, к зданию штаба подошли броневики, охрана поняла, что сопротивление бесполезно, и сложила оружие. Штаб фронта был занят революционными войсками.

12 ноября приказом № 11 Военно-революционный комитет Западного фронта объявил об отстранении Балуева от должности главнокомандующего армиями и о назначении вместо него подполковника В. В. Каменщикова [9]. Взяв власть в свои руки, Военно-революционный комитет немедленно приступил к осуществлению перемирия и призвал солдат настойчиво, упорно и последовательно доводить начатую борьбу за мир до конца. В тот же день он обратился к солдатам с призывом объединиться и поддерживать его во всех начинаниях, направленных к заключению перемирия:

«Товарищи солдаты! Дело мира, дело свободы в ваших руках! Во имя свободы, во имя революции, во имя мира и спасения России, во имя ваших гибнущих от голода жен и детей — дайте стране мир...,— говорилось в обращении.— Мы вошли в сношение

---

[6] ЦГВИА, ф. 2048, оп. 1, д. 13, л. 419—419 об.
[7] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, д. 75, л. 11.
[8] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 31, л. 110—110 об.
[9] «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 2, М., 1963, стр. 19, 20.

со всеми другими фронтами, и если мы будем дружно и решительно действовать, то мы скоро достигнем того, к чему стремимся,— мира» [10].

Военно-революционный комитет выработал инструкцию о ведении перемирия на Западном фронте. Было решено немедленно образовать при каждом войсковом комитете комиссию по организации перемирия на фронте, которая должна была войти в связь с другими фронтами и предложить им образовать такие же комиссии у себя. Согласно инструкции, переговоры о перемирии должны были вестись с парламентерами германской стороны при обязательном участии русских солдат; в переговорах участвовали также комиссия по перемирию и представители тех дивизионных, полковых и ротных комитетов, на участке которых велись переговоры. Окончательное подписание перемирия разрешалось только с согласия Совнаркома. В инструкции говорилось: «Предписываю всем комитетам и начальникам войсковых частей фронта немедленно приступить к переговорам с немцами для заключения перемирия» [11].

Так на Западном фронте началось практическое претворение в жизнь Декрета о мире. По всему фронту отдельные части начали заключать перемирие. Следует отметить, что единичные случаи, вернее попытки переговоров о перемирии, были еще раньше. Так, 29 октября на участке 11-й Сибирской стрелковой дивизии (38-й армейский корпус 10-й армии) немцы передали записку, в которой предлагали прислать делегацию из солдат и офицеров для заключения перемирия [12]. 30 октября велись переговоры русских и немецких солдат в 10-й роте 28-го Черниговского пехотного полка (15-й корпус 3-й армии). «Увещевания ротного и взводных командиров [против переговоров] безрезультатны»,— сообщал генерал-квартирмейстер 3-й армии в штаб Западного фронта [13]. После перехода власти на Западном фронте к Военно-революционному комитету заключение перемирия на участках отдельных частей стало массовым.

Ночью 13 ноября в Ставку поступила оперативная сводка о положении на Западном фронте, в которой сообщалось: в 3-й армии на участке Занарочь — Тарасевичи с 14 до 18 часов 12 ноября проходило братание; на участке 55-й пехотной дивизии, к югу от деревни Тарасевичи, заключено перемирие; в 10-й армии на участке Слуцк — Богуша состоялось братание; во 2-й армии в расположении Гренадерского корпуса (район Городище — Кролина и южнее) для братания выходили целые роты; в 50-м армейском

---

[10] «Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии». Документы и материалы, т. 2. Минск, 1957, стр. 168.

[11] «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 2, стр. 21, 22.

[12] ЦГВИА, ф. 2048, оп. 1, д. 1351, ч. II, л. 589.

[13] Там же, д. 1123, л. 362.

на переговоры, которые и были назначены на 19 ноября в 12 часов. Местом переговоров были выбраны Солы.

Комиссия по перемирию при Военно-революционном комитете Западного фронта выработала проект договора, который был рассмотрен 18 ноября на заседании представителей военной секции ВРК при участии офицеров Генерального штаба [23]. Окончательный текст проекта договора был переведен на немецкий язык. На этом же заседании был утвержден состав делегации: от ВРК армий Западного фронта — комиссары ВРК, большевики С. Е. Щукин и С. И. Берсон; делегаты 2-й армии — большевики, члены ВРК И. Г. Петров и И. С. Тихменев; от 3-й армии — солдаты Лукьянов и Школьников, от 10-й армии — солдаты В. И. Яркин, большевик, председатель ВРК 10-й армии, и Н. В. Хрусталев, секретарь ВРК 10-й армии. В качестве военно-технических советников в состав делегации вошли офицеры Генерального штаба Крузенштейн и Линский.

19 ноября в 5 часов часть делегации прибыла на вокзал Либаво-Роменской железной дороги, но специально заказанного поезда не оказалось: делегаты выехали товарным и в 11 часов 30 минут утра прибыли на ст. Молодечно. После пятичасовых переговоров с начальником железнодорожной станции фронтовой делегации был подан экстренный поезд, который в 18 часов прибыл на конечный пункт железнодорожной линии, откуда до расположения противника нужно было добираться на машине. Машина была одна; на ней поехали Щукин, Берсон, Петров и Тихменев. Остальным предстояло достать лошадей в деревнях близ расположенной части; их выезд задерживался. Тогда Щукин и Берсон перешли в расположение немецких частей; полностью же делегации удалось добраться только к 14 часам 20 ноября. Делегация прибыла в Солы Восточные, где их встретил начальник 14-й дивизии генерал-майор Эренфельд с офицерами. Эренфельд предложил участникам делегации ознакомиться с германским проектом договора о перемирии. В 15 часов 30 минут открылось частное совещание членов русской делегации под председательством Щукина. Он ознакомил членов делегации с русским и германским проектами договоров о перемирии. Договор противника состоял из семи пунктов и совершенно не касался вопроса об оперативных перегруппировках и перебросках. Было решено настаивать на принятии русского проекта, который заключал в себе, кроме семи статей германского проекта, еще две статьи: о братании и о запрещении перегруппировок и перебросок частей с одного фронта на другой.

В 18 часов открылось общее заседание. Немецкая делегация состояла из уполномоченных генерал-фельдмаршала принца Леопольда Баварского — начальника Генерального штаба группы ар-

[23] Там же, л. 26.

мий генерала Эйхгорна, генерал-майра Зауберцвейга, начальника оперативного отдела штаба майора Альтена, офицеров штаба Меркера и Эйленбурга, начальника 14-й дивизии и двух офицеров штаба той же дивизии, начальника штаба 3-го резервного корпуса (всего 16 человек).

Заседание открыл приветственной речью генерал Зауберцвейг, который выразил надежду, что предстоящий договор о перемирии повлечет за собой всеобщий мир. В ответном слове Щукин выразил надежду, что стремление к миру, которое открыто проявил русский народ, встретит отклик и поддержку со стороны Германии.

Обсуждение проектов договоров проходило следующим образом: читалась статья немецкого договора и соответствующая статья русского. Текст 1-й статьи немецкого договора, где указывались стороны, заключающие перемирие, встретил резкое возражение со стороны председателя русской делегации, предложившего русский текст, в котором были подробно перечислены все германские и австро-венгерские части, действующие против Западного фронта. Выступление Щукина, точная его осведомленность о дислокации частей противника произвели на немцев сильное впечатление. Стало ясно, что им будет трудно отстаивать те части договора, которые были невыгодны Советской республике.

Как первая, так и все без исключения последующие статьи были приняты в русской редакции. При обсуждении статьи о братании обе делегации заняли непримиримые позиции. Немецкая делегация категорически настаивала на запрещении всякого общения русских и немецких солдат, русский же проект договора допускал общение солдат в самом широком масштабе. Соглашения достигнуть не удалось, и было предложено обсудить эту статью в частном заседании каждой стороны.

Последней обсуждалась статья о перегруппировках и перебросках войск. В немецком проекте этот вопрос был обойден молчанием. Редакция статьи русского проекта предусматривала полное сохранение соотношения сил на фронте. С резким возражением против включения этой статьи в договор выступил и Зауберцвейг, и германские офицеры Генерального штаба. Они указывали на неприемлемость подобной редакции статьи, ставившей германское командование в более невыгодное положение, чем до перемирия. Русские офицеры Генерального штаба доказывали недопустимость свободных переброс, явно нарушающих основные правила всякого перемирия. Интересы России и ее союзников не допускали переброски с фронта на фронт германских дивизий. Необходимо было найти компромиссное решение, так как создалась угроза срыва переговоров.

В 23 часа был объявлен перерыв, во время которого Щукин открыл частное заседание для пересмотра статей о братании и о перебросках. По вопросу о братании все делегаты высказали

мнение, что братание нельзя прекратить никакими мерами и никакими договорами, поэтому практически не имеет значения, будет этот пункт внесен в договор или нет. Было принято решение не настаивать на включении в договор этой статьи в русской редакции проекта и ограничиться требованием недопустимости применения насильственных мер к солдатам за братание. В процессе обсуждения статьи «о перебросках» была составлена новая статья компромиссного характера.

20 ноября в 24 часа второе частное совещание русской делегации было закрыто, а в 1 час ночи 21 ноября состоялось общее заседание делегаций. Генерал Зауберцвейг сообщил, что немецкая делегация согласна с русской редакцией статьи о братании, но не принимает статью о перебросках. В результате прений стороны не смогли прийти ни к какому соглашению. Тогда Щукин в категорической форме заявил, что переговоры будут прерваны из-за нежелания немецкой делегации пойти на уступки. Немецкой делегации пришлось согласиться на предложенную редакцию статьи: «Обычная смена частей, находящихся в передовой линии, частями из резерва разрешается. Всякие более крупные переброски и перемещения войсковых частей с русского Западного фронта и на русский Западный фронт на время действия настоящего договора не разрешаются. Указанные условия обязательны для обеих сторон» [24].

Для выработки точного текста договора была образована редакционная комиссия в составе Щукина, Крузенштерна, Липского, майора Альтена и немецких офицеров Флотова и Эйленбурга.

К 8 часам 21 ноября договор о перемирии был составлен, общее заседание возобновилось. В 8 часов 15 минут после прочтения текста договор был подписан: с русской стороны — делегатами ВРК Западного фронта и двумя делегатами от каждой из трех армий: с германской стороны — генералом Зауберцвейгом и тремя офицерами Генерального штаба германской армии [25].

Договор вступал в силу с 23 ноября. На Западном фронте приостанавливались все виды боевых действий, допускалось только производство работ по поддержанию в порядке позиций. На время действия договора обеим сторонам разрешалась обычная смена находящихся в первой линии частей из резерва и воспрещались всякие более крупные переброски и перемещения.

В договоре говорилось: «Настоящий договор автоматически поглощает ранее заключенные частичные договоры и в свою очередь, как частичный, аннулируется при заключении общего для всего русского фронта перемирия» [26].

---

[24] «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 2, стр. 36.

[25] Материалы о ходе переговоров см.: ЦГВИА, ф. 2139, оп. 2, д. 1158, лл. 23—26; «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 2, стр. 34—36.

[26] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, д. 88, л. 100.

В телеграмме начальника штаба Западного фронта полковника Н. В. Соллогуба начальнику штаба верховного главнокомандующего дается такая оценка деятельности русской делегации по заключению перемирия: «По ходу совещания было видно, что германцы не ожидали каких-либо осложнений при переговорах, будучи уверены в нашей некомпетентности и думая заставить нас принять заранее составленный ими проект договора, отличавшийся большой односторонностью и клонившийся к явному ущербу для русской стороны. Однако благодаря энергичному ведению переговоров председателем русской делегации Щукиным и мотивированным протестам русских офицеров Генштаба, принимавших участие в прениях по военным вопросам, удалось отстоять полный текст нашего проекта...» [27].

Таким образом, указание Совнаркома о действительном прекращении военных действий на всех фронтах до заключения общего перемирия с Германией было претворено в жизнь.

Заключение перемирия на Западном фронте, подготовка к заключению перемирия на других фронтах, массовое братание солдат на фронтах — все это значительно ускорило переговоры правительственных делегаций о заключении общего перемирия.

22 ноября 1917 г., как известно, в Брест-Литовске советская правительственная делегация подписала договор о перемирии. Таким образом, полностью подтверждалось ленинское предвидение, что солдаты, взяв дело мира в свои руки, не только сумеют отстоять интересы Советской республики, но и укрепят революционную власть.

---

[27] «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 2, стр. 35.

В. И. ЛЕНИН И РАЗРЕШЕНИЕ АГРАРНОГО ВОПРОСА В РОССИИ В ПЕРИОД ПЕРЕРАСТАНИЯ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ (март—октябрь 1917 г.)

★

Е. В. ИЛЛЕРИЦКАЯ

Разрешению аграрного вопроса всегда придавалось большое значение в теоретической и революционно-практической деятельности В. И. Ленина и созданной им большевистской партии.

К Февральской буржуазно-демократической революции в России В. И. Ленин и большевики пришли с научно обоснованной и четко сформулированной аграрной программой. Эта программа была рассчитана на конфискацию помещичьих и всех частновладельческих земель и в дальнейшем предусматривала национализацию всей земли. Она отразила жизненные интересы крестьянства и указывала пути и средства разрешения аграрного вопроса в России; она развязывала революционную энергию всего крестьянства в борьбе с помещиками и тем самым способствовала победе буржуазно-демократической революции.

Крестьяне и солдатские массы, в подавляющем большинстве состоявшие из крестьян, поддержали эту революцию и приняли в ней активное участие прежде всего потому, что ожидали от нее разрешения в своих интересах векового вопроса о земле. «...Рабочие всей России,— указывал В. И. Ленин,— самоотверженно боролись против царской монархии, за свободу, за землю для крестьян, *за мир*...» [1].

Но в результате Февральской революции власть оказалась у буржуазии, которая не хотела разрешения этих жизненно важных для трудящихся вопросов. Временное правительство, выражавшее классовые интересы буржуазии, не желало заключения мира, не могло посягнуть на земли помещиков, так как этим был

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 31, стр. 17.

бы нарушен священный для нее принцип частной собственности. Не случайно Временное правительство в своем первом программном заявлении от 3 марта 1917 г. ничего не сказало о разрешении аграрного вопроса в пользу крестьянства [2]. В. И. Ленин, разоблачая классовую сущность заявления буржуазного Временного правительства, писал: «Ни о земле для крестьян, ни о повышении платы для рабочих новое правительство в своих программах не сказало *ни слова*» [3].

Рабочие и крестьяне были обмануты в своих ожиданиях. Главные задачи революции оказались неразрешенными.

Февральская революция изменила расстановку классовых сил в стране. Необычайно возросла роль революционно настроенных народных масс в политической жизни страны. Рядом с официальным Временным правительством возникли Советы рабочих и солдатских депутатов, «...возникло,— по словам В. И. Ленина,— главное, неофициальное, неразвитое еще, сравнительно слабое *рабочее правительство*, выражающее интересы пролетариата и всей беднейшей части городского и сельского населения» [4]. Советы были осуществлением ленинских идей о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. Так сложилось своеобразное соотношение классовых сил, которое получило свое выражение в двоевластии.

В. И. Ленин, вернувшись в Россию, в Апрельских тезисах дал новую стратегическую установку большевистской партии в борьбе за социалистическую революцию. Успешная реализация этой установки в огромной мере зависела от правильного разрешения аграрного вопроса, умелой пропаганды среди крестьян, действенного разоблачения классового существа политики Временного правительства и поддерживавших его мелкобуржуазных партий, прежде всего эсеров, считавших свою партию «защитницей» крестьянских интересов. Вот почему на протяжении всего периода подготовки социалистической революции в России В. И. Ленин уделял исключительное внимание разрешению аграрного вопроса, его теоретическому обоснованию и защите аграрной программы большевиков. М. И. Калинин в свое время отмечал, что «$^{9}/_{10}$ по изучению вопросов, связанных с крестьянством в нашей партии, падало на тов. Ленина». При этом Калинин указывал: «Своеобразие Ленина, как теоретика, заключается в том, что каждую свою теоретическую задачу он одновременно решает, как задачу пролетарскую» [5].

В сложной обстановке в стране, обусловленной перерастанием буржуазно-демократической революции в социалистическую, ярко проявились дарования В. И. Ленина как выдающегося теоретика

---

[2] «Вестник Временного правительства», 5 (8) марта 1917 г.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 71.
[4] Там же, стр. 18.
[5] М. И. Калинин. За эти годы, кн. 2. М., 1962, стр. 242, 256.

и вождя партии, развившего стратегический план борьбы за социалистическую революцию в России, как замечательного тактика, всегда умевшего указать единственно правильные пути и средства борьбы за стратегические цели партии. В. И. Ленин подчеркивал, что без союза с трудящимся крестьянством, без поддержки беднейшей его части невозможна победа социалистической революции в нашей стране. К сожалению, эта сторона деятельности В. И. Ленина в столь ответственный исторический период не получила должной разработки в советской исторической литературе [6].

Чтобы понять всю сложность разрешения В. И. Лениным аграрного вопроса в России в период подготовки социалистической революции, следует отметить ряд наиболее существенных моментов.

Прежде всего В. И. Ленин учитывал интересы всех борющихся классов и партий в разрешении аграрного вопроса и противопоставил им большевистскую аграрную программу. Партия ставила перед собой задачу убедить крестьянские массы в том, что только проведение в жизнь большевистской программы будет соответствовать их коренным интересам. Вместе с тем В. И. Ленин и большевики должны были разрешать аграрный вопрос в тесной связи с другими жизненными вопросами современности — вопросами войны и мира, хлеба, борьбы с хозяйственной разрухой в стране.

Разрешение этих задач протекало в условиях острой борьбы с Временным правительством и мелкобуржуазными партиями. В. И. Ленин тщательно следил за всеми их политическими акциями, за изменением их тактики, беспощадно разоблачая обман трудящихся масс. Что касается понимания интересов классов и связанного с этим определения сущности аграрных программ различных партий, с которыми боролись большевики, то эти интересы и программы были ясны В. И. Ленину задолго до Февральской революции.

Самым надежным критерием в этом вопросе В. И. Ленин считал правильное определение экономических основ аграрных проблем различных партий. Он учил, что необходимо «...возможно точнее установить, какова собственно экономическая подкладка всех аграрных программ нашей эпохи, из-за чего собственно идет великая историческая борьба. С этой экономической основой действительной борьбы надо сопоставить идейно-политическое отра-

---

[6] Рассматриваемый вопрос затрагивался в работах ряда советских историков, изданных в последние годы; например, в монографиях П. Н. Соболева «Беднейшее крестьянство — союзник пролетариата в Октябрьской революции» (М., 1958); Т. В. Шарапова «Разрешение аграрного вопроса в России после победы Октябрьской революции» (М., 1961) и др. Однако и в этих монографиях в силу их тематической направленности интересующий нас вопрос не получил специальной разработки.

жение ее в программах, заявлениях, требованиях, теориях представителей разных классов»[7].

Стержнем аграрного вопроса в России на протяжении всего пореформенного периода была и оставалась, вплоть до 1917 г., как определял Ленин, форма его буржуазного развития.

Отношение различных классов и партий к крепостническим пережиткам и судьбам помещичьего землевладения и раскрывало экономическую основу аграрных программ всех партий.

Задолго до Февральской революции кадеты выступили защитниками интересов помещиков. Помещичье землевладение так тесно переплеталось в пореформенный период, особенно в годы столыпинских аграрных преобразований, с интересами буржуазии, что кадеты еще в период первых Государственных дум не решались посягать на земли помещиков и даже в своих демагогических заигрываниях с крестьянством не шли дальше робких заявлений об отчуждении лишь некоторой части помещичьих земель, причем обязательно за выкуп. Само крестьянство в массе своей достаточно хорошо разбиралось в подлинной сущности кадетской аграрной программы, о чем свидетельствовали заявления трудовиков в I и II Государственных думах. Ко времени Февральской революции и после нее кадетскую программу могла поддерживать только некоторая часть кулацкой верхушки деревни. Но большая часть крестьянства как до Февральской революции, так и после нее высказалась против кадетской программы.

Эсеры пришли к Февралю со своей программой социализации земли. Реализация ее предполагала ликвидацию помещичьего землевладения и передачу земель помещиков крестьянам на условиях уравнительного землепользования.

Что касается меньшевистской программы муниципализации помещичьих земель, то она вовсе не пользовалась поддержкой крестьян, была им чужда и непонятна.

Февральская революция была суровым экзаменом для всех политических партий в России, серьезной проверкой и для выработанных ими аграрных программ.

Для буржуазных, а также мелкобуржуазных партий, после того, как последние вошли в коалиционный состав Временного правительства, создалась возможность практически реализовать свои аграрные программы. Наступил период проверки теорий, разработанных каждой из партий еще до революции, практической их деятельностью в составе правительства.

Для В. И. Ленина было важно определить, как будут вести себя различные партии, оказавшись у власти, какова будет их практическая политика, насколько она будет расходиться с их теориями, какова будет тактика этих партий.

---

[7] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 195—196.

История показала, что ни одна из аграрных программ буржуазных и мелкобуржуазных партий не была реализована. Кадетский министр Шингарев с самого начала своей деятельности проявил себя рьяным защитником помещичьего землевладения. Он заявлял, что вопрос о земле будет разрешен только Учредительным собранием. Шингарев не попытался, хотя бы частично, ограничить помещичье землевладение, даже за выкуп, и отказался от дореволюционных посул кадетов. Этот министр решительно пресекал любые притязания на землю помещиков и категорически осудил их как проявление анархии. Тем самым подлинная классовая сущность аграрной программы кадетов разоблачалась перед всем крестьянством практикой правительственной деятельности самих кадетов.

После апрельского кризиса в состав Временного правительства вошли представители эсеров и меньшевиков. Министром земледелия стал эсер Чернов. Эсеры тем самым получили практическую возможность реализовать свою аграрную программу. Но тут сразу вскрылось противоречие между словом и делом эсеров, между их программой и реальными делами. Чернов фактически полностью продолжал политику Шингарева. Более того, от осуждения «самочинных» действий крестьян по захвату помещичьих земель он перешел к расправам с крестьянами. По всей стране зверствовали карательные отряды Временного правительства. Таким образом, эсеры, оказавшись у власти, по существу отказались от своей аграрной программы, обнажив ее демагогический характер. Они стали на деле защитниками помещичьего землевладения, оставив разговоры о «социализации» земли для туманных обещаний на будущее. Это привело к значительному падению авторитета эсеров среди крестьянства и способствовало расколу самой партии.

Что касается меньшевиков, то они отложили реализацию идеи муниципализации и предложили крестьянам ожидать решения аграрного вопроса Учредительным собранием.

В этих условиях только партия большевиков осталась верной защитницей крестьян.

Аграрный вопрос занял большое место в работе VII (Апрельской) Всероссийской конференции большевиков. В резолюции по аграрному вопросу, написанной В. И. Лениным, разрешение его ставилось в связь с новой стратегической установкой партии на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. В резолюции подчеркивалось, что помещичье землевладение является материальным оплотом власти помещиков и залогом возможного восстановления монархии, поэтому главной целью крестьянского движения остается «разгородить землю», национализировать все земли.

Однако после свершившейся буржуазно-демократической революции национализация земли приобретала новый смысл. При доведении революции до полного завершения национализация земли

создавала предпосылки для победы и утверждения социалистической революции: «...национализация земли,— говорилось в резолюции,— как отмена частной собственности на землю, означала бы на практике такой могучий удар частной собственности на все средства производства вообще, что партия пролетариата должна оказать всякое содействие подобному преобразованию» [8].

Национализация земли должна была содействовать углублению классовой борьбы в деревне, причем не только против помещиков, но и против кулачества, сильно укрепившегося в результате проведения столыпинской аграрной реформы. В борьбе за социалистическую революцию союзником пролетариата в новых условиях должно было выступить уже не все крестьянство, а его беднейшая, полупролетарская часть, прежде всего сельскохозяйственный пролетариат.

Ясно сознавая эту перспективу, большевистская партия в решениях Апрельской конференции четко определила необходимость самостоятельной организации сельскохозяйственных рабочих и бедняков. В специальном пункте резолюции конференции указывалось: «...Необходимо немедленно и повсеместно приступить к отдельной и самостоятельной организации сельскохозяйственного пролетариата как в виде Советов депутатов от сельскохозяйственных рабочих (а также особых Советов депутатов от полупролетарского крестьянства), так и в виде организации пролетарских групп или фракций в общих Советах крестьянских депутатов, во всех органах местного и общегородского управления и т. д. и т. п.» [9]

После того, как Апрельская конференция дала новую стратегическую установку партии и, в частности, определила ее задачи в разрешении аграрного вопроса, главное заключалось в борьбе за массы, в том числе и за крестьянство.

В этой борьбе большое значение имела правильная оценка В. И. Лениным законодательных актов, заявлений и практических действий Временного правительства.

С самого начала революции и установления власти Временного правительства В. И. Ленин настойчиво разоблачал его антинародную классовую политику и доказывал, что трудящиеся не должны оказывать никакого доверия этому буржуазному правительству. В. И. Ленин был убежден, что «...с каждым днем доверчивая бессознательность и бессознательная доверчивость будут отпадать, особенно со стороны пролетариев и *беднейших* крестьян, которых жизнь (общественно-экономическое положение их) учит не верить капиталистам» [10]. Исключительно важное значение в этом отношении имело разоблачение аграрной политики Временного правительства. Этому содействовало само Временное правительство своими заявлениями по аграрному вопросу. Так, кадетский министр Шин-

---

[8] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 426.
[9] Там же, стр. 427, 428.
[10] Там же, стр. 158.

гарев следующим образом разъяснял в специальной директиве только что созданным волостным земельным комитетам их задачи: они должны ограждать «от насилий над личностью и имуществом местных землевладельцев, хуторян и крестьян, выделившихся на хутора»; лишь Учредительное собрание разрешит великий земельный вопрос, «сейчас же надо сохранить все, в полной неприкосновенности» [11]. Эта директива была ответом правительства на поднимающееся в стране крестьянское движение, выражавшееся в самочинных захватах помещичьих земель.

Ничего не изменилось в аграрной политике Временного правительства и после апрельского кризиса, когда Министерство земледелия было передано эсеру Чернову. В первом же своем программном заявлении коалиционное правительство так определило свою позицию по отношению к антипомещичьему крестьянскому движению: «Стихийное стремление осуществлять желания и домогательства отдельных групп и слоев населения явочным и захватным путем... грозят разрушить внутреннюю гражданскую спайку и дисциплину и создают благоприятную почву для насильственных актов и развития частных стремлений в ущерб государственным» [12]. Подобные заявления исходили и от всех последующих составов Временного правительства, кончая последними месяцами его существования.

В. И. Ленин прилагал огромные усилия, чтобы развеять настроения бессознательной доверчивости крестьянских масс по отношению к Временному правительству, раскрыть перед ними классовую сущность его политики, убедить их в демагогическом характере ссылок правительства на Учредительное собрание. Он призывал крестьян к немедленному самочинному захвату помещичьих земель, содействуя тем самым обострению классовой борьбы в деревне. Большое значение в этой связи он придавал агитационной работе среди солдат и не упускал возможности для непосредственных выступлений перед солдатами. Вскоре после возвращения в Россию (10 апреля 1917 г.) В. И. Ленин выступил на митинге в Измайловском полку. В его выступлении вопрос о земле был центральным. Заявив о необходимости перехода власти к Советам, В. И. Ленин подчеркнул: «Только такая власть, только сами Советы солдатских и крестьянских депутатов могут, не в интересах помещиков и не по-чиновнически, решить великий вопрос о земле. Земля не должна принадлежать помещикам. Землю крестьянские комитеты должны тотчас отобрать у помещиков... Вся земля должна принадлежать всему народу, а распоряжаться ею должны местные Советы крестьянских депутатов» [13]. Через несколько дней (13 апреля) В. И. Ленин выступил в «Солдатской правде» со специальной статьей «Солдаты и земля», в которой вновь повторил

[11] ЦГАОР СССР, ф. 406, оп. 2, д. 19, лл. 26—27.
[12] «Вестник Временного правительства», 26 апреля (9 мая) 1917 г.
[13] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 188.

большевистский призыв к немедленному захвату помещичьих земель [14]. Обращаясь к солдатам, В. И. Ленин учитывал не только то, что вопрос о земле для них был самым злободневным и жизненным вопросом, но он исходил также и из того, что солдаты представляли собой вооруженную силу, способную оказать самую действенную помощь рабочим в борьбе за власть. Свою статью «Солдаты и земля» В. И. Ленин закончил призывом: «Солдаты! Объединяйтесь сами крепче и теснее сливайтесь с рабочими и крестьянами! Не давайте вооруженной силы отнять из ваших рук!

Тогда и только тогда народ получит всю землю, народ избавится от кабалы у помещиков» [15]. Однако, оценивая действительность, он отмечал, что в первые месяцы после Февральской революции крестьянство еще верило Временному правительству и готово было ждать решения вопроса о земле Учредительным собранием. По его словам, крестьянство пошло на «...сделку с буржуазией, сделку, заключенную ими сейчас через посредство Советов рабочих и солдатских депутатов не только формально, и фактически» [16]. В этом проявилось, по мнению В. И. Ленина, влияние кулачества, поддерживавшего не только эсеров, но даже и кадетов. Более того, В. И. Ленин первоначально даже не исключал такого варианта решения аграрного вопроса, когда крестьянам удастся отнять землю у помещиков и Временное правительство не сможет этому помешать. В докладе на Петроградской конференции большевиков (апрель 1917 г.) он заявил: «Движение аграрное может пойти двояко. Крестьяне отнимут землю, а борьбы между деревенским пролетариатом и зажиточным крестьянином не вспыхнет». Однако В. И. Ленин тут же добавил: «Но это мало вероятно, ибо борьба классов не ждет» [17].

Исходя из этой более вероятной перспективы, В. И. Ленин и предложил на Апрельской конференции крепить связи с деревенской беднотой и сплачивать ее организационно.

Дальнейший ход событий все более подтверждал правильность такого подхода к разрешению аграрного вопроса, который был определен в решениях Апрельской конференции.

Основным направлением классовой борьбы в деревне оставалось антипомещичье. В этой борьбе участвовало все крестьянство, но самой активной силой в ней были деревенская беднота и сельскохозяйственные рабочие. Такому направлению крестьянской борьбы способствовала политика Временного правительства, которая все более убеждала крестьянские массы в том, что помещичьи земли они от буржуазного правительства не получат.

---

[14] Там же, стр. 266, 267.
[15] Там же, стр. 267.
[16] Там же, стр. 136.
[17] Там же, стр. 241.

Временное правительство, обеспокоенное подъемом крестьянского движения ранней весной (март — апрель) [18], 21 апреля 1917 г. создало Главный земельный комитет. Основной целью этого комитета являлось «составление общего проекта земельной реформы на основании собранных данных и тех соображений, которые будут представлены земельными комитетами» [19]. Одновременно было решено создавать губернские, уездные, а по решению последних и волостные земельные комитеты. Состав Главного земельного комитета, предусмотренный Временным правительством, полностью обеспечивал большинство правительственным чиновникам и представителям буржуазных и помещичьих организаций [20].

Однако основной, неофициальной целью создания Главного земельного комитета было стремление укрепить иллюзорные надежды крестьянских масс на решение земельного вопроса Учредительным собранием, для чего этот комитет якобы и должен был подготовить необходимые материалы. Нужно было успокоить волновавшееся крестьянство, и эта цель на некоторое время была достигнута.

Но период успокоения крестьянства был кратковременным. Уже в мае, как отмечалось в докладе Львова, «аграрное движение продолжает развиваться и крепнуть» [21]. В мае произошли и другие важные события, оказавшие определенные воздействия на разрешение аграрного вопроса. Речь идет о выступлениях трудящихся против империалистической политики Временного правительства, которые обусловили его кризис. Кадеты вынуждены были вступить в коалицию с соглашательскими мелкобуржуазными партиями. Министерство земледелия было передано эсеру Чернову.

---

[18] Временное правительство было хорошо информировано о росте крестьянского движения в стране. Об этом свидетельствует, например, доклад министра-председателя кн. Львова (являвшегося одновременно и министром внутренних дел) Временному правительству от 3 июня 1917 г. В докладе, составленном на основе сообщений с мест, Львов отмечал, что «первые известия о крестьянских волнениях относятся к началу марта месяца», но эти выступления «не имели в начале вида массового организованного движения и не вылились в форму требования переустройства всех отношений по землевладению и землепользованию». Но уже и тогда были случаи «разгрома усадеб, поджогов, самовольных обысков и арестов». Начиная с 15 марта «стали поступать сведения о захватах пахотных земель и потравах выгонов». В апреле же крестьянское движение, по утверждению Львова, стало падать, так как «появились первые признаки перемен настроений крестьянской массы по отношению к разрешению земельного вопроса». Он объяснял это укреплявшимися надеждами крестьянства на разрешение аграрного вопроса Учредительным собранием (ЦГАОР СССР, ф. 229, оп. 4, д. 1997, лл. 56—58).

[19] «Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации», т. I, ч. II. М., 1929, стр. 295.

[20] Е. А. Луцкий. Ликвидация Главного земельного комитета (1917—1918 гг.).— «Труды Московского историко-архивного института», т. IX. М., 1957, стр. 19.

[21] ЦГАОР СССР, ф. 229, оп. 4, д. 1997, л. 58.

В. И. Ленин разоблачил этот хитроумный маневр кадетов, стремившихся обеспечить сохранение помещичьего землевладения хотя бы до Учредительного собрания: «Через Чернова это удастся провести. Крестьянам внушили, хотя они и не очень охотно восприняли это, что брать землю у помещиков в аренду по соглашению с отдельными помещиками есть „порядок", а сразу отменить помещичье землевладение и брать бывшую помещичью землю в аренду *у народа*, впредь до созыва Учредительного собрания, есть „анархия". Иначе, как через Чернова, эту помещичью, контрреволюционную идею провести бы не удалось» [22].

Чернов развернул интенсивную деятельность по разработке второстепенных и третьестепенных вопросов, однако в разрешении коренного вопроса о немедленной передаче помещичьей земли крестьянам он полностью продолжал политику Шингарева. Между тем дальнейший подъем крестьянского движения не оставлял сомнений в том, что именно этот вопрос оставался главным для крестьянства.

В этих условиях партия эсеров приложила усилия к тому, чтобы получить хотя бы видимость одобрения своей соглашательской политики со стороны крестьянства. С такой целью эсеры начали интенсивно готовиться к Всероссийскому съезду крестьянских депутатов, решения которого они хотели представить как волеизъявление широких крестьянских масс. Тщательно подбирались делегаты на съезд, деятельно готовились к выступлениям на съезде лидеры эсеров.

В. И. Ленин и ЦК большевистской партии расценили Всероссийский съезд крестьянских депутатов как арену борьбы с эсерами за крестьянство. Съезд приобретал для партии тем большее значение, что он давал возможность открыто и широко изложить большевистскую программу по аграрному вопросу и призвать крестьян к немедленному захвату помещичьих земель. Создавалась возможность разоблачить на съезде демагогическую политику эсеров и Временного правительства.

В. И. Ленин первоначально обратился к делегатам Всероссийского съезда с письмом, опубликованным в «Солдатской правде» 11 мая, а затем выступил на съезде с большой речью (22 мая) и предложил съезду резолюцию в духе большевистской программы. Он вскрыл истинную сущность политики Временного правительства по вопросу продолжения империалистической войны и нежелание его разрешить в интересах народа все другие злободневные вопросы. Что касается столь острого для крестьянства вопроса, как вопрос о земле, то В. И. Ленин в предложенном им крестьянскому съезду проекте резолюции заявил: «1. Все помещичьи и частновладельческие земли, а равно удельные, церковные и так далее должны немедленно перейти к народу без всякого выкупа.

---

[22] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 312.

2. Крестьянство должно организованно, через свои Советы крестьянских депутатов, брать всю землю на местах немедленно...

3. Частная собственность на землю вообще должна быть уничтожена...» [23] Он предупреждал, что крестьяне не должны идти на соглашения с помещиками; они должны знать, что помещиков поддержат капиталисты, и потому могут рассчитывать только на поддержку городских рабочих. В. И. Ленин предлагал создать самостоятельную организацию сельскохозяйственных рабочих.

Недостаточная работа большевиков среди крестьян до открытия съезда, а также подобранный эсерами состав его делегатов исключали возможность принятия на нем большевистской резолюции. Но слова В. И. Ленина не прошли незамеченными: многие крестьяне-делегаты унесли со съезда правильное представление о большевиках, которых вся буржуазная и мелкобуржуазная пресса представляла в ложном виде.

Ход событий в стране и особенно нарастающий подъем крестьянского движения, направленного на немедленный захват помещичьих земель, свидетельствовали о том, что только большевистская программа выражала коренные интересы всего крестьянства. Подъем крестьянского движения одновременно свидетельствовал и о том, что крестьянство все более уходило из-под влияния эсеров; авторитет эсеров падал. Этому способствовала и политика Временного правительства в других вопросах, поскольку за нее несла полную ответственность партия эсеров, входившая в коалицию с буржуазией.

В июне развернулось (оказавшееся неудачным) наступление на фронте, начатое вопреки воле народа и показавшее империалистическую сущность Временного правительства. В начале июля в Петрограде была расстреляна мирная демонстрация трудящихся, что раскрыло контрреволюционный характер не только внешней, но и внутренней политики Временного правительства.

Подводя итоги июльским событиям, В. И. Ленин писал в статье «Классовый сдвиг»: «В России сейчас у власти контрреволюционная буржуазия, по отношению к которой „оппозицией ее величества“ стала мелкобуржуазная демократия, именно партии эсеров и меньшевиков. Сущность политики этих партий состоит *в соглашательстве* с контрреволюционной буржуазией» [24]. Эти партии после июльских событий оказались в лагере контрреволюции. Поэтому лозунг «Вся власть Советам!» большевиками был временно снят.

Двоевластие было ликвидировано в пользу единовластия буржуазии. Вслед за пролетариатом России итоги этих событий стали постепенно все более полно и правильно осознаваться и крестьянскими массами. В их среде еще более пал авторитет эсеровской партии, хотя ее лидеры прилагали лихорадочные усилия, чтобы

---

[23] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 165.

[24] Там же, стр. 385.

продолжать вести за собой крестьянство. Для этого нужно было укреплять его иллюзорные надежды на то, что эсеры, оставаясь в составе правительства, смогут успешно разрешить аграрный вопрос. Министр земледелия Чернов вскоре после июльских событий в своем докладе Временному правительству обещал реализовать 10 законопроектов, которые будто бы «общей совокупностью своей охватывают все основные проявления хозяйственной жизнедеятельности деревни», как заявляла об этом эсеровская газета «Дело народа» [25].

Иронически отзываясь об этой деятельности Чернова как о проявлении «чудес революционной энергии», В. И. Ленин разоблачил видимость такой «заботы» об интересах крестьян, заявив: «Одно подозрительно: свыше 100 строк посвящает министерская газета перечню *некоторых* из этих великолепных законопроектов, *ни об одном* не давая ничего ясного» [26]. И здесь же он доказывает несбыточность посул эсеровских лидеров конкретным примером — неразрешенностью вопроса об отмене купли и продажи земли [27]. Обещание немедленно издать соответствующий закон лидеры эсеров дали еще в мае на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов, но так и не удосужились утвердить его в правительстве, предоставляя возможность помещикам, боявшимся захвата их земель крестьянами, свободно заблаговременно распродавать земли.

Дальнейшее развитие классовой борьбы в деревне все более убеждало В. И. Ленина в том, что основным ее направлением продолжало оставаться стремление крестьян к немедленному захвату помещичьих земель; это полностью подтверждало соответствие аграрной программы большевиков жизненным интересам крестьянства. Борьба с партией эсеров по аграрному вопросу потому и сосредоточилась в дальнейшем вокруг вопроса о немедленном или, по оценке эсеров, «самочинном» захвате крестьянами помещичьих земель.

Видный теоретик эсеров по аграрному вопросу С. Маслов еще в мае опубликовал в «Известиях Всероссийского Совета крестьянских депутатов» свой доклад «О земельных захватах». В докладе он решительно осудил эти захваты, выдвинув четыре основных довода их нецелесообразности: неравномерность распределения земель по губерниям, невыгодность захватов для беднейшей части крестьян, возможность усиления дезертирства из армии для участия в захвате, сокращение посевов в результате захватов.

В. И. Ленин счел необходимым сразу же выступить против Маслова в «Правде» со специальной статьей «О „самочинном захвате“ земли», в которой не оставил камня на камне от всей аргу-

---

[25] Цит. по Полн. собр. соч. В. И. Ленина, т. 32, стр. 387.

[26] Там же, стр. 387, 388.

[27] См. там же, стр. 389. Этому вопросу В. И. Ленин счел нужным посвятить специальную статью «Как и почему крестьян обманули?»; опубликована 1 (14) июля в «Правде» (см. там же, стр. 401—403).

ментации Маслова. Говоря о захвате помещичьих земель, Ленин писал: «Помещики хотят их сохранить. Мы хотим их *сразу* передать крестьянам *без выкупа, без всякой платы*. Маслов хочет оттяжки посредством „примирительных камер“.

Это вредно. Оттяжки вредны»[28]. Раскрывая эту подлинную «суть дела», В. И. Ленин заклеймил Маслова как пособника помещиков. Таким же пособником выступала и вся партия эсеров.

Вопреки всем карательным мерам правительства и всем ухищрениям кадетов революционные настроения крестьян продолжали нарастать. Показателем этого процесса было поведение многих волостных и даже некоторых уездных земельных комитетов: организованные, чтобы быть формально проводниками политики партии эсеров, воплощавшейся в директивах Министерства земледелия и Главного земельного комитета, они на деле уклонялись от выполнения этих директив.

Выражая интересы крестьян, ряд земельных комитетов не только одобрял захват помещичьих земель, но даже подчас и способствовал этому. Такая линия местных земельных комитетов вызвала большую тревогу у эсеровских деятелей. Товарищ министра земледелия Вихляев в речи 7 августа на съезде губернских комиссаров (задачей которого было, в частности, обсуждение способов воздействия на местные земельные комитеты) признал, что Министерство земледелия проделало большую работу по подбору соответствующего его политике состава губернских земельных комитетов, но этого не удалось сделать в отношении многих уездных и тем более волостных комитетов. Поэтому деятельность последних часто вызывала недовольство Министерства земледелия. Вихляев отметил, что существует глубокое различие между аграрным законодательством Временного правительства и интересами крестьян, заявив, что «закон гнется под напором волнующихся земледельческих масс населения»[29]. Товарищ министра признал бессилие Временного правительства в борьбе с массовыми волнениями крестьян, захватывающих помещичьи земли. На предложение усилить репрессии и отдавать под суд земельные комитеты, уклоняющиеся от исполнения законов, Вихляев ответил: «Нам пришлось бы тогда придать суду все земельные комитеты»[30]. Это признание вполне информированного чиновника говорит о силе массового антипомещичьего движения крестьян.

Рост массового крестьянского движения создавал в стране новую ситуацию, новые изменения в классовом соотношении сил. Партия немедленно сделала выводы из новой обстановки. Поводом для внесения изменений в тактику явилась публикация сводки наказов крестьян, посланных на I съезд крестьянских депута-

---

[28] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 132.
[29] ЦГАОР СССР, ф. 934, оп. 1, д. 7, л. 6.
[30] Там же.

тов. Изучив эти наказы, В. И. Ленин написал статью «Из дневника публициста (крестьяне и рабочие)», в которой поставил вопрос о необходимости по-иному строить агитацию по земельному вопросу [31]. Сводка земельных наказов показала, что большинство крестьян стоит за национализацию всех земель, в том числе крестьянских, что они за передачу культурных имений в руки государства или общины, конфискацию всего живого и мертвого инвентаря (за исключением инвентаря маломощных крестьян) и передачу его государству или общинам, недопущение наемного труда, уравнительное землепользование с периодическими переделами. Крестьяне требовали в качестве переходных мер до созыва Учредительного собрания немедленного издания закона о запрещении купли-продажи земли, об отмене столыпинских законов о выделе из общины, отмене долгосрочных и пересмотре краткосрочных арендных договоров, охране лесов, хищнически истребляемых помещиками, и т. п.

По всем основным требованиям крестьян эсеры, как и меньшевики и кадеты, заняли отрицательную позицию, вступив в блок с буржуазией. «Эта вопиющая,— писал В. И. Ленин,— практическая, непосредственная, осязательная измена эсеров интересам крестьянства чрезвычайно видоизменяет положение. Надо учесть эту перемену» [32]. В чем же заключалось видоизменение тактики? В. И. Ленин предлагал не ограничиваться теоретическими разоблачениями мелкобуржуазных иллюзий «социализации земли», «уравнительного землепользования», «недопущения наемного труда» и т. п.; центр тяжести в пропаганде и агитации против эсеров перенести на то, что они изменили крестьянам; требования крестьян могут быть и будут выполнены только при переходе власти к рабочим и крестьянской бедноте. Он подчеркивал, что именно в этом главное и основное. Что касается мелкобуржуазных иллюзий об уравнительности и т. п., то эти разногласия крестьянских наказов с аграрной программой большевиков несущественны. «Крестьяне хотят оставить у себя мелкое хозяйство, уравнительно его нормировать, периодически снова уравнивать... Пусть. Из-за этого ни один разумный социалист не разойдется с крестьянской беднотой. Если земли будут конфискованы, *значит* господство банков подорвано, если инвентарь будет конфискован, *значит* господство капитала подорвано,— то *при господстве пролетариата в центре*, при переходе политической власти к пролетариату, остальное приложится *само собою*, явится в результате „силы примера", подсказано будет самой практикой» [33]. Вот где заложены основы

---

[31] Необходимо в этой связи отметить, что историки в долгу перед наукой, так как до сих пор не издали наказов и не провели над ними той исследовательской работы, которую предлагал В. И. Ленин (см. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 108).

[32] Там же, стр. 113.

[33] Там же, стр. 115.

исторического Декрета о земле, завоевавшего основную массу крестьян на сторону Советской власти. Выступление В. И. Ленина с предложением изменений в тактике борьбы за крестьянство — исключительный образец диалектического подхода к вопросу, умения быстро и правильно учитывать конкретный ход событий.

Выступление В. И. Ленина было своевременным, ибо в крестьянском движении начался новый подъем. После мятежа Корнилова крестьяне убедились, что за генералами стоят помещики, и в случае победы Корнилова ни о какой земле думать не придется. Крестьяне приступали к изгнанию помещиков и захвату их земель.

В сентябре и октябре Временному правительству и партии эсеров не удалось ограничить крестьянское движение. Оно разрослось в такой мере, что превратилось в могучий фактор общенационального революционного кризиса, в такой исключительно важный элемент его, учет которого становился обязательным для партии большевиков, начавшей в тот период подготовку к вооруженному восстанию. В условиях общенационального политического кризиса требования крестьян приобретали новое значение и среди них самое главное требование — ликвидация помещичьего землевладения с превращением земли в достояние народа.

Подтверждая и развивая свои выводы, впервые сформулированные в решениях Апрельской конференции, В. И. Ленин указывал в предисловии к новому изданию книги «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг.», написанном 28 сентября 1917 г., что национализация земли в новых условиях «есть не только „последнее слово" буржуазной революции, но и *шаг к социализму*» [34].

После краха корниловщины, раскрывшей далеко идущие замыслы контрреволюции, В. И. Ленин настойчиво доказывал, что все коренные вопросы, стоявшие в то время перед страной,— о мире, земле, хлебе, хозяйственной разрухе, о предоставлении прав на самоопределение угнетенным национальностям — могут быть разрешены в интересах народа только при условии перехода власти к пролетариату в результате вооруженного восстания. Он подвергал уничтожающей критике эсеров, которые отрицали такую необходимость.

Между тем правые эсеры не только продолжали сеять иллюзии относительно несбыточных надежд на Временное правительство, но и деятельно разрабатывали проекты, обманывающие крестьян. Результатом демагогического маневрирования правых эсеров в тот период был проект уже упоминавшегося Маслова, ставшего к тому времени министром земледелия. Проект Маслова был опубликован в эсеровской газете «Дело народа» 18 и 19 октября. Эсеровские газеты объявили его «выдающимся законопроектом», а кадетские

[34] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 413.

газеты выступали против него как «слишком революционного» и тем самым создавали ему славу: эсеры и кадеты, составляя коалиционное правительство, шли вместе в крикливой хвальбе проекта закона. А на деле он был новым и притом беззастенчивым обманом крестьян.

По декрету Маслова, во-первых, образовывался «временный арендный фонд», куда передавалась не вся помещичья земля: исключались сады, плантации, посевы свекловицы, земли, необходимые «для удовлетворения потребностей самого владельца, его семьи, служащих и рабочих, а также для обеспечения содержания наличного скота». Таким образом, эсеры полностью отказались от конфискации земли, которую так торжественно объявляли на всех своих съездах, и перешли на кадетскую аграрную программу. Во-вторых, зачисление земель во «временный арендный фонд» проводилось земельными комитетами. Таким образом, эсеры отказались от Советов крестьянских депутатов, избиравшихся всеми трудящимися, и передавали решение вопроса о земле в руки помещичьих земельных комитетов, введенных еще правительством Львова — Гучкова. Эсеры и в этом вопросе полностью перешли в лагерь кадетов. Наконец, в-третьих, арендная плата с крестьян за землю из «временного арендного фонда» взималась земельными комитетами и передавалась, за вычетом платежей, в руки прежних владельцев. Таким образом, земельные комитеты превращались на деле в сборщиков арендной платы для помещиков.

Этот проект, состоявший из трех разделов, подробно рассмотренных В. И. Лениным, представлял собой «тройной обман крестьян эсерами» [35], а в целом он назвал проект закона Маслова проектом *для* спасения помещиков, *для* „ускорения" начавшегося крестьянского восстания путем ничтожных уступок, сохраняющих главное за помещиками» [36].

Крестьяне, недовольные программой и деятельностью эсеров, вели ожесточенную борьбу против помещиков. Характеризуя положение в деревне в тот период, В. И. Ленин писал: «Помещики и крестьянство живут тоже в обстановке кануна гражданской войны: крестьяне требуют земли и воли...» [37]

Осенью 1917 г. крестьянское движение не только возросло количественно, но и стало выражаться в наиболее острых формах. В сентябре оно охватило 53 губернии России. Из 629 выступлений, зарегистрированных в этом месяце правительственными органами, 83 выразились в разгроме имений, 29 — в поджогах имений, 103 — в захвате имений и 19 — в захвате пахотных земель [38].

---

[35] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 429.

[36] Там же, стр. 433.

[37] Там же, стр. 49.

[38] «Крестьянское движение в 1917 году». М.—Л., 1927. Приложение «Ведомости о численности и роде правонарушений по сведениям Главного управления по делам милиции («Ведомости, сентябрь 1917 г.). (подсчитано мною.— *Е. И.*).

Начался новый этап в развитии крестьянского движения, которому В. И. Ленин придавал исключительно важное значение и пристально изучал его динамику. «В России,— писал он в конце сентября,— переломный момент революции несомненен

В крестьянской стране, при революционном, республиканском правительстве, которое пользуется поддержкой партий эсеров и меньшевиков, имевших вчера еще господство среди мелкобуржуазной демократии, растет *крестьянское восстание.*

Это невероятно, но это факт» [39].

Политика Временного правительства и партии эсеров окончательно разоблачила себя. В октябре В. И. Ленин заявлял: «По всей России разливается широкой рекой *восстание крестьян*, от которых обманом оттягивали до сих пор землю... Керенский посылает *войска* подавлять крестьян и защищать помещиков, Керенский стакнулся опять с корниловскими генералами и офицерами, стоящими за помещиков» [40]. Крестьянское восстание свидетельствовало о неизбежности социалистической революции в России, оно позволяло наметить конкретные сроки вооруженного восстания в столице для утверждения диктатуры пролетариата. В статье «Кризис назрел» В. И. Ленин указывал:

«Ясно само собою, что если в крестьянской стране, после семи месяцев демократической республики, дело могло дойти до крестьянского восстания, то оно неопровержимо доказывает общенациональный крах революции, кризис ее, достигший невиданной силы, подход контрреволюционных сил к *последней черте*» [41].

За несколько дней до вооруженного выступления пролетариата в Петрограде В. И. Ленин отмечал в «Письме к товарищам»: «...Самый крупный факт современной жизни в России есть *крестьянское восстание.* Вот объективный, не словами, а делами показанный переход народа на сторону большевиков» [42]. Здесь же он называл крестьянское восстание событием общенационального политического значения, делая вывод о коренном изменении соотношения классовых сил в стране в пользу пролетариата и о вытекающей из этого необходимости неотложного свержения Временного правительства и передачи власти Советам, в которых теперь руководящая роль принадлежала большевикам.

Крестьянское восстание, не будучи по природе своей социалистическим, в конкретных условиях России осенью 1917 г. создавало условия и готовило почву для победоносной социалистической революции. В этом заключалась диалектика истории, которую гениально объяснил В. И. Ленин. Его глубокий и научно обоснованный прогноз был полностью подтвержден самим ходом истории.

---

[39] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 275.
[40] Там же, стр. 284.
[41] Там же, стр. 277.
[42] Там же, стр. 400.

* * *

В. И. Ленин как вождь большевистской партии всегда уделял самое пристальное внимание глубокому и всестороннему изучению аграрного вопроса, имевшему первостепенное значение в условиях России. Особенно большое значение он придавал аграрному вопросу в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, когда от правильного разрешения этого вопроса наряду с другими вопросами того времени зависели судьбы пролетарской революции в России.

В. И. Ленин дал классические образцы разрешения аграрного вопроса в столь ответственный исторический период в духе творческого марксизма как в смысле его теоретического анализа, так и в отношении тех выводов, которые вытекали из этого анализа для практической революционной деятельности большевистской партии.

Как доказала история, из всех партий, выступавших в России в марте — октябре, только партия большевиков разработала и выдвинула такую аграрную программу, которая была полностью подтверждена самой жизнью, развитием классовой борьбы в стране. Этим партия была обязана В. И. Ленину, в трудах которого разработана аграрная программа, целиком исходившая из научного понимания действительных закономерностей экономического развития и классовой борьбы в России.

Наличие ленинской аграрной программы определило тактику большевистской партии в разрешении аграрного вопроса в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Если буржуазные и мелкобуржуазные партии, оказавшись у власти, вступили на путь обмана крестьянских масс, защищали интересы помещиков и обнаружили полное банкротство своих аграрных программ, то большевистская партия и ее вождь В. И. Ленин воплотили в своей аграрной программе вековые стремления крестьянства к ликвидации помещичьего землевладения и превращению земли в народное достояние.

Развитие классовой борьбы в деревне, превращавшейся с течением времени в важнейший фактор политической жизни страны и потому внимательно изучавшийся В. И. Лениным, все более убеждало крестьян в том, что только большевики защищают их коренные интересы. Изменяющееся соотношение классовых сил в ходе этой борьбы, доказывавшей углубление разрыва крестьянских масс с мелкобуржуазными партиями, прежде всего с партией эсеров, создавало условия для приближения социалистической революции в России. Этому способствовала настойчивая борьба В. И. Ленина и партии большевиков с эсерами, в ходе которой все более раскрывался демагогический характер эсеровской аграрной программы.

В. И. Ленин неизменно подчеркивал, что главным условием в разрешении аграрного вопроса крестьянства была борьба самих крестьянских масс за осуществление этих интересов. Но важнейшее значение в ходе этой борьбы приобретали рост политического сознания крестьянства, его организованность и готовность пойти за пролетариатом, чему должна была содействовать большевистская партия.

Победоносное завершение социалистической революции в нашей стране, передавшей власть в руки пролетариата, позволило В. И. Ленину и большевистской партии на практике реализовать свою аграрную программу и этим доказать, что лишь одна эта партия выражала коренные интересы трудящегося крестьянства.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ СИБИРСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА (в марте — апреле 1917 г.)

★

И. М. РАЗГОН

В литературе по истории Великой Октябрьской социалистической революции политическим настроениям крестьянства в первые месяцы после свержения царизма уделяется мало внимания. Главное внимание исследователей направлено на летне-осенние месяцы 1917 г., когда движение приняло характер крестьянского восстания.

В исследовании истории крестьянства 1917 г. сибирскому крестьянству уделялось, да и сейчас уделяется недостаточное внимание. Принято считать, что крестьянское движение в Сибири отставало от крестьянского движения в стране в целом, что политические настроения крестьянства Сибири были более отсталыми, чем в других районах страны, а политическая зрелость была невысока; это выражалось и в том, что сибирской деревней с самого начала революции овладели эсеры. Таково было и таким еще остается мнение многих исследователей о политическом настроении и политической зрелости сибирского крестьянства в 1917 г.

Между тем изучение документальных материалов приводит к несколько иным выводам. Автор статьи предпринял попытку изучить политические настроения крестьян Сибири после свержения царизма на материалах Томской губернии — одного из характернейших районов Сибири.

В составе губернии было семь уездов: Томский, Барнаульский, Кузнецкий, Каинский, Змеиногорский, Бийский и Мариинский. На территории бывшей Томской губернии в настоящее время находятся Томская, Новосибирская, Кемеровская области и Алтайский край. Часть территории бывшей Томской губернии отошла к Омской области и Красноярскому краю.

Из 4 млн. жителей губернии сельское население составляло 89,5%. Преобладающим занятием населения губернии было сель-

ское хозяйство. Лучшие земли, леса и другие угодья находились в руках так называемого кабинета, т. е. были личной собственностью Николая II. В Томской губернии кабинет владел более чем 40 млн. десятин земли, половина которой к 1917 г. была передана за огромные суммы казне для размещения переселенцев. На кабинетских землях, кроме крестьян-переселенцев жили крестьяне-старожилы, у которых лучшие земли были отобраны кабинетом и которые за пользование землей, лесом и угодьями платили высокую арендную плату, выполняли ряд натуральных повинностей, платили общегосударственные подати и несли общегосударственные повинности. Не лучше было положение крестьян, сидевших на «казенной» (государственной) земле.

Следует иметь в виду, что большинство крестьянского населения губернии составляли переселенцы из Европейской России, прибывшие сюда главным образом в годы столыпинской реформы. Хозяйства их были слабыми, неокрепшими. В число переселенческого населения входило около 400 тыс. крестьян «неприписных», не получивших переселенческого надела и не приписанных к старожильческим обществам. Крепкое сибирское кулачество нещадно эксплуатировало крестьянскую бедноту, как старожильческую, так и особенно переселенческую.

«Горючего материала» в деревне накопилось много. Волнения мобилизованных крестьян в 1914 г. достигли наиболее высокого уровня именно в Томской губернии. Они громили волостные и уездные правительственные учреждения, уничтожали и поджигали конторы многочисленных заграничных агентств по сбыту и прокату сельскохозяйственных машин, где хранились вексельные и другие ссудные обязательства крестьян, бравших на выплату сельскохозяйственные машины и плативших огромные денежные штрафы и недоимки за несвоевременные взносы.

Для расправы с мобилизованными были вызваны войска не только из сибирских городов, но и из Казанского военного округа. Многие крестьяне были осуждены военными судами на расстрел и каторгу.

Волнения продолжались и во время войны. В Томской губернии за первые два года войны посевная площадь сократилась на 20% [1]. Урожайность основных культур, ржи и пшеницы, понизилась на 30—50%, увеличилось количество беспосевных. Все это еще более ухудшало положение крестьянства губернии, особенно бедноты, и усиливало его эксплуатацию кулаками и торговцами. Увеличилась тяжесть налогов и повинностей.

Как только в Томске стало известно о свержении самодержавия, там был образован Временный комитет общественного порядка и безопасности. В его создании и составе участвовали и боль-

---

[1] «Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917—1919 гг.)». Сб документов. Томск, 1957, стр. 11.

шевики, входившие в объединенную социал-демократическую организацию. Этот комитет, по замыслу его создателей, должен был стать органом революционной власти, подготовить и созвать «народные собрания», сельские, волостные, уездные и губернский исполкомы, которые и должны были на местах осуществлять революционную власть. Сам комитет рассматривал себя как верховную власть в губернии. Председателем комитета был избран беспартийный адвокат М. Б. Ган. В распорядительное бюро комитета вошли и большевики.

Одновременно с этим комитетом в Томске был создан Совет солдатских депутатов, представлявший 70-тысячный гарнизон. Во главе Совета стояли большевики.

Участие большевиков Томска, как и других городов Сибири, в различного рода комитетах общественного порядка и безопасности было крупной ошибкой, приведшей к тяжелым политическим последствиям. Эти комитеты стали местными органами Временного правительства. Председатель Томского комитета Ган был утвержден губернским комиссаром Временного правительства. Подавляющее большинство комитета состояло из буржуазных элементов, открыто враждебных рабочему классу, солдатам, трудовому крестьянству. Один из большевиков, входивших в распорядительное бюро Томского комитета, А. В. Шотман, писал в своих воспоминаниях о Февральской революции в Томске: «В течение каких-нибудь двух недель Комитет общественного порядка и безопасности разросся до 80 человек... Наряду с профессорами, адвокатами, учителями сидели домовладельцы, лавочники, священники. Они требовали от нас отчета о нашей работе и даже выражали недовольство нами» [2].

Большевистски настроенный Совет солдатских депутатов в отдельных случаях добивался некоторых изменений в положении солдат, городской бедноты. Он оказывал большое революционизирующее влияние на солдатские массы, на крестьянство. Но он мог бы несомненно сыграть и бо́льшую роль, если бы большевики не связали себя в единой организации с меньшевиками, с Временным комитетом общественного порядка и безопасности и не поддерживали бы буржуазную власть в городе. Не случайно и Совет рабочих депутатов был создан в городе только в конце марта и длительное время находился под влиянием меньшевиков.

По разработанному Томским комитетом положению проходили выборы в местные и губернское народные собрания.

В связи с подготовкой созыва губернского народного собрания Томский комитет обратился к жителям сел и деревень с воззванием о выборах в сельские, волостные и уездные народные собрания и о предстоящем губернском народном собрании.

---

[2] «Пролетарская революция», 1927, № 2-3 (61-62), стр. 272.

После высокопарных слов о том, что народ должен сам управлять собой и что все вопросы управления страной, распоряжения землей, установления справедливых налогов, прекращения войны и т. д. будут решены Учредительным собранием, в воззвании говорилось, что сельские и волостные народные собрания «должны выполнить все обязанности сельских и волостных управлений» и «особое внимание надо обратить на собирание податей и налогов, что ранее выполнялось сельскими и волостными правлениями» [3].

Воззвание предупреждало, что в настоящее время не может быть и речи об изменении порядка пользования кабинетскими землями до издания новых законов: «До издания же этих законов надо сохранить прежние правила, прежние законы» [4]. Воззвание отвечало и на такой острый и злободневный вопрос, как нужно относиться к представителям старой власти, к царским чиновникам: «По возможности следует не торопиться со сменою этих чиновников, лучше оставлять их на месте, приставляя к ним для контроля выборное лицо — комиссара», если чиновник не заявит о своем подчинении новой власти [5].

Так, через месяц после свержения царизма новые «революционные» власти в Томской губернии призывали только сменить вывеску царских сельских и волостных правлений на новую, заявляли о неприкосновенности царского землевладения — кабинетских земель — и незыблемости царских законов по управлению ими, о сохранении всех царских налогов и повинностей и об оставлении на своих местах царских чиновников.

У новых, «революционных» властей было серьезное основание для беспокойства. Газета «Сибирская жизнь» сообщала, что за март — апрель 1917 г. уменьшилось поступление государственных налогов по уездам Томской губернии: по Томскому поступило 33%, по Барнаульскому — 44, Бийскому — 44, Змеиногорскому — 5, Каинскому — 54, Кузнецкому — 58, Мариинскому — 66% всей суммы налогов [6].

Эта же газета сообщала, что крестьяне вообще не желают платить никаких государственных налогов и производить какие-либо денежные сборы, в том числе и волостные [7]. Крестьяне отказывались от уплаты налогов, внесения долгов по ссудам. Из 548 156 рублей ссудных долгов, подлежащих взысканию с переселенческого населения Томского, Каинского, Кузнецкого и Мариинского уездов, в первой четверти 1917 г. было взыскано 3,1% этой суммы, во второй четверти — 2,7% [8].

---

[3] «Голос свободы», 2 апреля 1917 г.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] «Сибирская жизнь», 9 мая 1917 г.

[7] Там же, 3 июня 1917 г.

[8] Ф. С. Пестриков. Борьба крестьянства Западной Сибири за власть Советов и проведение аграрных реформ. М., 1958, стр. 14.

Побывавший в селе Петухово Томского уезда студент Томского университета был поражен тем, что крестьяне закидали его вопросами: «что нового в городе, как идет война...». Но больше всего крестьян интересовал вопрос о земле, который был «у всех на устах» [9]. Крестьяне говорили: «Новое правительство о нас мало заботится. Особенно волновались солдатки: «Вот мы перестанем возить все в город, да разнесем мучные лавки, так будут нас знать!» Эти настроения так взволновали студента, что он весьма подробно и красочно написал о них в газету.

Другой корреспондент, побывавший в селе Проскоковском Томского уезда, пишет: «Население начинает возмущаться некоторыми постановлениями своих избранников. Восторженное настроение деревни, бывшее в марте месяце, в последнее время переходит в тревожное» [10].

Выборы в губернское народное собрание проходили в середине апреля. В них участвовали основные политические партии: кадеты, эсеры, объединенная социал-демократическая организация и некоторые другие организации, как, например, Крестьянский союз, кооперативные и буржуазно-националистические.

Первая сессия Томского губернского народного собрания проходила с 20 апреля по 18 мая 1917 г. Ей суждено было быть не только первой, но и единственной.

В государственном архиве Томской области частично сохранились материалы выборов в сельской местности губернии. Из них наибольший интерес представляют 135 личных карточек делегатов от деревни и приложенные к ним 135 анкет [11]. Личная карточка делегата содержит 16 вопросов и дает возможность достаточно полно выяснить лицо делегата, его национальность, является ли делегат старожилом, переселенцем или представителем коренного нерусского населения. Личная карточка отвечает на вопрос об образовании и партийности делегата и на некоторые другие вопросы.

Анкета, предложенная делегатам, поражает своим размером и подробностью. В ней 51 вопрос, и она исключительно ценна как очень интересный и серьезный источник, дающий возможность выяснить важные стороны Февральской революции в сибирской деревне к середине апреля 1917 г.

Для выяснения политических настроений в сибирской деревне в описываемый период автор статьи провел обобщение и анализ материалов личных карточек делегатов и анкет.

Известный сибирский статистик В. Нагнибеда, делегат Томского губернского народного собрания, провел анализ состава делегатов деревни этого собрания. Семь уездов Томской губернии послали

---

[9] «Сибирская жизнь», 27 апреля 1917 г.
[10] Там же, 16 мая 1917 г.
[11] Госархив Томской обл., ф. р-549, оп. 1, д. 1.

431 делегата [12]. Наибольшее число делегатов прислали Барнаульский, Бийский, Змеиногорский и Томский уезды.

Общий состав сельского населения Томской губернии в 1917 г. был таков: старожилов — 66%, переселенцев — 30, коренных нерусских (в статистическом обзоре — «инородцев») — 4% [13]. Однако среди делегатов деревни более половины составляли переселенцы (57,1%); старожилы составляли только четвертую часть делегатов (25,7%); коренные нерусские народности — 6,3% и 10,9% — лица, принадлежавшие к прочим категориям населения, среди которых были и старожилы, и переселенцы (учителя, священники, чиновники, торговцы, счетоводы и т. д.) [14]. Из сопоставления этих данных видно, что старожильческое крестьянское население губернии часто посылало от себя делегатами переселенцев.

Среди сельского населения губернии русские составляли 80%. В числе делегатов было 75,2% русских, 8,2% украинцев (в составе сельского населения губернии — 8%), 1,9% белорусов (в составе сельского населения губернии — 5%). Коренные нерусские народности, составлявшие 4% сельского населения, в числе делегатов имели 6,3% общего их числа. Прочие народности, представлявшие 3% сельского населения, дали 1,3% состава делегатов [15].

Большинство делегатов были грамотными (80,7%); малограмотные составляли 12,8%, неграмотные — 4,6%; не выяснено — 1,9% [16].

По основному занятию крестьян-земледельцев было 273 делегата (63,3% общего состава), крестьян-скотоводов — 14 делегатов (3,2%), ремесленников — 24 делегата (5,6%), учителей — 30 делегатов (7%), служащих кооперативов и казенных учреждений — 22 делегата (5,1%) [17]. Кроме того, среди делегатов было 7 рабочих, 9 торговцев, 6 церковных служителей, 9 литераторов.

Интересен партийный состав делегатов от сельского населения: эсеров — 41,3%, сочувствующих эсерам — 20, социал-демократов — 4,6 и сочувствующих им — 1,4%; беспартийных среди делегатов насчитывалось 23%. Среди остальных 9,7% делегатов были лица, называвшие себя «социалистами», «социалистами-народниками», «демократами-федералистами» и т. п. [18]

Анализ сохранившихся в архиве 135 личных карточек и анкет делегатов от сельского населения Томской губернии не расходится с данными подсчетов Нагибеды. Это позволяет сделать вывод, что 135 личных карточек и анкет являются вполне достоверными источниками для выяснения отношения крестьян-избирателей к

[12] «Голос свободы», 13 мая 1917 г.
[13] Там же.
[14] Там же.
[15] Там же.
[16] Там же.
[17] Там же.
[18] Там же.

основным политическим вопросам жизни страны весной 1917 г.

Из 135 делегатов было 113 русских (83,8%), а других народностей — 10 человек (7,3%). 12 делегатов не указали своей национальности. В числе делегатов было 76 переселенцев (55,1%), 36 старожилов (26,6%); 14 делегатов ничего не указали.

Крестьян-земледельцев был 81 человек (60%). По остальным группам соотношение делегатов сельского населения приблизительно такое же, как и в статистическом обзоре Нагнибеды.

Данные о партийной принадлежности этой группы делегатов в основном также мало расходятся с партийным составом всей группы делегатов от сельского населения губернии. Из 135 делегатов членов партии эсеров был 41 человек (37%). Несколько больше, чем во всей группе делегатов, число сочувствующих партии эсеров — 36 человек (26,6%). Но в этой группе выше процент членов социал-демократической партии — 10 человек (7,3%) и сочувствующих ей — 2 человека (1,5%). Беспартийных в этой группе было 20 человек (14,6%). Остальные делегаты этой группы причисляют себя к «социалистам» разных толков.

* * *

В анкете имелся вопрос «Как относится население к войне?» Ответы на этот вопрос крайне интересны. За войну до победного конца из 135 делегатов высказалось 38 человек. В некоторых случаях делегаты этой группы вынуждены были сделать и некоторые оговорки. Так, беспартийный делегат от Улалинской волости Бийского уезда, крестьянин из местных старожилов пишет в анкете, что население относится к войне отрицательно, но «требует победы над германским милитаризмом» [19]. Другой делегат, представлявший население Краснояркой волости Змеиногорского уезда, крестьянин-переселенец, «внепартийный», но сочувствующий социалистам-революционерам, пишет в анкете: «если грозит опасность свободе, то продолжать до полной победы» [20]. Даже небезызвестный сибирский эсер В. И. Анучин — организатор и руководитель эсеровского Крестьянского союза в Сибири, представлявший 25 тыс. избирателей Ново-Кусковской волости Томского уезда, вынужден был записать в анкете, что все «желают скорейшего и почетного окончания» [21]. Таких оговорок весьма много, и это только лишь подтверждает, что некоторая часть крестьянства была охвачена «добросовестным оборончеством».

Против войны и за ее немедленное прекращение высказалось 52 делегата. Делегат, представлявший 5125 избирателей Анжерских копей, беспартийный, пишет в анкете: «После того, как население стало уяснять себе, что войну затеяли наши цари и министры

[19] Госархив Томской обл., ф. р-549, оп. 1, д. 1, лл. 397—397 об., 402.
[20] Там же, лл. 496—496 об., 500.
[21] Там же, л. 6—6 об.

хотя делегаты этой группы, видимо, по своей малограмотности выражали свое мнение не всегда ясно. Так, делегат от Сычевской волости Бийского уезда, крестьянин-переселенец, представлявший свыше 8 тыс. избирателей, передает в анкетах требование своих избирателей о мире в таком виде: «На таких (условиях. – *И. Р.*), чтобы не было больше войн» [37]. Очень часто делегаты этой группы ограничиваются односложным ответом: «Жаждут скорейшего мира», «Мир заключить с таким условием, чтобы войны не было никогда» [38]. Не может быть сомнения в том, что делегаты этой группы передают требования своих избирателей о необходимости скорейшего заключения мира и понимают этот мир как мир без захвата чужих земель, без всякой контрибуции и на таких условиях, чтобы не было больше никогда войн.

Группа делегатов в 21 человек передает требование своих избирателей о заключении мира на «выгодных условиях», «с согласия союзников». Делегат от Чарышской волости Змеиногорского уезда, крестьянин-переселенец, беспартийный, пишет в анкете, что его избиратели желают мира и «уплаты контрибуции» [39]. Делегат от Убинской волости Каинского уезда крестьянин-переселенец, беспартийный, записал в анкете: «Раз союз держав, то согласия держав и всемирного разоружения, гарантированного союзом всех держав» [40]. Но и представители этой группы делегатов, требующих мира «на выгодных условиях», иногда добавляют: «Завоевательных целей не преследовать» [41].

Несомненно, что эта группа за заключение мира после разгрома Германии и ее союзников, после победы. Один из делегатов, крестьянин-старожил, член партии эсеров, представлявший 3 тыс. избирателей Петровской волости Барнаульского уезда, так выразил в анкете мнение своих избирателей: «Действительно, как каждый обладает самолюбием, человек желает, чтобы победить, тогда и мир заключить» [42].

Конечно, как и в других группах, вероятно, и в этой группе среди избирателей было много таких, которые не разделяли мнения большинства и стояли на других позициях, но не они определяли общую позицию избирателей. Из 135 делегатов 10 не ответили на этот вопрос.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что большинство делегатов в 75 человек выразило мнение своих избирателей о необходимости заключения скорейшего мира, без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения. Вместе со второй группой в

---

[37] Госархив Томской обл., ф. р-549, оп. 1, д. 1, лл. 424—424 об., 430.

[38] Там же, лл. 354, 510.

[39] Там же, лл. 329—329 об., 333.

[40] Там же, лл. 657—657 об., 662.

[41] Там же, л. 704.

[42] Там же, лл. 931—931 об., 935

29 человек, выразивших, хотя и в несколько более туманной форме, эти же требования, они из 135 делегатов представляли уже подавляющее большинство (104 человека). Это свидетельство того, что крестьянство Томской губернии, как старожильческое, так и переселенческое, в своем подавляющем большинстве не только требовало скорейшего окончания войны, но и заключения справедливого мира без аннексий и контрибуций, представляло будущий мир как мир, после которого не будет войн, как мир, который должен дать свободу угнетенным народам.

* * *

Вопрос об отношении к аграрной политике был сформулирован в анкете следующим образом: «Находит ли представляемое вами население, что право распоряжения землей должно принадлежать государству, общине (мелкой земельной, волостной, окружной, губернской, областной) или же оно признает частную собственность?» Для организаторов губернского народного собрания, принявшего решения о созыве Сибирского областного съезда и готовившегося создать областную думу как правительство самостоятельного «сибирского государства», этот вопрос имел особое значение. Сибирские областники и примкнувшие к ним из политических соображений эсеры представляли себе, что лучшим решением этого вопроса будет передача права распоряжения землей местному самоуправлению или общине. Не случайно в самом вопросе анкеты государство противопоставляется общине. Организаторы губернского народного собрания поясняли, что под общиной они не только понимают мелкую общину в пределах села, деревни, но считают, что община может быть волостной, окружной, губернской и даже областной, т. е. всесибирской. Они явно против перехода земли в руки государства и против такой неясной для них формулировки, как «земля должна принадлежать всему народу». Не случайно они интересуются и тем, признают ли избиратели частную собственность на землю. В программных документах областников, а затем и областников-эсеров, а позже на сибирских областных съездах были приняты решения о том, что наряду с общинной землей в Сибири сохраняется и допускается частная собственность на землю. Областники и областники-эсеры делали ставку на сибирского кулака — собственника земли, который должен был стать социальной опорой «самостоятельной» Сибири.

Но ответы на этот вопрос в анкетах 135 делегатов губернского народного собрания не могли порадовать учредителей съезда. Почти половина делегатов (61 человек) от имени своих избирателей заявила, что земля должна принадлежать народу. Делегат от Сулинской волости Барнаульского уезда, скотовод, беспартийный, передает мнение пославших его на съезд: «Земля должна принадлежать народу и чтобы никто не мог ни купить, ни про-

дать»[43]. Его поддержали все делегаты этой группы. Делегат от Ново-Шульговской волости Змеиногорского уезда, крестьянин, старожил, член партии эсеров, пишет в анкете: «Земля должна принадлежать государству, а государство отдает ее землеробам»[44]. Земля — общегосударственное достояние, она должна быть всецело в распоряжении государства, оно дает безвозмездно землю тем, кто ее обрабатывает,— об этом пишут от имени своих избирателей 36 делегатов. К этим двум группам примыкает небольшая группа в 14 человек, которые, не упоминая о том, кому земля должна принадлежать — народу или государству, передают категорическое требование своих избирателей, что частной собственности на землю не должно быть. Наиболее полно это требование выразил делегат от Тарсминской волости Кузнецкого уезда, крестьянин-старожил, от имени своих 3500 избирателей: «Все крестьяне, т. е. граждане наших сибирских деревень, не признают собственности на землю, кроме маленькой кучки деревенских кулаков»[45].

За общинное землепользование и передачу распоряжения землей местному самоуправлению высказалось только 13 делегатов. Характерно и то, что эта небольшая группа, которая могла бы в какой-то степени удовлетворить областников, подчеркивает в своих ответах, что под общиной они понимают «общество», т. е. сельское общество, отнюдь не волостную общину и тем более не уездную, губернскую и общесибирскую — областную.

За частную земельную собственность, и то в ограниченных размерах, из 135 делегатов высказалось только 5. Делегат от Малышевской волости Барнаульского уезда, крестьянин-переселенец, эсер, от имени 8 тыс. избирателей записал в анкете: «Часть населения желает, чтобы распоряжение землей принадлежало общине — земской, а часть допускает частную собственность в ограниченном размере»[46]. Один из делегатов этой группы от Чатской волости Томского уезда передает мнение своих избирателей, что «первое время должно государство распределить равномерно, а потом — собственность»[47]. Видимо, речь идет о том, чтобы равномерно распределенную государством землю затем передать в личную собственность крестьян. Есть и такие предложения, как «передача земли в пожизненную собственность», заявление о том, что пользование землей должно быть выгодным[48]. Эта группа столь малочисленна, что формально можно было бы ее и не принимать в расчет, но на деле было не так. Сибирский кулак занимал в деревне видное место. В середине апреля 1917 г. он еще

---

[43] Госархив Томской обл., ф. р-549, оп. 1, д. 1, л. 587.
[44] Там же, л. 970.
[45] Там же, л. 812.
[46] Там же, л. 604.
[47] Там же, л. 346.
[48] Там же, лл. 661, 427.

полностью не сориентировался в политической обстановке и не выявлял своего подлинного лица — врага революции и социальных реформ. Этот период наступил позже, когда Временное правительство и его органы на местах, в том числе и в Сибири, начали активную борьбу с крестьянским движением.

Из 135 делегатов 6 человек не ответили на этот вопрос.

Таким образом, почти все крестьяне, старожилы и переселенцы, через своих делегатов высказались за то, чтобы земля принадлежала народу или государству, чтобы частной собственности на землю не существовало. Небольшая группа (13 человек) выразила мнение своих избирателей о передаче земли местному самоуправлению или общине (обществу). Такие требования не отвечали интересам сибирских областников и областников-эсеров. И в этом вопросе, как и в двух предыдущих, они не получили поддержки крестьян, в том числе и примыкавших к партии эсеров.

Судьба кабинетских и казенных земель в Западной Сибири кровно интересовала крестьянство экономически и политически. В пределах тогдашней Томской губернии более 40 млн. десятин наиболее удобной и плодородной земли принадлежало кабинету, что было ярко выраженным пережитком крепостничества. На кабинетских землях сидело более 850 тыс. крестьян-арендаторов, арендовавших около 12 млн. десятин и плативших только одной аренды более 0,5 млн. рублей в год[49]. Кабинету принадлежали лучшие леса, нужда в которых у населения все возрастала. Наибольшая плотность населения была именно на Алтае, в зоне кабинетских земель.

В Сибири почти не существовало частного землевладения. Земли и леса, кроме кабинетских, принадлежали казне — государству. На казенных землях землепользование было связано с выполнением многих денежных и натуральных повинностей. Здесь борьба крестьян была непосредственно направлена против царя и его чиновников, ведавших кабинетскими и казенными землями, против царской стражи на кордонах в кабинетских и казенных лесах.

После Февральской революции положение крестьян на кабинетских и казенных землях не изменилось. Временное правительство объявило о переходе кабинетских земель в казну. Весь аппарат управления был сохранен так же, как взимание всех платежей, налогов, выполнение всех видов повинностей.

Крестьянство вступило в решительную борьбу за ликвидацию старых порядков и самого кабинетского землевладения. Март и апрель 1917 г. были месяцами крупных революционных выступлений крестьянства Томской губернии. Донесения управляющего кабинетскими землями Маслова и его чиновников комиссару

---

[49] В. И. Сафронов. Октябрь в Сибири. Красноярск, 1962, стр. 77.

Временного правительства в Томск и Временному правительству в Петроград свидетельствуют об огромном размахе этого движения.

Совершенно понятно, почему подавляющее большинство делегатов (из 135—102) в ответ на вопрос анкеты, как крестьянство предполагает использовать разные категории казенных и кабинетских земель, заявило, что их избиратели требуют отобрать кабинетские и казенные земли и леса в пользу народа. Большинство делегатов этой группы не уточняло, как конкретно нужно поступить с этими землями и лесами. Некоторая часть делегатов заявляла, что всю землю нужно передать крестьянам, но леса сохранить за казной, чтобы казна за умеренную плату выдавала крестьянам лес на хозяйственные и общие нужды. Два делегата передали мнение своих избирателей, что земля должна быть передана крестьянам и разделена между ними, а леса должны быть переданы общинам. Один из делегатов потребовал разделить землю и леса поровну между всеми. Только три делегата, в том числе упомянутый выше эсер Анучин, записал в анкете: «Много просьб о наделении кабинетских земель в арендное пользование до Учредительного собрания»[50]. В данном случае Анучин не столько передал требование 25 тыс. жителей волости, сколько выразил линию эсеров в Сибири — кабинетские земли и пользование ими сохранить на тех же началах, на каких крестьянство пользовалось землей при царизме: сдавать ее в аренду.

Часть делегатов жаловалась, что крестьяне некоторых районов в недавнем прошлом в порядке межевания были лишены тех земель, которыми они пользовались исстари. Так, делегат от Корниловской волости Барнаульского уезда, старожил, член партии эсеров, пишет, что в Корниловской волости были казенные и кабинетские земли и леса; по проведенному незадолго до войны межеванию около 4 тыс. десятин сенокосов, лесов и озер было у крестьян отобрано в казну[51]. В Сибири со времени землеустройства, проводимого в интересах кабинета и казны, появился даже специальный термин «отборки» — так крестьяне называли отрезанные от них земли, леса и другие угодья. Они были не чем иным, как «отрезками», которые появились в деревнях Центральной России в результате реформы 1861 г.

Больше всего подрывало основы областничества то обстоятельство, что за передачу земли в распоряжение губернского народного собрания или местному самоуправлению высказалось от имени своих избирателей... 3 делегата из 135. Это было еще одним провалом областнической идеи. Областники в этот период революции считали необходимым распоряжение «сибирской землей» сохранить за «сибиряками» в лице местных сибирских органов власти.

---

[50] Госархив Томской обл., ф. р-549, оп. 1, д. 1, лл. 1, 6.
[51] Там же, л. 706—706 об.

4 делегата получили наказы потребовать раздела всех покосов и лесных участков поровну. 23 делегата или вовсе не ответили на вопрос о формах землепользования, или ответили неопределенно, вроде: «правильная эксплуатация», «с разрешения высших органов управления» [52] и т. п.

Таким образом, крестьянство Сибири выступало против областнических идей и в земельном вопросе.

Руководители сибирского областничества и эсеры считали не только допустимым, но в условиях Сибири и необходимым использование наемного труда в сельском хозяйстве. Социальной силой сибирской деревни, на которую областники могли опереться, было только кулачество, а хозяйство кулака без использования наемной силы существовать не могло.

В Сибири, особенно в Томской губернии, где было большое число маломощных переселенческих хозяйств и огромное число «неприписных» крестьян, т. е. переселенцев, не получивших земельных участков и не приписанных к старожильческим обществам, кулак всегда мог получить дешевую рабочую силу. Периодически в страдную пору могла быть нужда во временной наемной рабочей силе и в хозяйстве середняка и даже бедняка. Однако большинство крестьян считало, что обработка земли должна производиться только своими силами.

Все эти мнения нашли отражение в ответах 135 делегатов-крестьян на вопрос анкеты «Находит ли население, что обработка земли должна производиться только своими силами или оно допускает наемный труд? Если да, то в каком размере».

Большинство (82 делегата) от имени своих избирателей ответило на вопрос совершенно определенно: «своими силами». Часть делегатов (22 человека), передавая требование своих избирателей, записала: «Своими силами, а наемный труд, когда большая семья, мало трудоспособных или больные в семье». Некоторые из этой группы пишут, что наемный труд при обработке земли своими силами бывает необходим для поддержания хозяйства и особенно сельскохозяйственного инвентаря, для исправления которого требуются специальные знания (речь идет о простейших сельскохозяйственных машинах).

Группа делегатов в 16 человек в своих ответах твердо заявила: «наем рабочих допускается». Часто в их ответах есть попытки обосновать необходимость наемного труда в хозяйстве. Так, делегат от Убинской волости Каинского уезда, переселенец, пишет: «Если обрабатывать своим трудом, то хватит хлеба для своей только семьи, а кто же будет кормить население городов, фабрик и т. д.?» Делегат от Таремнинской волости Кузнецкого уезда, старожил, считает, что в хозяйстве без одного-двух наемных работников не обойтись [53]. Делегат от Успенской волости Змеиногор-

[52] Там же, лл. 668, 879.
[53] Там же, лл. 657, 661, 809, 812.

ского уезда, крестьянин-переселенец, занимающийся к тому же кузнечным и экипажным делом, представлявший почти 8 тыс. избирателей, передает их мнение: можно допустить наемный труд в хозяйстве, но предварительно должны быть наделены землей безземельные [54]. Последнее является, несомненно, требованием «неприписных» крестьян.

5 делегатов передали мнение своих избирателей о том, что землю следует обрабатывать коллективно. Так, делегат от Ново-Егорьевской волости Змеиногорского уезда записал, что землю следует обрабатывать «на кооперативных началах, совместная работа допустима» [55].

10 делегатов не ответили на этот вопрос или заявили: «не обсуждали», «воздерживаемся» и т. п.

Таким образом, из 135 делегатов 104 высказались за обработку земли своими силами. Здесь ясно сказались антикулацкие настроения подавляющего большинства сибирского крестьянства, видевшего в уравнительном землепользовании силу, способную ликвидировать кулацкое хозяйство, не допустить дальнейшего его развития.

* * *

На вопрос анкеты «Чего ждет от Учредительного собрания большинство населения?» все 135 делегатов от лица своих избирателей заявили, что отрицают всякую возможность восстановления царизма, его институтов, в том числе и Государственной думы.

Не все крестьяне представляли себе новую форму управления. Не все, вероятно, знали, что такое «демократическая республика». Но во всех случаях, когда в требованиях избирателей нет слов «демократическая республика», а есть слова «земля и воля», они сопровождаются требованиями разрешения земельного вопроса, отмены ряда повинностей и налогов, введения прогрессивно-подоходного налога.

Группа делегатов (49 человек) наиболее ясно выразила требование своих избирателей. Делегат от Большой Бороздатской волости Мариинского уезда, крестьянин-старожил, сочувствующий партии эсеров, от 6 тыс. избирателей выразил требование установления демократической республики, изъятия земли из оборота и торговли, введения прогрессивно-подоходного налога [56]. Делегат от Малышевской волости Барнаульского уезда, служащий из переселенцев, член социал-демократической партии (принадлежность к какой-либо фракции не указана) передал требования своих 8 тыс. избирателей в таких словах: «Реформа земельного пользования и управление налогов..., конфискация бывшего каби-

---

[54] Госархив Томской обл., ф. р-549, оп. 1, д. 1, лл. 240—240 об., 242.

[55] Там же, лл. 207, 210.

[56] Там же, лл. 638—638 об., 641.

нетского земельного фонда на пополнение наделов местного коренного населения и под колонизацию неприписного безземельного (крестьянства.— *И. Р.*)» [57].

Кроме демократической республики, эта группа требовала прежде всего земли, «справедливой, честной и ответственной власти», всеобщего образования, коренных преобразований в стране. К этой группе непосредственно примыкает группа из 20 делегатов, требовавших от лица своих избирателей «народовластия» или «равноправия» в политическом и экономическом отношении.

20 делегатов выразили требование своих избирателей в словах: «ждут лучшего», «новой счастливой жизни», «улучшение своего положения и всестороннего удовлетворения всех своих нужд». Делегат от Ординской волости Барнаульского уезда, беспартийный крестьянин-переселенец, пишет: «Поскорей бы улучшило жизнь. Ждут поскорей установления управления государством и издания законов» [58].

Крестьяне надеялись, что Учредительное собрание издаст новые законы, коренным образом изменяющие политический строй и их собственное положение. «Новых законов» от имени избирателей требовали 33 делегата. «Издание закона правды» требовали избиратели Чаусской волости Томского уезда [59]. Делегат от Новокрестьянской волости Барнаульского уезда, крестьянин-переселенец, беспартийный, передал требование своих 6 тыс. избирателей в Учредительное собрание: «Хороших дел, новых справедливых законов».

Некоторая часть крестьян и их делегаты не понимали, что такое Учредительное собрание, не знали, чем оно может быть полезно крестьянству. «Говорят, что будет Учредительное собрание, а что оно будет делать, не знают» [60],— пишет один из 9 делегатов, не давших ответа на вопрос «Чего ждет от Учредительного собрания большинство населения?». Делегат от Локтевской волости Змеиногорского уезда, учитель, член партии эсеров, пишет, что «понятие об Учредительном собрании очень смутное, а посему его значение и роль мало понятны» [61].

Некоторые делегаты считали, что Учредительное собрание будет направлять деятельность Временного правительства [62].

Из ответов всех 135 делегатов ясно, что не могло быть и речи о восстановлении монархии и сохранении старых порядков. Крестьяне ждали установления нового строя без царя, новых справедливых законов, земли. Большинство делегатов требовало от Учредительного собрания просвещения, доступного всем:

---

[57] Там же, лл. 602—602 об., 604.
[58] Там же, лл. 79—79 об., 81.
[59] Там же, лл. 943, 946.
[60] Там же, л. 750.
[61] Там же, лл. 314—314 об., 317.
[62] Там же, лл. 292.

всеобщего образования, бесплатного обучения. И только один делегат из 135 записал в анкете, что его избиратели ждут от Учредительного собрания, «чтобы жить было лучше, были бы школа и церковь»[63]. В ответах делегатов — это единственный случай упоминания о церкви.

* * *

Авторы анкеты включили в число вопросов и такой: «Как представляет население областное управление; в каких отношениях областное управление губернией должно стоять к общегосударственному управлению?» Суть этого вопроса меньше всего была ясна крестьянину-сибиряку в апреле 1917 г. Крестьяне мало им интересовались, так как не могли себе представить, что они граждане не Российского государства, а какого-то «сибирского». Тем более сибирский крестьянин, в том числе и старожил, не представлял себе, что его национальность может быть определена как «сибиряк» или «челдон». Нет ни одного случая, чтобы кто-либо из делегатов на вопрос о национальности ответил «сибиряк». Ответы гласили: «русский» (реже «великоросс»), «украинец» (реже «малоросс»), «белорус», «киргиз» и т. п.

Как показали осенние месяцы 1917 г., когда собирались областные сибирские съезды с целью провозглашения самостоятельности Сибири и создания Сибирской областной думы, областники не получили поддержки сибирского крестьянства. Лидеры областничества и эсеры, подхватившие эту идею с целью попытки отрыва Сибири от революционной России, шедшей к социалистической революции, вынуждены были с горечью признать свой полный провал в деревне. Крестьянство, даже старожильческое, отказывалось от «сибирского государства», не желало его.

Политическое сознание и политический опыт масс за первые полгода революции выросли. Под влиянием антинародного характера политики Временного правительства и его местных органов, под воздействием агитации и пропаганды большевиков и огромной массы сочувствующих им солдат-фронтовиков сибирское крестьянство, как и крестьянство всей страны, связывало свои надежды не с Временным правительством, а с Советами. Однако весной 1917 г., тотчас же после свержения царизма, сибирское крестьянство еще не во всем разбиралось, тем более в форме государственного управления и в требованиях областников. Это нашло выражение и в ответах делегатов-крестьян на губернском народном собрании.

Из 135 делегатов 50 человек передали мнение своих избирателей, что управление государством должно быть общенародным, что должно быть общегосударственное управление. Некоторая

[63] Госархив Томской обл., ф. р-549, оп. 1, д. 1, л. 539.

часть из этой группы делегатов подчеркивала: «отделения быть не должно», «губерния должна подчиняться государству».

Делегат от Горевской волости Томского уезда, крестьянин-переселенец, беспартийный, от имени своих 7 тыс. избирателей заявил, что «управление губернией должно находиться в тесной связи с управлением государства и руководиться таковой» [64]. Делегат от Ординской волости Барнаульского уезда, крестьянин-переселенец, выразил требование своих избирателей: «Как было раньше, пусть будет и дальше так. Отделения быть не должно» [65]. Делегат-старожил, представлявший Риддеровскую волость Змеиногорского уезда, писал: «Население видит в центральных учреждениях руководящие инстанции» [66]. Все делегаты этой группы совершенно определенно выступали против областнической затеи, против отделения губернии и Сибири от России.

За федерацию, автономию, за самостоятельное областное управление, за то, чтобы вся власть в губернии принадлежала только губернскому народному собранию, высказалось 28 делегатов. В подавляющем большинстве это члены партии эсеров, не землепашцы (учителя, волостные писари, служащие различных контор и т. п.). Например, делегат от Маралихинской волости Змеиногорского уезда, переселенец, эсер, секретарь сельского управления, записал в анкете: «Народным управлением с выбором своего губернского президента, с отделением от Европейской России, но под наблюдением Учредительного собрания» [67]. По-видимому, эта группа делегатов в ответах на вопрос анкеты выражала не столько мнение своих избирателей, сколько подсказанное им мнение некоторых уполномоченных по проведению выборов, зараженных областническим духом. Даже упомянутый выше лидер сибирских областников Анучин записал мнение своих избирателей по этому вопросу весьма туманно: «Ближайшая передача воле народа общегосударственного управления» [68]. Здесь, как видим, нет требования ни федерации, ни автономии области, ни передачи власти губернскому народному собранию.

Не случайно наибольшая группа делегатов (52 человека) на поставленный вопрос или вовсе не ответила или отвечала: «не ясно», «не обсуждали», «это население выяснит», «представление смутное». Делегат от Куранской волости Кузнецкого уезда указал, что избиратели не разобрались в таком важном вопросе. «В этом плохо разбираются»,— отметил в анкете и делегат от Локтевской волости Змеиногорского уезда [69]. То, что более трети делегатов не могло ничего определенного сказать, не является, конечно,

---

[64] Там же, л. 911—911 об.
[65] Там же, лл. 71—71 об., 78.
[66] Там же, лл. 144, 149.
[67] Там же, лл. 183—183 об., 189.
[68] Там же, лл. 6—6 об., 12.
[69] Там же, лл. 302, 307, 531, 539.

выражением безразличия крестьян к такому важному вопросу, как отношение областной, губернской власти к общегосударственному управлению. Признать их сочувствующими областнической идее нельзя; скорее следует считать, что избиратели этой группы делегатов были против отрыва Сибири, в том числе и Томской губернии, от общероссийского государства.

Из 135 делегатов 5 человек записали, что все эти вопросы должны быть решены Учредительным собранием.

* * *

Политические настроения сибирской деревни после Февральской революции не отличались от настроений деревни Центральной России. Однако в силу специфических условий Сибири — отсутствие здесь помещичьего землевладения и почти полное отсутствие частного землевладения — борьба крестьян против кабинетского землепользования и казны за землю, лес и другие угодья после свержения царизма сразу же оказалась направленной непосредственно против Временного правительства и его чиновников на местах, продолжавших старую, царскую земельную политику.

Старожильческое крестьянство было ущемлено тем, что в последнее десятилетие перед свержением царизма от их земельных угодий, расположенных на кабинетских и казенных землях, была отрезана часть земли в переселенческий фонд и для увеличения оброчных статей кабинета.

Переселенческое крестьянство, составлявшее более половины крестьянства губернии, находилось в еще более тяжелом положении. Это положение ухудшалось и тем, что среди переселенцев к 1917 г. было около 400 тыс. «неприписных», т. е. не имевших переселенческого земельного надела, не приписанных и к старожильческим обществам. Эта часть крестьян-переселенцев бродила по огромной территории губернии в поисках пристанища и клочка земли и составляла основную силу, батрачившую в кулацких хозяйствах.

После свержения царизма усилилась классовая борьба внутри сибирской деревни. Кулаки рвались к власти. Они стремились стать во главе сельских и волостных исполнительных комитетов, попасть в уездные и губернские органы. 21 мая 1917 г. в томской газете «Голос свободы» было опубликовано письмо без подписи из деревни Барнаульского уезда. Корреспондент, побоявшийся назвать свое имя, писал, что в «новую власть» забрались богатеи, кулаки; на сходах бедноте не дают говорить, угрожают арестами; кулаки заявляют: «...ты здесь не приписан и не имеешь голоса, живешь в какой-то гнилой избенке, а туда же лезешь говорить».

Огромную роль в революционизировании сибирской деревни сыграли солдаты. В городах Сибири, в том числе и в Томской губернии, находились крупные гарнизоны, насчитывавшие более

70 тыс. солдат. Совет солдатских депутатов Томского гарнизона возглавляли большевики. Крестьянская секция этого Совета вела большую работу в деревне. Особенно большую роль в революционизировании деревни сыграли солдаты-отпускники и возвращавшиеся в деревню солдаты-инвалиды. В мае 1917 г. эсеровская газета «Крестьянский союз» писала, что в Сибири, как и в Европейской России, «наблюдается недопустимое поведение солдат, находящихся в отпуске, и дезертиров; солдаты уговаривают народ не платить податей, арестовывают крестьянских начальников, опечатывают лавки, ...возбуждают народ против новых порядков и нового правительства» [70].

Из анализа материалов личных карточек и анкет крестьян-делегатов губернского народного собрания — ясно видно, что политические настроения трудового крестьянства Сибири никак не совпадали с программными заявлениями и практическими устремлениями партии эсеров. Численность этой партии не является свидетельством ее прочного влияния в деревне. В первые месяцы после Февральской революции за лозунг «Земля и воля!» было почти все крестьянство. Но те политические и жизненные представления, которые трудовое крестьянство Сибири вкладывало в этот лозунг, коренным образом противостояли программным положениям и политической практике эсеров.

Из анализа личных карточек и анкет делегатов губернского народного собрания видно, что крестьяне, именовавшие себя членами партии эсеров или сочувствующими им, сами и от лица своих избирателей передавали такие политические требования и настроения деревни, которые расходились с политической линией эсеров — защитников всей антиреволюционной политики Временного правительства и участников правительственной коалиции.

Характерно, что в 135 личных карточках и анкетах делегатов от сельских местностей Томской губернии в требованиях избирателей имеется только одна запись о том, чтобы «придерживаться программы эсеров» [71].

Летом и осенью 1917 г. в результате приобретенного политического опыта и хода событий в стране наступил период политического и партийного размежевания в деревне. Эсеровские организации уже приобретали явно выраженный кулацкий характер, основная их деятельность направлялась против усиления влияния большевиков в деревне, против нарастающей социалистической революции в стране.

Первые месяцы после Февральской революции выявили слабость работы большевиков в деревне. В Сибири это связано с тем, что большевики до осени 1917 г. почти везде входили в объединенные социал-демократические организации, которые слабо занима-

---

[70] «Крестьянский союз», 21 мая 1917 г.

[71] Госархив Томской обл., ф. р-549, оп. 1, д. 1, л. 207 об.

лись работой в деревне. После свержения царизма в ряде районов Сибири, в частности в Томской губернии, были образованы «коалиционные комитеты». В них вошли все «социалистические» организации, в том числе и большевики. Это находилось в резком противоречии с ленинскими указаниями и мешало наладить связь большевиков с массами не только в деревне, но и в городе.

Большевик в то время был редким гостем в деревне, а эсеры там дневали и ночевали, пытаясь вовлечь крестьян в ряды своей партии. Однако в ходе революции эсеры все-таки утрачивали свое влияние в деревне. Потерпели решительный крах в деревне и областники; деревня оказалась глухой к призывам областников о «свободной Сибири», о самостоятельной «сибирской республике». На протяжении всей революции 1917—1918 гг. подавляющее большинство крестьян Сибири резко выступало против областнических идей. Немалую роль в потере влияния эсеров в сибирской деревне в конце 1917 — начале 1918 г. играло то, что эсеры, пытаясь создать в Сибири плацдарм для борьбы с Советской властью в стране, подхватили идею сибирского областничества. Они ратовали за самостоятельное «сибирское государство», создали Сибирскую областную думу, чтобы организовать силы для борьбы против установившейся Советской власти как в центре страны, так и в Сибири. Сибирское крестьянство в конце 1917 — начале 1918 г., перестав верить эсерам, пошло за большевиками и поддержало власть Советов. В феврале — марте 1918 г. повсеместно в Сибири проходили губернские съезды Советов крестьянских депутатов, где принимались решения о признании власти Советов и об объединении с Советами рабочих и солдатских депутатов.

Острая борьба трудового крестьянства против интервентов и белогвардейцев, развернувшаяся под руководством большевиков по всей Сибири с осени 1918 г., достигла наибольшего размаха в массовом партизанском движении летом и осенью 1919 г. Эта борьба имела своим исходным пунктом политические настроения крестьянства Сибири после свержения царизма, защиту тех завоеваний, которые получило сибирское крестьянство после Октября.

Только власть Советов, только большевики могли дать крестьянству то, в чем они нуждались, за что они боролись: землю и свободу от кулацкой кабалы.

ПОДГОТОВКА ПРОЕКТА ДЕКРЕТА О ЗЕМЛЕ

★

Е. А. ЛУЦКИЙ

Декрет о земле представляет собой один из важнейших документов Великой Октябрьской социалистической революции. Этим актом советского аграрного законодательства было ликвидировано помещичье землевладение в России, земля помещиков перешла к крестьянам. Изучение истории Декрета о земле, положившего начало великим революционным аграрным преобразованиям в эпоху перехода от капитализма к коммунизму, имеет большое, всемирно-историческое значение. Между тем при наличии значительного числа работ, посвященных вопросам осуществления Декрета о земле, история подготовки его проекта еще не раскрыта в нашей исторической литературе, если не считать кратких замечаний в некоторых источниковедческих работах [1].

Изучение данного вопроса представляет большие трудности, поскольку проектов декрета и документов (протоколов и пр.) об их обсуждении, как и подлинника самого Декрета о земле и официальных копий с него, не сохранилось. Исследователь должен анализировать совокупность работ В. И. Ленина, участников Октябрьской революции, особенно М. А. Лурье (Ю. Ларина) и В. П. Милютина; собирать и обобщать замечания из воспоминаний участников революционных событий того времени, в частности М. В. Фофановой, Ф. И. Голощекина, П. В. Бухарцева, П. П. Подвойского, В. Д. Бонч-Бруевича, Н. К. Крупской, П. Х. Бодякшина, Д. М. Соловей, чтобы определить основные моменты подготовки и обсуждения проекта декрета до передачи его на рассмотрение II Всероссийского съезда Советов.

[1] Е. А. Луцкий. Воспроизведение текста декрета «О земле» в советских публикациях.— «Проблемы источниковедения», вып. XI. М., 1963, стр. 3—45; М. П. Ирошников. О тексте ленинского декрета «О земле».— «Исследования по отечественному источниковедению». М., 1964, стр. 90—99

В настоящей статье делается попытка разрешить эту задачу.

В. И. Ленин задолго до 1917 г. разработал аграрную программу большевиков, ставшую основой аграрного законодательства Октябрьской революции.

Доклад В. И. Ленина по аграрному вопросу на VII (Апрельской) Всероссийской конференции, предложенная им резолюция по аграрному вопросу, ставшая важнейшим документом, определявшим аграрную программу партии большевиков в период подготовки социалистической революции, и другие его доклады, речи, статьи, проекты резолюции по аграрному вопросу были важнейшей группой источников проекта Декрета о земле. Другой группой источников, близкой к первой, были постановления и резолюции партии большевиков, проекты постановлений и резолюций по аграрному вопросу различных съездов и организаций, работавших под руководством большевиков. Третьей важной группой были документы широких масс крестьянства, излагавшие требования о земле: постановления, резолюции, наказы крестьянских съездов и собраний.

Еще в 1902 г., работая над аграрной программой социал-демократической партии, В. И. Ленин указывал: «В такой „крестьянской" стране, как Россия, аграрная программа социалистов естественно является главным, если не исключительным, образом „крестьянской программой", программой, определяющей отношение к крестьянскому вопросу»[2]. Поскольку Россия и к 1917 г. осталась «крестьянской» страной, это положение В. И. Ленина сохранило свое значение и для определения аграрной программы большевиков в 1917 г. Известно, как внимательно относилась партия к требованиям крестьянства и как учитывала их в своей программе и практических решениях. Но было бы ошибочно полагать, что большевики просто принимали крестьянскую точку зрения. Они, как писал В. И. Ленин в 1908 г., ставили вопрос, «...*верна* ли эта точка зрения? соответствует ли она *объективным* хозяйственным условиям и ходу экономического развития?»[3]

Для Ленина важно объективное экономическое содержание крестьянских требований, какова бы ни была их внешняя, словесная форма, определенная наивными воззрениями крестьян или реакционно-утопическими идеями партии эсеров. Вот почему он придавал такое большое значение примерному наказу, составленному эсеровской редакцией «Известий Всероссийского Совета крестьянских депутатов» на основе 242 местных крестьянских наказов и опубликованному 19 и 20 августа 1917 г. в этой газете. В. И. Ленина не смущало, что эсеры постарались изложить требования крестьян в формулировках своей программы «социализации земли». Он видел по объективному содержанию крестьянских нака-

---

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 305.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 135.

зов, что они не могут быть выполнены под руководством эсеров в союзе с капиталистами.

В статье «Из дневника публициста. Крестьяне и рабочие», опубликованной 29 августа 1917 г., В. И. Ленин разобрал сводку 242 крестьянских наказов о земле и показал, что крестьянские требования могут быть осуществлены только при переходе политической власти к рабочему классу; тогда крестьянские идеи «недопущения наемного труда, «уравнительного землепользования» и т. п. получат новое содержание при создании крупного социалистического земледелия, объединении и социалистическом урегулировании мелких крестьянских хозяйств[4]. Он видел, что в условиях социалистической революции изменяется объективное экономическое содержание формулировок крестьянских наказов. Глубокую мысль выразил В. И. Ленин в замечательных словах этой статьи: «История, ускоренная войной, так далеко шагнула вперед, что старые формулы заполнились новым содержанием»[5].

Вряд ли можно сомневаться, что уже тогда у В. И. Ленина сложилось решение положить крестьянский наказ в основу советского земельного закона, который должен быть издан, как только власть перейдет к Советам. В статье «Задачи революции», напечатанной 26 и 27 сентября 1917 г., В. И. Ленин писал о безусловной и неотложной необходимости выполнения требований сводки 242 крестьянских наказов[6]. Намечая программу действий будущего Советского правительства, он определил меры, вытекающие из требований огромного большинства крестьянства:

«Советское правительство должно немедленно объявить частную собственность на помещичьи земли отмененною без выкупа и передать эти земли в заведование крестьянских комитетов, впредь до разрешения Учредительного собрания. В заведование тех же крестьянских комитетов должен быть передан и помещичий инвентарь с тем, чтобы он предоставлялся безусловно в первую голову и бесплатно для пользования беднейших крестьян»[7].

Мы видим, что эти меры были определены затем в Декрете о земле, почти дословно повторяя приведенные положения.

В середине октября 1917 г. В. И. Ленин в связи с приближением вооруженного восстания и необходимостью подготовки советского закона о земле снова стал работать над текстом сводного примерного наказа. М. В. Фофанова вспоминает, как он в разговоре с ней говорил, что наказ нужно положить в основу закона о земле[8]. Она передает важные замечания В. И. Ленина по ново-

---

[4] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 111.
[5] Там же, стр. 114.
[6] Там же, стр. 234.
[7] Там же.
[8] М. Фофанова. Ильич перед Октябрем 1917 года.— «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. I. М., 1956, стр. 537; «О Ленине. Воспоминания, рассказы, очерки». М., 1956, стр. 159.

ду статей 3-й и 4-й наказа о передаче государству земельных участков с высококультурными хозяйствами, рассадниками, питомниками, конскими заводами: «Смотрите, какая это прекрасная вещь! Вот это и будет нашей лазейкой, через которую мы перекроим эсеровскую социализацию...» [9] В этих словах ясно выражена ленинская мысль: после социалистической революции подобные государственные, т. е. советские, хозяйства станут формами социалистического хозяйства.

Одним из важнейших положений аграрной программы партии большевиков было положение о национализации земли. В статье 1-й крестьянского наказа было записано требование об отмене частной собственности на землю и обращении ее во всенародное достояние. Осуществление этого требования и есть объективно проведение национализации земли и, в условиях социалистической революции, переход земли в собственность Советского государства. При наличии в наказе такой статьи включать в первый советский закон особое положение о национализации земли не было никакой нужды. Еще в 1906 г. при разработке аграрной программы партии В. И. Ленин учитывал, что крестьянам трудно понять идею национализации земли, хотя она объективно наиболее соответствует их интересам.

«Чтобы устранить всякую мысль о том, — писал тогда В. И. Ленин,— будто рабочая партия хочет навязывать крестьянству какие бы то ни было проекты реформ независимо от воли крестьянства, независимо от самостоятельного движения внутри крестьянства, к проекту программы приложен *вариант* А, в котором, вместо прямого требования национализации, говорится сначала о поддержке партией стремления революционного крестьянства к отмене частной собственности на землю» [10]. В. И. Ленин так и поступил при подготовке проекта программы; он формулировал задачу партии следующим образом: «Добиваться отмены частной собственности на землю и передачи всех земель в общую собственность всего народа» [11].

Партия большевиков в период подготовки социалистической революции требовала передачи земли крестьянству через Советы крестьянских депутатов и крестьянские комитеты. I Всероссийский съезд крестьянских депутатов 25 мая 1917 г. принял резолюцию по аграрному вопросу, в которой было положение о передаче земель до Учредительного собрания «в ведение» земельных комитетов. Эсеры были вынуждены включить это положение в свой проект резолюции, чтобы не допустить принятия съездом резолюции, предложенной В. И. Лениным. Осуществление же этого требования должно происходить, как «разъясняли» эсеры, только пос-

[9] М. Фофанова. Как рождался Декрет о земле.— «Новый мир», 1960, № 4, стр. 145.

[10] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 268.

[11] Там же, стр. 269.

ле издания соответствующего постановления Временного правительства. Одним из маневров эсеров, связанных с этой резолюцией, был законопроект С. Маслова, обсуждавшийся Временным правительством в октябре 1917 г.[12] Требование о передаче земли в распоряжение земельных комитетов было подхвачено всеми крестьянскими организациями. Между тем с развитием крестьянского движения, переросшего осенью в крестьянское восстание, происходило значительное революционизирование низовых, волостных земельных комитетов, получивших к октябрю гораздо более широкое распространение по сравнению с волостными Советами крестьянских депутатов и другими крестьянскими организациями. В октябре некоторые областные съезды Советов и другие организации, руководимые большевиками, также стали принимать решения о переходе земель в распоряжение земельных комитетов[13]. Мы видим, как В. И. Ленин, зорко следивший за развитием крестьянского движения, выдвинул в статье 2-й Декрета о земле волостные земельные комитеты в качестве органов для осуществления конфискации помещичьих имений.

Наказ очень ясно формулировал решение вопроса об инвентаре. Статья 5-я устанавливала, что весь хозяйственный инвентарь конфискованных земель переходит в пользование государства или общины, т. е. также конфискуется. Далее следовало указание, что «конфискация инвентаря не касается малоземельных крестьян». Такой точности не было в формулировках о земле. В статье 1-й наказа говорилось, что вся земля, в том числе и крестьянская, «отчуждается безвозмездно, обращается во всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней». Наказ различал понятия «собственность» и «пользование», но все же приведенное положение могло оказаться непонятным трудящимся массам, особенно отдельным сословным группам, среди них, например, казакам. Поэтому В. И. Ленин счел полезным внести в проект декрета особое положение: «Земли (земля) рядовых казаков и рядовых крестьян не конфискуются (конфискуется)». Это положение дополняло наказ, разъясняло его положения, касающиеся земли. Ниже мы остановимся на вопросе — на какой стадии подготовки проекта декрета появилось это положение.

Таким образом, можно считать, что вопрос о структуре и содержании проекта декрета к 20—21 октября 1917 г. был для В. И. Ленина решен. Были написаны некоторые тексты, например, текст четвертого тезиса статьи «Задачи революции», приведенный выше, текст крестьянского наказа, уже подготовленный им для издания земельного закона. М. В. Фофанова рассказывает, как

---

[12] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 428—433.

[13] «Материалы по истории СССР». Документы по истории советского общества, вып. I. М., 1955, стр. 20, 21, 23, 28, 36—38; «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Документы и материалы. М., 1957, стр. 86, 87, 129.

она доставала в октябре 1917 г. № 88 «Известий Всероссийского Совета крестьянских депутатов» от 19 августа того же года, где был напечатан примерный наказ. Экземпляр, над которым работал В. И. Ленин в августе, наверное, был утерян или остался в одном из убежищ, где он скрывался в конце августа (Ялкале и т. д.). Фофанова помнит, как В. И. Ленин в разговоре о крестьянском наказе показывал ей «номер, в разных местах расчерканный своим карандашом» [14].

За несколько дней до открытия II Всероссийского съезда Советов (21 октября 1917 г.) происходило заседание Центрального Комитета партии большевиков, на котором обсуждались вопросы, связанные с подготовкой к съезду Советов. На заседании было решено подготовить доклады и разработать тезисы по вопросам повестки дня съезда. Разработка тезисов по вопросам о земле, о войне и о власти была поручена В. И. Ленину [15].

Напряженная работа, которой занят был В. И. Ленин в последние дни перед Октябрьским вооруженным восстанием, не дала ему возможности до начала восстания оформить проект советского земельного закона. Возможно, что это обстоятельство послужило причиной появления проекта, составленного другими лицами, обсуждавшегося на заседании Центрального Комитета большевиков в ночь на 25 октября. Это ночное заседание с участием В. И. Ленина, где впервые обсуждался вопрос о составе Советского правительства, мало освещено в литературе; о нем ничего не сообщается во многих исследованиях, посвященных истории Октябрьской революции [16]. От заседания не сохранилось никаких документов. Вероятно, поэтому оно не отмечалось в хрониках, в том числе в четырехтомной хронике событий Октябрьской революции [17]. Но о нем известно по воспоминаниям, как опубликованным, так и хранящимся в архивах. Оно кратко описано В. П. Милютиным. Поэтому составители и редакторы 35-го тома Полного собрания сочинений В. И. Ленина с достаточным основанием внесли его в даты жизни и деятельности В. И. Ленина [18].

В своих воспоминаниях о работе в Наркомземе, опубликованных впервые еще при жизни В. И. Ленина, В. П. Милютин рассказал следующее: «В знаменитую ночь переворота с 24 на 25 ок-

---

[14] М. Фофанова. Ильич перед Октябрем 1917 года, т. I, стр. 537; «О Ленине. Воспоминания, рассказы, очерки», стр. 159.

[15] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918». М., 1958, стр. 118.

[16] «История гражданской войны в СССР», т. 2. М., 1942. Раздел «Великая пролетарская революция (октябрь — ноябрь 1917 г.)»; Г. Н. Голиков. Великая Октябрьская социалистическая революция. М., 1959; И. Петров. Стратегия и тактика партии большевиков в Октябрьской революции. М., 1964; «История Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1962.

[17] «Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий», т. IV. М., 1961.

[18] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 546.

тября, когда в первом этаже Смольного в небольшой комнатке составлялся список первого Совета Народных Комиссаров, в эту же ночь вырабатывался и первый основной Декрет о земле. Я вошел в первый Совет Народных Комиссаров в качестве народного комиссара земледелия. Первый проект Декрета о земле был набросан мной и т. Лариным, но окончательная формулировка и написание проекта декрета принадлежит т. Ленину. Мы были лишены возможности долгого обсуждения...» [19]

Нам не удалось найти текста проекта Ю. Ларина (М. А. Лурье) и В. П. Милютина или каких-либо дополнительных сведений о нем: его нет в бумагах личных фондов Ларина и Милютина, о нем нет сообщений в неопубликованных автобиографических материалах данных лиц [20]. Из записей в дневнике Милютина об октябрьских днях 1917 г. сохранились лишь тексты, опубликованные впервые в 1918 г., а другие относятся к последующим годам [21]. В опубликованных же записях сообщается об обсуждении вопроса о названии и составе Советского правительства [22]. Но у нас нет оснований сомневаться в сообщении Милютина о его и Ларина проекте декрета, которое он повторял в печати несколько раз [23].

Попытаемся представить содержание проекта Ларина и Милютина и результаты его обсуждения. Из приведенного сообщения Милютина видно, что если потребовался другой проект — проект В. И. Ленина — с другой, «окончательной» формулировкой, значит проект Ларина и Милютина был отклонен Центральным Комитетом. Из слов Милютина «Мы были лишены возможности долгого обсуждения...» можно заключить, что проект двух авторов встретил серьезные возражения, вызвал дискуссию и требовал «долгого обсуждения». Что касается содержания проекта, то о нем или по крайней мере о его основных принципах можно судить на основании анализа взглядов по аграрному вопросу авторов проекта декрета, по их высказываниям во время Октябрьской революции о политическом положении и задачах аграрной политики.

Ларин высказал свои взгляды по аграрному вопросу еще в период первой русской революции 1905—1907 гг., когда он находился в рядах меньшевиков [24]. Но особую известность взгляды Ларина

---

[19] В. Милютин. Первые шаги.— «Сельскохозяйственная жизнь», 1922, № 7 (93), стр. 29.

[20] ЦПА ИМЛ, ф. 136, оп. 1, д. 1; ф. 296, оп. 1, д. 1; Архив Академии наук СССР, ф. 540, оп. 1—4.

[21] ЦПА ИМЛ, ф. 296, оп. 1, д. 10, лл. 1—6.

[22] В. Милютин. О Ленине. М., 1924.

[23] **В. Милютин.** Десять лет тому назад.— «Сельскохозяйственная жизнь», 1927, № 44-47, стр. 41. В другой редакции это сообщение см.: В. Милютин. Аграрная политика СССР. М.— Л., 1926, стр. 61; изд. 2-е, М.— Л., 1927, стр. 58; изд. 3-е. М.— Л., 1929, стр. 57.

[24] Ю. Ларин. Крестьянский вопрос и с.-д. Пг., 1907.

получили после того, как в период реакции, в 1910 г., он опубликовал в легальном московском журнале меньшевиков «Возрождение» серию статей о сельском хозяйстве [25]. Ларин старался показать, что с начала XX в. и особенно после 1905 г. наступил такой подъем русского земледелия, «расцвет сельского хозяйства» [26], который изменил общественно-экономическую структуру русской деревни. Развитие сельского хозяйства, по его мнению, уже к 1910 г. привело к «ясно выраженному все нарастающему перевесу капиталистического помещичьего хозяйства над крестьянским» [27].

В связи с такими изменениями экономики сельского хозяйства, Ларин рисовал картину новой расстановки классовых сил в деревне, а тем самым вообще в русском обществе. «Феодал-крепостники все более изолируются и слабеют...,— писал он, верхняя четверть крестьянства ограничивается и крепнет в подъеме своего хозяйства. Остальная - частью деморализована и бессильна сама по себе к творческим движениям...» [28] Отсюда у Ларина следовали политические выводы, характерные для меньшевиков-ликвидаторов. Поскольку описываемый им процесс изменений в сельском хозяйстве проявился с начала XX в., то он и был, по его мнению, главной причиной неудачи первой русской революции. «Высокая доходность земледелия обессилила революцию 1905—1906 гг.»,— писал Ларин в 1910 г. [29]. В будущем же он видел «невозможность... общенационального движения, имеющего место в 1905 г.» [30] Эти ликвидаторские политические выводы о невозможности буржуазно-демократической революции Ларин развивал в ряде последующих статей [31].

Экономические и политические выводы Ларина были разобраны и осуждены В. И. Лениным [32].

Сейчас нам важно отметить, что по представлению Ларина в хозяйстве России накануне первой мировой войны господствующее экономическое значение получило крупное капиталистическое хозяйство, а мелкое крестьянское хозяйство утратило прежнее преобладающее положение. Такое понимание экономики сель-

---

[25] Ю. Ларин. Перспективы южнорусского сельского хозяйства.— «Возрождение», 1910, № 4, стр. 39—50; № 5, стр. 17—30; он же. Приток средств в русское земледелие.— Там же, № 8, стр. 10—22; он же. Подъем русского земледелия и его общественно-политические исследования.— Там же, № 9-10, стр. 18—28.

[26] Там же, № 8, стр. 20.

[27] Там же, № 4, стр. 50.

[28] Там же, № 9-10, стр. 27.

[29] Там же, стр. 23.

[30] Там же, стр. 27.

[31] Ю. Ларин. Направо и кругом (К современному положению).— «Дело жизни». СПб., 1911, № 2, стр. 2—20; он же. Пути созидания.— Там же, № 5, стр. 13—20.

[32] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 186—207, 305—318.

ского хозяйства послужило основанием для следующего вывода Ларина: «Крупные *«капиталистические* сельские хозяйства должны быть переданы после конфискации (в интересах пролетариата) *городским* самоуправлениям или их союзам областным или общегосударственному» [33]. В пользование крестьян могла, по Ларину, перейти лишь земля, сдававшаяся помещиками крестьянам в аренду.

В августе 1917 г. Ларин вошел в партию большевиков и принял ее программу. Но как раз аграрная программа, предложенная В. И. Лениным, нуждалась, по мнению Ларина, в «тщательной редакции» [34]. Тем более он не мог понять предложения В. И. Ленина об осуществлении крестьянского наказа о земле, составленного в духе эсеровской социализации земли. В декабре 1917 г. Ларин написал предисловие к издаваемому сборнику своих статей, в котором утверждал: «По основному земельному вопросу пролетариат принужден был отказаться от своей программы и подчиниться „социализации", всегда неутомимо обличавшейся нами в экономической реакционности» [35]. На этом основании он считал, что социальное содержание октябрьского переворота заключалось в установлении «*фактической* диктатуры крестьянства, хотя бы даже в *формальной* оболочке диктатуры пролетариата» [36].

Милютин был членом Центрального Комитета партии большевиков [37], видным экономистом; занимался и аграрным вопросом, главным образом положением сельскохозяйственных рабочих [38]. В 1917 г. он не раз выступал по вопросу экономической политики партии в социалистической революции. У нас нет оснований считать, что Милютин не разделял аграрной программы большевиков, изложенной в резолюции по аграрному вопросу, принятой VII (Апрельской) Всероссийской конференцией. Но все же обращает внимание, что при изложении задач экономической политики он не уделял должного внимания крестьянским требованиям

---

[33] Ю. Ларин. Война и земельная программа. Пг., 1917, стр. 15.

[34] Ю. Ларин. Рабочие требования нашей программы.— «Рабочий путь», 21 октября 1917 г.

[35] Ю. Ларин. Крестьяне и рабочие в русской революции. Пг., 1918, стр. 2.

[36] Там же.

[37] Об избрании Милютина членом ЦК см.: «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 года. Протоколы». М., 1958, стр. 228. На VI съезде партии выборы проходили на закрытом заседании, и результаты их не оглашались, а список состава ЦК до настоящего времени не найден («Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы». М., 1958, стр. 252, 419, 439). О работе Милютина в составе ЦК, избранного VI съездом, см.: «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918».

[38] В. Милютин. Роль труда в сельском хозяйстве в связи с войной. [Харьков, 1915]; он же. Рабочий вопрос в сельском хозяйстве России. Пг., 1917; он же. Сельскохозяйственные рабочие и война. Пг., 1917.

о земле. В статье, посвященной пересмотру программы партии, он ничего не сказал об аграрной программе [39].

В докладе об экономическом положении, с которым Милютин выступил на VI съезде партии, мы находим по крестьянскому вопросу лишь замечание о том, что в результате захвата крестьянами помещичьих земель произошло увеличение посевов [40]. В заключительном слове он отстаивал лозунг «Земля — крестьянам» [41]. Послеоктябрьские работы Милютина по аграрному вопросу показывают, что он не сразу и не до конца понял экономическую закономерность раздела земли, отобранной у помещиков в пользование мелким крестьянским хозяйствам, считая его вынужденной мерой [42].

Во взглядах Милютина проявилось недостаточно глубокое понимание особенностей перехода к социализму такой страны, как Россия, в которой ко времени социалистической революции сохранились докапиталистические отношения и имели место многочисленные «простейшие проявления капитализма» [43].

Известно, что секция Апрельской конференции по пересмотру программы предложила переработать общую, теоретическую часть программы таким образом, что, по существу, в ней остался бы анализ лишь финансового капитала [44]. По поводу замечаний секции В. И. Ленин писал: «...теоретически неправильно выкинуть анализ обмена, товарного производства, кризисов и т. п. вообще и „заменить" этот анализ анализом империализма, *как целого*» [45]. Он указывал, что для России это было бы особенно неправильно, потому что «...в России очень еще немало областей и отраслей труда с переходом от натурального и полунатурального хозяйства к капитализму» [46].

Сказанное о взглядах Ларина и Милютина в 1917 г. по аграрному вопросу позволяет сделать вывод, что если даже их проект Декрета о земле формально был составлен на основе аграрной программы партии большевиков, то, вероятно, не учитывал необходимости последовательного осуществления передачи помещичьих зе-

---

[39] В. Милютин. К пересмотру партийной программы.— «Материалы к пересмотру партийной программы». Сб. статей. М., 1917, стр. 4—8 (статья датирована 2 июня 1917 г.).

[40] «Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы», стр. 151, 152.

[41] Там же, стр. 162.

[42] В. П. Милютин. Социализм и сельское хозяйство. М., 1919, стр. 34; он же. Аграрная политика СССР. М.— Л., 1926, стр. 92.

[43] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 146.

[44] «Замечания состоявшейся на конференции 24—29 апреля 1917 г. секции по поводу общей (теоретической) части программы».— «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 г. Протоколы», стр. 265—267.

[45] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 146.

[46] Там же.

мель крестьянам и тем более изложения его в форме крестьянских требований о земле, крестьянских наказов о земле и сводного примерного наказа.

Несомненно, что В. И. Ленин не был удовлетворен их проектом. В этом отношении важны воспоминания Ф. И. Голощекина, члена президиума фракции большевиков II Всероссийского съезда Советов, собравшего заседание фракции вечером 25 октября. Голощекин рассказывал о выступлении В. И. Ленина на этом заседании, в котором он говорил о задачах, связанных с переворотом: «Главным образом он остановился на доказательствах необходимости выдвинуть лозунг социализации земли. Чувствовалось, что он опасался, что большевики, привыкшие долгие годы спорить против „социализации", будут возражать, поэтому он штурмовал в своей речи эту позицию» [47]. Следовательно, В. И. Ленин отстаивал и обосновал необходимость использования крестьянского наказа о земле для составления Декрета о земле.

Основное положение будущего Декрета о земле — уничтожение помещичьей собственности на землю без выкупа — было включено В. И. Лениным в первые документы победившего восстания, принятые 25 октября: в обращение «К гражданам России», выпущенном от имени Петроградского Военно-революционного комитета, в резолюцию Петроградского Совета по докладу В. И. Ленина о задачах власти Советов и в обращение «Рабочим, солдатам и крестьянам» II Всероссийского съезда Советов [48].

Во время перерыва после первого заседания II съезда Советов, происходили переговоры руководителей партии большевиков с представителями левых эсеров; обсуждался вопрос об участии левых эсеров в работе съезда и о предстоящем обсуждении на съезде вопроса о земле. Вероятно, к этим переговорам относится сообщение П. В. Бухарцева, представлявшего тогда левых эсеров, что В. И. Ленин якобы «позабыл подготовить материалы к написанию соответствующего декрета» и левому эсеру А. М. Устинову пришлось отыскивать нужные материалы и «срочно писать» какой-то текст «по вопросу о землеустроительных комиссиях» [49]. По-видимому, тогда был согласован вопрос, что съезд Советов узаконит крестьянский наказ о земле, но к тексту наказа нужны были вводные положения и определение органов («землеустроительные комиссии»?), которые будут его осуществлять. Оформить же свой проект декрета В. И. Ленин смог лишь в ночь на 26 октября в Смольном и на квартире В. Д. Бонч-Бруевича [50]. У нас не может быть никаких сомнений в авторстве В. И. Ленина.

---

[47] «От Февраля к Октябрю (Из анкет участников Великой Октябрьской социалистической революции)». М., 1957, стр. 277.

[48] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 1, 4—5, 11—12.

[49] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 4, д. 197, л. 24.

[50] Н. И. Подвойский. Год 1917. М., 1958, стр. 147; В. Д. Бонч-Бруевич. Собрание сочинений, т. III. М., 1963, стр. 73, 74.

В предисловии к брошюре «Материалы по аграрному вопросу» он прямо писал о резолюции Апрельской конференции по аграрному вопросу и о Декрете о земле: «Тексты обоих этих документов в их первоначальном виде (т. е. *проекты*) были написаны мною» [51].

Днем 26 октября проходило заседание Центрального Комитета партии большевиков. Протокола или каких-либо других документов этого заседания не сохранилось, но по воспоминаниям участников известно, что на заседании обсуждался вопрос о составе, структуре и названии Советского правительства. О нем упоминается и в обращении ЦК РСДРП(б) «Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России», написанном В. И. Лениным и опубликованном 7 ноября 1917 г. [52] Очевидно, на этом же заседании были доложены и, может быть, обсуждались проекты Декрета о мире и Декрета о земле [53].

У нас нет каких-либо точных сведений о решении Центрального Комитета по проектам В. И. Ленина. Можно предположить, что они, во всяком случае проект Декрета о земле, не вызвали большого обсуждения. Принципиальные положения ленинского проекта Декрета о земле были уже известны из его статей в большевистской печати, а также из обсуждения и отклонения проекта Ларина и Милютина на заседании Центрального Комитета в ночь на 25 октября и из речи В. И. Ленина на заседании большевистской фракции съезда Советов 25 октября. Дальнейшая история проекта Декрета о земле подтверждает, что проект В. И. Ленина был одобрен 26 октября Центральным Комитетом партии большевиков.

Вероятно, тогда же с ним были ознакомлены руководители левых эсеров. Известно, что Центральный Комитет партии большевиков пригласил на свое заседание 26 октября трех виднейших левых эсеров — Б. Д. Камкова, В. В. Спиро и В. А. Карелина — и предложил им войти в состав Советского правительства [54]. На этом же заседании или во время другого заседания в тот же день шли переговоры с другими лидерами левых эсеров. Н. К. Крупская описывала совещание с представителями левых эсеров, происходившее, по ее словам, за два часа до открытия заседания съезда 26 октября: «В памяти осталась обстановка этого совещания. Какая-то комната в Смольном с мягкими темно-красными диванчиками. На одном из диванчиков сидит Спиридонова, около нее

---

[51] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 119.

[52] Там же, стр. 72—76.

[53] В предисловии к тому XV первого издания Собрания сочинений В. И. Ленина отмечалось, что в течение дня 26 октября 1917 г. В. И. Ленин предложил Центральному Комитету партии большевиков написанные им проекты Декрета о мире и Декрета о земле.— Н. Ленин (В. Ульянов). Собр. соч., изд. 1-е, т. XV. М., 1922, стр. 5; см. также другие тиснения этого тома: М.— Пг., 1923; М.— Л., 1924; М.— Л., 1925.

[54] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 72; т. 36, стр. 494.

стоит Ильич и мягко как-то и страстно в чем-то ее убеждает»[55]. Нельзя себе представить, чтобы во время переговоров об участии левых эсеров в Советском правительстве не обсуждался вопрос о политике Советской власти, особенно об аграрном законодательстве. Все данные говорят о том, что проект Декрета о земле не вызвал возражений со стороны левых эсеров. Н. К. Крупская вспоминала, как были приняты Декрет о мире и Декрет о земле: «Тут с эсерами договорились. Хуже обстояло дело с образованием правительства»[56]. Об отношении левых эсеров к ленинскому проекту Декрета о земле видно также из речи А. Л. Колегаева на заседании съезда Советов, в котором он заявил, что фракция левых эсеров проект, предложенный В. И. Лениным, «приветствует как торжество ее идеи»[57]. Фракция левых эсеров голосовала на съезде за утверждение Декрета о земле.

Особо следует остановиться на обсуждении проекта декрета на заседании фракции большевиков съезда Советов, проходившем 26 октября 1917 г. Об этом заседании, так же как и о заседании 25 октября, не имеется документальных источников. Оно не отмечено в исторических хрониках[58], биографии В. И. Ленина и датах его жизни и деятельности[59]. И тем не менее о заседании известно из воспоминаний его участников[60]. Особенно важны для нашей темы воспоминания И. Х. Бодякшина «Из недавнего прошлого», выявленные в Центральном партийном архиве М. И. Ирошниковым[61].

Из сообщений о выступлении В. И. Ленина на заседании фракции большевиков 25 октября 1917 г. видно, какое большое значение он придавал мнению фракции по аграрному закону. Но тогда у него еще не было готового текста законопроекта. 26 октября на заседании фракции, проходившем, очевидно, с участием членов Центрального Комитета партии, состоялось обсуждение проекта Декрета о земле.

По воспоминаниям Бодякшина, оглашение Л. Б. Каменевым проекта «наказа о земле», т. е. раздела о земле примерного кресть-

---

[55] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1957, стр. 319.
[56] Там же, стр. 318, 319.
[57] «Воля народа», 28 октября 1917 г.
[58] «Большевики Петрограда в 1917 г.» (Хроника событий). Л., 1957; «Борьба за упрочение Советской власти». Хроника событий 26 октября 1917 г.— 10 января 1918 г. М., 1962.
[59] «Владимир Ильич Ленин. Биография», изд. 2-е. М., 1963, стр. 372; «Ленин в 1917 году. Даты жизни и деятельности». М., 1957, стр. 111—113; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 546, 547.
[60] И. Х. Бодякшин. Из недавнего прошлого.— ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 552, лл. 3—17; «От Февраля к Октябрю», стр. 274—279; Д. М. Соловей. Выясните, как на местах относятся к лозунгам большевиков.— В кн.: «О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания, 1900—1922 годы». М., 1963, стр. 269, 270.
[61] М. П. Ирошников. Указ. статья, стр. 97—99.

янского наказа, вызвало массу поправок[62]. Однако выявленные источники не содержат сведений о конкретных поправках, кроме поправок Бодякшина. О своих поправках он сообщает следующее: «Я вношу три поправки: а) вставить слова «рядовых крестьян», где говорилось «земля крестьян и казаков не конфискуется и не отбирается», б) выбросить пункт, где говорится о том, что дезертиров лишать земли, и в) выбросить пункт об отдаче под суд за растаскивание имущества помещиков крестьянами.

Каменев[63] спросил мнение Владимира Ильича. Владимир Ильич против моих поправок не возражал. Поправки мои приняты...»[64]

Сообщение о внесении подобных поправок не вызывает сомнений. Оно подтверждается отчетами репортеров газет, в частности отчетом Д. Рида о выступлении на пленуме съезда «оборванного красноречивого солдата», как он назвал Бодякшина, говорившего о земельном наделе для дезертиров[65]. Но сообщение Бодякшина страдает неточностями и явно неверно в части принятия всех трех поправок.

Наибольшего внимания заслуживает первая поправка Бодякшина. Нам уже приходилось в связи с редакцией, разночтениями и местом расположения в тексте декрета абзаца «Земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются» высказывать предположение, что последний был дополнительно включен в проект декрета уже днем или вечером 26 октября и, может быть, написан рукой неизвестного нам лица[66]. Изучение опубликованных текстов декрета показывает, что первая поправка была принята независимо от того, какова была точная формулировка ее Бодякшиным.

Вторая поправка передана Бодякшиным неточно. Ни в тексте, написанном В. И. Лениным, ни в тексте крестьянского наказа не было пункта о том, чтобы дезертиров лишать земли. В статье 8-й крестьянского наказа говорилось, что в случае недостаточного земельного фонда для удовлетворения всего местного населения производится переселение в следующем порядке: «Желающие безземельные крестьяне, затем порочные члены общины, дезертиры и проч. и, наконец, по жребию или по соглашению»[67]. Видимо, это место и вызвало возражения Бодякшина, с которыми он выступил, внося поправку на заседании фракции, а затем на съезде. В своих воспоминаниях он писал, что В. И. Ленин не возражал

---

[62] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, л. 552, л. 10.

[63] По воспоминаниям Д. М. Соловей, председателем фракции был Я. М. Свердлов, а проект декрета огласил В. И. Ленин («О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания», стр. 270).

[64] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 552, лл. 10, 11.

[65] Джон Рид. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957, стр. 125.

[66] Е. А. Луцкий. Указ. статья, стр. 41—44.

[67] «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов», 19 августа 1917 г.

и против этой поправки и она была принята. Но этому трудно поверить. Если бы она была принята и внесена в проект декрета, то Бодякшину не пришлось бы снова выступать по этому вопросу на съезде. Поправка изменила бы текст крестьянского наказа. В. И. Ленин же считал наиболее правильным включить наказ в Декрет о земле без каких-либо изменений. Именно в этом смысле он говорил спустя несколько часов на заседании съезда: «...мы высказываемся против всяких поправок в этом законопроекте» [68]. Анализ опубликованного текста Декрета о земле показывает, что в наказ не была внесена эта поправка.

Отклонена была и третья поправка, но не потому, что она также относилась к крестьянскому наказу, как полагает Ирошников [69]. Третья поправка имела в виду положение статьи 3-й текста декрета, написанной В. И. Лениным: «Какая бы то ни была порча конфискуемого имущества, принадлежащего отныне всему народу, объявляется тяжким преступлением, караемым революционным судом» [70]. Известно, как В. И. Ленин и до составления проекта декрета, и после его утверждения решительно высказывался за организованное изъятие у помещиков земли и инвентаря, не допуская разрушения, порчи и расхищения имущества [71]. Поэтому третья поправка Бодякшина, несомненно, должна была вызвать возражение В. И. Ленина.

Воспоминания Д. М. Соловей служат хорошим свидетельством о твердой позиции В. И. Ленина при обсуждении его проекта Декрета о земле 26 октября, «когда шло бурное заседание фракции большевиков II Всероссийского съезда Советов» [72]. Он рассказывал: «Ленин огласил проект Декрета о земле, и когда завязались оживленные прения, слушал своих оппонентов с легкой усмешкой, а выступив в защиту проектов, убедительно доказал несостоятельность всех возражений» [73].

Возможно, что после обсуждения проекта декрета с членами Центрального Комитета, фракцией большевиков и руководителями левых эсеров В. И. Ленину потребовалось еще редактировать его. Фофанова вспоминает рассказ Милютина на одном из заседаний коллегии Наркомзема в 1919 г., как В. И. Ленин «редактировал этот декрет в Смольном, в комнате № 18», в комнате фракции большевиков ЦИК Советов [74]. Поздно вечером около 11 часов 26 октября В. И. Ленин предложил II Всероссийскому съезду Советов свой проект Декрета о земле.

---

[68] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 27.
[69] М. П. Ирошников. Указ. статья, стр. 99.
[70] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 24.
[71] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 419, 420, 427; т. 32, стр. 165, 169; т. 35, стр. 68, 69.
[72] Д. М. Соловей. Указ. статья, стр. 270.
[73] Там же.
[74] М. В. Фофанова. Как рождался Декрет о земле, стр. 147.

В заключение отметим, что изучение истории подготовки В. И. Лениным проекта Декрета о земле и обсуждения его руководящими органами партии большевиков помогает установить некоторые важные вопросы истории первого акта советского аграрного законодательства, в частности установить протограф Декрета о земле, определить в нем место крестьянского наказа. Это важно и для разработки биографии В. И. Ленина, для более глубокого понимания ленинских принципов аграрного законодательства Октябрьской революции и политики Коммунистической партии в борьбе за союз рабочего класса и крестьянства.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ В НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1918 г.

★

Э. В. ОСТРОВСКИЙ

Аграрный переворот, совершенный Великой Октябрьской социалистической революцией, положил начало социалистическому способу производства в сельском хозяйстве нашей страны. Содержавшаяся в ленинском Декрете о земле программа аграрных преобразований предусматривала национализацию всех земель и передачу их в пользование трудящихся. Процесс осуществления этой программы состоял из двух основных этапов — конфискации помещичьих и части кулацких земель и их распределения. Распределение земель, а также инвентаря следовало сразу же за конфискацией, завершенной в основном на территории Европейской России к весне 1918 г., и проводилось в течение всего 1918 г.

Авторы общих работ по истории аграрных преобразований Октябрьской революции справедливо уделяют большое внимание великой земельной реформе [1]. Ряд статей посвящен специально исследованию этой сложной проблемы [2]. Практические методы распределения оказались в различных местностях, как и предвидел

---

[1] Г. В. Шарапов. Разрешение аграрного вопроса в России после победы Октябрьской революции. М., 1961; П. Н. Першин. Аграрные преобразования Великой Октябрьской социалистической революции. Киев, 1962, (на укр. яз.).

[2] М. А. Снегирев. Великая Октябрьская революция и распределение земель в 1917—1918 гг.— «Вопросы истории», 1947, № 11; Е. А. Луцкий. Передел земли весной 1918 г.— «Известия АН СССР», 1949, № 3; он же. Развитие социалистической революции в деревне летом и осенью 1918 г.— «История СССР», 1957, № 5; В. Р. Герасимюк. Уравнительное распределение земель в Европейской части Российской федерации в 1918 г.— Там же, 1965, № 4.

В. И. Ленин, очень разнообразными [3]. Поэтому следует согласиться с мнением авторов упомянутых работ, подчеркивающих необходимость дальнейшего исследования особенностей процесса распределения на местах.

Настоящая статья посвящена истории распределения земель и инвентаря в Новгородской губернии. История аграрной революции 1917—1918 гг. в этом районе еще остается слабо изученной. При исследовании внимание сосредоточивалось на таких сторонах темы, как позиция мелкобуржуазных партий в вопросах распределения, роль комитетов бедноты, итоги распределения.

Среди миллионного населения Новгородской губернии накануне революции насчитывалось только 15 тыс. рабочих. Губерния включала в себя 8 уездов (Новгородский, Старорусский, Крестецкий, Мало-Вишерский, Демянский, Валдайский, Бологовский и Боровичский) и 124 волости [4]. Процесс становления Советской власти в губернии носил хотя и мирный, но затяжной характер. Во всех уездах Советская власть утвердилась лишь к марту 1918 г. Большую роль в установлении Советской власти на Новгородчине сыграла помощь рабочих и большевиков Петрограда, так как силы местных большевиков в то время были еще невелики [5].

Несмотря на попытки сопротивления кулацко-помещичьих элементов, засевших в ряде местных земельных органов, конфискация помещичьих имений прошла организованно и была в основном завершена к апрелю. Трудящееся крестьянство получило около 800 тыс. десятин — земельную площадь, равную почти половине площади надельных земель, которыми крестьяне пользовались до революции [6]. Распределение конфискованных земель началось весной 1918 г.

Известно, что крестьянским наказом, включенным в Декрет о земле, был установлен принцип уравнительного раздела земель. Принцип уравнительного землепользования не является социалистическим, так как он направлен на увековечение мелкого крестьянского хозяйства. Но в условиях незавершенной демократической революции он приобрел глубокое революционное содержание, так как был направлен против помещичьего землевладения. В наказе вместе с тем имелись и другие требования, осуществление которых в условиях пролетарской диктатуры означало действительные, а не иллюзорные шаги к социализму. Статья 3-я наказа устанавливала, например, что земельные участки с высококультурными хозяйствами «не подлежат разделу, а превращаются в показательные». Именно на базе этих хозяйств стали возникать первые ростки социализма в земледелии.

---

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 27.

[4] Сведения даны по административному делению 1918 г.

[5] В губернской организации большевиков к середине 1918 г. было 1000, а к началу 1919 г.— 3000 членов (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 179, л. 157).

[6] Госархив Новгородской обл., ф. р-482, оп. 2, д. 395, лл. 4, 8.

Эти два основных метода использования отчуждаемых земель и инвентаря рекомендовались и всем последующим законодательством. Так, Положение о земельных комитетах, опубликованное 13 (26) декабря 1917 г., предлагая земельным комитетам организовать «распределение земельного фонда и сельскохозяйственного инвентаря в уравнительно-трудовое пользование», требовало, чтобы комитеты занялись выделением, охраной и организацией культурных хозяйств [7].

Основным законом о социализации земли была установлена очередность предоставления земли гражданам. В первую очередь землей должны были обеспечиваться безземельные и малоземельные крестьяне, а также местные батраки. По настоянию большевиков в закон было включено указание на необходимость при распределении земель оказывать предпочтение сельскохозяйственным товариществам перед единоличными хозяйствами [8].

Так как основной закон был принят в период существования блока большевиков с левыми эсерами, в нем нашли отражение некоторые левоэсеровские идеи. Видя в уравнительном разделе земель конечный пункт всей аграрной революции, они добились включения в закон инструкции о вычислении так называемой общерусской потребительно-трудовой нормы. Вычисление этой нормы требовало гигантских землемерно-статистических работ, а реализация потребовала бы переселения огромных масс населения. Изданная Наркомземом в апреле 1918 г. Инструкция переходных мер по проведению в жизнь Основного закона о социализации земли рекомендовала местным земорганам делить землю простейшим способом — по едокам. Инструкцией (§ 5, 14, 19) было подтверждено и детализировано указание Основного закона о необходимости предоставления преимуществ коллективным хозяйствам [9].

Основные принципы распределения земель, изложенные в советских законах, предусматривали, таким образом, проведение преобразований как демократического, так и социалистического характера. Глубина преобразований того и другого рода зависела от конкретного соотношения классовых сил в отдельных районах страны.

Советская власть установилась в Новгородской губернии к моменту начала распределения земель. Положение ее весной 1918 г. еще не было вполне прочным. Во многих волостных Советах хозяйничали кулаки и интеллигенты правоэсеровского толка. В уездных Советах еще сильны были мелкобуржуазные элементы, представлявшие преимущественно левых эсеров. Влияние эсеров было значительно и в губернском Совете. Данные табл. 1

---

[7] «Аграрная политика Советской власти. 1917—1918 гг.». Документы и материалы. М., 1954, стр. 133.

[8] Там же, стр. 138.

[9] «Голос трудового крестьянства», 11 апреля 1918 г.

отражают партийный состав губернского исполнительного комитета в конце 1917 — начале 1918 г.

Как видно из данных табл. 1, влияние левых эсеров в первой половине 1918 г. несколько возросло. Решение порвать с правым крылом своей партии, а также линия на поддержку Советской власти, проводившаяся, хотя и не без колебаний, левыми эсерами, несколько подняли их влияние в массах. Сказывался и тот факт,

Таблица 1

Партийный состав Новгородского губисполкома
(декабрь 1917 — май 1918 г.)*

	Число членов исполкома на					
	4 декабря 1917 г.		28 февраля 1918 г.		12 мая 1918 г.	
	число	%	число	%	число	%
Большевики . . .	25	69	23	57,5	14	56
Левые эсеры . .	5	14	9	22,5	10	40
Правые » . .	—	—	2	5,0	—	—
Меньшевики . . .	6	17	1	2,5	1	4
Беспартийные . .	—	—	5	12,5	—	—

* Таблица составлена по материалам следующих изданий: «Красная летопись», 1927, № 3(24), стр. 41; «Известия Новгородского Совета рабочих и солдатских депутатов», 5 марта и 16 мая 1918 г.

что местная большевистская организация не сумела еще в тот период установить прочных связей с деревней. Между тем, левые эсеры сохранили руководство во многих советских земельных органах. В их руках был и губернский земельный отдел. В местных инструкциях по распределению земель и инвентаря, изданных весной 1918 г., нашли отражение эсеровские теории.

Первые местные инструкции о порядке использования конфискованных имений исходили от губернского земельного комитета. Они были изданы в ноябре — декабре 1917 г. В этих документах, составленных кадетами и правыми эсерами, сидевшими в губернском земельном комитете, явно проглядывало стремление авторов сохранить любыми способами, если не полностью, то хотя бы частично, помещичью собственность. Так, Инструкция по передаче земель в ведение земельных комитетов от 17 декабря предусматривала конфискацию лишь небольшой части помещичьих имений [10]. Но и из этих имений предполагалось передать крестьянам далеко не все земли, а только часть их, а именно: 1) земли, обычно находившиеся в пользовании крестьян на условиях аренды; 2) земли, в течение последних пяти лет всецело обрабатывавшиеся

[10] ЦГАНХ СССР, ф. 478, оп. 6, д. 197.

наймом крестьянского инвентаря; 3) земли, добровольно (!) передаваемые их владельцами в арендный фонд (§ 75, 76, 79). Но и этими жалкими «добровольными даяниями» помещиков могли воспользоваться лишь состоятельные крестьяне, ибо инструкция предполагала образовать из конфискуемых земель так называемый арендный фонд, пользоваться которым можно было лишь за плату. Дополнительное препятствие бедноте ставила и статья 85-я инструкции, гласившая: «Земля не может быть предоставлена тем хозяйствам, наличный земельный запас которых полностью или частично остается необработанным».

Таким образом, кадетско-эсеровское распределение было по сути дела лишь перераспределением издавна арендуемых у помещиков крестьянами земель, причем таким перераспределением, которое было выгодно кулачеству [11]. Но правоэсеровским проектам земельной реформы не суждено было осуществиться. В марте 1918 г. была ликвидирована вся система старых земельных органов во главе с губернским земельным комитетом. Они были заменены земельными отделами Советов. Руководство осуществлением земельной реформы в губернии всецело взял на себя губернский земельный отдел Новгородского Совета. Направление земельной политики в губернии с этого времени изменилось.

Если линия губернского земельного комитета резко расходилась со всем советским аграрным законодательством, то направление политики губернского земельного отдела, руководимого левыми эсерами, было иным. Левые эсеры извлекли уроки из провала земельной политики своих собратьев по партии — правых эсеров. Они не могли не считаться с единодушным одобрением крестьянством Декрета о земле, с фактом успешного осуществления к весне 1918 г. первого этапа аграрных преобразований — конфискации помещичьих земель, а также с тем обстоятельством, что коммунисты в губернском и многих уездных Советах имели прочное большинство. Поэтому в изобилии издававшиеся земельными отделами губернии с марта 1918 г. документы о проведении распределения земель и инвентаря уже исходят из важнейших принципов советского аграрного законодательства по этому вопросу. Все же левые эсеры остались верными себе, их природа, природа мелкобуржуазной партии, осталась неизменной. При решении ряда практических вопросов распределения левые эсеры нередко выступали как защитники кулачества.

В течение марта — апреля губернский земельный отдел издал шесть инструкций по различным вопросам распределения поме-

---

[11] Идеи, изложенные в инструкции губернского земельного комитета, отнюдь не были оригинальными, они лишь отражали содержание законопроектов и циркуляров правых эсеров Маслова, Ракитникова, руководивших до революции Министерством земледелия (Е. А. Луцкий. Передел земли весной 1918 г.— «Известия Академии наук СССР». Серия истории и философии, т. VI, № 3, 1949, стр. 231).

щичьих земель и инвентаря, а также о перераспределении крестьянских земель [12]. Кроме того, ряд инструкций разработал губернский съезд земельных отделов, проходивший в Новгороде с 21 по 25 апреля [13]. Применительно к местным условиям некоторые уездные и волостные земельные отделы издавали свои указания по распределению. Содержание всех этих документов сводилось к следующим вопросам: 1) установление категорий земель, подлежащих разделу; 2) определение категорий населения, получающих землю и инвентарь, и установление очередности наделения; 3) выбор исходной единицы и определение нормы наделения.

Как же решались эти важнейшие вопросы земельной реформы местным аграрным законодательством? Судьба помещичьих земель уже ни у кого из авторов указанных инструкций не вызывала сомнений: все эти земли вместе с инвентарем должны были поступить в раздел, лишь немногие, наиболее культурные, имения сохранялись для организации в них показательных хозяйств. Особую остроту приобрел теперь вопрос о судьбе крестьянских земель — купчих, хуторских, надельных.

Дело в том, что в губернии основная часть ценнейших угодий — около $^{9}/_{10}$ усадебной земли, пашни и сенокосов — сосредоточивалась в крестьянском земельном фонде [14], основные же богатства конфискованных помещичьих имений состояли в лесных угодьях. Естественно, что удовлетворить крестьянскую бедноту культурными землями (пашней, сенокосами) только за счет помещичьих имений было невозможно. Беднейшие хозяйства получили бы в этом случае незначительную прирезку культурных земель — около 2 десятин на хозяйство — и то лишь при условии, что вся помещичья земля перешла бы к этим хозяйствам [15]. Поэтому без перераспределения крестьянских земель удовлетворить крестьянскую бедноту в губернии было невозможно. Тем не менее первые из инструкций, составленных губернским земельным отделом, обходили полным молчанием вопрос о крестьянских землях. В них давались подробные рекомендации о порядке распределения помещичьих земель и только. Однако в некоторых волостях помещичьих земель не было. Из уездов все чаще стали поступать сообщения о самовольных переделах крестьянами общинных земель. Поэтому в циркуляре от 10 апреля левоэсеровский губернский земельный отдел решился, наконец, ответить на

[12] «Землепользование», 1918, № 1, 2, 7.

[13] «Приложение к журналу заседаний Новгородского губернского съезда земельных отделов, состоявшегося 21—25 апреля 1918 г. при Новгородском губернском земельном отделе». Новгород, 1918.

[14] «Итоги сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по Новгородской губернии», т. III. Новгород, стр. 27.

[15] Вычисления сделаны автором статьи по «Итогам сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по Новгородской губернии», т. III, стр. 10, 27.

«настойчивые требования части крестьян переделить общинную землю по едокам» [16]. Каков же был этот ответ? Крестьянам вновь предлагалось обождать с переделом надельных земель до тех пор, пока не будут выработаны нормы наделения. Все же совершенно запретить переделы приверженцы «потребительно-трудовых норм» не могли. Циркуляр допускал возможность передела крестьянских земель, правда, только «в крайнем случае» и «каждый раз с особого разрешения волостного Совета» [17].

На губернском съезде земельных отделов (21—25 апреля) развернулась острая борьба между представителями бедноты и кулачества. Делегаты в своих выступлениях вскрыли картину классовой борьбы, разгоревшейся в крестьянской среде на почве распределения земель. Делегат Старорусского уезда говорил: «Имущие запугивают и запутывают малоземельных, а последние с оружием в руках готовятся к захвату земли. Все это создается ввиду невыясненности земельного вопроса» [18]. Представители уездов обвиняли левоэсеровский губернский земельный отдел в недопустимой затяжке с изданием подробных указаний о порядке распределения всех земель без исключения. Один из делегатов (большевик) предложил следующую резолюцию: «Впредь до проведения в жизнь закона о социализации земли волостные земотделы обязаны всю надельную, пахотную и сенокосную землю временно уравнять между гражданами» [19]. Однако левоэсеровское большинство съезда отклонило это предложение. Съезд принял обширную Инструкцию о временных мерах по урегулированию земельных отношений в Новгородской губернии в 1918 г. Статья 1-я инструкции содержала следующую рекомендацию: «Впредь до проведения закона о социализации земли от переделов земли следует воздержаться...» [20], и все же в этом документе уже шла речь о разделе покупных и хуторских земель; излишки их предлагалось отбирать и передавать безземельным и малоземельным того селения, в районе которого эти земли находятся.

Так решался местными органами вопрос о составе земель, подлежащих переделу.

Кому же должны были достаться эти земли, т. е. каков был состав населения, подлежащего наделению землей? В инструкциях губернского земельного отдела, изданных весной 1918 г., указывалось, что право пользования землей предоставляется всем гражданам, проживающим в данной местности и нуждающимся в земле. Однако в них не подчеркивалось, как это делалось в советском законодательстве, право батраков, безземельных и малоземельных крестьян получать землю в первую очередь. Духовен-

---

[16] «Землепользование», 1918, № 1, стр. 5.
[17] Там же, стр. 6.
[18] Госархив Новгородской обл., ф. р-482, оп. 2, д. 102, л. 11.
[19] Там же.
[20] Там же, д. 105, лл. 85—86.

ство и бывшие помещики могли получить землю «...в одинаковом с крестьянами размере» [21]. В инструкцию включено было также указание на необходимость предоставления преимуществ коллективным объединениям: «Наделять землей в первую голову следует того, кто будет работать в товариществе, на общинных или артельных началах» [22]. Однако на практике левые эсеры еще долго препятствовали развитию коллективного земледелия в губернии [23].

Существенное значение при распределении земель имел выбор разверсточной единицы. Из них в практике распределения наиболее часто встречались следующие: по едокам, по рабочей силе, по числу скота. Ясно, что наиболее выгодна бедноте была первая из указанных единиц. Вторая могла быть использована кулачеством, поскольку при определении рабочей силы учитывалась и хозяйственная мощность крестьянской семьи. Третья единица всецело соответствовала интересам кулачества и полностью противоречила интересам бедноты. Апрельский съезд земельных отделов принял компромиссное решение: было предложено землю делить по едокам с учетом рабочей силы (§ 5 Инструкции о временных мерах).

Предметом длительных споров был вопрос о нормах наделения. Первоначально губернский земельный отдел намеревался выработать общегубернскую норму, но уже очень скоро стало ясно, что для этого потребуются многочисленные статистические и землемерные материалы. Решено было ограничить уравнение масштабами волости. На практике далеко не всегда выдерживалась и волостная норма; дело ограничивалось уравнительным распределением внутри селений. Так, Крестецкий уездный земельный отдел сообщал, что в уезде было решено «выработать свою временную потребительско-трудовую норму не для всего уезда, а в отдельности для каждого селения, потому что наша Новгородская губерния, и. в частности, и Крестецкий уезд, почти в каждом селении имеют различную почву и норма общая для всей России или губернии не может быть на местах применима» [24]. Отказался от установления единых норм в уезде и Валдайский уездный земельный отдел; он установил лишь предельные нормы (минимум и максимум) душевого земельного обеспечения: от 4 до 7 десятин. При определении конкретной нормы в каждом селении компетентная комиссия тщательно учитывала качество земли [25]. Таким образом, жизнь очень скоро обнаружила несостоятельность эсеровских проектов всеобщей уравнительной «стрижки».

---

[21] «Землепользование», 1918, № 1, стр. 8.

[22] Там же, № 7, стр. 4.

[23] Э. В. Островский. Возникновение колхозов в Новгородской губернии (1917—1918 гг.).— «Очерки социально-экономической и политической истории СССР». М., 1963.

[24] ЦГАНХ СССР, ф. 478, оп. 6, д. 378, л. 113.

[25] «Землепользование», 1918, № 8—9, стр. 14.

Практика распределения вскрыла несостоятельность и других установок левых эсеров по коренным вопросам земельной реформы. Основная причина их неудач состояла в том, что при определении своей аграрной политики они исходили из ошибочного представления о крестьянстве как о едином нераздельном классе. Но единство в борьбе против помещиков не могло сохраниться надолго. На неизбежность политического размежевания крестьянства с развитием аграрной революции не раз указывал В. И. Ленин: «Возьмем вопрос о земле: земля объявлена народным достоянием, и все виды собственности уничтожаются. Этим сделан великий шаг к уничтожению эксплуатации... Здесь разгорится борьба между богатеями и трудящимися крестьянами...» [26] Распределение земель в Новгородской губернии действительно вызвало острейшую борьбу между двумя социальными полюсами деревни. Председатель Новгородского уездного земельного отдела в своем докладе уездному съезду Советов (15—16 мая) говорил, что в ходе осуществления Декрета о земле местные Советы «...натолкнулись на богатое крестьянство, которое тормозило нашу работу всеми силами, стараясь подорвать авторитет Советской власти... Были случаи, когда приходилось прибегать к вооруженной силе, посылать милиционеров для устрашения зажиточных крестьян, противящихся проведению в жизнь этого священного для всего русского народа закона» [27]. Свидетельство такого же характера содержится в отчете Крестецкого уездного земельного отдела, где говорится, что при распределении земель «приходилось в нескольких случаях посылать и вооруженную силу, а все получалось из-за несознательности граждан, подбиваемых кулаками» [28].

Чем же вызывались эти столкновения? Распределение земель обычно проходило три основные стадии. Оно начиналось, как правило, с уездного съезда земельных отделов, где решался вопрос о распределении конфискованных земель между волостями. Иногда возникали конфликты при распределении бывших частновладельческих угодий, расположенных в пределах двух или трех волостей. Но они, как правило, разрешались комиссиями, состоявшими из представителей заинтересованных волостей.

Вторая стадия распределения — разверстка конфискованных земель между селениями внутри волости. Основанием для распределения земли между селениями служили обычно заявления сходов в волостной земельный отдел. Эти заявления удовлетворялись в том случае, если селение испытывало нужду в земле. Обычно селения получали ту землю, которую местные крестьяне издавна брали в аренду у помещика. Крестьяне деревни Екимово, например, обратились с просьбой в Домашевский волостной

---

[26] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 326.

[27] «Известия Новгородского Совета рабочих и солдатских депутатов», 28 мая 1918 г.

[28] ЦГАНХ СССР, ф. 478, оп. 6, д. 378, л. 113.

исполнительный комитет представить им 109 десятин бывшей частновладельческой земли, граничащей с их надельной землей. Они мотивировали свою просьбу тем, что надельной земли и покоса у них очень мало (менее 5 десятин на двор) и приходится всегда приискивать землю на стороне. Просьба крестьян была удовлетворена, причем было предложено проект распределения земли между домохозяевами деревни представить на утверждение волостному земельному отделу[29]. При распределении земель между селениями земельные отделы стремились уменьшить распространение межселенной чересполосицы, чрезвычайно затруднявшей ведение хозяйства. Итог распределения земель между селениями обычно сообщался в уездный земельный отдел.

Обе эти стадии проходили сравнительно спокойно. Крестьянство волости или селения, получая землю «на круг», т. е. на всю волость или селение, выступало еще как единое целое. Противоречия между беднотой и кулачеством вспыхивали на третьей стадии распределения — во время раздела земель внутри селения. Беднота и кулачество стояли здесь лицом к лицу. Споры возникали уже при распределении прирезанных селению бывших помещичьих земель. Кулаки стремились оставить за собой большую часть помещичьих земель. «Эти вампиры подбирали и подбирают себе в руки помещичьи земли, они снова и снова кабалят бедных крестьян»,— писал В. И. Ленин, характеризуя обстановку в деревне в начале 1918 г.[30] О подобных устремлениях кулачества говорил на съезде Советов Новгородского уезда председатель уездного земельного отдела. Местное кулачество старалось «захватить землю, полагая что захваченные ими в этом году земли останутся за ними навсегда, при этом кулаки не желали «подумать о своем брате малоземельном крестьянине»[31]. Но особенно острыми столкновения между беднейшим и зажиточным крестьянством становились при распределении крестьянских земель. Тот же докладчик так рисует развитие противоречий между двумя полюсами деревни в ходе распределения земель: «Первым делом мы старались наделить безземельных и малоземельных крестьян из земель помещичьих, казенных, удельных, церковных и монастырских, но во многих волостях этих земель совершенно нет или имеется весьма недостаточное количество. И вот приходилось брать землю от многоземельных крестьян и пополосно наделять малоземельных и безземельных. Но тут мы столкнулись с мелкобуржуазным классом крестьянства..., имеющим землю в количестве, большем трудовой нормы, имеющим купчую землю, надельную землю и, наконец, с крестьянством, которое хорошо устроилось при помощи знаменитого столыпинского закона на хуторах...

---

[29] Госархив Новгородской обл., ф. р-26, оп. 1, д. 14, л. 8.

[30] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 41.

[31] «Известия Новгородского Совета рабочих и солдатских депутатов», 28 мая 1918 г.

Все эти элементы крестьянства, естественно, противодействовали проведению в жизнь закона о социализации земли»[32]. Исход этой борьбы зависел от организованности сельской бедноты, от партийного состава местных Советов. Крестьянской бедноте, несмотря на ее слабую организованность и засилье кулаков во многих волостных и сельских Советах, все же нередко удавалось уже весной проводить распределение земель по-своему, т. е. делить по едокам земли всех категорий. Так, собрание председателей сельских земельных отделов Коростинской волости Старорусского уезда постановило «распределить землю по едокам»[33]. Натиск бедноты на кулачество в Старорусском уезде был особенно силен, ибо помещичьих земель здесь было мало. Сход крестьян деревни Песьево Должинской волости 4 апреля 1918 г. постановил «распределить и уравнять землю... на каждого едока... по равной части»[34]. Крестьяне настойчиво требовали от земельных органов санкционирования их действий.

Старорусский уездный земельный отдел, не дожидаясь указаний губернского земельного отдела, принял 17 апреля 1918 г. постановление об уравнении всех земель в уезде, предложив волостным Советам решительно проводить эту меру, помня, «что собственности на землю теперь нет»[35]. Однако кулачество не хотело забывать о своих правах собственников. В земельные отделы уезда поступало множество сообщений из деревень о том, что зажиточные крестьяне «не желают уступить земли по соглашению с обществом, даже угрожают: или мне лечь на своей полосе, или вам, а на полосу не пущу!» (деревня Бельково). Один из кулаков деревни Великие Нивы после постановления сельского схода об уравнении земли по едокам заявил: «Не имеете права пахать мою землю, а то я в противном случае... приступлю к драке». В другом селении кулаки самовольно вспахали отобранную у них при уравнении землю и, по сообщению сельского комитета, саботировали Советскую власть[36].

Большое количество хранящихся в фондах волостных исполкомов приговоров о перераспределении всех земель по едокам свидетельствует о том, что беднота зачастую уже весной 1918 г. выходила победительницей в этой борьбе. Об этом же говорит в своих воспоминаниях крестьянин Новгородского уезда: «Когда пришел Октябрь, то крестьяне в первую очередь взяли поповскую землю и вместе со своей поделили по наличию едоков»[37]. Беднота взяла верх и в деревне Кленино Маловишерского уезда: «После революции наше общество взяло часть земли у соседнего помещи-

---

[32] Там же.
[33] Там же, 16 апреля 1918 г.
[34] Госархив Новгородской обл., ф. р-23, оп. 1, д. 8, л. 25.
[35] Там же, л. 66.
[36] Там же, д. 6, лл. 63, 76, 92.
[37] «Звезда», 3 ноября 1927 г.

ка; поделили между собой. Все же нам, бобылям, земли не досталось. Стали мы об уравнении земли толковать. Беднота хочет, а кто позажиточнее — против идут... Все-таки бедноте удалось сделать уравнение» [38].

Анкета Наркомзема, заполненная весной 1918 г. почти половиной волостных земельных отделов губернии, позволяет сделать статистически обоснованные выводы о наиболее распространенном способе распределения земель. Из 90 волостных земельных отделов, ответивших на соответствующий вопрос анкеты, 75 указали, что распределению подвергались не только помещичьи, но и земли всех остальных категорий: купчие, хуторские, надельные. Основанием при распределении в большинстве случаев служили следующие разверсточные единицы: «по едокам», «по числу трудящихся» [39]. Таким образом, левоэсеровские циркуляры губернского земельного отдела, настойчиво рекомендовавшие крестьянам воздерживаться от переделов общинных земель, были перечеркнуты жизнью.

На основе передела земель всех категорий беднота получила землю. Но получив ее, крестьянин-бедняк сразу же ощутил, что «одною землею сыт не будешь», что «землю есть нельзя». Распределение земли вплотную подводило трудящееся крестьянство к следующему шагу в аграрной реформе, к распределению других важнейших средств сельскохозяйственного производства: скота и инвентаря. Вопрос о распределении инвентаря для новгородского крестьянина приобретал особое значение: в губернии свирепствовал голод, к весне съедены были даже скудные запасы семян; бедноте нечем было засевать полученные земли, не хватало и скота, нечем было обрабатывать и удобрять землю, а без этого малоплодородные земли губернии не могли дать хороший урожай. Вот почему распределение инвентаря проходило тоже в острой борьбе.

Губернский земельный отдел в своих циркулярах ограничивал вопрос о распределении инвентаря опять-таки лишь рамками помещичьего имущества, хотя советские аграрные законы, требовавшие конфискации всех нетрудовых хозяйств со всеми принадлежащими им постройками, орудиями, скотом, запасами продуктов и пр., давали тем самым основание и для отчуждения в пользу бедноты части кулацкого инвентаря. «Закон, дающий право обобществлять инвентарь зажиточных крестьян, у нас есть» [40],— подчеркивал В. И. Ленин. Но губернский земельный отдел не воспользовался этой стороной советского законодательства, несмотря

---

[38] «Звезда», 3 ноября 1927 г.

[39] «Землепользование», 1918, № 8, стр. 16.

[40] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 181. В статье 6-й Основного закона о социализации земли сказано: «Весь частновладельческий живой и мертвый сельскохозяйственный инвентарь переходит без всякого выкупа из нетрудовых хозяйств в распоряжение, в зависимости от их значения, земельных отделов: уездного, губернского, областного и федерального Советов». (Там же, стр. 473).

на то, что слабое развитие собственного хозяйства в помещичьих имениях губернии и вследствие этого небольшое количество имевшегося в них инвентаря делали крайне необходимым изъятие части орудий и скота у зажиточного крестьянства. Указания губернского земельного отдела о порядке распределения инвентаря помещичьих хозяйств в основном совпадали с рекомендациями по этому поводу Инструкции переходных мер Наркомзема (раздел 5-й). Циркуляр губернского земельного отдела от 6 апреля прежде всего рекомендовал земельным отделам наметить в каждой волости лучшие имения и все их имущество передать, не деля, в руки местных Советов. Остальная часть инвентаря могла быть передана в руки бедноты, прежде всего хозяйствам солдат, возвращающихся с фронта. Наиболее желательной формой использования конфискованного инвентаря населением признавались прокатные пункты сельскохозяйственных орудий, а также рассадники племенного скота, которые рекомендовалось создавать в каждой волости [41].

Местные земельные отделы уже весной приступили к реализации этих постановлений губернского земельного отдела. Постановлением от 27 мая Демянский уездный отдел предусмотрел устройство прокатных пунктов при каждом волостном земельном отделе [42]. В Новгородском уезде к концу 1918 г. насчитывалось 53 прокатных пункта сельскохозяйственных орудий, 25 случных пунктов; резко возросло число маслобойных артелей [43]. Новые кооперативные объединения оказали большую помощь крестьянству, особенно бедноте, поскольку орудия и машины предоставлялись ей в пользование на льготных условиях. Старорусский уездный земельный отдел сообщал, что сельскохозяйственные орудия, сосредоточенные в прокатных пунктах уезда, «...находились в работе беспрерывно, потребность в них чувствовалась исключительная, особенно среди беднейшей части населения» [44]. Все же полностью удовлетворить потребности бедноты в семенах, скоте и инвентаре из имущества, конфискованного в имениях, было невозможно. Поэтому уже весной 1918 г. некоторые земельные отделы принимают решения о частичной конфискации кулацкого инвентаря. Подобные решения принимались теми из местных Советов, где значительно было влияние коммунистов. В феврале 1918 г. по инициативе коммунистической ячейки села Эстьяны (Новгородский уезд) местный Совет взял на учет принадлежавшую кулаку мельницу [45]. В Мышинской волости (Боровичский уезд) в январе были приняты на учет все мельницы [46]. Перелучский волост-

[41] «Землепользование», 1918, № 1, стр. 7.
[42] Там же, № 7, стр. 11.
[43] Госархив Новгородской обл. ф. р-491, оп. 3, д. 4, л. 5.
[44] ЦГАНХ СССР, ф. 478, оп. 6, д. 378, л. 438.
[45] «Известия Новгородского Совета рабочих и солдатских депутатов», 26 февраля 1918 г.
[46] ЦГАНХ СССР, ф. 478, оп. 1, д. 311, л. 423.

ной Совет (Боровичский уезд) обложил всех торговцев единовременным налогом; торговля после этого стала сосредоточиваться в кооперативных лавках волости. К середине февраля в Боровичском уезде были взяты на учет все мельницы, и плата за помол муки стала поступать в земельные комитеты [47]. В конце декабря 1917 г. Крестецкий уездный Совет принял решение о передаче бедноте «исполовного скота». В решении по этому поводу говорилось: «Ввиду того, что некоторые классы отдавали и отдают бедному населению исполу скот, чем и эксплуатируют неимущие классы..., считать исполовный скот собственностью тех, у кого находится таковой» [48]. Изъятие кулацкого имущества, однако, не получило сколько-нибудь широкого развития в губернии до лета 1918 г.; применение этой меры в массовом масштабе связано с деятельностью комбедов.

Каковы же общие итоги распределения земли и инвентаря в губернии к лету 1918 г.? Из изложенного выше прежде всего явствует, что до лета 1918 г., т. е. в первый период, который может быть назван докомбедовским, распределению подверглись в первую очередь помещичьи земли. Но земли этой категории распределены были не полностью, так как не все они к этому времени были конфискованы [49], а также потому, что из конфискованных имений поделена была весной лишь часть. Из 129 волостных земельных отделов губернии, заполнивших весной анкету Наркомзема, только 75 положительно ответили на вопрос: «Распределена ли земля?» [50] Таким образом, большая работа по распределению еще предстояла летом и осенью 1918 г., т. е. в период деятельности комитетов деревенской бедноты. Но и распределенные помещичьи земли не всегда были разделены так, как это было выгодно бедноте. Ведь кроме «поедоцкой» единицы распределения в губернии руководствовались и другими основаниями для раздела земли («по работоспособности», «по скоту»), которые способствовали захвату земель кулачеством. Это обстоятельство и породило впоследствии стремление беднейшей части крестьянства к перераспределению земель. Не была завершена работа и по распределению инвентаря помещичьих имений. Об этом говорят данные анкет Наркомзема: из 48 волостей, по которым имеются сведения, инвентарь был распределен лишь в 21 волости [51].

Наряду с разделом помещичьих земель новгородское крестьянство вопреки левым эсерам уже весной 1918 г. приступило к переделу и крестьянских, купчих и надельных земель. Было начато и частичное отчуждение кулацкого инвентаря. Однако дел-

[47] ЦГАНХ СССР, ф. 478, оп. 1, д. 311, л. 415.

[48] Госархив Новгородской обл., ф. р-822, оп. 1, д. 7, л. 46.

[49] По данным тех же анкет, к апрелю 1918 г. из всех имений (1159) губернии было конфисковано около $^3/_4$.

[50] «Землепользование», 1918, № 8, стр. 16.

[51] ЦГАНХ СССР, ф. 478, оп. 1, д. 326, лл. 25—100.

тельность левых эсеров, еще преобладавших в советских земельных органах губернии, не могла не тормозить развитие земельной реформы в этом направлении. Новый подъем борьбы крестьянской бедноты за завершение распределения помещичьих имений и перераспределение всех земель и инвентаря падает на период деятельности комбедов.

* * *

Летом 1918 г. стал вполне очевидным раскол в среде крестьянства. Давая оценку положению, сложившемуся в деревне в тот период, В. И. Ленин писал: «Деревня перестала быть единой. В этой деревне, которая, как один человек, боролась против помещиков, возникли два лагеря — лагерь трудящегося беднейшего крестьянства... и лагерь более зажиточных крестьян» [52]. С весны 1918 г. противоречия между этими двумя лагерями усилились в связи с обострением продовольственного вопроса. Потребляющая Новгородская губерния оказалась в особенно тяжелом положении в связи с резким сокращением подвоза хлеба [53]. Ослаблению продовольственного кризиса в губернии могло бы в какой-то мере способствовать изъятие хлебных излишков у местного кулачества. Борьбу за хлеб должны были возглавить местные Советы, однако состав многих волостных и сельских Советов был неудовлетворительным. Председатель губисполкома в одном из своих отчетов отмечал, что весной 1918 г. во многих деревнях сельские богатеи «...вытеснили из советских организаций деревенскую бедноту и зажали ее в кулацких тисках» [54]. Новгородское кулачество предпринимало попытки объединиться в масштабе губернии. По инициативе кулачества Медведской волости Новгородского уезда, возглавляемого правым эсером Терещенко, состоялись два кулацких «губернских съезда уполномоченных» первый в Старой Руссе (в апреле) и второй на станции Шимск (в июле). Эти сборища, на которые прибыли представители лишь нескольких волостей Старорусского и Новгородского уездов, носили явно антисоветский характер [55]. Но контрреволюционная возня новгородских белогвардейцев встретила решительный отпор трудящихся губернии. Об этом свидетельствуют резолюции уездных съездов Советов [56].

Давая общую оценку положения в губернии в связи с контрреволюционными вылазками, председатель губисполкома писал:

---

[52] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 354.

[53] По плану Наркомпрода с января по май 1918 г. в губернию должно было поступить 3400 вагонов хлеба, а поступило лишь 363 вагона («Продбюллетень Новгубпродкома», 4 августа 1918 г.).

[54] ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 3, д. 242, л. 233.

[55] Там же, лл. 233—235; ЦПА ИМЛ, ф. 67, оп. 1, д. 41, лл. 7, 14.

[56] ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 3, д. 246, л. 120.

«Из всех сведений, имеющихся в губернском Совете депутатов, несомненно одно, что беднейшие крестьяне... стоят за защиту Советской власти даже в этот критический момент почти абсолютного голода» [57]. Для успешной борьбы против кулачества бедноте необходимо было создать собственные организации. Это стали понимать сами беднейшие крестьяне. Один из руководителей демянских большевиков писал: «В некоторых деревнях сами крестьяне-бедняки приступают к организации комитетов бедноты. На вопрос — кто вам посоветовал организоваться — последовал ответ: а что же мы иначе сделаем с кулаками? Мы и организовались!» [58] Идя навстречу этому стремлению огромного большинства трудящегося крестьянства, Советское правительство, несмотря на сопротивление меньшевиков и левых эсеров, 11 июня 1918 г. приняло декрет «Об организации деревенской бедноты и снабжении ее хлебом, предметами первой необходимости и сельскохозяйственными орудиями» [59]. Комбеды должны были положить конец засилью кулачества в деревне, вытеснив богатеев из Советов. Являясь органами пролетарской диктатуры в деревне, комбеды призваны были развить аграрную революцию в направлении к социализму. В этом великом деле сельской бедноте необходима была поддержка городского пролетариата. И эта поддержка была оказана, тысячи пролетариев двинулись летом 1918 г. в поход в деревню. На помощь деревне направили летом 1918 г. все свои наличные силы и новгородские рабочие, руководимые большевиками. Издавна установившиеся связи между Новгородом и Петроградом в этот период усилились и окрепли. Десятки питерских рабочих-агитаторов, инструкторов оказывали новгородской бедноте систематическую помощь в ее борьбе с кулачеством. В Демянском уезде в работе по созданию и укреплению комбедов приняли участие уполномоченные Комиссариата внутренних дел Северной области П. Панек, Г. Ткачев, С. Костюк; в Крестецком уезде — Мартини, Шмелин, Ипатов и др. [60]

Уездные большевистские организации поставили работу в деревне в центр своего внимания. Так, Демянский уездный комитет большевиков постановил поручить всем членам комитета «организацию и непосредственное наблюдение за комитетами деревенской бедноты» [61]. Общее собрание большевиков Старой Руссы постановило мобилизовать всех членов партии для похода в деревню, «...ибо там только начинается Октябрьская революция» [62]. Все чле-

---

[57] ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 3, д. 242, л. 234.
[58] ЦПА ИМЛ, ф. 67, оп. 1, д. 38, л. 9.
[59] «Аграрная политика Советской власти. 1917—1918 гг.», стр. 177—180.
[60] ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 2, д. 62, л. 212; Госархив Новгородской обл., ф. р-299, оп. 1—2, д. 144, л. 31.
[61] ЦПА ИМЛ, ф. 67, оп. 1, д. 38, л. 7.
[62] Там же, д. 42, лл. 25, 72.

ны Боровичской организации большевиков были разосланы по волостям для создания комбедов [63].

Сельская беднота проявляла большую активность в строительстве своих организаций. Делегаты губернской конференции большевиков (август 1918 г.) отмечали: «Необходимость создания комитетов бедноты диктует сама жизнь; это поняла сама беднота деревни и теперь даже без указаний сверху организует эти комитеты» [64]. К ноябрю комитеты были созданы почти в каждом селении, общая численность их по губернии достигла 5 тыс.

Деятельность комбедов была очень многообразной, они стали подлинными хозяевами деревни. Их роль была велика не только в учете и распределении продовольствия, но и в оздоровлении сельских Советов, в организации Красной Армии.

В нашу задачу не входит рассмотрение всех сторон деятельности комбедов. Мы остановимся лишь на их роли в развитии и углублении аграрной революции в новгородской деревне, прежде всего в завершении распределения всех земель и инвентаря.

Осенью 1918 г. под руководством комбедов были распределены надельные земли там, где они весной не подверглись переделу. Перераспределялись не только надельные земли, но и земли всех других категорий, переданные в пользование данного селения. Если уравнительное распределение весной было направлено в первую очередь против помещиков, то осенью оно оказалось направленным против кулачества. Вот одно из типичных постановлений сельского схода об уравнении надельной земли (село Катечек Рахинской волости Крестецкого уезда): «Мы, граждане с. Катечек, 25 ноября 1918 г. были созваны на сход председателем комитета бедноты П. Яковлевым, имели суждение о поравнении земли между собою, ввиду того, что в нашем селении передела и поравнения не было никакого более 50 лет, так что некоторые душевые наделы увеличились, а другие очень стали малы, а также и семейства граждан... Большинством постановили: 1) поравнять усадебные земли; 2) поравнять надельные огороды; 3) поравнять в полях душевые наделы» [65]. Против передела в селе Катечек выступили только кулаки. Крестьяне писали в уездный земельный отдел, что «из числа граждан общества не более пяти-шести человек есть несогласных, из кулаков и богатеев, захвативших излишние земли» [66]. Там, где кулачество упорствовало, желая сохранить за собой излишки земель, органы Советской власти принимали решительные меры к подавлению подобного сопротивления. Заслушав 31 июля сообщение Вельевского волостного земельного отдела о том, что кулаки не соглашаются на уравнительное распределение, Демянский уездный земельный отдел постановил обра-

[63] Там же, л. 18.
[64] Партархив Новгородского обкома КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 3, лл. 1—2.
[65] Госархив Новгородской обл., ф. р-490, оп. 2, д. 52, л. 6.
[66] Там же, л. 4.

титься в отдел по борьбе с контрреволюцией для оказания содействия Вельевскому волостному земельному отделу [67].

Удовлетворение крестьянской бедноты землей как никогда ранее обострило вопрос об обеспечении ее основными средствами сельскохозяйственного производства. Комбеды сделали очень много для снабжения трудящегося крестьянства орудиями, скотом, семенами. Для этой цели они прежде всего стремились использовать полностью инвентарь конфискованных имений. Часть орудий из имений передавалась во временное пользование бедноте, но чаще всего инвентарь имений передавался на прокатные пункты и через них использовался беднотой. Число таких пунктов осенью 1918 г. продолжало быстро расти. 19 октября Демянский съезд земельных отделов, например, предложил волостным земельным отделам для пополнения старых и оборудования новых прокатных пунктов завершить сбор орудий из имений нетрудового типа, а также собрать все орудия, розданные весной населению из нетрудовых имений [68].

Но и в этом вопросе главные усилия комбедов были направлены на удовлетворение нужд бедноты за счет кулачества. Формы помощи были различны: от организации вспашки земель бедноты кулацким инвентарем за умеренную плату из средств земельного отдела до конфискации скота и семян у кулаков. К последнему методу комбеды прибегали наиболее широко. Старорусский уездный съезд комитетов деревенской бедноты, состоявшийся 25 октября, постановил: «Принимая во внимание всю тяжесть [положения] деревенской бедноты, ибо ей до настоящего времени приходилось бить челом в землю, чтобы выпросить у кулака-богатея лошадь..., съезд постановляет: по принятии на учет скота, взять у тех, кто имеет излишний скот, по справедливой твердой цене... и удовлетворить тех, кто хочет быть честным трудовым крестьянином, ибо мы знаем, что весь излишний скот у кулаков-богатеев нажит посредством эксплуатации чужого труда» [69]. Волостные комитеты и Советы активно проводили в жизнь подобные решения. По инициативе большевиков Виленской волости Старорусского уезда в селениях волости была проведена конфискация излишнего скота у кулаков и у еще оставшихся в имениях помещиков; конфискованный скот передавался по самой низкой цене гражданам, которые «от своего рождения по своей бедноте не едали молока» [70]. Волокский волостной комбед (Боровичский уезд) на совместном заседании с волостным Советом принял решение передать безлошадным крестьянам лошадей по твердой цене, отобрав их у лиц, имеющих по две и более лошади [71].

---

[67] «Землепользование», 1918, № 9, стр. 14.
[68] ЦГАНХ СССР, ф. 478, оп. 12, д. 259, л. 47.
[69] Госархив Новгородской обл., ф. р-2, оп. 3, д. 2, л. 34.
[70] ЦПА ИМЛ, ф. 67, оп. 1, д. 42, л. 94.
[71] ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 3, д. 244, л. 165.

Таким образом, властно вторгаясь во все области крестьянской жизни и повсюду нанося мощный удар капиталистическим элементам деревни, комбеды совершали тем самым глубочайший революционный переворот в деревне. Оценивая значение этого переворота, В. И. Ленин писал: «...Тот, кто наблюдал деревенскую жизнь, кто соприкоснулся с крестьянскими массами в деревне, говорит: Октябрьская революция городов для деревни стала настоящей Октябрьской революцией только летом и осенью 1918 г.» [72]

В основе этих изменений лежали глубокие экономические сдвиги, происшедшие в новгородской деревне в результате аграрных преобразований 1917—1918 гг. При определении количественных результатов преобразований нельзя исходить из предположения, что конфискуемые земли и инвентарь распределялись равномерно среди всего крестьянства. Подобные подсчеты носят чисто умозрительный характер и могут лишь исказить действительные результаты реформы [73].

Главнейшая сущность реформы не в том, что́ получило от нее все крестьянство в целом, а в том, что́ получили от нее различные социальные слои крестьянства. Несомненно, что землепользование кулачества в результате реформы значительно сократилось, а землепользование беднейших крестьян сильно возросло. Этот важнейший итог реформы отражают данные табл. 2, показывающие выравнивание посевных площадей в крестьянских хозяйствах губернии:

Таблица 2

Группировка крестьянских хозяйств по размерам посевов в 1917—1919 гг. (в %) *

Год	Всего хозяйств	Без посева	С посевом		
			до 2 десятин	от 2 до 4 десятин	свыше 4 десятин
1917	100	20,6	28,2	34,4	16,9
1919	100	18,0	63,1	16,5	2,4

* «Экономическое расслоение крестьянства в 1917—1919 гг.» — «Труды ЦСУ», т. VI, вып. 3. М., 1922, стр. 12—15.

Данные об изменениях в распределении скота среди крестьянства также обнаруживают антикулацкую направленность реформы, ее стремление поднять обеспеченность скотом низших групп крестьянства.

[72] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 141.

[73] М. Снегирев приводит подобные данные, согласно которым каждый новгородский крестьянин якобы получил в результате реформы в среднем 0,13 десятин земли (указ. статья, стр. 12).

Данные табл. 3 также показывают тенденцию к выравниванию имущественного положения различных социальных групп крестьянства. Дифференциация крестьянских хозяйств по имущественному положению стала в значительной степени определяться их разделением по размеру семьи[74]. Тот же процесс нивелировки крестьянства показывают и материалы о распределении лошадей.

Таблица 3

Распределение коров среди крестьян Новгородской губернии в 1917—1919 гг. (в %)*

Год	Хозяйства			
	без коров	с 1—2 коровами	с 3 коровами	с 4 коровами и более
1917	19,6	62,6	12,9	4,9
1919	18,1	67,5	11,1	3,3

* «Развитие сельского хозяйства Новгородской губернии в довоенное и настоящее революционное время». Новгород, 1921, стр. 14.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на сокращение крайних имущественных групп крестьянства, социальное неравенство в новгородской деревне устранено было еще далеко не полностью. Путь к его ликвидации, к избавлению трудящегося крестьянства

Таблица 4

Распределение лошадей среди крестьян Новгородской губернии в 1917—1919 гг. (в %)*

Год	Хозяйства			
	без лошадей	с лошадью	с 2 лошадьми	с 3 лошадьми и более
1917	26,0	47,6	23,0	3,4
1919	24,3	56,7	17,8	1,8

* «Развитие сельского хозяйства Новгородской губернии в довоенное и настоящее революционное время», стр. 14.

от всяческой эксплуатации и нищеты, путь к мощному экономическому подъему сельского хозяйства лежал лишь через коллективизацию крестьянских хозяйств. Подводя итоги первого года аграрных преобразований Советской власти, Коммунистическая

[74] Обширный статистический материал, показывающий процесс приспособления размеров посевов крестьянских хозяйств Новгородской губернии к размерам их семьи, приводится в указанном издании ЦСУ (стр. 16).

партия настойчиво звала трудящееся крестьянство пойти по этому единственно правильному пути построения социализма в земледелии. Выступая в день первой годовщины Октябрьской революции перед представителями комбедов центральных губерний, В. И. Ленин говорил: «Дележка хороша была только для начала. Она должна была показать, что земля отходит от помещиков, что она переходит к крестьянам. Но этого недостаточно. Выход только в общественной обработке земли» [75]. И первые шаги в направлении социалистического переустройства сельского хозяйства были сделаны трудящимся крестьянством под руководством Коммунистической партии уже в первый год великой аграрной реформы. Следуя по этому пути, труженики деревни осуществили 10—15 лет спустя при всемерной поддержке рабочего класса великую революцию в экономических отношениях, во всем укладе жизни крестьянства.

---

[75] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 179, 180.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1918 г.

★

А. Д. МАЛЯВСКИЙ

Вскоре после победы Великой Октябрьской социалистической революции в Петрограде Советская власть была установлена и на территории всей Владимирской губернии. В этой губернии, как известно, был крупный отряд рабочих, была сильная организация большевиков. Большевики губернии помогли трудящимся крестьянам сплотиться и быстро, организованно провести аграрные преобразования.

Накануне Октябрьской революции в состав Владимирской губернии входило 13 уездов: Александровский, Владимирский, Вязниковский, Гороховецкий, Ковровский, Меленковский, Муромский, Переславль-Залесский, Покровский, Судогодский, Суздальский, Шуйский и Юрьев-Польский. В декабре 1917 г. Шуйский уезд фактически выделился в новую, Иваново-Вознесенскую губернию, создание которой было окончательно оформлено в июне 1918 г. Данные о конфискации помещичьих имений и распределении конфискованных земель среди крестьян Шуйского уезда не включались земельными органами Владимирской губернии в итоговые сведения по губернии.

Основываясь на аграрном законодательстве Советской власти, проводя в жизнь Декрет о земле, местные Советы и их земельные органы вырабатывали инструкции, определявшие, с учетом местных особенностей, порядок проведения распределения земель. В начале марта 1918 г. во Владимирском уезде были созваны уездный съезд Советов крестьянских депутатов и съезд волостных комиссаров земледелия уезда. Съезды обсуждали инструкцию по распределению земель во Владимирском уезде[1]. Вскоре Вла-

[1] Госархив Владимирской обл., ф. 26, оп. 1, д. 53, л. 96.

димирский уездный комиссариат земледелия утвердил инструкцию, согласно которой в уезде в 1918 г. и были распределены конфискованные земли.

Порядок распределения земель во Владимирском и Судогодском уездах свидетельствует о том, что оба уездных комиссариата земледелия весной 1918 г. приняли тождественные по содержанию инструкции. Согласно этим инструкциям, уезды разбивались на районы по числу работающих в уезде землемеров. Владимирский уезд был разбит на 9, а Судогодский — на 6 районов. Каждый район состоял из нескольких волостей и был такой территорией, на которой вырабатывалась единая норма землепользования. Норма наделения пашней должна была высчитываться путем деления суммы всех находящихся в районе пахотных земель (как бывших частновладельческих, включая и купчие земли, так и надельные) на число едоков, проживающих в районе. Такой принцип распределения отвечал интересам бедноты. Распределение пашни должно было проводиться следующим образом: землемеры высчитывали, какое количество земли должно быть передано волости; волость распределяла землю между обществами, а общество распределяло ее среди своих членов, следуя очередности, установленной законом «О социализации земли».

Весной и летом 1918 г. во Владимирском, Ковровском, Муромском и Судогодском уездах были выработаны инструкции о распределении среди крестьян конфискованных частновладельческих лугов[2]. Все конфискованные луга подлежали распределению по едокам; при выработке нормы наделения лугами учитывались луговые угодья, находившиеся в пользовании общины. Различие между этими четырьмя уездами в распределении конфискованных лугов сводилось к тому, что в Ковровском уезде единая норма была выработана в границах уезда, во Владимирском и Судогодском уездах существовали порайонные нормы, а в Муромском — волостные.

О принципе распределения выгонов мы имеем лишь сообщения по Ковровскому и Муромскому уездам, где частновладельческие выгоны распределялись между селениями соразмерно количеству голов скота, находящегося в пользовании общинников[3]. Поскольку выгоны не подлежали разделу между крестьянскими дворами, указанный принцип их раздела не затрагивал интересов бедняков.

Итак, мы видим, что инструкции, изданные Владимирским, Ковровским, Муромским и Судогодским уездными комиссариатами земледелия, устанавливали такие принципы распределения,

---

[2] ЦГАНХ СССР, ф. 478, оп. 20, д. 117, лл. 186, 187; Госархив Владимирской обл., ф. 26, оп. 1, д. 53, л. 96; ф. 968, оп. 2, д. 141, л. 171; д. 347, л. 151.

[3] ЦГАНХ СССР, ф. 478, оп. 20, д. 117, л. 188; Госархив Владимирской обл., ф. 968, оп. 2, д. 141, л. 172.

при которых земля поступала в пользование беднейших групп крестьянства. Это объясняется тем, что во главе Владимирского и Ковровского уездных комиссариатов земледелия к моменту составления инструкции стояли коммунисты и большинство членов коллегий комиссариатов земледелия всех четырех уездов тоже составляли коммунисты.

Иначе обстояло дело в Суздальском уезде, где весной и летом 1918 г. в уездном комиссариате земледелия преобладали левые эсеры. Нарушая советское аграрное законодательство, инструкция Суздальского уездного комиссариата земледелия не включала кулацкие купчие земли в распределительный фонд. Норма наделения землей высчитывалась без учета надельной земли, а конфискованные земли должны были передаваться близлежащим селениям[4]. Кроме того, явно в ущерб интересам бедноты уездный комиссариат земледелия не требовал проведения распределения земли по едокам.

Трудящееся крестьянство уезда выступило против этой инструкции. 19 мая 1918 г. Суздальский уездный съезд Советов крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов вскрыл кулацкую сущность инструкции уездного комиссариата и осудил ее[5].

В большинстве инструкций о распределении земли, изданных земельными органами Владимирской губернии, указывалось, что сначала следует провести раздел пашни, а затем луговых земель; это вызывалось характером сельскохозяйственных работ. Следовательно, когда мы в том или ином сообщении читаем, что в данном селе, волости или уезде завершено распределение лугов, то можем предположить, что пашня здесь уже распределена.

В тяжелых условиях 1918 г. рабочие местных предприятий, чтобы спастись от безработицы и голода, хотели получить под обработку участки земли. В связи с этим на съездах Советов и в земельных органах Владимирской губернии неоднократно обсуждался вопрос, наделять ли землей рабочих местных предприятий и прибывающих на родину из городов безработных, и, если наделять, то как: наравне ли с крестьянами? На открывшемся 23 апреля во Владимире съезде уездных комиссаров земледелия была принята резолюция, указывавшая, что «удовлетворение земельно-продовольственных нужд организации рабочих должно иметь место после удовлетворения насущных нужд местного крестьянства, имеющего в земле единственный источник существования»[6].

Волостные и уездные земельные органы проводили распределение земель под общим руководством губернского комиссариата земледелия; они определяли, какие частновладельческие земли должны пойти в разверстку и какие имения послужат базой для

[4] Госархив Владимирской обл., ф. 968, оп. 2, д. 350, л. 62.
[5] Там же.
[6] Там же, д. 351, л. 20.

организации социалистических хозяйств. После того, как земельные органы губернии установили размеры распределительного фонда своего района, они приступали к вычислению нормы землепользования. Для вычисления нормы наделения землей и проведения землемерно-технических работ уездные комиссариаты земледелия посылали в волости землемеров. Характер работы землемеров можно показать на примере Владимирского уезда. 5 марта землемеры прибыли на места и приступили к составлению списка всех частновладельческих имений, расположенных в пределах их районов. В списках землемеры указывали фамилию бывшего владельца имения, количество принадлежавшей ему земли, а также, в скольких участках находятся все земельные владения имения. Землемеры составляли списки всех населенных пунктов их района, причем точно указывали, сколько крестьянских дворов в селении, сколько едоков в каждом дворе и какое количество надельной земли приходится на крестьянский двор и на едока. Землемеры созывали районные и волостные собрания крестьян, на которых читали и разъясняли Декрет о земле и закон «О социализации земли». Через 20 дней после начала работы (примерно к 25 марта) землемеры собрали все данные, необходимые для вычисления нормы наделения пашней. В конце марта уездный комиссариат земледелия приказал немедленно приступить к распределению помещичьей пашни и завершить эту работу до начала весенней посевной кампании [7].

Волостной сход, волостной Совет или земельный орган волости разверстывали землю между селениями волости. Погребищенский волостной Совет крестьянских депутатов Владимирского уезда уже к концу марта распределил между селениями волости конфискованную у частных владельцев пашню, точно указав каждому селению, из какого имения, какое количество земли оно может получить [8]. Во Владимирском уезде в течение месяца (с конца марта) сельские общины распределили пашню между отдельными крестьянскими дворами. К 25 апреля, т. е. до начала весенней пахоты, весь яровой клин и все пары были распределены во всех волостях Владимирского уезда (кроме Давыдовской) [9].

Одновременно с Владимирским уездом, т. е. в конце апреля 1918 г., было завершено распределение пашни еще в пяти уездах: Гороховецком, Переславском, Судогодском, Суздальском и Юрьев-Польском [10]. В Муромском уезде распределение пашни было завершено в мае 1918 г. [11] Тогда же закончено было распределение пашни почти во всех волостях (кроме восьми) Александровского, Ковровского, Меленковского и Покровского уездов.

---

[7] Там же, ф. 26, оп. 1, д. 53, л. 96.
[8] Там же, д. 45, л. 68.
[9] Там же, д. 53, л. 96.
[10] Там же, ф. 968, оп. 2, д. 350, л. 67.
[11] ЦГАНХ СССР, ф. 478, оп. 20, д. 117, л. 186.

некоторые из них, пытаясь сорвать распределение земель, намеренно вызывали недовольство крестьян Советской властью, уговаривали не трогать помещичьей земли и искусственно вызывали конфликты между селениями [18].

Во Владимирской губернии сразу же после победы Октябрьской революции бедняки и середняки выступили не только против помещиков, но и против кулаков. Многочисленный отряд местных рабочих оказал активную поддержку трудовому крестьянству в борьбе с сельской буржуазией. Этой борьбой руководила сильная, многочисленная большевистская организация губернии. Еще в ходе конфискации помещичьих имений трудящееся крестьянство отняло у кулаков их купчую землю. Местные Советы и земельные органы проводили передел надельных земель. Так, Александровский уездный комиссариат земледелия решил еще до распределения конфискованной помещичьей земли провести по едокам передел надельных земель [19]. Во Владимирском, Ковровском, Муромском и Судогодском уездах норма наделения землей вырабатывалась с учетом надельных земель, что неизбежно вызывало передел последних. 21 апреля 1918 г. собрание крестьян Тучковской волости Судогодского уезда решило провести одновременно распределение по едокам как бывших частновладельческих, так и надельных земель. Так же поступили в мае крестьяне деревни Якиманская слобода Ковардинской волости Муромского уезда [20].

Иногда крестьяне проводили лишь частичный передел надельных земель, удовлетворяя безземельных общинников за счет кулаков. Такое поравнение общинной земли в мае провели крестьяне деревни Брюзгалово Малышевской волости Покровского уезда [21]. В тех уездах и волостях губернии, где весной 1918 г. норма наделения землей вырабатывалась без учета надельной земли, был проведен осенью того же года передел всех земель, находившихся в пользовании крестьян (т. е. бывших частновладельческих и надельных) [22]. Волостные и сельские сходы крестьян уезда ссылались на резолюцию уездного съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов и уездного съезда комиссаров земледелия от 12 апреля 1918 г., в которой содержалось указание о проведении передела *всех* земель.

Земельные органы Владимирской губернии старались уничтожить чересполосицу. 11 сентября 1918 г. коллегия Ковровского уездного земельного отдела рассмотрела заявление крестьян Егорьевской, Воскресенской и Всегодичевской волостей, просивших с целью уничтожения чересполосицы выделить каждому

---

[18] Госархив Владимирской обл., ф. 968, оп. 2, д. 356, л. 4.
[19] Там же, д. 245, л. 4.
[20] Там же, ф. 33, оп. 1, д. 34, л. 1; ф. 968, оп. 2, д. 229, л. 5.
[21] Там же, ф. 968, оп. 2, д. 343, л. 271.
[22] Там же, ф. 35, оп. 1, д. 46, лл. 18, 25, 46.

хозяйству участок в едином массиве. Коллегия дала распоряжение землемерам произвести соответствующее размежевание земель, следя за тем, чтобы оно не затрагивало интересов трудящегося крестьянства. 23 селения Ковровского и Владимирского уездов обратились в Ковровский уездный земельный отдел с просьбой произвести землеустроительные работы в Лубенской пойме, чтобы уничтожить чересполосицу. Коллегия Ковровского уездного земельного отдела предписала землемеру провести необходимые работы [23].

В своем выступлении на съезде уездных комиссаров земледелия Владимирской губернии 23 апреля 1918 г. комиссар земледелия Суздальского уезда отметил, что в его районе по требованию населения проведены работы, результатом которых явилось полное уничтожение чересполосицы [24].

Таким образом, из 12 уездов Владимирской губернии 7 провели в 1918 г. передел надельных земель, причем по едокам, т. е. явно в интересах беднейших групп крестьянства.

Деревенская беднота боролась также за конфискацию всех излишков земли у отрубщиков и хуторян. Во Владимирской губернии местные Советы или их земельные органы, учитывая степень развития классовой борьбы внутри деревни в своем районе, принимали решения о включении земель отрубов и хуторов в надел общины, что приводило к отчуждению излишков земли у кулаков. В марте 1918 г. общее собрание Юрьев-Польского комиссариата земледелия приняло постановление «Все хутора и отруба как на надельной, так и на купленной земле переходят в общины» [25]. Постановление предписывало всем волостным земельным отделам уезда с наступлением весны приступить к переселению хуторян в общины, причем перевозку своих построек зажиточные хуторяне должны были производить за свой счет. В Судогодском уезде отчуждение излишней земли у хуторян и отрубщиков проходило одновременно с распределением конфискованных частновладельческих земель. В этом уезде к концу апреля 1918 г. все, как помещичьи, так и бывшие кулацкие, земли были переданы трудовому крестьянству [26].

Кулацкие отруба и хутора ликвидировались и в других уездах губернии.

Левоэсеровский Суздальский уездный комиссариат, защищая интересы кулаков, не издал инструкции, предписывающей отчуждать излишние земли у отрубщиков и хуторян. Однако трудящееся крестьянство уезда явочным порядком ликвидировало отруба и хутора. 16 апреля сход крестьян деревни Палкино постановил перевести всех отрубщиков и хуторян обратно в общину,

---

[23] Там же, ф. 968, оп. 2, д. 350, л. 7; ф. 29, оп. 2, д. 19, л. 110.
[24] Там же, ф. 968, оп. 2, д. 351, л. 11.
[25] Там же, д. 205, л. 3.
[26] Там же, д. 351, л. 20.

удовлетворив за счет их владений малоземельных крестьян путем проведения поравнения земли. Все члены общины, включая хуторян и отрубщиков, должны были получить одинаковое количество земли [27]. 8 июня съезд Советов рабочих и крестьянских депутатов Суздальского уезда по требованию бедняков и середняков указал на необходимость изъять из рук отрубщиков и хуторян излишние земли.

Таким образом, во Владимирской губернии бедняки и середняки получили не только помещичью, но и значительную часть кулацкой земли.

Каковы же общие итоги распределения земли губернии?

Заведующий губернским земельным отделом на первом губернском съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун 3 ноября 1918 г. отмечал, что советская земельная политика дала трудовому крестьянству губернии 520 тыс. десятин бывших помещичьих, удельных, церковных, монастырских, а также изъятых из рук кулачества излишков надельных земель [28]. Добавим при этом, что во Владимирской губернии, как и по всей стране, среди крестьян распределялись только земли, пригодные для сельскохозяйственного производства.

В результате передачи крестьянам бывших частновладельческих земель крестьянское землепользование в губернии увеличилось на 23,7%; оно составляло примерно 2 773 600 десятин земли [29].

Все переданные крестьянам земли, как мы видели, были распределены по едокам. Едоков, подлежавших наделению землей, в губернии было 1 469 931 человек [30]. В среднем на одного едока (в губернии считали за едока каждого члена крестьянской семьи, независимо от пола и возраста) пришлось по 0,35 десятины бывших частновладельческих земель.

Однако данные о количестве бывших помещичьих земель, приходившихся на едока, не могут характеризовать подлинные итоги распределения земли. Ведь на деле проходил уравнительный передел всех земель, и, следовательно, кулачество не только не получало конфискованных земель, но и лишалось своих купчих земель и излишков надельных; середняк незначительно увеличивал свое землепользование; зато беднейшее крестьянство получило почти все конфискованные земли и все излишки надельной земли, находившиеся до передела в пользовании кулаков. Пред-

---

[27] Госархив Владимирской обл., ф. 968, оп. 2, д. 232, лл. 4, 7, 8.

[28] «Известия исполнительных комитетов Владимирского губернского и уездного Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», 3 ноября 1918 г.

[29] «Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 57 губерниям и областям». М., 1923, стр. 14. (Здесь и в дальнейшем все подсчеты проведены автором.)

[30] Там же.

положим, что на каждый из 238 327 крестьянских дворов губернии после распределения земель приходилось равное количество земли — по 11,64 десятины, тогда как до распределения на один крестьянский двор в губернии приходилось в среднем по 9,6 десятины надельной земли. В 1917 г. в губернии (без Шуйского уезда) было 13 906 безземельных дворов[31], или 5,8% всех крестьянских дворов губернии. В 1918 г. каждый из этих дворов мог получить земельный надел в 11,64 десятины. Этим же хозяйствам, как правило, бесплатно передавался конфискованный у помещиков и кулаков живой и мертвый инвентарь. К сожалению, по Владимирской губернии за 1917—1918 гг. нет данных о числе бедняцких, середняцких и кулацких дворов. Мы вынуждены пользоваться данными за 1905 г.

В 1905 г. в губернии насчитывалось 43 342 беднейших крестьянских двора[32] (17,8% общего числа крестьянских дворов губернии), имевших от 1 до 5 десятин земли, или в среднем по 2,35 десятины на двор. Они увеличили в 1918 г. свое землепользование в 5 раз. Несколько более обеспеченная землей группа бедняков (49,8% общего числа крестьянских дворов), владевшая от 5 до 10 десятин земли на двор (в среднем по 7,6 десятины), увеличила свое землепользование в среднем в 1,5 раза[33]. Таким образом, в результате проведенного уравнительного передела всех земель и передачи беднякам конфискованного инвентаря 164 375 бедняцких крестьянских дворов[34] губернии, или 67,6% всех крестьянских дворов, поднялись до уровня середняков. Во Владимирской губернии, как и во всей стране, середняк стал основной фигурой в деревне.

Таков был результат проведенного в 1918 г. во Владимирской губернии распределения земель.

Бедняки и середняки Владимирской губернии, как и трудящиеся крестьяне всей страны, стали верной опорой Советской власти, надежными союзниками рабочего класса, с помощью которого они получили долгожданную землю.

---

[31] Там же.

[32] «Статистика землевладения. 1905 г.», вып. 3. СПб., 1906 (Владимирская губерния), стр. 37.

[33] Там же.

[34] Там же.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ОДЕССКОГО СОВНАРКОМА
(январь — начало марта 1918 г.)

★

М. Е. РАКОВСКИЙ

Советская власть в Одессе была установлена 14—17 января 1918 г. Обстановка в городе к этому времени оставалась весьма напряженной. Она осложнялась еще тем, что боярская Румыния начала оккупацию Бессарабии, Измаильщины, и Одесса оказалась в положении фронтового города. Город-порт, морские ворота страны, крупнейшая база Черноморского флота, важный экономический район оказался в фокусе событий, от исхода которых во многом зависела победа социалистической революции на Юге страны.

19 января 1918 г. состоялось заседание пленума ЦИК Советов Одесской области, Черноморского флота и Румынского фронта (Румчерод), где было решено, что ЦИК Румчерода становится единственным органом власти в области и на фронте и берет на себя высшее руководство армиями Румынского фронта и войсками Одесского военного округа [1].

В приказе № 1, изданном ЦИК Румчерода, указывалось, что он является верховным органом власти. Этим приказом отменялись все распоряжения Поплавко — комиссара Центральной рады в Одессе, в частности его приказ от 9 января 1918 г. о расформировании 40-го и 49-го запасных полков, управления 5-го артиллерийского запасного дивизиона, пулеметного батальона, 1-го авиационного полка и других частей [2]. Приказ Поплавко имел целью избавиться от большевистски настроенных войск Одесского гарнизона и оставить в городе только верные Центральной раде воинские части. Естественно, что активное вмешательство ЦИК Рум-

[1] ЦГАОР УССР, ф. 3156, оп. 2, д. 22, лл. 16, 17.
[2] Там же, д. 314, л. 181.

черода в дела комиссара контрреволюционной Центральной рады было весьма своевременным.

ЦИК Румчерода прежде всего направил свои усилия к пресечению попыток контрреволюции использовать войска Румынского фронта и Одесского округа для борьбы против Советской власти. 20 января 1918 г. на пленуме ЦИК Румчерода рассматривались вопросы об утверждении комиссаров во фронтовой окружной штаб, об агрессивных действиях боярской Румынии и о создании аппарата военной и гражданской власти. В связи со сложившейся обстановкой, развернувшимися военными действиями в Бессарабии было принято решение объявить мобилизацию добровольческих отрядов и транспортной флотилии в Одессе, Тирасполе, Херсоне, Аккермане, Бендерах и других районах области.

Для осуществления руководства и управления штабами Одесского военного округа и Румынского фронта была создана коллегия комиссаров; должности генерал-губернатора округа, главного начальника и военного комиссара округа были упразднены.

Так начался в Одесской области слом старой армии, старого военного аппарата и создание новой, советской армии. Это были первые шаги молодой Советской власти в Одессе в области строительства нового, советского государственного аппарата.

Вопрос об организации гражданской власти рассматривался на пленарном заседании ЦИК Румчерода 27 января 1918 г. Было принято решение о создании Одесского Совнаркома [3]. В принятии решения о создании Совнаркома проявилась столь характерная для того времени тенденция к местничеству и сепаратизму.

На следующий день ЦИК Румчерода уже конкретно рассмотрел вопрос о назначении комиссаров. Председателем Совнаркома был утвержден В. Юдовский, один из активных деятелей Одесской партийной организации, присланный сюда по решению VI съезда РСДРП(б). Вопрос о конструировании комиссариатов подробно рассматривался 30 января на совместном заседании объединенных Советов и Румчерода. Для руководства важнейшими участками народного хозяйства были созданы комиссариаты: труда — во главе с П. Старостиным, торговли и промышленности — во главе с В. Орловым, финансов, который возглавил Л. Рузер, юстиции — во главе с А. Хмельницким, охраны,— руководимый Н. Гурьевым, морской комиссариат, руководителем которого стал комиссар крейсера «Алмаз» П. Кондренко, и др. Всего было создано 14 комиссариатов [4].

Перед комиссариатами встали большие и сложные задачи — разгромить контрреволюцию в городе, упрочить Советскую власть

---

[3] Там же, д. 22, лл. 8—10.
[4] Там же, д. 27, лл. 1, 2.

и наладить нормальную жизнь населения. Исключительно трудным было продовольственное положение города. Запасов хлеба оставалось всего на две недели. Тайно собиралось контрреволюционное офицерство, готовя мятежи против Советской власти. Неподалеку проходил фронт борьбы с румынами.

На заседании ЦИК Румчерода 1 февраля обсуждались очередные задачи комиссариатов. Народные комиссариаты сообщали о том, как они начали свою деятельность. Комиссар финансов Рузер сообщил о больших трудностях, с которыми ему пришлось столкнуться. Некоторые правления банков изъяли наличные деньги, сейфы оказались пустыми, а только для того, чтобы рассчитаться с рабочими, нужно было 7 млн. рублей. На заседании приводились факты организованного саботажа буржуазии, контрреволюционной агитации и других форм подрывной деятельности врага. Народные комиссары предлагали принять твердые и решительные меры для обуздания контрреволюции и наведения революционного порядка в городе, в частности предлагалось закрыть телеграфное агентство, а также черносотенную газету «Южная Русь» и пресечь антисоветскую агитацию меньшевистской газеты «Южный рабочий». В целях пресечения саботажа буржуазии комиссары высказались против закрытия заводов. ЦИК Румчерода принял решение о срочном созыве областного крестьянского съезда для решения вопроса о земле [5].

Особое внимание Одесского Совнаркома было уделено организации производства и рабочему контролю над производством. К моменту установления Советской власти в городе одесская промышленность находилась в состоянии тяжелого кризиса. В городе насчитывалось свыше 11 тыс. безработных, и к ним прибавилось 10 тыс. безработных солдат, демобилизовавшихся из армии и осевших в городе [6]. Одесские промышленники, стремясь ввергнуть Одессу в состояние полной хозяйственной разрухи, шли на саботаж, свертывали предприятия.

По своей классовой структуре население Одессы в 1917 г. представляло весьма пеструю картину. В городе насчитывалось 655 тыс. жителей. Ведущей и наиболее многочисленной социальной группой были рабочие. На 495 предприятиях трудилось около 20 тыс. человек [7]. Многочисленной была прослойка мелкой буржуазии — около 50 тыс. человек. В Одессе насчитывалось 8326 торговых заведений [8], где осели мелкие торговцы, биржевые маклеры, торговые служащие и т. п. Одесская крупная буржуазия была тесно связана с международной, и это усиливало ее позиции.

---

[5] ЦГАОР УССР, ф. 3156, оп. 2, д. 22, лл. 19—21.

[6] Там же, ф. 2605, оп. 1, д. 466, л. 48.

[7] «Промышленность Херсонской губернии за 1911—1919 гг. в таблицах».— «Единое хозяйство», 1921, № 5-6, стр. 85.

[8] «Статэкономический обзор Херсонской губернии за 1914 г.», стр. 92, 93.

Структура одесской промышленности была неоднородной. Ведущее место занимала металлообрабатывающая отрасль промышленности, в которой было занято 44% всех рабочих Одессы. Здесь был и наиболее концентрированный рабочий класс. Так, на механическом и судоремонтном заводе товарищества Беллино-Фендериха насчитывалось 1119 рабочих, на судостроительном и судоремонтном заводе Русского общества пароходства и торговли (РОПИТ) — 1830 рабочих, на судостроительном заводе Ровенского — 1276, на заводе земледельческих машин и орудий Гена — 1540 и т. п.[9]

Большой удельный вес занимали пищевая и легкая отрасли промышленности. В этих отраслях было занято около 20 тыс. рабочих. Только на Одесской джутовой фабрике насчитывалось 1865 рабочих.

Крупным отрядом рабочего класса были железнодорожники. В Главных железнодорожных мастерских насчитывалось около 2800 рабочих, а вместе с железнодорожным узлом — 3500 человек.

Одесса — крупнейший порт, и это, естественно, наложило свой отпечаток на лицо города. Грузооборот порта и железной дороги составлял $^3/_4$ млрд. рублей. Это было значительно больше товарооборота всех отраслей промышленности города, вместе взятых. Состав рабочих порта был весьма пестрым: здесь были и кадровые рабочие, но немало было и деклассированных элементов.

На предприятиях коммунального типа (газ, трамвай, электросеть и т. п.) было занято около 10 тыс. рабочих. В Одессе развивались и такие отрасли промышленности, как кожевенная; немало рабочих было занято во всякого рода ремесленных мастерских, складах, обслуживающих торговлю.

Экономика Одессы до победы революции была тесно связана с иностранным капиталом. Многие предприятия Одессы принадлежали французским, бельгийским, немецким, английским, американским капиталистам. Немецкие капиталисты Брендт, Рестель, Беллино-Фендерих, Ген владели многими металлообрабатывающими предприятиями; бельгийские и английские капиталы были вложены в акции судоремонтного завода «РОПИТ», одесского трамвая, газового завода; грек Родоконаки был хозяином кожевенных заводов. Одна из ведущих отраслей промышленности — пищевая — работала на импортной основе: уголь доставлялся в Одессу не из Донбасса, а из Кардиффа (Англия). Из Англии же, а не из Новороссийска доставлялся цемент, из Индии — джут, из Испании — медный колчедан и т. п. Одесский водопровод был целиком сдан в концессию англичанам.

В период первой мировой войны в Одессе чрезвычайно активизировались и американские капиталисты. В городе была откры-

[9] А. Алешкин. Революционное движение и деятельность большевиков в Херсонской губернии в годы первой мировой войны (Автореферат дисс.). Одесса, 1953.

и наладить нормальную жизнь населения. Исключительно трудным было продовольственное положение города. Запасов хлеба оставалось всего на две недели. Тайно собиралось контрреволюционное офицерство, готовя мятежи против Советской власти. Неподалеку проходил фронт борьбы с румынами.

На заседании ЦИК Румчерода 1 февраля обсуждались очередные задачи комиссариатов. Народные комиссариаты сообщали о том, как они начали свою деятельность. Комиссар финансов Рузер сообщил о больших трудностях, с которыми ему пришлось столкнуться. Некоторые правления банков изъяли наличные деньги, сейфы оказались пустыми, а только для того, чтобы рассчитаться с рабочими, нужно было 7 млн. рублей. На заседании приводились факты организованного саботажа буржуазии, контрреволюционной агитации и других форм подрывной деятельности врага. Народные комиссары предлагали принять твердые и решительные меры для обуздания контрреволюции и наведения революционного порядка в городе, в частности предлагалось закрыть телеграфное агентство, а также черносотенную газету «Южная Русь» и пресечь антисоветскую агитацию меньшевистской газеты «Южный рабочий». В целях пресечения саботажа буржуазии комиссары высказались против закрытия заводов. ЦИК Румчерода принял решение о срочном созыве областного крестьянского съезда для решения вопроса о земле [5].

Особое внимание Одесского Совнаркома было уделено организации производства и рабочему контролю над производством. К моменту установления Советской власти в городе одесская промышленность находилась в состоянии тяжелого кризиса. В городе насчитывалось свыше 11 тыс. безработных, и к ним прибавилось 10 тыс. безработных солдат, демобилизовавшихся из армии и осевших в городе [6]. Одесские промышленники, стремясь ввергнуть Одессу в состояние полной хозяйственной разрухи, шли на саботаж, свертывали предприятия.

По своей классовой структуре население Одессы в 1917 г. представляло весьма пеструю картину. В городе насчитывалось 655 тыс. жителей. Ведущей и наиболее многочисленной социальной группой были рабочие. На 495 предприятиях трудилось около 20 тыс. человек [7]. Многочисленной была прослойка мелкой буржуазии — около 50 тыс. человек. В Одессе насчитывалось 8326 торговых заведений [8], где осели мелкие торговцы, биржевые маклеры, торговые служащие и т. п. Одесская крупная буржуазия была тесно связана с международной, и это усиливало ее позиции.

[5] ЦГАОР УССР, ф. 3156, оп. 2, д. 22, лл. 19—21.

[6] Там же, ф. 2605, оп. 1, д. 466, л. 48.

[7] «Промышленность Херсонской губернии за 1911—1919 гг. в таблицах».— «Единое хозяйство», 1921, № 5-6, стр. 85.

[8] «Статэкономический обзор Херсонской губернии за 1914 г.», стр. 92, 93.

Структура одесской промышленности была неоднородной. Ведущее место занимала металлообрабатывающая отрасль промышленности, в которой было занято 44% всех рабочих Одессы. Здесь был и наиболее концентрированный рабочий класс. Так, на механическом и судоремонтном заводе товарищества Беллино-Фендериха насчитывалось 1119 рабочих, на судостроительном и судоремонтном заводе Русского общества пароходства и торговли (РОПИТ) — 1830 рабочих, на судостроительном заводе Ровенского — 1276, на заводе земледельческих машин и орудий Гена — 1540 и т. п.[9]

Большой удельный вес занимали пищевая и легкая отрасли промышленности. В этих отраслях было занято около 20 тыс. рабочих. Только на Одесской джутовой фабрике насчитывалось 1865 рабочих.

Крупным отрядом рабочего класса были железнодорожники. В Главных железнодорожных мастерских насчитывалось около 2800 рабочих, а вместе с железнодорожным узлом — 3500 человек.

Одесса — крупнейший порт, и это, естественно, наложило свой отпечаток на лицо города. Грузооборот порта и железной дороги составлял $^3/_4$ млрд. рублей. Это было значительно больше товарооборота всех отраслей промышленности города, вместе взятых. Состав рабочих порта был весьма пестрым: здесь были и кадровые рабочие, но немало было и деклассированных элементов.

На предприятиях коммунального типа (газ, трамвай, электросеть и т. п.) было занято около 10 тыс. рабочих. В Одессе развивались и такие отрасли промышленности, как кожевенная; немало рабочих было занято во всякого рода ремесленных мастерских, складах, обслуживающих торговлю.

Экономика Одессы до победы революции была тесно связана с иностранным капиталом. Многие предприятия Одессы принадлежали французским, бельгийским, немецким, английским, американским капиталистам. Немецкие капиталисты Берндт, Рестель, Беллино-Фендерих, Ген владели многими металлообрабатывающими предприятиями; бельгийские и английские капиталы были вложены в акции судоремонтного завода «РОПИТ», одесского трамвая, газового завода; грек Родоконакки был хозяином кожевенных заводов. Одна из ведущих отраслей промышленности — пищевая — работала на импортной основе: уголь доставлялся в Одессу не из Донбасса, а из Кардиффа (Англия). Из Англии же, а не из Новороссийска доставлялся цемент, из Индии — джут, из Испании — медный колчедан и т. п. Одесский водопровод был целиком сдан в концессию англичанам.

В период первой мировой войны в Одессе чрезвычайно активизировались и американские капиталисты. В городе была откры-

[9] А. Алешкин. Революционное движение и деятельность большевиков в Херсонской губернии в годы первой мировой войны (Автореферат дисс.). Одесса, 1963.

та «Русско-американская торговая палата на Юге России», создан филиал американской фирмы Мак-Кормика, «Международная компания жатвенных машин». Американское консульство в Одессе во главе с Д. Реем было центром экономического шпионажа. В 1917 г. там появились всякого рода торгово-американские миссии Портера, Рута и др. В начале 1917 г. в городе обосновались филиалы таких крупных американских промышленных фирм, как машиностроительная фирма «Интернейшил харвестер», «Мортенс и К°» и многие другие.

В Одессе находились американское, английское, французское, румынское и другие консульства, под прикрытием которых активно действовала агентура империалистических государств, тесно связанная с буржуазно-помещичьими, черносотенно-монархическими организациями. Одесская крупная торгово-промышленная и финансовая буржуазия была хорошо политически организована. Она была объединена комитетом торговли и мануфактуры, купеческой управой, биржевым комитетом, располагала разветвленной сетью газет: «Торгово-промышленный юг», «Одесские новости», «Южная мысль», «Одесский листок» и др. Одесские кадеты, октябристы, монархисты действовали в тесном контакте, объединяя силы контрреволюции, опираясь на поддержку мелкобуржуазных соглашательских партий.

Многие предприятия города продолжали выполнять военные заказы. Однако отсутствие металла и топлива привело уже к концу 1917 г. к фактическому свертыванию работы предприятий. Только рабочий контроль мог поставить на ноги экономику города. И рабочие Одессы горячо откликнулись на ленинский призыв организации контроля. Это важное мероприятие проводил Народный комиссариат труда в тесном контакте с профсоюзами металлистов, моряков и др.

Еще в конце января П. Старостин от имени комиссариата труда обратился к профсоюзам и фабрично-заводским комитетам с предложением совместно разработать план организации рабочего контроля на производстве. Народный комиссариат труда получал по 300—400 писем в день по вопросам восьмичасового рабочего дня, борьбы с саботажем капиталистов и прежде всего организации рабочего контроля. Совет профсоюзов, во главе которого были меньшевики, пытался воспрепятствовать организации рабочего контроля, однако многие профсоюзы и фабрично-заводские комитеты поддержали предложение П. Старостина о создании контрольно-хозяйственных комиссий при заводских комитетах. Такие комиссии были созданы на заводах Гена, «РОПИТ», в Главных железнодорожных мастерских и ряде других предприятий. Составленные из передовых рабочих комиссии развернули активную деятельность по организации контроля. На заводе Гена комиссия вскрыла факты вывоза сырья и топлива с завода для того, чтобы остановить деятельность предприятия; комиссия приняла срочные

меры к пресечению подрывной деятельности хозяина, и завод продолжал работать. На табачной фабрике Попова были обнаружены скрытые запасы табака; комиссия приняла необходимые меры для того, чтобы парализовать саботаж предпринимателей.

Проведению мероприятий по налаживанию промышленности в Одессе оказывали сопротивление и представители иностранного капитала. Иностранные фирмы пытались вести спекуляцию иностранной валютой, вывозить за границу дефицитные товары и т. п.

Контрольно-хозяйственные комиссии зорко наблюдали за всей деятельностью предприятий, вводили твердые плановые нормы, контролировали производственный процесс, добивались повышения производительности труда.

Рабочий контроль осуществлялся в ожесточенной борьбе против буржуазии и ее агентуры в лице мелкобуржуазных партий, против анархистских и синдикалистских тенденций, против соглашательской линии Одесского совета профсоюзов. Он был замечательной школой подготовки кадров управления народным хозяйством.

Одновременно с введением рабочего контроля проводилась и национализация крупных предприятий и акционерных обществ.

В условиях Одессы чрезвычайно важным мероприятием было осуществление национализации флота. 22 ноября 1917 г. еще до установления в Одессе Советской власти на общем собрании торговых моряков Русского общества пароходства и торговли раздавались голоса о необходимости конфискации всех торговых судов и передачи их в руки союза моряков. 4 января 1918 г. одесский отдел Всероссийского союза моряков принял решение о переходе управления торговым флотом и предприятиями «РОПИТа» в руки союза. Это решение было подтверждено на расширенном совещании Совета рабочих депутатов, профсоюзов и фабрично-заводских комитетов 10 января 1918 г.[10] Был создан специальный орган — «Совет девяти» для проведения национализации Черноморского торгового флота. В числе первых национализированных предприятий Одессы были заводы «РОПИТ» и Гена. Здесь были созданы рабочие заводоуправления. На заводе «РОПИТ» первым председателем заводоуправления был активный участник революционного движения, один из руководителей союза металлистов, А. Сапельников.

Страницы газет «Голос пролетария», «Известия Одесского Совета рабочих депутатов» в те дни были заполнены сообщениями о мероприятиях, проводимых народными комиссариатами по ликвидации безработицы, борьбе с саботажем предпринимателей, укреплении революционного порядка и т. п.

В феврале 1918 г. состоялась общегородская конференция фабрично-заводских комитетов, на которой речь шла о первых успехах в проведении рабочего контроля и национализации, о новы-

[10] «Известия Одесского Совета рабочих депутатов», 12 (25) января 1918 г.

шении производительности труда на предприятиях, где хозяевами стали сами рабочие [11].

Новое активно вторгалось во все области жизни.

Важные мероприятия были проведены в культурном строительстве. Комиссариат народного просвещения начал осуществление перестройки начальной и средней школы. На Украину был распространен декрет Совнаркома РСФСР от 20 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Одесская школа стала государственной, была отменена плата за обучение, вводилось преподавание на украинском языке. На собрании учащихся одесских гимназий было принято решение о введении школьного самоуправления, о том, чтобы представители учащихся были допущены в педагогический совет [12].

Острая борьба развернулась в стенах Новороссийского (Одесского) университета между реакционно настроенной частью профессуры и революционным студенчеством. Первым профессором-коммунистом университета был историк Е. П. Щепкин — комиссар высшей школы в Одессе.

Как указывалось выше, вся деятельность Одесского Совнаркома проходила в весьма сложных условиях. Над Украиной нависла угроза нашествия германского империализма. Боярская Румыния захватила Бессарабию и Измаильщину. Одесщина была включена в орбиту развернувшейся гражданской войны.

В. И. Ленин внимательно следил за событиями на Юге страны. В телеграмме от 17 февраля, адресованной председателю Румчерода В. Юдовскому, народному секретариату Украинской Республики В. А. Антонову-Овсеенко, главнокомандующему фронтом М. А. Муравьеву, В. И. Ленин писал: «Ввиду серьезности положения на Русско-Румынском фронте и необходимости экстренной поддержки революционных отрядов в Бессарабии, Главнокомандующий Муравьев и его северная армия причисляются в распоряжение Румынской верховной коллегии. Мы ни на минуту не сомневаемся, что доблестные герои освобождения Киева не замедлят исполнить свой революционный долг» [13].

В условиях острой борьбы революции с силами контрреволюции особое внимание уделялось строительству Красной Армии. 23 января 1918 г. орган ЦИК Румчерода газета «Голос революции» сообщила о том, что приказом по Румынскому фронту и Одесскому военному округу объявлена запись добровольцев в Красную Армию. В этот же день на объединенном заседании штаба Красной гвардии, представителей заводских комитетов и боевых дружин Одессы было принято решение: «Все работающие на фабриках, заводах, в мастерских и профессиональных союзах

---

[11] «Известия Одесского Совета рабочих депутатов», 13 (26) февраля 1918 г.

[12] «Зарница», 1918, № 1, стр. 26.

[13] В. И. Ленин. Соч., т. 36, стр. 437.

должны стать без отказа под ружье в ряды Красной гвардии для защиты завоеваний свободы» [14].

Красная Армия на Одесщине создавалась на базе красногвардейских отрядов, воинских частей Одесского гарнизона и Румынского фронта. Одесская партийная организация объявила партийную мобилизацию в армию, в результате чего были сформированы первые ленинские батальоны — партийный костяк вновь создаваемой армии.

В конце января в городе был раскрыт крупный контрреволюционный заговор против Советской власти, в котором приняли участие офицеры местного гарнизона. Заговорщики готовили убийства руководителей Румчерода, взрыв броненосца «Синоп» и крейсера «Алмаз» — бастионов революции на Черном море [15]. В это время румыно-боярские войска захватили ряд придунайских городов: Рени, Измаил, Килию, Вилково. 18 февраля 1918 г. начали вторжение в Советскую республику войска германского империализма.

Советская власть подняла трудящихся на отпор врагу. 24 февраля Одесса была объявлена на военном положении. В городе формировалась 3-я армия под командованием П. Лазарева. На президиуме Совета рабочих депутатов было принято решение о слиянии штаба Красной гвардии со штабом Красной Армии и усилении боевой готовности.

С целью укрепления власти, установления твердого революционного порядка было осуществлено разделение гражданской и военной власти. Одесский Совнарком своим решением от 28 февраля 1918 г. преобразовывался в Областной исполнительный комитет и действовал под контролем Совета рабочих, солдатских, матросских и крестьянских депутатов. ЦИК Румчерода оставался координирующим органом власти в области и на фронте и должен был уделять больше внимания военным вопросам и внешней политике. Председателем Румчерода оставался В. Юдовский, а председателем исполнительного комитета Совета был назначен П. Старостин [16].

Положение на фронте ухудшалось с каждым днем. Силы были неравны. К Одессе рвалось около шести вражеских дивизий. Нужно было всю жизнь города перестраивать на новый, военный лад. 5 марта Одесский комитет РСДРП(б) обратился с воззванием ко всем трудящимся с призывом стать на защиту Советской власти. В воззвании говорилось: «На защиту себя, своих завоеваний, своей рабоче-крестьянской свободы — встаньте все. От станков — к окопам! На последний решительный бой!» [17].

---

[14] «Одесские новости», 24 января 1918 г.
[15] «Известия Одесского Совета рабочих депутатов», 8 (21) февраля 1918 г.
[16] ЦГАОР УССР, ф. 3156, оп. 2, д. 22, лл. 22—24.
[17] «Известия Одесского Совета рабочих депутатов», 6 марта 1918 г.

Для мобилизации всех сил на борьбу с врагом был создан Чрезвычайный революционный штаб по обороне Одесского района и объявлена всеобщая мобилизация.

Всего лишь немногим более одного месяца Одесский Совнарком работал в относительно мирных условиях. Это был месяц творческой, созидательной работы. Однако уже в середине февраля 1918 г. положение резко изменилось, и дальнейшая деятельность органов Советской власти на Одесщине развертывалась в огне боев с интервентами и белогвардейцами.

13 марта 1918 г. австро-германские интервенты вместе с гайдамаками заняли Одессу. Наступила новая полоса в истории революционного города — полоса временного господства врагов революции. Советская власть города — Совнарком — временно прекратил свое существование, чтобы спустя почти два года — в феврале 1920 г.— возродиться после разгрома белогвардейских войск Деникина и интервентов на Юге Советской страны.

В. И. ЛЕНИН И ЛАТЫШСКИЕ СТРЕЛКИ

★

А. А. ДРИЗУЛ

С именем Владимира Ильича Ленина связана новая эпоха в истории международного рабочего движения и всего прогрессивного человечества. Под знаменем марксизма-ленинизма строится новый мир, который неодолимо идет к созданию самого лучшего и справедливого общества в истории человечества — коммунистического общества. «Все, что есть в пролетариате понятие великого и героического, бесстрашный ум, железная, несгибаемая, упорная, все преодолевающая воля, священная ненависть до смерти к рабству и угнетению, революционная страсть, которая двигает горами, безграничная вера в творческие силы масс, громадный организационный гений,— все это нашло свое великолепное воплощение в Ленине, имя которого стало символом нового мира от запада до востока, от юга до севера» [1],— указывалось в обращении Центрального Комитета «К партии. Ко всем трудящимся» в январе 1924 г.

Трудящиеся Советской Латвии гордятся тем, что латышский пролетариат, шедший во главе освободительного движения масс латышского народа, вместе с рабочим классом всей России боролся против гнета царизма, помещиков и капиталистов под непосредственным руководством великого Ленина. С именем Ленина неразрывно связана история возникновения и развития революционного движения в Латвии. Ленин хорошо знал и высоко оценивал революционную борьбу латышского пролетариата. С именем Ленина связана история борьбы и побед революционной социал-демократии Латышского края (СДЛК) и ее преемника —

[1] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1, М., 1954, стр. 804—805.

Коммунистической партии Латвии (КПЛ). Соратник великого Ленина, основатель Коммунистической партии Латвии П. Стучка указывал: «1905 год привлек внимание Ленина к рабочему движению в Латвии, и он своим ясным умом тотчас же оценил большую революционную роль этого движения... Когда латышские стрелки в 1917 году перешли на сторону революции, его интерес полностью оправдался» [2].

В годы борьбы против царского самодержавия возникли личные дружеские связи и сотрудничество В. И. Ленина с П. Стучкой, П. Дауге, Я. Ленцманом, Ю. Данишевским, Я. Берзиным и другими видными латышскими большевиками. Вспоминая об этом, Н. К. Крупская в июне 1929 г. писала: «Павла Васильевича Берзина [3] знаю с 1906 года,— всегда он был большевиком, периодически виделся с Ильичем, постоянно работал в большевистской организации» [4].

В. И. Ленин с большим вниманием следил за развитием революционного движения в Латвии, за деятельностью латышских большевиков. В борьбе за победу социалистической революции в России и упрочение ее завоеваний большевики Латвии с честью оправдали доверие вождя революции. Незабываемой страницей в летопись истории большевиков Латвии вошла их борьба за массы в период подготовки к решающим боям за победу Великой Октябрьской социалистической революции. Большевики Латвии добились того, что латышские стрелки первыми среди других войсковых частей Северного фронта перешли на сторону большевиков за несколько месяцев до победы Великого Октября. Латышские стрелки, руководимые большевиками, стали верными солдатами социалистической революции.

П. Стучка в своих воспоминаниях указывал, что, вернувшись из Риги в Петроград в конце мая 1917 г., он сообщил В. И. Ленину о положении в Латвии и принятии объединенным съездом латышских стрелков 17 мая 1917 г. предложенной от имени ЦК СДЛК большевистской революции, осуждавшей политику буржуазного Временного правительства. «По его инициативе,— писал П. Стучка,— я должен был написать письмо из Риги (см. «Правда», 4 (17) июня 1917 г.), в котором была отмечена также и резолюция стрелков. Наш великий вождь правильно оценил значение этого факта и для всего дальнейшего хода революции» [5].

Латышские стрелки, вставшие в мае 1917 г. под знамена большевистской партии, отправили приветственную телеграмму В. И. Ленину. Они писали: «Мы приветствуем Вас как величай-

---

[2] «О Ленине». Воспоминания революционеров Латвии. Рига, 1959, стр. 24.

[3] Н. К. Крупская называет Я. А. Берзина по подпольной кличке Павлом Васильевичем.

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 174, л. 12.

[5] «О Ленине». Воспоминания революционеров Латвии, стр. 13—14.

шего тактика пролетариата России, подлинного вождя революционной борьбы, выразителя наших дум и желаем видеть Вас в нашей среде» [6].

Латышские большевики, руководимые В. И. Лениным, вели трудящихся Латвии на борьбу за победу Советской власти. В своей статье «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата» В. И. Ленин указывал, что осенью 1917 г. за большевиков в Латвии было подано 72% голосов [7].

Ленинская резолюция о вооруженном восстании, принятая на историческом заседании ЦК РСДРП(б) 10 октября 1917 г. и разосланная всем местным партийным организациям, в том числе и СДЛК, стала для латышских большевиков руководящим документом для организации решающих боев за власть Советов. Тотчас после победы Октябрьской революции В. И. Ленин поручил латышским стрелкам почетную задачу охраны Смольного, где находилось Советское правительство. После переезда Советского правительства в Москву в марте 1918 г. латышские стрелки продолжали нести охрану Кремля — резиденции Советского правительства. Латышские стрелки всегда были верны партии и Советской власти и самоотверженно боролись против контрреволюции на многих участках фронтов гражданской войны. Латышские стрелки подавили левоэсеровский мятеж в Москве в июле 1918 г. и заслужили высокую оценку В. И. Ленина как вполне преданная революции воинская часть [8].

Командир 9-го Латышского стрелкового полка В. Озол в своих воспоминаниях пишет: «Новому полку Ильич уделял большое внимание. Он заботился как о политическом воспитании стрелков, так и об удовлетворении их культурных и бытовых вопросов. Руководство политической учебой в полку было поручено одному из старейших латышских коммунистов — Розиню-Азису. На регулярно устраивавшихся в Кремле вечерах-концертах с участием лучших артистических сил Ильич обычно сидел в зале среди стрелков и кремлевских работников, а в антрактах разговаривал с таким множеством людей, что казалось, он лично знаком с каждым» [9].

С большим вниманием В. И. Ленин следил за ходом борьбы латышского народа, руководимого большевиками, за восстановление Советской власти в оккупированной Латвии. В августе 1918 г. он отмечал: «Германские империалисты не могли задушить социалистической революции. Подавление революции в красной Латвии, Финляндии и на Украине стоило Германии разложения

---

[6] «Октябрьская революция в Латвии». Документы и материалы. Рига, 1957, стр. 136.

[7] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 4.

[8] «О Ленине». Воспоминания революционеров Латвии, стр. 14.

[9] Там же, стр. 185.

армии»[10]. Агитация большевиков Латвии среди немецких солдат, поражение германской армии на западном фронте и нарастание революционного движения в самой Германии привели к разложению германских оккупационных войск в Латвии. Борьба трудящихся Латвии против оккупантов и их пособников — буржуазных националистов — нарастала с каждым днем. П. Стучка писал в ноябре 1918 г.: «...В Латвии уже возникает власть Советов. Возрождение Советов особенно поражает, если иметь в виду эвакуацию из края почти всего местного пролетариата, как заводского, так и стрелков, и карательный режим германского империализма во время войны»[11]. Он отмечал значительные успехи в агитационно-пропагандистской работе большевиков Латвии в армии оккупантов. «Еще ни одна германская войсковая часть не прошла через Ригу, не унеся с собой заразу латышского большевизма»[12].

Революционное движение латышского народа во второй половине декабря 1918 г. достигло высшей степени — стадии вооруженного восстания, которое слилось с освободительным походом латышских стрелков и других частей Красной Армии на помощь восставшим трудящимся Латвии.

Советы рабочих депутатов Риги, Либавы и Валки обратились с призывом к пролетариату Советской России и международному пролетариату поддержать освободительную борьбу трудящихся Латвии за восстановление Советской власти.

В обращении Советов говорилось: «Мы обращаем свои взоры к Социалистической Советской России, с которой нас неразрывно связывает длительная совместная борьба за социализм, и от нее прежде всего ожидаем моральной и материальной поддержки в нашей борьбе»[13]. 29 ноября 1918 г. В. И. Ленин телеграфировал главнокомандующему вооруженными силами РСФСР И. И. Вацетису: «...дать командному составу соответствующих воинских частей указание о том, чтобы наши войска всячески поддерживали временные Советские правительства Латвии, Эстляндии, Украины и Литвы, но, разумеется, только Советские правительства»[14]. 4 декабря 1918 г. ЦК социал-демократии Латвии совместно с представителями Советов рабочих депутатов Риги, Либавы и Валки утвердили временное Советское правительство Латвии во главе с П. Стучкой. 17 декабря был опубликован Манифест временного Советского правительства, в котором оно провозгласило переход всей власти в Латвии в руки Советов рабочих и беззе-

---

[10] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 75.

[11] П. Стучка. За советскую власть в Латвии 1918—1920. Сб. статей. Рига, 1964, стр. 55.

[12] Там же, стр. 56.

[13] «Latvijas Komunistiska partija 1919 gada». Dokumenti un materiali. Riga, 1958, 184. lpp.

[14] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 234.

мельных депутатов [15]. Руководствуясь марксистско-ленинскими принципами в национальном вопросе, правительство РСФСР признало независимость Советской Латвии. 22 декабря 1918 г. за подписью В. И. Ленина был издан декрет, в котором говорилось: «1. Российское Советское правительство признает независимость Советской республики Латвии. Высшей властью Латвии Российское Советское правительство признает власть Советов Латвии, до съезда же Советов — власть правительства рабочих, безземельных и стрелков Латвии, возглавляемого тов. Стучкой.

2. Российское Советское правительство вменяет в обязанность всем соприкасающимся с Латвией военным и гражданским властям Российской Советской Республики оказать Советскому правительству Латвии и его войскам всяческое содействие в борьбе за освобождение Латвии от ига буржуазии.

3. Народному комиссариату продовольствия и Высшему совету народного хозяйства поручается войти в соглашение с соответствующими органами Советской республики Латвии на предмет установления товарообмена между обеими республиками» [16].

Декрет Совнаркома был на следующий день, 23 декабря 1918 г., утвержден специальным постановлением ВЦИК [17]. К концу декабря 1918 г. от гнета оккупантов и национальной буржуазии уже была освобождена большая часть Латвии — Видземе и Латгалия. Близилось освобождение Риги и Курземе. «Владимир Ильич с чрезвычайным вниманием следил за событиями на новом Западном фронте» [18],— писал впоследствии Ю. Данишевский, заместитель председателя Советского правительства Латвии в 1919 г. 3 января 1919 г. восставшие рижские рабочие, поддержанные латышскими стрелками, освободили столицу Советской Латвии — Ригу от ига оккупантов и контрреволюции. В. И. Ленин в январе 1919 г. в «Письме к рабочим Европы и Америки» отмечал: «...„советское движение“ завоевало Ригу и Харьков. Латвия и Украина становятся Советскими республиками» [19]. К этому времени по всей Латвии, за исключением Либавы и ее окрестностей, была установлена Советская власть. Важную роль в создании и укреплении нового, советского строя, укрепления национальной советской государственности сыграл I съезд Советов рабочих, безземельных и стрелковых депутатов Латвии. 6 января Советское правительство Латвии направило телеграммы В. И. Ленину и Я. М. Свердлову с приглашением принять участие в работе съезда. В телеграмме В. И. Ленину говорилось: «Вас, вождя восставшего меж-

---

[15] «Социалистическая Советская Республика Латвия в 1919 г. и иностранная интервенция». Документы и материалы, т. I. Рига, 1959, стр. 150—152.

[16] Там же, стр. 167.

[17] Там же, стр. 167—168.

[18] «Воспоминания о Ленине». Сб. первый. М., 1934, стр. 39.

[19] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 462.

дународного пролетариата и друга пролетариата Латвии, приглашаем на объединенный съезд Советов Латвии 13 января в Риге» [20]. I съезд Советов Латвии состоялся 13—15 января в освобожденной Риге. Почетным председателем съезда был избран В. И. Ленин. На съезде с яркой речью о дружбе латышского и русского пролетариата выступил Я. М. Свердлов, приветствовавший делегатов съезда от имени ВЦИК. В своей речи он заявил: «Товарищи, ни с одной частью мира мы не связаны так тесно, как мы связаны с Красной Латвией..., ни с кем мы так не связаны, как со стрелками Латвии» [21].

I съезд Советов Латвии торжественно провозгласил создание Социалистической Советской Республики Латвии (ССРЛ) и принял первую Советскую конституцию ССРЛ. В духе пролетарского интернационализма и дружбы народов съезд принял резолюцию об отношениях Советской Латвии и Советской России, «...исходя из единодушного сознания трудового народа, что Латвия с Советской Россией должны жить в самом тесном братском союзе и продолжать борьбу против вмешательства иностранных империалистов и за победу трудового народа» [22].

Клятву верности делу Ленина, принципам пролетарского интернационализма трудящиеся Латвии сдержали. В суровые годы гражданской войны и борьбы с иностранной интервенцией, когда превосходящим силам международного империализма удалось к началу 1920 г. подавить Советскую власть в Латвии, революционные латышские стрелки остались верны своему пролетарскому долгу. На фронтах гражданской войны они героически защищали завоевания Великого Октября, первое в мире социалистическое государство — надежду и гордость международного пролетариата.

По заданию В. И. Ленина латышских стрелков направляли на самые ответственные участки фронтов. Они громили белогвардейцев под Кромами и Орлом, под Белгородом и Харьковом, под Каховкой и Перекопом, принимали активное участие в разгроме походов Антанты. «Когда Советская власть переживала, быть может, самый серьезный кризис,— писал П. Стучка,— в дни, когда Деникин приближался к Орлу и Туле, Центральный Комитет Российской Коммунистической партии по предложению Ленина принял особое постановление — перевести части латышских стрелков с Западного фронта на юг... Свои самые большие надежды Ленин возлагал на прославленную кочницу и латышских стрелков... И на этот раз он тоже не обманулся в своих надеждах» [23].

---

[20] «Социалистическая Советская Республика Латвии в 1919 г. и иностранная интервенция», т. I, стр. 206.

[21] Там же, стр. 221.

[22] Там же, стр. 230.

[23] «О Ленине». Воспоминания революционеров Латвии, стр. 15—16.

Международной контрреволюции удалось в 1920 г. подавить в Латвии Советскую власть. Но она не могла уничтожить в сердцах трудящихся масс животворную идею Советской власти, верность делу революции и ее великому вождю В. И. Ленину. С именем Ленина трудящиеся Латвии боролись против господства буржуазии. ЦК РКП(б) в своем приветствии в связи с 20-летием «Циня» писал: «Из того, что революционные рабочие были и остаются верны идеям Ленина, ЦК РКП(б) черпает свою глубокую уверенность в том, что недалек тот час, когда пролетариат Латвии освободится от ига буржуазной диктатуры» [24].

В день похорон В. И. Ленина 27 января 1924 г. трудящиеся Латвии почтили светлую память великого вождя всего трудящегося человечества пятиминутной остановкой работы. У гроба Ленина в траурном почетном карауле стояли бывшие латышские стрелки, кавалеры ордена боевого Красного Знамени. В день похорон в траурном шествии вместе с колоннами рабочих Красной Пресни шла колонна латышских стрелков, неся боевые знамена латышской стрелковой дивизии, бригад и полков латышских стрелков [25].

От имени пролетариата Латвии в Москве на гроб В. И. Ленина был возложен венок. На красной ленте венка было написано: «Другу пролетариата Латвии — дорогому Ильичу. Стоим на страже вечно живого и боевого ленинизма. Центральный Комитет Коммунистической партии Латвии» [26].

Великие идеи ленинизма, как горящий факел, освещали путь борьбы трудящихся масс латышского народа за свое освобождение, увенчавшееся восстановлением Советской власти в Латвии в результате победы социалистической революции 1940 г.

---

[24] «История Латвийской ССР», стр. 425.
[25] «О Ленине». Воспоминания революционеров Латвии, стр. 303—304.
[26] Там же, стр. 314.

ИЗ ИСТОРИИ СОВМЕСТНОЙ БОРЬБЫ ТРУДЯЩИХСЯ ЗАКАВКАЗЬЯ ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ

★

Г. А. ГАЛОЯН

Опыт Великой Октябрьской социалистической революции показывает, что победа и упрочение Советской власти как в центре России, так и на ее окраинах не были бы возможными без того единства рабочих и крестьян всех национальностей, которого добилась возглавляемая великим Лениным Коммунистическая партия в ходе трех русских революций. Обобщение опыта пролетарской солидарности трудящихся всех национальностей России в борьбе за Советскую власть имеет огромное научное и политическое значение.

Буржуазные идеологи тщетно пытаются отрицать интернациональный характер Октябрьской революции. Они повторяют избитый тезис о «национальной ограниченности» социалистической революции в России. Развивая эту «теорию», буржуазные фальсификаторы доходят до абсурда, стремясь уверить своих читателей в том, что якобы русские большевики, организовав победу Октябрьской революции, тем самым отказались от принципов пролетарского интернационализма и стали на путь «национального коммунизма». Такая грубая фальсификация нужна современным буржуазным идеологам для того, чтобы принизить международное значение Октябрьской революции, нанести ущерб международному рабочему и коммунистическому движению.

История совместной борьбы трудящихся многонационального Закавказья показывает, что победа Октябрьской революции в Закавказье прежде всего ознаменовала торжество идей пролетарского интернационализма, явилась примером единства и нераздельности интернациональных и национальных задач Октябрьской революции.

Под влиянием русского рабочего революционного движения еще в 90-х годах XIX в. на Кавказе появились первые маркист-

ские кружки, распространявшие идеи марксизма. Кавказские социал-демократические организации ленинско-искровского направления с первых дней своего возникновения развернули борьбу против оппортунизма и буржуазного национализма за интернациональное сплочение многонационального пролетариата Закавказья. Большевики Закавказья были лучшими носителями интернациональных традиций пролетариата края.

В. И. Ленин пристально следил за революционным движением на Кавказе, направлял его и руководил им, подчеркивая большое значение Кавказа в общероссийской революционной борьбе пролетариата. Закавказская большевистская организация, которая по своему составу, подобно пролетариату Закавказья, была интернациональной, существовала как единая организация. В. И. Ленин считал, что интересам и задачам рабочего движения соответствует то полное единство рабочих всех наций, которое осуществлялось так долго и так успешно на Кавказе.

«У нас и на Кавказе,— писал В. И. Ленин М. Горькому в феврале 1913 г.,— с.-д. грузины + армяне + татары + русские работали *вместе*, в *единой* с.-д. организации *больше десяти лет*. Это не фраза, а пролетарское решение национального вопроса. Единственное решение» [1].

Всесторонний учет большевиками национальных интересов и национальных задач каждой без исключения нации сделал возможным интернациональное единство трудящихся всех национальностей в борьбе за победу социалистической революции в России. Это способствовало тому, что в период подготовки и проведения Октябрьской революции национально-освободительное движение угнетенных наций было так успешно направлено в пролетарское русло.

Коренные интересы русского пролетариата и интересы пролетариев и полупролетариев малых наций полностью совпали. Русский пролетариат оказывал бескорыстную помощь трудящимся окраин в их борьбе за социальное и национальное освобождение, выполняя тем самым свой интернациональный долг. Пролетариат и беднейшее крестьянство угнетенных наций оказывали поддержку русскому пролетариату в его классовой борьбе, в свою очередь выполняя свой долг пролетарской солидарности и пролетарского интернационализма.

Пролетариат и трудовое крестьянство угнетенных царизмом наций с энтузиазмом приняли весть о победе Октябрьской революции и решительно стали на путь защиты ее завоеваний. В победе социалистической революции они видели единственную возможность не только социального, но и *национального* освобождения, потому что Октябрьская революция объективно отвечала

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 162.

назревшим требованиям национально-освободительного движения угнетенных малых народов в эпоху пролетарских революций.

Пролетариат Закавказья, возглавляемый социал-демократическими организациями, выступил за тесный союз национально-освободительной борьбы народов края с русским рабочим движением. Это понятно, ибо, как указывал В. И. Ленин, для пролетариата национальные требования подчинены интересам классовой борьбы [2].

В период подготовки и проведения социалистической революции общедемократическое содержание национализма угнетенной царизмом буржуазии Закавказья отодвигалось на задний план. Экономически и политически тесно связанная с русской буржуазией, закавказская буржуазия искала поддержку у русской буржуазии против своего пролетариата. Национализм закавказской буржуазии превратился в крайне реакционную идеологию, и поэтому большевики не только не поддерживали этот национализм, но считали его злейшим врагом революции на Кавказе.

Буржуазный национализм дашнаков, мусаватистов и грузинских меньшевиков в период подготовки и проведения Октябрьской революции служил интересам империалистов и выражал интересы господствующих классов. Он своим острием был направлен против революционного движения рабочих и крестьян Закавказья, против Советской власти.

Поэтому большевики, организуя борьбу за свержение буржуазии и помещиков, в то же время направляли свое оружие против злейшего врага социалистической революции на Кавказе — буржуазного национализма. Интересы пролетарской революции на Кавказе настоятельно диктовали необходимость тесного единства и союза рабочих и крестьян всех национальностей Кавказа в борьбе за победу Советской власти.

Вся деятельность большевистских организаций Закавказья, их общекраевых руководящих органов — Кавказского краевого комитета партии, а затем Кавбюро ЦК РКП(б) — была направлена на интернациональное сплочение всех рабочих и крестьян края, на сплочение их вокруг Коммунистической партии и русского пролетариата.

Как известно, после победы Октябрьской революции бакинский многонациональный пролетариат под руководством бакинской партийной организации первым в Закавказье взял власть в свои руки. Советский Баку явился маяком социалистической революции не только для народов Закавказья, но и для народов угнетенного Востока. Он воплощал лучшие интернационалистические традиции многонационального Закавказья, те традиции, которыми восхищался великий Ленин еще до победы Октября.

---

[2] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 273.

Укреплению Советской власти в Баку во многом способствовало нарастание революционного подъема во всем Закавказье, что вызвало сильную реакцию контрреволюции Закавказья и иностранных империалистов, объединивших свои силы и выступивших против рабочих и крестьян Азербайджана, Грузии и Армении.

Буржуазно-националистические партии создали так называемые национальные внеклассовые землячества и вели разнузданную шовинистическую пропаганду, стремясь внести разлад в ряды революционных сил.

В противовес этим националистическим организациям большевики создали интернациональные рабочие землячества, которые вели широкую агитацию в деревнях, ослабляли влияние националистов, способствовали укреплению союза рабочих с крестьянством всех национальностей. Плодотворную работу развернул среди молодежи Интернационалистический союз рабочей молодежи.

В воспитании многонационального пролетариата Баку и трудящихся всего Закавказья в духе ленинского интернационализма неоценимую роль сыграла большевистская печать Баку, которая была незаменимым идеологическим оружием в руках большевиков в борьбе против буржуазного национализма. Всей этой работой руководили Бакинский комитет партии, такие деятели революционного движения, как Ст. Шаумян, М. Азизбеков, А. Джапаридзе, И. Фиолетов, А. Микоян, Н. Нариманов, Я. Зевин, А. Каринян и др.

Большевистская печать Баку — это летопись борьбы большевиков за интернациональное сплочение трудящихся. Она беспощадно разоблачала буржуазный национализм мусаватистов, дашнаков и меньшевиков, происки иностранных империалистов, как яркий маяк в темной ночи освещала путь рабочих и крестьян, призывая их к пролетарской солидарности.

Воплощением идей пролетарского интернационализма была боевая дружина Бакинской коммуны, созданная бакинскими большевиками в начале 1918 г. В рядах боевой дружины рука об руку боролись армяне, русские, азербайджанцы, грузины, горцы, евреи.

Интернациональное единство многонационального пролетариата Закавказья выдержало трудное испытание в дни мартовских событий в Баку в 1918 г., когда мусаватистские банды в сговоре с германо-турецкими империалистами подняли контрреволюционный мятеж с целью свержения Советской власти, отделения Закавказья от Советской России и подчинения его турецкому протекторату.

Революционный комитет обороны во главе с С. Шаумяном руководил подавлением мятежа. В рядах Красной гвардии, Красной интернациональной армии и Красного флота сражались лучшие представители всех национальностей Закавказья. Как отмечал С. Шаумян, мусульмане, армяне, русские дружно охраняли промыслы. «Бакинские рабочие без различия национальностей —

русские, армяне, мусульмане, грузины,— говорилось в одном из воззваний Бакинского Совета Народных Комиссаров,— готовы умереть с оружием в руках, но будут бороться против своих внутренних и внешних поработителей, будут защищать свободу рабочих и крестьян... Знамя Бакинского Совета есть знамя свободы и братства трудящихся» [3].

По призыву Кавказского краевого комитета партии на защиту Советской власти в Баку выступили трудящиеся не только Азербайджана, но и Дагестана, Армении, Грузии — всего Закавказья. Именно это интернациональное единство закавказского пролетариата было залогом победы, которую одержали революционные силы над мусаватистскими мятежниками.

В атмосфере шовинистического угара в Закавказье Бакинская коммуна была знаменосцем пролетарского интернационализма. Она превратилась в дружную семью многонационального пролетариата Закавказья и придавала новое содержание вековой дружбе русского и закавказских народов. На революционном опыте Бакинской коммуны закавказский пролетариат твердо убедился в том, что получит свое освобождение и разрешение национального вопроса только при условии установления Советской власти в крае, в тесном союзе с Советской Россией. Это имело огромное политическое значение для дальнейшей борьбы пролетариата за победу Советской власти во всем Закавказье.

Пролитая на баррикадах Бакинской коммуны кровь тысяч рабочих и крестьян, героическая гибель бессмертных бакинских комиссаров еще больше скрепили дружбу многонационального закавказского пролетариата, не знавшего никакой национальной розни.

Захватив с помощью иностранных империалистов власть и создав так называемые независимые республики, буржуазно-националистические партии, их «национальные советы» вступили на гибельный для народов края путь активного национализма, создали атмосферу национального обособления, вражды и подготовили почву для межнациональной резни. Они вели разнузданную шовинистическую пропаганду, стремясь внести разлад в ряды революционных сил.

Кавказский краевой комитет партии в одном из своих воззваний к трудящимся массам всего Кавказа расценивал создание «независимых» республик Грузии, Азербайджана и Армении как издевательство над трудящимися массами, как обман и предательство. «Но этот обман, это предательство трудящихся масс,— говорилось в воззвании,— нужно было не только в интересах „своей", отечественной буржуазии, но все это еще больше нужно было и в интересах иностранной империалистической буржуазии....

---

[3] «Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане». Документы и материалы. 1917—1918 гг. Баку, 1957, стр. 451, 452.

рассечение Закавказья на части и разъединение его демократии в целях ее обессиления было как раз в интересах иностранных хищников-империалистов; и они пока что достигли своей цели»[4].

С образованием «независимых» республик Армении, Грузии и Азербайджана еще более обострились классовые противоречия в этих республиках, а буржуазно-националистические партии полностью дискредитировали себя как антинародные, проимпериалистические партии.

Для интернационального воспитания рабоче-крестьянских масс Закавказья огромное значение имела помощь ЦК РКП(б) и лично В. И. Ленина большевистским организациям края. Только в 1919 г. Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) более 10 раз обсуждали вопросы, связанные с деятельностью большевистских организаций Закавказья. Во многих заседаниях В. И. Ленин принимал личное участие.

Руководствуясь указаниями В. И. Ленина и ЦК РКП(б), большевики Закавказья в условиях шовинистической травли и межнациональных столкновений вели героическую борьбу за интернациональное единство рабочих и крестьян Закавказья. Большую плодотворную работу развернули в этой области Кавказский краевой, Бакинский, Тифлисский и Эриванский комитеты партии.

Как известно, империалисты США, Англии и Франции всячески помогали белогвардейским бандам вести борьбу против Советской власти. Особую ставку они делали на Деникина и Колчака. Деникину оказывали всяческую помощь также буржуазно-националистические партии Закавказья.

Правительство Советской России в начале 1919 г. обратилось к закавказским правительствам с предложением отказаться от помощи Деникину и вести совместную борьбу против общего врага рабоче-крестьянских масс России и Кавказа. Буржуазные националисты отказали правительству Советской России. Но рабочие и крестьяне Армении, Грузии и Азербайджана вопреки воле своих правителей под руководством большевиков поднялись на борьбу против деникинских банд и их иностранных покровителей. Интересный эпизод рассказывает участник революционных событий в Дагестане Адбурагим Далгат. Когда деникинцы захватили Дербент, Кавказский краевой комитет организовал в Баку отряды и отправил их на помощь партизанам Дагестана. «Кто-то из партизан,— пишет он,— обращаясь к одному из прибывших с нами красноармейцев, спрашивает: зачем он, русский, здесь и дерется [вместе] с партизанами? Наша специальность,— отвечает, смеясь бакинец,— драться за революцию, где бы она ни была»[5]. В этом ответе много сказано о пролетарской солидарности, четко сформу-

---

[4] «Борьба за победу Советской власти в Грузии». Документы и материалы. Тбилиси, 1958, стр. 462.

[5] «Борьба за власть Советов в Дагестане». Сб. воспоминаний. М., 1958, стр. 55, 56.

лирована сущность пролетарского интернационализма. Если дашнаки силой оружия отправляли армян в деникинскую армию для борьбы с революцией, то одетые в шинели рабочие и крестьяне не только не хотели выступать против своих братьев по классу — русских рабочих и крестьян, а, наоборот, свое оружие поворачивали против Деникина. По свидетельству газеты «Кубанский край», Деникин был «очень озлоблен» на армян, так как в Армавире армяне дважды выступали против него, и в результате, как пишет газета, «штаб добровольческой дивизии попал в плен к большевикам», а армянский отряд, находившийся у Деникина, перешел на сторону большевиков [6].

Против Деникина выступали рабочие Баку, Тифлиса, Батума и других городов. В мобилизации сил многонационального пролетариата Баку особенно большую роль сыграла руководимая большевиками Бакинская рабочая конференция. Именно совместное выступление рабочих всего Закавказья спасло край от вторжения деникинских банд, ослабило тыл деникинцев и тем самым во многом способствовало разгрому их сил.

Решающее значение сыграла совместная борьба трудящихся Закавказья и в провале английской вооруженной интервенции в Закавказье. Более того, сам факт интернациональной борьбы трудящихся Закавказья имел огромное революционизирующее влияние на солдат английской армии, которые начинали понимать, что они посланы в Закавказье для защиты своекорыстных интересов империалистов. Вот как в беседе с местными рабочими выразил эту мысль один из английских солдат: «Я вернусь в Ист-Энд и протяну прохожему донышко своей фуражки — подайте что-нибудь,— а в это время Ллойд-Джордж, развалившись в кресле, будет курить ароматную сигару». Другой солдат заявил: «Мы можем быть не друзьями большевиков, но не врагами их. Наше дело идти домой. А большевики достаточно умны..., чтобы самим создать порядок у себя. Мы не дураки, никто из нас не подчинится приказу идти против русских большевиков...» [7].

В борьбе против иностранных интервентов и внутренних поработителей еще больше укрепилась пролетарская солидарность рабоче-крестьянских масс Закавказья.

Касаясь этого вопроса, А. И. Микоян в тезисах доклада «К кавказскому вопросу», представленных в ЦК РКП(б) в конце 1919 г., констатировал: «...После двухгодичного хозяйничания „своих“ капиталистов и помещиков, после продолжения эксплуататорской политики по отношению к рабочим и крестьянам, после непрерывных искусно спровоцированных правительствами национальных войн и конфликтов в условиях империалистической оккупации Закавказья и постоянной угрозы вторжения деникинских

---

[6] ЦГАОР СССР, ф. 46, оп. 2, д. 35, л. 9 (вырезка из газеты).
[7] Там же, ф. 1318, оп. 1, д. 98, л. 88.

банд в его пределы и после ряда других горьких уроков жизни рабочие и крестьяне Кавказа пришли *к сознанию необходимости интернационального объединения трудящихся и необходимости гражданской войны для Советской власти*... Ныне нам одним удалось во главе революционных сил успешно сорганизовать их в интернациональных рамках Коммунистической партии и вести их в бой с местной, российской и мировой контрреволюцией» [8].

Буржуазный историк американский профессор Ричард Пайпс и другие пытаются отрицать общеизвестные факты единой интернациональной борьбы рабочих и крестьян Закавказья за Советскую власть. Говоря о противоречивых стремлениях грузинской, армянской и азербайджанской буржуазии в их борьбе за «независимость», они приписывают это национально-освободительному движению народов Закавказья, стараясь доказать, будто коммунистические партии Грузии, Азербайджана и Армении стали преемниками политики своей национальной буржуазии, а национально-освободительная борьба народов Закавказья имела чисто националистический характер и ничего общего не имела с освободительной борьбой русского рабочего класса. Для подтверждения этого тезиса Пайпс, например, тщетно пытается убедить своих читателей, что между большевистскими организациями Закавказья, в частности между большевистскими комитетами Тифлиса и Баку, якобы шла борьба за гегемонию. Такая трактовка вопроса явно несостоятельна. В партийной организации Закавказья шла борьба, но не за гегемонию того или иного комитета, а за выработку правильной тактической линии в борьбе за завоевание масс перед решительным боем.

Борьба за Советскую власть в Закавказье шла в условиях сложного переплетения национальных и классовых противоречий, требовавших особо гибкой тактики большевистских организаций Закавказья. Создавшаяся обстановка требовала от большевистских организаций Закавказья, прежде всего от руководящего центра — Краевого комитета партии, самым тщательным образом учесть местные особенности и считаться с ними при разработке своей тактической линии. Но Кавказский краевой комитет, отдельные партийные организации и деятели допустили тогда серьезную ошибку: они не согласились с С. Шаумяном, который еще в начале 1918 г., исходя из местных условий и ленинской постановки вопроса о самоопределении наций, ставил вопрос о признании необходимости лозунга создания независимых национальных Советских республик. Шаумян правильно считал, что такой лозунг мог бы расшатать влияние буржуазных националистов, игравших на национальных чувствах народов края. Противники такого лозунга необоснованно опасались, что он даст права гражданства национализму.

[8] Партархив Азербайджанского филиала ИМЛ при ЦК КПСС. Копийный фонд, д. 39, л. 6 (курсив наш.— *Г. Г.*).

Этот вопрос в дальнейшем неоднократно обсуждался как в местных партийных организациях, так и в Краевом комитете РКП(б). Ошибка Краевого комитета партии была исправлена с помощью ЦК РКП(б) в мае 1919 г. Краевой комитет, признав правильность лозунга создания *независимых советских республик* Закавказья и соответственно отдельных коммунистических партий, руководил всей деятельностью партийных организаций края в этой области. «Считаясь с фактом существования национальных республик Кавказа и с целью не дать буржуазии идеологической почвы для национальной травли и этим самым не запутать и не усложнить национальными моментами непосредственную классовую боевую задачу пролетариата — свержение буржуазии и создание Советской власти, Кавказский краевой комитет РКП(б) в уже упомянутых тезисах по поручению майской общегородской партийной конференции в Баку... постановил: не выступать против национальных республик, а главное, во имя лозунгов и очередной задачи дня, считать [необходимым] свержение правительств существующих республик и установление Советской власти в их пределах, создание советских республик Азербайджана, Грузии и Армении, добиваясь добровольного объединения их с Советской Россией в военном, экономическом вопросах»[9]. В этом же документе подчеркивалась необходимость развернутой борьбы с любыми проявлениями национализма.

Партия вела эту борьбу, объединяя вокруг себя рабочих и крестьян Закавказья. Родившись в огне классовой борьбы, коммунистические партии Азербайджана, Грузии и Армении явились боевыми отрядами Российской Коммунистической партии и в гражданской войне защищали общеклассовые интересы пролетариата всех национальностей. ЦК РКП(б) и лично В. И. Ленин руководили всей деятельностью большевиков Закавказья. Этим и объясняется тот факт, что они в атмосфере шовинистического угара сумели сомкнуть интернациональные ряды пролетариата Закавказья, сплотить его вокруг партии Ленина.

Буржуазные фальсификаторы не хотят и не могут понять того, что возникшие на базе революционного движения рабочих и крестьян большевистские организации Закавказья, оформившиеся затем в коммунистические партии Азербайджана, Грузии и Армении, были и остаются боевыми отрядами КПСС, идейной основой которой является марксизм-ленинизм, что не было и не может быть противоречий между их интересами.

Славной страницей пролетарской солидарности трудящихся Закавказья является помощь рабочих и крестьян Советского Азербайджана трудовому народу Армении в период героического Майского восстания в 1920 г. Восстановление Советской власти в

---

[9] Партархив Азербайджанского филиала ИМЛ при ЦК КПСС. Копийный фонд, д. 39, л. 7.

Азербайджане вызвало замешательство в правящих кругах дашнаков и меньшевиков. Они злобно клеветали на Советскую власть, сеяли в Азербайджане провокационные слухи и пытались вызвать межнациональные столкновения. Благодаря активной политической работе большевиков Армении эта провокационная политика была разоблачена. Не случайно уже 1 мая участники многотысячного митинга в Александрополе радушно приветствовали установление Советской власти в Азербайджане, считая победу рабочих и крестьян Азербайджана своей собственной. В телеграмме председателю Азербайджанского ревкома Н. Нариманову они писали: «В этот торжественный день мы, рабочие, крестьяне и солдаты Армении, через голову контрреволюционного изменнического правительства армянских мусаватистов (дашнаков.— *Г. Г.*) протягиваем, вам, революционным рабочим, крестьянам и аскерам, свою братскую руку и даем торжественное обещание расправиться с правительством гнета и насилия, с правительством, облитым кровью десятков тысяч невинных жертв рабочих и крестьян...» [10].

В дни восстания рабочие и крестьяне Азербайджана группами подходили к границам Армении и предлагали свою помощь восставшим братьям.

После поражения восстания, когда в стране свирепствовал белый террор дашнаков и тюрьмы были заполнены восставшими, многие рабочие и крестьяне бежали из Армении и нашли приют у своих азербайджанских братьев. И когда дашнаки зверски расправлялись с лучшими сынами Армении, в их защиту совместно с рабоче-крестьянской Россией выступил также Советский Азербайджан. На территории Советского Азербайджана сформировался отдельный красноармейский армянский полк, который в конце ноября совместно с частями 11-й армии вошел в Армению. В Баку действовало Заграничное бюро ЦК КП Армении, оно руководило подпольной работой коммунистических организаций Армении и подготовкой восстания.

В горах Зангезура рука об руку с армянскими рабочими и крестьянами боролись против дашнаков сыны азербайджанского народа.

Такой же характер носило содружество рабочих и крестьян Армении, Грузии и Азербайджана в борьбе за свержение меньшевистского правительства Грузии. Известно, что началу свержению меньшевистского правительства положило вооруженное выступление трудящихся так называемой нейтральной зоны в ночь на 12 февраля 1921 г. Меньшевики сосредоточили большие вооруженные силы в этом районе и явно готовились к войне против Советской Армении. В этом их усердно поддерживали дашнаки,

---

[10] «Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти в Армении». Сб. документов. Ереван, 1957, стр. 323.

которые стремились приурочить свой контрреволюционный мятеж к нападению меньшевиков на Армению. Всей этой инсценировкой дирижировали империалисты Антанты. Однако спектакль провалился. Подпольные большевистские организации Лорийского района совместно с грузинскими трудящимися Борчалинского уезда подняли на вооруженную борьбу трудящихся армян и грузин и совместным дружным ударом положили начало свержению власти меньшевиков. В речи на заседании Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов 28 февраля В. И. Ленин говорил: «И кончилось это тем, что замысел армянской буржуазии против нас... повернулся против них и повернулся так, что в Тифлисе, по последним сведениям, которые еще не проверены, оказалась Советская власть» [11].

Высшим проявлением пролетарского интернационализма является бескорыстная братская помощь великого русского народа народам Закавказья в их борьбе за Советскую власть. С первого же дня победы Великого Октября Советская Россия постоянно выступала в защиту интересов азербайджанского, грузинского, армянского и других народов Закавказья.

Мужественная борьба Советской России и Коммунистической партии во главе с В. И. Лениным против империалистов германо-турецкого блока, Антанты и США имела огромное значение в освобождении трудового народа Азербайджана, Грузии и Армении от ярма иностранных колонизаторов и их буржуазно-националистических агентов.

Спровоцированное империалистами Антанты турецкое наступление на Армению осенью 1920 г. В. И. Ленин рассматривал как попытку захвата всего Закавказья. Выступая 9 октября 1920 г. на совещании актива Московской организации РКП(б) с докладом о внутреннем и внешнем положении республики, В. И. Ленин отметил: «Недавно турки стали наступать на Армению с целью захвата Батума, а потом, может быть, и Баку. Понятно, что мы в этом вопросе должны проявить максимальную осторожность» [12]. В заключительном слове по докладу о концессиях на фракции РКП(б) VIII съезда Советов 21 декабря 1920 г. В. И. Ленин прямо указал: «Турецкое наступление было рассчитано против нас. Антанта рыла яму для нас и сама в нее попала, ибо мы получили Советскую Армению.

Наверху в Турции стоят кадеты, октябристы, националисты, которые готовы продать нас Антанте» [13].

После установления Советской власти в Армении и заключения договора от 16 марта 1921 г. между Турцией и Советской

---

[11] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 356.

[12] Там же, т. 41, стр. 339—340.

[13] «Заключительное слово В. И. Ленина по докладу о концессиях на фракции РКП(б) съезда Советов 21 декабря 1920 г.» — «Коммунист», 1963, № 6, стр. 8.

Россией, турецкие националисты всячески стремились оставить в своих руках те армянские земли, которые по договору должны были перейти к Советской Армении. С этой целью они всячески помогали дашнакам в их февральской авантюре 1921 г., надеясь на то, что дашнаки захватят власть и Армения лишится поддержки Советской России. Ожидая благоприятного для них исхода февральской авантюры, они всячески задерживали эвакуацию своих войск из Армении. Советское правительство России неоднократно указывало Турции, что война ее с Советской Арменией была бы одновременно и войной с Советской Россией. Только после подавления дашнакского мятежа под давлением Советской России турецкие националисты вынуждены были освободить оккупированные ими части территории Армении.

Именно русские рабочие и крестьяне под руководством созданной великим Лениным славной Коммунистической партии принесли мир и свободу народам Закавказья, помогли им свергнуть власть империалистов и буржуазных националистов и установить Советскую власть, что явилось поворотным пунктом в многовековой истории свободолюбивых народов Азербайджана, Армении и Грузии. И после установления Советской власти в Закавказье народы Азербайджана, Армении и Грузии не могли бы защитить свою свободу и суверенитет, свою государственность от посягательств империалистов, если бы не помощь Советской России, ее Красной Армии, которая, как справедливо писала тогда «Заря Востока», «защищала, защищает и будет защищать знойные поля и снежные горы нашего края, крестьянскую Грузию, рабочих Баку, мусульман деревни, сельчан Армении, трудящихся Нахреспублики, Абхазии, одним словом, весь многомиллионный, многоязычный, прекрасный, трудовой Кавказ» [14].

Советская Россия оказывала огромную помощь народам Закавказья в залечивании их глубоких ран. Великий Ленин с пристальным вниманием следил за строительством новой жизни в советских республиках Закавказья. В письме «Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики» он начертал пути строительства социализма в этих республиках. Горячо приветствуя советские республики Кавказа, В. И. Ленин писал: «...я позволю себе выразить надежду, что их тесный союз создаст образец национального мира, невиданного при буржуазии и невозможного в буржуазном строе» [15].

Буржуазные идеологи, извращая политику Советской России и не переставая клеветать по адресу Коммунистической партии и Советского правительства, предъявляют нелепые обвинения Советской России в связи с той помощью, которую она постоянно оказывала трудящимся Закавказья в их борьбе за социальное и

---

[14] «Заря Востока», 26 августа 1922 г.
[15] В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 43, стр. 198.

национальное освобождение. Превращая давно уже обанкротившуюся «теорию» об «экспорте революции» в важнейший идеологический инструмент борьбы против Советского Союза и идей коммунизма, они всячески стараются фальсифицировать характер этой помощи.

Этим господам мы ответим словами обращения Ревкома Грузии от 12 марта 1921 г. к трудящимся всех стран в связи с клеветнической кампанией социал-предателей Запада: «Не верьте лживым и клеветническим рассказам свергнутого правительства желтых социалистов и их собратьев в Европе, которые пытаются изобразить революционный переворот в Грузии (как и в Азербайджане, Армении.— *Г. Г.*) как иноземное завоевание. Впервые Грузия становится истинно независимой и самостоятельной и возвращается после долгих шатаний в стане контрреволюции в революционную семью» [16].

В великой революционной братской семье народов СССР закавказские народы обрели свое счастье и под руководством Коммунистической партии твердыми шагами идут вперед, к коммунизму.

---

[16] «Борьба за Советскую власть в Грузии», стр. 698—699.

БОРЬБА ТРУДЯЩИХСЯ ГРУЗИИ ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ В 1918 г.

★

М. В. ЦЕРЦВАДЗЕ

Опыт революционной борьбы трудового крестьянства бывших национальных окраин царской России дал В. И. Ленину основание для важного вывода. «Эти республики,— писал он, имея в виду Армению, Бухару и Азербайджан,— являются доказательством и подтверждением того, что идеи и принципы советской власти доступны и немедленно осуществимы не только в странах, в промышленном отношении развитых, не только с такой социальной опорой, как пролетариат, но и с такой основой, как крестьянство» [1]. Борьба крестьянства Грузии за советскую власть служит еще одним подтверждением этому.

Буржуазно-демократическая революция 1917 г. не внесла каких-либо существенных изменений в жизнь грузинского народа. Крестьянство по-прежнему оставалось без земли, в кабале у помещиков. Разрушительной мировой войне не видно было конца. Задачи улучшения условий тяжелой жизни крестьянства требовали немедленного разрешения, а меньшевики и эсеры заботились об укреплении буржуазного строя, всесторонне способствовали помещикам и сельским буржуазным элементам в сохранении экономической эксплуатации и политического влияния на крестьянство. Только идеи большевистской партии и ее лозунги отвечали жизненным интересам грузинского крестьянства, предусматривали разрешение тех задач, за которые боролось крестьянство.

Как и во всей стране, трудящиеся Грузии убеждались, что только партия большевиков — единственная выразительница и защитница интересов городской и деревенской бедноты. Газета «Кавказский рабочий» 1 октября 1917 г. отмечала: «Масса созрела,

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 132.

Она выросла за эти 7 месяцев так, что может самостоятельно разобраться в политических вопросах..., убедилась, что эсеровская партия, кроме лозунга „земля и свобода", т. е. кроме обещания, ничего не может сделать народу, напротив, всесторонне способствует лишению обретенной свободы, что слухи, распространяемые этой партией о большевиках, являются лживыми вымыслами». 25 октября та же газета писала: «Крестьяне с нами и тысячами переходят на нашу сторону, видят в нас истинно революционную партию, опирающуюся на рабочих и беднейшее крестьянство». Таково было общее настроение; однако, воспользовавшись победой Октября в центре, закавказская контрреволюция в тесном союзе с империалистами Антанты и при их материальной поддержке создала свое правительство, которое не решило и не могло решить ни одного жизненно важного для трудящихся вопроса, поскольку оно представляло собой союз закавказского правительства с городской и сельской буржуазией против трудящихся.

В результате победы Октябрьской революции и последующего проведения декретов Советской власти значительная часть молодежи (200 тыс. солдат-грузин), мобилизованной из сел Грузии, вернулась к своим разоренным семьям. В села вернулась и часть рабочих. Их возвращение из городов было вызвано закрытием фабрик и заводов, свертыванием производства, разрухой на транспорте, дороговизной и голодом в городах и другими причинами. Кроме того, грузинское крестьянство в силу специфических условий жизни принадлежало к той категории сельских тружеников, которые побывали в городах, промышленных центрах, куда были заброшены острой нехваткой земли и отсутствием средств к существованию в деревне, в поисках куска хлеба. Здесь крестьяне сблизились с рабочими, познакомились с их жизнью, здесь пробудилось их самосознание. Поэтому не случайно в конце 1917 г. революционная борьба грузинского крестьянства еще больше обострилась.

Если во второй половине 1917 г. крестьянское движение против господства меньшевиков приняло широкий размах, то в 1918 г. оно стало всеобщим. Революционное движение охватило и созданные меньшевиками грузинские воинские соединения, которые не поддерживали внутреннюю и внешнюю политику закавказского правительства и были готовы свергнуть господство меньшевиков. Об этом свидетельствуют выступления солдат в Телави, Гори и других уездных центрах. С 20 по 23 февраля 1918 г. Телави находился в руках революционных солдат 8-го грузинского полка. Еще во второй половине января части 4-го грузинского полка напали на Горийский комиссариат, подняли на штык портрет Н. Жордания и изъяли из склада 1200 винтовок, 4 пулемета, 2 гаубицы и около 50 тыс. патронов.

В начале февраля 1918 г. организованные выступления крестьян начались в Лечхумском уезде. Восставшие вскоре захватили

уездный центр Цагери, разоружили правительственные части, освободили арестованных товарищей, переизбрали Советы, объявили об установлении Советской власти, создали свои вооруженные отряды, начали проводить в жизнь принятый II Всероссийским съездом Советов Декрет о земле и другие мероприятия. Они призвали к революционным выступлениям население других уездов.

Кутаисский губернатор меньшевик Б. Качухашвили приказал начальникам милиции Кутаиси, Хони, Ткибули, Рачи перекрыть дороги, ведущие в Лечхуми, прекратить всякое движение и перегон скота в Лечхумский уезд. С помощью этих мер, устанавливающих экономическую блокаду восставшего уезда, Качухашвили рассчитывал принудить крестьянство сложить оружие, склонить голову перед контрреволюцией и покончить с Советской властью в Лечхуми [2]. 1 марта меньшевистское правительство Грузии объявило Лечхумский уезд вне закона. Это был белый террор против революционного уезда, но ничто не могло заставить лечхумское крестьянство отказаться от революционных действий.

Газета «Чвени брдзола» в передовой статье от 13 марта призвала население выступить в защиту лечхумцев. Вот как она характеризовала создавшееся в Лечхумском уезде политическое положение: «Две недели, как весь Лечхумский уезд, мужчины и женщины, здоровые и больные, крестьяне и рабочие окружены и объявлены вне закона, оставлены без продуктов и соли. И без того изголодавшиеся лечхумцы совершенно лишены хлеба, все плотнее затягивается у них на шее петля голода, их ждет голодная смерть. Неужели граничащие с ними уезды, грузинские рабочие и крестьяне не ответят возмущением на подобное злодейство? Поднимите голос! Требуйте на собраниях и митингах немедленной отмены военного положения». В той же газете 15 марта было опубликовано обращение восставших крестьян «Ко всем рабочим города и деревни, ко всем гражданам!» В обращении был вскрыт политический характер борьбы лечхумских крестьян, причины этой борьбы и открыто заявлялось об отношении крестьян Грузии к меньшевикам как к фактически правящей партии. В нем отмечалось: «Революционное движение Лечхуми — движение чисто рабочее, крестьянское, оно носит всеобщий характер... Кому дорог народ и общество, для которого самое дорогое — это братство, единство и свобода, тот должен выступить в поддержку народного движения, начатого в Лечхумском уезде, которое нужно развивать общими усилиями.

...Лечхумский революционный уезд вместе с революционной Россией, рука об руку с ней пойдет по тому пути, который

[2] Примечательно, что до восстания Лечхумский уезд считался уездом, находящимся под сильным влиянием меньшевиков, и на всех выборах отдавал свои голоса именно за эту партию, к которой принадлежал губернатор Качухашвили.

приведет его к социализму. Рабочие всех сел Грузии! Все граждане Лечхуми напряженно ждут вашего отклика и призывают вас поддержать его».

Одновременно с восстанием в Лечхумском уезде произошли восстания в Сухумском округе, Горийском, Цхинвальском, Зугдидском, Сенакском, Самурзаканском, Озургетском и других уездах, население которых героически боролось за установление Советской власти. Революционные выступления крестьянства в этих уездах и округах подтвердили, что главным для крестьян был не только захват помещичьих земель, как это, к сожалению, представляется некоторым историкам, но иные, глубокие политические причины; это была прежде всего сознательная борьба за победу социалистической революции.

В конце марта 1918 г. гудаутские трудящиеся захватили город, провозгласили там Советскую власть и осуществили ряд революционных мероприятий. Они создали вооруженные отряды, в основном из бывших фронтовиков, под руководством Лакоба, Эшба, Кухалейшвили, Урушадзе и других сочувствовавших большевикам солдат. По селам прошли собрания и съезды, на которых крестьяне единогласно приветствовали декреты Советской власти, ее мероприятия; отвернувшись от закавказского контрреволюционного правительства, они признали власть Совета Народных Комиссаров и поклялись с оружием в руках защищать завоевания социалистической революции.

26 марта в руки восставших перешел Сухуми, и в округе была провозглашена Советская власть в лице Военно-революционного комитета.

В середине февраля в связи с революционными выступлениями в Цхинвали туда из Тбилиси были направлены гвардейцы под командой Джугели. Вместе с ними отправились для ведения агитации члены сейма Рамишвили и Гаглоев, председатель Тбилисского губернского исполнительного комитета Цабадзе, представитель ЦК партии меньшевиков Дурглишвили и представитель Тбилисского комитета общественной безопасности Майсурадзе. Они проводили собрания и вели антибольшевистскую агитацию под защитой 800 гвардейцев.

19 марта началась борьба восставших крестьян с гвардейцами за Цхинвали. Восставшие разгромили отряд гвардейцев, насчитывавший 400 штыков. Им командовал горийский комиссар Мачабели. Среди гвардейцев было много убитых. Гаглоев и часть гвардейцев сдались в плен. После этого поражения туда был послан полковник Коннашвили с отрядом в 1200 гвардейцев.

Революционное движение охватило всю Грузию. 17 апреля большевики освободили Гали. В Зугдидском уезде также начались революционные выступления, в руки восставших перешла Цаленджиха. В уездах Мингрелии героической борьбой за Советскую власть руководили Саша Гегечкори и Шалва Аскурава. 14 апреля

на заседании Тбилисского Совета Джугели объявил: «Тбилисская гвардия выступила из Самтреди в Мингрелию для подавления выступлений, которые проходят под большевистскими лозунгами» [3]. Тбилисский губернатор Джапаридзе докладывал: «Уезды Тбилисской губернии, один за другим, Ахалкалакский, Ахалцихский, Борчалинский, Горийский, а в последние дни и Душетский и Тбилисский уезды охвачены огнем восстаний» [4].

Все уезды были охвачены революционным движением, которое возглавил рабочий класс Грузии. Организаторами и вдохновителями выступлений были большевики.

Контрреволюционный Закавказский комиссариат, не сумев преодолеть противоречий во внутренних и внешних вопросах, в конце мая 1918 г. распался. 26 мая Грузия была объявлена «независимой республикой» во главе с меньшевиками. «Независимое» меньшевистское правительство, чувствуя, что оно не имеет опоры в трудящихся массах Грузии, сделало попытку опереться на штыки немецких оккупантов и использовать их для борьбы против грузинского народа. С этой целью оно пригласило в Грузию немцев. Получив поддержку от немецких и турецких оккупантов, меньшевистское правительство повело наступление против восставшего народа. В конце июня 1918 г. в руках восставших оставались: Гагра, Очамчире, Самурзакано, Сенаки, Гали, часть Зугдидского уезда, Лехчумский уезд, часть Кутаисского уезда, большая часть Горийского уезда, Душети, Манглиси, Борчало, с 25 июня — Тианети, а с 24 июля — Сачхере, Ахалкалаки и др.

Меньшевики безжалостно уничтожали население, расстреливали передовых рабочих и крестьян, сжигали и разрушали села, районы и уезды. Огнем и мечом они старались утвердить свою контрреволюционную власть.

Участие немецких оккупантов в подавлении восстаний еще ярче вскрыло предательскую деятельность меньшевиков, их контрреволюционную природу и измену национальным интересам.

Примечательно, что сам тбилисский губернский комиссар меньшевик Джапаридзе отмечал, что без немецкой армии грузинское меньшевистское правительство не смогло бы даже временно и внешне установить «порядок», подавить революционное движение. Он писал, что только с приходом немецких военных отрядов и благодаря принятию ими мер «был положен конец анархии, которая охватила почти всю Тбилисскую губернию».

Комиссар открыто и цинично заявлял: «Воспользуемся установлением сравнительного спокойствия в губернии под властью немецких военных сил...» [5].

---

[3] ЦГАОР Грузинской ССР, ф. 51, оп. 1, д. 13, лл. 101—102.
[4] Там же, д. 252, лл. 11—12.
[5] «Сакартвелос республика», 4 сентября 1918 г.

Как было сказано, восстания против господства меньшевиков охватили всю Грузию. Власть меньшевиков удерживалась только в Тбилиси, Кутаиси и некоторых других городах, да и то под охраной немецких штыков. Отметим, что при всем этом состав рабочих Тбилиси, Кутаиси и других промышленных центров во время войны заметно изменился. Наиболее сознательная и передовая квалифицированная часть рабочих во время мобилизации или за участие в стачках была отправлена в армию, и вместо них на фабрики и заводы пришли люди, почти совсем не подготовленные к политической борьбе.

На короткое время меньшевикам в силу этого обстоятельства удалось в некоторых местах демагогией и ложью затормозить рост активности рабочих, однако очень скоро большая часть рабочих прозрела и включалась в борьбу против меньшевиков. Мощной стачечной борьбой грузинские рабочие внесли свой вклад в крестьянское движение, возглавили его. Возраставшее стачечное движение в Грузии свидетельствует о том, что рабочий класс не мирился с меньшевистским правительством и боролся против него.

К сожалению, некоторая часть историков пытается представить, что меньшевистская гвардия состояла из рабочих. Это далеко не так. Правда, в гвардии были и рабочие-меньшевики, в основном те, кому были чужды психология и интересы рабочего класса. Главным же образом меньшевистская гвардия состояла из сыновей помещиков и кулаков, которые, спасаясь от призыва, укрывались на фабриках и заводах, особенно на предприятиях, обеспечивавших военные нужды и гарантировавших от мобилизации в армию. Они-то и составили ядро меньшевистской гвардии. К основной же части рабочих меньшевики были настроены враждебно. Об этом свидетельствует множество фактов, например, отказ меньшевистского правительства улучшить положение рабочих, расстрел митинга рабочих в Александровском саду в феврале 1918 г. и т. п.

Революционное движение, направленное против господства меньшевиков, было подлинно рабоче-крестьянским. Вернувшиеся из армии крестьяне и рассеявшиеся по селам рабочие руководили героической борьбой. Кто и на каком основании вправе утверждать, будто в восстаниях, имевших место в Сухумском округе, Мингрелии, Лечхуми, Душети и др., не принимали участие фабрично-заводские рабочие?! Разве те рабочие, кто, спасаясь от голода, покинул Тбилиси, Батуми, Поти и другие города и ушли в села, перестали быть рабочими? Разве большинство лечхумских крестьян не были бывшими рабочими? Приведенные факты говорят о том, что против меньшевистского правительства боролись все слои трудящихся: и рабочие, и крестьяне, и служащие.

Меньшевистское правительство, напуганное непрекращающимися восстаниями крестьян и стачечным движением рабочих и служащих, искало выхода в жестоких репрессиях против народа,

хотя и чувствовало, что это еще более обостряет классовую борьбу. Оно решило во избежание новых массовых выступлений добиться полного разоружения населения. 31 октября 1918 г. Министерство внутренних дел издало указ о разоружении населения. В случае несдачи оружия гражданам угрожало шестимесячное заключение или выселение из Грузии. Несмотря на то, что органы Министерства внутренних дел проводили массовые обыски, никто не сдавал оружия. Так, когда по указанию Министерства внутренних дел начальник особого отряда Нодия в поисках оружия сделал обыск в Тбилисском университете, ректор университета заслуженный профессор П. Меликишвили заявил резкий протест [14]. Когда попытки изъять оружие ни к чему не привели, стало ясно, что зреет народное восстание. Это публично признало и само меньшевистское правительство Грузии. 8 ноября за подписью Н. Жордания оно издало строжайший указ, содержание которого довольно точно отражает отношения тбилисских жителей к меньшевистскому правительству. В указе говорилось: «Несмотря на приказ начальника милиции о сдаче в трехдневный срок оружия населением Тбилиси, оружие не сдано. И это тогда, когда по имеющимся у нас сведениям в городе скрываются целые склады огнестрельного оружия и взрывчатых веществ. В Тбилиси и окружающих его районах ведется устная и письменная агитация против независимости грузинской республики и установленного ее правительством строя» [15].

Меньшевистское правительство объявило в Тбилиси и его пригородах военное положение, назначило генерал-губернатором генерала Мазниашвили, который 24 ноября издал строжайший приказ о разоружении населения Телавского уезда. Неподчинившимся угрожал военно-полевой суд. Тюрьмы меньшевиков в это время были переполнены арестованными, которым не предъявлялось никаких обвинений. В результате революции в Германии немецкая армия вынуждена была покинуть Грузию. Террор в стране резко усилился. Часть солдат и офицеров немецкой армии по просьбе грузинского правительства приняла грузинское подданство и осталась «для охраны порядка». Вскоре грузинское меньшевистское правительство, чувствуя свое колеблющееся положение, привлекло на помощь англо-американских империалистов. Это, конечно, было естественно, поскольку никакой другой опоры в Грузии это антинародное правительство не имело.

Такова неполная картина борьбы, начавшейся в 1918 г. против господства меньшевиков в Грузии. Это борьба проходила под руководством грузинских большевистских организаций, под лозунгами партии большевиков.

---

[14] ЦГАОР Грузинской ССР, ф. 357, оп. 1, д. 33, л. 74.
[15] Там же, ф. 11, оп. 1, д. 2, л. 22.

РАЗРАБОТКА ВОПРОСОВ БОРЬБЫ ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 20-х — НАЧАЛА 30-х ГОДОВ

★

З. И. ИБРАГИМОВ, Е. А. ТОКАРЖЕВСКИЙ

В первый период развития советской историографии Азербайджана (20-е — начало 30-х годов) из всех вопросов истории советского общества наибольшее внимание уделялось исследованию проблемы социалистической революции. Основы для ее исследования заложены в произведениях В. И. Ленина. Особо важное значение имеет письмо В. И. Ленина «Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики» от 14 апреля 1921 г. [1], в котором содержатся ценные указания о путях осуществления политики партии в своеобразных условиях Закавказья.

Исторические события, связанные с борьбой за победу Советской власти, уже в 1917—1920 гг. нашли отражение в работах и документах активных участников революции: в статьях С. Г. Шаумяна, Н. Нариманова, А. Амиряна, С. М. Эфендиева, в выступлениях М. Азизбекова и А. Джапаридзе с трибуны Бакинского Совета, в сообщениях С. М. Кирова, А. И. Микояна и Г. К. Орджоникидзе в Москву из Баку, Астрахани и Северного Кавказа [2].

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 198—200.

[2] С. Г. Шаумян. Положение дел на Кавказе.— «Известия Совета рабочих и солдатских депутатов Бакинского района», 20 (7) марта 1918 г.; он же. О политике сейма и положение Закавказья.— «Бакинский рабочий», 2 июня (20 мая) 1918 г.; он же. О роли меньшевиков в Закавказье.— «Известия Совета рабочих, красноармейских, матросских и крестьянских депутатов Бакинского района», 11 июня 1918 г.; Н. Нариманов. Надо сказать открыто.— «Гуммет», 16 января 1918 г.; он же. Открытое письмо к социалистам, сидящим в Закавказском комиссариате.— «Трудовая мысль», 23 марта 1918 г.; он же. С каким лозунгом мы идем на Кавказ? — «Коммунист», 16 мая 1920 г.; он же. Письмо Н. Усубекову.— Там же; А. Амирян. Об уроках истории.— «Бакинский рабочий», 5 июня 1918 г.; он же. К событиям на Украине и в Закавказье.— «Бакинский рабочий», 10 июля 1918 г.;

Эти статьи, выступления и документы видных деятелей Коммунистической партии, руководителей большевистской организации Азербайджана, в которых дан глубокий марксистский анализ исторических событий, представляют большую ценность для исследователей.

С первых лет Советской власти развернулась большая работа по подготовке кадров историков в республике, был создан ряд научных учреждений, занимавшихся изучением истории азербайджанского народа. Среди этих учреждений наибольшее отношение к разработке вопросов истории социалистической революции имел организованный в 1921 г. при ЦК КП(б) Азербайджана Азистпарт (Комиссия по изучению истории партии), преобразованная в 1928 г. в Институт истории партии им. С. Г. Шаумяна (ныне Азербайджанский филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

Азистпартом была начата работа по сбору и обработке материалов, относящихся к истории революционного движения и партийной организации Азербайджана. От имени ЦК КП(б) Азербайджана было опубликовано обращение ко всем коммунистам с просьбой о передаче Азистпарту имеющихся у них документов и материалов [3].

Усилению изучения истории борьбы за победу Советской власти способствовало то, что в октябре 1930 г. организовалось Общество историков-марксистов Азербайджана. При обществе была создана секция истории ВКП(б) [4], одной из главных задач которой было исследование истории социалистической революции.

Советская историческая наука развивалась в Азербайджане, как и во всей стране в рассматриваемый период, в упорной борьбе против враждебной буржуазной идеологии, особенно против националистических тенденций. Еще в годы гражданской войны буржуазные авторы в своих выступлениях и статьях пытались исказить в буржуазно-националистическом духе исторические события 1917—1920 гг. К ним следует отнести изданные мусаватистами на французском языке в 1919 г. две брошюры пропагандистского

он же. Германия и Азербайджан.— «Бакинский рабочий», 19 июня 1918 г.; С. М. Эфендиев. Задачи Советской власти на Кавказе.— «Жизнь национальностей», 29 июня и 6 июля 1919 г.; он же. Об организации «Гуммет».— Там же, 27 июля 1919 г.; он же. Баку — центр большевизма в Закавказье.— Там же, 3 августа 1919 г.; он же. На подступах к Кавказу.— Там же, 18 января 1920 г.; «Бюллетени Диктатуры Центрокаспия и Президиума Временного исполнительного комитета», 3, 5 и 6 августа 1918 г.; С. М. Киров. Избранные статьи и речи, т. I. Л., 1936; А. И. Микоян. Бакинская организация большевиков в 1917—1918 гг.— «Из прошлого». Сб. статей. Баку, 1923; он же. Пройденный путь.— «Бакинский рабочий», 5 апреля 1925 г.; Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи (в двух томах), т. I. 1910—1926 гг. М., 1956.

[3] «Известия Центрального Комитета и Бакинского Комитета Азербайджанской Коммунистической партии (большевиков)», 1922, стр. 14.

[4] ЦГАОР Азербайджанской ССР, ф. 387, оп. 3, д. 1, л. 1; оп. 2, д. 2, л. 4; ф. 287, оп. 3, д. 2, л. 2.

характера, восхвалявшие империалистические государства, которые осуществляли свою интервенцию в Азербайджане [5]. Такой же характер носила и брошюра Г. Чалхушьяна [6], с той лишь разницей, что автор ее стоял на дашнакских позициях и в соответствии с этим извращал происходившие в Азербайджане события.

Историческая литература переходного периода от капитализма к социализму отражала напряженную классовую борьбу буржуазных элементов, которые временно оживились в условиях нэпа.

В отдельных работах, выходивших в те годы, имели место проявления буржуазно-националистических и эсеро-меньшевистских взглядов. В работе Р. Исмайлова [7], представлявшей собой краткий обзор истории Азербайджана, нашли отражение буржуазно-националистические, пантюркистские идеи; азербайджанский народ изображался как единое целое, как не знающий деления на классы и классовых противоречий. В книге искажалась история Советского Азербайджана, игнорировался классовый характер мартовских боев 1918 г. в Баку, эти события изображались как межнациональные столкновения. Автор оправдывал антинародную политику мусаватского правительства. В работе эсера В. Чайкина [8] искажались события, связанные с убийством 26 бакинских комиссаров английскими интервентами и их эсеро-меньшевистскими агентами. Путем подтасовки фактов Чайкин пытался доказать непричастность эсеров и меньшевиков к расстрелу руководителей Бакинской коммуны.

Мусаватские белоэмигранты Мамед Эмид Расул-Заде, Мирза Бала Мамед-Заде и другие выступали в зарубежных изданиях с клеветой на азербайджанский народ, всячески искажали его историю [9]. Мусаватские авторы пытались доказать, что внутри Азербайджана не было почвы для победы Советской власти, и она установилась лишь в результате прихода Красной Армии.

В ходе борьбы против концепций буржуазных фальсификаторов и ошибочных взглядов в первой половине 20-х годов было положено начало изданию трудов и материалов, посвященных вопросам борьбы за победу социалистической революции в Азербайджане. В 1924—1925 гг. вышли первые издания трудов выдающихся деятелей Коммунистической партии и Советского государства Н. Нариманова и С. Г. Шаумяна [10]. В работе Н. Нариманова «Ленин и

---

[5] «Первая мусульманская республика — Азербайджан». Баку, 1919; «Азербайджанская республика на Кавказе». Баку, 1919.

[6] Г. Чалхушьян. Красная книга. Ростов-на-Дону, 1919.

[7] Р. Исмайлов. История Азербайджана (на азерб. яз.). Баку, 1923.

[8] В. Чайкин. Казнь 26 бакинских комиссаров (К истории российской революции). М., 1922.

[9] М. Э. Расул-Заде. Азербайджан джумхурийети (Азербайджанская республика). Стамбул, 1923; Мирза Бала Мамед-Заде. Азербайджан мисак-и миллеси (Национальный завет Азербайджана). Стамбул, 1925.

[10] Н. Нариманов. Статьи и письма. М., 1925; он же. Ленин и Восток. М., 1926; С. Г. Шаумян. Статьи и речи (1908—1918 гг.). Баку, 1924.

Восток» раскрыто влияние ленинских идей на подъем национально-освободительной борьбы в странах Востока.

В 1923—1925 гг. Азистпартом было выпущено три сборника воспоминаний и статей старых большевиков об истории революционного движения и партийной организации Азербайджана [11]. Эти сборники сыграли положительную роль в накоплении исторических фактов. В них содержатся интересные воспоминания и статьи видных партийных деятелей, активных участников революционного движения: А. Микояна, М. Касумова, С. Эфендиева, Г. Султанова, Г. Стуруа, Н. Колесниковой и др. Тогда же появились в печати статьи и доклады М. Д. Гусейнова, А. Г. Караева, С. М. Кирова, А. И. Микояна [12]. Эти работы представляют собой первые попытки осветить отдельные вопросы деятельности большевиков Азербайджана в период социалистической революции и гражданской войны. Особенно интересна статья А. И. Микояна, в которой анализируется деятельность партийной организации Баку в 1917—1918 гг. и высказан ряд ценных мыслей об особенностях борьбы за Советскую власть в Азербайджане.

В докладе С. М. Кирова на XIII конференции Бакинской партийной организации получили отражение основные моменты ее истории вплоть до победы Советской власти.

Дальнейший серьезный шаг в изучении истории социалистической революции и гражданской войны в Азербайджане был сделан в первой половине 20-х — начале 30-х годов в связи с подготовкой к 10-летию Великого Октября и 10-летию образования Азербайджанской ССР. Были изданы монографические исследования, брошюры и статьи по различным вопросам подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции, борьбы за Советскую власть в Азербайджане в 1917—1918 гг., иностранной интервенции, внешней и внутренней политики мусаватского правительства и т. п.

---

[11] «Из прошлого». Статьи и воспоминания из истории Бакинской организации и рабочего движения в Баку. Баку, 1923; «Из прошлого». Сб. материалов по истории Бакинской большевистской организации и Октябрьской революции в Азербайджане. Баку, 1924; «25 лет Бакинской организации большевиков». Баку, 1924.

[12] М. Д. Гусейнов. Основные моменты истории развития Азербайджанской Коммунистической партии (Мои воспоминания).— «Четверть века борьбы за социализм». Сб. статей. Тифлис, 1923; он же. Основные моменты развития АКП.— «Заря Востока», 14 марта 1923; он же. Как произошла советизация Азербайджана.— Там же, 28 апреля 1923 г.; А. Г. Караев. Партия в апрельском перевороте.— «Бакинский рабочий», 27 и 28 апреля 1923 г.; С. М. Киров. Доклад на торжественном заседании XIII общебакинской конференции, посвященной 25-летию Бакинской организации большевиков. 28 апреля 1924 г.— «Стенографический отчет XIII общебакинской конференции». Баку, 1924; А. И. Микоян. Бакинская организация большевиков в 1917—1918 гг.— «Из прошлого». Сб. статей. Баку, 1923; он же. Пройденный путь.— «Бакинский рабочий», 5 апреля 1925 г.

В 1929 г. в Баку вышло второе издание произведений С. Г. Шаумяна [13]. Это ценнейший источник для изучения борьбы бакинского пролетариата и трудящихся Закавказья за Советскую власть против контрреволюции в 1917—1918 гг. В его статьях получили освещение такие вопросы, как руководящая и направляющая роль Коммунистической партии, помощь Советского правительства трудящимся Азербайджана, международное и внутреннее положение Закавказья. С. Г. Шаумян беспощадно разоблачал предательскую, антинародную политику господствующих классов Закавказья и их партий — мусаватистов, дашнаков и грузинских меньшевиков.

К этим же юбилейным датам выходили первые биографические очерки о видных большевиках — участниках борьбы за Советскую власть [14].

Истории борьбы за победу Советской власти в Азербайджане посвящены работы А. Попова, В. Гурко-Кряжина, А. Дубнера, А. Караева, А. Раевского, Я. Ратгаузера, Сурена Шаумяна [15].

В монографии А. Дубнера охарактеризовано экономическое положение рабочего класса Баку в 1917—1920 гг. и отчасти затрагиваются вопросы борьбы рабочих за политическую власть. Более подробно политические события в Баку в 1917—1918 гг. освещены в работах А. Попова, Я. Ратгаузера и Сурена Шаумяна. Ценность последней заключается еще и в том, что автор использовал документы из личного архива С. Г. Шаумяна.

Работа А. Попова «Из истории революции в восточном Закавказье», несмотря на крайнюю узость источниковедческой базы, была первой попыткой исследовать комплекс вопросов из истории борьбы за установление Советской власти в Азербайджане в 1917—

---

[13] С. Г. Шаумян. Статьи и речи. Баку, 1929.

[14] С. М. Эфендиев. Борец за интересы азербайджанской бедноты (Материалы к биографии Мешади Азизбекова). Баку, 1930; А. Каринян. Шаумян и националистические течения на Кавказе (на русск. и азерб. яз.). Баку, 1928; А. Раевский. Алеша Джапаридзе (Политический силуэт). Баку, 1931.

[15] А. Попов. Из истории революции в Восточном Закавказье (1917—1918 г.).— «Пролетарская революция», 1924, № 6, 7, 8, 9, 11; он же. Из эпохи английской интервенции в Закавказье.— «Пролетарская революция», 1923, № 6, 7, 8, 9; В. А. Гурко-Кряжин. Английская интервенция 1918—1919 гг. в Закаспии и Закавказье.— «Историк-марксист», 1926, № 2; он же. Процесс и история 26 комиссаров.— «Новый восток», 1926, № 13, 14; А. Дубнер. Бакинский пролетариат в годы революции (1917—1920). Баку, 1931; А. Г. Караев. Из недавнего прошлого.— «Материалы к истории Азербайджанской Коммунистической партии (большевиков)». Баку, 1926; А. Раевский. Английская интервенция и мусаватское правительство (Из истории интервенции и контрреволюции в Закавказье). Баку, 1927; он же. Партия «Мусават» и ее контрреволюционная работа. Баку, 1929; он же. Английские «друзья» и мусаватские «патриоты». Баку, 1927; Н. Ратгаузер. Революция и гражданская война в Баку. 1917—1918. Баку, 1927; он же. Борьба за Советский Азербайджан (К истории апрельского переворота). Баку, 1928; он же. Арест и гибель комиссаров Бакинской коммуны. Баку, 1928; он же. Борьба бакинского пролетариата за коллективный договор 1917 г. Баку, 1927; Сурен Шаумян. Бакинская коммуна. Баку, 1927.

1918 гг. Другая его работа «Из эпохи английской интервенции в Закавказье» в большей своей части является интересной публикацией документов с комментариями автора. Она дает читателю представление об экономической политике оккупантов и о зависимости мусаватского правительства от английского командования.

Борьбе за установление Советской власти в Азербайджане посвящена книга А. Г. Караева. В ней впервые приводится материал о работе большевиков среди трудящихся-азербайджанцев и о деятельности организации «Гуммет» в 1919—1920 гг., характеризуется настроение широких масс азербайджанского крестьянства, показываются губительные последствия мусаватского господства и хозяйничанья интервентов в Азербайджане.

Вопрос об аграрной политике мусаватистов в азербайджанской деревне поставлен в книге И. Пчелина [16]. Автор приводит документы из Азербайджанского госархива. Но в этой работе не нашли отражение революционные выступления крестьян и деятельность большевистских организаций в деревне, обойден вопрос о социальном расслоении в азербайджанской деревне, о классовых противоречиях и борьбе между деревенской беднотой и кулачеством.

Некоторые вопросы иностранной интервенции в Азербайджане нашли отражение в указанных работах А. Раевского. Заслуживает внимания и книга М. Д. Гусейнова о партии «Мусават» [17]. В ней вскрываются социальные корни и разоблачается антинародная, контрреволюционная политика мусаватистов.

Существенное значение для изучения истории Великой Октябрьской социалистической революции и иностранной интервенции в Азербайджане имели публикации архивных документов [18], осуществленные в конце 20-х — начале 30-х годов и значительно обогатившие источниковедческую базу исследования проблемы, а также хроника событий [19].

Наряду с положительными сторонами в литературе 20-х — начала 30-х годов есть недостатки и ошибки; в некоторых работах не хватает необходимых обобщений. Ряд важных вопросов истории борьбы за Советскую власть в Азербайджане обойден или освещен очень бегло. В частности, недостаточно показано осуществление ленинской национальной политики в Азербайджане, не раскрыт вопрос о лозунге «Советский Азербайджан» и о его значении для мобилизации масс на революционную борьбу.

---

[16] И. Пчелин. Крестьянский вопрос при Мусавате (1918—1920 гг.). Очерки. Баку, 1931.

[17] М. Д. Гусейнов. Партия «Мусават» в прошлом и настоящем, вып. I. Тифлис, 1927.

[18] С. Е. Сеф. Революция 1917 года в Закавказье. Сб. документов. Тифлис, 1927; «Последние дни комиссаров Бакинской коммуны (По материалам судебных процессов)». Сб. документов. Баку, 1917; А. Раевский. Мусаватское правительство на Версальской конференции. Донесения представителя азербайджанской мусаватской делегации. Баку, 1930.

[19] «Революция 1917 г. в Азербайджане» (Хроника событий). Баку, 1927.

Один из существенных недостатков литературы того периода — отсутствие четкого анализа причин падения Бакинской коммуны. К общим недостаткам можно отнести и то, что освещение борьбы за Советскую власть зачастую ограничивается лишь рамками Баку, а событиям в уездах уделяется очень мало внимания. Процесс борьбы за победу социалистической революции излагается в отрыве от событий в других частях Закавказья и в Советской России. Не уделяется должного внимания вопросам связи трудящихся Азербайджана с Советской Россией, руководства и помощи со стороны Центрального Комитета Коммунистической партии и Советского правительства во главе с В. И. Лениным. Недостаточно показано руководство большевиков революционной борьбой трудящихся масс Азербайджана. Нет четкости в определении этапов борьбы за победу Советской власти. Ряд авторов (Я. Ратгаузер, А. Дубнер и др.) рассматривает период с октября 1917 по март 1918 г. как период двоевластия, формального существования власти Бакинского Совета. Это приводит фактически к отрицанию существования Советской власти в Баку в тот период. Не получили правильной оценки мартовские бои бакинского пролетариата против мусаватской контрреволюции.

Слабым местом исторической литературы 20-х годов является ограниченность источниковедческой базы. В то время только начинали налаживаться концентрация, хранение и изучение архивных материалов, и в лучшем случае авторы могли использовать литературные источники, частично бакинские архивы (Истпарт, Азгосархив). Материалы архивов Москвы и Тбилиси оставались невыявленными. Кроме того, ввиду крайней малочисленности кадров историков-азербайджанцев затруднялось использование источников на азербайджанском языке; это очень суживало источниковедческую базу исследований и тормозило развитие исторической науки в республике.

Несмотря на существенные недостатки, работы по истории социалистической революции и гражданской войны в Азербайджане, вышедшие в 20-х — начале 30-х годов, сыграли положительную роль в накоплении фактического материала и разработке отдельных вопросов данной проблемы.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ТРУДЫ АКАДЕМИКА И. И. МИНЦА

И. Л. ШЕРМАН

История гражданской войны — одна из первых и важнейших проблем советской историографии. В. И. Ленин поставил перед советскими историками задачу изучения истории социалистической революции, гражданской войны и Советской республики [1]. Вокруг изучения этих проблем объединились и закалились кадры историков-марксистов в созданных партией Институте красной профессуры, Истпарте, Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова.

Среди молодых историков первого призыва по праву занял видное место И. И. Минц. Уже первые его исследования в конце 20-х — начале 30-х годов выделяются своей высокой партийностью, творческим освоением ленинского наследства, глубоким научным анализом сложных и актуальных проблем. Его труды опираются на широкий комплекс советских и иностранных источников. И. И. Минц не оставлял без ответа ни одного из выпадов буржуазной историографии Запада и белоэмигрантской литературы. Это имело особое значение, способствовало становлению марксистско-ленинской историографии советского общества в условиях, когда все было новым, все надо было впервые создавать, искать пути, методы и формы овладения огромным конкретно-историческим материалом.

Исходя из того объективного факта, что длительное и упорное сопротивление внутренней контрреволюции было бы невозможным без вмешательства империалистических держав, советские историки в первые же годы после окончания гражданской войны стремились раскрыть причины, цели, формы интервенции и роль отдель-

[1] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 66; т. 51, стр. 176.

ных великих империалистических держав в ее осуществлении. Решение этих сложных и в то время очень острых вопросов имело важное значение для раскрытия всемирно-исторического значения социалистической революции в России и тех факторов, которые обусловили победу трудящихся масс России в длительной и упорной борьбе против объединенных сил международного империализма и внутренней контрреволюции. Именно этим вопросам и посвятил большинство своих первых исследований И. И. Минц [2]. Анализируя труды В. И. Ленина, обширный круг источников, И. И. Минц выдвигает в своих работах важные положения и выводы о причинах интервенции, противоречиях между империалистическими державами в их общей агрессии против Советской России, подтверждая все это большим и убедительным фактическим материалом. В работах начала 30-х годов он впервые сделал очень ценный вывод, что выход Советской России из войны был не главной причиной, толкавшей империализм на интервенцию. «Существовали,— пишет Минц,— и другие мотивы, действие которых не запиралось в узкие границы временной необходимости, не ограничивалось хронологическими рамками войны» [3]. Тогда же он первым в советской историографии выступил с четкой аргументацией и против распространенного в то время тезиса, что будто главными причинами интервенции были аннулирование Советским правительством иностранных долгов и национализация предприятий, принадлежавших иностранному капиталу. Он вскрыл фактическую и научную несостоятельность подобных утверждений [4], доказал, что как ни велико было влияние во Франции и в других странах держателей акций русских займов, толкавших свои правительства на агрессию, не они определяли выбор направления интервенции, и часто эти направления не совпадали с интересами бывших владельцев предприятий в России. Отвечая на актуальные вопросы современности, И. И. Минц с полным основанием утверждал, что тезис о главном значении долгов создает впечатление, будто от интервенции можно откупиться [5].

Одним из первых среди историков Минц четко ставит вопрос о характере и категориях дореволюционных долгов России. Все долги он делит на две категории: собственно долги и претензии на национализированную собственность. При этом он показывает, что

---

[2] И. И. Минц. Эсеры в Архангельске.— «Пролетарская революция», 1926, № 11; он же. К десятилетию неудачи интервенции.— «Историк-марксист», 1929, № 11; он же. Новая интервенция в свете старой. М.—Л., 1931; он же. Английская интервенция и северная контрреволюция. М.—Л., 1931; он же. Гражданская война в России. 1917—1921. Общий очерк.— БСЭ, т. 18. М., 1930; он же. Меньшевики и интервенция. М.—Л., 1931; «Гражданская война в Советском Союзе». М., 1936, и др.

[3] И. И. Минц. Английская интервенция и северная контрреволюция, стр. 17.

[4] Там же, стр. 18—23.

[5] И. И. Минц. Новая интервенция в свете старой, стр. 11.

вторая категория как причина интервенции вообще никакой роли не играла и выдвинута была лишь после окончания гражданской войны. Что касается собственно долгов, то, деля их в свою очередь на две группы (довоенные и военные) и раскрывая характер и тех и других, Минц доказал, что они не могли служить мотивом интервенции, тем более, что Советское правительство при известных условиях соглашалось признать их еще в начале 1919 г. «Долги, как ни велико было их экономическое значение,— писал Минц,— играли главным образом роль лозунга, с помощью которого можно было мобилизовать мелкобуржуазные массы на борьбу с СССР. Особенно резко проявляется эта их роль на фоне крутого перелома от войны к миру, перелома, вызвавшего, несмотря на тщательную к нему подготовку, массовую безработицу, обесценение валюты, понижение уровня жизни широких масс» [6].

Творчески используя труды В. И. Ленина и глубоко изучая конкретно-исторический материал, Минц приходит к важному выводу о том, что ни выход России из войны, ни тем более долги не были основными причинами интервенции и не они определили ее характер. Подчеркивая, что В. И. Ленин уже давно раскрыл главную и подлинную причину интервенции, которая была прежде всего направлена против социалистической революции и ее революционизирующего действия, Минц отмечает, что стратегическим лозунгом империалистов был лозунг «самозащиты» от большевизма путем разгрома Советской республики вооруженной силой [7]. «Октябрьская революция,— писал Минц,— была колоссальным социальным сдвигом мирового значения, сделавшим революцию угрозой сегодняшнего дня... Все прекрасно понимали, что каждый шаг Советской республики — это новое революционизирующее влияние на широкие массы пролетариата, новый шаг в развитии революции. Ленин, определяя главную движущую силу интервенции, говорил: „как бы искры нашего пожара не зажгли пожара мировой революции". Боязнь революции, боязнь, что мировой пролетариат, начавший уже просыпаться, повторит русский опыт,— вот что прежде всего определило поведение империалистических хищников» [8]. Что касается лозунга «наказания» России за выход из войны и требования оплаты долгов, то они, как справедливо делает вывод Минц, имели лишь тактическое значение наряду с иными мотивами, выдвигаемыми отдельными странами-интервентами.

Среди других вопросов, связанных с историей иностранной интервенции в годы гражданской войны, по-новому и убедительно прозвучало объяснение Минца, почему в период брестских переговоров англо-американские и французские дипломаты, с согласия

[6] И. И. Минц. Английская интервенция и северная контрреволюция, стр. 21.

[7] Там же, стр. 26.

[8] И. И. Минц. Новая интервенция в свете старой, стр. 12.

своих правительств, предлагали Советской России военную помощь: они надеялись, что кризис брестских переговоров приведет к возобновлению советско-германской войны, а это, помимо военной выгоды, сулило им возможность руками германского милитаризма задушить социалистическую революцию в России. Именно в этом он видит смысл телеграммы президента США Вильсона IV съезду Советов, который должен был ратифицировать Брестский договор. Минц приводит убедительные данные о том, что заключение Брестского договора вызвало усиление антисоветской вражды и что именно после этого империалисты Антанты начали толкать Японию на интервенцию против России под видом защиты Сибири от немцев. Он приводит также ряд фактов, свидетельствующих о том, что как американские, так и английские империалисты вопреки Франции хотели использовать германские оккупационные войска для разгрома Советского государства [9]. Ему же принадлежит заслуга детального анализа подоплеки конференции на Принцевых островах (1919 г.), цель которой — задержать натиск большевиков и спасти контрреволюционные режимы.

Необходимо далее отметить следующее обстоятельство. Советская историография 20—30-х годов и не приступала к глубокому исследованию политики США по отношению к Советской России в годы гражданской войны. Более того, некоторые историки, не разобравшись должным образом в ленинской оценке антисоветской тактики американского империализма, по существу отрицали активную и тем более организующую роль США в интервенции [10].

В работах Минца, написанных до 1932 г., также имеется недооценка американского империализма как одного из главных организаторов антисоветской интервенции. Однако он уже тогда дал довольно большой материал, характеризующий антисоветскую политику США и их активную роль в интервенции, в частности на Севере и Дальнем Востоке. Вопреки неправильной, но широко распространенной в то время в советской исторической литературе точке зрения Минц еще в 1929 г. показал, что подготовка японской интервенции на Дальнем Востоке проходила в полном согласии с американским правительством, а те споры, которые были между союзниками, касались только формы, но не сути интервенции [11]. При этом он подчеркивал, что, готовясь к интервенции, каждая из великих империалистических держав преследовала свои особые интересы и держала курс на те или иные слои контрреволюции в России. Важно отметить, что все эти выводы нашли полное отражение в большой коллективной работе — в I томе «Истории гражданской войны», изданном в 1935 г. Важно также отметить, что именно в

[9] И. И. Минц. Новая интервенция в свете старой, стр. 149.

[10] А. Анишев. Очерки истории гражданской войны. 1917—1920 гг. Л., 1925; П. Е. Какурин. Как сражалась революция, т. 1—2. М.—Л., 1925—1926.

[11] И. И. Минц. К десятилетию неудачи интервенции, стр. 93.

работах Минца конца 20-х годов раскрывалась на большом фактическом материале роль США в подготовке интервенции в 1917—1918 гг. В последующие годы, дополняя свои выводы новыми данными, он дал предельно четкую оценку роли американского империализма в интервенции против России. «Американские империалисты,— писал Минц в 1932 г.,— вместе с японскими, английскими и белыми отрядами выжигали деревни, расстреливали сотни рабочих и крестьян, подвергали мучительной казни и дикому террору мирное население... Американский империализм сам принимал самое активное участие в интервенции и несет полную ответственность за все ее кровавые последствия»[12]. В предисловии к «Мировому кризису» Черчилля он показал, что еще в декабре 1917 г. американские империалисты пытались оказать большую поддержку Каледину.

Даже буржуазные историки вынуждены отметить эти выводы Минца, не будучи в состоянии ни опровергнуть их, ни отмахнуться от них. Так, американский историк Томпсон писал: «Единственным важным исключением из в общем благоприятного изображения американской интервенции, данного предвоенной советской историографией, была сильная атака в 1932 г. И. Минца на американскую политику в Сибири в его введении к переводу мемуаров генерала Гревса, командующего американскими экспедиционными силами в Сибири» [13]. Не ограничиваясь общей оценкой американской интервенции, Минц в этом же предисловии впервые в советской историографии раскрыл особенности коварной тактики американских империалистов, игравших «роль фрондеров, чуть-чуть оппозиционно настроенных и к Колчаку, и к остальным интервентам» [14]. Он охарактеризовал исторические факторы, обусловившие особые черты американской агрессии и тактики ее дипломатии, впервые привел важные документы о роли США в поддержке Колчака и теперь уже совершенно определенно утверждал, что американский империализм не уступал своему сопернику — японскому империализму — в интервенции на Дальнем Востоке.

Продолжая исследование данного вопроса, Минц в 40—50-е годы вводит новый конкретно-исторический материал, развивает и углубляет основные положения и выводы, которые были им сформулированы в предыдущие годы. Глубоко раскрыв сложную обстановку, создавшуюся в конце 1917 — начале 1918 г., он проанализировал новые и исключительно важные данные, характеризующие тактику американских, английских и французских империалистов в организации заговора против Советской страны. При этом важно

---

[12] И. И. Минц. Соединенные Штаты Северной Америки в интервенции. Предисловие к русскому переводу.— В кн.: Гревс. Американская авантюра в Сибири (1918—1920). М., 1932, стр. VII, XXXV.

[13] «Rewriting history», p. 380.

[14] И. И. Минц. Соединенные Штаты Северной Америки в интервенции, стр. XXXV.

отметить, что в отличие от некоторых других историков 40—50-х годов Минц рассматривал враждебную и коварную политику американского империализма не изолированно, не упрощенно, а в неразрывной связи с общей борьбой империалистических правительств Англии, Франции и Японии, что дало ему возможность более глубоко раскрыть империалистический заговор против Советского государства. Основное внимание он уделил подготовительному периоду интервенции, когда американские и англо-французские империалисты только приступили к осуществлению своих интервенционистских планов против страны Советов [15]. Приводя новые доводы против буржуазных фальсификаторов истории, стремящихся оправдать действия американского правительства по отношению к Советской России, Минц пишет: «На деле американские империалисты приступили к организации интервенции, как только залп «Авроры» возвестил миру рождение нового общественного строя в России» [16].

В 40—50-е годы Минц раскрывает особенности американской интервенции США, связанные с американо-японским соперничеством в борьбе за Дальний Восток и Сибирь, подтверждая на новом материале свой вывод: наличие этого соперничества совсем не означало, что США были против интервенции. Он разоблачает официальную «научную» версию фальсификаторов, будто цель американской интервенции заключалась в том, чтобы не пустить Японию в Сибирь, не дать якобы немцам расчленить Россию.

Раскрывая противоречия великих империалистических держав в отношении Дальнего Востока, Минц показал, что Англия, обеспокоенная возможностью сговора Германии с Японией, стремилась поскорее втянуть последнюю в войну против Советской России. Английский империализм преследовал две цели: с одной стороны, японские войска можно было бы использовать против Советской России, а с другой — противоречия между Японией и Америкой еще более бы углубились. Франция, которая тогда не в состоянии была вести активную политику на Дальнем Востоке, также стремилась вовлечь Японию в войну против Советской России, а потом при помощи японского империализма укрепить свои позиции на Дальнем Востоке. При всех этих острых противоречиях, отмечает Минц, империалисты сходились в одном: не дать Советской власти закрепиться в Сибири и на Дальнем Востоке, и это во многом

---

[15] «История дипломатии», т. 2, гл. 14—17; т. 3, гл. 1—8; И. И. Минц. Разгром первого заговора американских, англо-французских и других империалистов против Советской власти.— «Ученые записки МГПИ им. В. П. Потемкина», т. XXVI, вып. 3. М., 1953; он же. Новейшие упражнения американских фальсификаторов истории СССР.— «Вопросы истории», 1953, № 11; он же. Новая вылазка фальсификаторов истории американской интервенции в России.— «История СССР», 1959, № 2.

[16] И. И. Минц. Новейшие упражнения американских фальсификаторов истории СССР, стр. 106.

определяло единство их действий против Советского государства [17]. Характеризуя совместные враждебные действия империалистов, Минц обратил внимание, в частности, на захват ими КВЖД и на то, что именно этот оккупированный район стал базой формирования антисоветских отрядов, которые перебрасывались по кратчайшему железнодорожному пути к Владивостоку и Иркутску. Антисоветские действия Семенова, Калмыкова и других белогвардейских главарей были согласованы не только с японскими, но и американскими, английскими и французскими империалистами.

Выделяя основные районы приложения сил интервентов в 1918 г., Минц обратил внимание на действия империалистов Антанты в двух районах России — на Дальнем Востоке и Севере, так как все западные пути были заняты войсками австро-германских оккупантов. Этот вопрос он специально исследовал на примере Севера России. На большом документальном материале он раскрыл агрессивные планы интервентов, в частности английских, стремившихся к экономическому закабалению России и использованию северного плацдарма для ликвидации Советской власти по всей стране. Он убедительно показал историческую обреченность интервенции, буржуазно-помещичьей и эсеровско-меньшевистской контрреволюции, существо так называемого социализма эсеров и меньшевиков [18]. В его работах дан обстоятельный социально-экономический и политический анализ района оккупации, вскрыты классовые противоречия и убедительно раскрыт смысл боевого союза рабочего класса и крестьянства в борьбе против контрреволюции. Борьба трудящихся масс Севера показана на общем фоне истории гражданской войны и иностранной военной интервенции. При этом Минц подчеркивал, что «без иностранного вмешательства северная контрреволюция, несмотря на свой всероссийский характер, оставалась бы чисто местным явлением, вовсе не требовавшим для своей ликвидации напряжения всех сил пролетарского товарищества» [19].

В работах 50—60-х годов большое внимание он уделяет интервенционистскому заговору империалистов в 1917—1918 гг. в Закавказье. Раскрывая противоречия империалистов в борьбе за Ближний Восток и Закавказье, он на новых документальных данных основывает свой вывод, что по существу Англия, особенно заинтересованная в аннексии Закавказья, потакала турецкой агрессии в этом районе, чтобы отвлечь ее от союза с Германией. По этой

[17] И. И. Минц. Разгром первого заговора американских, англо-французских и других империалистов против Советской власти, стр. 36.

[18] Эти вопросы Минц подробно рассмотрел в работах: «Эсеры в Архангельске», «Английская интервенция и северная контрреволюция», «Меньшевики и интервенция». М.—Л., 1931; «Меньшевики в борьбе против пролетарской диктатуры».— «История пролетариата СССР». М., 1931.

[19] И. И. Минц. Английская интервенция и северная контрреволюция, стр. 238.

же причине, утверждает исследователь, Англия, имея достаточно сил, не выделила сколько-нибудь значительных отрядов для помощи ею же организованной контрреволюции в Закавказье и ограничилась посылкой небольшого отряда Денстервиля. Раскрывая подробно английские планы (и действия) по организации контрреволюционных сил в Закавказье, экономической экспансии и в конечном счете захвата этого района, Минц вводит в научный оборот новые важные источники, характеризующие соперничество Англии и США, роль США в организации сил контрреволюции и в этом районе. Он убедительно показывает, что и в Закавказье американские империалисты выступали не только как участники, но и как инициаторы антисоветской войны. В этой связи интерес представляют документы о действиях американского госдепартамента и его агентов в Закавказье. По инициативе США был задуман и осуществлялся план создания контрреволюционной федерации Донской, Терской, Астраханской казачьих областей, к которой предполагалось присоединить уральских казаков и Украину [20]. Минц специально обращает внимание на то, что именно в этот период (январь 1918 г.) была осуществлена чудовищная провокация в районе Шамхора, стоившая жизни многим тысячам русских солдат, когда по инициативе американского консула и с полного согласия английских и французских представителей контрреволюционные банды напали на эшелоны солдат, возвращавшихся с Кавказского фронта [21].

В работах Минца уже в 30-х годах четко выражена основная мысль: интервенция стала главной движущей силой контрреволюции в России, и именно она слила местные разрозненные выступления во всероссийскую контрреволюцию, снабдила ее всем необходимым и сделала во много раз более сильной; интервенция организовала, объединила, вооружила русскую контрреволюцию и поддерживала ее на всем протяжении гражданской войны [22].

В середине 50-х годов Минц исследовал новые данные о непосредственной подготовке империалистами военной интервенции. Он дал оригинальную трактовку межсоюзной конференции в ноябре 1917 г., заседания Верховного военного совета Антанты в декабре того же года в Версале, глубоко раскрыл их антисоветскую направленность, указал их место в подготовке интервенции. По его данным, уже в конце 1917 г. появился план использования чехословацких войск в России. Весьма убедительно звучит и его вывод о том, что правительство США в известном договоре Англии и Франции 23 декабря 1917 г. не принимало участия отнюдь не потому, что было против раздела России, а в надежде воспользоваться

[20] И. И. Минц. Разгром первого заговора американских, англо-французских и других империалистов против Советской власти, стр. 30—33.

[21] И. И. Минц. Новая вылазка фальсификатора истории американской интервенции в России, стр. 242.

[22] И. И. Минц. Новая интервенция в свете старой, стр. 16, 17.

результатами этой конвенции потом, оттеснив обоих соперников; оно занимало здесь позицию «третьего преуспевающего», нацеливаясь на Сибирь, не упоминавшуюся (конечно, не случайно) в англо-французском плане раздела России [23]. Показав, что США, так же как Англия и Франция, не были против японской интервенции, Минц отмечает, что именно правительство США сформулировало мотивы, прикрывающие вторжение, объясняя его как продолжение войны с Германией и меру для предотвращения захвата Сибири немецкими военнопленными; эта фальшивка госдепартамента была подхвачена американской и империалистической прессой других стран.

Так, шаг за шагом, исследуя причины и характер интервенции, тактику американских, английских и французских империалистов в организации контрреволюционного заговора против молодой Советской республики, подчеркивая особую роль американского империализма в развязывании гражданской войны и интервенции, Минц глубоко раскрыл широкую картину борьбы международного империализма против Советского государства. Но не только в этом заключается его вклад в историографию гражданской войны и военной интервенции в СССР. Минц немало сделал в области определения основных моментов в процессе создания вооруженных сил социалистической республики; и не только на начальном этапе исследования данной проблемы. Большое значение для правильной периодизации военного строительства и должного понимания этого процесса имела та характеристика добровольческого периода строительства Красной Армии, которую Минц давал даже в те годы, когда общепринято было подчеркивать, что создание регулярной армии началось с первых дней после победы Октября [24]. То, что, говоря о добровольческих принципах формирования нашей армии в период ее становления, он никогда не считал это заранее запланированным, планомерным этапом, помогло позже дать четкую периодизацию и характеристику основных этапов военного строительства в годы гражданской войны [25].

Будучи одним из инициаторов и организаторов многотомной «Истории гражданской войны», Минц участвовал в выработке проекта плана издания многотомника [26] и способствовал утверждению в исторической литературе правильного взгляда на соотношение фронтов на отдельных этапах гражданской войны. И в первом

---

[23] И. И. Минц. Разгром первого заговора американских, англо-французских и других империалистов против Советской России, стр. 48.

[24] И. И. Минц. Очерки по истории Советской Армии.— «Пропагандист и агитатор», 1947, № 19, стр. 57.

[25] С. М. Кляцкин. На защите Октября. М., 1965, стр. 30; см. также статью А. И. Ненарокова в публикуемом сборнике, стр. 433—434.

[26] 10 августа 1931 г. на объединенном заседании исторической и художественной редакций М. Горький, А. Бубнов, Б. Стецкий, Д. Кин и И. Минц были избраны в комиссию, которая выработала проект плана.

проекте плана издания «Истории гражданской войны» [27], и во втором [28] уделялось, согласно ленинской оценке, большое внимание Восточному фронту.

Истории гражданской войны и борьбы с иностранной военной интервенцией посвящена большая археографическая работа Минца: лично им и под его руководством в научный оборот введено много важнейших исторических документов, повествующих о героической борьбе советского народа под руководством партии большевиков против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции [29]. Новые документы издавались отдельными сборниками, публиковались в журналах и газетах. Среди этих изданий следует особо отметить сборники документов и материалов, вышедшие в годы Великой Отечественной войны. Документы о самоотверженной борьбе трудящихся России против германских оккупантов в 1918 г. играли большую роль в воспитании советского патриотизма и ненависти к фашистским захватчикам, посягнувшим на завоевания революции. Такую же большую роль в воспитании патриотизма, в ознакомлении советских воинов с героическим прошлым советского народа сыграла его брошюра «Красная Армия в борьбе с германскими захватчиками в 1918 году», выдержавшая несколько изданий, а также большое число пропагандистско-агитационных статей о гражданской войне, опубликованных в газетах и журналах в 1941—1945 гг.

Публицистические статьи Минца, посвященные истории гражданской войны, органически связаны с современностью, с борьбой советского народа за мир и социализм. Ярким примером могут служить его статьи, направленные против иностранных буржуазных фальсификаторов истории гражданской войны [30]. В них дана отповедь новым попыткам буржуазной, в частности американской, историографии фальсифицировать историю империалистической интервенции против Советской России. «Подобно тому,— пишет он,— как американские мракобесы-философы лихорадочно ищут, чем бы заменить слово «капитализм» в глупой и тщетной надежде новым определением скрыть его язвы и преступления, так и авторы книг по истории интервенции пробуют прежде всего заменить чем-

---

[27] «История гражданской войны. Проект плана издания». М., 1931, стр. 19—34.

[28] «История гражданской войны. План издания, утвержденный главной редакцией 27 марта 1932 г.». М., 1932, стр. 56.

[29] «Красный архив», 1928, № 6; 1930, № 2; 1932, № 1-2; «Интервенция на Севере в документах». М., 1933; «Японская интервенция 1918—1922 гг. в документах». М., 1934; «Таежные походы». М., 1936; «Документы по истории гражданской войны в СССР», т. 1. М., 1941; «Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 году». М., 1942; «Разгром немецких захватчиков в 1918 году». М., 1943; «Организация Красной Армии 1917—1918». М., 1943.

[30] И. И. Минц. Новейшие упражнения американских фальсификаторов истории СССР; он же. Новая вылазка фальсификаторов истории американской интервенции в России.

либо понятие «интервенция». Они стараются доказать, что вторжение американских войск в Россию вовсе не было интервенцией, а, напротив, являлось формой борьбы... против интервенции» [31]. Вскрывая ложь и несостоятельность этих утверждений, Минц разоблачает фальсификаторов их же аргументами и приводит новые факты об интервенции американского и англо-французского и японского империализма в годы гражданской войны. Отвечая американскому историку Уайту, который, проповедуя политику «открытых дверей», пытался провести аналогию между Советской Россией и Китаем XIX — начала XX в., Минц писал: «Аналогия с головой выдает стремление автора превратить преступление в доблесть: великую русскую державу превратить хотели в такую же игрушку в руках империалистов, какой был старый Китай» [32]. Он не только разоблачает фальсификаторов, но и показывает новейшие тенденции в их попытках искажать историю гражданской войны и иностранной военной интервенции. Он подвергает острой критике стремления фальсификаторов опорочить ленинскую политику мирного сосуществования и показывает, что эта политика была сформулирована и проводилась в жизнь еще в период революции и гражданской войны. Представляет немалый интерес отповедь Минца американскому историку Томпсону; Минц приводит убедительные факты, подтверждающие, что даже в разгар интервенции В. И. Ленин предлагал конкретные пути мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими системами [33].

Решительно выступает Минц и против попыток буржуазной реакционной историографии использовать имевшиеся среди советских историков различные точки зрения для отрицания американской интервенции. «В среде советских историков,— пишет он,— есть и могут быть действительные разногласия — марксизм ведь не застывшая догма, а живая, творческая, непрерывно идущая вперед наука. Есть и будут у нас дискуссии по отдельным вопросам интервенции, ибо мы не считаем законченным ее изучение. Но как марксисты мы согласны и едины в решающем и главном — в оценке роли империалистов в интервенции, в том, что американские империалисты не только активно участвовали в иностранной интервенции, но и организовали ее как крестовый поход империалистической буржуазии против социалистической революции, а потому они вместе с империалистами других стран полностью ответственны за все те жертвы, которые понес советский народ от интервенции» [34].

С 1936 г. начали выходить курсы лекций Минца по истории советского общества; первый из них был посвящен истории граждан-

---

[31] «Вопросы истории», 1953, № 11, стр. 107.

[32] Там же.

[33] И. И. Минц. Новая вылазка фальсификаторов истории американской интервенции в России, стр. 239.

[34] «История СССР», 1959, № 2, стр. 243.

ской войны[35]. С тех пор и на протяжении почти 20 лет соответствующие курсы лекций Минца были единственными учебными пособиями для студентов исторических факультетов и слушателей партийных школ. По этим лекциям с историей советского общества, и в частности с историей гражданской войны, знакомились самые широкие массы читателей.

Для средней школы Минц написал учебник (для 8-го класса). Этот учебник основан на богатом фактическом материале, в нем восстанавливаются забытые прежде славные имена героев Октября и гражданской войны. В воспитании советского патриотизма и любви к своей Родине учебник имеет неоценимое значение. Большое значение имеют и методические консультации академика учителям истории, где он специально анализирует формы и средства сообщения учащимся фактов героической борьбы народов СССР под руководством Коммунистической партии против империалистической агрессии и внутренней контрреволюции, говорит о задачах воспитания советского патриотизма и пролетарского интернационализма. «Преподавателю истории,— подчеркивает Минц,— предстоит благодарная и почетная задача рассказать об эпохе, полной героизма в труде и ратном деле, самоотверженности и революционного творчества народа, знавшего горечь неудач и гордость побед, объяснить, почему именно советскому народу удалось добиться таких успехов. Все это будет пробуждать в сердце и сознании нашей учащейся молодежи стремление самой участвовать в великой созидательной деятельности — построении коммунизма»[36]. Именно этим целям и служат работы самого И. И. Минца. Они играют значительную роль в воспитании активных строителей нового общества.

---

[35] И. И. Минц. Гражданская война в Советском Союзе. Курс истории СССР. М., 1935.

[36] «Преподавание истории в школе», 1962, № 6, стр. 78.

ДОКЛАД КОМИССАРА 2-Й УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ ДИВИЗИИ И. И. МИНЦА (май 1919 г.)

★

В Центральном архиве Советской Армии, в фонде Украинского фронта, хранится несколько интересных докладов политического комиссара 2-й Украинской советской дивизии И. И. Минца. В 1919 г. ему было 23 года.

В период гражданской войны наши партийно-политические кадры в подавляющем большинстве были очень молоды, как молода была сама социалистическая революция. Но эти молодые кадры под руководством старшего поколения ленинской гвардии быстро осваивали опыт бурных революционных событий.

Первая в мире победившая социалистическая революция была великой политической школой. Полки 2-й Украинской советской дивизии комплектовались главным образом из украинских партизан-добровольцев. С декабря 1918 г. (после германской революции и ухода оккупационных войск) эти полки вместе с 1-й дивизией совершили героический освободительный поход от северного кордона Украины до юго-западных ее границ с Польшей и Румынией.

В многочисленных боях полки 2-й дивизии очистили значительную часть Украины от гетманцев и петлюровцев, освободили Харьков, Полтаву, Кременчуг, Елисаветград, Умань, Казатин, Славуту и другие города и села. Несмотря на значительные потери, дивизия выросла за счет притока советских партизан-добровольцев. На 24 декабря 1918 г. в дивизии насчитывалось 5616, на 15 февраля 1919 г.— 9887 бойцов, а на 15 мая 1919 г.— 8417 пехотинцев и кавалеристов [1]. Среди прославленных командиров дивизии были:

[1] ЦГАСА, ф. 174, оп. 2, д. 1, л. 1; оп. 3, д. 148, лл. 1—2; ф. 103, оп. 2, д. 144, л. 45; оп. 1, д. 23, л. 34.

Ленговский, Примаков, Шмидт, Каверин, Кисель, Ахматов, Покус, а среди политработников: Луговой, Шебалдин, Миц, Звангзе, Юрченко, Кубанин, Венгерп, Сашков, Грицевская, Слейковский, Кривенко, Рогоза, Гардюта.

Политотдел дивизии во всех полках создал партийные комитеты, во многих ротах организовал ячейки большевистской партии, обновил состав комиссаров и командиров. При политотделе дивизии была создана военно-политическая школа. В ходе наступления на Правобережной Украине командованию дивизии приходилось вести переговоры с партизанскими отрядами, которые уходили от петлюровцев и изъявляли желание перейти на сторону Советской власти. С большим риском для жизни приходилось политработникам отправляться в «штабы» этих отрядов и вести там «дипломатические» переговоры. Комиссар И. И. Миц обнаруживал при этом недюжинный дипломатический талант, успешно действуя не только критикой оружия, но и оружием критики.

Как известно, весной 1919 г. на юге и западе Украины шла острейшая борьба с интервентами Антанты, деникинцами и петлюровцами. Здесь был один из важнейших плацдармов наступления мирового империализма против страны Советов.

Высший подъем революционного натиска украинских советских войск против интервентов Антанты был в конце марта и начале апреля. Поражение антантовских войск на юге Украины под Херсоном, Березовкой, Сербкой, разгром петлюровских войск, установление Советской власти в Венгрии вынудили главарей интервенции временно перейти к обороне. 25—27 марта в высшем органе Парижской конференции — Совете 4-х — главари интервентов вынуждены были признать крах интервенции на юге Украины, принять решение об эвакуации Одессы, установлении «санитарного кордона» на румынской границе, чтобы воспрепятствовать соединению украинских и венгерских советских войск.

В эту борьбу и в победу над силами внешней и внутренней контрреволюции значительный вклад внесли полки 2-й Украинской советской дивизии.

В конце мая деникинские войска, поддержанные английским оружием и снаряжением, перешли в наступление на Донбасс. Полки 2-й дивизии были переброшены на восток против Деникина. В 1919 г. дивизия формально была боевой частью регулярной Красной Армией, однако в ней еще много было партизанщины. Дивизии приходилось действовать в тяжелых условиях многомесячных боев, без отдыха, при большом недостатке снабжения продовольствием, обмундированием. Чем дальше отдалялись части дивизии от родных районов, тем больше тянулись домой бывшие партизаны, охваченные желанием поскорее засеять отвоеванные у помещиков земли.

Политотделу дивизии пришлось много потрудиться, чтобы разъ-

ясннть этим солдатам смысл борьбы до полного разгрома интервентов и белогвардейщины. Среди новых пополнений было немало политически неустойчивых солдат, зачинщиков беспорядков в отдельных частях. Их тоже надо было охватить своим влиянием, приобщить к борьбе за высокие идеалы революции.

Еще более осложняли положение контрреволюционная петлюровская агентура, участившиеся кулацкие восстания в ближайшем тылу. Против них дивизии пришлось выделить весь 6-й полк.

Много внимания политотдел и комиссары частей дивизии уделяли советскому строительству в освобожденных районах, организации ревкомов и комбедов, поднятию культурного уровня населения тыловых районов и красноармейской массы. Как отмечается в докладе политкома 2-й дивизии за март 1919 г., кроме лекций и бесед о программе РКП(б) и конституции РСФСР, красноармейцев знакомили с историей социальных учений, историей рабочего и социал-демократического движения в России и т. п. [2]

Политодел 2-й Украинской советской дивизии в неимоверно трудных условиях сумел организовать в частях общеобразовательные школы, дивизионную военно-политическую школу красных офицеров и создать свою типографию, в которой печатались различные пособия и дивизионная газета. Кроме того, был оборудован агитпоезд, в котором, кроме библиотеки и клуба, был передвижной театр. Одной из главных задач, которые ставил перед собой политотдел, было воспитание в красноармейцах политического и гражданского самосознания и уважения к культурным ценностям.

Политические комиссары постоянно находились на передовой линии, поднимая боевой дух красноармейцев. Когда в апреле 1919 г. даже самый дисциплинированный 5-й полк вследствие больших потерь и чрезвычайной усталости отказался выступить на фронт, политком дивизии сумел добиться перелома, вывел полк на передовую и был с красноармейцами во время сражения с противником [3].

Инструкция политическим комиссарам войсковых частей, утвержденная Военно-революционным советом Украинской советской армии, гласила: «Политический комиссар должен быть для всех красноармейцев образцом революционной и боевой доблести, дисциплинированности, верности военному долгу, первым в наступлении, последним в отступлении, словом — духовным вождем полка, политическим и военным, живым знаменем пролетарской революции».

Такими были многие наши славные комиссары гражданской войны и среди них комиссар 2-й Украинской советской дивизии И. И. Минц. Ниже мы приводим текст его доклада — документ, извлеченный из фондов ЦГАСА.

М. А. Рубач

---

[2] ЦГАСА, ф. 103, оп. 1, д. 23, л. 36.

[3] Там же, л. 41.

Доклад политического комиссара 2-й Украинской советской дивизии И. И. Минца в Политическое управление штаба Украинского фронта о морально-политическом состоянии дивизии.

8 мая 1919 г.

Шесть месяцев тому назад, когда благодаря самоотверженной работе товарищей коммунистов объективные условия для революции на Украине назрели и несколько тысяч борцов, в свое время покинувших под давлением обстоятельств Украину, перешли ее границы с тем, чтобы принести освобождение всем трудящимся и обездоленным, наша 2-я дивизия, организованная еще в нейтральной зоне, насчитывала в своей среде всего 3—4 полка с единоличными комиссарами и не имела политического отдела при дивизии.

ЦК партии для ведения политической работы в дивизии назначил комиссаром Лугового, который один и нес на себе первое время всю работу. Луговой вследствие переутомления принужден был покинуть свой пост как раз в момент созыва дивизионной конференции коммунистов, о результатах работ которой сообщу в дальнейшем докладе. Перед уходом Лугового в дивизию прибыли два политических работника из Петрограда, которые совместно с Луговым сделали первые шаги по устройству политического отдела. По уходе на излечение Лугового политотделом армии комиссаром дивизии был назначен я.

Созданный при дивизии политотдел задался целью вести работу в следующих направлениях:

1) Дисциплинировать, укреплять, спаивать в единое целое все части дивизии путем неустанной работы агитацией и пропагандой среди товарищей красноармейцев, путем извлечения всех темных элементов, назначения ответственного командного состава и особенно удовлетворяющих своему назначению политических комиссаров, упорно и неуклонно проводящих в жизнь светлые идеи коммунизма.

2) Создавать Советскую власть во всех занимаемых нами местах путем постоянного объезда, инструктирования, инспектирования работы на местах, снабжения их литературой.

3) Наладить партийную работу путем создания во всех ротах, батальонах, полках, батареях и т. п. коммунистических ячеек, которые взяли бы на себя тяжелую, но благодатную обязанность внести свет в темную массу красноармейцев, которые были бы энергичными проводниками наших идей и деятельными помощниками непосредственным представителям рабоче-крестьянского правительства — политическим комиссарам.

4) Поднять культурное самосознание и уважение к культурным ценностям в массах путем выделения товарищей, интересую-

щихся всеми вопросами культуры, путем объединения их в культурно-просветительные комиссии, имеющие целью поднять массы к культуре, к искусству, к творчеству, путем создания театрально-музыкальных секций.

5) Открыть свет истины всем темным и обездоленным путем открытия целой сети школ грамоты, которым мы придаем особо важное значение как средству просветления масс, дающих ей больше уверенности в конечной цели наших стремлений, предоставляющие возможность отдавать отчет себе, куда и зачем она идет.

6) Создать опытный кадр самоотверженных политработников путем ознакомления с массами, постоянного посещения полков и ознакомления с жизнью их, так чтобы не создавалось пропасти между низами и верхами.

7) Создать кадр революционных командиров, которым можно было бы поручить грандиозную задачу по защите завоеваний революции.

8) Как можно лучше обставить снабжение дивизии, исходя из соображения, что человек должен быть накормлен, обут, только тогда он сумеет думать, для каковой цели мы предпринимаем постоянные инспектирования отдела снабжения.

Для проведения всех этих начинаний в жизнь нами до сего времени сделано следующее:

1) В каждой роте, батальоне, полку и т. д. созданы коллективы коммунистов и при них сочувствующие. Уже организована 61 коммунистическая ячейка, а в остальных ротах находятся в периоде организации; количество членов — 248 (из некоторых частей сведений не поступало).

2) Учитывая большой процент неграмотных в армии, политотдел в настоящее время задался целью покрыть дивизию целой сетью школ грамоты, каковых открыли уже до 40 штук.

3) Наблюдение и ревизия жизни полков убедили меня, что одной из главных опор революционной армии являются командиры — коммунисты младшего состава, которые ближе стоят к массе и лучше понимают ее нужды, а также легче проникают в нее, что позволяет им одновременно и прививать идеи коммунизма. Между тем на деле особенно младшие командиры превращают нашу армию в царистскую, прививают ей ложные понятия, с красноармейцами обращаются как доброй памяти унтер-пришибеевы и тем создают чрезвычайно напряженную атмосферу, в которой легко развиваются недисциплинированность и антисоветские идеи. Бывали случаи, что в боевой обстановке самостоятельность и неподготовленность лиц младшего командного состава служили причиной беспорядочного отступления и даже паники. В силу этого была создана военно-политическая школа красных офицеров, основные принципы строительства которой были изложены мною на фронтовом съезде коммунистов и сводятся к тому, что наряду с преподаванием военных наук разных родов оружия (пехота,

кавалерия, артиллерия) будут проходиться по сокращенной системе также и социальные науки, как-то: политическая экономия, история социальных учений, история Коммуны, история революционных войн и т. п. Нами назначен в школу опытный комиссар и отправлена туда преподавательница социальных наук. В школе красных офицеров был сделан инспекторский смотр. Стройными рядами проходили перед нами будущие командиры, своей выправкой и дисциплинированностью вызывающие восхищение окружающей публики. А своими толковыми и ясными ответами позволяли мне надеяться, что в их лице мы найдем верных проводников наших идей. Слушатели школы несут охранную службу, в корне пресекая контрреволюцию, гнездо которой оказалось на месте стоянки школы, в городе Умани.

4) В области искусства нами проделана следующая работа: создана театральная секция, которая уже собрала труппу в 12 человек. Ежедневно труппа пробует свои силы и пожинает лавры среди жителей города Винницы, особенно среди красноармейцев.

Театральная секция создала уже шесть живых картин, производящих своей продуманностью, постановкой и революционным содержанием прекрасное впечатление. Особенно выделялась живая картина «Интернационал», участвовавшая в шествии 1 Мая на автомобиле. Темы картин живых: «Труд и капитал», «Прежде и теперь», «Интернационал», «Все на борьбу с буржуазией», «Братство трудящихся» и т. п.

Веду переговоры с художником, чтобы взять его с собой на предмет устройства декораций и картин в нашей труппе.

5) Создан литературно-художественный поезд, который днями выедет на фронт, имея в своем составе труппу, два оркестра (духовой и струнный), кинематограф, клуб и библиотеку.

6) Разослано предписание об организации культурно-просветительных комиссий при каждом полку и бригаде. При бригадах и почти во всех полках [они] уже созданы и приступают, по получении от меня средств, к делу. Отсутствие денег тормозит работу.

7) Дабы вливать в части вполне сорганизованные боевые единицы, все они проходят через маршевые роты при штабе дивизии, где получают обмундирование и проходят военную подготовку и ускоренный курс по специально выработанной программе. Отсутствие лекторов не позволяет поставить дело на должную высоту.

8) При дивизии организована типография, которая приступила к широкому печатанию приказов, инструкций и других руководящих указаний, в которых так нуждаются части. К сожалению, совершенно не хватает бумаги.

9) Учитывая то обстоятельство, что литература нами получается неисправно, что получаемая литература совершенно не соответствует своему назначению вследствие своей сложности, трудной к пониманию красноармейцам, стоящим на первой ступени развития, что в ней не затрагиваются глубоко интересующие массы во-

просы, предпринял издание своей газеты, более планомерно снабжая части и стараясь все более и более подойти к миропониманию красноармейца, давая ему широкую возможность проявить свою творческую инициативу. Серьезная оперативная задача, отвлекшая все силы на фронт, не позволяла до сих пор отдаться всецело газете. В настоящее время предпринимаю решительные меры к исправлению ошибки.

10) Учитывая, что новые учебники для взрослых совершенно не пригодны и продолжают по старой памяти долбежку, а не разумное внедрение света и истины, приступили к созданию своего собственного учебника, медленно, но упорно создающегося. Надеюсь, что через две недели мы сумеем приступить к печатанию своего собственного учебника. Пока печатаем присланную нам грамматику по новой орфографии.

11) Подчеркивая, что у нас совершенно нет в резерве политических работников, что в них чувствуется страшная нужда, что нет никакой возможности справиться с грандиозной работой, выпавшей на нашу долю по поднятию культурного и классового самосознания, по просветлению масс, по их дисциплинированию, открываю партийную школу, которая будет ковать опытных (если нам позволят обстоятельства) инструкторов и политработников, смогущих взять на себя всю организационную и инструкторскую работу. В нашем распоряжении имеется один лектор. О двух еще ходатайствую перед Вами.

12) Сознавая тяжелую обстановку, создавшуюся на местах, от которых три года скачи — ни до какого города не доскачешь, а доскачешь, то найдешь уж никак не коммунистов, а в лучшем случае комиссародержавцев, дискредитирующих Советскую власть, вызывающих ежедневные восстания и глухой ропот, не сегодня-завтра выльющийся в открытый мятеж,— как уже сообщал Вам, создаю специальный крестьянский отдел, имеющий своей целью восстановление Советской власти в завоеванных нами местах и планомерное инспектирование, и создание ревкомов, комбедов и тому подобных революционных организаций, подготовляющих массу к восприятию коммунистических идей. В отделе уже работает три инструктора, которые уже успели организовать в Браилове коммуну в 517 членов, которая вырабатывает проект программы и приступает к деятельности. К сожалению, местный земельный отдел, не понимая или не желая понять всей важности создавшейся коммуны, не принимает срочных мер к снабжению таковой средствами техническими и деньгами. С ходатайством посылаю к Раковскому через Вас. Остальной кадр работников будет набран следующим образом: в Жмеринке, насчитывающей 5 тыс. рабочих, будет отобрано человек 15 рабочих, которые, пройдя трехнедельный стаж в партийной школе, будут пущены по окружным деревням, чтобы покрыть их целой сетью революционных организаций.

13) Создана дивизионная фундаментальная библиотека, отоб-

ранная у бежавшего графа и пополняемая постоянно доброхотными пожертвованиями и принудительным отобранием у тех, кому она, по нашему взгляду, лишняя. Создаются полковые библиотеки, имеющие во главе опытных библиотекарей, долженствующих открыть библиотеки в каждой роте.

14) В области партийной работы: создан дивизионный партийный комитет, который один вправе выдавать партийные билеты коммунистам. Этим мы избежим просачивания в наши ряды нежелательных элементов, имеющих возможность пробраться через не совсем густой фильтр в полках. Товарищ, который по постановлению своей ячейки может получить билет, обязан явиться в дивизионный партком, где он сначала экзаменуется, слушает краткий курс партийной грамоты и потом только получает билет. Начата перерегистрация всех членов и приступлено к собиранию членских взносов. Разосланы опросные листы и анкеты по всем ячейкам. По получении они будут представлены в ЦК партии.

15) Нами был созван дивизионный съезд коммунистов, спаявший всех нас в единую, цельную организацию. Только постоянное бешеное продвижение наших частей вперед рвало связь между нами и мешало работать. Вот почему мы приступаем к созыву еще одной конференции приблизительно к 20 мая. Программа съезда уже вырабатывается. Результаты первого съезда в виде резолюций взял на себя отпечатать политотдел группы войск харьковского направления, но до сих пор не удосужился нам прислать.

16) Считаю нужным созвать очередной съезд политкомов, дабы выработать планомерную и централизованную программу работ, избегая кустарничества. Съезд думаю созвать за два дня до съезда коммунистов.

17) Так как снабжение армии поставлено убийственно и полки зачастую по два дня не видят хлеба, что могу подтвердить личным примером, то для устранения создавшегося положения в каждой роте, в каждом батальоне и т. д. созданы контрольно-хозяйственные комиссии, выбираемые на общем собрании роты, которая раз в неделю, а в ротах два раза в неделю проверяет хозяйственную жизнь полка, привлекая к ответственности лиц, оказавшихся не на высоте своего положения.

18) Так как санитарное управление до сих пор не озаботилось приобретением и созданием предохранительных от сыпной инфекции мер, то мы сами приступили к организации бань, каковые через три дня должны быть готовы и отправлены на фронт вместе с литературно-художественным поездом, с таким расчетом, чтобы одновременно произвести баню и духовную, и телесную. Баня-вагон рассчитана на 25—30 человек. Вместе с тем организована прачечная. Постоянное отсутствие из штаба вследствие пребывания на фронте мешало закончить предприятие, почему оно и запоздало, притом отправленный за материалом в Киев курьер вернулся без таковых, так как без денег ему не хотели давать материалы.

П. П. МИНИЦ. 1923 г.

19) В каждом полку создан Военно-революционный трибунал. К сожалению, в редких случаях он удовлетворяет своему назначению, приходится весьма часто менять их состав.

20) На местах ведется усиленная работа по организации профессиональных союзов на новых социалистических началах.

21) Так как в области народного просвещения ничего не сделано, а комиссар просвещения — «коммунист» — ждет каких-то инструкций из центра, то вся работа по реорганизации школы взята нами на себя. Мы устраиваем весьма частые митинги для учащихся, где разъясняем им нормы строительства новой трудовой школы, и, должно сознаться, встречаем достаточно революционный элемент, который во многих случаях удается использовать как агитационный.

22) В результате многодневных работ политотдел организован следующим образом: Заведующий политотделом — заместитель политкома Кубани, культурно-просветительный отдел — заведующий Сашко, теперь — Грицевская, информационный — Белоусов, учетно-распределительный — Мацюк, ныне временно Шебалдин, следственная комиссия — Нестерок-Нестеренко (Уралец).

Вследствие тревожного положения на местах и полного отсутствия вооруженных сил, так как таковые все на фронте, то нами создан отряд при следственной комиссии в 280 человек, составляющий роту запасного батальона. На этот отряд мы опираемся во всех наших революционных мероприятиях. Этот отряд мы посылали уже два раза на усмирение восстания. Между прочим, он усмирил восстание в Умани. На этот отряд обращено усиленное внимание в смысле поднятия культурного самосознания.

Редактор газеты — Грицевская.

Личный состав бригады и полков я уже сообщил в соответствующих анкетах.

Положение в частях:

1-я бригада: политком Юрченко.

5-й полк. До сих пор наиболее дисциплинированный, наиболее сознательный, всегда просился на фронт. Хорошо налажена партийная работа. Хорошо организованы ячейки. Но после поражения под Шепетовкой вследствие измены 14-го Миргородского полка полк наполовину уменьшился, потерял своих лучших командиров, воспитывавших массу, и морально чрезвычайно угнетен. Когда ему был отдан приказ выступить на фронт, полк в первый раз за всю кампанию отказался. По получении известий выехал в полк срочно и нашел его в таком состоянии: беспомощно метались среди массы командир и политработники, уговаривая массы, а красноармейцы, указывая, что они потеряли половину товарищей и всех командиров, просили отдыха на несколько дней. Тем не менее полк на позицию выступил. Я пробыл с ним 10 дней в передовой цепи, наблюдая жизнь и поведение красноармейцев. И убедился, что им надо передохнуть. Надо вдохнуть новые силы, надо

ком, чрезвычайно энергичный работник Шебалдин, и еще три работника.

Особая кавалерийская бригада. Вследствие постоянного отсутствия моего до сего времени не ознакомился с положением дела. По сведениям политработников, ничего там не делается. Посылаю инспектора. По возможности выеду сам. Начальник штаба дивизии, пробывший там более двух недель, подтверждает полное отсутствие работы. Примем меры.

Дивизия вступила на Украину с 3 тыс. штыков. Выросла в четырехбригадную дивизию, прошедшую всю Украину с боем. Теперь в дивизии численность вчетверо меньше. Полки устали. Полки утомлены. Они все чаще и чаще начинают отказываться выступать на фронт, все чаще слышен ропот, и все легче контрреволюционерам развивать свою деятельность. Надо их остановить. Надо влить в них живой дух. Направить в них максимальное количество работников, чтобы поднять настроение, чтобы привести полки в такую же боевую готовность, какую они имели в начале кампании. Я не требую отдыха для своих сотрудников, ибо они также самоотверженно будут продолжать свою деятельность на благо трудового народа, они с восторгом отдадутся работе в частях, но надо создать обстановку, при которой семя упадет на плодотворную почву. Мы сами подготовляем себе падение, заставляя идти части вперед. А пополняя их нашех бывшими петлюровцами, мы подготовляем момент, когда придется с оружием в руках разоружать свои же части. Отдых полкам — вот единственный фактор, который может остановить грядущее несчастье.

Готов ручаться, что 20-дневная передышка даст возможность превратить нашу 2-ю дивизию в железную дивизию, которая сумеет противостоять не только разрозненным бандам Петлюры, но и дисциплинированным отрядам румын и прочих.

Зная свои части, учитывая их настроение, прошу:

1) Заменить их организующимися в тылу войсками на 20 дней.

2) Прекратить наступление на иностранные державы до разъяснения красноармейцам необходимости этого, до приведения их в боевую готовность.

В полной уверенности, что мое ходатайство о предоставлении отдыха частям на 20 дней будет удовлетворено, я отдам распоряжение всем товарищам политработникам напрячь все силы и отдать их работе, позабыть совершенно свои личные интересы, свою переутомленность и всецело отдаться на служение обездоленному трудящемуся люду. Все наши начинания только выиграют в качестве, если их можно будет развить в благоприятной обстановке. Не имея возможности дать исчерпывающий доклад, прошу разрешить дополнить его устно.

Политический комиссар 2-й Украинской советской дивизии

Минц.

3 мая 1919 года.

ЦГАСА, ф. 103, оп. 1, д. 23, лл. 40—42 об. Подлинник.

ПАРТИЙНОЕ ПОДПОЛЬЕ И ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ТЫЛУ БЕЛОПОЛЯКОВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ (1919—1920 гг.)

★

Н. В. КАМЕНСКАЯ

Весной и летом 1919 г., когда международный империализм усилил военную интервенцию в Советскую республику, в Белоруссию вторглись войска буржуазно-помещичьей Польши. 8 августа в ожесточенных боях с частями Красной Армии и рабочими батальонами, самоотверженно защищавшими родную советскую землю, белополякам удалось потеснить советские войска и захватить столицу Белорусской республики Минск. Стремительное продвижение врага на восток было остановлено лишь на берегах р. Березины.

К концу августа 1919 г. фронт проходил на территории Белоруссии вдоль р. Западной Двины до Полоцка, на юг через Лепель на Борисов, по р. Березине до Бобруйска и далее на Речицу. В таком положении он и оставался до весны 1920 г.

В обстановке грозной опасности, нависшей над Советской страной в связи с развитием интервенции и гражданской войны на борьбу за сохранение завоеваний Великого Октября поднялись все народы России. Под руководством Коммунистической партии во главе с В. И. Лениным они объединили свои усилия, создали военно-политический союз советских республик, превратили страну в военный лагерь.

В первых рядах борцов за Советскую власть шел и трудовой народ Белоруссии. Формы участия трудящихся Белоруссии в общенародной борьбе против внешней и внутренней контрреволюции многообразны: вступление в ряды Красной Армии и подготовка для нее боевых резервов, выполнение на предприятиях заказов фронта, а крестьянами — продразверстки, материальная помощь красноармейцам и забота об их семьях, о больных и раненых бойцах, культурно-просветительная работа в воинских частях и т. п.

Всеобщая трудовая повинность и обеспечение войск гужевым транспортом также имели большое значение в помощи фронту.

Свободная от оккупантов восточная часть Белоруссии (Могилевская, Гомельская, Витебская области современной БССР) жила, как и вся страна, напряженной, суровой жизнью, главным содержанием которой была всемерная помощь сражавшейся Красной Армии. На территории Белоруссии, оккупированной войсками буржуазно-помещичьей Польши (Брестская, Гродненская и Минская области современной БССР), наиболее действенной формой помощи трудящихся Красной Армии было партизанское движение. Во главе этого движения стояли лучшие сыны белорусского народа — коммунисты.

В чрезвычайно тяжелых условиях оказалось трудовое население под властью оккупантов. На захваченной территории Советской Белоруссии оккупационные власти установили жестокий режим террора и насилий над мирным населением. Они разогнали Советы, восстановили власть помещиков и капиталистов, отняли у крестьян переданную им Советской властью землю; национализированные фабрики и заводы вернули бывшим владельцам. 27 августа 1919 г. военная комендатура оккупантов в Минске объявила: «Все распоряжения и декреты большевистских властей о частной собственности отменяются. Право частной собственности считается восстановленным» [1]. Капиталисты восстановили 10—12-часовой рабочий день, резко снизили заработную плату. Тяжелым ударом по рабочему классу было закрытие предпринимателями многих заводов, фабрик и мастерских, что привело к массовой безработице в оккупированных городах, обрекавшей рабочих на нищету и голодную смерть.

Территория Белорусской ССР была объявлена оккупантами восточной окраиной Польши («восточными кресами»). В уездах и волостях они насадили «поветовых» (уездных) комиссаров и волостных старшин, которые грабили мирное население и шпионили за ним. Повсеместно в городах и селах создавалась полиция, в которую оккупанты вербовали разного рода антисоветские элементы. Тюрьмы были переполнены рабочими и крестьянами. В первые же дни после захвата Минска оккупанты арестовали более тысячи жителей города, 100 человек было расстреляно [2]. Тысячи советских граждан погибли от рук оккупантов в Минском, Борисовском, Бобруйском, Слуцком и других уездах [3]. Трудящееся население, особенно в городах, голодало. Не было самых необходимых продовольственных и промышленных товаров, процветала спекуляция, цены поднялись до совершенно недоступных трудящимся размеров.

---

[1] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 1, д. 14, л. 35.

[2] «11 ліпеня». Минск, 1935, стр. 17.

[3] «Белоруссия в борьбе против польских захватчиков в 1919—1920 гг.» М., 1940, стр. 160.

Оккупанты не только уничтожали мирное население, но и нанесли народному хозяйству Белоруссии огромный материальный ущерб. Только в Минском, Бобруйском, Борисовском, Игуменском, Мозырском и Слуцком уездах убытки, причиненные белопольскими захватчиками за время оккупации, составили в золотой довоенной валюте 52 029 281 рубль [4]. Чинить кровавые расправы над белорусским народом белопольским захватчикам помогали их прихвостни и лакеи — буржуазные националисты.

Но никакие издевательства и насилия не дали оккупантам желаемых результатов — не покорился им свободолюбивый белорусский народ. Лучшие сыны и дочери Советской Белоруссии во главе с коммунистами поднялись на борьбу против захватчиков, за свободу своей Советской страны.

С первых дней вторжения оккупационных войск на территорию Белоруссии вопросы организации партийной работы в нелегальных условиях и развертывания партизанской войны в тылу захватчиков стали основными в деятельности партийных органов Литовско-Белорусской ССР, созданной в начале 1919 г. ЦК КП(б) Литвы и Белоруссии обсудил 8 марта вопрос о необходимости широкого развертывания партийной работы на оккупированной врагами территории Литвы и Белоруссии. 11 марта решением ЦК КП(б) Литвы и Белоруссии в составе ЦК был создан специальный отдел по руководству деятельностью подпольными партийными организациями и развертыванием партизанской войны. ЦК вместе с местными партийными организациями проделал также большую работу по подбору кадров — партийных и беспартийных большевиков — для работы в условиях подполья. К тому времени из ряда уездов оккупированной Белоруссии (Минский, Бобруйский, Несвижский и др.) в ЦК поступили сообщения о создании первых партизанских отрядов, подпольных партийных комитетов и ячеек. Сообщалось также и о том, что партизанам нужна помощь оружием и агитационной литературой [5]. В числе коммунистов, оставленных для подпольной партийной работы в Бобруйском уезде, были член Бобруйского ревкома С. Л. Вилюга и сотрудник Бобруйского уездного комитета партии М. А. Левков [6]. В районе Пинск — Кобрин — Картуз — Береза уполномоченным ЦК КП(б) Литвы и Белоруссии по организации партизанского движения был Францев [7]. Пока не найдены полные сведения о людях, руководивших партийными подпольными организациями и партизанскими отрядами на территории оккупированной Белоруссии. В сохранившемся в архиве списке числится более 900 человек [8].

14 мая 1919 г. ЦК КП(б) Литвы и Белоруссии обсуждал вопрос

---

[4] Там же, стр. 159.
[5] Партархив Института истории при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 1, д. 14, л. 116.
[6] Там же, ф. 60, оп. 1, д. 432, лл. 12, 54.
[7] Там же, д. 339, л. 6.
[8] Там же, д. 397.

о создании партизанских отрядов в тылу противника и в своем решении признал организацию партизанских отрядов «принципиально допустимой» [9]. В этом же решении указывалось, что оружие для этих отрядов надо выдавать только коммунистическим ячейкам и отдельным известным коммунистам. В апреле — июле, когда белопольские войска продолжали продвижение на восток, в тылу оккупантов уже развертывались активные боевые действия партизан. Советские патриоты взрывали мосты и портили дороги, организовывали выступления населения против реквизиций продовольствия и фуража, вели разъяснительную работу среди населения, призывая его усиливать сопротивление захватчикам. Одним из наиболее активных был партизанский отряд под командованием рабочего-плотника М. В. Арбузова, действовавший в Пинском уезде. Отряд был создан из местных крестьян-бедняков и назывался «отрядом батьки Арбузова». Своими смелыми боевыми действиями против захватчиков бойцы отряда снискали себе широкую известность и признательность народа [10].

После того, как Красная Армия остановила продвижение белопольских войск на восток на линии р. Березины, ЦК КП(б) Литвы и Белоруссии усилил организацию партизанского движения в тылу захватчиков. 3 сентября 1919 г. в целях более оперативного руководства борьбой масс в тылу врага ЦК разделил оккупированную территорию Литвы и Белоруссии на три района. В первый район входили Ковенская и Сувалкская губернии, во второй — Виленская и Гродненская, в третий — Минская губерния и захваченная врагами западная часть Могилевской и Витебской губерний [11]. 13 ноября ЦК КП(б) Литвы и Белоруссии создал Бюро по руководству нелегальной работой, в состав которого были избраны видные партийные руководители Литвы и Белоруссии — Мицкявичюс-Капсукас, Кнорин, Богуцкий [12]. Одновременно было решено издавать для оккупированных областей Белоруссии газету «Звезда», а также листовки по вопросам текущего момента; для трудящихся Литвы — газету «Коммунистас», воззвания и брошюры; для польских солдат — агитационную газету «Млот» и воззвания к польским солдатам [13]. Газеты и листовки должны были всемерно способствовать развертыванию борьбы трудящихся против оккупантов и внутренней контрреволюции.

Наиболее крупными центрами подпольной партийной работы на оккупированной территории Белоруссии стали Минск, Бобруйск, Слуцк, Пинск, Борисов, Лунинец, Гродно, Волковыск. В своей деятельности подпольные партийные организации этих городов были

---

[9] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ. ф. 60, оп. 1, д. 399, л. 1.

[10] Там же, д. 403, л. 11.

[11] «Исторический архив», 1957, № 6, стр. 19.

[12] Там же, стр. 23.

[13] Там же.

связаны с партийными организациями Белостока, Вильно, Бреста и других городов Белоруссии, Литвы и Польши.

Одной из первых подпольных партийных организаций Белоруссии, ставших на путь развертывания партизанской борьбы в тылу врага, была Минская партийная организация, готовившаяся к подпольной работе еще до оккупации города. Ею был создан склад оружия и литературы, законспирирована типография. Минский подпольный партийный комитет организовал печатание листовок-воззваний, разоблачавших террористические и грабительские действия интервентов и белогвардейцев и призывавших рабочих и крестьян к усилению борьбы. Комитет посылал своих представителей для установления связи с местным населением, руководил деятельностью подпольных партийных ячеек, оказывал помощь в организации и деятельности партизанских отрядов Слуцкого, Борисовского и других уездов. Осенью 1919 г. в Козыреве (пригород Минска) был создан партизанский штаб, руководивший партизанским движением в Минском уезде.

Активными работниками партийного подполья в Минске в период белопольской оккупации были М. Дземба (партийный псевдоним Ян), Е. Кундич (Максимович), С. Кулешинский (Артюр), Я. Ривес и др. Минские подпольщики были связаны со многими подпольными партийными организациями Белоруссии и Литвы и отдельными коммунистами, работавшими в разных населенных пунктах. Они поддерживали постоянные связи с ЦК КП(б) Литвы и Белоруссии, информировали его о своих действиях, получали директивы.

Широкую деятельность развил в тылу врага Бобруйский подпольный партийный комитет, созданный в августе 1919 г. Наиболее активными его организаторами и членами были Петров-Днепровский — рабочий-машинист, член партии с 1905 г., Ф. Л. Каменский (Фальк), присланный в Бобруйск Центральным Комитетом КП(б) Литвы и Белоруссии, М. Боброва — уроженка Полоцка, 23-летняя фабричная работница, командированная ЦК в оккупированный белополяками Бобруйск для подпольной работы [14].

Подпольный комитет уделял большое внимание вопросам создания подпольных ячеек в различных населенных пунктах. Члены комитета часто выезжали в волости и деревни, вели там разъяснительную работу среди населения, создавали партийные ячейки. К январю 1920 г. в деревнях Бобруйского уезда было создано около 15 партийных ячеек. В Ясенской волости был создан районный партийный комитет, объединявший работу нескольких деревенских ячеек. Бобруйская подпольная партийная организация имела связь с Минской, Рогачевской, Быховской, Слуцкой, Несвижской и другими подпольными партийными организациями, с Полесским

[14] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 60, оп. 4, д. 78, л. 24.

комитетом РКП(б), а также с некоторыми подпольными организациями Украины и Литвы.

Коммунисты-подпольщики самоотверженно работали среди населения, сплачивая рабочих и крестьян для совместной борьбы с захватчиками. Они организовывали партизанские отряды, забастовки рабочих, выступления крестьян против грабежей, чинимых оккупантами, издавали агитационную литературу, вели пропаганду среди вражеских солдат.

В ноябре 1919 г. ЦК КП(б) Литвы и Белоруссии обратился к солдатам польских оккупационных войск с призывом вместе с рабочими и крестьянами выступить на борьбу против польских помещиков и капиталистов, прекратить братоубийственную войну и направить оружие против угнетателей [15]. ЦК и созданное им бюро по нелегальной работе действовали под непосредственным руководством Центрального Комитета РКП(б).

Верными и надежными помощниками подпольных партийных организаций являлись комсомольские организации. Первая подпольная комсомольская организация на оккупированной белорусской земле была создана в Минске. Уже на третий день после вторжения белополяков в Минск на Губернаторской улице (ныне улица Ленина) в маленьком домике собралось подпольное комсомольское собрание, на котором присутствовало 9 человек. Речь шла о развертывании борьбы против оккупантов. В конце августа 1919 г. был создан подпольный комсомольский комитет, который приступил к собиранию сил и организации борьбы против захватчиков [16]. Местом наиболее частых подпольных собраний комсомольцев Минска был небольшой домик на Торговой улице. Своеобразным конспиративным центром комсомольцев был сквер на площади Свободы, где комсомольцы под видом прогуливавшихся людей получали задания комсомольского штаба, литературу и даже принимали в комсомол новых членов [17].

Активными организаторами комсомольского подполья в Минске были член ЦК КСМ Литвы и Белоруссии Воробьев, комсомольцы Зайденвар (Цукер), Савчик, Зак, Прощицкий и др.

Большую работу по организации молодежи на борьбу против захватчиков вели Бобруйская, Слуцкая, Гродненская и другие подпольные комсомольские организации. В Слуцке одним из активных подпольщиков-комсомольцев был сын рабочего М. Кухарчик.

В августе 1919 г. ЦК КСМ Литвы и Белоруссии обратился к комсомольцам и рабочей молодежи с призывом усилить сопротивление захватчикам. «Рабочая молодежь города! — говорилось в воззвании.— Твоя задача разрушать тыл белогвардейцев. Ты должна препятствовать движению поездов, портить мосты, дороги, рвать

[15] «Исторический архив», 1957, № 6, стр. 24.

[16] «Дваццаць год Ленінскага Коммуністычнага Саюза Моладзі Беларусі». Минск, 1940, стр. 38.

[17] «Советская Отчизна», 1958, № 5, стр. 109.

телеграфные провода. Крестьянская молодежь! Твой путь в красные партизанские отряды, которых уже много в Белоруссии...» [18]

Комсомольцы Минска помогали комитету партии созывать и охранять подпольные партийные собрания, распространять коммунистическую литературу. Как только из подпольной типографии или из Смоленска, где находился ЦК КП(б) Литвы и Белоруссии, поступали листовки, группа молодежи собиралась на окраине Минска, в квартире одного из комсомольцев. Листовки с надписью цветным карандашом «Прочти и передай другому» вкладывали в конверты и опускали в ящики для писем или расклеивали на стенах зданий, на заборах [19]. Первая листовка, в которой говорилось о захватнических целях белопольских оккупантов и их насилиях над мирным населением, была распространена комсомольцами в количестве 8000 экземпляров в городе и 6500 экземпляров — в окрестных деревнях.

Смелость и отвагу в борьбе с захватчиками особенно проявляли комсомольцы Бобруйска. Они только в августе — сентябре 1919 г. распространили в городе около 2 тыс. экземпляров советских газет, сотни воззваний и прокламаций [20].

Подпольные большевистские организации создали в тылу белопольских оккупантов разветвленную сеть партизанских отрядов, состоявших главным образом из рабочих и крестьян. Вступая в отряды, партизаны приносили присягу на верность Родине. В тексте присяги говорилось: «Сознавая революционный долг, я готов пожертвовать собою для достижения поставленной цели — освобождения и восстановления у нас Советской власти...» [21]

Уже летом и осенью 1919 г. партизанское движение развернулось в Минском, Бобруйском, Слуцком, Мозырском, Борисовском, Рогачевском, Вилейском, Гродненском и в ряде других уездов оккупированной Белоруссии. В Минском уезде действовали партизанские отряды под руководством С. Плащинского, С. Погирейчика и др. Для лучшей координации и усиления боевых действий против оккупантов представители партизанских отрядов Минского уезда собрались 28 января 1920 г. в деревне Гатово на свой первый съезд. Присутствовали представители партизанских отрядов деревень Гатово, Михановичи, Дошницы, Кайково, Острава, Подгай, Климовичи, Пашкевичи и др. В работе съезда участвовал один из видных партийных работников Белоруссии В. Ф. Шарангович (Лютович) [22]. Обсуждались вопросы дальнейшего развертывания

---

[18] «Червоная змена», 7 мая 1922 г.

[19] «Белоруссия в борьбе против польских захватчиков в 1919—1920 гг.», стр. 69.

[20] «Бальшавік Беларусі», 1940, № 9, стр. 53.

[21] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 60, оп. 1, д. 381, л. 36.

[22] В. Ф. Шарангович родился в 1897 г.; с декабря 1917 г.— член Коммунистической партии; в 1932—1934 гг.— секретарь ЦК КП(б) Белоруссии, в 1937 г.— первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии.

партизанской борьбы в тылу врага. Было решено всемерно улучшать боевое взаимодействие отрядов, объединять их для проведения наиболее крупных операций. Были избраны начальники отрядов — Климович, Горюшевич, Камлюк. Начальником особого подрывного партизанского отряда избрали И. Маслыко[23]. В партизанском отряде его боевыми помощниками были А. Кеппэ и В. Погирейчик. Особый подрывной отряд Маслыкова организовывал крушение нескольких вражеских эшелонов, взрывал мосты, портил линии связи.

Большую работу вели партизаны Минского уезда по добыванию сведений о численности, вооружении и передвижении белопольских войск на участке Минск — Осиповичи и Минск — Борисов. В Бобруйском уезде, который находился в непосредственной близости к фронту, подпольщики сумели создать несколько партизанских отрядов, помогали им в вооружении, снабжали агитационной литературой; члены подпольного партийного комитета вели работу по организации партизанских отрядов. В Рудобельской волости Бобруйского уезда в сентябре 1919 г. член подпольного партийного комитета М. Левков организовал партизанский отряд, который до января 1920 г. действовал в пределах волости. Командиром отряда был И. Жинко, помощником командира М. Ус. Во время демобилизации из старой армии Ус вернулся в родную деревню и стал активным пропагандистом идей большевистской партии; в период немецкой и белопольской оккупации был одним из активных организаторов партизанского движения[24]. В январе 1920 г. Рудобельский отряд был включен в отдельный партизанский батальон имени Бобруйского ревкома. Организатором этого батальона был член ревкома коммунист С. Л. Вилюга — один из выдающихся руководителей партизанского движения в период белопольской оккупации. В конце 1917 — начале 1918 г. Вилюга был организатором Красной гвардии в Бобруйском уезде, в период немецкой оккупации руководил партизанскими отрядами в Глусской и других волостях Бобруйского уезда. В отдельном партизанском батальоне было 600 бойцов. Вилюга руководил также боевыми действиями нескольких небольших партизанских отрядов в Бобруйском и Рогачевском уездах. Действуя в прифронтовой полосе, все эти отряды были тесно связаны с частями 8-й стрелковой дивизии 16-й армии.

Отдельный партизанский батальон под командованием Вилюги провел много боевых операций в тылу белополяков. Об одной из этих операций он рассказывал: «В начале декабря 1919 г. белополяки прорвались к местечку Паричи, заняли его и деревню Козловка

---

[23] И. Маслыков родился в 1899 г. в деревне Гатово в бедной крестьянской семье, некоторое время работал на литейном заводе, затем служил матросом на Балтийском флоте (Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 60, оп. 4, д. 70, лл. 4—5).

[24] «Памятник борцам, погибшим за освобождение Белоруссии». Минск, 1925, стр. 107.

и начали грабить население этих и смежных с ними населенных пунктов. Многие жители бежали в Красный Берег под защиту партизан. Бобруйский ревком дал задание батальону выбить белополяков из местечка Паричи и соседних с ними населенных пунктов. На операцию батальон вышел 13 декабря. Остановившись в деревне Китны и произведя тщательную разведку, батальон ночью подошел к местечку Паричи и внезапно напал на белополяков. Многие из них были убиты, остальные в панике бежали в Бобруйск. Отряд захватил много оружия, в котором партизаны очень нуждались. Батальон организовал также налет на станцию Ратмировичи и разъезд Лошны, где разгромил железнодорожный отряд белополяков, захватил оружие и другие трофеи. Совершив эти операции, батальон направился другим путем — через местечко Ковтичи, вышел к деревне Красновке и перешел на левый берег Березины. Здесь крестьяне сообщили, что отряд белополяков прорвался на хутор Полянки. Батальон внезапно напал на них и уничтожил весь вражеский отряд. После всех этих операций батальон благополучно вернулся на свою базу — в Красный Берег» [25].

Настоящей грозой для оккупантов был партизанский отряд имени III Интернационала, который также формировался в Рудобельской волости и действовал на территории Бобруйского уезда. Одним из организаторов этого отряда был В. А. Алешкевич.

Среди организаторов партизанского движения в Мозырском уезде выделялся крестьянин В. И. Талаш. Его участие в партизанской борьбе мастерски описано народным поэтом БССР Якубом Колосом в повести «Дрыгва». Отряд Талаша, насчитывавший 300 партизан, неоднократно устраивал налеты на гарнизоны белополяков. За активное участие в партизанской борьбе против оккупантов Талаш был награжден орденом Красного Знамени.

Сильные партизанские отряды действовали в районе Слуцка. Здесь одним из активных организаторов партизанского движения был секретарь уездного подпольного комитета КП(б) Литвы и Белоруссии И. И. Бочко. Партизаны разрушали коммуникации белопольских войск, взрывали воинские эшелоны, нападали на гарнизоны и отряды противника, посылаемые для реквизиции в деревни, распространяли листовки с призывом к борьбе против оккупантов. В одной из них говорилось: «Товарищи! Вооруженная западными капиталистами белопольская шляхетская армия ворвалась в нашу страну. С ней вернулись назад наши вековые враги — помещики и капиталисты. Издевательствам над людьми нет конца. Товарищи крестьяне и все трудящиеся! Организовывайтесь, не давайте забирать у вас последний хлеб, последнюю скотину. Все способные владеть оружием, организуйтесь в повстанческие отряды для вооруженной борьбы с белопольской шляхтой. Все на борьбу с озверелыми оккупантами! Смерть эксплуататорам и насильникам!

[25] Архив Института истории АН БССР. Воспоминания С. Л. Вилюги.

Да здравствует Советская власть! Да здравствует большевистская партия!» [26]

6 декабря 1919 г. ЦК КП(б) Литвы и Белоруссии обсудил вопрос о деятельности партийных организаций на оккупированной белополяками территории [27]. Было выяснено, что с сентября по декабрь 1919 г. Минской подпольной партийной организацией «выполнена громадная партийная работа», что большевики имеют большое влияние на рабочих, завоевали большинство в бюро профсоюзов, создали союз молодежи, ведут работу среди солдат вражеского гарнизона; в Бобруйске создано шесть подпольных коммунистических ячеек. ЦК отметил, что коммунисты идут во главе партизанских отрядов.

Белопольские оккупационные власти прибегали к самым решительным мерам против разраставшейся у них в тылу партизанской войны. Во многих случаях они снимали с фронта целые воинские части, посылая их против партизан. В январе 1920 г. против рудобельских партизан был направлен крупный карательный отряд в составе 1500 человек с 30 пулеметами. Каратели сжигали дома и хозяйственные постройки, грабили и убивали население. Горели деревни Ковали, Карпиловка, Дубрава. 200 партизан и небольшой отряд красноармейцев оказались окруженными в районе деревни Новая Дубрава; в ожесточенном неравном бою смертью храбрых пал отважный партизан Максим Ус; погибли Леон Одинец, Моисей Рогович, Василий Звонкович, Григорий Пальцев, Кузьма Ковалевич и другие партизаны. Но и оккупанты потеряли много своих солдат: только у деревни Дубрава их было убито около 75 человек [28].

Удачную боевую операцию провели белорусские партизаны совместно с отрядом Красной Армии у местечка Паричи 11 апреля 1920 г. В ходе этой операции был разбит полк белополяков [29]. В столкновении с отрядом белополяков в Игуменском уезде партизаны разоружили 400 солдат и захватили трофеи. Возле станции Жодино партизаны взорвали два эшелона с боеприпасами [30]. К весне 1920 г. железнодорожные участки Минск — Вильно и Минск — Барановичи полностью находились под контролем партизан. Партизаны вели большую разведывательную деятельность, сообщая командованию частей Красной Армии различные сведения о дислокации и вооружении войск противника, военных планах и т. п.

В стремлении любой ценой подавить партизанское движение оккупанты пользовались услугами разного рода наемных убийц,

---

[26] Г. Корсік. Запіскі партызана. Минск, 1933, стр. 33, 34.

[27] «Исторический архив», 1957, № 6, стр. 25, 27.

[28] «Памятник борцам, погибшим за освобождение Белоруссии», стр. 107, 141.

[29] Архив Института истории АН БССР, рукопись «Выдающиеся деятели белорусской земли», стр. 64.

[30] «11 ліпеня», стр. 28.

провокаторов, шпионов. Провокаторы, проникавшие иногда в партизанские отряды, выдавали оккупантам организаторов партизанского движения и содействовали разгрому отрядов. Так случилось с подпольным партийным комитетом в Бобруйске. В марте 1920 г. этот комитет созвал конференцию, на которую съехались представители подпольных партийных ячеек уезда. Конференция проходила на окраине Бобруйска; была установлена охрана, состоявшая из комсомольцев, опасность, казалось бы, не угрожала. Но произошло иначе. В 3 часа дня, когда конференция была в самом разгаре и анкеты были уже заполнены настоящими именами и фамилиями присутствовавших товарищей, нагрянула польская жандармерия. Были схвачены члены подпольного партийного комитета Каменский (Фальк), Петров-Днепровский, Боброва. Их посадили в тюрьму, заковали в кандалы, долго пытали и, не добившись от патриотов ни слова, расстреляли. Избитую и измученную Боброву застрелили на носилках, она уже не могла стоять. Перед расстрелом Петрова-Днепровского польский офицер приказал расковать его и дважды обращался к нему с предложением выдать товарищей и тем самым сохранить себе жизнь и свободу. Петров-Днепровский плюнул ему в лицо и отказался отвечать [31]. Каменского перед расстрелом спросили, не желает ли он исповедаться; партизан ответил, что он коммунист и не признает религиозных предрассудков.

В связи с расстрелом Каменского, Петрова-Днепровского и Бобровой 11 апреля 1920 г. на квартире рабочего-столяра коммуниста Золотина собрались члены подпольного партийного комитета для обсуждения планов дальнейшей работы. Было решено выпустить прокламацию о злодейском убийстве трех коммунистов. В прокламации говорилось: «Коммунистическую партию нельзя запугать пулями, виселицами и эшафотами... Мы и впредь будем продолжать не на жизнь, а на смерть борьбу с белопольскими бандитами, руки которых запачканы кровью наших лучших товарищей, и доведем наше дело до конца. Смерть палачам! Долой белопольских поработителей! Да здравствуют Советы!» [32]

Провал Бобруйской подпольной конференции, повлекший за собой гибель трех коммунистов-подпольщиков, произошел в результате предательства провокатора Родова (он же Рабинович) [33].

Враг рассчитывал зверскими расправами с патриотами погасить пламя народной войны в своем тылу, но он просчитался. Партизанские отряды росли количественно и усиливали свои удары по врагу. Один из активных участников партизанского движения на оккупированной территории Белоруссии П. А. Воробей пишет в своих воспоминаниях: «Отношение крестьянства, кроме шляхты, к партизанам было самое доброжелательное: крестьяне охотно

[31] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 60, оп. 4, д. 78, л. 25.

[32] Там же

[33] Там же, д. 63, л. 57.

снабжали партизан хлебом, мясом и другими продуктами без всяких нажимов» [34].

Состоявшийся 5 апреля 1920 г. в деревне Михановичи (недалеко от Минска) II съезд партизан Минского уезда констатировал, что партизанская борьба против оккупантов приобрела широкий характер, что близок час прихода Красной Армии и что партизанам необходимо накапливать силы для решительных действий против белополяков в момент наступления Красной Армии. В работе съезда принимал участие уполномоченный ЦК КП(б) Литвы и Белоруссии В. Ф. Шарангович. Партизан Андрея Блажко и Андрея Кривощекова съезд назначил командирами партизанских отрядов.

В начале марта 1920 г. белополяки перешли в наступление в районе Мозыря, а 25 апреля — и на Украине. Центральный Комитет партии и Советское правительство призвали советский народ к решительной борьбе против интервентов и внутренней контрреволюции. В связи с этим ЦК КП(б) Литвы и Белоруссии, местные партийные организации усилили политическую и организационную работу среди городского и сельского трудящегося населения, разъясняя опасность положения, вызванную новым нападением на Советскую страну агрессивных сил капиталистических стран. 17 мая 1920 г. в партизанской газете «Белорусская правда» был опубликован призыв к усилению партизанской войны в целях быстрейшего освобождения от врага советской земли. «Товарищи, братья, рабочие и крестьяне Белоруссии! — говорилось в обращении.— Настал час расплаты с нашими палачами! Поднимайтесь на смертный бой с насильниками — польскими жандармами и шляхетской сворой. Уничтожайте, вырывайте с корнем помещичье отродье. Смерть врагам трудового народа!»

Целыми деревнями уходили крестьяне в леса, в партизанские отряды; из городов приходили в отряды тысячи рабочих. Партизаны активизировали свои боевые действия в тылу оккупантов. Горели взорванные ими склады, под откосы летели поезда, смерть подстерегала захватчиков на каждом шагу. Ранее разрозненные партизанские группы сливались в более крупные отряды, они нападали на гарнизоны белополяков, разрушали их коммуникации, препятствовали вывозу захватчиками награбленных у белорусского народа материальных ценностей.

Оккупанты усилили карательные действия против партизан. В начале мая 1920 г. им удалось напасть на след одного из наиболее активных партизанских отрядов, который действовал в районе деревни Дукора (Минский уезд) во главе с командиром матросом Андреем Блажко. Командир и 35 бойцов были взяты в плен [35]. 17 мая утром белополяки расстреляли 11 партизан, 6 человек отправили на каторжные работы в Польшу, где они погибли, остальные

[34] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 60 оп. 1, д. 410, л. 13.

[35] Там же, оп. 4, д. 126, лл. 16—17.

ных осудили на разные сроки тюремного заключения [36]. Перед расстрелом командир отряда Блажко сказал: «Прощайте», товарищи! Последний раз видите нас живыми. Скоро ляжем мертвыми в эту могилу, но за нас отомстят этим шкурникам наши братья, отцы и товарищи» [37].

В Минске 6 мая 1920 г. жертвами белопольского террора пали партизаны Сергей Плащинский, Вячеслав Василевский, Андрей Кеппэ, Леон Путырский, Мелентий Процкий, Владимир Шумский, Семен Плащинский, Василий Погирейчик [38]. Латыш Кеппэ, сражавшийся вместе с белорусами за Советскую власть, перед смертью сказал: «Пусть мы умрем, но на наших могилах вырастут сотни молодых борцов, которые завершат начатое великое дело рабочего класса и всех трудящихся» [39].

До конца верными Советской стране остались коммунисты и комсомольцы Слуцка, члены подпольной организации Петр Ермолицкий, Михаил Емельянчик, Александр Каминский, Антон Симонович, Михаил Быченко и др. Они вели против захватчиков активную борьбу и были арестованы при выполнении боевого задания. Но и приговоренные к расстрелу не склонили голову перед врагами, шли на казнь с пением революционных песен «Смело, товарищи, в ногу», «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Перед расстрелом герои отказались завязывать глаза, заявив: «Мы не трусы. Нам смерть не страшна. Мы умираем, но не умрет наша идея. Нас заменят тысячи новых бойцов...» [40]

В бою с карателями погиб в мае 1920 г. партизанский командир Иван Маслыко. Вместе с небольшой группой партизан он был окружен возле деревни Гатово отрядом белополяков. В перестрелке Маслыко истратил все патроны и, чтобы не попасть живым в руки врага, застрелился [41].

Расстрелами и казнями оккупанты не смогли подавить партизанское движение, ибо оно было делом всего народа, поднявшегося на беспощадную борьбу с врагами Советской страны. Партийные и советские органы прифронтовой части Белоруссии, подпольные партийные организации ее оккупированной территории делали все возможное для оказания помощи Красной Армии. Когда войска Красной Армии в начале июля 1920 г. перешли в наступление и стали освобождать оккупированные земли от белопольских захватчиков, партизаны усилили удары по врагу. В эти дни многие сыны белорусского народа покрыли свои имена неувядаемой славой. Среди них были участники партизанского движения Андрей Падуто, Андрей Литошко, Архип Лобков, Алексей Жинко, Яким

[36] «Памятник борцам, погибшим за освобождение Белоруссии», стр. 133.
[37] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 60, оп. 4, д. 126, л. 17.
[38] Там же, ф. 4, оп. 1, д. 14, л. 15.
[39] Г. Корсік. Указ. соч., стр. 75.
[40] Там же, стр. 84.
[41] «Памятник борцам, погибшим за освобождение Белоруссии», стр. 71.

Кононович, награжденные за боевые подвиги и активное содействие наступавшей Красной Армии орденами Красного Знамени [42]. В статье партизана А. Вольного, помещенной в газете «Белорусская правда» 7 июня 1920 г., рассказывается, как партизаны били врага: «Одно только напоминание о нашем партизанском отряде наводит ужас на польских жандармов. Мы их ловим в одиночку, мы их уничтожаем отдельными отрядами, мы им жестоко мстим за бесконечные жертвы, страдания селян и рабочих. Отдельными налетами и организованными действиями мы не даем полякам опомниться и наносим им чувствительный удар за ударом». Когда отступавшие польские части подожгли за собой мост через Птичь в районе Прилук, 4-й краснопартизанский отряд во главе с командиром С. Гладким вступил в бой с арьергардной частью оккупантов, заставив ее ускорить темп отступления. А в это время рабочие ближайшего имения и крестьяне соседней деревни погасили огонь на мосту. Через спасенный мост вскоре переправлялись передовые части Красной Армии, преследовавшие противника [43]. В районе Копыля отступавшая польская часть, нагрузив возы награбленным у народа добром, двинулась на запад. Партизанский отряд, действовавший в этом районе, устроил засаду и перерезал путь обозу. Завязалась перестрелка, в результате которой обоз был отбит у захватчиков [44].

Когда белопольские войска, теснимые Красной Армией, отступали из района Бобруйска, партизанский отряд деревни Козуличи, в котором в это время было 70 человек (командир Игнат Герасимович), повел наступление на польские окопы возле деревни Подречье. Партизаны захватили телефонную линию и перехватили оперативные распоряжения штаба. Использовав нужные сведения, партизаны атаковали и выбили оккупантов из укрепленных позиций. В это же время группа партизан Козуличского отряда переплыла Березину и подошла к Бобруйской крепости. Здесь партизаны укрылись и, дождавшись, когда из крепости выехала белопольская кавалерийская часть, забросали ее гранатами. Началась паника, воспользовавшись которой партизаны проникли в крепость, в штаб и захватили важные документы [45].

В районе Минска большую помощь наступавшей Красной Армии оказали партизаны деревень Гатово и Самохваловичи. Отступавшие белополяки подожгли железнодорожные постройки и жилые дома на станции Михановичи; партизаны стремительным налетом выбили оккупантов со станции, захватили при этом 110 пленных и трофеи, вместе с жителями станции потушили пожар. И пленных и трофеи партизаны передали 72-му полку Красной Армии. Организованно вступили в Красную Армию партизаны

---

[42] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 60, оп. 1, д. 343, л. 235.

[43] Там же, оп. 4, д. 126, л. 18.

[44] Там же, д. 111, л. 12.

[45] Там же, д. 269, л. 89.

большого отряда, действовавшего в районе Минск — Барановичи — Слуцк [46].

Когда части Красной Армии переходили Неман, крестьяне деревни Дубно Гродненского уезда Степан и Николай Косточка, Николай Ковальчук оказали им большую помощь. Под ружейным и пулеметным огнем противника крестьяне измерили глубину реки и обозначили места переправы. На левом берегу реки Н. Ковальчук был захвачен белополяками и доставлен в штаб 12-го Познанского полка. Он был избит и приговорен к расстрелу. В это время началась переправа советских войск, вызвавшая панику в польском штабе; Ковальчуку удалось бежать.

Белорусский народ, оказавшийся в тяжелых условиях оккупации, самоотверженно защищал завоевания Великого Октября, свою родную Советскую власть, вносил свой вклад в дело освобождения Родины от иноземных захватчиков. Удары партизан по тылам оккупантов ослабляли боеспособность вражеских войск. Сила партизан состояла в их неразрывной связи с трудовым народом, во взаимодействии с Красной Армией, в руководстве Коммунистической партии.

---

[46] «Звезда», 9 августа 1920 г.

О ПОЛИТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЯХ КРЕСТЬЯНСТВА К КОНЦУ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

★

Ю. А. ПОЛЯКОВ

В нашей литературе достаточно прочно утвердилось положение о том, что крестьянство к концу гражданской войны активно выражало недовольство экономической политикой Советской власти, политикой продразверстки. Это положение правильно, оно основывается на ряде ленинских высказываний и оценок, на определениях, данных в партийных документах. Однако необходимо конкретно рассмотреть, какие формы принимало крестьянское недовольство, в чем оно выражалось, какова была степень его распространения.

Прежде всего следует подчеркнуть, что недовольство, выражаемое отдельными слоями населения в условиях Советской власти, недовольство теми или иными мероприятиями в корне отлично от недовольства трудящихся в эксплуататорском обществе. Недовольство рабочих или крестьян своим положением, политикой, действиями капиталистов или помещиков отражает антагонистические, непримиримые противоречия. Это недовольство может усиливаться, обостряться или, наоборот, временно ослабевать, смягчаться, но оно не может исчезнуть, ибо в его основе лежит глубочайшее различие классовых интересов, классовый антагонизм. Недовольство различными экономическими, социальными, политическими мероприятиями правящих кругов в конечном счете является отражением этих антагонистических противоречий. Буржуазные правительства, идя на отдельные уступки, устраняя частные поводы недовольства, не ликвидируют коренного классового антагонизма, порождающего новые вспышки.

В условиях Советской власти недовольство тех или иных групп населения трудностями или какими-либо мероприятиями, ошибками, недостатками носит преходящий, временный характер. В осно-

ве этого недовольства не лежат глубокие, неразрешимые противоречия. По мере преодоления трудностей, исправления ошибок, устранения недостатков ликвидируется и временное недовольство. Но, разумеется, возникающее недовольство не исчезает само собой, автоматически. Партия, ставящая выше всего защиту интересов трудящихся, самым внимательным образом должна анализировать обстановку, чутко улавливать настроения масс, незамедлительно принимать необходимые меры к тому, чтобы устранять все причины, вызывающие недовольство, вскрыть корни этих причин.

Эти соображения высказаны нами для того, чтобы глубже разобраться в настроениях крестьянства в конце 1920 — начале 1921 г. Нельзя забывать, что широкие слои крестьянства твердо и определенно поддерживали Советскую власть. Нет нужды перечислять здесь, что дала Советская власть крестьянству. Факт передачи крестьянам помещичьей земли настолько кардинален, убедителен, нагляден, что какие-либо пояснения не требуются. Опыт первых послереволюционных лет доказал крестьянину, что все враги Советской власти стремились отобрать у него землю и только Советская власть защищала крестьянские интересы. Этот опыт — наглядный и доступный — также оказывал огромное воздействие на крестьянские настроения. Осенью 1920 г. В. И. Ленин констатировал: крестьянство убедилось, что Советская власть лучше всех других, она «...лучший защитник крестьянства, чем колчаковцы, деникинцы и т. д.» [1].

За годы революции крестьяне прошли большую жизненную и политическую школу. Великие бури, проносившиеся над страной, оказывали огромное воздействие на их психологию.

Нынешний крестьянин, указывал В. И. Ленин, «...не похож на довоенного мужика. Он тяжело страдал, он много размышлял и много перенес таких политических и экономических тягот, которые заставили его забыть многое старое» [2].

За послереволюционные годы повсеместно возникла и упрочилась стройная система управления в лице Советов. Несмотря на многочисленные недостатки и слабости в работе деревенских Советов, они пользовались авторитетом в глазах крестьян, будучи подлинно народной, демократической властью, защищая интересы трудящегося населения, вовлекая его в управление государством. В работе сельских Советов, волостных, уездных, губернских исполкомов, в волостных, уездных, губернских съездов Советов принимали участие десятки тысяч трудящихся крестьян. К государственной деятельности поднимались «наинизшие низы» деревни.

Огромное значение имело создание и укрепление сети партийных коммунистических организаций в деревне. К началу 1921 г.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 29.
[2] Там же, стр. 146.

Среди многочисленных писем, жалоб на тяжесть разверстки и просьб ее сократить, несомненно, встречается много преувеличений; естественно в таких случаях стремление сгустить краски. Тем не менее эти свидетельства в целом отражают безусловный факт чрезмерной тяжести повинностей, которые легли на плечи крестьянства к концу гражданской войны.

В 1918—1919 гг. крестьянство несколько выиграло по тяжести обложения по сравнению с довоенным временем. Но в 1920 г. положение резко ухудшилось: разверстка увеличилась, охватив к тому же не только хлеб, но и другие виды продуктов. Широких размеров достигла трудовая и гужевая повинность. Война потребовала огромного напряжения, тяжелых жертв от крестьянства. И именно к концу 1920 — началу 1921 г. это напряжение достигло кульминации. По подсчетам А. Л. Вайнштейна, 1920/21 г. «является максимальным по величине обложения и по тяжести его» [13].

На настроении большинства крестьян отрицательно сказывались общая хозяйственная разруха, отсутствие промышленных товаров, упадок крестьянского хозяйства. Нередко этот упадок ставился в связь с разверсткой, о чем ярко свидетельствуют, например, доклады и сводки Ковровского уездного отдела управления (Владимирская губерния). Настроения крестьян в докладе за июль 1920 г. отражены здесь достаточно четко: «Вот что можно слышать вообще от крестьянства: Советскую власть приветствуем, но дайте нам плуги, бороны и машины и не отбирайте хлеб, молоко, яйца и мясо» [14]. В сводке за август 1920 г. отмечается, что «политический уровень настроения уезда за последнее время на почве малого получения населением продуктов и 4-фунтового сбора на мельницах начинает падать» [15]. «Настроение шаткое, настроение ухудшается»,— говорится в докладе за октябрь. «Реализация урожая и трудповинности окончательно подрывают доверие к Советской власти, а главное, подрывают доверие те разверстки, которые даются центром, но в уезде такие продукты имеются в самом незначительном количестве или совсем отсутствуют...» [16] Крестьянство тяготится разверстками и трудповинностями — таков вывод доклада за ноябрь 1920 г. [17]

В отчете о деятельности отдела управления Вятской губернии за июнь 1920 г. отмечалось, что настроение губернии крайне тревожное: «Крестьянское население становится в оппозицию власти, требует улучшения жизни и не довольствуется существующим порядком». По мнению авторов отчета, это положение вызвано

---

[13] А. Л. Вайнштейн. Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время. М., 1924, стр. 115.
[14] ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 22, д. 48, л. 132.
[15] Там же, л. 128.
[16] Там же, л. 124.
[17] Там же, л. 137.

«продовольственными мероприятиями, заключающимися в неправильном и непосильном обложении многих граждан хлебным нарядом»; в результате у крестьян не хватает семян для посева и хлеба на продовольствие, кулаки пользуются «катастрофическим положением, сеют смуту среди середняков и бедняков, направляя их к различным действиям против Советской власти...» [18]

Итак, крестьянство выражало явное недовольство чрезмерными налогами, тяготами экономического положения. Однако государство не могло ослабить разверстку и было вынуждено усиливать давление на крестьянство с целью получения продовольствия, прибегая к крайним мерам.

Заместитель народного комиссара продовольствия Н. П. Брюханов, выступая в сентябре 1920 г. на III сессии ВЦИК с докладом «Продовольственное положение республики», говорил, что кулаки будут скрывать продовольственные запасы, чтобы пустить их в спекуляцию. «Борьба с этим скрыванием государственных запасов хлеба в нынешнем году будет очень трудная. Помимо агитационных, пропагандистских и организационных мер, мы совершенно определенно вынуждены будем в целом ряде губерний в борьбе с кулачеством вступить на путь применения военной силы» [19]. Значит, выхода на пути ослабления сбора хлеба не было, и сам факт продолжавшегося усиленного взимания разверстки, жизненно необходимой для страны, неизбежно повлек за собой усиление недовольства крестьян.

Наряду с многочисленными сообщениями о недовольстве крестьян имеются данные, показывающие высокую сознательность трудового крестьянства при сдаче разверстки. Приведем несколько примеров. Владимирская «Районная газета» в феврале 1920 г. сообщала, что граждане ряда деревень Симской и Горкипской волостей Юрьевского уезда «вывезли добровольно на ссыпные пункты все причитающиеся с них хлебные и фуражные излишки» [20]. В сентябре того же года крестьяне деревни Петрино Вязниковского уезда, «учитывая тяжелое экономическое положение страны и необходимость поддержки рабоче-крестьянского правительства..., не считаясь ни с какими трудностями в продовольственном и других отношениях, по первому требованию сдали все, что с них причиталось по разверстке: рожь, сено, овес, картофель и другие продукты» [21]. В центральной и местной печати, в архивных фондах имеется много фактов, свидетельствующих о добросовестном и сознательном отношении крестьян к выполнению разверстки.

Интересные и важные наблюдения о настроениях крестьян можно сделать по материалам различных совещаний и беспартийных конференций, проходивших в конце 1920 — начале 1921 г.

---

[18] Там же, д. 81, л. 149.
[19] «Экономическая жизнь», 29 сентября 1920 г.
[20] «Районная газета», 20 февраля 1920 г.
[21] «Призыв», 29 сентября 1920 г.

на принципиальную высоту, рассматривая его в плоскости установления взаимоотношений между рабочим классом и трудящимся крестьянством для построения социализма.

* * *

Несомненным свидетельством ухудшения в настроениях крестьянства было усиление кулацких восстаний в конце 1920 — начале 1921 г. В литературе употребляются применительно к этому периоду два термина: кулацкие восстания (или мятежи) и политический бандитизм.

П. Г. Софинов объединяет эти термины. Отмечая, что «одной из острых форм борьбы империалистических государств против Советской России был политический бандитизм», он пишет, что «эсеры и меньшевики по прямому указанию буржуазных разведок уже с осени 1920 г. начали организацию политических бунтов в деревне, которые в ряде случаев перерастали в серьезные мятежи»[27]. Весьма нечетко применяет термины «политический бандитизм» и «кулацкий бандитизм» автор специальной монографии о классовой борьбе в 1921—1923 гг. И. Я. Трифонов[28].

Нам представляется, что нечеткость в употреблении этих терминов вызывается тем, что не проводится различие между формой и классовым содержанием. По своему классовому содержанию контрреволюционные выступления в деревне в конце 1920 — начале 1921 г. были кулацкими выступлениями, продолжением той вооруженной борьбы, которую кулачество вело против Советской власти с весны 1918 г. Эта борьба смыкалась с борьбой интервентов и буржуазно-помещичьей контрреволюции, политически возглавлялась антисоветскими партиями, прежде всего эсерами. Тот факт, что в этих выступлениях принимали участие и середняки, не меняет классовой оценки выступлений как кулацких, так как именно кулаки были основной движущей и руководящей силой, используя в своих целях недовольство широких масс деревни продразверсткой. Эта борьба, выливавшаяся в большинстве случаев в вооруженные столкновения, была частью гражданской войны, бушевавшей в стране более трех лет.

Что касается термина «политический бандитизм», то он отражает одну из форм, которую принимали кулацкие выступления, специфические методы борьбы против Советской власти, применявшиеся в годы гражданской войны и получившие особое распространение на переломе 1920 и 1921 гг.

Правильное, на наш взгляд, деление было дано Ем. Ярославским. Он писал, что в марте 1921 г. «...кулацкие восстания, руководимые правыми эсерами и белогвардейцами, происходили не

---

[27] П. Г. Софинов. Очерки истории ВЧК. М., 1960, стр. 223.

[28] И. Я. Трифонов. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа. Л., 1964.

только в Сибири, но и в целом ряде других районов. Бандитизм того времени, широко развивавшийся, был одной из форм этих кулацких выступлений»[29]. Мы не против термина «политический бандитизм», но против необоснованной подмены термина «кулацкий мятеж» термином «политический бандитизм» как понятий неразнозначных, против их смешения и непродуманного сочетания.

Почему мы обращаем внимание на этот терминологический вопрос, который может показаться несущественным? Потому что неоправданное употребление термина «политический бандитизм» как всеобъемлющего применительно к событиям конца 1920 — начала 1921 г. влечет за собой ряд неточностей. Во-первых, надо учитывать, что понятие «политический бандитизм» выходит за рамки только кулацкой контрреволюции, ибо методы бандитизма и диверсий использовались и буржуазно-помещичьей контрреволюцией. Во-вторых, нельзя считать «политический бандитизм» формой контрреволюционной борьбы, присущей только заключительному этапу гражданской войны. Контрреволюционные банды активно действовали на протяжении всей гражданской войны и в тылу, и в прифронтовой полосе. В-третьих,— и это, пожалуй, главное — нельзя под термин «политический бандитизм» подводить все контрреволюционные выступления конца гражданской войны. Не назовешь же кронштадтский мятеж проявлением политического бандитизма. Оценивая Кронштадт, Тюмень, Тамбов как проявления политического бандитизма, можно смазать социально-политическое значение этих событий.

Таким образом, контрреволюционные выступления конца 1920 — начала 1921 г. следует рассматривать как кулацкие антисоветские мятежи (восстания). Особенностью этих мятежей было то, что в то время в них в результате усилившегося недовольства крестьян приняли участие середняки и бедняки.

Важно определить, действительно ли кулацкие выступления приобрели более широкий характер по сравнению с предыдущим периодом и какова степень участия широких масс крестьянства в этом движении. Оба эти вопроса не так просты, как может показаться на первый взгляд. Известно, что на протяжении всей гражданской войны кулацкие мятежи вспыхивали почти непрерывно. Особо значительного размаха они достигли летом 1918 г., когда, как говорил В. И. Ленин, волна кулацких мятежей пробежала по всей стране. Мятежи возникали и позднее как в прифронтовых, так и в отдаленных тыловых районах. Они принимали порой значительные масштабы (например, Вешенское восстание на Дону в 1919 г.). Кулацкие банды действовали на Украине (махновщина), в Поволжье, на Северном Кавказе. Все эти выступления имели в своей основе общее классовое содержание, все они в конечном счете смыкались в общей борьбе, которую вели интервенты и белогвардейцы

[29] «Большевик», 1931, № 5, стр. 13, 14.

против Советской власти. Однако на разных этапах и в различных районах они имели иные поводы и носили далеко не одинаковый характер. Во всяком случае, можно констатировать, что после лета 1918 г. масштаб кулацких выступлений (конец 1918, 1919, большая часть 1920 г.) сократился (за исключением Украины и Дона). Кулак в ходе социалистической революции в деревне, разгар которой приходится на лето и осень 1918 г., был разбит. Ему были нанесены сильнейшие экономические и политические удары, его попытки вести вооруженную борьбу подавлялись самым решительным и беспощадным образом. Поворот середняка в сторону Советской власти, мероприятия партии по укреплению союза с середняком сделали антисоветскую борьбу кулака крайне затруднительной.

К концу гражданской войны кулацкие выступления опять приняли широкий характер и приобрели некоторые новые черты.

Во-первых, увеличился географический охват кулацких выступлений. Массовые мятежи вспыхивали на Украине и Юго-Востоке, в Сибири, Поволжье и в центральных губерниях.

Во-вторых, расширилась территория, непосредственно охваченная выступлениями. Восстание в Западной Сибири, например, охватило территорию почти всей Тюменской губернии и соседние уезды Челябинской, Екатеринбургской и Омской губерний [30]. Такого рода кулацких восстаний еще не было.

В-третьих, возросла массовость выступлений. Об этом свидетельствует хотя бы факт создания мятежниками крупных по численности воинских частей. Отряды Антонова в начале 1921 г. насчитывали до 50 тыс. человек [31]. Силы западносибирских мятежников только в Ишимском уезде насчитывали до 60 тыс. человек [32].

В-четвертых, мятежи стали более длительными, упорными. Борьба с кулацким мятежом на Тамбовщине, начавшимся летом 1920 г., длилась почти год. Крупная банда Вакулина — Попова, действовавшая в районе Камышина — Хвалынска — Новоузенска, несмотря на ряд серьезных поражений, понесенных в боях с регулярными войсками, вновь обрастала людьми и продолжала борьбу весь первый квартал 1921 г. [33] Борьба с мятежом в Западной Сибири, начавшимся в феврале 1921 г., сопровождалась крупными военными операциями и завершилась в основном лишь летом 1921 г. [34] Весьма затяжной характер приняла борьба с бандами Махно и других атаманов на Украине.

---

[30] «Доклады и сообщения научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока». Томск, 1960, стр. 198.

[31] «Антоновщина». Сб. статей, очерков, воспоминаний и других материалов к истории эсеро-бандитизма в Тамбовской губернии. Тамбов, 1923, стр. 13.

[32] Т. Д. Корушин. Дни революции и советского строительства в Ишимском округе (1917—1926). Ишим, 1926, стр. 70.

[33] Е. Васина. Бандитизм в Саратовской губернии. Саратов, 1928, стр. 4, 5.

[34] М. Богданов. Разгром западносибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г. Тюмень, 1961, стр. 102—106.

В-пятых, чрезвычайно важным и опасным было то, что контрреволюционные выступления имели место в военных частях. Отдельные выступления такого рода бывали и раньше (например, мятеж Миронова), но никогда они не принимали такого широкого и массового характера, как кронштадтский мятеж. В этом смысле Кронштадт, где в контрреволюционном мятеже приняло участие большинство матросов, был особенно тревожным и грозным симптомом.

Все эти обстоятельства позволяют с достаточным основанием констатировать, что кулацкие выступления приобрели к концу гражданской войны более широкий и массовый характер, чем прежде. Значительное увеличение кулацких мятежей к концу гражданской войны находит известное объяснение не только в росте крестьянского недовольства. Надо, конечно, учесть, что большое число контрреволюционных элементов, ранее концентрировавшихся в белогвардейских армиях, после разгрома последних продолжало антисоветскую борьбу иными методами, поднимая локальные мятежи, создавая местные, сравнительно небольшие отряды. Это относится главным образом к Сибири, Украине, Северному Кавказу, западным районам.

Иными словами, в действиях контрреволюции центр тяжести переместился с крупных белогвардейских армий (все они были разгромлены) на повстанческие действия более мелкого масштаба. Хотя этих активных контрреволюционных сил было уже гораздо меньше, чем в 1919 и первой половине 1920 г., но все-таки это имело значение.

Антисоветские круги за рубежом, ранее уделявшие главное внимание помощи большим белогвардейским армиям, теперь сосредоточивали эту помощь (ее масштабы тоже уменьшились) бандитским отрядам. Большое число крупных вооруженных отрядов самым непосредственным образом готовилось на территории Румынии, Польши, Финляндии и засылалось в 1920—1921 гг. на территорию Украины, Белоруссии, Карелии.

Надо иметь в виду и такие специфические условия, связанные с окончанием войны, как демобилизация армии. В. И. Ленин на X съезде РКП(б) отмечал: «...демобилизация крестьянской армии выкидывает сотни и тысячи разбитых, не находящих себе занятий людей, привыкших заниматься только войной, как ремеслом, и порождающих бандитизм...» [35] Он отметил также, что демобилизация дала «повстанческий элемент в невероятном количестве» [36]. Следует также учитывать те усилия, которые приложили эсеры и другие контрреволюционные силы к организации кулацких восстаний. В трудностях переломного периода от войны к миру они видели чрезвычайно удобную для себя обстановку, видели

---

[35] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 16—17.

[36] Там же, стр. 24.

казавшийся им реальным шанс для свержения Советской власти. Отсюда налицо факт активизации эсеров, их стремление использовать крестьянское недовольство в своих целях.

25 февраля 1921 г. ЦК партии эсеров выдвинул лозунг «решительного преодоления большевистской диктатуры». Эсеры держали курс на объединение кулацких мятежей под своим руководством [37]. Еще в июле 1920 г. ЦК партии эсеров дал директиву местным организациям приступить к созданию Союзов трудового крестьянства (СТК) [38]. Задачей этих союзов было объединение всех антисоветских элементов в деревне (правых и левых эсеров, борьбистов, анархистов и пр.); они должны были внешне сохранять форму беспартийности и объединяться в уездные, губернские и прочие комитеты [39]. Эсеровское руководство давало директиву — создавать на захваченной кулацкими бандитами территории свои органы власти [40]. Многочисленные факты показывают, что ЦК партии эсеров самым непосредственным образом руководил мятежами: тамбовским [41], западносибирским [42] и в Поволжье.

Все это свидетельствует о том, что эсеры возлагали большие надежды на использование недовольства крестьян для свержения власти Советов. Для того чтобы овладеть крестьянством, они заблаговременно стали создавать широко разветвленную сеть специальных организаций в деревне. Организации СТК были созданы в Сибири и в ряде губерний Центра и Поволжья. ЦК РКП(б) в своем отчете (с 15 марта по 1 мая 1921 г.) констатировал, что в Тамбовской губернии и в Сибири «пришлось встретиться с широкими разветвлениями и хорошо налаженной организацией так называемого „крестьянского“ (а по существу кулацкого) союза» [43].

Однако главная причина роста кулацких восстаний заключалась в том, что в них стала принимать участие часть середняков, выражавших недовольство разверсткой. Это было свидетельством ослабления союза рабочего класса и крестьянства, одним из самых опасных проявлений того, что военно-политический союз изживал себя и что требовались иные формы и методы налаживания отношений между рабочими и крестьянами.

Трудовое крестьянство не было настроено антисоветски, но его недовольство тяготами разверстки, перераставшее в недовольство системой военного коммунизма вообще, использовалось кулачест-

---

[37] «Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии. 1917—1921». Сб. документов (далее — «Из истории ВЧК»). М., 1958, стр. 418, 456.

[38] «Вестник агитации и пропаганды», 1921, № 11-12, стр. 10.

[39] «Из истории ВЧК», стр. 456.

[40] Там же, стр. 456.

[41] Приговор Верховного ревтрибунала по делу ЦК партии эсеров (1922 г.) констатировал: «Организационная связь ПСР с тамбовским движением и ее вдохновляющая роль в мятеже совершенно бесспорна» («Процесс ПСР». М., 1922, стр. 238).

[42] «Из истории ВЧК», стр. 457.

[43] «Известия ЦК РКП(б)», 1921, № 31. О деятельности СТК на Тамбовщине и в Сибири см.: «Из истории ВЧК», стр. 456, 457.

вом в антисоветских целях; объективно выступления крестьян попадали в русло кулацких восстаний, ибо проходили под руководством кулаков и их политических вожаков. Известно, что сам факт участия трудящихся в тех или иных политических действиях еще не определяет характера этих действий. В. И. Ленин отмечал: «Что часть эксплуатируемых из наименее развитых среднекрестьянских, ремесленных и т. п. масс идет и способна идти за эксплуататорами, это показывали до сих пор *все* революции, Коммуна в том числе (ибо среди версальских войск... были и пролетарии)» [44]. Поэтому неправильно называть восстания и мятежи конца 1920 — начала 1921 г. крестьянскими, как это делал, например, М. Н. Покровский. Он писал, что в 1921 г. «центр РСФСР был охвачен сплошным кольцом крестьянских восстаний, от приднепровского Махно до приволжского Антонова» [45]. Оставаясь по своему характеру кулацкими, выступления крестьян этих лет вместе с тем вобрали в свои ряды гораздо больше, чем ранее, крестьян-середняков и даже бедноты.

Нет нужды доказывать, например, что кронштадтские матросы отнюдь не состояли из одних кулаков, среди них были представители различных слоев крестьянства. Имеется много свидетельств, показывающих, что на Тамбовщине в банды Антонова вступало большинство населения многих деревень и сел [46]. В Западной Сибири крестьяне вместе с дезертирами составили значительную часть мятежников в феврале — марте 1921 г. [47]

В соответствии с известным изменением социального состава кулацких выступлений менялись и внешние лозунги. Со второй половины 1920 г. в документах мятежников настойчиво проходит лозунг об отмене продразверстки. Этот лозунг мы находим в так называемых мирских приговорах, которые принимались на созываемых мятежниками Поволжья крестьянских сходах [48]. Лозунг «Не платите разверстку!» выдвигал и Антонов [49]. «Долой райпродкомы!», «Да здравствует свободная торговля!» — под этим лозунгом действовала в Поволжье банда Сапожкова. За отмену продразверстки ратовали и кронштадтские мятежники.

В большинстве районов мятежники, как правило, не выступили открыто против Советов как формы власти. Наряду с лозунгами об отмене продразверстки, о несдаче хлеба выдвигалось политическое требование: «Советы без коммунистов». Западносибирские мятежники в воззвании от 6 марта 1921 г. провозглашали:

---

[44] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 263.

[45] М. Н. Покровский. Контрреволюция за 4 года. М., 1922, стр. 4.

[46] «Антоновщина», стр. 24.

[47] М. Богданов. Указ. соч., стр. 30, 57.

[48] «Ученые записки Саратовского государственного университета», т. I (XIV), вып. I, 1939, стр. 8.

[49] Г. Михалев. Разгром кулацко-эсеровского мятежа в Тамбовской губернии.— «Ученые записки Тамбовского педагогического института», вып. I, 1941, стр. 46.

контрреволюционные силы путем засылки вооруженных банд из-за рубежа не встретили поддержки крестьянства и были быстро пресечены. «Бандитизм теряет под собой почву и начинает явно идти на убыль»,— сообщал информационный подотдел ЦК РКП(б) летом 1921 г.[56] В отчете ЦК РКП(б) за 1921 г. подчеркивалось, что в ликвидации бандитизма «решающее значение сыграли отмена продразверстки и проведение новой экономической политики»[57].

Все имеющиеся в распоряжении исследователя данные показывают, насколько глубок и обоснован был ленинский вывод, сделанный в ноябре 1922 г.: «Крестьянство довольно своим настоящим положением. Это мы спокойно можем утверждать... Это крестьянство находится теперь в таком состоянии, что нам не приходится опасаться с его стороны какого-нибудь движения против нас. Мы говорим это с полным сознанием, без преувеличения. Это уже достигнуто. Крестьянство может быть недовольно той или другой стороной работы нашей власти, и оно может жаловаться на это. Это, конечно, возможно и неизбежно, так как наш аппарат и наше государственное хозяйство еще слишком плохи, чтобы это предотвратить, но какое бы то ни было серьезное недовольство нами со стороны всего крестьянства, во всяком случае, совершенно исключено. Это достигнуто в течение одного года»[58].

Расчеты врагов на то, что недовольство крестьян, остро проявившееся на переломном этапе от войны к миру, окажется роковым для Советской власти, провалились.

Трудности и сложности того времени снова продемонстрировали, что Советская власть имеет глубочайшие корни в массах, что союз рабочего класса и крестьянства базируется на нерушимой основе.

---

[56] «Правда», 3 июля 1921 г.

[57] «Одиннадцатый съезд РКП(б)». Стенографический отчет. М., 1963, стр. 641.

[58] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 285, 286.

О ПОДГОТОВКЕ И НАЧАЛЕ ИНОСТРАННОЙ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

★

Г. Е. РЕЙХБЕРГ

Подготовка и начало иностранной военной интервенции в Советскую Россию, включая и Дальний Восток, нашли освещение в работах советских историков, особенно в работах академика И. И. Минца [1].

Всестороннее и тщательное изучение всего комплекса различных источников, с учетом появившихся за последнее время новых трудов и публикаций, имеет актуальное значение. Это позволит разоблачить современных зарубежных фальсификаторов истории советского общества, пытающихся извратить подлинную картину исторических событий того времени, в частности на Дальнем Востоке.

Кроме привлечения архивных источников (ЦГАОР СССР, ЦГА РСФСР ДВ и др.), богатый материал можно найти на страницах как центральных газет («Правда», «Известия» и др.), так и местных («Красное знамя», «Дальневосточные известия», «Голос Приморья», «Власть труда» и др.). Интересные факты приведены на страницах английских, французских и американских газет того

---

[1] И. И. Минц. К десятилетию неудачи интервенции.— «Историк-марксист», 1929, № 11; он же. Английская интервенция и северная контрреволюция. М., 1931; он же. Новая интервенция в свете старой. М., 1931; он же. Вступительная статья к мемуарам генерала Гревса «Американская авантюра в Сибири (1918—1920)». М., 1932; он же. Предисловие к мемуарам У. Черчилля «Мировой кризис». М., 1932; он же. Предисловие к сборнику «Японская интервенция 1918—1922 гг. в документах». М., 1934; он же. Разгром первого заговора американских, англо-французских и других империалистов против Советской власти.— «Ученые записки МГПИ им. Потемкина», т. XXVI, вып. 3. М., 1953 и др.

времени в документальных публикациях [2], а также в мемуарах и книгах Р. Вильнева-Транса, Д. Ллойд-Джорджа, Ж. Садуля, Л. Фишера, Д. Френсиса, В. Харда, У. Черчилля, Ф. Шумана и др. [3]

В современной послевоенной американской литературе об антисоветской интервенции (в частности, американской) повторяются устаревшие и запоздалые попытки оправдать высадку войск интервентов в Советской России в 1918 г.; предпринимаются попытки извлечь уроки из ошибок прошлого и сделать для себя необходимые выводы [4].

Почти у всех указанных авторов в целях оправдания интервенции варьируются следующие мотивы: интервенция 1) была вызвана не ненавистью к Советской России, а стремлением сохранить Восточный фронт против Германии; 2) проводилась в целях «спасения Сибири от большевиков» и «защиты жизни и имущества граждан иностранных государств»; 3) была вызвана необходимостью «оказания помощи русскому народу сохранить демократические свободы»; 4) проводилась для защиты бывших военнопленных чехословацких солдат от австро-венгерских военнопленных; 5) проводилась с целью «ограничить» захватнические действия Японии на Дальнем Востоке.

Нет необходимости доказывать всю несостоятельность указанных мотивов, далеких от подлинных намерений иностранных захватчиков. Что касается поражения и ухода интервентов из Сибири и с Дальнего Востока, современные фальсификаторы истории рассматривают это как «отступление цивилизации из Восточной Азии...»

---

[2] «Russian-American Relations. March 1917 — March 1920» (далее — R. A. R.). N. Y., 1920; «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States». 1918, Russia, vol. II (далее — P. R.). Wash., 1932 и др.

[3] R. Villeneuve-Trans. A l'ambassade de Washington, october 1917 — avril 1919. P., 1921; D. Lloyd George. War Memoirs. VI. L., 1929 (русск. пер.: Д. Ллойд-Джордж. Военные мемуары, т. VI. М., 1937); J. Sadoul. Notes sur la révolution, bolshévique. P., 1920; L. Fisher. The Soviet in World Affairs, vol. I. L., 1930; W. Francis. Russia from the American Embassy. N. Y., 1920; «The Intimate Papers of Colonel House. Arrange as a Narrative by Charles Seymour». B.— N. Y., 1928 (русск. пер.: «Архив полковника Хауза», т. III. М., 1939); W. Hard. Raymond Robins's Own Story. N. Y., 1920; W. S. Churchill. The World Crisis. The Aftermath. L., 1929 (русск. пер.: У. Черчилль. Мировой кризис. М.—Л., 1932); F. L. Schuman. American Policy toward Russia since 1917. N. Y., 1928.

[4] G. Kennan. The Decision to Intervene, vol. II. P., 1958; B. M. Unterberger. America's Siberian Expedition. 1918—1920. D., 1956; C. A. Manning. The Siberian Fiasco. N. Y., 1952; J. W. Morley. The Japanese Thrust into Siberia, 1918. N. Y., 1957; E. Lessner. Cradle of Conquerors Siberia. N. Y., 1955; J. A. White. The Siberian Intervention. P., 1950; R. D. Warth. The Allies and the Russian Revolution. D., 1954; T. N. Tompson. C. E. Black. Rewriting Russian History, гл. VII. N. Y., 1956; A. Gotti. Siberia. P., 1958 и др.

Критический разбор некоторых указанных книг дан в статьях А. Березкина, И. Минца, Б. Поспелова («Коммунист», 1958, № 13; 1963, № 3; «Вопросы истории», 1953, № 11; «История СССР», 1959, № 2, 3).

После победы Великой Октябрьской социалистической революции иностранная пресса начала усиленно распространять слухи о «беспорядках» и «эксцессах», имевших якобы место во Владивостоке, об «угрозе» личной и имущественной безопасности иностранцев и необходимости в связи с этим высадки там иностранных войск. Начиная с ноября 1917 г., активизировали свою подрывную деятельность иностранные (особенно американский и японский) консулы во Владивостоке. Они открыто вмешивались во внутренние дела, направляли местным органам власти по любому поводу ноты протеста, полные угроз [5]. Французский консул в своем заявлении указывал, что «если будет учинено какое-либо насилие над иностранцами, то в город будут введены японские войска, находящиеся на расстоянии 6 часов от Владивостока» [6].

В декабре 1917 г., как признает в своих воспоминаниях Ллойд-Джордж, английское правительство «запросило Японию и США, считают ли они желательной оккупацию Владивостока и установление контроля над Сибирской железной дорогой» [7]. Не случайно, что именно в это время западная пресса стала распространять подробные сообщения о высадке японских войск во Владивостоке. Газета «Times», например, дала следующее сообщение «собственного корреспондента» из Вашингтона от 11 декабря: «Сделанное в Токио заявление о прибытии японских войск во Владивосток подтверждено японским посольством в Вашингтоне. В ответ на запросы было заявлено, что в течение некоторого времени японцы держат там инженерные войска для охраны порта и конечного пункта транссибирской железной дороги. Технически прибытие свежих отрядов можно истолковать как присылку подкрепления. Практически это мероприятие говорит большевикам: „Руки прочь от Владивостока и транссибирской железной дороги“. Между Японией и США поддерживается тесный контакт по вопросам, касающимся сложной ситуации в России» [8]. На следующий день французская газета «Тап» сообщила о высадке японского десанта во Владивостоке: «Газеты Нью-Йорка сообщают сегодня, что во Владивостоке высадился японский военный контингент. „ Нью-Йорк таймс“ высказывает пожелание, чтобы это сообщение соответствовало действительности... Необходимо, чтобы были приняты меры для защиты складов. Японцы располагают с некоторых пор войсками во Владивостоке, и не следует испытывать никаких колебаний не только перед тем, чтобы принять необходимые меры для охраны продовольствия и военных припасов во Владивостоке, но и перед тем, чтобы оказать помощь Каледину. Они должны

---

[5] «Голос труда», 17 ноября 1917 г.; «Далекая окраина», 25 декабря 1917 г.; «Голос Приморья», 21 февраля 1918 г.

[6] Цит. по газ. «Приамурская жизнь», 22 декабря 1917 г.

[7] Д. Ллойд-Джордж. Указ. соч., т. VI, стр. 86.

[8] «Times», 12.XII 1917.

захватить конечную станцию транссибирской железной дороги»[9]. Вторила им английская газета «Daily Chronicle»: «С удовлетворением можно отметить сообщение, что Япония и США находятся в согласии относительно предпринятых шагов»[10].

Государственный секретарь США Лансинг срочно запросил посла США в Японии Морриса и консула США во Владивостоке Колдуэла о подробностях по поводу японского десанта во Владивостоке. Лансинг телеграфировал 12 декабря Колдуэлу: «В прессе сегодня сообщается, что японские войска отправлены во Владивосток, где они заняли железнодорожные мастерские...»[11]

Шумиха, поднятая вокруг «высадки» японских войск во Владивостоке,— факт, который пришлось затем официально опровергать[12],— была не случайной. Это было своеобразной «психологической разведкой», проводимой в порядке подготовки к интервенции. Интервенты готовились к этому шагу, рассматривая Владивосток как ворота при вторжении на территорию Советского Дальнего Востока и Сибири.

При изучении вопроса необходимо раскрыть и показать закулисную сторону подготовки интервенции, подробнее осветить начальный этап интервенции, взаимоотношения в этот период между ее участниками и т. п.

В. И. Ленин предупреждал, что американская буржуазия может легко сговориться с японской, несмотря на крайнее обострение империалистического соревнования Японии и Америки из-за господства над Великим океаном и его побережьем[13]. Любопытно сопоставить в связи с этим два документа, характеризующие деятельность американского консула во Владивостоке Колдуэла. В телеграмме от 11 декабря 1917 г. государственному секретарю США Лансингу он указывал, что во Владивостоке «предпочтительнее были бы американские войска, но японские лучше, чем ничего...»[14] 1 января 1918 г. Колдуэл телеграфировал Лансингу о необходимости начать интервенцию. В полном согласии с обращавшимися к нему «русскими патриотами» (как называл Колдуэл белогвардейцев) и местным консульским корпусом он считал, что наступило время действовать. Основание для этого он находил в том, что во Владивостоке организована и вооружена Красная гвардия. «Русские лучших сословий,— писал Колдуэл,— посылают ко мне многочисленные требования о необходимости интервенции и с просьбой о защите, чтобы дать им возможность организоваться. Консульский корпус считает необходимым для установления какого-либо порядка присутствие иностранных военных кораблей,

---

[9] «Tan», 13.XII 1917.
[10] «Daily Chronicle», 14.XII 1917.
[11] P. R., vol. II, p. 6, 7.
[12] «Times», 15, 20.XII 1917; «Tan», 17.XII 1917.
[13] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 168.
[14] P. R., vol. II, p. 6.

причем одного присутствия их может быть достаточно. Японский консул затребовал таковые; самое лучшее, если с ними будут корабли одного или нескольких союзников» [15].

4 января японское правительство приняло решение о посылке во Владивосток военного судна. Распорядилось о посылке крейсера из Гонконга во Владивосток также английское правительство. 5 января Лансинг сообщил Колдуэлу о том, что американскому крейсеру «Бруклин» дано распоряжение об отправке в Иокогаму, где он получит дальнейшие инструкции [16]. Полная согласованность действий в этом направлении не вызывает никакого сомнения. Это был вынужден признать Моррис; в начале января 1918 г. он сообщил в Вашингтон, что отправка военных кораблей во Владивосток есть результат секретных переговоров Великобритании и Японии [17]. И действительно, 12 января во Владивостокский порт прибыл без всякого предупреждения местных властей японский броненосец «Ивами». В день его появления японский генеральный консул во Владивостоке Кикути обратился к городскому самоуправлению с нотой, в которой говорилось: «Императорское японское правительство, имея в виду то, что при обстоятельствах настоящего времени японцы, проживающие в городе Владивостоке и окрестностях его, чрезвычайно тревожатся, решило отправить военные суда во Владивостокский порт. Решение это сделано не с чем иным, как исключительно с целью защиты своих подданных, каковая является надлежащею обязанностью правительства...» [18]

Следом за «Ивами» прибыл 14 января английский крейсер «Суффольк», а 17 января — крейсер «Асахи». Всего японских военных судов во Владивостоке оказалось четыре: броненосец, крейсер, вспомогательное судно и ледокол.

Подготовку и проведение иностранной военной интервенции на Дальнем Востоке необходимо рассматривать в связи с одновременным выступлением интервентов и их ставленников не только в Забайкалье (атаман Семенов), но и в других районах страны: Дутова — в Оренбурге, Каледина — на Дону, Центральной рады — на Украине. Удар по Советской республике предполагалось нанести сразу в различных районах.

Для оправдания своего вмешательства на Дальнем Востоке интервенты спровоцировали в начале февраля 1918 г. инцидент в гостинице «Версаль», расположенной на главной улице Владивостока — Светланской. Колдуэл поспешил в ложном свете представить этот факт в телеграмме Лансингу: «Грабежи учащаются. На

---

[15] **Там же, т. II, стр. 16.**

[16] Там же, стр. 19. Крейсер «Бруклин» появился во Владивостоке 1 марта 1918 г.

[17] Там же, стр. 17.

[18] «Действия Японии в Приамурском крае». Сб. документов. Владивосток, 1921, стр. 7.

японцев часто нападают и грабят на улицах и в их лавках. Японский консул недавно потребовал, и консульский корпус теперь требует совместно, чтобы охрана была улучшена. На это, однако, не надеемся, так как власти бессильны. *Общественное мнение полагает, что ограбление гостиницы вызовет иностранную интервенцию*» [19].

Кэнан, извращая факты, пишет об этом следующее: «Было совершенно ясно, что такие инциденты происходили благодаря поощрению и потворству со стороны местных коммунистов... Как долго японцы будут проявлять терпение перед лицом такой провокации — этот вопрос, конечно, возникал в сознании каждого» [20].

Американские и японские империалисты готовились к осуществлению дальнейших мероприятий. 1 апреля 1918 г. газета «Times» сообщала, что объединенная интервенция в Сибири будет, несомненно, вызвана большевистскими «эксцессами» во Владивостоке. Все указанные выше факты подтверждают, что события 4—5 апреля 1918 г. во Владивостоке явились открытой формой тщательно *подготовленного* и *согласованного* выступления организаторов интервенции — Японии, Англии, США — на Советском Дальнем Востоке. Грубо состряпанная интервентами инсценировка убийства и ранения нескольких японцев во владивостокском отделении японской конторы Исидо 4 апреля 1918 г. послужила, как известно, поводом для высадки на следующий день во Владивостоке японского и английского десантов. Следует при этом отметить, что о возможности осуществления подобного плана сообщалось на страницах иностранной печати еще задолго до 4 апреля. Сохранившиеся материалы свидетельствуют о том, что эти события являлись одним из звеньев давно задуманного плана захвата иностранными империалистами сначала Владивостока, а затем и всего Советского Дальнего Востока.

Современные американские фальсификаторы истории оправдывают действия, предпринятые Японией во время событий 4—5 апреля во Владивостоке [21]. Кэнан, например, пишет, что американский адмирал Найт, наблюдавший за высадкой японцев, заявил, что эта высадка «вызвана, кажется, необходимостью» [22]. Найт заявил далее, что «если бы американские граждане оказались перед той же опасностью, он, не колеблясь, предпринял бы точно такие же шаги» [23].

Американские империалисты полностью поддержали и приветствовали японскую провокацию 4 апреля и последовавшую затем

---

[19] P. R., vol. III, 37 (курсив наш. — *Г. Р.*).

[20] G. Kennan. Указ. соч., т. II, стр. 60—61.

[21] См. указанные выше книги Мэннинга (стр. 67—68) и Унтербергера (стр. 39—41). Специальные разделы, касающиеся событий 4—5 апреля 1918 г., посвятили в своих книгах Морли (стр. 146 и др.) и Кэнан (стр. 99 и др.).

[22] G. Kennan. Указ. соч., т. II, стр. 100.

[23] Там же, стр. 105.

высадку японских и английских войск во Владивостоке 5 апреля того же года. Сами американцы предпочитали до поры до времени держаться в тени.

Обращения и протесты советских организаций Дальнего Востока и Сибири и прежде всего правительственное сообщение РСФСР от 5 апреля 1918 г. дают исчерпывающую характеристику сложившейся в то время на Дальнем Востоке международной обстановки [24].

Точную оценку этим событиям дал В. И. Ленин в телеграмме, посланной 5 апреля в адрес Центросибири: «Ясно, что никаким заверениям теперь нельзя дать веры и единственной серьезной гарантией является солидная военная подготовка с нашей стороны» [25], а также в телеграмме-директиве Владивостокскому Совету от 7 апреля 1918 г.: «Мы считаем положение весьма серьезным и самым категорическим образом предупреждаем товарищей. Не делайте себе иллюзий: японцы наверное будут наступать. Это неизбежно. Им помогут, вероятно, все без изъятия союзники» [26].

Ленинский анализ сложившейся на Дальнем Востоке обстановки позволяет правильно понять всю историю подготовки иностранной военной интервенции на Дальнем Востоке.

Исследуя вопросы, связанные с подготовкой интервенции на Дальнем Востоке, нельзя не учитывать и того, что в то время существовала возможность японо-германского соглашения, направленного своим острием против молодой Советской республики. В нашей исторической литературе остался неосвещенным вопрос о существовавших в 1917—1918 гг. планах японо-германского соглашения наряду с планами японо-американского соглашения, направленными против Советской России. Мы располагаем некоторыми материалами для суждения о реальности японо-германского соглашения в начале 1918 г. Несмотря на громкие слова, раздававшиеся в английской и французской прессе по поводу верности Японии своим союзникам, в печать проскальзывали слухи о возможности подобного шага «страны восходящего солнца». Еще в мае 1917 г. небезызвестный генерал Танака говорил: «Пусть Япония примет себе за образец Германию. Да подражают япон-

---

[24] Подробнее об этой высадке см.: Г. Рейхберг. Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке. М., 1940, стр. 30—34; «Борьба за власть Советов в Приморье (1917—1922 гг.)». Сб. документов. Владивосток, 1955, стр. 108. К сожалению, в указанном сборнике опубликованы далеко не все наиболее важные документы, касающиеся событий 4—5 апреля 1918 г.; в частности, отсутствует ответ руководителей Владивостокского Совета В. И. Ленину от 10 апреля 1918 г., в котором они хотя и указывали на серьезность сложившегося на Дальнем Востоке положения, но не придавали этому должного значения, утверждая, что «существуют громадные разногласия в действиях, особенно Америки и Японии...» (В. Максаков, А. Турунов. Хроника гражданской войны в Сибири (1917—1918). М., 1926, стр. 160).

[25] «Ленинский сборник», XXXIV, стр. 22.

[26] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 216.

ские солдаты германским борцам, а японские крестьяне германским крестьянам. Мы находимся в настоящее время в войне с центральными державами, но наступит день мира, и тогда будет обязанность японского народа протянуть руку верной дружбы могущественным германцам» [27].

Как известно, исход борьбы на Западном фронте был еще не решен, и в Японии стали подумывать о соглашении с Германией. Соблазнительной была возможность совместной борьбы с Советской Россией. В начале мая 1918 г. В. И. Ленин писал: «...возможно и даже вероятно, что военная партия возьмет еще раз верх в Германии (в смысле перехода тотчас в наступление на нас) и что Германия вместе с Японией, по формальному или молчаливому соглашению, будут делить и душить нас» [28]. Он считал также, что при учете задач внешней политики Советской власти в данный момент требуются величайшая осторожность, осмотрительность, выдержка, чтобы необдуманным или поспешным шагом не помочь крайним элементам военных партий Японии или Германии. «Дело в том,— писал В. И. Ленин,— что в обеих этих странах крайние элементы военной партии стоят за немедленное и общее наступление на Россию в целях занятия всей ее территории и свержения Советской власти» [29].

В газете «Times» была помещена перепечатанная из одной немецкой газеты статья бывшего германского консула, в которой развивалась такая мысль: «Рано или поздно пробьет тот час, когда Японию и Германию свяжут новые узы... Если японцы считают, что характер сговора зависит от нас, пусть нанесут нам официальный визит; они убедятся, что двери для них всегда открыты» [30]. 2 марта 1918 г. Ж. Садуль писал о германофильских настроениях японской прессы: «Германцы Дальнего Востока такие же коварные и такие же отъявленные империалисты, как германцы Европы» [31].

О возможности японо-германского союза, направленного на раздел Советской России, сообщал в своих телеграммах Лансингу посол США в России Фрэнсис. 9 марта он писал: «Мы должны действовать быстро, чтобы предупредить германо-русский союз, а также, возможно, японо-германский,— еще более плачевный» [32]. Фрэнсис писал полковнику Робинсу вскоре после событий 4—5 апреля: «Положение запутанное, щекотливое, требующее ловких действий для предупреждения японо-германского союза» [33].

---

[27] Цит. по газ. «Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 17 декабря 1917 г.

[28] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 291.

[29] Там же, стр. 324.

[30] «Times», 5.XII 1917.

[31] J. Sadoul. Указ. соч., стр. 118.

[32] P. R., vol. II, p. 73.

[33] R. A. R., p. 137.

Необходимость поддержки Японии для борьбы с Советской Россией французский посол в США Жюссеран аргументировал, например, тоже возможностью японо-германского соглашения. «Вообще, Япония, как нашему правительству известно,— писал он в марте Лансингу,— должна произвести и произведет интервенцию в Сибири с целью защиты своей современной позиции и своего будущего. Если она сделает это без нашего согласия, она совершит это против нас, и будет вероятие в том, что она в дальнейшем придет к соглашению с Германией. Это соображение мы считаем решающим само по себе» [34].

Если японо-германский союз не сложился тогда, то причиной было, конечно, не субъективное нежелание милитаристских кругов Японии, а последовавшее затем поражение Германии.

Американский историк Ф. Шуман по поводу слухов о секретном соглашении Германии и Японии отметил, что в победе Германии японские военные были убеждены до самого конца войны [35].

В интервью, данном в июле 1918 г. премьер-министром Японии Тераути издателю газеты «Джапан адвертайзер» Масону, определенно заявлялось, что «Япония скорее могла бы войти в союз с Германией, чем быть вынужденной остаться изолированной среди союзников» [36]. Опубликование этого интервью вызвало большое беспокойство в японской прессе. Газета «Иородзу» писала по этому поводу, что японская нация никогда серьезно не ставила вопроса о союзе с Германией так, как это сделал Тераути, и поэтому неизвестно, разделяет ли нация мнение премьера в данном случае. Та же газета высказывала удивление, что премьер, все время державший в тайне «извилины внешней политики» японского правительства от собственного народа и не опубликовавший ничего об этой политике в японской прессе, почему-то нашел возможным дать такое откровенное и обширное интервью иностранцу. В следующем номере газета отметила, что премьер своим интервью дал союзникам подтверждение существования германофильских настроений в Японии.

Газета «Дальневосточные известия» дала следующую оценку этому интервью: «При таких обстоятельствах может ли быть для японского реакционного правительства более приятный союзник, чем реакционная империалистическая Германия? Ведь в этом случае Японией сразу могут быть достигнуты все цели: и удовлетворение своих алчных целей посредством дележа России с победительницей Германией, и уничтожение пугала правящей японской бюрократии в лице русской рабоче-крестьянской революции, зараза которой уже начинает проникать и в Японию!» [37] По свидетельству Вильнева-Транса, французский посол в Японии Ланю

---

[34] P. R., vol. II, p. 75.
[35] F. L. Schuman. Указ. соч., стр. 117.
[36] Цит. по газ. «Дальневосточные известия», 11 июля 1918 г.
[37] Там же.

был убежден, что японцы, преследовавшие свои цели, «вдохновлялись примером Германии, которую они не уставали прославлять» [38].

Как видим, даже небольшое число приведенных фактов свидетельствует о наличии в 1918 г. планов японо-германского соглашения, направленного против молодой Советской республики. Предвидя реальную возможность того, что «американская буржуазия может стакнуться с японской; японская с германской», В. И. Ленин указывал на единственный в это время выход: «Поэтому усиленнейшая военная подготовка наш безусловный долг» [39].

Поражение Германии в ноябре 1918 г. сняло с повестки дня вопрос о японо-германском соглашении. На Дальнем Востоке основную роль организаторов антисоветской интервенции взяли на себя США и Япония.

---

[38] R. Villeneuve-Trans. Указ. соч., стр. 118.

[39] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 324. См. также его доклад о внешней политике на объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета 14 мая 1918 г. (там же, стр. 327—345).

К ИСТОРИИ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ЭТАПА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА УКРАИНЕ

★

Н. И. СУПРУНЕНКО

В ноябре 1920 г. на юго-западе Украины оставался еще довольно крупный очаг вооруженных сил украинской буржуазно-националистической, петлюровской контрреволюции. Правда, после ликвидации основных фронтов гражданской войны петлюровский фронт уже не представлял большой угрозы для Советской Украины, однако нельзя было терпеть на украинской земле петлюровские банды, которые, опираясь на щедрую помощь международного империализма, могли вырасти в серьезную опасность.

Петлюровские войска вместе с войсками империалистической Польши участвовали в войне против страны Советов в 1920 г. В отношении Украины они должны были играть роль ширмы, прикрывавшей империалистические устремления буржуазно-помещичьей Польши. Польское главное командование после подписания предварительных условий мира стало отводить свои войска за Збруч. Однако, нарушая подписанные условия, польское командование не собиралось отводить действовавшие в составе польской армии петлюровские банды с занимаемых ими позиций.

По условиям перемирия боевые действия на всем советско-польском фронте должны были прекратиться в 24 часа 18 октября 1920 г. Советское командование предвидело, что польское командование откажется отвести за Збруч петлюровские банды, и готовилось к продолжению борьбы с ними. Командование 14-й армии (командующий М. Василенко, член РВС М. Рухимович) на основании директивы главкома С. Каменева издало 18 октября 1920 г. приказ: «На петлюровском участке, т. е. на фронте 14-й армии, военные действия прекратить 18 октября в 24 часа лишь в том

Советскому командованию стало известно, что петлюровцы ведут спешную подготовку к общему наступлению, которое должно начаться 11 ноября 1920 г. Командование 14-й армии решило опередить противника. Сознавая важность стоявшей перед войсками боевой задачи, РВС 14-й армии приказал начдивам привести войска в полную боевую готовность, держать их в кулаке и не распылять на мелкие группы, а также предложил командирам и политработникам разъяснить красноармейцам, что установлению полного мира «мешает Петлюра и он должен быть уничтожен» [7].

На северо-западном участке Юго-Западного фронта, где находились войска 12-й армии, велась подготовка к разгрому петлюровцев и других контрреволюционных сил. В приказе РВС 12-й армии от 13 ноября 1920 г. указывалось, что предстоит борьба с Петлюрой и другими контрреволюционными группами, которых снарядила и пропустила к линии фронта буржуазная Польша. РВС армии требовал, чтобы весь армейский аппарат был подтянут и готов снова действовать в боевой обстановке [8].

Советское командование разработало план разгрома петлюровцев. Этот план предусматривал три этапа боевых операций. Первый этап должен был начаться на рассвете 10 ноября наступлением по всему фронту, чтобы лишить противника возможности маневрировать своими силами. В результате наступления советские войска должны были выйти к утру 14 ноября на линию Бар — Вербовцы. Главная роль на этом этапе отводилась корпусу Червоного казачества и 45-й стрелковой дивизии, которые должны были прорвать фронт и окружить живую силу противника. По выполнении этой задачи должен был начаться второй этап — разгром противника на правом крыле армии. И на этом этапе важная роль отводилась Червоному казачьему корпусу. Его части должны были окружить и уничтожить живую силу противника. Третий этап — неотступное преследование разбитого противника до полной его ликвидации [9].

По директиве главкома Каменева командование 12-й армии должно было выдвинуть в район Хмельник — Летичев достаточные силы для того, чтобы прикрыть правый фланг и тыл 14-й армии от возможных действий противника в этом районе [10].

Петлюровское командование торопилось начать наступление, чтобы захватить инициативу. Оно решило открыть действия раньше всего на фронте от Могилев-Подольска до Винницы и нанести главный удар в направлении важного железнодорожного узла Жмеринки. Этот район привлекал петлюровцев тем, что там действовали многочисленные и хорошо вооруженные кулацкие банды. В октябре 1920 г. на Украине, по далеко не полным данным,

[7] ЦГАСА, ф. 199, оп. 4, д. 350, л. 107.
[8] Там же, ф. 102, оп. 3, д. 85, л. 31.
[9] Там же, ф. 199, оп. 4, д. 517, л. 31.
[10] Там же, д. 347, л. 40.

действовало несколько десятков крупных банд, в которых насчитывалось свыше 23 тыс. человек. В Киевской губернии действовало 10 банд, общая численность которых превышала 7 тыс. человек, в Кременчугской губернии оперировало свыше 10 тыс. бандитов; среди них были такие крупные банды, как Голого-Гуленко (4 тыс. человек при двух орудиях), Клепача (3 тыс. человек при трех орудиях и 20 пулеметах) [11]. Готовясь к наступлению, петлюровцы рассчитывали, что им удастся сорвать подписание мира между страной Советов и Польшей, а также помешать Красной Армии добить Врангеля, помочь ему укрепиться за перекопскими укреплениями. Петлюровцы планировали наступательные операции не только на фронте 14-й армии, но и на фронте 12-й армии. Однако им не удалось осуществить свои намерения.

Войска Красной Армии в соответствии с разработанным планом утром 10 ноября перешли в наступление и, таким образом, захватили инициативу. 10 ноября, едва забрезжил рассвет, части 45-й стрелковой дивизии перешли в наступление и нанесли противнику сильный удар в направлении Черневцы — Куриловцы — Мурованы и в течение дня разгромили «железную» дивизию атамана Удовиченко — одну из лучших петлюровских дивизий. В ходе первых трех дней наступления 45-я дивизия нанесла крупное поражение противнику [12].

Весьма эффективно действовала кавалерийская бригада Котовского. С рассветом 10 ноября бригада пошла в решительное наступление на Березовку и Шендеровку. Противник встретил советских кавалеристов сильным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем. Стремясь избежать больших потерь, Н. Криворучко, командир 2-го кавалерийского полка, шедшего во главе колонны, приказал спешиться. Действуя в пешем строю, бойцы выбили противника из Березовки, а затем в конном строю вместе с другими частями полк стал преследовать отступавшего противника. Ведя наступление в тесном взаимодействии со 135-й бригадой (комбриг Н. В. Голубенко), кавалерийская бригада Котовского в бою у Котюжан 12 ноября разгромила и совершенно вывела из строя 4-ю и 6-ю дивизии противника и нанесла решительное поражение самой крупной кавчасти противника — отдельной кавалерийской дивизии [13]. В тот же день на участке Лучинец — Ярыпев перешли в наступление казаки, взаимодействовавшие с 41-й стрелковой дивизией. Стремительным ударом советские воины прорвали фронт и нанесли серьезное поражение врагу. Подтянув подкрепление, противник стал оказывать ожесточенное сопротивление. Под Озаринцами и Вендичанами завязался упор-

---

[11] Там же, ф. 102, оп. 3, д. 467, лл. 12—21.

[12] «История 45-й Волынской Краснознаменной стрелковой дивизии», т. 1. Киев, 1929, стр. 281.

[13] «Г. И. Котовский. Документы и материалы. К истории гражданской войны в СССР». Кишинев, 1956, стр. 263.

ный бой, длившийся целые сутки — с 11 по 12 ноября. Червоным казакам пришлось сражаться с опытной конной группой есаула Фролова, действовавшей ранее в армии Деникина. Этим боем руководил лично комкор В. Примаков. Не выдержав стремительного натиска советских воинов, враг панически бежал в направлении на Могилев-Подольск, бросая оружие и снаряжение [14].

О значительных успехах советских войск и особенно Червоного казачества на первом этапе наступательных операций красноречиво свидетельствует признание противника. «Наши части отошли,— говорилось в секретном приказе петлюровского командования,— потери тяжелые. Решающее значение имела 8-я конная дивизия» [15].

Петлюровцы понимали, что настал их последний час. Они предпринимали отчаянные попытки сдержать наступление советских войск, нанести им поражение. В то время, как на южном участке фронта советские войска вели успешные наступательные бои, петлюровцы активизировались на северо-западном участке фронта. Утром 11 ноября на этом участке банды Булак-Балаховича перешли в наступление и в результате внезапного удара захватили Мозырь. Используя первый успех, они пытались развить наступление в направлении Чернобыль — Овруч. Командование 12-й армии приняло срочные меры к ликвидации прорыва; банды Булак-Балаховича были разгромлены [16]. В тот же день противник нанес удар в направлении Жмеринка — Джурин на фронте 14-й армии. Удар пришелся по численно слабой 24-й стрелковой дивизии, а также в стык 60-й и 45-й дивизий. Части 24-й дивизии не смогли отразить удара, и петлюровцам удалось потеснить советские войска, занять несколько населенных пунктов, в том числе г. Литин, и выдвинуться к Виннице [17]. Однако этот успех противника не приостановил наступления советских войск. Части 14-й армии отразили наступление петлюровцев и не только восстановили положение на участке 24-й и 60-й дивизий, но, ломая упорное сопротивление петлюровцев, успешно выполнили поставленную перед ними боевую задачу. Особенного успеха добились 45-я дивизия Якира и кавалерийская бригада Котовского. В тяжелом бою они разгромили кавалерийскую дивизию петлюровского атамана Павленко.

Противник сопротивлялся с ожесточенностью обреченного, но советские войска неудержимо продвигались вперед; в течение трех дней части 41-й дивизии прошли до 60 верст, а 45-й дивизии — до 50 верст. В результате трехдневных боев было захвачено много пленных, несколько десятков пулеметов и орудия [18].

Первый этап наступательных операций был блестяще завер-

---

[14] ЦГАСА, ф. 7682, оп. 1, д. 36, л. 2.
[15] «Оперативні документи штабу армії УНР», стр. 335.
[16] ЦГАСА, ф. 102, оп. 3, д. 85, л. 41.
[17] Там же, ф. 199, оп. 4, д. 304, л. 237.
[18] Там же, д. 517, л. 21.

шея. Успехи войск 14-й армии были отмечены в приказе РВС Юго-Западного фронта от 13 ноября: «Реввоенсовет фронта благодарит части 14-й армии за доблестные действия против петлюровских банд, отмечая особенно геройский подвиг и боевую удаль кавалерийской бригады Котовского. Всех достойных представить к награде» [19]. РВС Юго-Западного фронта выразил уверенность в том, что войска 14-й армии разгромят всю живую силу петлюровских банд, а их оружие и техника будут захвачены советскими войсками.

Однако, отмечая боевые успехи и высокий героизм войск 14-й армии, РВС Юго-Западного фронта не был удовлетворен действиями как армейского командования, так и некоторых командиров соединений. Командующий войсками фронта А. Егоров в разговоре по прямому проводу 13 ноября с командующим 14-й армией М. Василенко обратил внимание последнего на то, что, несмотря на достигнутый успех, действия армии и ее соединений не носят решительного характера [20].

РВС Юго-Западного фронта принял срочные меры к укреплению командования 14-й армии. Окончательный разгром петлюровских банд части 14-й армии осуществили под руководством своего старого и талантливого командующего И. Уборевича, который после разгрома Врангеля 14 ноября снова был назначен командующим 14-й армией, а М. Василенко отозван в распоряжение РВС Юго-Западного фронта [21].

И на втором этапе наступления главную роль играли части конного Червоноказачьего корпуса и 45-й дивизии. На этом этапе советские войска не только отразили попытки петлюровцев, которые вместе с частями белогвардейской армии генерала Перемыкина вновь пытались остановить продвижение советских войск, но и в течение 15—18 ноября нанесли врагу решающее поражение.

Третий этап наступательных операций был рассчитан на разгром всех боеспособных сил петлюровцев в районе Проскурова и завершение боевых действий. Но чем больше сокращалась территория, занятая петлюровцами, тем упорнее и ожесточеннее становилось их сопротивление. Напрягая последние силы, противник предпринял контрнаступление из района Деражни, но успеха не достиг.

Наращивая силу ударов, войска 14-й армии неудержимо двигались вперед и 16 ноября освободили от петлюровцев Каменец-Подольск, а затем и Деражню. Конники Котовского и червоные казаки устремились на Проскуров. В «Акте обследования подвигов отдельной кавалерийской бригады Г. И. Котовского по разгрому войск Петлюры и Врангеля в ноябре 1920 г.» о сражении у Проскурова 18 ноября говорилось: «Крупные пехотные и кавалерий-

[19] Там же, д. 347, л. 30.
[20] Там же, д. 517, л. 21.
[21] Там же.

ские части противника, вышедшие из города при поддержке ураганного артогня броненоездов, 8 легких и 2 тяжелых орудий, стрелявших со стороны деревни Заречье, оказывают необыкновенно упорное сопротивление, но части кавбригады, после двухчасового боя, героически сломили сопротивление в несколько раз превосходивших сил противника, ворвались в город» [22].

Разгром петлюровцев у Проскурова был кульминационным пунктом в развитии наступления советских войск. Дух петлюровских войск был окончательно сломлен, они с боями стали отходить к Волочиску с целью укрыться за Збручем под охраной войск Пилсудского.

Овладев 20 ноября Черным Островом, советские войска перехватили приказ петлюровского командования, из которого стало известно, что вся кавалерия противника сосредоточивается в районе Войтовцы — Писаревка с целью разбить корпус Червоного казачества, чтобы дать возможность своим отступающим частям переправиться через Збруч.

Приближались последние решающие бои. 21 ноября под Писаревкой разгорелось жестокое кавалерийское сражение. Отчаянно сопротивлявшиеся петлюровцы не смогли выдержать стремительного натиска червоных казаков. Под их ударами рассыпалась петлюровская «дикая» дивизия гайдамаков — 700 бандитов были взяты в плен, захвачены богатые трофеи.

Сломив сопротивление противника, червоные казаки и кавалерийская бригада Котовского, поддерживаемые стрелковыми частями, неудержимо устремились к Волочиску — конечной цели наступления. Преодолев упорное сопротивление петлюровцев, советские войска к 6 часам дня 21 ноября ворвались в Волочиск.

И в этой заключительной операции особенно отличились котовцы. Об их героических действиях оперативная сводка штаба 14-й армии сообщала: «Последние 5 верст перед Волочиском кавбригада шла галопом под ураганным огнем пулеметов и артиллерии противника... Внезапность и стремительность налета кавбригады заставили противника в панике бежать к переправам» [23].

Озабоченные спасением живой силы, петлюровцы почти ничего не смогли вывезти из Волочиска. Советские войска захватили много пленных, 2 броненоезда, 14 орудий, 120 пулеметов и много военного имущества.

Войска 14-й армии в чрезвычайно короткий срок — за 12 дней — уничтожили на Украине последний очаг организованных вооруженных сил украинской буржуазно-националистической контрреволюции. РВС Юго-Западного фронта в приказе от 23 ноября 1920 г. отметил героические действия войск 14-й армии, обеспечивших полную победу над врагом: «Реввоенсовет Юго-Западного

---

[22] «Г. И. Котовский. Документы и материалы», стр. 265.
[23] ЦГАСА, ф. 199, оп. 4, д. 445, л. 57.

фронта от лица Рабоче-Крестьянской Республики России и Украины объявляет всему составу 14-й армии общую благодарность и призывает безотлагательно представить к наградам всех отличившихся как отдельных героев из числа красноармейцев, комсостава и военкомов, так и целые части» [24].

В результате ликвидации петлюровского плацдарма украинские буржуазные националисты лишились организованной военной силы (и территории) на Украине, опираясь на которую они могли бы продолжать свою вооруженную борьбу против Советской власти на Украине. У них остался лишь один путь борьбы — подпольная антисоветская деятельность, организация контрреволюционных кулацких банд, диверсий и шпионажа.

Быстрый и полный разгром петлюровцев в 1920 г. явился неопровержимым свидетельством того, что трудящиеся массы Украины считали Советскую власть своей родной властью, тесно сплотились вокруг нее и решительно ее защищали.

Разгромив петлюровцев, рабочие и крестьяне Украины под руководством Коммунистической партии на основе ленинского плана приступили к мирному социалистическому строительству.

---

[24] Там же, д. 350, л. 9.

О РОЛИ ВНУТРЕННЕЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В РАЗВЯЗЫВАНИИ ИНТЕРВЕНЦИИ АНТАНТЫ ЛЕТОМ 1918 г.

★

О. Ф. СОЛОВЬЕВ

Одна из важнейших особенностей периода Великой Октябрьской социалистической революции — ожесточенное сопротивление, оказанное Советской власти свергнутыми эксплуататорскими классами, опиравшимися на поддержку международного империализма. В результате действий контрреволюционного союза белогвардейщины с правящими кругами Антанты страна была втянута в гражданскую войну, трудящиеся Советской России вынуждены были с оружием в руках защищать свои исторические завоевания. Известно, что главными застрельщиками и организаторами интервенции были империалистические заправилы Англии, США и Франции, которые действовали через посредство внутренних реакционных партий и группировок в России, верных пособников иностранных агрессоров.

Этой весьма существенной стороне конкретного исторического процесса, придавшей особую остроту гражданской войне, не уделяется, однако, должного внимания как в общих, так и в специальных работах об Октябрьской революции. Советские историки обычно сосредоточивают внимание на анализе грабительских планов и мероприятий Антанты, оставляя в стороне злобные происки внутренней контрреволюции. Имеются, конечно, и некоторые исключения. К ним относятся прежде всего работы академика И. И. Минца и некоторых других историков, которые исследовали в ряде аспектов роль русской буржуазии в подготовке интервенции [1]. Настоящая статья ставит целью продолжить эти исследова-

[1] И. И. Минц. Английская интервенция и северная контрреволюция. М., 1931; В. Владимирова. Год службы «социалистов» капиталистам.— «Очерки по истории контрреволюции в 1918 г.» М.—Л., 1927; Г. Рейхберг. Как подготовлялась военная интервенция Антанты против Советской стра-

ния. В ней рассматривается деятельность крупных контрреволюционных организаций и партий, прослеживаются их связи с западными державами и показывается участие в чехословацком мятеже, послужившем как бы прологом широкой вооруженной интервенции.

Первые месяцы после Октября, ставшие триумфальным шествием Советской власти, со всей убедительностью продемонстрировали, что буржуазно-помещичий лагерь не имеет сколько-нибудь достаточных сил для сопротивления. Как отмечал В. И. Ленин, «...помещики и капиталисты русские побеждены в октябре и ноябре сравнительно с малыми жертвами, побеждены подъемом народных масс в таких условиях, когда им сразу было очевидно, что поддержать их народ не может» [2]. Слабость лагеря контрреволюции заключалась также в отсутствии сплоченности между его отдельными отрядами; многочисленные буржуазные партии и организации раздирались острыми противоречиями, что в значительной степени сковывало антисоветский фронт.

К весне 1918 г. молодая Советская республика значительно укрепила свои внутренние и международные позиции. Первые социалистические мероприятия в стране подорвали экономическое господство эксплуататорских классов. Брестский мир позволил стране выйти из империалистической войны. Буржуазия была побеждена, но еще не сломлена.

Для того чтобы ознакомиться с настроениями, господствовавшими только среди реакционных кругов, целесообразно остановиться на одном любопытном документе, еще не введенном в научный оборот. Речь идет о секретной записке правого деятеля А. Н. Брянчанинова, изданной в Англии типографским способом в 500 экземпляров под грифом «совершенно секретно» и в продажу не поступавшей. Как отмечает автор записки, цель его состояла в том, чтобы «обратить внимание влиятельных лиц на ряд решений, которые представляются наилучшими в печальных обстоятельствах первого года русской революции» [3]. По словам Брянчанинова, с его запиской ознакомились «влиятельные лица» в Лондоне, Париже и Вашингтоне.

В отличие от других представителей буржуазного лагеря, которые обычно маскировали свои подлинные намерения пышными

ны (конец 1917 — первая половина 1918 г.).— «Пролетарская революция», 1941, № 1; В. Тарасов. Борьба с интервентами на Мурмане в 1918—1920 гг. Л., 1948; А. Городилов. Коммунистическая партия — организатор борьбы с подрывной деятельностью контрреволюции в начальный период гражданской войны.— «Ученые записки Московского областного педагогического института», т. XCV, вып. 8. М., 1961 и др.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 459.

[3] A. N. Briantchaninoff. A l'usage des alliés de la Russie. Mémoire Secret sur les voies et moyens pratiques pour le printemps et l'été 1917 (faisant silte aux cosiderations dejanvier, mai, novembre et décembre 1917). L., 1918 (далее — «Записка Брянчанинова»).

фразами о любви к отечеству и приверженности демократии, Брянчанинов излагал свое кредо с предельной откровенностью и цинизмом. «Русская проблема,— писал он,— всем ходом событий стала центральным пунктом проблемы мировой войны. Она явится огромной социальной опасностью для всех, если своевременно не устранить большевистскую и антисоциальную русскую анархию» [4]. Поэтому Брянчанинов советовал странам Антанты опубликовать декларацию о том, что Россия не должна иметь правительства, которое могло бы выступать от ее имени. Затем союзникам следовало приступить к оккупации русских территорий и к чистке их от «антинациональных», т. е. демократических, элементов, взять под свое покровительство граждан и институты, «полезные цивилизации»; если же русский народ не поймет своих подлинных задач, то союзникам придется «при некоторых условиях положительно рассмотреть вопрос о взятии под опеку остальной части России путем раздела на протектораты с тем, чтобы прекратить в России анархию и спасти русскую культуру» [5]. Далее этот мракобес в своей записке намечал распределение таких протекторатов, стараясь, чтобы каждая из стран Антанты получила часть нашей земли. Он высказывался за подписание «специального договора об учреждении временного управления над: а) всей Сибирью, включая Урал, со стороны американцев, японцев и китайцев; б) русскими владениями в Центральной Азии, Семиречьем, районами Каспия и Кавказа — англо-индийцами; Архангельска и северных лесов — французами». Оккупацию России Брянчанинов предлагал в таком порядке: сначала японцы захватят Сибирь (без Камчатки, которая отойдет к американцам за 20 млн. рублей, а Маньчжурия к китайцам); затем «американцы должны были бы, опираясь на Иркутск, как на свою базу, и построенную железную дорогу Анадырь — Верхнеколымск, Верхоянск — Якутск — Олекма — Витимск, Верхоянск — Иркутск, взять под свое управление всю транссибирскую магистраль до Царицына и Саратова, откуда они подали бы руку помощи казакам-федералистам, оставшимся верными Антанте». Тем временем, как утверждал Брянчанинов, «союзники, опираясь на сильную англо-американскую эскадру, послали бы экспедиционный франко-канадский корпус в Колу и Архангельск, очистив как можно больше северных территорий от большевистских банд и организаций, предавая суду их лидеров за измену родине и продвигаясь предгорьями Урала до соединения с силами, двигающимися по транссибирской железной дороге. Освободив, наконец, Волгу, приступили бы к очищению Кавказа, действуя совместно с англо-индийским усиленным экспедиционным корпусом, наступающим из Месопотамии через Персию..., чтобы оккупировать, с одной стороны, Кавказ, а с другой — русские вла-

[4] «Записка Брянчанинова», стр. 53.
[5] Там же, стр. 32, 33.

дения Центральной Азии». Автор записки далее высказывал предположение о возможности для союзников после захвата Москвы предпринять наступление против немцев силами американцев, японцев, французов и канадцев. Брянчанинов специально призывал к оказанию помощи деньгами и вооружением «казакам» и «добровольцам», а также к направлению в соответствующие антисоветские организации специальных эмиссаров для контроля за расходованием средств и для совместной работы [6].

Приведенный документ ярко вскрывает подлинные цели и намерения определенных кругов русского финансового капитала, которые ради подавления Октябрьской революции были готовы предать национальные интересы страны, расчленить ее и превратить в колонию международного империализма. Как показала история интервенции, западные державы действовали примерно в направлениях, намеченных Брянчаниновым.

В тот период в буржуазно-помещичьем лагере России четко определились две тесно связанные между собой тенденции: с одной стороны, ставка на открытую вооруженную интервенцию западных держав, а с другой — создание сильных подпольных организаций под руководством кадетов, на которых возлагалась задача оказывать всяческое содействие интервентам.

Примерно в марте 1918 г. некоторые торгово-промышленные круги, так называемый Совет общественных деятелей и ЦК кадетской партии, создали в Москве „Правый центр" с целью «объединения несоциалистических элементов страны для борьбы с большевизмом» [7]. Лидерами были известные реакционные главари Гурко, Трубецкой, Струве, Степанов и др. Планы «Правого центра» сводились к организации вооруженного восстания в Москве и установлению единоличной военной диктатуры [8].

В апреле того же года после длительного торга кадетов с соглашательскими партиями на свет появился «Союз возрождения России», к которому вскоре примкнули плехановская группа «Единство», ряд меньшевиков-оборонцев, несколько правых беспартийных деятелей, в том числе видные кооператоры. Эта группировка в основном опиралась на среднюю и мелкую городскую буржуазию, а также на вышедшее из упомянутых слоев офицерство. Программа «Союза» предусматривала в первую очередь ликвидацию Советского правительства, что предполагалось осуществить в «тесном согласии» со странами Антанты [9]. Лидеры организации намечали предпринять «широкое выступление разом в не-

---

[6] Там же, стр. 34, 35.

[7] А. Деникин. Очерки русской смуты, т. III. Берлин, 1924, стр. 74.

[8] В. Гурко. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу.— «Архив русской революции», т. XV, стр. 11.

[9] В. Мякотин. Из недалекого прошлого.— «На чужой стороне», т. II, стр. 181—182.

скольких крупных пунктах и в наиболее удобный момент, каковым и признавался момент появления более или менее серьезной силы из союзных армий» [10].

Одновременно ставилась задача создания «общерусской государственной власти» в виде Директории, состоящей из Авксентьева (эсер), Астрова (кадет), Чайковского (эсер) и генерала Болдырева (беспартийный) [11].

Третьей крупной и наиболее опасной для Советской власти контрреволюционной организацией был «Союз защиты родины и свободы», образованный бывшим эсером-террористом Б. Савинковым, именовавшим себя «независимым социалистом». В него входили главным образом офицеры и представители буржуазного студенчества; среди ее членов были и кадеты, и эсеры, и монархисты, и беспартийные. Руководящие посты в основном занимали монархисты. Генерал Рычков стоял во главе вооруженных сил «Союза», полковник Перхуров был начальником штаба; иногородним отделом ведал плехановец Григорьев, отделом сношений с союзниками — эсер Дикгоф-Диренталь.

Савинков и К° выступали за свержение Советской власти, установление военной диктатуры «во главе с наиболее популярным генералом» [12] и за «продолжение войны с Германией, опираясь на помощь союзников» [13]. К концу мая 1918 г. «Союз» насчитывал в Москве и провинциальных городах до 5500 членов. Заговорщики планировали убить В. И. Ленина и сразу же поднять мятеж в Рыбинске и Ярославле, чтобы «отрезать Москву от Архангельска, где должен был происходить союзный десант» [14].

Между тремя организациями существовали определенные контакты, но единства действий не было, поскольку, несмотря на общность целей, имелись существенные разногласия тактического порядка. «Правый центр» был германофильским, а оба «Союза» твердо придерживались ориентации на Антанту. Савинковцы и «Правый центр» выдвигали лозунг единоличной военной диктатуры, а «Союз возрождения России» выступал за создание Директории. Хотя разногласия и не носили принципиального характера, однако они в некоторой степени затрудняли создание единого антисоветского фронта.

Правящие круги Англии, США и Франции через своих представителей в РСФСР финансировали и контролировали русские реакционные организации. В свою очередь лидеры последних видели в западных державах свою главную опору и надежду. Савинков признавал в показаниях на суде: «Французы знали подробно о всех ресурсах, которыми мы располагали... Деньги французы да-

---

[10] А. Аргунов. Между двумя большевизмами. Париж, 1919, стр. 6.
[11] В. Мякотин. Указ. статья, стр. 193—194.
[12] К. Гоппер. Четыре катастрофы. Воспоминания. Рига, 1920, стр. 17.
[13] «Красная книга ВЧК», т. I. М., 1921, стр. 16.
[14] Б. Савинков. Борьба с большевиками. Варшава, 1920, стр. 30.

вали мне, в мое распоряжение» [15]. Мякотин пишет: «При первом свидании с представителями союзников члены „Союза возрождения России“ получили от них заверение, что они продолжают видеть в России союзницу, временно попавшую в бедственное положение, хотели бы всячески прийти ей на помощь, рады вступить в общение с организацией, объединяющей в себе представителей различных течений русской политической мысли, и просят поддерживать это общение и в будущем». При одной из следующих встреч консулы Антанты спросили, как отнеслось бы население России «к высадке союзниками в русских пределах войск для борьбы с Германией» [16]. Подобная постановка вопроса являлась, конечно, лишь дымовой завесой, поскольку западные державы, как известно, стремились к уничтожению столь ненавистной им Советской власти, а бороться с Германией на нашей земле всерьез не собирались. Заправилы «Союза возрождения России» дали согласие на интервенцию, выдвинув, правда, ряд ничего не значащих оговорок.

О тесных связях «Союза возрождения России» с представителями Антанты, находившимися тогда в Москве, Петрограде и Вологде, свидетельствует и эсер Аргунов. Упомянутые лица, пишет он, «были подробно ознакомлены с задачами „Союза“ и его составом, неоднократно выражали свою готовность всячески ему содействовать». Далее он отмечает, что «Союз» передал империалистам «подробно разработанный проект военной кампании на территории России с участием союзных армий, каковой проект был сообщен за границу» [17]. Действительно, 28 мая 1918 г. американский посол в Италии Пейдж сообщил государственному секретарю Лансингу о получении такого рода антисоветского документа. В ответ Лансинг писал: «Глубоко заинтересован программой „Союза возрождения России“, с которой американское правительство в основном согласно» [18].

В телеграмме от 21 апреля 1918 г. в «Форейн оффис» английский представитель в Москве Локкарт отмечал, что установил контакты со всеми подпольными группами от монархистов до меньшевиков. По его словам, все они, исключая «самых крайних реакционеров», приветствовали бы интервенцию Антанты, если бы она не сводилась только к оккупации Сибири [19]. «Локкарт,— признавал американский историк Р. Уллмэн,— поддерживал либо непосредственно, либо через посредников связи с большинством наиболее крупных антисоветских организаций. Поскольку в мае он потерял надежду, что большевики пригласят интервентов или согласятся

[15] «Дело Бориса Савинкова». М., 1924, стр. 38.

[16] В. Мякотин. Указ. статья, стр. 188, 189.

[17] А. Аргунов. Указ. соч., стр. 6, 7.

[18] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States» (далее — P. R.). 1918, Russia, vol. III. Wash., 1931, p. 175, 188.

[19] R. Ullman. Anglo-Soviet Relations 1917—1921. Intervention and the War, vol. I. Princeton, 1963, p. 11.

на интервенцию, эти контакты усилились. Особенно большое впечатление произвела на него сверхконспиративная организация, состоящая в основном из бывших офицеров под названием «Союз защиты родины и свободы» [20].

В дневнике Масарика имеется следующая любопытная запись, проливающая свет на его переговоры в начале марта 1918 г. с Савинковым: «Имеются организации по городам coup d'état. Будет вести переговоры с Клецандой, Максой. Я — ему, чтобы: а) скупать хлеб, чтобы не достался немцам; б) в случае чего — „хлебный террор"; в) политический террор. Террор: покушение на великого князя Сергея стоило всего лишь 7000 рублей, Плеве — 30 000. Я могу предоставить некоторые финансовые средства Шипу, чтобы Клецанда — 200 000 рублей» [21].

Таким образом, Савинков проинформировал Масарика о наличии в разных городах отделений своей организации, готовящих мятежи, а Масарик поставил задачу: вызвать голод и совершать террористические акты на руководителей правительства РСФСР, для чего отпускались крупные суммы. Учитывая, что лидеры Чехословацкого национального совета фактически находились на службе Антанты, вряд ли они были инициаторами столь чудовищных планов. Скорее всего таковыми были империалисты Запада. В этой связи представляет интерес свидетельство матерого английского разведчика Г. Хилла, который, по его словам, однажды высказал удивление Савинкову относительно того, почему большевики остаются в безопасности от нападений фанатиков. Савинков якобы ответил: «Можно довольно легко убедить фанатиков, что они выполняют божественное предначертание, убивая представителей угнетателей. Но убедить в этом сознательных революционеров труднее» [22].

Важное место в деятельности подпольных организаций занимал вопрос об их внешнеполитической ориентации. Если до Брестского мира все они делали главную ставку на поддержку Антанты, то после его заключения стали предпринимать все более настойчивые попытки получить помощь Германии в борьбе против правительства РСФСР. Среди правых группировок и партий появилось влиятельное германофильское течение. Его представители рассуждали примерно следующим образом: «войска Антанты далеко, и перебросить их в Россию затруднительно, а до немцев рукой подать». С точки зрения германофилов, не имело принципиального значения, какие империалисты помогут ликвидировать Советскую республику. По свидетельству Виноградского, многие члены «Совета общественных деятелей», высказываясь за сближение с Германией,

---

[20] R. Ullman. Anglo Soviet Relations 1917—1921. Intervention and the War. vol. I. p. 189.

[21] «Документы об антинародной и антинациональной политике Масарика», стр. 20.

[22] G. Hill. Go Spyto the Land. L., 1932, p. 195.

повторяли знаменитую фразу Кавура: «Хоть с чёртом связаться» [23]. Один бывший член Государственного совета говорил: «Пусть немцы, освободив нас от большевиков, превратят Россию лет на 50 в германскую провинцию. Какое благодеяние наступит у нас! Они покроют Россию сетью железных дорог и т. д.» [24].

Некоторые реакционные деятели Петрограда, в том числе В. Трепов и барон Б. Нольде, одними из первых завязали связи с германскими представителями. «Об этих переговорах,— пишет В. Гурко,— был осведомлен Московский правый центр, и тут впервые возник вопрос о возможности опираться на германцев в деле свержения большевиков. Вопрос этот вызвал весьма горячие споры и довольно продолжительное время оставался открытым» [25]. Но затем он был решен положительно. «Правый центр» через бывшего обер-прокурора св. Синода Оболенского и приехавшего в Москву Нольде вступил (примерно в апреле — мае 1918 г.) в переговоры с советником германского посольства Ритцлером, которые касались возможностей свержения Советской власти путем оккупации немцами Центральной России и создания дружественного Германии правительства [26].

3 мая 1918 г. Центральный комитет кадетской партии обсуждал свою позицию в отношении переговоров «внепартийных кругов с немцами относительно установления нового, небольшевистского правительства при условии пересмотра Брестского мира». После долгих дебатов было принято следующее решение: «ЦК, оставаясь при прежней ориентации на союзников, считает всякие подобные переговоры с немцами об образовании нового правительства в интересах России нежелательными, не считает возможным оказывать им какое-либо содействие. Вместе с тем ЦК считает недопустимым участие в таких переговорах кого-либо из членов партии». Однако в этом решении признавалось целесообразным произвести предварительную разведку у немцев с целью выяснить их отношение к сохранению единства России, к организации национальной власти и пересмотру Брестского договора [27].

В конце мая того же года на конференции партии кадетов было принято решение о необходимости придерживаться проантантовской ориентации [28]. Решения центральных органов кадетской партии подвели итоги борьбы между фракциями буржуазно-помещичьего лагеря, отражавшими две внешнеполитические ориентации,

---

[23] И. Виноградский. Совет общественных деятелей в Москве 1917—1918 гг.— «На чужой стороне», т. IX, стр. 95.

[24] И. Долгоруков. Национальная политика и партия народной свободы. Ростов-на-Дону, 1919, стр. 8.

[25] В. Гурко. Указ. статья, стр. 15.

[26] «Красная книга ВЧК», т. II. М., 1922, стр. 25.

[27] Государственная библиотека им. В. И. Ленина. Рукописный отдел, ф. А. В. Пешехонова, п. 5, д. 25.

[28] Л. Кроль. За три года. Воспоминания, впечатления и встречи. Владивосток, 1921, стр. 46.

побудили ряд представителей этой партии и некоторых промышленников порвать (в июне 1918 г.) с «Правым центром» и основать новую подпольную организацию под названием «Национальный центр». Эта организация выступала против какого бы то ни было сближения с Германией и за тесный союз с западными державами. Ее лидерами были кадеты Астров, Степанов, Шипов и Щепкин [29].

«Национальный центр» сразу же установил контакты с представителями Антанты. Он ставил своей целью прежде всего свержение Советской власти и восстановление «единой и неделимой России», учреждение единоличной диктатуры с чрезвычайными полномочиями в тесной связи с «Добровольческой армией» и продолжение войны с Германией в контакте с союзниками [30]. Последний пункт, конечно, не имел реального значения, а был своего рода распиской в лояльности державам Антанты.

Члены всех этих крупных контрреволюционных организаций занимались активной вредительской деятельностью в промышленности, инспирировали кулацкие мятежи, совершали диверсии на железнодорожном транспорте, доставали секретные сведения и предпринимали другие антисоветские действия. Так, по указанию «Национального центра» эпес Мельгунов составлял указатель всех членов РКП(б) с обозначением их фамилий, революционных псевдонимов и занимаемых должностей [31].

В рассматриваемый период заметно активизировалась подрывная деятельность и более мелких белогвардейских центров. Группа эсера Филоненко наметила провести крупный террористический акт: отравление синильной кислотой делегатов V съезда Советов. Но благодаря предпринятым ВЧК мерам осуществить это мерзкое преступление не удалось [32]. Другая организация снабжала деньгами и людьми «добровольческую армию». Среди ее членов подвизался американец Бари [33]. Тайная офицерская группа в Петрограде, куда входил капитан 1-го ранга английский агент Чаплин, получила в начале мая 1918 г. задание уничтожать лучшие военные суда Балтийского флота и взрывать мосты на железных дорогах. Чаплину предлагалось организовать пересылку «всех возможных антибольшевистских активных элементов на Мурман для усиления слабых сил союзников» [34].

Одновременно проходила и дипломатическая подготовка интервенции. По свидетельству известного кадета П. Милюкова, весной 1918 г. Англия, Франция и США выработали план смешанной со-

---

[29] С. Котляревский. Национальный центр в Москве.— «На чужой стороне», т. VIII, стр. 133.

[30] «Красная книга ВЧК», т. II, стр. 30, 31.

[31] Там же, стр. 30, 31, 33.

[32] «Белое дело», кн. IV, стр. 207, 208.

[33] «Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии. 1917—1921». М., 1958, стр. 111—112.

[34] «Белое дело», кн. III, стр. 13, 14.

южной интервенции с участием Японии, о чем было сразу же сообщено через французов члену «Правого центра» Трубецкому [35]. 26 апреля Центральный комитет партии кадетов рассмотрел это сообщение и принял следующую резолюцию: «ЦК было доложено, что союзники окончательно решили сделать общий десант пяти держав (Англии, Франции, Италии, Японии и Соединенных Штатов), что вопрос окончательно решен. К ЦК обращен вопрос: „ввиду решения союзников обратиться при вступлении на нашу территорию с воззванием к народам России, какие мысли должны быть в воззвании подчеркнуты"». И далее в резолюции говорится: «ЦК признает необходимым перед лицом состоявшегося заранее решения союзников заявить, что необходимо: а) составление от имени правительств союзных держав возможно торжественного акта о территориальной неприкосновенности и суверенности России; б) чтобы десант был сделан не для оккупации, а для войны на нашей территории, наподобие того, как воюет Англия на территории Франции; чтобы десант был организован при участии сил всех союзников» [36].

Таким образом, основные буржуазно-помещичьи организации твердо высказались за скорейшее развязывание Антантой вооруженной интервенции против Советской России. Не вполне определили свою официальную позицию лишь соглашательские партии, которые хотя и сочувствовали интервенции, но открыто об этом еще не заявляли.

В начале мая 1918 г. в Москве тайно состоялся VIII совет партии эсеров (ПСР), по существу имевший значение съезда. С резкими антисоветскими докладами выступили члены ЦК ПСР Тимофеев, Гендельман и др. Все решения этого контрреволюционного сборища были нацелены на переход к открытой вооруженной борьбе против рабоче-крестьянской власти. В резолюции по международной политике лживо утверждалось, что перед Россией возникла «опасность полной утраты самостоятельности и раздела ее на сферы влияния сильных соседей». В связи с этим подчеркивалось, что подобную опасность можно предотвратить лишь благодаря «немедленной ликвидации большевистской партийной диктатуры и перехода власти в руки правительства, опирающегося на всеобщее избирательное право, которое в войне с Германией сможет принять военную помощь союзников в условиях и формах, не нарушающих ни территориальной неприкосновенности, ни государственного суверенитета России». Для подобного правительства, говорилось также в резолюции, «появление союзников на русской территории будет приемлемо для целей чисто стратегических, но не политических, с согласия России, обусловленного формальными гарантиями

---

[35] П. Милюков. Россия на переломе, т. II. Париж, 1927, стр. 19.

[36] Государственная библиотека им. В. И. Ленина. Рукописный отдел. ф. А. В. Пешехонова, п. 5, д. 24.

о невмешательстве союзной вооруженной силы в разрешение внутренних политических вопросов и обеспечении цельности русской территории» [37].

Весь ход работы съезда убедительно свидетельствовал о решимости эсеров пойти в открытый поход против диктатуры пролетариата, добиваясь ее ликвидации. Одновременно ставилась задача уничтожить Советы и созвать новое Учредительное собрание. В области внешней политики ПСР высказалась за интервенцию Антанты, прикрытую чисто формальными оговорками; резолюция по данному вопросу напоминает решение кадетского ЦК от 26 апреля.

Эсеры взяли твердый курс на разжигание гражданской войны, выступили в качестве поборников вторжения империалистических хищников в нашу страну. В приговоре Верховного трибунала при ВЦИК по делу эсеровских главарей в 1922 г. совершенно справедливо подчеркивается, что VIII совет (съезд) ПСР «оформляет и закрепляет позицию открытой вооруженной борьбы против Советской власти и в то же время выносит ряд намеренно двусмысленных и заведомо лживых политических решений, долженствующих прикрыть подлинную политическую суть этой борьбы в целях обмана как рядовых членов партии, так и тех слоев крестьянства, которые не избавились еще от иллюзий буржуазной демократии» [38].

Решения центрального органа партии эсеров полностью отвечали захватническим устремлениям империалистов Антанты. Не случайно американский консул в Москве Пуль поставил о них немедленно в известность Лансинга, причем в своем донесении он приводил пространные выдержки из внешнеполитической резолюции VIII совета (съезда) ПСР [39].

20 мая 1918 г. в Москве было созвано всероссийское совещание меньшевиков: оно проходило под антисоветскими лозунгами. В основной резолюции совещания не содержалось прямых призывов к интервенции, однако из нее вытекало, что меньшевики, в принципе не возражая против сговора с Антантой, считают целесообразным официально оформить «договор» после ликвидации Советской власти. Осуждать политику интервенции, а тем более призывать к борьбе с ней, меньшевики, конечно, не собирались [40]. Как показали дальнейшие события, они выступали прямыми пособниками иностранных империалистов и белогвардейцев.

Согласно планам западных держав, сигналом к интервенции должен был послужить мятеж чехословацкого корпуса. В подготовке этого мятежа приняли самое активное участие многие

---

[37] С. Пионтковский. Гражданская война в России (1918—1920 гг.). Хрестоматия. М., 1925, стр. 154—155.

[38] «Процесс ПСР. Речи государственных обвинителей». М., 1922, стр. 223.

[39] F. R., vol. I, p. 540, 541.

[40] И. И. Минц. Меньшевики в борьбе против пролетарской диктатуры.— «История пролетариата СССР», сб. 6. М.—Л., 1931, стр. 15.

контрреволюционные организации России и прежде всего эсеры. Последние расширили старые и установили новые тайные связи с представителями Антанты. В обвинительном заключении по делу этой партии говорится следующее: «Член ЦК Иванов подтверждает, что в мае и июне 1918 г. в Петрограде и затем в Москве велись переговоры с союзническими миссиями о возможной помощи союзников в деле восстановления антигерманского фронта, причем член ЦК Тимофеев делал в ЦК сообщения об этих переговорах. Уполномоченный ЦК Ратнер... узнал определенно, как он говорит, что ЦК имеет связь с союзниками через Тимофеева и Гоца, причем конкретно устанавливает факт поездки Гоца в Вологду к союзным представителям и переговоры Тимофеева с французским генералитетом в Москве. Игнатьев показывает, что вопрос о возможности пользоваться иностранными деньгами и вообще помощью союзников обсуждался с принципиальной стороны в ответственных политических кругах и в центральных партийных комитетах и было признано допустимым для отдельных членов партии» [41].

16 мая 1918 г. ЦК ПСР принял решение командировать в Поволжье своего представителя Донского как «главного организатора», а Федоровича, Веденяпина и Буревого — в качестве «организаторов-пропагандистов и руководителей работами поволжских партийных организаций». В помощь Донскому выделялись еще два видных эсера: Моисеенко и Френкель. Кроме того, в Приуральскую область направлялись Иванов и Горштейн, в район Ижевского и Воткинского заводов — Тетеркин, в Вологду и северную область — Рудиев, в Устюг и Котлас — Сорокин [42]. Поволжскому областному комитету эсеров на эту подрывную работу было ассигновано 25 тыс. рублей [43].

Центральный комитет партии эсеров тогда же постановил: «Предложить Н. Д. Авксентьеву поехать в качестве представителя партии с-р в союзные страны или в Сибирь, если первое окажется выполнить невозможным». Перед ним ставились следующие задачи: 1) руководство политической работой эсеровской фракции в Сибирском временном правительстве и содействие планомерной постановке партийной деятельности в Сибири; 2) связь с представителями союзных держав с осведомительной целью и от имени эсеров; 3) руководство внешней политикой Сибирского временного правительства в духе решений VIII совета (съезда) ПСР; 4) руководство внутренней политикой этого правительства, считая «базой организации власти в Сибири основы, на которых было постро-

---

[41] «Документы по истории гражданской войны в СССР», т. I. М., 1941, стр. 198.

[42] Сорокин признал впоследствии, что получил задание «организовать Устюг и Котлас в связи с планировавшимся свержением большевиков в Архангельске» (P. Sorokin. Leaves from a Russian Diary. L., [б. г.], p. 144).

[43] ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 7, л. 1.

ено Демократическое совещание в Петрограде, в частности, допуская приемлемость деловых кандидатур в члены правительства из националистических кругов» [44].

Таким образом, эсеровская верхушка предприняла практические шаги по реализации антисоветских планов, разослав своих эмиссаров в северные и восточные области страны. Особенно показательно, что эсеры стремились к установлению контактов с представителями Антанты и сотрудничеству с оголтелой реакцией.

В процессе подготовки антисоветского мятежа эсеры нашли союзников в лице прежде всего командного состава чехословацкого корпуса. По свидетельству В. Чернова, ЦК ПСР вступил в контакт с чехами, предложив им «сконцентрироваться по возможности в районе Пенза — Челябинск, где они могут рассчитывать на поддержку зреющего сильного народного противобольшевистского движения» [45]. По всей видимости, между ними была заключена тайная антисоветская сделка.

Правые эсеры рассчитывали также опереться на различные буржуазные партии и организации, для чего вступили с ними в секретные переговоры. Толчком к этому послужил демарш французского консула в Самаре Жанно, который в середине мая 1918 г. «обратился весьма конспиративно к местным представителям партий социалистов-революционеров, конституционно-демократической и к буржуазии с предупреждением о необходимости быть готовыми к тому, что Советская власть может оказаться свергнутой и им тогда представится возможным создать новую власть и начать на берегах Волги борьбу с большевизмом» [46]. В Самаре эмиссары ПСР встретились с делегатами поволжской организации кадетов, которым заявили, что мятеж должен проходить под лозунгом Учредительного собрания, ибо за ним «еще недавно шло крестьянство». Кадеты, однако, высказались против созыва Учредительного собрания и не достигли формального соглашения с эсерами.

Советское правительство уделяло много внимания пресечению враждебных замыслов белогвардейщины. Новые ответственные задачи вставали перед ВЧК, которая опиралась прежде всего на широкие трудящиеся массы, на своих многочисленных добровольных помощников. При их содействии был, например, раскрыт, несмотря на тщательную конспирацию, савинковский «Союз защиты родины и свободы». Дело обстояло так. В середине мая 1918 г. одна сестра милосердия сообщила, что ее знакомый юнкер Иванов рассказывал о готовившемся восстании в Москве. Установив за ним наблюдения, сотрудники ВЧК обнаружили, что он часто заходил в дом № 3, кв. 9, по Малому Левшинскому переулку на Арбате,

---

[44] ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 7, л. 3.

[45] В. Чернов. Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк, 1953, стр. 373.

[46] А. Соловейчик. Борьба за возрождение России на Востоке (Поволжье, Урал и Сибирь в 1918 г.). Ростов-на-Дону, 1919, стр. 8.

где собиралось обычно много народа, в основном офицеры. Когда среди них произвели обыск, то нашли программу «Союза», пароль, адреса и другие обличительные материалы. Некоторые видные заговорщики (Пинка, Виленкин и др.) был арестованы. Это уже разрушало планы Савинкова, однако полностью раздавить контрреволюционное гнездо тогда не удалось [47].

В конце мая 1918 г. чекисты напали на след ЦК партии кадетов и арестовали ряд его членов, которые проявили особо злостную антисоветскую активность [48].

Подводя итоги сказанному, отметим, что внутренняя контрреволюция, от кадетов до эсеров и меньшевиков, играла самую активную роль в подготовке открытой интервенции Антанты летом 1918 г. Империалисты Англии, США и Франции проводили в жизнь свои преступные планы через буржуазно-помещичьи круги и соглашателей. Не будь сговора между ними, Советская власть, опирающаяся на большинство населения, одержала бы быстро победу над своими противниками.

Преступная политика реакционного лагеря была актом национального предательства. Бывшие эксплуататоры и их ставленники продали интересы русского народа империалистическим хищникам, надеясь с их помощью подавить Октябрьскую революцию. «Мы всегда говорили,— и революция это подтверждают,— отмечал В. И. Ленин,— что, когда дело доходит до основ экономической власти, власти эксплуататоров, до их собственности, дающей в их распоряжение труд десятков миллионов рабочих и крестьян, дающей возможность наживаться помещикам и капиталистам, — когда, повторяю, дело доходит до частной собственности капиталистов и помещиков, они забывают все свои фразы о любви к отечеству и независимости. Мы прекрасно знаем, что кадеты, правые эсеры и меньшевики по части союза с империалистическими державами, по части заключения грабительских договоров, по части предания родины англо-французскому империализму побили рекорд» [49].

---

[47] «Красная книга ВЧК», т. I, стр. 45.
[48] Л. Кроль. Указ. соч., стр. 47.
[49] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 10.

става, важнейшие вопросы политики Советского правительства и принимали резолюции, в которых выражали свое отношение к Советской власти и пожелания избираемому Совету.

Согласно Конституции, в деревнях и селах (а также местечках, станицах, аулах) в Советы избирался один депутат от 100 жителей.

Для организационного и политического укрепления сельских Советов особенно большое значение имели перевыборы конца 1918 — начала 1919 г., реализовавшие решение VI Всероссийского съезда Советов о ликвидации комбедов. Это была первая массовая избирательная кампания в Советской республике на основе Конституции 1918 г. Переизбирались все сельские и волостные Советы, вновь избирались органы власти там, где они были заменены комбедами. Перевыборы проводились на основе инструкции ВЦИК от 2 декабря 1918 г. «О порядке перевыборов волостных и сельских Советов» [6]. В ней подчеркивалось, что все волостные и сельские Советы должны быть переизбраны повсеместно и в кратчайший срок, к выборам допускались только беднота и среднее крестьянство.

Общее руководство перевыборами возлагалось на ВЦИК, ближайшее руководство — на губернские и уездные исполкомы, непосредственное проведение перевыборов — на комбеды. При этом в инструкции указывалось, что во многих местах кулаки проникают в комбеды, а уездные исполкомы не везде являются надежными по своему классовому составу; поэтому «руководительницей избирательной кампании должна быть губернская советская организация».

Согласно инструкции, создавались избирательные комиссии: губернские — губернскими исполкомами, уездные — уездными исполкомами (либо назначались губернским исполнительным комитетом); волостные — назначались уездной избирательной комиссией, либо образовывались волостными комбедами с включением в их состав представителя уездной избирательной комиссии; сельские — создавались или сельскими комбедами (с включением представителя волостной избирательной комиссии), или назначались волостной избирательной комиссией.

Вышестоящий исполнительный комитет имел право отвода любого члена избирательной комиссии нижестоящего Совета.

Избирательные комиссии отвечали за организацию и проведение выборов в соответствии с положениями Конституции. Согласно инструкции, комбеды сдавали свои дела вновь избранным Советам и прекращали свою деятельность.

С ликвидацией комбедов система Советов в целом была приведена в соответствие с Конституцией, приобрела определенную стройность и единообразие.

---

[6] «Собрание узаконений», 1918, № 86, ст. 901.

Перевыборы волостных и сельских Советов привели к улучшению их классового состава, способствовали росту авторитета среди широких масс трудового крестьянства. Однако распространенное мнение, будто бы в ходе перевыборов волостные и сельские Советы чуть ли не полностью освободились от кулаков, не соответствует действительности. В комбедовский период сила и влияние кулаков были подорваны, но не ликвидированы, что сказывалось во многих местностях на результатах выборов. Об этом есть многочисленные свидетельства, относящиеся к различным уездам многих губерний. В селе Ушаковском Сасовской волости Елатомского уезда Тамбовской губернии на перевыборах в Совет (декабрь 1918 г.) прошли кулаки. Волостной исполком отдал предписание провести новые выборы, но опять в Совет прошли кулаки. На выборах в феврале 1919 г. председателем Войновского сельского Совета Мелеховского уезда Владимирской губернии был избран сын богатого заводчика, не имевший по Конституции избирательных прав. Уездный исполком дал указание Совету переизбрать председателя, но избран был крупный лесопромышленник, который также не имел права быть избранным в Совет[7]. В Семеновской волости Серпуховского уезда Московской губернии во многие сельские Советы прошли кулаки, а в волостной исполком был избран сын кулака, бывший чиновник, состоявший в партии правых эсеров.

4 февраля 1919 г. в газете «Беднота» в разделе «Перевыборы Советов» публиковались сообщения из сел и волостей о ходе перевыборов. В большинстве из них говорилось о благоприятных результатах перевыборов, но было немало сообщений и о том, что кулаки, узнав о ликвидации комбедов, подняли голову и стали проявлять большую активность, чтобы попасть в Советы. Вот сообщения только за один день: в Никологорской волости Вязниковского уезда Владимирской губернии в волостной Совет прошли кулаки. В Станковской волости того же уезда избрано в Советы много кулаков и спекулянтов. В деревне Ососня Козловской волости Вышневолоцкого уезда Тверской губернии в Совет избраны кулаки. Тот же результат в деревне Барсуки Оршанского уезда Могилевской губернии.

Председатели сельских избирательных комиссий Тургеневской волости Ярославского уезда Ярославской губернии на собрании, посвященном подведению итогов перевыборов (середина февраля 1919 г.), сообщали:

«*Серновский район.* Выборы прошли хорошо. В Советы прошли бедняки и середняки...

Головинский район. Выборы прошли гладко, избраны бедняки и средние крестьяне...

Иваньково-Хованский район. Выборы прошли хорошо... Избраны бедные и средние крестьяне...

---

[7] «Беднота», 19 января 1919 г.; ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 22, д. 440, л. 122.

Медягинский район. Выборы прошли хорошо... Несмотря на уловки кулаков, в члены Совета избраны бедняки, большинство которых сочувствует коммунистам.

Наумовский район. Выборы прошли плохо. В президиум Совета товарищем председателя избран кулак... Остальные члены также плохие работники...

Пономаревский район. Выборы прошли также неважно. Секретарем президиума избран бывший урядник.

Шебунинский район. Выборы прошли хорошо.

Яковлевский район. Выборы прошли гладко» [8].

Печать того времени, материалы съездов Советов, доклады и сводки, поступавшие в НКВД, и многие другие документы говорят о том, что кулаки довольно часто проникали в сельские и волостные Советы, несмотря на лишение их прав избирать и быть избранными.

После выборов, состоявшихся в конце 1918 — начале 1919 г., сельские Советы в губерниях и уездах, не подвергавшихся нашествию войск белогвардейцев и интервентов, переизбирались в течение 1919 г. еще 3—4 раза (т. е. в соответствии с Конституцией — через три месяца). Выборы тогда производились не одновременно во всех губерниях. В каждой губернии примерные сроки выборов указывались постановлениями губисполкомов, уездные же исполкомы, учитывая местные условия, устанавливали конкретные даты для волостей.

Готовясь к выборам, сельские Советы составляли списки граждан, имевших право избирать и быть избранными в органы власти. Эти списки утверждались затем сельскими и волостными избирательными комиссиями.

Чрезвычайно важным и интересным является вопрос о численности избирателей, принимавших участие в голосовании. Ответ на этот вопрос в значительной степени характеризует и политическую активность крестьян, в какой мере трудящиеся деревни использовали право избирать свои органы власти.

Состояние источников не позволяет установить численность крестьян, непосредственно участвовавших в выборах сельских Советов по всей стране. Однако в нашем распоряжении имеются документы, дающие возможность определить примерный процент крестьян, использовавших свое право выбирать органы власти; это «Анкеты о выборах в сельские Советы», хранящиеся в ЦГАОР СССР (фонд Наркомата внутренних дел) [9].

---

[8] «Известия Ярославского губернского исполнительного комитета», 1 марта 1919 г.

[9] ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 13, д. 4, лл. 182—253; д. 2, л. 329; д. 53, л. 247; д. 605, лл. 1—695; д. 607, лл. 1—424; д. 608б, лл. 1—421; д. 609, лл. 1—183; д. 610, лл. 1—285; д. 612, лл. 1—708; д. 613, лл. 1—503; д. 614, лл. 1—377; д. 616, лл. 1—409; д. 617, лл. 1—426; д. 618, лл. 1—6; д. 619, лл. 1—11; оп. 11, д. 98, лл. 227—242; оп. 12, д. 36, лл. 1—41; д. 37, лл. 1—82; д. 38, лл. 1—143; д. 40, лл. 1—21.

Происхождение и содержание этих анкет таковы. Статистический отдел НКВД, стремясь получить сведения о ходе выборов в сельские и волостные Советы по стране, разработал и рассылал на места анкеты, содержавшие вопросы о времени выборов, численности, составе (классовом и партийном), образовании, возрасте и т. п. как избирателей, так и избранных ими депутатов сельских и волостных Советов, а также членов исполкомов. После каждых выборов председатели сельских и волостных Советов должны были заполнять эти анкеты и направлять в НКВД.

Однако требование статистического отдела НКВД выполнялось плохо, многие Советы присылали заполненные анкеты не регулярно или вообще не присылали. Дело здесь не в нежелании местных работников выполнять это требование; перегруженные текущей работой, члены сельских Советов и волостных исполкомов часто не имели времени собрать необходимые сведения, обобщить их и ответить на все вопросы, к тому же значительная часть из них была безграмотна. И все же из многих уездов ряда губерний в НКВД поступило немало заполненных анкет. Нами обнаружено около 3 тыс. анкет, но несомненно, что их было значительно больше. К сожалению, эти ценнейшие, можно сказать, уникальные материалы, позволяющие языком статистики показать важную сторону политической жизни деревни той эпохи, не были обобщены и проанализированы сотрудниками НКВД и оказались вне поля зрения историков.

Разумеется, выводы, сделанные на основании 3 тыс. анкет, касающихся только 321 волости, не могут претендовать на абсолютную точность, когда речь идет о всей стране. Однако следует иметь в виду, что по некоторым уездам ряда губерний анкеты дают вполне достаточные для статистики сведения [10]. Сопоставление же данных этих уездов с менее полными сведениями ряда других уездов (всего анкетами представлено 15 губерний) позволяет установить некоторые закономерности участия масс в выборах, характерные как для отдельных районов, так и страны в целом.

Из табл. 1, составленной по данным анкет, видно, что в среднем в выборах сельских Советов принимало участие свыше 40% избирателей. Обращает на себя внимание большое различие в избирательной активности крестьян в разных районах страны: наименьшей она была в Пензенской (29%), Симбирской (30%) и Тамбовской (34%) губерниях; в ряде губерний процент участия крестьян в выборах значительно превышал средний по стране: во

[10] Шенкурский уезд Архангельской губернии — сведения по 20 волостям на выборах в марте — апреле и 25 волостям — в августе — сентябре, Меленковский уезд Владимирской губернии — по 10 волостям, Козельский уезд Калужской губернии — по 12 волостям, Холмский уезд Псковской губернии — по 10 волостям, Петровский уезд Саратовской губернии — по 11 волостям, Шацкий уезд Тамбовской губернии — по 26 волостям, Алатырский и Сенгилеевский уезды Симбирской губернии — по 18 волостям, Буинский уезд той же губернии — по 15 волостям (в уездах было по 25—30 волостей).

Таблица 1

Выборы в сельские Советы в 1919 г.

Губерния, уезд	Время выборов	Имеются данные по волостям	Всего избирателей	Участвовало в выборах		
				всего	мужчин	женщин
Архангельская губерния						
Шенкурский уезд	III — IV	20	15385	8070	4863	3207
Шенкурский »	VIII — IX	25	24316	12192	8129	4063
Владимирская губерния			39701	20262 (51%)	12992 (60,4%)	7270 (39,6%)
Вязниковскийуезд	IV	2	4224	3128	2099	1029
Гороховецкий »	IV, VI	2	5132	2971	2497	474
Владимирский »	IV	2	2685	1004	828	176
Меленковский »	V	10	28351	10262	9033	1229
Муромский »	V	2	2148	1092	602	490
Переславский »	IV	3	13998	10763	5305	5458
Покровский »	IV — VI	4	8908	3871	2563	1308
Юрьевский »	IV	1	1750	958	836	122
Витебская губерния			73196	34049 (46%)	23763 (70%)	10286 (30%)
Витебский уезд	I — II	6	36871	20611	15175	5436
Городокский »	III — IV	3	11426	4918	4482	436
Себежский »	IV	4	11188	9748	4795	4953
Вологодская губерния			59485	35277 (60%)	24452 (70%)	10825 (30%)
Вологодский уезд	IV	1	2031	525 (25,8%)	525 (100%)	—
Воронежская губерния						
Воронежский уезд	VIII, XII	5	21194	8012	7652	360
Нижнедевицкий »	IV, VI	2	6139	2936	2750	186

Таблица 1 (продолжение)

Губерния, уезд	Время выборов	Имеются данные по волостям	Всего избирателей	Участвовало в выборах		
				всего	мужчин	женщин
Вятская губерния			27333	10948 (40%)	10402 (99,5%)	546 (0,5%)
Глазовский уезд	VI	2	9028	6801	3311	3490
Нолинский »	II	2	4084	1795	1716	79
Орловский »	IX, X	2	3807	1559	1037	522
Гомельская губерния			16919	10155 (60%)	6064 (60%)	4091 (40%)
Кохановский уезд	V	1	5720	3600 (63%)	2400 (73%)	600 (17%)
Калужская губерния						
Козельский уезд	XII	12	33900	18486	11483	7003
Перемышльский »	V	2	5203	3889	1936	1953
Курская губерния			39103	22375 (58%)	13419 (60%)	8966 (40%)
Путивльский уезд	VI	1	5516	1151 (20,8%)	1146 (99,6%)	5 (0,4%)
Костромская губерния						
Буйский уезд	V	1	2022	1008	609	399
Галичский »	VII	2	7357	4110	2585	1525
Кологривский »	VII, X	2	2634	2099	1198	901
Московская губерния			12013	7217 (60%)	4292 (59,6%)	2825 (41,4%)
Богородский уезд	I	1	3568	1165	1007	158
Верейский »	XII	1	1653	975	619	356

Таблица 1 (продолжение)

Губерния, уезд	Время выборов	Имеются данные по волостям	Всего избирателей	Участвовало в выборах		
				всего	мужчин	женщин
Орловская губерния			5221	2140 (41%)	1626 (76%)	514 (24%)
Болховский уезд	VI	1	2642	2030	1432	598
Кромской »	III, VI	2	10463	7856	4756	3100
Пензенская губерния			13105	9886 (75%)	6188 (60%)	3698 (40%)
Городищенский уезд	III	1	4638	3135	3000	135
Керенский уезд	XI	1	2312	302	297	6
Краснослободский уезд	XI	2	8883	2354	2317	36
Наровчатский уезд	IV	2	4547	1215	1214	1
Н.-Ломовский уезд	X	2	3372	1091	1089	2
Саранский уезд	XI	2	8300	1235	1235	—
Псковская губерния			32052	9332 (29%)	9152 (98,6%)	180 (1,4%)
Опочецкий уезд	VII	2	10209	4259	3544	715
Островский »	VII	1	5803	2050	1946	64
Торопецкий »	VII	1	2705	589	589	—
Холмский »	VIII	10	31760	16468	11059	5409
Рязанская губерния			50477	23366 (46%)	17178 (73,8%)	6188 (26,2%)
Рязанский уезд	V	2	16067	7282 (45,3%)	5700 (79,6%)	1582 (20,4%)

Таблица 1 (продолжение)

Губерния, уезд	Время выборов	Имеются данные по волостям	Всего избирателей	Участвовало в выборах		
				всего	мужчин	женщин
Саратовская губерния						
Аткарский уезд	VII	1	3780	400	400	—
Петровский »	IV	11	42119	16703	14230	2473
Сердобский »	IV	1	5690	2580	2580	—
			51589	19683 (38%)	17210 (88%)	2473 (12%)
Северо-Двинская губерния						
Устюжский уезд	IV	5	19107	15299 (80%)	11736 (76,6%)	3563 (23,4%)
Тамбовская губерния						
Борисоглебский уезд	IX	1	14225	2326	2140	186
Елатомский уезд	VII, VIII, IX, X, XI	14	39752	17697	12388	5309
Шацкий »	VI — X	26	77000	22960	21355	1605
Кирсановский »	IX	5	21730	11542	10952	590
Тамбовский »	VI — VII	7	34800	11128	8583	2545
Козловский »	VI — VII	11	36760	17582	13817	3765
			214267	83235 (34%)	69235 (83,1%)	14000 (16,9%)
Симбирская губерния						
Алатырский уезд	VI — VII	18	106000	33588	29588	4000
Буинский »	IV, VI	13	84248	23442	21000	2442
Буинский »	XII	15	55504	16540	16005	535
Корсунский »	VIII	1	7262	1172	1172	—
Сенгилеевский »	VI	7	29419	6887	6615	272
Сенгилеевский »	XII	18	66831	20512	19781	731
Симбирский »	VI, VII	13	65812	22204	19785	2419
			410576	124345 (30%)	107946 (86,6%)	6399 (13,4%)

Таблица 1 (окончание)

Губерния, уезд	Время выборов	Имеются данные по волостям	Всего избирателей	Участвовало в выборах		
				всего	мужчин	женщин
Череповецкая губерния						
Тихвинский уезд	II, III	8	22389	13457 (60%)	8840 (65%)	4617 (35%)
Ярославская губерния						
Угличский уезд	VI	1	4600	2500 (54,4%)	2100 (84%)	400 (16%)
Итого . . .		321	1121467	463565 (41,0%)	374535 (80,7%)	89030 (19,3%)

Владимирской губернии — 46, Витебской — 60, Калужской — 58, Вятской — 60, Костромской — 60, а по трем волостям Орловской губернии в выборах участвовало до 75% избирателей.

Данные табл. 1 свидетельствуют о том, что в уездах Центральной России, где крестьяне в большей мере ощущали влияние рабочего класса, их политическая активность на выборах была выше, чем в чисто аграрных районах. Правда, из этого правила были исключения, объясняемые особенностями политической и военной обстановки в ряде районов. Так, в Шенкурском уезде Архангельской губернии в выборах участвовало 50—52% избирателей — значительно больше, чем во многих уездах центральных губерний. И это не случайно: прифронтовой Шенкурский уезд в 1919 г. стал оплотом Советской власти на Севере, партийные организации, советские и военные органы развили там колоссальную энергию по мобилизации масс на отпор врагу; крестьянство уезда, длительное время находившееся под угрозой нашествия врага, активно участвовало в обороне края, его высокая политическая активность проявлялась и в выборах Советов.

Необходимо отметить, что политическая активность крестьян во время выборов была различной не только в разных губерниях, но и в уездах и волостях одной и той же губернии, даже в селах одной волости. В Черкасской волости Кромского уезда Орловской губернии в выборах в конце марта принимало участие 91% избирателей, тогда как в Очкинской волости Орловского уезда той же губернии — 28% (январь 1919 г.). В Тарнянской волости Шенкурского уезда Архангельской губернии в выборах 6 апреля 1919 г.

участвовало 1203 избирателя (100%), а в Смотроковской волости того же уезда — 173 избирателя из 800 (21,6%) [11]. 20 декабря 1919 г. в выборах Бортненского сельского Совета Стреленской волости Козельского уезда Калужской губернии приняло участие 70 избирателей из 100 (70%), а Враковского сельского Совета той же волости — 40 избирателей из 200 (20%) [12]. Такие резкие колебания наблюдались повсюду. Они зависели от ряда условий, в которых находились те или иные села волости: от их продовольственного положения, близости фронта, от действий местных властей, степени влияния кулачества, наличия партийных организаций и их работоспособности, влиятельности и т. д. [13]

В печати того времени можно встретить немало сетований на то, что много избирателей-крестьян не участвует в выборах. Конечно, то, что в выборах участвовало меньше половины сельского взрослого населения, не могло удовлетворить Коммунистическую партию и Советскую власть, стремившихся к привлечению всех трудящихся к активной политической и государственной деятельности. Но нельзя не учитывать особенности этой эпохи: небывалые материальные трудности, острая политическая борьба, непрерывные военные мобилизации, малограмотность и безграмотность крестьян — все это не создавало условий для охвата выборами всего крестьянского населения. В тех условиях участие в выборах 30—50% крестьян, т. е. десятков миллионов человек, было большим достижением Советской власти, советской демократии.

Рассмотрим данные о составе избирателей по полу. Прежде всего обращает на себя внимание исключительно большая неравномерность в соотношении между числом участвовавших в выборах мужчин и женщин. В семи волостях Воронежской губернии, включенных в табл. 1, женщины составляли лишь 0,5% всех принявших участие в выборах избирателей, в Пензенской губернии (10 волостей) — 1,4, Саратовской (13 волостей) — 12, Симбирской (84 волости) — 13,4, Тамбовской (64 волости) — 16,9, а во Владимирской (25 волостей) и Витебской (13 волостей) — 30, Вятской (6 волостей), Калужской (14 волостей), Костромской (5 волостей) — 40—41%. Наблюдается следующая закономерность: в тех местах, где активность крестьян на выборах была ниже, там особенно мал процент женщин, принявших участие в голосовании: в волостях Пензенской губернии на 100 избирателей, участвовавших в выборах, приходилось 1—2 женщины, Саратовской и Тамбовской губерний — на 100 избирателей 12—13 женщин. И, наоборот, в волостях губерний (Владимирской, Костромской, Витеб-

[11] ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 12, д. 36, лл. 32, 34.

[12] Там же, оп. 11, д. 98, лл. 227, 230.

[13] Обращает на себя внимание и такая особенность: в небольших селах, как правило, процент участвовавших в выборах был выше, чем в крупных. Объяснить это можно тем, что в небольших селах было легче созвать на сход все взрослое население.

ской, Калужской), отличавшихся более высокой политической активностью крестьян на выборах, на 100 голосовавших приходилось уже 30—40 женщин. Это — средние показатели. В жизни же дело обстояло сложнее и разнообразнее: немало было случаев, когда женщины в одной деревне активно участвовали в выборах сельского Совета, а в соседней деревне той же волости они вообще не принимали участия. В Устьпаденгской волости Шенкурского уезда из 1050 участвовавших в выборах избирателей женщин было 560, т. е. больше половины, а в соседней Устьюмской волости — из 187 только 32 (10,7%) [14]. Во Враковский сельский Совет (Стрелецкой волости Козельского уезда) избирали одни мужчины, а на выборах соседнего Выползовского сельского Совета той же волости среди избирателей женщины составляли большинство [15]. В целом по всем волостям, учтенным в табл. 1, женщины среди участвовавших в выборах составляли 19,3% (примерно 17% женщин-избирательниц).

Таким образом, процент женщин, участвовавших в выборах, был невысок. Основная масса крестьянок еще не вступила на путь активного участия в политической жизни, не преодолела еще отделявший ее от этого пути барьер, составленный из утвердившихся на протяжении веков домостроевских взглядов и предубеждений.

Однако нельзя не видеть происшедших сдвигов в деле приобщения крестьянок к политической жизни. Ведь в царской России женщины вообще были лишены политических прав. За короткий срок существования Советской власти значительное число крестьянок включилось в государственное строительство.

Обратимся теперь к вопросу о составе депутатов сельских Советов, избиравшихся в 1919 г. Полных данных, которые позволили бы проанализировать в масштабе всей страны состав депутатов по их классовой принадлежности, партийности, образованию, полу, нет и получить не представляется возможным. Но те же анкеты о выборах в сельские Советы, а также отдельные сводки, поступавшие с мест в НКВД, и ряд сообщений печати содержат сведения по многим волостям разных губерний [16].

При всей несомненной ценности и достоверности анкетных сведений среди них встречаются данные, требующие строгой критической проверки. Так, в некоторых анкетах все члены Совета (15—25 человек) значатся коммунистами, хотя в селах не было столь многочисленных партийных организаций, что объясняется прежде всего малограмотностью, неопытностью членов Советов, заполнявших анкеты. В этом нас убеждают записи и ответы на вопросы в ряде анкет. Приведем некоторые из них. В анкете Совета села

---

[14] ЦГАОР СССР. ф. 393, оп. 12, д. 36, лл. 36, 38.
[15] Там же, оп. 11, д. 98, лл. 227, 228.
[16] Там же, оп. 13, д. 611, лл. 129, 130, 131, 133, 139, 191.

Неклюдово Неклюдовской волости на вопрос о партийности членов Совета следует ответ: два большевика и один — партии коммунистов; в анкете Совета села Кульмино Максаковской волости на тот же вопрос дан такой ответ: коммунистов-большевиков два человека и три большевика; в ряде анкет в графе о партийности записано: «сочувствующие Советской власти», «беспартийные — сочувствующие большевикам». Интересный ответ на тот же вопрос мы находим в анкете Кечушевского сельского Совета Керашсурской волости: при проверке нельзя было выяснить «ввиду неимения понятия о партийности». Это служит ответом и на поставленный нами вопрос: не разбираясь в вопросах партийности, некоторые работники сельских Советов, заполняя анкеты, отождествляли сочувствие Советской власти и Коммунистической партии с членством в партии.

В нашем распоряжении имеются сведения о 28 806 депутатах сельских Советов, из которых 13 200 приходилось на Нижегородскую губернию, 5499 — Симбирскую, 2217 — Костромскую, 2143— Тамбовскую, 1577 — Владимирскую, 681 — Псковскую, 546 — Пензенскую, 509 — Калужскую, 473 — Воронежскую, 257 — Вологодскую, 252 — Вятскую, 334 — Орловскую, 379 — Саратовскую, 348 — Череповецкую, 147 — Московскую [17].

Анализ этих данных позволяет сделать следующие выводы. Подавляющее большинство депутатов сельских Советов (94,8%) были беспартийными. Представители мелкобуржуазных партий в сельских Советах насчитывались единицами на целые губернии (из 28 806 депутатов всего 12, т. е. 0,04%); в 1919 г. крестьяне в органы власти их уже не избирали. Правда, в действительности их в Советах было несколько больше, но они проникали туда не под собственным полностью дискредитированным знаменем, а под видом беспартийных.

Коммунистов среди депутатов сельских Советов было 2,8%, а вместе с сочувствующими коммунистам — около 5,2%. Мы наблюдаем на первый взгляд неожиданные явления: во-первых, в волостях центральных промышленных губерний (Владимирской, Костромской, Тверской) процент коммунистов в Советах примерно такой же, как и в других, аграрных, губерниях; во-вторых, в 1919 г. процент коммунистов в сельских Советах не только не повышался, но в ряде случаев, если судить по отдельным данным, даже понизился по сравнению с концом 1918 г. [18]

---

[17] Там же, оп. 11, д. 98; оп. 12, д. 36—38, 40; оп. 13, д. 2, 4, 53, 579, 582, 605, 607, 608б, 609—614, 616, 618, 619; «Бедпота», 2 октября 1919 г.; «Известия Тверского Совета», 22 марта 1919 г.

[18] Вот некоторые сведения об удельном весе коммунистов в сельских Советах ряда губерний осенью 1918 г.: в 48 волостях Петроградской губ. из 1891 депутата сельских Советов коммунистов было 528 (28%) и им сочувствующих — 546 (29%); в 63 волостях Вологодской губернии из 2483 депутатов коммунистов было 833 (33%) и им сочувствующих — 834 (33%);

Конечно, учитывая ограниченность используемых нами статистических данных, можно допустить, что общий процент коммунистов в сельских Советах был несколько выше, однако на основании всей совокупности материалов, касающихся состава и деятельности сельских Советов (в частности, материалов волостных съездов Советов), можно утверждать, что если удельный вес коммунистов и превышал в какой-то степени итог, вытекающий из имеющихся у нас сведений, то не настолько, чтобы изменить общий вывод о том, что сельские Советы, как правило, состояли из беспартийных крестьян и что в 1919 г. процент коммунистов среди депутатов не повышался [19]. Как это согласовать с общеизвестным фактом роста числа коммунистов и влияния их на крестьянские массы в годы гражданской войны?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо хотя бы вкратце осветить состояние сельских партийных организаций в 1919 г.

Во второй половине 1918 г. (в период комбедов) шел бурный рост сельских партийных организаций. По имеющимся сведениям, в конце 1918 г. только в 34 губерниях насчитывалось 7370 сельских партийных ячеек, объединявших свыше 97 тыс. членов партии [20]. В деревнях была создана широкая сеть организаций, сочувствующих коммунистам [21]. И в 1919 г. создавались сельские партийные организации, тысячи крестьян вступали в партию.

По данным Всероссийской переписи членов партии 1922 г., по всей России в 1919 г. было создано 2285 (в 1920 г.— 4868) новых сельских партячеек [22]. Из всех крестьян, вступивших в партию до конца гражданской войны, на 1919 г. приходилось 29,7%, на 1918 г.— 28, на 1920 г.— 36,9% [23]. И все же по сравнению с 1918 г. общее число коммунистов на селе в 1919 г. не увеличивалось, а, наоборот, сокращалось.

Основной причиной этого являлись непрерывные мобилизации, общие и партийные, забиравшие в Красную Армию наиболее активную часть крестьянства, прежде всего коммунистов. В 1920 г.

в 28 волостях Олонецкой губернии из 1553 депутатов коммунистов было 228 (14%) и им сочувствующих — 449 (29%) (ГАОРСС ЛО, ф. 142, оп. 7, д. 136, лл. 37—46).

[19] Ошибочными являются имеющиеся в литературе утверждения о многочисленности коммунистов в сельских Советах в 1919 г. Так, Г. П. Аннин в кн. «Владимирская партийная организация и Советы в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции» (Владимир, 1963) пишет, будто бы осенью 1919 г. «в результате перевыборов волостных и сельских Советов коммунисты получили большинство» (стр. 21).

[20] Л. Н. Ключник, В. И. Николаева. Некоторые статистические сведения о состоянии партийных организаций в 1918 году.— «Вопросы истории КПСС», 1961, № 1, стр. 125.

[21] Организации сочувствующих существовали до декабря 1919 г., когда VIII партийная конференция приняла новый устав РКП(б), вводивший институт кандидатов в члены партии.

[22] «Всероссийская перепись членов РКП(б) 1922 г.», вып. 4. М., 1923, стр. 35.

[23] «РКП(б) в цифрах». М., 1924, стр. 7.

почти половина состава членов Коммунистической партии находилась в рядах Красной Армии. Во многих случаях мобилизации приводили к ликвидации целых партийных организаций, к упадку партийной работы в волостях. В Старицком уезде Тверской губернии до объявления партийной мобилизации весной 1919 г. в некоторых волостях (Страшовской, Луковниковской, Бредовской и др.) насчитывалось до 100—120 членов партии; после мобилизации в волостных ячейках осталось по 8—12 человек [24]. Из восьми партийных организаций Скопинского уезда Рязанской губернии после проведения 50%-ной партийной мобилизации (июнь 1919 г.) осталось только две [25]. В Галицинской волости Саранского уезда Пензенской губернии из 30 членов ячейки остался один, остальные ушли на фронт [26]. В информационных листках (3 и 5 июля 1919 г.) отдела управления Тульского губернского исполнительного комитета читаем: Епифановский уезд — «работа партячеек нарушена уходом многих членов на фронт», Белевский уезд — «деятельность коммунистических ячеек пала ввиду ухода многих членов на фронт» [27].

Чем больше в волости, в деревне было коммунистов, тем больше они их отдавали на фронт. Этим объясняется происшедшая нивелировка в партийном составе сельских Советов промышленных районов, отличавшихся в 1918 г. более высоким процентом коммунистов среди депутатов, и «чисто аграрных» местностей.

Следует также иметь в виду проходившие чистки партии, в результате которых многие партийные организации, в том числе и сельские, уменьшались в количественном составе [28].

Общее число вновь вступивших в партию в 1919 г. крестьян не компенсировало убыль коммунистов на селе: основная масса деревенских коммунистов уходила в армию.

О численности сельских партийных организаций к концу 1919 г. имеются следующие данные отдела по работе в деревне при ЦК РКП(б): 1) по 40 губерниям Советской республики (без Украины,

[24] ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 13, д. 581, л. 31.
[25] Там же, л. 97.
[26] Там же, л. 51; д. 578, л. 127.
[27] Там же, лл. 90, 106.
[28] Значительная часть «липовых», «маргариновых коммунистов» (так нередко называли тех, кто пролезал в партию в расчете на личную выгоду) вычищалась из сельских и волостных ячеек во время партийных мобилизаций. В период комбедов такие «коммунисты» проникали во многие сельские организации. В 1919 г. при объявлении партийных мобилизаций они уходили из партии, членство в которой оказалось делом невыгодным, требовавшим жертв и лишений. Ряд случаев отказа от членства в партии во время партийных мобилизаций был в Кирсановском уезде Тамбовской губернии, Скопинском уезде Рязанской губернии (ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 13, д. 581, лл. 35, 97). В Покровской волости Буйского уезда Костромской губернии в начале мая 1919 г. была распущена партийная ячейка, так как большинство ее членов высказалось против мобилизации. По той же причине ячейка распалась в Горинской волости того же уезда, а в Шушкодомской волости из ячейки вышло 7 человек (там же, д. 578, л. 117).

Сибири, Кавказа и Туркестана) было 7600 деревенских ячеек, которые объединяли 55 тыс. членов РКП(б); 2) в 22 губерниях было 4238 деревенских ячеек с 22 955 членами партии и 7966 сочувствующими коммунистам [29]. Эти цифры свидетельствуют о том, что коммунистов в деревне в 1919 г. было мало. В губерниях РСФСР (без Сибири и Туркестана) было около 10 тыс. волостей, следовательно, в $^1/_3$ волостей вообще не было партийных организаций.

Таблица 2

Число коммунистов в волостях *

Губерния	Учтенные волости	Волости, в которых имелись коммунисты	Коммунисты	Сочувствующие
Владимирская	25	16	110	13
Вятская	6	4	28	—
Калужская	15	7	74	10
Костромская	5	2	112	—
Орловская	2	2	18	—
Пензенская	10	7	126	—
Псковская	17	8	65	—
Рязанская	2	2	27	—
Саратовская	13	10	182	35
Северо-Двинская . . .	5	3	55	—
Симбирская	84	48	361	101**
Тамбовская	71	52	427	48
Итого	255	161	1585	207

* ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 13, д. 613, лл. 18, 20, 24, 26, 34—42, 58—60, 66 и др.

** В анкетах значатся 4183 сочувствующих. Нами не учтены анкеты, в которых «сочувствующими» числится все избиратели: в одной анкете — 1250 человек, в другой — 1619, в третьей — 565 и т. д. Видимо, председатели Советов, заполнявшие эти анкеты, отождествляли сочувствие крестьян Советской власти и коммунистам с членством в организации сочувствующих.

Интересные сведения о численности коммунистов в сельских местностях дают «Анкеты о выборах в сельские и волостные Советы». В них имеются данные о партийности избирателей, иными словами, о количестве коммунистов и представителей других партий в деревнях и волостях.

Таким образом, и данные табл. 2 подтверждают вывод о том, что в $^1/_3$ волостей вообще не было партийных организаций [30], а во

[29] «Девятый съезд РКП(б). Март — апрель 1920 года. Протоколы». М., 1960, стр. 520, 521.

[30] В книге В. Л. Игнатьева «О политике партии по отношению к крестьянству в первые годы Советской власти» (М., 1948, стр. 84) приведены сле

многих волостях если они и были, то насчитывали очень небольшое число членов партии (в среднем менее 10 коммунистов на волость). Отсюда понятно, почему так мало коммунистов было в составе депутатов сельских Советов.

Из анкет видно также, что депутатами сельских Советов избирались почти одни мужчины: из 13 884 депутатов, о которых имеются сведения, было лишь 25 женщин (0,2%). Наконец, анкеты говорят о чрезвычайно низком образовательном уровне депутатов сельских Советов: со средним образованием был лишь 1%, основная масса членов Советов имела низшее образование (68,3%), примерно $^1/_3$ депутатов вообще не училась в школе; это были безграмотные или малограмотные крестьяне.

Каков был социальный состав депутатов сельских Советов? На этот вопрос анкеты точного ответа не дают. Как правило, в них отмечается лишь, что депутаты являются крестьянами, редко — рабочими. В очень небольшом числе анкет указывается принадлежность депутатов к середнякам или бедноте; обычно их примерно одинаковое число. О таком же соотношении между беднотой и середняками в сельских Советах свидетельствуют и другие данные. Так, в Нижегородской губернии в августе — сентябре 1919 г. в сельские Советы были избраны 6301 середняк и 6298 бедняков [31].

Поворот середняков в сторону Советской власти, укреплявшийся союз с пролетариатом, отразился и на социальном составе сельских Советов — в основном они состояли из бедняков и середняков.

Нельзя, однако, не учитывать, что официальные сведения, говорящие о том, что сельские Советы состояли из бедняков и середняков, не передают всей сложности и противоречивости обстановки в деревне, отражавшихся на составе Советов. Как уже указывалось, депутатами Советов в 1919—1920 гг. нередко избирались и кулаки; между тем в официальных сводках, отчетах и других материалах это не получало отражения: ведь формально кулаки не имели права избирать и быть избранными. Будучи избранными, кулаки, естественно, в документах фигурировали в качестве середняков. Избрание кулаков в Советы объясняется рядом причин: несознательностью многих крестьян, влиянием на них кулаков, боязнью, что исполнение депутатских обязанностей отвлечет от хозяйственных дел [32] и т. п.

дующие данные: в Ярославской губернии партийные ячейки имелись в 75% волостей, в Псковской — 80%, а в Вологодской на 168 волостей приходилось только 18 волостных и 20 районных (в район объединялось несколько сел) партийных организаций.

[31] «Беднота», 2 октября 1919 г.

[32] Были случаи, когда крестьяне вопреки Конституции избирали Советы путем жеребьевки на общекрестьянском сходе (например, в Троицко-Дубровской волости Козловского уезда Тамбовской губернии в июле 1919 г.) (ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 13, д. 581, л. 146). Это также открывало кулакам двери в Советы.

Проникая в сельские Советы, кулаки стремились парализовать их работу, подчинить своему влиянию. Однако состав и деятельность сельских Советов характеризуют не эти факты. В целом сельские Советы состояли из трудящихся крестьян, претворявших в жизнь политику Коммунистической партии и Советского правительства. Хотя коммунистов в сельских Советах было мало, влияние и руководство Коммунистической партии в этих органах власти были безраздельными.

* * *

На VII Всероссийском съезде Советов в декабре 1919 г. В. И. Ленин с гордостью за Советскую республику говорил: «...В такое трудное время, как время войны, когда действие европейских конституций, веками установленных, вошедших в привычку западноевропейского человека, почти целиком было приостановлено, в это время Советская конституция в смысле участия народных масс в управлении и самостоятельном разрешении дел управления на съездах и в Советах и на перевыборах применялась на местах в таких размерах, как нигде в мире» [33].

Приведенные нами сведения дают конкретное представление о такой форме (одной из многих) участия крестьянских масс в государственном управлении, как выборы в сельские Советы. Эти данные языком цифр убедительно подтверждают, что и в годы гражданской войны, когда условия для проявления всех преимуществ советской демократии были крайне неблагоприятны, сами трудящиеся крестьяне выбирали свои органы власти, через сельские Советы неуклонно шел процесс приобщения сотен тысяч тружеников деревни к управлению государственными делами.

---

[33] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 419—420.

К ВОПРОСУ О НАЧАЛЬНОМ ПЕРИОДЕ СТРОИТЕЛЬСТВА КРАСНОЙ АРМИИ

★

А. П. НЕНАРОКОВ

В нашей литературе имеется немало работ, раскрывающих историю начального периода строительства Красной Армии Пожалуй, не меньшее число их посвящено и Восточному фронту 1918 г. Характерным является то, что до сих пор не было сделано попыток объединить эти темы, т. е. исследовать ту особую роль, которую сыграл в теоретическом и практическом решении военного вопроса Восточный фронт. Это есть результат упрощенной характеристики начального периода истории нашей армии и широко распространенной недооценки трудностей, связанных с разработкой основных принципов строительства вооруженных сил нового типа, с определением способов и форм этого строительства, обобщением творчества самих масс.

Уже отвергнута имевшая место в 40—50-е годы точка зрения, будто В. И. Ленин и Коммунистическая партия приступили к созданию регулярной кадровой армии в первые же дни Советской власти, но по-прежнему в ряде работ добровольческий период трактуется как заранее запланированный период подготовки к введению в стране всеобщей воинской повинности для трудящихся. Так, И. М. Волков, весьма обстоятельно критикующий утверждение, будто партия сразу же после завоевания власти пролетариатом начала строить новую кадровую военную организацию, характеризует комплектование армии на основе добровольчества как «вынужденный метод, *за время которого подготовлялись условия для обязательного призыва* в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию» [1]. Поскольку при этом автор нигде не оговаривает, что он не

[1] И. М. Волков. О некоторых вопросах истории начального периода строительства Советских Вооруженных Сил.— «Военно-исторический журнал», 1959, № 2, стр. 97.

считает эту подготовку результатом заранее обдуманного плана, то все мероприятия от января до создания массовой регулярной армии летом 1918 г. предстают как звенья единого плана, который выработала партия к январю и лишь совершенствовала в последующие месяцы. Это далеко не верно ориентирует исследователей истории строительства нашей армии в первый год пролетарской диктатуры.

Внимательный анализ «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и декретов Совнаркома об организации армии и флота не позволяет считать их законодательным выражением идеи создания массовой регулярной армии[2]. И Декларация, декретировавшая «вооружение трудящихся, образование социалистической красной армии рабочих и крестьян»[3], и Декрет о Рабоче-Крестьянской Красной Армии, закрепляющий вывод о необходимости создания новой постоянной армии — оплота Советской власти[4] — не содержат в этом отношении никаких указаний. Утверждая классовый характер необходимой для защиты революции постоянной вооруженной силы, идя по пути добровольчества в ее комплектовании, оба эти документа не были «завершением подготовительной работы Коммунистической партии и Советского правительства по организации еще невиданной в истории армии нового типа»[5], а были лишь ее началом.

Более близко к истине мнение, высказанное в ряде работ, будто идея перехода к обязательной воинской службе была закреплена решениями VII съезда РКП(б), якобы давшего директиву подготовить необходимые для этого условия. Но и здесь явно игнорировалось, что первейшей и основной задачей трудящихся Советской страны съезд считал «повышение самодисциплины рабочих и крестьян России..., создание везде и повсюду строжайше связанных и единой волей скрепленных организаций масс»[6]. В сочетании с указанием на необходимость организации всеобщего обучения взрослого населения (без различия пола) военным знаниям и военным операциям проясняется окончательно, что речь здесь идет о милиционной армии, и говорить о директивной подготовке перехода к массовым мобилизациям нельзя.

Отмечая, что принцип добровольчества был единственно возможным в тех условиях методом комплектования армии, его нель-

---

[2] П. П. Шатагин. Организация и строительство Советской Армии в 1918—1920 гг. М., 1954, стр. 31; И. М. Волков. Указ. статья, стр. 97; «КПСС и строительство Вооруженных Сил СССР (1918 — июнь 1941)». М., 1959, стр. 48; «Боевой путь Советских Вооруженных Сил». М., 1960, стр. 37.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 222.

[4] «КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза». Сб. документов. 1917—1958. М., 1958, стр. 5, 6.

[5] П. П. Шатагин. Указ. соч., стр. 31.

[6] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1. М., 1954, стр. 404—405.

зя представить как заранее спланированную временную меру для перехода к всеобщей воинской повинности [7], т. е. тем, чем это оказалось в действительности. Нельзя забывать, что добровольческая армия, по взглядам того времени, должна была послужить «фундаментом для замены постоянной армии всенародным вооружением в ближайшем будущем» [8].

К выводу о необходимости перехода от добровольческой армии — фундамента милиционной системы ближайшего будущего — к массовой регулярной армии, которая явилась бы в этом ближайшем будущем фундаментом кадровой системы организации вооруженных сил, партия пришла не сразу. Но и приняв решение о создании массовой регулярной армии, отбрасывая на ближайший исторический период образование всенародной милиции, партия во всех программных документах — в программе РКП(б), принятой на VIII съезде партии, в резолюции VIII съезда по военному вопросу, в решениях IX, X, XI съездов — не отказывалась совсем от милиционной системы строительства вооруженных сил.

Весьма интересный и доказательный в этом отношении материал дает монография С. М. Кляцкина [9]. В ней впервые строительство постоянной регулярной армии рассматривается параллельно с попытками милиционного строительства. Эта новая и очень удачная трактовка не только дает возможность полностью раскрыть, как в поисках, срывах, успехах, а иногда провалах рождалась военная организация первого в мире рабоче-крестьянского государства, но и убеждает, что в конечном счете партия и массовую регулярную армию считала лишь переходной формой к этой системе. И хотя фактический ход развития нашей армии находился как бы в противоречии с этим, и хотя мы вынуждены были делать шаг за шагом на пути, казалось бы, далеком от милиционной системы, Коммунистическая партия подчеркивала, что «эти противоречия не были случайными блужданиями, а вытекали из обстановки и представляли собой совершенно неизбежные переходные формы в деле создания армии» [10], диктуемые конкретно-историческими условиями.

«Как на второй день после Октябрьской революции мы оказались вынужденными прибегнуть к добровольческим формированиям, так на следующем этапе, именно летом прошлого года,— отмечалось в резолюции VIII съезда по военному вопросу,— когда кольцо империализма особенно тесно сжалось вокруг Советской России, мы оказались вынужденными форсировать нашу военную

---

[7] Н. И. Шатагин. Указ. соч., стр. 33, 34; И. М. Волков. Указ. статья, стр. 97; «КПСС и строительство Вооруженных Сил», стр. 50; «Боевой путь Советских Вооруженных Сил», стр. 37.

[8] «КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза», стр. 5.

[9] С. М. Кляцкин. На защите Октября (Организация постоянной регулярной армии и милиционное строительство в Советской республике. 1917—1920 гг.). М., 1965.

[10] «КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза», стр. 52—53.

работу и, не дожидаясь милиционных, т. е. внеказарменных, формирований территориального типа, прибегнуть к принудительной повсеместной мобилизации определенных возрастов и к их ускоренному обучению и сплочению в казармах» [11].

Резолюция VIII съезда партии, как видим, характеризуя и добровольческую и массовую регулярную армии как армии переходного типа, прямо указывает, что оба эти типа были вынуждены, неизбежны, являлись результатом всесторонней оценки событий, обстоятельств. Следуя этим указаниям, академик И. И. Минц, в отличие от сложившейся в литературе неверной характеристики начального этапа строительства Советских Вооруженных Сил, в очерках по истории Красной Армии трактовал добровольческий период как неизбежный [12], но не представлял его в виде планового, который предшествовал созданию новой регулярной армии. Все это вместе подтверждает наш вывод о том, что нельзя говорить о наличии у партии к январю 1918 г. четко выработанных основ военного строительства, нельзя представлять мероприятия всего периода от января 1918 г. до V съезда Советов как звенья широко разработанного единого плана. Совмещение планомерности в объективном процессе с понятием заранее обдуманного плана лишь обедняет, упрощает всю историю начального этапа строительства вооруженных сил и является самым уязвимым местом в попытках наметить ее периодизацию. Например, Н. Н. Шатагин намечает три этапа. Первый этап (январь — май 1918 г.) — начало организации Советской Армии и ее строительство на принципах добровольного вступления в ее ряды наиболее сознательных трудящихся. На этом этапе, по мнению автора, были проведены «необходимые мероприятия, подготовившие переход к комплектованию Советской Армии на основе всеобщей военной повинности» [13]. Второй этап (июнь 1918 г.— март 1919 г.) — борьба за массовую регулярную армию. Третий этап (апрель 1919 г.— конец 1920 г.) — завершение строительства мощной регулярной армии [14].

Здесь наиболее ярко выступает упрощенная характеристика первого этапа военного строительства, по которой мы лишь временно,— ибо «развертывать сразу многомиллионную армию на основе воинской повинности невозможно» [15],— мирились с добровольческим принципом строительства вооруженных сил, деятельно подготовляя переход к массовым мобилизациям, завершив выработку форм армейского строительства уже к январю 1918 г. Недаром рецензенты Н. И. Шатагина (Б. Тельпуховский и А. Алексашко), рассматривая этапы вводимой им периодизации, совершенно

[11] «КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза», стр. 54.

[12] И. И. Минц. Очерки по истории Советской Армии.— «Пропагандист и агитатор», 1947, № 19, стр. 57.

[13] Н. И. Шатагин. Указ. соч., стр. 64.

[14] Там же, стр. 20.

[15] Н. И. Шатагин, И. П. Прусанов. Советская армия — армия нового типа. М., 1957, стр. 17.

упускают данную им характеристику первого этапа как этапа подготовки условий для строительства регулярной армии на основе всеобщей воинской повинности, называя его просто этапом строительства армии на добровольческих началах [16].

Несколько иную схему дает в своей работе «Гражданская война и среднее крестьянство» А. С. Умнов: первый этап (январь — май 1918 г.) — упрочение Советской власти, проведение аграрных преобразований в деревне, создание добровольческой армии; второй этап (лето 1918 г.) — развитие социалистической революции в деревне, раскол крестьянства, организация бедноты, начало строительства регулярной армии на основе воинской повинности; третий этап (осень 1918 г.— март 1919 г.) — поворот среднего крестьянства на сторону Советской власти, превращение Красной Армии в массовую регулярную армию; четвертый этап (апрель 1919 г.— 1920 г.) — установление прочного союза с середняком, привлечение его к вооруженной борьбе за Советскую власть, завершение строительства многомиллионной регулярной армии [17].

Здесь явно положительным является то, что периодизация отражает расширение классовой базы комплектования Красной Армии по мере привлечения на сторону Советской власти все более широких слоев трудового крестьянства. При этом создание добровольческой армии не трактуется ни как создание иррегулярной армии, что было бы неверным, ни как подготовка массовых мобилизаций, что также неверно, а предстает как одна из форм военного строительства, обусловленная временем и обстановкой.

Своеобразную периодизацию военного строительства дает в своей монографии С. М. Кляцкин. Она намечена самой структурой его работы: Часть первая. Начало организации военной защиты Советской республики и строительства ее вооруженных сил. Октябрь 1917 — март 1918 г. Часть вторая. Формирование и стратегическое развертывание Советских Вооруженных Сил. Март — декабрь 1918 г. Часть третья. Укрепление и развитие советской военной организации. Декабрь 1918 г.— декабрь 1920 г. Он характеризует эти периоды следующим образом: первый — период слома старой армии, начало поиска форм военной организации и рождения Красной Армии; второй — период закладки фундамента советской военной организации; третий — период создания могучей военной организации.

Слабым местом этой периодизации является то, что в ней не выделен момент, когда Советское правительство в связи со срывом мирной передышки и развитием гражданской войны и интервенции вынуждено было отказаться от добровольческого принципа и перейти к принципу обязательной военной службы трудящихся. В самой работе этот недостаток отсутствует: Кляцкин неоднократ-

[16] «Пропагандист и агитатор», 1955, № 6; «Вопросы истории», 1955, № 17.

[17] А. С. Умнов. Гражданская война и среднее крестьянство (1918 — 1920). М., 1959, стр. 147.

но подчеркивает ту особую роль, которую сыграло развертывание интервенции и гражданской войны в утверждении новых форм военного строительства, подчеркивает и особую роль в этом процессе Восточного фронта, и можно только пожалеть, что он не счел возможным отразить это в своей периодизации. Пока и здесь первый этап требует иных хронологических рамок. Как представляется, он должен охватывать почти полугодовой период — с октября 1917 г. до июля 1918 г. Именно в это время партия, придя, как свидетельствует декрет от 15 января, к убеждению в необходимости постоянной вооруженной силы для защиты революции, разрабатывала теоретические основы военного строительства, проверяя их на практике, отметая все старое, поддерживая новое, что рождало творчество впервые разбуженных к активной политической деятельности масс. В этом случае и формирование отрядов Красной гвардии, и создание добровольческой армии, и переход к массовой регулярной армии встают как вехи поисков. Еще раз подчеркнем — не случайных блужданий, а *поисков* от опыта к опыту, проба: «...каким путем при данной обстановке может быть решена задача. А задача стояла ясно. Без вооруженной защиты социалистической республики мы существовать не могли» [18]. Весь этот период в строительстве Красной Армии следует характеризовать как период *поисков решений отправных, узловых моментов, определивших способы комплектования и организационные формы Вооруженных Сил социалистического государства.*

Если начальная дата этого периода не вызывает никаких сомнений, то, как мы уже видели, дата, завершающая хронологические рамки данного этапа, у разных авторов различна. Почему таковой, по нашему мнению, следовало бы считать июль 1918 г.? Да потому, что именно в июле этого года на V съезде Советов было официально закреплено решение о создании массовой регулярной армии. Таким образом, только к июлю было решено, каким путем может быть решена задача военного строительства, и не последнюю роль в выборе этого пути сыграли начало открытой иностранной интервенции весной 1918 г. и образование Восточного фронта, что ясно подчеркивается только при таком определении хронологических рамок первого периода.

Примерно такую же периодизацию строительства Красной Армии и оценку роли Восточного фронта можно встретить в публицистических статьях виднейших партийных, государственных и военных деятелей Советского государства и работах исследователей 20-х — начала 30-х годов. А. С. Бубнов в 1925 г., указывая, что фундамент нашей армии был создан в первый год существования власти Советов, отмечал, что анализ его даст возможность увидеть, как «страна постепенно переходила не только к сознанию необходимости создания вооруженной силы, но и к практическому

---

[18] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 138.

созданию Рабоче-Крестьянской Красной Армии»[19]. Такую же оценку тому периоду дают С. И. Гусев, М. В. Фрунзе, Н. И. Подвойский, А. Ф. Мясников (кстати, то, как двое последних пришли к убеждению в необходимости массовой регулярной армии и какую роль сыграло в этом образование Восточного фронта, само по себе служит доказательством необходимости объединить исследование начального периода строительства армии с исследованием событий Восточного фронта 1918 г.). Работы Р. Берзина, Н. Какурина, А. Анишева, Б. Таля[20] и других историков были построены так, чтобы раскрыть все те основные моменты, через которые партия пришла к твердому убеждению неизбежности создания массовой регулярной армии. Главное место в этом отводилось богатейшему опыту, приобретенному в мае — июне на Восточном фронте. Только обобщив его, подчеркивал А. Анишев, партия провела на V съезде Советов решения, показавшие, что «партия на путь создания регулярной армии стала» и этими решениями «создавала условия, при которых начинающийся перелом в крестьянстве в военном отношении мог выливаться в уже готовые формы и охватываться организованными кадрами»[21].

Оговоримся сразу, что Анишев, как и Умнов, говоря о переходе к регулярной армии, вовсе не оценивает добровольческую армию как армию иррегулярную. В исторической и военной литературе бок о бок бытует двоякая трактовка понятия «регулярная армия», к сожалению, редко различаемая. В широком смысле слова регулярная армия означает постоянную армию, имеющую определенную регулярную, на каких-то правилах (regula) построенную организацию. Под это понятие (и в этом сходятся все военные историки) подпадают и постоянные наемные армии в древние и средние века, комплектуемые вербовкой, и многомиллионные армии кадровой системы позднего времени. В узком смысле, наиболее часто употребляемом, под регулярной армией имеют в виду армию, комплектуемую регулярными наборами военнообязанного населения[22]. Только в этом узком смысле и Анишев, и Умнов, и другие говорят о строительстве регулярной армии с лета 1918 г., ибо и добровольческая армия была таковой. Именно в этом смысле один из виднейших организаторов нашей армии, С. И. Гусев, в 1921 г.[23] писал:

---

[19] А. С. Бубнов. О Красной Армии. М., 1958, стр. 119.

[20] Р. П. Берзин. Этапы в строительстве Красной Армии. Харьков, 1920; Н. Е. Какурин. Как сражалась революция, т. 1—2. М.—Л., 1925—1926; А. Анишев. Очерки истории гражданской войны. Л., 1925; Б. Таль. История Красной Армии, изд. 4-е. М.—Л., 1928.

[21] А. Анишев. Указ. соч., стр. 147, 148.

[22] Именно с этой точки зрения И. И. Шатагин, опровергая мнение об иррегулярности добровольческой армии, утверждает вместе с тем, что она не являлась еще регулярной, хотя и создавалась как постоянное войско (указ. соч., стр. 66—67).

[23] И. М. Волков неверно датирует время написания статьи С. И. Гусева 1925 годом («Военно-исторический журнал», 1959, № 2, стр. 94).

«В России понадобилось несколько месяцев для того, чтобы Коммунистическая партия пришла к выводу о необходимости регулярной армии»[24], подчеркивая тем самым, что только обстановка заставила партию встать на путь массовых мобилизаций.

Приняв во внимание все вышеизложенное, нетрудно понять ленинские указания на особую трудность решения военного вопроса, ибо вопрос о вооруженных силах социалистического государства «...был совершенно новый, он совершенно не ставился даже теоретически... Мы брались за дело, за которое никто в мире в такой широте еще не брался»[25]. Ленинские статьи, заметки и выступления являются ключом, без которого невозможно разобраться в сложном клубке событий 1918 г., невозможно выделить главное, невозможно понять, как ковалась победа, какими путями мы шли к ней.

Новые формы военного строительства разрабатывались и внедрялись в самое суровое время, когда, по определению В. И. Ленина, весь вопрос о существовании Российской социалистической революции свелся к вопросу военному[26]. В опубликованной по постановлению Центрального Комитета партии 28 апреля 1918 г. статье «Очередные задачи Советской власти» В. И. Ленин подчеркивал, что «...благодаря достигнутому миру,— несмотря на всю его тягостность и всю его непрочность,— Российская Советская республика получает возможность на известное время сосредоточить свои силы на важнейшей и труднейшей стороне социалистической революции, именно — на задаче организационной»[27]. Эта организационная задача охватывала все стороны жизни молодой республики, в том числе и военную. Именно непрочность мира, начало открытой интервенции империалистов диктовали настоятельную необходимость организации новой армии, плоть от плоти народной и по составу, и по целям, и по задачам борьбы, которая не только могла бы отстоять завоевания социалистической революции, но и способствовать ее успешному завершению.

Начало созданию постоянной армии было положено декретом от 15 января 1918 г., которым Совнарком объявил об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии как армии классовой, армии диктатуры пролетариата. По этому декрету она комплектовалась на добровольческих началах из лиц, не пользующихся чужим трудом. Одновременно с принятием этого декрета Советское правительство приняло и другой — о создании Всероссийской коллегии по организации и управлению Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

---

[24] С. И. Гусев. Гражданская война и Красная Армия. М., 1958, стр. 77; С. И. Вегцов. От Красной гвардии к вооружению народа. М.—Л., 1927, стр. 13; М. Король. Как строилась Красная Армия. М.—Л., 1929, стр. 22 и др.

[25] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 137, 138.

[26] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 14, 15.

[27] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 167.

Постоянная армия, даже строящаяся на добровольческой основе, должна была иметь определенную централизованную организацию. Добровольческий принцип формирования не исключает четких институтов военного управления. И те шаги, которые партия и правительство предприняли уже с октября 1917 г., были действительно направлены не только на слом старого Центрального и местных военных аппаратов, но и на строительство нового. Среди них можно отметить меры по демократизации старой армии, общеармейский съезд по демобилизации, совещание военных работников 25 марта в Кремле с участием В. И. Ленина, декреты ВЦИК от 8 апреля о создании военных комиссариатов на местах, от 22 апреля — об обязательном обучении военному делу, от 26 апреля — об установлении шестимесячного срока службы для добровольцев, от 29 апреля — об отмене выборности командного состава и т. д. К этому следует добавить само создание Народного комиссариата по военным делам, а позже и создание Высшего Военного Совета, Всероссийского главного штаба, Всероссийского бюро военных комиссаров, Высшей военной инспекции и ряда других военных учреждений.

Однако, несмотря на последовательность проведенных мер, их планомерность в объективном процессе, мы никак не можем утверждать, что это было заранее намеченной подготовкой необходимых предпосылок для перехода от добровольческой армии ко всеобщей воинской повинности. Остановимся лишь на одном моменте.

Организация массовой регулярной армии и руководство ею требуют достаточно четкого аппарата военного управления. Но «строительство Красной Армии и командование ее в эту пору,— по словам П. П. Подвойского,— еще не имели цельности и раздваивались» [28]. Развивая свою мысль, он писал, что военные руководители Высшего Военного Совета держались в основном союзнической ориентации и ставили своей задачей оборону страны от немецкого наступления. Борьба с контрреволюцией рассматривалась как внутренняя и не касающаяся Высшего Военного Совета. Эту задачу целиком решил Наркомвоен как в смысле строительства, так и в смысле руководства и разрешения «командного» вопроса. Для этого в комиссариате и был учрежден специальный оперативный отдел. Таким образом, получалось военное двоецентрие, которое даже позже, уже при отчетливо стоявшей задаче создания массовой регулярной армии, никак не способствовало ее решению. Планомерная подготовка, несомненно, предполагала бы какие-либо действенные меры прежде всего в направлении ликвидации военного двоецентрия. Но этого не было, да и не могло быть, ибо никакой подготовки необходимых предпосылок для перехода ко всеобщей воинской повинности не было заранее запланировано. Конец этому двоецентрию положили дальнейшее развертывание интервенции,

[28] ЦГАСА, ф. 10, оп. 1, д. 110, л. 5.

выступление чехословацкого корпуса, потребовавшие активизации всей деятельности по военному строительству. События тех дней сыграли роль катализатора в решении всех вопросов военного строительства. Именно они дали тот богатейший опыт, который был суммирован и обобщен решениями V съезда Советов по военному вопросу.

В связи с этим весьма важно точно и правильно определить время возникновения Восточного фронта. Если в работах 20—30-х годов такие историки, как А. Аншлев, Н. Какурин, И. Минц, совершенно правильно датировали фронтовое образование концом мая 1918 г., то в последующих исследованиях оно было отнесено к середине июня. Во всех работах, в том числе и в работах, написанных после того, как была вновь восстановлена истинная роль Восточного фронта летом 1918 г. (исключение составляют статья П. Г. Софинова «Чехословацкий мятеж» [29] и уже указанная выше монография С. М. Кляцкина), образование фронта все еще датируется июнем [30]. При этом без серьезного разбора остается сложная обстановка конца мая и первых чисел июня, когда не все еще должным образом представляли размах боевых действий и опасность, которую нес молодой республике новый фронт.

Без серьезного анализа остаются в этом случае и деятельность партийных и советских организаций по мобилизации всех сил и средств для борьбы, кипучая организационная работа первых руководителей действующих частей (Н. И. Подвойского, А. Ф. Мясникова, Р. И. Берзина, И. М. Малышева, М. С. Кадомцева, В. П. Пеньевского и др.), их энергичные меры по созданию первых централизованных воинских соединений, еще сохранявших многие черты партизанщины и кустарничества, но привлекавших новую массу рабочих — ядро будущей массовой регулярной армии.

Как ни странно, это не нашло совсем никакого отражения даже в таких специальных исследованиях, как кандидатские диссертации Н. Г. Малыхина и В. Я. Боярского [31]. Основными в этом отношении остаются работы современников. Между тем история этих напряженных дней дает возможность выяснить, какую роль сыграли они в теоретической и практической разработке основ военного строительства [32].

---

[29] «Исторический журнал», 1940, № 12.

[30] Это относится и к очень интересным в целом статьям Л. М. Спирина и Ю. Н. Петрова в сб. «Из истории борьбы советского народа против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции в 1918 г.» (М., 1956), и к ничего не добавившему в этом отношении III тому «Истории гражданской войны» (М., 1957), а также к более поздним работам, например, «Боевой путь Советских Вооруженных Сил» (М., 1960).

[31] Н. Г. Малыхин. Организация разгрома первого натиска Антанты и внутренней контрреволюции в Среднем Поволжье (май — октябрь 1918 г.) (Канд. дисс.); В. А. Боярский. Разгром интервентов и белогвардейцев на Восточном фронте (лето 1918 г.— начало 1919 г.) (Канд. дисс.).

[32] См. статью автора данной работы в «Научных докладах Высшей школы», Историческая серия, 1961, № 4.

Во-первых, чехословацкий мятеж, вдохновленный Антантой, ободривший и объединивший все контрреволюционные силы страны, не просто подтвердил вывод, сделанный Коммунистической партией о необходимости создания постоянной армии, но и убедил в этом тех, кто еще сомневался. «Переход был труден,—отмечал С. И. Гусев,— даже старым, „видавшим виды" партийным работникам нелегко было „переломить" себя» [33]. Образование Восточного фронта для многих из них стало началом этого перелома. «Я был самым ярым инициатором добровольческой армии,— телеграфировал В. И. Ленину в первых числах июня 1918 г. Н. И. Подвойский.— Настоящее время, терпеливо и упорно работая над созданием Красной Армии и изучая армию и в мирной обстановке, и в боях, я пришел к заключению, что в такой исключительного напряжения момент мы должны немедленно и решительно отказаться от принципа добровольческой армии» [34]. А. Ф. Мясников, как явствует из стенограммы V съезда Советов, предполагал выступить на одном из заседаний съезда, чтобы поделиться тем, какие обстоятельства убедили его окончательно в необходимости перехода к мобилизации, установлению твердой революционной дисциплины, отказу от отрядной системы организации и созданию мощной, боеспособной, маневренной регулярной армии. В сборнике статей по военным вопросам к VII съезду Советов (декабрь 1919 г.) подчеркивалась роль Восточного фронта в окончательном утверждении теоретического вывода о необходимости создания массовой регулярной армии и отмечалось: «Чехословацкий мятеж нанес последний и решительный удар системе добровольчества» [35].

Во-вторых, если с октября 1917 г. и ставилась задача строительства централизованного аппарата, то к началу мятежа чехословацкого корпуса был создан лишь скелет необходимого аппарата. Он стал реальностью значительно позже, в непосредственной борьбе за массовую регулярную армию, ибо с того момента, отвечая требованиям жизни, мы практически перешли от добровольчества к массовым мобилизациям, одновременно создавая условия, обеспечивающие их успех. В связи с развертыванием интервенции и гражданской войны встали вопросы создания массовой регулярной армии из сферы теоретических рассуждений в сферу практического решения.

В-третьих. Первые недели борьбы на Чехословацком фронте были по сути дела периодом почти непрерывных военных неудач и поражений. Если до этого, в период германской интервенции февраля — марта 1918 г., военные неудачи и поражения в основном касались соединений демократизированной старой армии, то

---

[33] С. И. Гусев. Гражданская война и Красная Армия, стр. 44.

[34] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 537, л. 21.

[35] «Строительство Красной Армии». Сб. статей к съезду Советов. М., 1919, стр. 4.

планов перевода Красной Армии на мирное положение началась еще в ходе гражданской войны. Уже 27 июля 1919 г., в разгар ожесточенных боев Красной Армии с войсками интервентов и белогвардейцев, Реввоенсовет Республики отдал директиву Всероссийскому главному штабу начать подготовку перевода Красной Армии на мирное положение. При этом основное внимание Всероссийского главного штаба обращалось на необходимость научной разработки вопросов демобилизации. Реввоенсовет Республики указывал, что она ни в коем случае не должна означать упразднения или ослабления вооруженных сил, пока существуют империалистические страны. Одновременно указывалось, что завоеванная передышка создаст возможность перехода к милиционной системе армии. Предлагалось сохранить кадры регулярной армии и распределить их по стране так, чтобы они составили ядро частей, сформированных на основе Всевобуча. Реввоенсовет предлагал Всероссийскому главному штабу создать особую комиссию для изучения этих вопросов [1].

В советской историографии дана общая характеристика процесса перевода Красной Армии на мирное положение в те годы [2]. Однако это не снимает необходимости и важности конкретного анализа поисков путей и форм перехода.

Первой попыткой теоретически осмыслить проблему демобилизации Красной Армии явился доклад Всероссийского главного штаба Реввоенсовету республики (согласно директиве последнего от 27 июня 1919 г.), представленный 3 сентября 1919 г. [3] Касаясь только демобилизации и не затрагивая вопросов, связанных с переходом к милиционной системе обороны страны, Всероссийский главный штаб в своем докладе ограничил задачи Красной Армии несением караульной службы в гарнизонах, поддерживанием государственного порядка, охраной границ и подготовкой населения к военной службе. Исходя из этого, он считал возможным решение этих задач возложить на войска внутренней и пограничной охраны, территориальные кадры Всевобуча и караульные войска. Все остальные соединения Красной Армии предлагалось распустить. Всероссийский главный штаб предложил демобилизовать 58 тыс. лиц командного состава (около 80%), 1400 тыс. красноармейцев (около 75%) из состава действующей армии и частей местного значения. Для мирного периода он предложил сохранить до 342,5 тыс. человек, а также на первые 4—6 месяцев по окончании военных действий задержать несколько регулярных дивизий Красной Армии в качестве прикрытия рубежей государства на время военного переустройства страны на новых началах [4].

---

[1] ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 9, л. 221.
[2] С. М. Кляцкин. На защите Октября. М., 1965, стр. 422—440.
[3] ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 9, лл. 222—225.
[4] Там же.

Как справедливо отмечает С. М. Кляцкин, «проект Всероссийского главного штаба свидетельствовал о серьезной недооценке угрозы со стороны капиталистических государств и вытекающей отсюда необходимости иметь хорошо организованную оборону Советской республики» [5]. Понятно, что выполнение этого плана фактически обезоруживало страну. Заслушав 18 сентября 1919 г. на специальном заседании доклад Всероссийского главного штаба, Реввоенсовет решил передать его членам Совета для детального изучения [6]. Учитывая, что руководители Всероссийского главного штаба со своими взглядами на демобилизацию Красной Армии вряд ли сумеют обеспечить плодотворную разработку проблемы, было решено привлечь к глубокому и всестороннему рассмотрению ее возможно более широкий круг военных и политических работников.

29 ноября 1919 г. вопрос о демобилизации Красной Армии был обсужден на пленуме ЦК РКП(б). Центральный Комитет поручил Реввоенсовету «начать разбор вопроса о демобилизации и введении милиционной системы трудовой повинности» [7]. Таким образом, Центральный Комитет партии одобрил действия Реввоенсовета, начавшего разработку проблем, связанных с переводом Красной Армии на мирное положение.

Реввоенсовет создал ряд комиссий, которым предстояло практически разработать отдельные стороны проблемы. 30 ноября была создана Комиссия по разработке вопросов, связанных с проведением в жизнь милиционной системы обороны страны (председатель — И. И. Вацетис [8]), в декабре — Комиссия по разработке положения о Центральном военном управлении по демобилизации Красной Армии (председатель — бывший генерал П. С. Балуев) [9], Комиссия для пересмотра штатов полевых войск (председатель — бывший генерал Д. Н. Надежный) [10].

Постановление ЦК РКП(б) и Реввоенсовета о подготовке перевода Красной Армии на мирное положение, создание комиссий положили начало широкому обсуждению вопросов перевода армии на мирное положение в среде военных специалистов и политработников. Первым документом были тезисы начальника Центрального управления Всевобуча Н. И. Подвойского «Переход к классовой милиционной системе», опубликованные 3 декабря 1919 г. Они были представлены съезду РКСМ [11].

---

[5] С. М. Кляцкин. Указ. соч., стр. 426.

[6] ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 9, л. 227.

[7] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 25, л. 2. Цит. по кн.: С. М. Кляцкин. Указ. соч., стр. 426.

[8] «Сборник приказов Реввоенсовета Республики за 1919 г.» М., 1919, № 175.

[9] ЦГАСА, ф. 4, оп. 10, д. 434, лл. 1—2, 85—87; ф. 65, оп. 4, д. 107, л. 10.

[10] Там же, ф. 11, оп. 5, д. 659, лл. 5, 39.

[11] Там же, ф. 65, оп. 7, д. 62, лл. 78—81; ф. 4, оп. 10, д. 436, лл. 333—334.

Подчеркивая, что органом защиты социалистической республики, порвавшей с традициями буржуазного милитаризма, может быть только милиционная классовая армия, Подвойский, учитывая реальную обстановку, переживаемую страной, выступил, однако, против немедленного перехода к милиционной системе. В основу разработки методов перехода от постоянной армии к армии милиционного типа он рекомендовал положить следующее: 1) после разгрома всех врагов демобилизацию Красной Армии провести таким образом, чтобы Республика ни на один момент не оставалась без достаточной вооруженной силы; в то же время сильные как в коммунистическом, так и в военном смысле элементы Красной Армии должны быть постепенно использованы для создания милиционной армии; 2) следует помнить, что, кроме борьбы с армиями наемников Антанты, необходимо вести борьбу с бедствиями, вызванными блокадой, навязанными нам войной, голодом, холодом, экономической и транспортной разрухой, и что для этой борьбы, как и для борьбы с внешними врагами, следует использовать Красную Армию, представлявшую огромный источник рабочей силы, организованной, дисциплинированной, привыкшей точно выполнять свои задачи и обладающей самоотверженностью, волей и упорством.

Подвойский считал, что для усиления кадров Всевобуча должны быть использованы отряды особого назначения; при демобилизации кадры армии должны сохранить отборные элементы командного и коммунистического состава Красной Армии, оставляемые на службе по мере расформирования.

Весьма интересный по глубине и основательности доклад был представлен 18 января 1920 г. в Реввоенсовет председателем Комиссии по разработке вопросов, связанных с проведением в жизнь милиционной системы обороны страны Вацетисом. Доклад назывался «Вариант реформы вооруженной силы РСФСР с переходом к милиционной системе» [12]. Вацетис, опытный военачальник, в прошлом главнокомандующий всеми вооруженными силами Республики, выдвинул идею создания смешанной системы вооруженных сил. Для обеспечения безопасности страны он высказывался за сохранение в полной боевой готовности известного числа регулярных дивизий. При расчете числа сохраняемых дивизий Вацетис предложил принять те силы, которые могли выставить против Советской республики в первую очередь империалистические Румыния и Польша. По приблизительному подсчету, он определял эти силы в 20 дивизий, и именно такое число советских дивизий предложил сохранить для обеспечения безопасности страны. Из этих 20 дивизий 10 предлагалось сохранить на положении постоянной регулярной армии, а остальные 10 считать на положении дивизий второй линии, мобилизуемых по мере необходимости, с

[12] ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 1516, лл. 43—118.

объявлением войны. Оставляемые в боевой готовности войска рекомендовалось содержать на основании существовавших штатов. Артиллерийские, инженерные части и военно-воздушные силы Вацетис предлагал содержать в 100-процентном составе и в полной боевой готовности. Особое внимание он уделил в своем плане коннице. Он считал необходимым сохранить конницу в составе постоянных кадров и в условиях, когда милиционная система будет уже введена. Что касается пехоты, то, учитывая экономическое положение страны, он высказывался за возможность в оставляемых дивизиях иметь лишь 50% личного состава, положенного по штатам.

Докладная записка Вацетиса предусматривала и дивизии третьей линии. Они должны были формироваться на милиционных началах и располагаться к востоку от Волги, где должна была быть развернута военно-техническая база страны. Что касается районов, расположенных западнее Волги и особенно подверженных угрозе нападения империалистов, он предлагал исключить их из милиционного строительства. Для создания военно-технической базы в Заволжье Вацетис рекомендовал перебазировать сюда промышленность из западных районов. По мере того, как милиционная система будет крепнуть на территории восточнее Волги, ее можно будет постепенно передвигать на запад, вплоть до поглощения милицией всей территории Европейской части Советской республики. В то же время он считал, что милиционное строительство Советских Вооруженных Сил со стратегической и экономической точек зрения не имеет в ближайшем будущем в нашей стране перспектив на осуществление. «На введение милиционной системы с точки зрения государственного мероприятия,— подчеркивал он,— можно смотреть лишь как на эксперимент частного характера. Военная обстановка Советской республики требует постоянной боевой готовности, что может быть гарантировано лишь постоянной армией» [13].

С иным предложением в январе 1920 г. выступил Полевой штаб, который представил за подписью главнокомандующего С. С. Каменева, начальника штаба П. П. Лебедева и комиссара штаба, члена Реввоенсовета Д. И. Курского доклад «Об организации вооруженных сил страны» [14]. В докладе была дана детальная разработка программы перехода к милиционной системе. Но и здесь большое внимание уделялось сохранению обороноспособности страны на переходный период. Авторы доклада высказались за то, чтобы известную часть регулярных войск Красной Армии содержать в состоянии постоянной мобилизационной готовности, а некоторое число дивизий использовать для строительства милиционной системы. Всего в переходный период предлагалось содержать такое

[13] Там же, лл. 104—105.

[14] Там же, ф. 33988, оп. 2, д. 259, лл. 65--70; ф. 4, оп. 10, д. 436, лл. 6—8, 11—12, 15—16.

же количество войск, какое было в действующей армии к началу 1920 г. (66 стрелковых и 15 кавалерийских дивизий), разбив их на две группы — мобилизованные войска (21 стрелковую и 9 кавалерийских дивизий), т. е. те дивизии, которые нужно содержать в состоянии боевой готовности, и потенциальные (45 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий), которые будут выделены в виде кадров для строительства милиционной системы.

При введении милиционной системы предполагалось разделить всю страну на дивизионные округа, которые в свою очередь должны были делиться на бригадные, полковые, батарейные и ротные округа. Для каждой единицы (дивизии, бригады и т. д.) в мирное время имелось в виду содержать штаб или управление. Укомплектование кадров милиционной армии должно было проводиться как за счет находящихся на действительной службе, так и за счет военнослужащих, уходивших в запас, вольнонаемных и добровольцев.

Общим для предложений Подвойского, Вацетиса и Полевого штаба было то, что переход к новому военному устройству должен был производиться постепенно, без ослабления мощи вооруженных сил, и сохраняя на время необходимую часть регулярных войск.

Учитывая существенные расхождения в оценках проекта Полевого штаба, Реввоенсовет на своем заседании 23 января 1920 г. постановил отложить решение вопроса, чтобы вернуться к нему, заручившись письменными отзывами военных специалистов [15]. Замечания по проекту Полевого штаба представили Вацетис и Подвойский.

29 января 1920 г. Реввоенсовет обсудил на своем заседании с участием Э. М. Склянского, С. С. Каменева, П. П. Лебедева, Д. И. Курского, Н. И. Подвойского, Н. И. Раттеля, И. И. Вацетиса, П. И. Баранова, В. Г. Шарманова, В. Н. Егорьева вопрос «Об организации армии на милиционных началах» [16].

В докладной записке, направленной в Реввоенсовет 28 января 1920 г., Вацетис заявил, что план Полевого штаба не пригоден для создания в Советской республике милиционной системы [17]. Он считал, что коренным недостатком этого плана было то, что в основу военно-административного деления страны кладется идея не стратегической единицы (корпус из всех родов войск, что даст возможность при мобилизации сводить корпуса в армии, готовые к военным действиям), а хозяйственной. Их придется сводить во время войны в высшие стратегические единицы корпуса и армии, ибо дивизия проектируемого Полевым штабом состава не является стратегической единицей, как, например, корпус или дивизия, созданная на основе штата 220, равняющаяся трехдивизионному корпусу. Кроме того, он обращал внимание Реввоенсовета на то,

[15] ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 1516, л. 1.
[16] Там же, ф. 33988, оп. 2, д. 263, л. 197.
[17] Там же, ф. 4, оп. 1, д. 1516, лл. 1—4.

что во всех государствах, где лучше всего была поставлена территориальная система комплектования, была принята в основу военно-административного деления страны идея стратегической единицы, т. е. корпусная (Пруссия во франко-прусской войне 1870—1871 гг.).

Предложенный Полевым штабом проект Вацетис считал непригодным и потому, что проект, по его мнению, представлял копирование системы иностранных армий, когда существует постоянная армия с кадрами, доведенными до минимального состава [18].

Подвойский в своей докладной записке Реввоенсовету от 29 января 1920 г. категорически выступил против создания смешанной системы вооруженных сил, не отвергая идею вооружения народа [19]. Отмечая выявившиеся разногласия, Реввоенсовет предложил всем участникам обсуждения и Всероссийскому главному штабу представить в трехдневный срок в виде проектов декретов или распоряжения Совета обороны свои положения относительно «проведения милиционной системы» [20]. В зависимости от проектов предстояло решить, будет ли данный вопрос обсуждаться в Реввоенсовете или должен быть внесен непосредственно в Совет обороны. В указанный срок все, кому было поручено, представили свои проекты.

Проект, представленный Вацетисом 1 февраля 1920 г., в основе не отличался от прежней его докладной записки, но в нем была конкретизирована точка зрения на вопрос военно-административного деления [21]. Он предлагал принять за основу военно-административного деления страны военный округ; число военных округов определить числом армий; за основу мобилизации принять территориальную систему укомплектования, а посему каждый военный округ должен делиться на соответствующее число территориальных округов, выставляющих при мобилизации одну дивизию, согласно штату 220. Территориальный округ должен был получить административное устройство на началах милиционной коммуны. Переход к милиционной системе предлагалось осуществлять по мере демобилизации Красной Армии с условием сохранения боеготовности государства.

Для осуществления реформы Вацетис предложил создать: 1) Управление Большого генерального штаба, 2) Главный штаб милиционной армии. Начальников этих штабов подчинить непосредственно Реввоенсовету.

В его проекте вновь подчеркивалась необходимость сохранить при демобилизации некоторое число регулярных дивизий, которые сосредоточить в пограничной полосе; эти дивизии должны

---

[18] Там же, л. 4.
[19] Там же, ф. 65, оп. 4, д. 28, л. 67.
[20] Там же, ф. 33988, оп. 2, д. 263, л. 197.
[21] Там же, лл. 210—216

были входить в состав данного военного округа в качестве мобилизованной части милиционной армии; во внутренних округах мобилизованные части не должны содержаться. Всего к войне в таком случае можно было бы подготовить 30 дивизий, что в общей сложности для РСФСР дало бы возможность мобилизовать без максимального напряжения сил армию численностью в 1800 тыс. человек.

Вацетис предложил создать 9 военных округов: Петроградский, Московский, Киевский, Пермский, Царицынский, Омский, Красноярский, Туркестанский и Кавказский.

Проект Подвойского, представленный 1 февраля 1920 г.[22], в основном совпадал с его предыдущими докладными записками, но в нем более конкретно критиковались проекты Полевого штаба и Вацетиса за нечеткое, по мнению Подвойского, изложение вопроса военного строительства на милиционных началах. Высказывания Полевого штаба и Вацетиса о несвоевременности перехода к милиции и их предложения об организации вооруженных сил на основе смешанной системы не принимались Подвойским. Он предложил реорганизовать Центральное управление Всевобуча и передать формирование красных резервных частей в Главное управление милиционных войск, подчиненное непосредственно Реввоенсовету. По его мнению, Всевобуч за два года милиционного строительства накопил достаточный опыт.

В проекте Полевого штаба, подписанном его начальником П. П. Лебедевым и военкомом К. Х. Данишевским, представленном в Реввоенсовет 1 февраля 1920 г.[23], подчеркивалось, что переход к милиционной системе должен осуществляться только постепенно; в переходный период должно содержаться от $^1/_4$ до $^1/_3$ всех вооруженных сил в постоянном составе с сохранением в их числе лучших дивизий. Для организации милиционной армии и руководства ею необходимо было бы, по мнению Полевого штаба, создать Большой генеральный штаб, непосредственно подчиненный Наркомвоену, а до его образования перевод армии на милиционные основы следовало поручить Полевому штабу Реввоенсовета.

Всероссийский главный штаб представил 31 января 1920 г. три проекта за подписями его начальника Н. И. Раттеля и комиссара В. Г. Шарманова: 1) О сокращении численности действующей армии; 2) О построении вооруженных сил республики на милиционных началах; 3) О Центральном управлении милиционной армии[24]. В них предлагалось параллельно с сокращением численности действующей армии выработать план практического проведения милиционной системы. Создание милиционной армии они предполагали осуществить на основе Всевобуча.

---

[22] ЦГАСА, ф. 65, оп. 4, д. 28, лл. 63—65.
[23] Там же, ф. 33988, оп. 2, д. 263, лл. 207—209.
[24] Там же, д. 663, лл. 203—207.

21 марта Всероссийский главный штаб представил Реввоенсовету еще докладную записку «Основные положения для перехода к милиционной системе»[25]. Как и все, кто уже высказался по вопросам перевода Красной Армии на мирное положение, Всероссийский главный штаб считал, что, создавая милиционную систему, следует учитывать общее политическое положение республики, а для охраны границ должны быть обязательно сохранены особые прикрывающие части из состава регулярной армии. Проект детально определял принципы построения милиционной армии: она, по мнению Всероссийского главного штаба, должна была комплектоваться территориально на основе всеобщей воинской повинности. Армия должна быть хорошо обучена, технически оснащена, но развертываться она должна только во время войны; в мирное же время граждане должны лишь проходить военное обучение или использоваться на необходимых государству производительных работах.

Соглашаясь в вопросе территориального деления с Полевым штабом, Всероссийский главный штаб дополнительно выдвинул идею формирования 3—4 дивизионных округов и армейских инспекций. Порядок перехода к милиционной армии определялся по мере готовности территориальных округов и кадров, начиная это строительство с полкового звена. В основу милиционного строительства Главный штаб, так же как и Полевой штаб, считал необходимым положить лучшие части регулярной армии.

В тот же период плодотворно работала комиссия инспектора пехоты Полевого штаба бывшего генерала Д. Н. Надежного при Всероссийском главном штабе по пересмотру штатов 220. В ее состав входили крупные специалисты всех родов войск и представители Центрального аппарата Красной Армии: Д. Н. Надежный, Н. А. Сулейман, П. П. Горбунов, Р. Р. Караган, А. Ф. Федотов, В. М. Печелау, А. М. Маврин, Н. И. Иванов, С. Б. Леонтович, В. М. Кольцов, Е. К. Смысловский, В. Е. Карташевский, А. Е. Гутор, А. Д. Дуйсбург, А. П. Шипин, А. С. Колесов, Н. А. Авен и др., всего 30 человек[26]. Комиссия утвердила проекты новых штатов[27]. Эти проекты были представлены на рассмотрение Главкома и Полевого штаба. Но в связи с обострившейся обстановкой в стране (началось наступление войск империалистической Польши) эти проекты не были тогда утверждены. К детальному изучению новых штатов вернулись лишь в январе 1921 г.

Весь материал по вопросу перевода Красной Армии на мирное положение Реввоенсовет доложил ЦК РКП(б) и Советскому правительству. ЦК РКП(б) внес вопрос военного устройства республики в мирное время на рассмотрение IX съезда РКП(б). 4 апреля 1920 г. съезд заслушал доклад председателя Реввоенсовета

---

[25] Там же, ф. 4, оп. 1, д. 1516, лл. 30—34.

[26] Там же, ф. 11, оп. 5, д. 659, лл. 87, 88; д. 661, л. 6; д. 744, лл. 278, 279.

[27] Там же, д. 659, л. 77.

«О переходе к милиционной системе» и единогласно принял по этому вопросу резолюцию, предложенную ЦК РКП(б) [28].

Решения IX съезда РКП(б) по военному вопросу подвели первые итоги огромной теоретической работы Реввоенсовета и его органов в связи с подготовкой перевода армии на мирное положение. Высказавшись за необходимость перехода к милиционной системе, съезд указал, что она должна проводиться постепенно, при непременном условии сохранения обороноспособности республики.

Среди вопросов, поставленных Реввоенсоветом в связи с подготовкой перехода Красной Армии на мирное положение, был и вопрос о реорганизации Центрального военного управления. Для разработки его еще в феврале 1920 г. была создана Комиссия по разработке положения о Центральном военном управлении при демобилизации Красной Армии под руководством члена Особого совещания при главкоме П. С. Балуева в составе В. Светловидова, В. П. Николаева, Ф. П. Балканова, Е. К. Смысловского и др. Комиссия занялась разработкой вопросов о правах и обязанностях народного комиссара по военным делам, Секретариата, Военно-законодательного совета, Революционного военного трибунала, начальника Всероссийского главного штаба, главного военно-морского инспектора, а также рассмотрела положение о Морском генеральном штабе и о начальнике Управления по снабжению армии и флота. К концу ноября комиссия закончила свою работу и представила соответствующие проекты Реввоенсовету и главкому. Комиссия высказалась за объединение управления сухопутными и морскими силами. Во главе их она предложила поставить народного комиссара государственной обороны, осуществлявшего руководство через Всероссийский главный штаб, Всероссийский генеральный штаб, Всероссийское военное управление снабжением и главного инспектора вооруженных сил. При народном комиссаре государственной обороны должны были находиться Революционный военный трибунал и Военный совет с кодификационным отделом, а также личная канцелярия. Общее руководство Военным ведомством осуществлялось Советом государственной обороны, подчиненным ВЦИК [29]. Большой ошибкой комиссии было то, что она не включила в схему Центрального военного аппарата Главное политическое управление, которое руководило партийно-политической работой в армии. Эта ошибка была исправлена Реввоенсоветом при подготовке материалов для доклада ЦК РКП(б).

20 октября 1920 г. Реввоенсовет образовал при Центральном управлении Всевобуча комиссии для разработки вопросов о разбивке территории РСФСР на районы и округа по проведению милиционной системы. Председателем комиссии был назначен быв-

[28] «Девятый съезд РКП(б). Март — апрель 1920 года. Протоколы». М., 1960, стр. 384—396.

[29] ЦГАСА, ф. 4, оп. 10, д. 434, лл. 85—87.

ший генерал А. А. Брусилов. В комиссию вошли Н. А. Сулейман, Н. М. Потапов, А. И. Беляев, А. Э. Беймельбург, А. М. Смирнов, М. Д. Жиленко, секретарь А. Д. Тихомиров. Для разработки положения о системе управления и обучения по милиционной системе РВСР создал при центральном управлении Всевобуча еще одну комиссию также под председательством А. А. Брусилова. В нее вошли А. Е. Снесарев, А. И. Верховский, В. Ф. Новицкий, Г. Ф. Гирс, Б. О. Доливо-Добровольский, В. А. Карликов, А. И. Хамин, А. С. Желтиков, Ф. М. Бредис, доктор Иванов и секретарь Н. П. Рогов. Обе комиссии должны были закончить работу к 15 ноября 1920 г. [30]

Комиссия по районированию приступила к работе в конце октября 1920 г. В первую очередь она решила выделить дивизионные округа. Предложения комиссии были изложены в докладной записке Брусилова «О районировании России для проведения милиционной системы» [31].

Чтобы удовлетворить требование последовательно выставлять по три дивизии от каждого округа, территория округа должна была иметь численность мужского населения до 2—3 млн. человек. Учитывая, что общая численность мужского населения Советской республики (включая все республики) достигала в круглых цифрах 60 млн. человек, комиссия пришла к заключению, что при поставленных требованиях число дивизионных округов не могло быть менее 20 и более 30.

По первому варианту было составлено 23 дивизионных округа, причем только одна Киевская губерния делилась между двумя соседними округами, другие же губернии входили целиком в состав того или иного округа, но границы отдельных советских республик при этом в расчет не принимались. Такое деление было признано не совместимым со многими стратегическими задачами, которые, естественно, должны лежать в основе создания будущей милиционной армии. Округа оказались бы вытянутыми вдоль границы. Непосредственно к границе на западе примыкало только 6 округов, остальные же 17 были выделены в тылу. Ввиду этих соображений первый вариант был отклонен. При разработке следующих проектов комиссия решила не считаться с существующими границами губерний и автономных областей и в качестве последней единицы деления взять уезды. Кроме того, решено было округа, выходящие на западную границу, уменьшить по отношению к численности населения до самого низкого предела, т. е. до 2 млн. человек мужского населения, увеличив при этом средние нормы численности населения в тыловых округах приблизительно до 2,5 млн. человек. Проекты выделения дивизионных округов многократно взвешивались в комиссии и видоизменялись. Всего

[30] Там же, ф. 65, оп. 4, д. 167, лл. 143, 153.
[31] Там же, ф. 4, оп. 10, д. 436, лл. 306—311.

было составлено пять вариантов разделения России на дивизионные округа, причем пятый вариант был одобрен комиссией в качестве основы дальнейших работ по районированию для милиционной системы. Было решено образовать 25 дивизионных округов, из них 18 в Европейской России, 2 — на Кавказе, 5 — в Сибири и Туркестане.

В декабре 1920 г. комиссия перешла к работам по делению территории России на более мелкие округа, в первую очередь на бригадные и полковые, причем имелось в виду однообразное деление каждой дивизии на три бригады по три полка. При подразделении на бригадные и полковые округа решено было также придерживаться существующих уездных границ; эта работа была выполнена по всем округам Европейской части России, за исключением Украины и Дона. Эта попытка деления на бригадные и полковые округа выяснила невозможность учета поуездного деления страны при проведении в жизнь милиционной системы. Существовавшее уездное деление было крайне неравномерным. Численность мужского населения в отдельных уездах колебалась от 10 до 300 тыс. человек, а в исключительных случаях уезды даже в подмосковных губерниях не насчитывали и 10 тыс. человек. Кроме того, крупные и мелкие уезды располагались рядом.

Комиссия отметила, что такие неравномерные колебания соседних округов на практике приведут к чрезвычайным затруднениям при мобилизации и сосредоточении армии. Округа, перегруженные излишним количеством населения, не будут знать, куда девать им избыток людей, и должны будут держать их неиспользованными в течение долгого срока, что всегда разлагающе влияло на воинскую дисциплину и дух армии. Призывать же рядом в соседних уездах одни возраста при мобилизации, а в других уездах — иные, создавало бы неравномерность в отбывании милиционной службы, что вызвало бы резкое недовольство населения и внесло бы полное расстройство в хозяйственную жизнь. Комиссия указала и на то, что деление на батальонные участки, имевшее важное значение для всей милиционной системы, совершенно невозможно при существовавшем уездном делении страны, так как более 100 уездов в Европейской части России насчитывало свыше 100 тыс. мужчин, что превышало максимальный размер батальонного округа.

После того, как выяснилась невозможность разделения территории России на милиционные округа с сохранением существующих административных единиц, комиссия остановилась перед дилеммой: или создавать специальные органы управления и обучения, не совпадающие с административным делением, или изменить административное деление республики таким образом, чтобы оно свободно укладывалось в территориальные рамки милиционной системы. Комиссия имела в виду предложить проведение

своего проекта в жизнь и для целей гражданской администрации. Она считала, что при новом административном делении нормальная губерния должна иметь 9 уездов (в то время губернии имели от 4 до 16 уездов каждая).

На этих основаниях комиссия Брусилова, не ожидая утверждения своего плана нового районирования, приступила к работе по выделению новых губерний и уездов и по перегруппировке старых. К концу 1920 г. она успела закончить эту работу по двум дивизионным округам: Гомельскому (приграничному) и Тульскому (тыловому), причем в Гомельском округе комиссия запроектировала образование новой, Бобруйской губернии. Комиссия наметила в первую очередь произвести районирование по всей Европейской части России, кроме Украины, по которой она имела слишком мало материалов. Что касается Азиатской части России, то, учитывая, что здесь проведение милиционной системы было намечено во вторую очередь, комиссия решила работы по районированию ее территории временно отложить.

В основу районирования комиссия положила материалы последней переписи, произведенной 28 августа 1920 г., и следующие три признака: 1) численность населения в указанных выше пределах; 2) пути сообщения, в первую очередь железнодорожные, а затем водные и гужевые; 3) существующее административное деление, которое без особой нужды радикально не менять. Затем в соображение были приняты и другие факторы, как-то: развитие промышленности и тяготение населения к крупным промышленным центрам, условия сельскохозяйственного производства (почва и культура) и, наконец, этнографический состав населения. Таков был план районирования территории Советской республики для милиционного строительства, предложенный комиссией А. А. Брусилова. Рассмотрение его, принятие или отклонение должно было произойти в 1921 г.

Работа комиссий И. И. Вацетиса, П. С. Балуева, Д. П. Надежного и А. А. Брусилова была весьма плодотворной. Эти комиссии теоретически разработали ряд важных вопросов военного строительства Советского государства в мирный период его развития. Но их работа не исчерпывала всей проблемы перевода Красной Армии на мирное положение. Нужно было подготовить общий план, пусть еще далекий от совершенства, но отражающий общие задачи в решении этой проблемы. Такой план был подготовлен главкомом С. С. Каменевым и Полевым штабом и изложен в докладной записке «О задачах перевода Красной Армии на мирное положение», подписанной С. С. Каменевым и П. П. Лебедевым и представленной Реввоенсовету 5 декабря 1920 г.[32], а также в тезисах «О структуре Центрального военного управления», подготовленных Полевым штабом и подписанных П. П. Лебедевым.

---

[32] ЦГАСА, ф. 33988, оп. 1, д. 189, лл. 16—23.

лись с предложением комиссии П. С. Балуева и выдвинули свою схему организации этого аппарата. 13 декабря 1920 г. Полевой штаб представил Реввоенсовету тезисы «О структуре Центрального военного управления», в которых и были изложены основные предложения о том, как следует перестроить это управление [38]. Эти тезисы были подготовлены к предстоящему совещанию военных, политических и других государственных деятелей Коммунистической партии и Советского государства.

В тезисах справедливо говорилось о том, что сложившаяся к концу гражданской войны структура Центрального военного управления не может отвечать задачам мирного периода военного строительства. «Созданное в период непрерывной напряженной войны без единого плана, в зависимости от требований обстановки, оно (Центральное военное управление.— *П. Я.*), естественно, более соответствует условиям военной обстановки и не обеспечивает в должной мере разрешение назревших ныне основных задач создания Вооруженных Сил и подготовки к новой борьбе в новых условиях. Недостаточная планомерность в системе Центрального военного управления имеет следствием параллелизм в работе отдельных органов, недостаточный контакт между ними, неправильное разграничение функций, при которых многие крупные отрасли военного дела оказываются плохо обслуженными и притом не столько по причине недостаточного развития ведающих ими органов, сколько по нагромождению их и отсутствию объединения» [39].

При реорганизации аппарата Центрального военного управления Полевой штаб рекомендовал исходить из того, что «проектируемая система должна в полной мере обеспечивать выполнение основной задачи — строительство мощной вооруженной силы и тщательную подготовку к войне. В то же время она должна вполне отвечать особенностям общей военно-политической обстановки настоящего времени, когда еще не повсеместно закончена борьба и когда необходимо быть готовым к возобновлению ее на том или другом фронте в каждую минуту. Поэтому, строя систему управления для работы преимущественно мирного строительства, необходимо внести в нее в известной мере оттенки полевого управления». Учитывая своеобразие обстановки полумирного, полувоенного времени, Полевой штаб рекомендовал перестройку аппарата Центрального военного управления провести с особой осторожностью, «чтобы в настоящий период не нарушить даже временно работоспособности управления коренной его ломкой». Для достижения поставленной цели Полевой штаб считал необходимым: 1) выработать схему структуры Центрального военного управления, к которой желательно перейти; 2) сравнив с нею существующую схему, создать в Центральном военном управлении те ор-

---

[38] ЦГАСА, ф. 7, оп. 1, д. 181, лл. 59—62.
[39] Там же, л. 60.

ганы, которых не хватает по проектируемой новой схеме, и развить те органы, которые не отвечают новому назначению; 3) перераспределить органы управления в соответствии с новой схемой, отсекая излишние.

Высказав соображения о том, как следует проводить реорганизацию аппарата Центрального военного управления, Полевой штаб предложил схему Центрального военного управления страны. Согласно схеме, во главе всего управления должен стоять народный комиссар по военным и морским делам, он же главный начальник всех без изъятий Вооруженных Сил страны; при народном комиссаре по военным и морским делам должен состоять Революционный военный совет Республики (РВСР) или коллегия примерно уже существующей структуры.

Предлагая эту схему Центрального военного управления страны, Полевой штаб считал необходимым сохранить строгое единоначалие во всех органах управления, в нужных случаях в отдельные органы вводя комиссаров.

Сопоставляя проект Центрального военного управления Полевого штаба с вариантом, предложенным комиссией П. С. Балуева, нельзя не увидеть, что проект Полевого штаба отличался большей собранностью, целеустремленностью и экономичностью.

Для рассмотрения всех вопросов предстоящей реорганизации Красной Армии Реввоенсовет созвал 13 декабря 1920 г. широкое совещание военных, политических и других государственных деятелей. На совещании присутствовало 68 человек: представители ВЦИК, Реввоенсовета, Всевобуча, военных округов и многих других военных организаций. Среди участников были Ю. Н. Данилов, К. Х. Данишевский, Н. И. Подвойский, А. Д. Штродах, В. А. Антонов-Овсеенко, М. Н. Тухачевский, И. С. Уншлихт, Э. М. Склянский, Ф. Э. Дзержинский, В. Р. Менжинский, С. С. Каменев, А. А. Самойло, П. П. Лебедев, К. Е. Ворошилов, А. Ф. Мясников и др. На совещании был заслушан доклад начальника Полевого штаба П. П. Лебедева о реорганизации структуры Центрального военного управления [40].

На этом же заседании был заслушан доклад Ю. Н. Данилова о функциях и структуре губернских и уездных военкоматов. Вопрос о том, чтобы их функции свести к учетным и мобилизационным, был отвергнут 25 голосами. Лишь 13 человек голосовали за это предложение, столько же воздержалось от голосования. По докладу о ВНУС большинством в 39 голосов было решено упразднить все войска внутренней службы, кроме войск ВЧК.

Через два дня, 16 декабря 1920 г., состоялось второе, более широкое совещание военных, политических и государственных дея-

---

[40] Там же, ф. 33988, оп. 2, д. 263, л. 183. Доклад был развернут на основе тезисов от 13 декабря 1920 г. «О структуре Центрального военного управления».

НЕВИЛЛЬ ЧЕМБЕРЛЕН

★

И. М. МАЙСКИЙ

Невилль Чемберлен не оставил после себя ни политических трудов, ни военных мемуаров, но это не значит, что он ничего не писал. В течение более полувека он вел подробные дневники, а также поддерживал большую переписку с многими лицами, особенно с двумя своими сестрами, в которой нашли отражение самые разнообразные стороны его общественной и государственной деятельности. Но весь этот материал до сих пор не опубликован. В послевоенные годы, однако, вышли две книги о Н. Чемберлене, в которых авторы, частично используя его дневники и переписку, стремятся воссоздать образ своего героя как человека, политика и государственного деятеля. На этих книгах стоит остановиться.

Первая книга принадлежит перу оксфордского профессора истории Кис Фейлинга, написана она сразу после смерти Н. Чемберлена еще во время войны; вторая, автором которой является видный член консервативной партии Англии Иен Маклеод, вышла в свет спустя примерно 16 лет после первой [1]. Обе книги носят апологетический характер, но между ними есть известная разница. Труд Фейлинга более обширен, серьезен, лучше и богаче оснащен фактическим материалом; работа Маклеода более поверхностна и легковесна, напоминает скорее политический памфлет, а не биографическое исследование. Есть между обоими произведениями и еще одно различие. Фейлинг писал свою книгу в умеренно-апологетическом тоне, и потому на страницах ее сквозь кружевную ткань восхвалений все-таки кое-где проглядывает ли-

[1] Keith Feiling. The Life of Neville Chamberlain. L., 1946, p. 475; Iain Macleod. Neville Chamberlain. L., 1961, p. 319.

цо реального Чемберлена. Маклеод же писал в неумеренно-апологетическом тоне, и потому с ее страниц смотрит на нас сильно подрумяненный Чемберлен, такой, каким его хочет представить современное поколение английских консерваторов.

Думаю, однако, что материал обеих книг плюс мои собственные воспоминания о Чемберлене, с которым мне приходилось иметь немало дел в годы работы на посту советского посла в Лондоне, дадут возможность показать действительное лицо этой зловещей фигуры и осветить ее подлинную роль в подготовке и развязывании второй мировой войны.

* * *

Невилль Чемберлен был очень ярким воплощением самого существа английской буржуазии XIX в. Я не случайно говорю — XIX в. Чемберлен родился в 1869 г., и к началу нового столетия ему исполнился уже 31 год. Он вошел в наше нынешнее столетие вполне сложившимся человеком и всегда чувствовал это. Он сам однажды сказал: «Мой век — это поздний период викторианской эпохи, еще до того, как появились моторы и телефоны»[2]. К авторучке Чемберлен относился, как к орудию пытки.

Генеалогические корни Невилля Чемберлена уходят в далекое прошлое. Маклеод, который не пожалел труда для их выяснения, рассказывает, что отдаленный предок Чемберлена, о котором мало что известно, бежал из Лондона в дни «моровой язвы» (1664—1665) и обосновался в провинциальном городке Вильтшире. Здесь семья Чемберлена провела почти 70 лет. В 1733 г. Вильям Чемберлен, по профессии «обувной мастер», переселился в Лондон и стал членом «Кожевенной компании». В 1755 г. он создал собственное обувное предприятие, которое в течение 100 последующих лет переходило по наследству от отца к сыну. Это было предприятие среднего размера и обеспечивало семье Чемберлена среднебуржуазный достаток. Все Чемберлены твердо стояли ногами на земле, имели крепкие традиции, жили по твердо установленным канонам. В течение 100 лет среди них в непрерывно последовательной линии было шесть Джозефов, шесть обувных мастеров и шесть членов правления «Кожевенной компании». В каждом поколении Чемберленов один из них занимал пост церковного старосты церкви св. Лаврентия. В положенные дни семья справляла по принятому обычаю церковные и монархические празднества, устраивала большие обеды, которые славились обилием блюд. В одном из документов начала XIX в. семья Чемберленов характеризовалась как «торговые люди высшей марки»[3]. Поистине такая семья могла выйти из-под пера Диккенса!

Однако в середине XIX в. в истории этой семьи произошла

[2] Iain Macleod. Указ. соч., стр. 16.

[3] Там же.

крутая перемена. Последний из Джозефов, возглавлявший ее в то время, оказался человеком «не совсем стандартного типа». Во-первых, он повернулся спиной к обувному производству и еще молодым человеком вступил партнером в предприятие по производству железных винтов, в связи с чем ему пришлось переселиться из Лондона в Бирмингам. Во-вторых, в середине 70-х годов, сильно разбогатев, он продал свой бизнес и целиком ушел в политику, сделав здесь блестящую карьеру. Ибо этот последний из династии Джозефов, пройдя сложный и противоречивый путь от радикала до консерватора крайнего толка оказался тем самым Джозефом Чемберленом, который на рубеже XIX и XX вв. стал министром колоний и в 1912 г. опубликовал труд «Имперское единство и тарифная реформа», ставший настоящим евангелием британского империализма.

Вот этот-то выскочивший из столетних традиций отпрыск чемберленовской семьи и стал отцом Невилля Чемберлена, равно как и другого Чемберлена — Остина, видного английского политика, министра финансов и министра иностранных дел начала XX в., имя которого связано с разрывом дипломатических отношений между СССР и Англией в 1937 г. Как Невилль, так и Остин были детьми одного отца, но родились от разных матерей. Когда оба они подросли, Джозеф Чемберлен распорядился их судьбой. Старшего сына, Остина, которого он считал весьма пригодным для успешной политической карьеры, с ранней молодости направил по парламентскому пути; младшего сына, Невилля, он расценивал значительно ниже в интеллектуальном отношении и решил сделать из него «бизнесмена». Так получилось, что, пройдя обычную для детей подобных семей привилегированную школу, Невилль в возрасте 23 лет стал хозяином довольно крупной плантации сизаля на одном из Багамских островов. Отец Невилля, вложив в дело 50 тыс. фунтов, рассчитывал на получение богатых доходов с этого колониального предприятия. Однако его ждало жестокое разочарование. Невилль оказался более чем посредственным бизнесменом, он не сумел справиться с порученным ему делом и, проработав на Багамских островах пять лет (1892—1897), вынужден был ликвидировать предприятие с большими убытками. Вернувшись в Бирмингам, Невилль стал перед вопросом: что же дальше? В тот период он, следуя мнению отца, считал, что политика не для него, и потому стал искать своего места в области бизнеса. Бирмингам уже тогда все больше превращался в крупнейший центр английской металлургии. Невилль сначала вступил пайщиком в медное предприятие, потом в предприятие по производству железных коек для морских судов, потом в предприятие по выпуску легкого оружия. Особых талантов здесь он тоже не обнаружил и только в 1911 г., т. е. спустя 14 лет после катастрофы с сизалем, был избран муниципальным советником города. Дальше успехи его пошли быстрее: сказывалось реноме отца и брата, которые как

раз в то время блистали на английском политическом горизонте. В 1915 г. Невилль был избран лорд-мэром Бирмингама и занимал этот пост в течение трех лет. Такое продвижение в немалой степени было облегчено тем обстоятельством, что 5 его дядей и 10 других родственников уже были бирмингамскими лорд-мэрами (лорд-мэры выбираются ежегодно). Судя по всему, Невилль был неплохим деятелем местного самоуправления и, в частности, обращал большое внимание на связанные с этой областью проблемы социального порядка (здравоохранение, жилищное строительство и т. п.).

Став главой Бирмингама, Невилль решил, что теперь ему пора сделать дальнейший шаг и выйти на общенациональную сцену. В конце 1917 г. он был назначен директором Департамента Национальной службы в правительстве Ллойд-Джорджа. Шла первая мировая война, и момент, когда Невилль приступил к исполнению своих новых обязанностей, был очень серьезен. Война на Западном фронте требовала все новых и новых пополнений со стороны англичан. Нужны были рекруты, которых не хватало (британская армия вербовалась на основе добровольчества). Департамент Национальной службы, только что учрежденный, должен был в спешном порядке дать вооруженным силам людей, много людей. Невилль, привыкший к масштабам и методам муниципальной работы в Бирмингаме, оказался совершенно неприспособленным для выполнения своих новых функций. Вдобавок в качестве своих помощников он привлек несколько человек из аппарата того же бирмингамского муниципалитета. В итоге он позорно провалился. Главный секретарь Ллойд-Джорджа Сильвестер мне как-то рассказывал о последней сцене между премьером и директором Департамента Национальной службы, разыгравшейся на его глазах. Ллойд-Джордж неоднократно обращал внимание Чемберлена на неудовлетворительную работу его департамента. Наконец, он потерял терпение и, вызвав главу департамента к себе, в последний раз спросил: «Почему вы не даете армии нужного числа рекрутов?» Чемберлен стал пространно излагать причины. При этом он все время подчеркивал, что руководится «советами» своего «постоянного заместителя» (как это принято в английском государственном механизме). «Постоянным заместителем», т. е. чиновником и главой аппарата, у Чемберлена был вывезенный им из Бирмингама главный секретарь тамошнего муниципалитета, который не больше самого Чемберлена годился для организации рекрутирования армейских пополнений. Ллойд-Джордж, наконец, почти в бешенстве воскликнул:

— Ради бога, уходите вы скорей из департамента — вы сами и ваш «постоянный заместитель».

Так кончилась первая вылазка Невилля в большой свет. Он не забыл этого опыта и стал навеки смертельным врагом Ллойд-Джорджа.

Несмотря на постигшую его неудачу, Н. Чемберлен не хотел больше возвращаться в Бирмингам. Он остался в мире большой политики и, став в 1918 г. депутатом парламента, начал быстро подниматься по лестнице успехов. Основную роль тут играли его имя и принадлежность к одной из правящих фамилий страны. В 1922 г. он получил пост министра почт и телеграфов, в 1924—1929 гг. занимал пост министра здравоохранения, в 1931—1937 гг.— пост министра финансов и, наконец, в 1937—1940 гг.— пост премьер-министра Великобритании.

* * *

От этих основных вех жизни Невилля Чемберлена, носящих более формальный характер, перейду к оценке его по существу. Из предыдущего ясно, что в области политической он мог быть только консерватором. Одно время, в дни своей работы в бирмингамском муниципалитете, Чемберлен именовал себя «тори-демократом», но в дальнейшем очень быстро исчезли всякие следы какой-либо его «демократичности» (если они вообще у него когда-либо были). Чем выше поднимался он по ступеням политической лестницы, тем больше передвигался вправо и в конце концов превратился в яркого представителя самых махровых кругов консерватизма.

Разумеется, Невилль Чемберлен имел и свои особые индивидуальные черты, которые наложили определенный отпечаток на всю его общественно-государственную деятельность. Что это были за черты? В основном они сводились к следующему: ограниченный ум, большая активность, узколобое упрямство и несколько прямолинейная откровенность. Ллойд-Джордж в разговоре со мной как-то сказал: «Что такое Невилль? Да ведь это провинциальный фабрикант железных кроватей!» (намек на то, что его фирма производила металлические койки для судов). Черчилль выражался еще бесцеремоннее; не раз в наших частных беседах он именовал Невилля просто «дураком». Мои личные наблюдения над ним на протяжении восьми лет, в течение которых мне приходилось сталкиваться с ним на деловой почве, приводили меня к заключению, что Невилль Чемберлен звезд с неба не хватает и совершенно не умеет вести дипломатические переговоры. Его натуре были чужды также юмор и всякий личный «шарм», что для политика является существенным недостатком. Он всегда был холоден, сдержан, неутомим, неприступен, почти надменен, особенно в отношении людей демократического происхождения. Вот что он записал в своем дневнике (19 июня 1927 г.): «Стэнли (премьер Болдуин.— *И. М.*) просил меня помнить, что, когда я выступаю (в парламенте. *И. М.*), предо мной собрание джентльменов. Между тем у него всегда остается впечатление, когда я говорю в палате общин, будто бы я смотрю на лейбористов, как на дерьмо»[4].

[4] Keith Feiling. Указ. соч., стр. 142.

Что касается активности, то Невилль Чемберлен был наделен ею в большой, пожалуй, в слишком большой мере. Он сам однажды записал: «Моя натура такова, что, если предо мной встает какая-либо проблема, я не могу не попытаться ее разрешить» [5]. Конечно, активность сама по себе хорошее качество, но все дело в том, на что она направлена. Ниже мы увидим, что в жизни Н. Чемберлена это его качество сыграло двойственную роль и в конечном счете содействовало развязыванию величайшей мировой катастрофы.

Я уже говорил, что по своей психологии, взглядам, навыкам Невилль Чемберлен был человеком XIX в., но бо́льшую часть жизни ему суждено было провести в XX в., который, по словам В. И. Ленина, стал в истории человечества эпохой войн и революций. В силу своего упрямства и умственной ограниченности Н. Чемберлен оказался мало способным понять новую обстановку и приспособиться к ней. Здесь надо искать корни многих действий Чемберлена, которые в период его премьерства противоречили не только благу человечества, но и непосредственным интересам самой Великобритании.

Но Чемберлен был не только человеком XIX в.; он полнее всего воплощал определенную разновидность человека того времени. Душой его души был бизнес. Это был прежде всего купец со всеми свойственными ему качествами, человек глубоко штатский,— не даром к нему в дни Мюнхена так прилипла кличка «человек с зонтиком». Апологеты Чемберлена, в том числе и оба автора рассматриваемых книг, любят подчеркивать, что он был пацифистом и врагом войны. Его самые тяжелые ошибки и преступления в предвоенные годы они готовы извинить, так как те, дескать, вытекали из его страстной любви к миру. Думаю, что это не совсем так. Конечно, каждый купец хочет спокойно торговать и в этом смысле является в известной мере пацифистом. Но не без серьезных оговорок. Каждый купец, разумеется, стремится к тому, чтобы его собственная страна осталась вне войны, но это не относится к другим странам. Иногда война между третьими державами может открыть рынок для его собственной страны. Иногда военные действия в отдаленных от отечества купца районах, где-либо в Африке или Азии, могли (да и сейчас еще могут) привести к захвату новых источников сырья или новых рынков сбыта, полезных самому купцу. В таких случаях купец меньше всего думает о пацифизме. В лучшем случае купеческий пацифизм — это очень относительный пацифизм, и ниже мы увидим, как подобный пацифизм, который в известной мере был свойствен Н. Чемберлену, принес мало пользы человечеству.

---

[5] Iain Macleod. Указ. соч., стр. 164.

Имя Невилля Чемберлена тесно связано с двумя большими, хотя и далеко не равновеликими событиями нашей эпохи. Эти события — переход Англии от свободной торговли к протекционизму и вторая мировая война.

Начну с первого события. Оно имело длинную предысторию. С середины XIX в. Англия была главной твердыней свободной торговли. То была эпоха, когда Великобритания была единственной высокоразвитой индустриальной державой среди отсталых аграрных стран в Европе и за ее пределами. Располагая мировой промышленной монополией, английская буржуазия горячо отстаивала принцип свободной торговли, что было чрезвычайно выгодно для нее по двум соображениям. Во-первых, свобода торговли (т. е. отсутствие таможенных барьеров как в самой Англии, так и в других странах) обеспечивала ввоз на британские острова дешевого сырья и продовольствия, что способствовало понижению издержек производства, включая заработную плату, и, стало быть, удешевлению готовых изделий, их более широкому сбыту на внутреннем и внешнем рынках. Во-вторых, свобода торговли открывала перед Великобританией выгодные возможности наводнять мировой рынок продуктами своей промышленности и вместе с тем затрудняла создание в европейских и неевропейских державах собственной промышленности, которая могла бы в большей или меньшей степени конкурировать с британской промышленностью.

Конечно, вся эта сугубо прозаическая механика была ярко позолочена велеречивыми высказываниями английских экономистов, философов и политиков о благодетельном влиянии свободы торговли на судьбы человечества вообще. Получение высокого процента на капитал искусно вуалировалось внешне идеалистической маскировкой, по суть дела, прекрасно раскрытая в свое время К. Марксом и Ф. Энгельсом, от того нисколько не менялась.

Столь выгодное для Англии положение сохранялось 30—40 лет. Однако с конца XIX в. ситуация стала меняться. Германия, США, Франция, Россия, Япония и некоторые другие страны под защитой тарифов постепенно выращивали — в больших или меньших размерах — собственную индустрию и начинали все больше теснить торговую монополию Великобритании. Особенно опасными конкурентами для нее сделались США и Германия. Как результат, многие из числа английских промышленников и государственных деятелей стали приходить к мысли, что британская промышленность нуждается в защите от иностранного соперничества с помощью таможенных тарифов. На этой почве возникло широкое движение в пользу протекционизма, пророком которого стал отец Невилля Чемберлена, уже упоминавшийся выше Джозеф Чемберлен. План, выдвинутый им, в главных чертах сводился к превра-

щению Британской империи в «коммерческую федерацию» путем установления преференциальных таможенных тарифов между всеми членами этой империи. Конкретно: в Англии должны были быть введены 5%-ные пошлины на продовольственные и 10%-ные пошлины на индустриальные товары, ввозимые из других стран. Напротив, ввоз тех же товаров из различных частей империи должен был оставаться беспошлинным. Импорт сырья, независимо от его происхождения, точно так же должен был оставаться свободным. Члены империи в свою очередь должны были установить у себя аналогичные порядки для английских и иностранных товаров. Осуществление указанного плана, по мысли Джозефа Чемберлена, имело бы результатом, кроме непосредственной защиты английской промышленности, еще внутреннее цементирование пестрой и разношерстной Британской империи. В дальнейшем на этой экономической основе могли быть возведены уже различные другие надстройки в целях превращения Британской империи в единый военно-политический организм.

Для пропаганды своего плана Джозеф Чемберлен создал в 1903 г. «Лигу тарифной реформы», которая, однако, не встретила большой поддержки в стране. Либеральная партия оставалась на своих традиционных позициях свободной торговли. Консервативная партия, членом которой в то время был Джозеф Чемберлен, проявила больше интереса к его предложениям, однако тогда еще не решалась открыто их поддерживать, опасаясь потери голосов на выборах, ибо широкие массы боялись вздорожания жизни как следствия тарифной реформы. В конечном счете избирательная кампания 1905 г. оказалась поражением для Джозефа Чемберлена. Либералы завоевали огромное большинство мандатов, и к власти пришло фритредерское правительство Кемпбэль-Баннермана, Асквита и Ллойд-Джорджа, тарифная реформа сразу после того сошла со сцены, а затем, в 1914 г., умер и ее автор.

Началась первая мировая война. Начался общий кризис капитализма. Мир распался на две системы — капиталистическую и социалистическую; все противоречия, свойственные капитализму, сильно обострились. Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. довел эти противоречия до высшей точки, что с предельной ясностью было продемонстрировано на Мировой экономической конференции 1933 г. в Лондоне. При таких условиях мировые позиции Англии, несмотря на ее победу в войне 1914—1918 гг., становились все более шаткими. В частности, иностранная конкуренция для ее промышленности превратилась в серьезную проблему. Фритредерские традиции с каждым годом все явственнее выветривались. Их главная носительница — либеральная партия — на глазах у всех неудержимо хирела и теряла свое влияние. И когда осенью 1931 г. к власти пришли консерваторы (слегка завуалированные под «коалиционное» правительство Макдональда), план Джозефа Чемберлена вновь ожил и стал боевым лозунгом британ-

ских империалистов. Его главным проводником сделался Невилль Чемберлен, занимавший тогда пост министра финансов в кабинете Макдональда. Сам он ничего не выдумал, ничего к плану отца не прибавил, только проявил бо́льшие энергию и активность при осуществлении плана,— конечно, в несколько иных условиях, чем те, которые были 30 лет назад.

4 февраля 1932 г. Н. Чемберлен произнес в палате общин речь, в которой, ссылаясь на огромное сокращение мировой торговли (на $^2/_3$) и чрезвычайный рост безработицы в Англии (почти 3 млн. человек), предлагал приступить к реализации плана своего отца. Лейбористы и либералы-фритредеры сопротивлялись. В течение последующего полугодия в политических кругах Англии шла борьба между протекционистами и фритредерами, но протекционисты одержали победу. В результате в июле-августе 1932 г. в Оттаве (Канада) была созвана имперская конференция, на которой Невилль Чемберлен добился полного триумфа: система имперских преференций была принята всеми членами конференции. В течение 1933—1934 гг. эта система была фактически проведена в жизнь, после чего Англия и вся вообще Британская империя стали царством умеренного протекционизма (в Англии пошлины, например, не превышали 10%).

Я не случайно упомянул о триумфе Невилля Чемберлена. Официальным главой правительства, которое ввело в Англии протекционизм, был национал-лейборист Макдональд, но это была в сущности только икона. Официальным лидером консервативной партии, которая действительно командовала в правительстве, был заместитель Макдональда Стэнли Болдуин. Однако Болдуин по натуре был очень пассивен и ленив. Ллойд-Джордж мне как-то сказал о нем: «Болдуин?.. Неглупый человек, но ему больше всего хочется сидеть в халате у камина с вечерней газетой в руках. Все остальное его мало интересует». При таких обстоятельствах энергичный и активный Чемберлен очень скоро стал основной фигурой кабинета и подлинным вождем консерваторов. Оттавские соглашения были в первую очередь делом его рук. Еще больше возросло его влияние в дальнейшем. В своем дневнике Чемберлен (8 марта 1934 г.) пишет: «Я все больше и больше прихожу к выводу, что я тащу на своей спине все правительство. Премьер больной и усталый человек, Болдуин также усталый человек и не хочет углубляться в различные проблемы. Пора производить перемены»[6].

Да, не подлежит сомнению, что к середине 30-х годов Невилль Чемберлен достиг зенита своей политической карьеры. За спиной у него был целый ряд крупных успехов, успехов в качестве лорд-мэра Бирмингама, министра здравоохранения, министра финансов и, наконец, проводника тарифной реформы. Пойми он в тот мо-

[6] Iain Macleod. Указ. соч., стр. 164.

мент, что его полезность для господствующего класса исчерпана, уйди от активной работы в качестве министра, перейди на положение уважаемого «Grand ild Man» («убеленного сединами ветерана») консервативной партии,— ему было в это время 66—67 лет — он завоевал бы себе почетное с буржуазно-английской точки зрения место в политической истории Великобритании. У него не было бы, конечно, «мирового имени», но в своей стране он пользовался бы широким признанием в общественно-политических кругах. Однако государственному человеку, имеющему хотя какой-либо успех, труднее всего уметь вовремя уйти от власти. Невилль Чемберлен этого не сумел и был жестоко наказан. Правда, он стал «мировым именем», но каким «мировым именем»?..

* * *

Невилля Чемберлена погубило его отношение к Советскому Союзу.

Среди руководящих кругов английской буржуазии в период между двумя мировыми войнами имелись две основные группы по так называемому русскому вопросу. Одна группа шла в фарватере примитивной классовой ненависти к стране социализма и ради этого готова была жертвовать даже непосредственными интересами Великобритании. Другая группа, состоявшая из людей более умных и менее подверженных власти слепой эмоции, в своем отношении к Советскому Союзу проявляла больше гибкости и реализма. Ненавидя социализм не менее чем первая группа, она все-таки считала возможным поддерживать с СССР нормальные дипломатические отношения и развивать торговлю между обеими странами. Линию первой группы представляли такие люди, как Керзон, Уркварт, Детердинг, Болдуин, Лондондери, Галифакс, Самуэль Хор и др. Линию второй группы представляли Ллойд-Джордж, Биверброк, Иден, Ванситарт, Вальтер Эллиот и др. Черчилль в 20-х годах принадлежал к первой группе, но после прихода Гитлера к власти он примкнул ко второй. Что касается Невилля Чемберлена, то он с самого начала и до конца оставался слепым ненавистником Советской страны. Тому имеется много доказательств. Приведу здесь некоторые примеры.

Едва в России разразилась революция — еще Февральская революция! — Невилль Чемберлен уже ощетинился. В своем дневнике (22 апреля 1917 г.) он записывает: «Эта русская революция, которую по странной иронии судьбы всюду встречают возгласами одобрения, как будто бы она способна выиграть для нас войну, создает путаницу в неустойчивых умах по всему миру» [7]. Позднее, в 20-е годы, когда родившееся в Октябре Советское государство стало постепенно укрепляться, Невилль Чемберлен поддерживал все попытки Керзона, Болдуина и Джойнсона Хикса подорвать его жизненную силу и ухудшить отношения между двумя странами.

[7] Keith Feiling. Указ. соч., стр. 79.

В ноябре 1932 г., сразу после моего приезда в Лондон в качестве посла СССР, я имел весьма поучительный разговор с Невиллем Чемберленом. В то время консервативное правительство, только что вернувшееся с Оттавской конференции, односторонним актом денонсировало выгодное для обеих стран торговое соглашение 1930 г., подписанное СССР с предшествовавшим лейбористским правительством. Нам предстояло вести переговоры о новом торговом соглашении. Министр финансов имел к таким переговорам ближайшее отношение, и я решил посетить Невилля Чемберлена и произвести необходимый предварительный зондаж. Мы имели длинный разговор на различные финансово-экономические темы, во время которого министр финансов спросил меня, почему Советский Союз продает в Англии много, покупает в Англии мало, а большую часть своей выручки в Лондоне тратит на оплату заказов в Германии. Видно было, что душа Н. Чемберлена вопиет о такой «несправедливости». Я ответил ему, что Советское правительство поступает, как хороший купец: продает там, где выгодно, покупает там, где выгодно.

— По почему вы считаете,— спросил Чемберлен,— что вам выгоднее покупать в Германии?

— По очень простой причине,— ответил я,— немцы дают нам кредиты до пяти лет, а вы не даете.

Лицо министра финансов вдруг приняло ледяное выражение, он круто повернулся на кресле и каким-то зловещим тоном с расстановкой сказал:

— Что же, вы хотите, чтобы мы давали долгосрочные кредиты своим врагам? Нет, уж мы лучше используем наши деньги в других направлениях.

В тон Чемберлену я ответил:

— Я ровно ничего не хочу, господин министр финансов, я вовсе не пришел к вам за кредитами... Вы спросили меня, почему Советский Союз помещает заказы преимущественно в Германии. Я вам объяснил, и только. Все остальное уже ваше дело.

Я был рад, что Чемберлен так откровенно выявил свое подлинное лицо, без всяких прикрас. По крайней мере я хорошо знал, с кем имею дело. Однако, выходя из кабинета министра финансов, я невольно подумал: «Ну, плохой же ты дипломат».

В том же разговоре с ним я получил еще одно доказательство крайней враждебности его к нашей стране. План Джозефа Чемберлена при своем рождении в начале XX в. имел общий характер: он был направлен против конкуренции всех прочих держав. В нем не было элемента дискриминации по адресу какой-либо одной определенной страны. План, проведенный в 1932 г. его сыном, носил иной характер. Заключенное в Оттаве англо-канадское торговое соглашение включало пресловутый параграф 21, который обязывал британское правительство запрещать ввоз в Ан-

тлию товаров любой иностранной державы, если уровень цен этих товаров под влиянием «государственной державы» будет подрывать ценность «преференций», получаемых канадскими производителями на английском рынке. СССР в этом параграфе прямо не назывался, но фактически речь шла о вытеснении с английского рынка советского лесоэкспорта, который сильно конкурировал здесь с канадским. Это была явная дискриминация в отношении СССР, против которой мы решительно протестовали. Н. Чемберлен пытался уверить меня, будто бы параграф 21 был навязан англичанам «скверным мальчиком» — канадским премьером Беннетом. Для меня, однако, было совершенно ясно, что, если бы Чемберлен действительно хотел предупредить подобную дискриминацию, то при своей энергии и активности он, конечно, мог бы этого добиться. Беда была в том, что он просто не хотел. Советской стороне пришлось затратить немало усилий для того, чтобы в торговом соглашении 1934 г. обломить наиболее острые углы этой дискриминации.

В январе 1933 г. Гитлер пришел к власти в Германии. С этого момента перед Европой, да и перед всем миром стали совсем новые проблемы. Очень скоро стало совершенно ясно, что целью нацизма является мировое господство, а путем к нему — агрессия без конца, с самым бесцеремонным нарушением наиболее элементарных норм международного права и международных обычаев. Предметом вожделений Гитлера сделались не только Польша и Украина, но и колониальные империи Англии, Франции и некоторых других стран. Перед правительствами Москвы, Лондона, Парижа остро встал неотложный вопрос: что делать для ликвидации вновь возникшей опасности? (Для Вашингтона этот вопрос первоначально был менее актуален.) Наиболее разумным ответом на этот вопрос было бы объединение всех стран, которым угрожал нацизм, на путях коллективной безопасности, как минимум, пакт военной взаимопомощи между СССР, Англией и Францией. Именно такую позицию заняло Советское правительство. Если бы такая позиция встретила поддержку в Лондоне и Париже, если бы уже в середине 30-х годов был заключен пакт взаимопомощи между тремя названными державами, весь ход дальнейшего развития человечества пошел бы совершенно иначе. Гитлеровский нацизм, со всех сторон сжимаемый кольцом опомнившихся стран, лишен был бы внешних успехов и, конечно, очень быстро потерял бы влияние на широкие круги немецкого народа. В Германии произошла бы внутренняя революция, и к власти пришли бы совсем иные элементы. Призрак агрессии без конца рассеялся бы, и вторая мировая война в 1939 г. не разразилась бы. Учитывая возможность таких перспектив, Советское правительство в 1934—1939 гг. различными способами и в различных формах стремилось подвести Европу к объединению всех сил мира против сил войны, в первую очередь против агрессивных планов Гитлера. В Англии

и Франции политика СССР находила значительное сочувствие среди демократических кругов этих стран, а также среди более дальновидных представителей господствующего класса. Сторонниками тройственного пакта взаимопомощи были, например, Черчилль в Англии, Эррио во Франции.

К сожалению, большинство господствующего класса в обеих названных странах отнеслось отрицательно к идеям коллективной безопасности, в частности, к тройственному пакту взаимопомощи, и стало искать какие-то другие пути для парирования нацистской угрозы. Невилль Чемберлен сыграл в этом отношении очень большую и чрезвычайно вредную роль. Для него пути коллективной безопасности исключались, ибо это означало совместную борьбу Англии и СССР. Как? Протянуть руку большевикам? Пойти на дружеское сотрудничество с «нашими врагами»? И против кого? Против Гитлера, который ненавидит Страну Советов и обещает разгромить этих самых «наших врагов»?! Правда, манеры Гитлера грубы и способны иногда шокировать респектабельных англичан, но какое это имеет значение? Главное то, что Гитлер готов взять на себя грязную работу по борьбе с «социалистической опасностью» с Востока, а это важнее всего. Нет, нет! Тройственный пакт взаимопомощи Чемберлену не подходил. Он рассчитывал предотвратить опасность для мировых позиций Великобритании другими средствами.

Какими? А вот какими. В 1934—1935 гг., когда Н. Чемберлен стал приобретать все большее влияние на внешнюю политику Англии, он сделался наиболее ярким представителем так называемой концепции «западной безопасности». Суть ее сводилась к следующему:

Гитлеровская Германия по самому существу своему должна где-то драться; стало быть, надо «канализировать» ее агрессию в наиболее безопасном для Англии и Франции направлении; таким наиболее безопасным направлением является Восток Европы; пусть Гитлер ищет для себя «жизненного пространства» в СССР и оставит в покое Запад; Запад же готов не мешать ему в развертывании войны на Востоке; более того Запад готов «умиротворять» его, т. е. подкармливать политически и экономически до нападения Германии на СССР и оказывать различное (но не военное) содействие после того, как нападение состоится. Поскольку и СССР, и Германия во взаимной борьбе должны, конечно, сильно ослабеть, то неизбежно должен наступить день, когда «хозяином» Европы станут англо-французы, вероятно, с участием американцев. Вот тогда-то наступит момент, когда Запад сможет продиктовать свой «мир», обеспечивающий ему длительное, очень длительное господство.

Концепция «западной безопасности» была не только преступной, но и чрезвычайно глупой. Только люди, ослепленные классовой ненавистью к стране социализма, могли рассчитывать на ее

успех. Люди, более дальновидные и реалистически настроенные, даже среди господствующего класса прямо издевались над ней и над ее пророком Невиллем Чемберленом. Помню, Черчилль мне как-то сказал:

— Невилль дурак..., он хочет ехать верхом на тигре... Не выйдет!

Что касается Советского Союза, то зимой 1934/35 г. в противовес концепции «западной безопасности» он выдвинул устами М. М. Литвинова лозунг «Мир неделим», который тогда приобрел большую популярность.

Однако Чемберлен, загипнотизированный патологической ненавистью к СССР, ничего не хотел видеть и упорно толкал свою страну и весь мир к ужасной катастрофе.

* * *

28 мая 1937 г. Болдуин ушел на покой, и Невилль Чемберлен стал премьером Великобритании. Наступил последний и поистине роковой период в его жизни и политической карьере, который дорого обошелся Англии и всему человечеству.

Иден в своих мемуарах рассказывает, что незадолго до назначения Чемберлена премьером (но когда вопрос об этом был уже предрешен) он как-то был у него на обеде, где присутствовал также старший брат Невилля Остин, бывший министром иностранных дел. Говорили на разные международные темы, причем Невилль также высказал несколько суждений. В ответ Остин заметил: «Невилль, ты должен помнить, что ты ничего не понимаешь в делах внешней политики» [8]. Невилль, однако, думал совсем иначе. Успехи предшествующих лет сильно вскружили ему голову, он проникся убеждением, что все может. Больше того, он был охвачен каким-то мессианским духом и считал, что сама «судьба» избрала его быть спасителем людей, прежде всего Англии, от угрозы войны и связанных с ней страданий. Чемберлен с презрением смотрел на Идена, Ванситарта и других работников дипломатического ведомства, был уверен в ошибочности их методов действия и не сомневался, что сумеет найти другие пути подхода к «диктаторам», которые обеспечат ему успех в установлении длительного мира на Западе.

Помню, 29 июля 1937 г., вскоре после прихода Н. Чемберлена к власти, я посетил его и спросил, в чем будут состоять основные линии внешней политики Великобритании. Он долго и обстоятельно объяснял мне, что основной проблемой момента является Германия. Надо прежде всего урегулировать этот вопрос, а тогда все остальное уже не представит особых трудностей. Но как урегулиро-

---

[8] «The Memoirs of Anthony Eden. Facing the Dictators». L., 1962, p. 502.

вать германскую проблему? Премьеру казалось это вполне возможным, если применить правильный *метод* урегулирования. Именно *метод*, в этом все дело. До сих пор английская дипломатия, по его мнению, использовала неправильные методы и успеха не имела. Он, Чемберлен, все это изменит.

— Если бы мы могли,— говорил Н. Чемберлен,— сесть с Гитлером за один стол и с карандашом в руках пройтись по всем его жалобам и претензиям, думаю, это сильно приблизило бы нас к примирению.

Итак, все дело было лишь в том, чтобы сесть за один стол с карандашом в руках! Как просто! Прав был Остин Чемберлен, когда говорил, что Невилль ничего не понимает во внешней политике. Невилль, очевидно, представлял себе, что он и Гитлер, как два купца, при свидании сядут за стол, поспорят, поторгуются и затем в конце концов ударят по рукам. Вот как примитивны были политические понятия премьера!

Достигнув высшей власти, Н. Чемберлен со свойственной ему энергией и активностью стал «наводить порядок» в области внешней политики. Прежде всего ему нужно было создать соответствующий его взглядам «Форейн оффис». Иден и Ванситарт, которые до того возглавляли ведомство иностранных дел, были явно не подходящими для Чемберлена людьми: оба они являлись сторонниками тройственного пакта взаимопомощи. Ленивая пассивность Болдуина оставляла им известную возможность проводить до того свою линию. Болдуин, который вообще не любил заниматься иностранными делами, во многом передоверял эту область непосредственным руководителям «Форейн оффиса». При Чемберлене картина резко изменилась. Став премьером, он заявил Идену, что не в пример своему предшественнику будет сильно интересоваться и внимательно следить за отношениями Англии с другими государствами. Дальше, естественно, пошли споры и разногласия между руководством «Форейн оффиса» и главой правительства. Отношения стали портиться. Затем Ванситарт 1 января 1938 г. был освобожден от своего ключевого поста — постоянного товарища министра иностранных дел — и назначен на явно декоративную должность «главного дипломатического советника правительства». Это было чисто по-английски: дать отставку через повышение в чине. А 20 февраля 1938 г. демонстративно вышел в отставку Иден, ибо Н. Чемберлен, используя средства провозглашенной им «новой дипломатии», создал ситуацию, при которой министру иностранных дел не оставалось иного выхода. Очистив таким путем Форейн оффис от неугодных ему людей, премьер назначил преемником Идена своего близкого единомышленника Галифакса.

Далее Н. Чемберлен стал шаг за шагом концентрировать все руководство внешней политикой в своих руках, сведя в конце концов «Форейн оффис» к роли собственной канцелярии по ино-

странным делам. Этот процесс в конечном счете принял столь недопустимые формы, что вызвал протесты даже со стороны Галифакса. Но премьер закусил удила и никого не хотел слушать. Его главным и всемогущим советником в области внешней политики сделался Хорас Вилсон, «главный советник правительства по индустриальным делам», столь же мало сведущий в области иностранных дел, как и Чемберлен.

Положение Н. Чемберлена сильно укреплял тот факт, что как раз около этого времени в Лондоне окончательно сложилась так называемая «Кливденская клика», состоявшая из самых махровых реакционеров господствующего класса (Галифакс, Самуэль Хор, Кингсли Вуд, Джефри Доусон, Лотиан и др.). Все они по «уикендам» собирались в салоне лэди Астор в ее загородном имении Кливден (отсюда и самое имя клики) и между двумя партиями гольфа нередко решали важнейшие государственные дела. Главой этой клики был премьер-министр.

Захватив реальную власть в свои руки, Н. Чемберлен фактически превратил свое правительство в «one man Government» (правительство одного человека) и стал уверенно проводить «новый курс» в английской дипломатии. Исходя из своего «купеческого» представления о переговорах между руководителями государств, премьер считал, что аппетит диктаторов надо «умерить» надлежащими уступками (не может же он быть безграничным!) и уже потом, когда сытые диктаторы придут в лучшее настроение, заключать с ними более прочные соглашения, обеспечивающие Англии ее мировые позиции. В соответствии с этой нелепой доктриной Чемберлен и приступил к действию.

1 марта 1938 г. Галифакс сменил Идена на посту министра иностранных дел. Это Гитлер расценил как зеленый свет для агрессии и 12 марта молниеносным ударом захватил Австрию. Точно издеваясь над лондонскими «умиротворителями», фюрер приурочил свой «прыжок» как раз к тому дню, когда Чемберлен торжественно принимал за столом у себя приехавшего в Англию Риббентропа, только что назначенного министром иностранных дел. Что же Англия? Что же Франция? Они не шелохнулись. Действие Чемберлена в данном случае состояло в полном бездействии. Это было настоящим подарком для агрессоров.

16 апреля 1938 г. Чемберлен заключил с Муссолини договор о дружбе, включавший также признание Эфиопии частью Итальянской империи. Иден настаивал, чтобы фашистский диктатор купил этот договор выводом итальянских войск из Испании, где они в то время оказывали большую помощь Франко: на этой почве и произошел конфликт между премьером и министром иностранных дел, закончившийся отставкой последнего. Изгнав Идена, Чемберлен подписал договор с Муссолини без всяких условий. Правда, ввиду сильных протестов английской общественности Чемберлен обещал ратифицировать договор лишь после того, как

большая часть итальянских войск будет эвакуирована из Испании.

Однако полгода спустя он нарушил свое слово: англо-итальянский договор был ратифицирован как раз тогда, когда Франко в основном силами итальянских дивизий подготовлял наступление в последней решающей битве испанской войны — в битве за Каталонию. Больше того. Уже в самый разгар этой битвы, в январе 1939 г., Чемберлен вместе с Галифаксом совершили паломничество в Рим, чем доставили особую радость Муссолини. А когда после возвращения в Лондон Чемберлен сделал в парламенте отчет о своем римском визите, случилось то, чего еще никогда не бывало в анналах британского парламентаризма: перед выступлением в палате общин премьер-министр послал свой отчет на предварительный просмотр итальянскому диктатору!.. Не удивительно, что, когда Чемберлен однажды заболел, во всех храмах франкистской части Испании по предписанию «каудильо» служились молебны об его выздоровлении.

Однако самая позорная страница в деятельности Невилля Чемберлена последнего периода связана с именем Мюнхена. Она подготовлялась давно. Одним из первых шагов премьера в этом направлении была посылка в ноябре 1937 г. Галифакса, тогда еще не занимавшего поста министра иностранных дел, в Берлин для того, чтобы в неучастном порядке вступить в переговоры с Гитлером об общем урегулировании англо-германских отношений. В этой беседе Галифакс предлагал фюреру своего рода альянс на базе «пакта четырех» и предоставления ему свободы рук в Центральной и Восточной Европе. В частности, Галифакс заявил, что «не должна исключаться никакая возможность изменения существующего положения» в Европе, и далее уточнил, что «к этим вопросам относятся Данциг, Австрия и Чехословакия». Конечно, Галифакс счел необходимым сделать благочестивую оговорку: Англия заинтересована лишь в том, чтобы эти изменения были произведены путем мирной эволюции». Но Гитлер хорошо понимал ее цену. Галифакс даже допускал при известных условиях возвращение Германии ее прежних колоний [9].

Захват Австрии был первой практической интерпретацией со стороны фюрера его беседы с Галифаксом. Спокойствие, с которым этот акт агрессии был встречен в Лондоне и Париже, только еще больше окрылило Гитлера. Теперь опасность нависла над Чехословакией. СССР счел необходимым выступить с предупреждением. В интервью 17 марта 1938 г., т. е. через пять дней после падения Австрии, народный комиссар иностранных дел М. М. Литвинов от имени Советского правительства заявил, что оно «готово участвовать в коллективных действиях... с другими державами в

[9] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I. М., 1948, стр. 17, 23, 35, 36.

Лиге Наций или вне ее...» для обсуждения практических мер по борьбе с агрессией [10]. Одновременно советские послы в Лондоне, Париже и Вашингтоне получили из Москвы указание передать текст интервью Литвинова соответственным правительствам с сопроводительной нотой о том, что данное интервью является официальным выражением точки зрения Советского правительства. Я не замедлил это сделать, но 24 марта получил в ответ длинную ноту за подписью Галифакса, в которой сообщалось, что британское правительство считает нежелательным созыв конференции, которая имела бы задачей «организовать объединенную акцию против агрессии». Отклики на советскую инициативу в Париже и Вашингтоне были не лучше, чем в Лондоне.

Теперь для гитлеровской агрессии против Чехословакии была открыта зеленая улица. Я не стану здесь останавливаться на подробностях событий, которые привели к Мюнхену,— они слишком хорошо известны,— скажу только следующее. Если бы после интервью Литвинова Англия и Франция искренно протянули руку Советскому Союзу, гитлеровская агрессия была бы приостановлена, Чехословакия была бы спасена, нацизму в Германии был бы нанесен тяжелый удар, и он под действием процессов внутреннего развития должен был бы уступить место другому, более миролюбивому режиму. Вся дальнейшая история пошла бы иначе. Но так как Чемберлен слепо ненавидел СССР и ни за что не хотел идти с ним единым фронтом (а Даладье охотно следовал за Чемберленом), то на первом этапе стал неизбежен Мюнхен, а на следующем этапе — вторая мировая война. Но «умиротворители» этого не видели, вернее, не хотели видеть. Чемберлен, вернувшись из Мюнхена, размахивал на аэродроме подписанной им и Гитлером декларацией о ненападении обеих держав друг на друга и громко провозглашал, что этот документ гарантирует «мир в наше время». А Галифакс в разговоре с германским послом в Лондоне Дирксеном высказывал мнение, что после Мюнхена мир в Европе гарантирован на 50 лет [11].

Говоря о Мюнхене, хочу привести еще один характерный штрих. Когда впоследствии Чемберлена и Даладье спрашивали, почему на это совещание не был приглашен СССР, они обычно отвечали, что созыв встречи происходил в такой сумасшедшей спешке, которая исключала просто физическую возможность каких-либо переговоров с Советским правительством. Такое объяснение (если его вообще можно считать объяснением) — сплошное надувательство. Дело было совсем в другом, и это мне лично сказал не кто иной, как Галифакс. Привожу следующий отрывок из его собственной записи разговора со мной, происходившего

---

[10] «Известия», 18 марта 1938 г.

[11] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II. М., 1948, стр. 146, 147.

29 сентября 1939 г., т. е. когда судьба Чехословакии уже была решена:

«Мы все должны считаться с фактами, один из этих фактов состоит в том, что, как ему (т. е. мне.— *И. М.*) хорошо известно, главы германского и итальянского правительств в нынешней обстановке не захотели бы сидеть на конференции вместе с Советским правительством...» [12]

Это было настоящее «свидетельство о бедности», выданное британскому правительству его собственным министром иностранных дел. Итак, все решали Гитлер и Муссолини, а Чемберлен и Даладье лишь покорно принимали то, что им заблагорассудится сделать. Трудно было представить картину большего унижения для глав правительств двух великих держав, владения которых тогда еще имелись во всех концах земли.

15 марта 1939 г. Гитлер молниеносно оккупировал Чехословакию. Мюнхенский договор был разорван на куски через полгода после его подписания. Чемберлен пытался было сделать вид, будто бы ничего особенного не случилось, однако общественное возбуждение в Англии было столь велико и оно охватило столь разнообразные круги, что премьер вынужден был, по крайней мере внешне, перестроиться. Он осудил этот новый акт агрессии Гитлера и даже стал искать контакты с СССР. 17 апреля 1939 г. Советское правительство поставило вопрос прямо: если Англия и Франция действительно хотят обуздания агрессии, надо немедленно заключить тройственный пакт взаимопомощи и военную конвенцию между СССР, Англией и Францией против опасности со стороны гитлеровской Германии. В душе Чемберлен и Даладье вовсе этого не хотели. Вот что писал Чемберлен в своем дневнике (26 марта 1939 г.):

«Должен сознаться, у меня существует глубокое недоверие к России. Я не верю в ее способность к эффективному наступлению, если бы она даже стремилась к этому. Я не доверяю также ее мотивам, которые, как мне кажется, имеют мало общего с нашими идеями свободы» [13].

При наличии таких настроений Чемберлен и Даладье все еще не теряли надежды, что концепция «западной безопасности» в конечном счете будет осуществлена. Конечно, в сложившейся обстановке они не могли этого открыто сказать, опасаясь слишком бурной реакции масс. Поэтому официально они согласились на ведение тройственных переговоров, но в течение последующих месяцев упорно саботировали подписание тройственного пакта.

В августе 1939 г. стало совершенно ясно, что по вине Чемберлена и Даладье успех переговоров невозможен. Тогда Советское

---

[12] «Documents on British Foreign Policy». Third Series, vol. II. L., 1959, p. 623—626.

[13] Keith Feiling. Указ. соч., стр. 403.

правительство сделало решительный шаг: 23 августа оно подписало пакт о ненападении с Германией. Это была горькая пилюля, но ее приходилось проглотить, ибо иного выхода в тот момент не было. Оставаться в полной изоляции для СССР было слишком опасно: в обстановке тех дней легко мог бы образоваться единый фронт всех крупных капиталистических держав против него. Кроме того, пакт оттягивал вовлечение СССР в войну. К сожалению, Сталин слишком поверил в прочность пакта, и выигранная отсрочка была использована для укрепления обороны СССР далеко не полностью. Оба эти просчета обошлись Советской стране очень дорого: ими объясняются наши неудачи в первые полтора года войны. Подробно обо всем этом я писал в другом месте [14] и здесь не хочу повторяться.

Классовая злостность и политическая слепота Невилля Чемберлена были жестоко наказаны. Англия и Франция попали в тот капкан, который столь тщательно и упорно они подготовляли для СССР. 1 сентября 1939 г. Гитлер напал на Польшу. 3 сентября Англия и Франция вынуждены были формально объявить войну Германии, но они не сделали ровным счетом ничего для помощи своему польскому союзнику. Поведение обеих держав в течение сентября, когда на весах истории взвешивались судьбы Польши, было просто предательское. А затем в апреле и мае 1940 г. Гитлер обрушился на Данию и Норвегию, Голландию и Бельгию. Что же Чемберлен? Даже в эти грозные дни он все еще не расставался со своими злостными иллюзиями, будто бы Гитлера все-таки можно будет повернуть на восток. Зимой 1939/40 г. он вместе с Даладье вел так называемую странную войну: английская авиация сбрасывала на Германию миллионы листовок о том, какая плохая вещь война, а на франко-германской границе все время происходили маневры патрулей на «ничьей земле», между линией Мажино и линией Зигфрида. Удар Гитлера в Скандинавии и у берегов Немецкого моря положил конец этой игре в войну. Началась война всерьез.

Время, отпущенное судьбой Чемберлену, истекло. 9 мая 1940 г. его правительство пало.

---

[14] И. Майский. Воспоминания советского посла, т. II. М., 1964, стр. 452—531.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ПУТЬ АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ К ПОТСДАМУ[1]

★

В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ

Коалиция государств и народов, выигравшая 20 лет назад войну против блока агрессивных держав с фашистскими и крайне милитаристскими режимами — Германии, Италии, Японии и их союзников, была сложным явлением в международных отношениях. И в то же время это было вполне естественное и закономерное явление, имевшее огромное прогрессивное значение для всего человечества.

В капиталистическом мире можно часто встретить книги, в которых эта коалиция именуется «странным союзом», «неестественным союзом» и т. п. В таких оценках есть две стороны. Во-первых, утверждения о «неестественности» коалиции, разгромившей державы оси, предназначены оправдать и обосновать действия тех, кто эту коалицию разрушил, кто не позволил ей после завоевания победы действовать в целях завершения послевоенного мирного урегулирования. Логика в данном случае простая: «неестественная» коалиция распалась с окончанием войны именно потому, что она представляла собой «неестественное» и, следовательно, нежизненное объединение. Во-вторых, американские, английские и западногерманские авторы, а именно они наиболее настойчиво утверждают, что коалиция была «странным союзом»[1a], тем самым пытаются доказать, что никакое длительное политическое сотрудничество между социалистическими странами, в данном случае с Советским Союзом, и капиталистическими держава-

[1] Доклад, прочитанный 14 июня 1965 г. в Потсдаме на Международном коллоквиуме, посвященном проблеме «Потсдамские соглашения и европейская безопасность».

[1a] J. L. Snell. Illusion and Necessity. The Diplomacy of Global War. 1939—1945. B., 1963, p. 148.

ми невозможно; и если иногда такое сотрудничество и возникает, то оно является исключением, вызванным чрезвычайными обстоятельствами, и немедленно прекращается, как только исчезают эти чрезвычайные обстоятельства. Практически речь идет о «неестественности» и, следовательно, о невозможности мирного сосуществования государств с различными социальными системами. Между тем возникновение коалиции, ее существование и успешное решение коалицией ее военной задачи, ее решения по послевоенному мирному урегулированию в огромной степени обязаны принципу мирного сосуществования — основному принципу внешней политики Советского Союза.

Коалицию вызвали к жизни три основных фактора.

Во-первых, это политика Советского Союза. Известно, что Советский Союз на протяжении ряда лет, предшествовавших возникновению второй мировой войны, настойчиво добивался создания единого фронта государств, который должен был стать неодолимой преградой на пути агрессии, практиковавшейся тогда Германией, Италией и Японией. В то время правительства Англии, Франции и США не пошли на предлагавшиеся Советским правительством совместные действия против агрессивных стран. А ведь не исключено, что если бы такая коалиция возникла до сентября 1939 г., то это предотвратило бы мировую катастрофу. Иден, министр иностранных дел Англии периода войны, совершенно определенно заявлял об этом в военные годы [2]. Известно также, что после практического отказа западных держав эффективно действовать вместе с СССР по предотвращению надвигавшейся войны, советская внешняя политика рядом акций расколола намечавшийся и длительное время готовившийся империалистическими силами антисоветский фронт. В результате этих действий СССР западные державы вынуждены были в конце концов пойти на сотрудничество с СССР теперь уже не для предотвращения войны, а для завоевания победы над блоком фашистских государств.

Создание антифашистской коалиции и участие в ней для СССР было осуществлением принципа мирного сосуществования в особых условиях. Специфика международных отношений в 1941—1945 гг. привела к тому, что Советский Союз, ведя борьбу против нападавшей на него Германии и ее союзников, в то же время смог не только сохранить с большей частью капиталистического мира отношения, основывающиеся на принципе мирного сосуществования, но и значительно углубить и расширить эти отношения. В этом заключалась особенность действия принципа мирного сосуществования на этапе второй мировой войны.

---

[2] W. P. and Z. K. Coates. A History of Anglo-Soviet Relations, vol. II. L., 1958, p. 51.

Если в 1918 г. вопрос о возможности сотрудничества с одной группой империалистов для того, чтобы отбиться от нападения другой, вызывал острые споры в большевистской партии Советской России, то теперь вся партия, монолитная и единая, исходила из ленинского положения о том, что в интересах социализма возможно военно-политическое сотрудничество социалистического государства с буржуазными странами. В свое время В. И. Ленин писал, что если в 1918 г. мы не пошли на союз с Антантой против Германии, то мы поступили так, «отнюдь не отказываясь вообще от военных соглашений с одной из империалистических коалиций против другой в таких случаях, когда это соглашение, не нарушая основ Советской власти, могло бы укрепить ее положение и парализовать натиск на нее какой-либо империалистской державы...» [3]. Такая ситуация сложилась в 1941 г., и Советский Союз не только вступил в антифашистскую коалицию, но принял активнейшее участие в ее создании и сыграл в ней важнейшую роль.

Во-вторых, возникновению коалиции и успеху ее деятельности содействовало своеобразное развитие противоречий, присущих мировой политике. Нападение в 1941 г. Германии и ее союзников на СССР означало, что противоречие между капитализмом и социализмом достигло крайнего обострения. Однако одновременно в огромной степени обострилось и противоречие между империалистическими державами, в результате чего война между ними началась даже несколько раньше, чем вступил во вторую мировую войну Советский Союз. При этом для Англии и США возникла настолько серьезная опасность со стороны Германии и Японии, что их правительства оказались вынужденными, руководствуясь соображениями самосохранения, пойти на сотрудничество с Советским Союзом.

Эти действия правительств Англии и США объясняются тем, что на определенном этапе войны они поняли, что без союза с СССР они не смогут одержать победу над своими противниками. Английский историк Нобл Фрэнкланд, написавший вместе с Чарльзом Вебстером многотомную историю стратегических бомбардировок, писал в 1959 г., что в этой войне «Англия и Америка хотя и объединились в самом тесном союзе, но тем не менее не располагали ни стратегическим гением, ни военными ресурсами, необходимыми для нанесения поражения Гитлеру без большой помощи со стороны коммунистической России» [4]. Известный американский историк Джон Спелл пишет, что из истории международных отношений периода войны он извлек вывод, что «свобода выбора, имевшаяся у государственных деятелей..., зачастую была крайне ограниченной». Далее он замечает, что «величайшим ре-

---

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 323.

[4] «International Affairs», July 1959, p. 343.

шением, которое Запад принял под давлением необходимости, было решение объединиться в союзе с Советским Союзом» [5].

В-третьих, огромную роль сыграли в возникновении коалиции народные массы. В 1941 г. народы в своей основной массе поняли, какую огромную опасность для них представляют германский и итальянский фашизм и японский милитаризм. Одновременно в народных массах крепло сознание, что только в союзе с СССР можно отбить черную волну фашизма. Эти настроения стали настолько сильными к весне 1941 г., что с ними не могли не считаться правящие круги Англии и США. В дальнейшем, когда героические, невиданные в истории человечества военные усилия советских людей показали, на что способно социалистическое государство в борьбе за свою свободу и независимость против фашизма, народы поняли, что борьба Советского Союза — это и их борьба. Сознание, что победа мыслима лишь в союзе с СССР, побуждало народы требовать сохранения и упрочения коалиции, выступать против интриг реакционных сил, направленных на подрыв коалиции. В результате такого хода событий антифашистская коалиция государств стала коалицией народов. В этом был залог ее прочности и успеха.

Жизнь поставила перед коалицией две исторические задачи: разгромить Германию, Италию и Японию, несших человечеству фашистское порабощение, и обеспечить послевоенное устройство мира на демократических, отвечающих интересам народов, принципах.

Первую задачу коалиция выполнила успешно и целиком. Страны антифашистской коалиции, несмотря на различие социального строя и идеологий, объединились для совместной борьбы против общего врага. Тем самым было доказано, что социальные различия не могут помешать военному, политическому и экономическому сотрудничеству, если имеются обоюдная заинтересованность и общая цель, отвечающая интересам народов.

Вполне естественным является то, что внутри коалиции существовали порой довольно острые расхождения. Внутри коалиции в годы войны шла борьба двух политических курсов как по вопросу о достижении быстрейшей победы над общим врагом, так и по вопросу о демократических принципах послевоенного устройства мира.

Не имеет смысла преуменьшать размеры и остроту этой борьбы. Величие коалиции, действовавшей против держав оси, как раз в том и состоит, что ее участники, несмотря на имевшиеся различия в их позициях, смогли преодолеть разделявшие их расхождения и прийти к победе над общим врагом.

Серьезно осложняло общую военную борьбу известное непонимание правительствами Англии и США возможностей СССР и его

---

[5] J. L. Snell. Указ. соч., стр. 210, 211.

решимости вести до победы войну против Германии и ее союзников. В начале это выражалось в уверенности большинства руководящих государственных и военных деятелей этих стран в том, что Советский Союз сможет оказать Германии организованное сопротивление лишь в течение нескольких недель. Затем, когда эти прогнозы были опрокинуты ходом битвы на советско-германском фронте, союзные руководители сочли, что СССР хотя и имеет шансы выстоять в этой титанической борьбе, но неизбежно придет к ее окончанию совершенно обескровленным и ослабевшим. Эти оценки, или, точнее, просчеты оказывали влияние на союзное стратегическое планирование. К этому прибавлялись диктовавшиеся классовыми соображениями последовательные расчеты на необходимость для империалистических кругов содействовать максимальному ослаблению своего советского союзника.

Отсюда и имевшая место борьба внутри коалиции по вопросу о том, как быстрее добиться победы над врагом. Эта борьба, как известно, сконцентрировалась вокруг вопроса об открытии второго фронта в Европе. Враждебным СССР силам в лагере союзников удалось сорвать открытие второго фронта в 1942 и 1943 гг. Упоминавшийся уже выше Джон Снелл пишет: «Черчилль и Рузвельт могли предпочесть выждать в сторонке, покуда гитлеровская Германия и Россия истощат друг друга. Фактически... они частично и сделали это, оттянув создание второго фронта во Франции до 1944 г.»[6] Это была политика, чреватая серьезной опасностью для коалиции, для победы над врагом.

Военные усилия СССР, превосходившие усилия его союзников, были тем цементом, который прочно скреплял великий союз. Они нейтрализовали попытки недругов СССР и симпатизирующих фашизму сил в США и Англии взорвать коалицию свободолюбивых народов. Победа советских войск в битве под Москвой сделала возможным заключение в 1942 г. долговременного союза между СССР и Англией в войне против гитлеровской Германии и содействовала упрочению советско-американских отношений в рамках коалиции. Победа под Сталинградом закрепила за СССР роль ведущего члена в коалиции. Дальнейшие успехи советского оружия привели руководителей Англии и США к выводу, что с СССР необходимо сотрудничать в выработке конкретных планов послевоенного мирного урегулирования и хотя бы в общих чертах согласовывать стратегические планы.

Рекомендации американского комитета начальников штабов, рассмотренные на встрече Рузвельта и Черчилля в августе 1943 г. в Квебеке, гласили: «По окончании войны Россия будет занимать господствующее положение в Европе. После разгрома Германии в Европе не останется ни одной державы, которая могла бы про-

[6] J. L. Snell. Указ. соч., стр. 211.

тивостоять огромным военным силам России. Правда, Англия укрепляет свои позиции на Средиземном море против России, что может оказаться полезным для создания равновесия сил в Европе. Однако и здесь она не будет в состоянии противостоять России, если не получит соответствующей поддержки. Выводы из вышеизложенного ясны. Поскольку Россия является решающим фактором в войне, ей надо оказывать всяческую помощь» [7]. Решительная победа советских войск летом 1943 г. на Курской дуге, закрепившая перелом в войне в пользу коалиции, оказала влияние на расстановку сил и решения по военным и политическим вопросам, принятые на Тегеранской конференции в конце 1943 г. Мощная поддержка, оказанная советскими армиями войскам союзников, попавшим в декабре 1943 г. в кризисное положение в связи с германским контрнаступлением в Арденнах, сказалась на решениях Крымской конференции глав правительств СССР, США и Англии, собравшейся в феврале 1945 г. Великолепные достижения Советских Вооруженных Сил в борьбе против Германии убедили американских руководителей о том, что победа над Японией должна быть одержана с участием СССР. Это было одним из важных факторов, скреплявших коалицию на последнем этапе войны, когда победа над Германией была уже обеспечена.

В американской, английской и западногерманской историографии существует течение, представители которого склонны всячески преуменьшать роль Советского Союза в обеспечении победы и соответственно преувеличивать вклад его союзников. На какие только ухищрения при этом не идут такие авторы, выполняющие неблагодарную задачу: они пишут полуправду, умалчивают об очевидных вещах и не гнушаются заведомой неправдой. При этом игнорируются не только свидетельства военных и государственных лидеров союзников — Рузвельта и Черчилля — о вкладе СССР в дело победы, но и мнения солидных, хотя и недоброжелательно относящихся к СССР своих же коллег-историков. А ведь даже американец Джордж Кеннан вынужден был признать, что «не было решительно никаких перспектив на победу над Германией без помощи России» [8].

Интересное свидетельство о том, как на Западе освещается история великой коалиции, мы недавно получили от известного английского публициста Александра Верта, бывшего в годы войны корреспондентом ВВС и газеты «Санди таймс» в Москве. Недавно он опубликовал книгу «Россия в войне». Верт рассказывает: «Когда вышла в Англии и США моя книга, о ней появилось множество рецензий и статей. Самым любопытным, с моей точки зрения, явлением было всеобщее удивление, вызванное книгой

[7] Н. Н. Яковлев. США и Англия во второй мировой войне. М., 1961, стр. 168—169.

[8] G. F. Kennan. American Diplomacy. 1900—1950. Chicago, 1957, p. 77.

даже в газетах и журналах, обычно крайне враждебных к Советскому Союзу. Выражения удивления сводились примерно к следующему: „У нас, на Западе, вышло столько книг о второй мировой войне, написанных главным образом английскими и американскими генералами, что мы как-то не сознавали или уже забыли, что основную роль в разгроме гитлеровской Германии сыграли не эти генералы и не войска под их командованием, а советский народ и Красная Армия". Ведь, как сказал Черчилль в 1944 г. (и об этом тоже как-то забыли), именно Советская Армия, а никто иной вышотрошил чудовищную гитлеровскую военную машину» [9].

Замалчивание или преуменьшение вклада СССР в дело победы над Германией и ее союзниками и одновременное преувеличение вклада США и Англии диктуются определенными политическими соображениями и не имеют ничего общего с историей как наукой. В Советском Союзе подобные действия встречают единодушную отрицательную реакцию. Советские историки не следуют дурному примеру с Запада и не принижают роли, которую сыграли союзные нам страны и народы в общей борьбе. В СССР высоко ценят вклад США, Англии и других участников великого союза в общую борьбу за победу. Это со всей убедительностью показали недавно проходившие торжества по поводу 20-летия победы над Германией.

В то же время советский народ и его историки не забывают и не могут забыть, что СССР положил на общий алтарь победы 20 млн. жизней своих сынов и дочерей. По сравнению с примерно 300 тыс. убитых англичан и приблизительно 300 тыс. отдавших во второй мировой войне свои жизни американцев цифра советских потерь выглядит особенно внушительно. Именно поэтому государственный секретарь США Стеттиниус в свое время писал: «Американскому народу не следует забывать, что он находился на краю гибели в 1942 г. Если бы Советский Союз не удержал свой фронт, немцы получили бы возможность покорить Англию. Они были в состоянии захватить Африку, а затем создать плацдармы в Латинской Америке» [10].

Большой ценой заплатили советский, польский, югославский и многие другие народы за победу. Именно поэтому великая коалиция полностью выполнила свою историческую задачу разгрома держав оси.

Антифашистская коалиция много сделала и для решения второй своей исторической задачи — подготовки демократических принципов послевоенного устройства мира.

Буржуазная историография традиционно начинает изложение планов послевоенного мира с рассмотрения англо-американской

[9] «Правда», 6 мая 1965 г.

[10] S. Stettinius. Roosevelt and the Russians. The Jalta Conference. N. Y., 1949, p. 7.

конференции в августе 1941 г., на которой была выработана Атлантическая хартия. Последуем её примеру. Снелл, безусловно, справедливо замечает, что «Атлантическая хартия была слишком общим планом на будущее и отражала главным образом интересы ее составителей — Рузвельта и Черчилля» [11], а «интересы» эти означали ни много, ни мало, как англо-американскую претензию на господство над миром.

Откровенный разговор на эту тему возник на Атлантической конференции в связи с тем, что Черчилль предложил включить в хартию положение о необходимости создания международной организации типа Лиги Наций, а Рузвельт вначале возразил против этого. Возражая, президент развил свои взгляды относительно того, каким, по его мнению, должен был бы быть послевоенный мир. Американские документы гласят: президент сказал, что созданию новой Лиги Наций должен предшествовать период, «во время которого должны действовать международные полицейские силы, созданные Соединенными Штатами и Англией... Черчилль затем заметил, что он, конечно, всей душой за это и разделяет мнение президента» [12].

В хартии намек на эти замыслы содержится в пункте, где речь идет о том, что США и Англия будут добиваться разоружения агрессивных государств. В телеграмме, которую Черчилль послал из Арджентии в Лондон 11 августа, он определяет этот пункт как «наиболее примечательный по своему реализму. Президент, несомненно, имеет в виду разоружение виновных стран при одновременном сохранении на неопределенно длительный период сильных *объединенных английских и американских вооружений* как на море, так и в воздухе» [13]. Через два дня Черчилль торжествующе сообщал в Лондон, что «совместная декларация, предполагающая окончательное уничтожение мощи нацистов и разоружение агрессивных стран, в то время, как *Англия* и США остаются вооруженными, является событием первостепенного значения» [14].

Когда строились эти планы, Советский Союз сражался с Германией и ее сателлитами и более чем кто-либо другой делал для того, чтобы была уничтожена мощь нацистов и оружие было выбито из рук агрессоров. Какова же была роль, отводимая участниками Атлантической конференции Советскому Союзу в послевоенном мире, управляемом англо-американскими полицейскими силами? Американский историк Уильямс пишет, что «распространение Рузвельтом ленд-лиза на Россию не означало того, что он, Рузвельт, твердо сознавал важную роль Москвы в любых планах на будущее. Характер атлантического совещания Черчилля с Руз-

---

[11] J. L. Snell. Указ. соч., стр. 184.

[12] W. Langer and S. Sleason. Undeclared War. 1940—1941. N. Y., p. 685.

[13] W. S. Churchill. The Second World War, vol. III. L., 1951, p. 441.

[14] Там же, стр. 448.

вельтом в августе 1941 г. убедительно свидетельствует об этом. Ибо в Атлантической хартии, выработанной Черчиллем и Рузвельтом *до* вступления Соединенных Штатов в войну, но после нацистского нападения на Россию, предполагалось, что Англия и Соединенные Штаты произведут послевоенное урегулирование для «всех народов во всех землях» [15].

Таким образом, будущее место СССР, равно как и всех других стран и народов, в послевоенном мире должны были определять Англия и США. И, вероятно, в знак особой благодарности за кровь, пролитую народами Советского Союза при завоевании победы над Германией и ее союзниками, Англия и США намеревались разоружить его наравне с разгромленными фашистскими державами. Именно это имелось в виду, когда заместитель государственного секретаря США Уэллес говорил с президентом во время англо-американского совещания, что речь может идти об обязательстве Соединенных Штатов, а следовательно, и Англии «разоружить не только Германию, но, возможно, также и Японию и по крайней мере теоретически — Советский Союз» [16].

И если этим империалистическим планам не суждено было осуществиться, то только потому, что СССР подошел к концу войны и вышел из нее такой мощной державой, что политикам Лондона и Вашингтона пришлось отказаться от своих замыслов и признать за СССР его законные права и роль в деле послевоенного мирного урегулирования. А это имело огромное значение для судеб социализма, для свободы народов Европы, да и не только Европы.

Намеченные в 1941 г. на Атлантической конференции Черчилля и Рузвельта планы послевоенного мирного урегулирования исходили из уверенности (а она была твердой у участников конференции), что Советский Союз вскоре потерпит поражение. Без поражения СССР в войне нельзя было надеяться, что он позволит своим союзникам разоружить себя и примет англо-американское полицейское управление миром. Более того, участники конференции при составлении Атлантической хартии имели в виду, что она явится морально-политическим основанием для отторжения от Советского Союза ряда территорий. Это тоже могло быть осуществлено лишь при решительном поражении СССР в войне.

О том, что Англия и США надеются осуществить после победы известное расчленение Советского Союза, с полной очевидностью обнаружилось во время приезда английского министра иностранных дел в Москву в декабре 1941 г. Еще до этого было известно, что недруги Советского Союза имеют намерение навязать ему после войны новые границы, которые не должны включать прибалтийские республики, Западную Белоруссию, Западную Украину и некоторые другие территории. Это означало не только игно-

[15] W. A. Williams. American-Russian Relations. 1781—1947. N. W., 1952, p. 262.

[16] W. Langer and S. Glesson. Указ. соч., стр. 686.

рирование правительствами Англии и США того факта, что в свое время названные территории в период временной слабости молодого Советского государства были силой отторгнуты от него при содействии западных держав[17]. Это означало полное игнорирование воли народов этих территорий, в 1939—1940 гг. единодушно высказывавшихся за возвращение в Советское государство. Стремление английских и американских правящих кругов навязать СССР новые границы означало, что эти круги собираются после победы отторгнуть от Советского государства часть его территорий, резко ухудшить его стратегическое положение и ограничить его возможности осуществлять в будущем успешную оборону. Переговоры с Иденом в Москве в конце 1941 г. подтвердили худшие опасения Советского правительства на этот счет.

Таковы в общих чертах были в 1941 г. планы послевоенного мирного урегулирования, формулировавшиеся в Лондоне и Вашингтоне. Это означало, что послевоенные судьбы не только СССР, но и ряда других стран в огромной степени зависели от хода единоборства на советско-германском фронте. Характер послевоенного мирного урегулирования зависел не только от победы над державами оси, но и от того вклада, который Советский Союз внесет в завоевание этой победы, с какими силами он выйдет из войны. Постепенно ход войны менялся в пользу союзников, и, наконец, наступил перелом, обеспеченный прежде всего военными усилиями СССР. Это означало, что предположения его союзников о поражении Советского государства не оправдались. В то время стало ясно, что СССР выйдет из войны с мощью, которая будет превосходить мощь разгромленного им страшного врага.

Такое развитие событий имело двойственные последствия. С одной стороны, роль СССР в антифашистской коалиции настолько возросла, что его борьба за демократическое послевоенное мирное урегулирование стала весьма эффективной. Союзники уже не могли не считаться со справедливыми пожеланиями Советского правительства на этот счет, тем более, что эти пожелания отвечали интересам свободолюбивых народов и горячо ими поддерживались. В этом корни тех демократических, прогрессивных положений, которые содержатся в решениях Московской конференции министров иностранных дел 1943 г., в документах Тегеранской, Крымской и Потсдамской конференций глав правительств СССР, США и Англии и в ряде других документов, принятых участниками антифашистской коалиции.

Возросшая роль СССР в коалиции вызвала величайшую тревогу в империалистических кругах союзных держав по поводу послевоенного будущего. Тревога объяснялась справедливым предположением, что Советский Союз использует свои возросшие

---

[17] J. L. Snell. Указ. соч., стр. 155.

возможности в мировой политике для содействия демократическому послевоенному мирному урегулированию и для защиты освободительной борьбы народов в социальной и национальной области от попыток империалистов силой задушить освободительные устремления народов.

Именно поэтому в октябре 1942 г., поняв, что СССР выйдет из войны победителем и принесет народам Европы освобождение от фашизма, Черчилль разослал членам английского военного кабинета меморандум, в котором ставил задачу создания коалиции европейских государств, направленной против СССР и социалистического движения в Европе. «Все мои помыслы,— писал Черчилль,— обращены прежде всего к Европе как прародительнице современных наций и цивилизации. Произошла бы страшная катастрофа, если бы русское варварство уничтожило культуру и независимость древних европейских государств. Хотя и трудно говорить об этом сейчас, я верю, что европейская семья наций сможет действовать единым фронтом, как единое целое, под руководством европейского совета. Я обращаю свой взор к созданию объединенной Европы» [18]. Это было наиболее определенное выражение линии крайне реакционных английских и американских империалистических кругов, которая противостояла линии СССР на демократический послевоенный мир.

В острейшей борьбе этих двух линий формировались решения великой коалиции по послевоенному мирному урегулированию.

Как замечает один из лидеров Коммунистической партии Англии Палм Датт, «к 1943 г. западных правителей охватила паника в связи с открывшейся перспективой падения фашизма и победы коммунизма». Отсюда, замечает он, и «секретный меморандум Черчилля» против «русского варварства» в послевоенной Европе, и «планирование послевоенного западного фронта против Советского Союза и коммунизма» [19].

Эти соображения определяли изменения, происшедшие в планах Англии и США по германскому вопросу в середине войны.

Для США и Англии Германия была и остается крупнейшим конкурентом и соперником в борьбе за влияние в мире. Противоречия между ними на протяжении какой-либо четверти века дважды приводили к войне. Именно эти противоречия породили в Англии широко обсуждавшиеся в военные годы в печати планы Ванситарта, предусматривавшие суровое обращение с Германией и радикальное ее ослабление после войны. В общем эти же цели преследовали несколько позднее появившийся план американского министра финансов Моргентау, а также активно обсуждавшиеся Рузвельтом и Черчиллем варианты расчленения Германии после ее поражения.

---

[18] «All the Answers for the Election». L., 1950, p. 154.
[19] «Labour Monthly», March 1963, p. 103.

Перелом в ходе войны, означавший, что СССР выйдет из нее победителем, в конце концов привел к перелому в политике США и Англии по отношению к Германии. Чем ближе была победа, тем определеннее становились планы английского и американского правительств использовать в будущем Германию против СССР и крепнувшего в Европе революционного движения.

Председатель комитета начальников штабов вооруженных сил Англии фельдмаршал Аланбрук 27 июля 1944 г. записал в своем дневнике: «В течение часа обсуждал с военным министром вопрос о послевоенной политике в Европе. Следует ли расчленять Германию или лучше постепенно превратить ее в союзника, чтобы сообща встретить угрозу со стороны России через 20 лет? Я предложил второй вариант и твердо убежден в том, что отныне мы должны рассматривать Германию в совершенно ином свете. Надо поощрять Германию, постепенно укреплять ее мощь и включить ее в западноевропейскую федерацию. К несчастью, все это придется проделывать под покровом священного союза между Англией, Россией и Америкой» [20]. Эта линия определяла английскую и американскую политику по германской проблеме на заключительном этапе войны, хотя в некоторых вопросах США и Англия и расходились. А в послевоенные годы эта линия привела к включению Западной Германии в НАТО и ее ремилитаризации с благословения и при содействии бывших участников антифашистской коалиции США и Англии.

В Лондоне, да вероятно, и в Вашингтоне хорошо понимали, что эта линия должна в конце концов взорвать союзные отношения между СССР и Англией и США. «Форейн оффис» в меморандуме по этому вопросу писал, что «если мы будем строить наши планы исходя из идеи, что Германия должна стать частью антисоветского блока, мы уничтожим всякую надежду на сохранение англо-советского союза» [21]. Так оно и произошло в дальнейшем.

И после всего этого англо-саксонская историография, я уже не говорю о политиках, возлагает на Советский Союз ответственность за разрушение антифашистской коалиции!

При формулировании основ послевоенного мира внутри антифашистской коалиции острейшая борьба разгорелась по вопросу об отношении к стремлениям народов Европы добиться после разгрома фашизма не только национального, но и социального освобождения. Западные союзники, особенно английское правительство, очень боялись, что поражение фашизма явится стимулом для развития социалистической революции. Отсюда их настойчивое стремление подготовить восстановление реакционных режимов в освобождаемых от вражеской оккупации странах. Что касается государств Восточной Европы, то восстановление в них

---

[20] A. Bryant. Triumph in the West. 1943—1946. L., 1959, p. 242.

[21] L. Woodward. British Foreign Policy in the Second World War. L., 1962, p. 489.

реакционных порядков должно было, кроме того, превратить эти страны в звенья нового варианта «санитарного кордона» против СССР.

Политика Советского Союза в этом вопросе исходила из того, что освобождаемые от фашистского порабощения народы должны получить все необходимые условия для установления у себя демократических порядков по своему собственному усмотрению. И если эти народы найдут в себе силы для социального освобождения, то никаких попыток помешать им в этом не должно быть. Экспорт контрреволюции не должен был иметь место. Советское правительство никогда не скрывало эту свою позицию. Более того, уже 24 сентября 1941 г. в декларации о присоединении к Атлантической хартии оно заявило, что отстаивает право каждого народа устанавливать *общественный строй* по своему желанию [22]. Это советское дополнение к хартии было принято тогда ее авторами Рузвельтом и Черчиллем без возражений, хотя вряд ли они не догадывались, что право устанавливать общественный строй означает право устанавливать социализм. Конечно, авторы хартии в 1941 г. полагали, что это дело далекого будущего, и сочли ненужным и несвоевременным раскрыть свое истинное отношение к этому вопросу. Когда же война приближалась к концу, им пришлось раскрыть карты.

На оккупированной их войсками территории освобождаемой Западной Европы США и Англия использовали все средства, включая и военные, для того, чтобы помешать народам в демократизации их общественного строя. Сложнее было с экспортом контрреволюции в Восточную Европу, которую освободили от фашистского порабощения Советская Армия и ее собственные народы. Здесь западные союзники возлагали главную надежду на политические средства.

Вопрос о союзной политике в освобожденной Европе был вынесен на конференцию руководителей трех союзных держав — СССР, Англии и США, состоявшуюся в феврале 1945 г. в Крыму. Участники конференции условились о помощи народам, освобожденным от господства нацистской Германии, и народам бывших государств — сателлитов оси в Европе «при разрешении ими демократическими способами их насущных политических и экономических проблем». Речь шла о том, чтобы помочь народам «уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору», а также «создать временные правительственные власти, широко представляющие все демократические элементы населения и обязанные возможно скорее установить путем свободных выборов правительства, отвечающие воле народа» [23].

---

[22] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». Документы и материалы, т. I. М., 1946. стр. 146.

[23] Там же, т. III. М., 1947, стр. 104—106.

Это было хорошее, отвечающее интересам и требованиям народов, решение. Однако вскоре обнаружилось, что слова Декларации об освобожденной Европе английское и американское правительства толкуют далеко не так, как их понимают народы. В их понимании демократия означала возрождение старой реакционной, крайне враждебной СССР Польши, реакционной монархической Югославии и Греции, а также восстановление в Венгрии, Румынии и Болгарии у власти тех буржуазных кругов и партий, которые сотрудничали с гитлеровской Германией, вели вместе с ней войну против СССР и установили внутри своих стран фашистские порядки.

Разумеется, народы этих стран отвергали подобные претензии и углубляли революционную демократическую перестройку своей жизни.

Не мог согласиться с такой политикой и Советский Союз, потому что, во-первых, она противоречила интересам народов соответствующих стран и, во-вторых, повела бы в случае ее успеха к воссозданию на его границах пояса враждебных СССР государств и тем самым вновь поставила бы под угрозу его безопасность. Как писала «Нью-Йорк геральд трибюн» 5 марта 1947 г., «Ялта оставила у нас приятную иллюзию, будто западная буржуазно-демократическая политика и экономика будут безраздельно господствовать на территории вплоть до линии Керзона и границ Бессарабии». Американский историк Флеминг замечает, что Англия и США в странах Восточной и Юго-Восточной Европы «стремились сохранить власть той социальной верхушки, которая долгое время управляла этими странами»[24].

СССР понимал ялтинские решения иначе. Для него слово «демократия» имело свое прямое значение, т. е. народовластие, и он, естественно, руководствовался в своей политике в отношении Польши, Югославии, Венгрии, Румынии и Болгарии интересами их народов. Газета «Таймс» писала: «Для них (т. е. для советских людей.— *В. Т.*) демократия — это демократия левых»[25].

Английское правительство весьма неодобрительно относилось к ялтинским решениям об освобожденной Европе. Его больше устраивало, чтобы в них содержалось прямое требование сохранения капитализма в соответствующих странах. Английские политики и историки винят Рузвельта за его якобы излишнюю уступчивость в Ялте. Эттли впоследствии говорил: «Это была линия Рузвельта в Ялте. Двое были против нас одних. Нам пришлось соглашаться со многими вещами, с которыми мы не должны были соглашаться»[26]. По его мнению, «ни Рузвельт, ни большинство американцев совершенно не понимали положения в Восточной Европе». На вопрос о том, что можно было бы сделать, чтобы дела

---

[24] D. F. Fleming. The Cold War Origins. vol. I. L., 1961, p. 210.
[25] F. Williams. A Prime Minister Remembers. L., 1961, p. 52.
[26] Там же, стр. 51.

в Восточной Европе пошли в соответствии с желаниями английского правительства, Эттли ответил: «Я думаю, если бы Александеру было позволено продвигаться в Италии, он мог бы протянуть руку югославам и двинуться прямо на Чехословакию и, вероятно, даже в Германию до того, как туда пришли русские»[27]. Старая черчиллевская песня в исполнении его лейбористского заместителя. Напрасно Эттли и иже с ним обвиняют во всем Рузвельта. Рузвельт поддержал ялтинские решения не из любви к демократии, а потому, что он был реалистически мыслящим буржуазным политиком и в отличие от Черчилля не страдал склонностью к авантюрам. Рузвельт понимал, что Англия и США не располагают необходимыми силами, чтобы добиться тех целей, к которым Черчилль стремился в Восточной Европе. «Нью-Йорк геральд трибюн» писала: «Мы не обладали ни военной, ни экономической, ни идеологической мощью, которая была необходима, чтобы определять судьбу Восточной Европы»[28].

Следует отметить, что английское правительство, одержимое страхом и ненавистью перед поднимавшейся в Восточной Европе волной социалистической революции, проявило крайнее безрассудство. Правительство Рузвельта обнаружило значительно бо́льшую трезвость. Дело дошло до того, что Черчилль весной 1945 г. был готов вступить в сговор с катившимися к окончательному разгрому нацистами и противопоставить силу Советскому Союзу, т. е. готов был начать войну против него с тем, чтобы помешать развитию социалистической революции и обеспечить английское господство в Европе.

Черчилль возлагал ответственность на США за то, что его авантюристический план не осуществился. «Соединенные Штаты,— писал он,— не имели ясных и последовательных целей. Англия, хотя она все еще оставалась весьма сильной державой, не могла одна действовать решительно»[29]. Однако и США были бессильны что-либо сделать в желаемом Черчиллем направлении.

Мысли Черчилля на этот счет были хорошо известны Рузвельту. Еще в декабре 1944 г. он говорил в Гайд-парке об «английской способности добиваться от других стран, чтобы они объединились в какой-либо блок против Советского Союза». В связи с этим Рузвельт сказал: «Это то, чего нам следует ожидать»[30]. Америка в этом плане для Черчилля представляла особый интерес; он явно предоставил бы ей возможность нести основные жертвы в замышлявшейся им войне против СССР. А то, что его мысли шли именно в этом направлении, сомневаться не приходится. Ведь 4 мая в его телеграмме Идену уже идет речь о перспективах

---

[27] F. Williams. A Prime Minister Remembers, p. 52.
[28] D. F. Fleming. Указ. соч., стр. 205.
[29] W. S. Churchill. The Second World War, vol. VI. B., 1954, p. 434.
[30] D. F. Fleming. Указ. соч., стр. 162.

«третьей мировой войны» [31]. Но перспективы были неблагоприятные.

Американский комитет начальников штабов еще 16 мая 1944 г. писал государственному секретарю, что к концу войны наблюдается «феноменальный рост мощи Советского Союза», в связи с чем «в случае конфликта между Англией и СССР разница в военных силах, которые они выставят на континенте Европы, будет в нынешних условиях такова, что ее не сможет преодолеть наше вмешательство на стороне Англии... Мы сможем успешно защитить Англию, однако мы не можем нанести поражение России. Другими словами, мы окажемся в войне, которую не сможем выиграть» [32]. Такого же мнения придерживались и английские военные лидеры. Фельдмаршал Аланбрук записал 24 мая 1945 г. в своем дневнике: «Сегодня вечером я внимательно просмотрел доклад о возможности открытия военных действий против России в случае, если в ходе дальнейших переговоров с ней возникнут осложнения. Нам было поручено провести такое расследование». Это очень многозначительная запись. Значит, английское правительство изучало перспективы и возможности немедленно начать войну против СССР. Далее английский фельдмаршал заметил: «Эта идея, несомненно, фантастическая и не имеет никаких шансов на успех. Не подлежит сомнению, что отныне Россия стала самой могущественной державой Европы» [33]. Это было одной из двух главных причин, определивших как позицию США, так и крах планов Черчилля.

Вторая причина состояла в том, чтобы народы ни в коем случае не поддержали бы «переключение» войны на Советский Союз, который они по праву и по справедливости считали своим освободителем от фашизма. Официальный английский историограф внешней политики периода войны А. Вудвард в статье, опубликованной в 1955 г., пишет: «Общественное мнение территорий, находящихся за пределами русского контроля, не поняло бы и в большой степени было бы возмущено угрозой применить силу против союзника, который в действительности так долго выдерживал всю мощь сухопутных германских ударов, чье сопротивление сделало возможным вторжение с Запада в контролируемую немцами Европу» [34].

Таким образом, ни соотношение сил, ни морально-политические условия не соответствовали авантюристическим замыслам Черчилля. В то время особенно ярко сказался народный характер антигитлеровской коалиции. Созданная волей народов в целях борьбы против фашизма, она волей народов была сохранена вес-

---

[31] W. S. Churchill. Указ. соч., т. VI, стр. 476.

[32] «Foreign Relations of the United States», vol. I. The Conference of Berlin, 1945. Wash., 1960, p. 265.

[33] A. Bryant. Указ. соч., стр. 470.

[34] «International Affairs», July 1955, p. 283.

ной 1945 г., когда совместные усилия СССР, Англии, США и их союзников принесли долгожданную победу над Германией.

8 мая 1945 г. в Берлине представители германского верховного командования подписали акт о капитуляции, продиктованный уполномоченными Верховного главнокомандования Советской Армии и верховным командующим экспедиционными силами союзников.

Однако все эти авантюристические планы Черчилля свидетельствуют о том, что надежды в стане руководителей нацистской Германии на то, что коалиция может развалиться, не достигнув полной победы, не были совершенно безосновательны; эти надежды, которые были не чужды и определенным кругам в США и Англии, основывались на реальных фактах.

Эти обстоятельства не сыграли, однако, той роли, которую отводила им мировая реакция и прежде всего ее авангард — державы фашистской оси. Они не сыграли ее потому, что им противостояли другие факторы, цементировавшие коалицию и определявшие победу принципа военного и политического сотрудничества во взаимоотношениях между капиталистическими державами — участниками этой коалиции — и социалистическим Советским Союзом. В результате воздействия факторов, сплачивавших коалицию, и возникла возможность разработать такую систему послевоенного урегулирования, которая, учитывая интересы всех миролюбивых государств, создавала прочный фундамент послевоенного мира.

Основной смысл решений, принятых на конференциях лидеров коалиции в 1941—1945 гг., можно было бы сформулировать следующим образом.

Во-первых, они содержали ясное указание на то, что послевоенное урегулирование должно быть основано на совместных действиях главных стран коалиции и что принцип совместных действий должен быть закреплен на послевоенный период.

Во-вторых, решения ясно засвидетельствовали, что в основу послевоенных отношений между Советским Союзом, с одной стороны, и капиталистическими державами — с другой, должен быть положен принцип мирного сосуществования государств с различным общественно-экономическим устройством. Международные конференции трех великих союзников не делили мир по признаку принадлежности государств к той или иной общественно-экономической системе. Они исходили из того, что сохранение мира является общей задачей всех миролюбивых стран, независимо от установленного в них строя. Есть основание полагать, что президент Рузвельт и его единомышленники действительно не прочь были строить в дальнейшем отношения с СССР на принципе мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими системами. Ближайший помощник Рузвельта Гарри Гопкинс заявлял: «Не было никакого сомнения ни у пре-

зидента, ни у любого из нас, что мы сможем ужиться с ними и мирно сотрудничать так долго в будущем, как любой из нас может себе представить»[35]. В какой степени Рузвельту удалось бы провести эту линию в жизнь, если бы смерть не свела его в могилу менее чем за месяц до дня победы в Европе, трудно сказать. В США к тому времени чрезвычайно активизировались реакционные силы, которые вскоре вместе с английскими империалистами развязали «холодную войну». Черчилль и его правительство думали иначе, чем Рузвельт, но поскольку английский народ твердо был за мирное сосуществование и сотрудничество с СССР, то Черчиллю пришлось поставить свою подпись под соответствующими документами. Это была бесспорная победа миролюбивого курса Советского Союза в вопросах послевоенного урегулирования.

В-третьих, конференции установили некоторые важные положения об обращении с Германией после окончания войны. В них еще не было сколько-нибудь детально разработанной программы послевоенного устройства Германии, однако уже содержались указания на то, что целями участников антифашистской коалиции является ликвидация германского милитаризма и создание предпосылок для того, чтобы Германия развивалась по демократическому пути и не могла больше угрожать миролюбивым государствам.

Эти принципы сложились в годы войны как естественный результат совместных военных действий союзников против стран оси при решающей роли в войне Советского Союза. Они родились в борьбе с различными противодействующими тенденциями в капиталистических государствах — участниках антифашистской коалиции.

К Потсдамской конференции, последней из серии военных совещаний глав правительств трех главных участников антифашистской коалиции — СССР, США и Англии, великий союз пришел с историческими достижениями. Участники коалиции, несмотря на различие социального строя и идеологий, объединились для совместной борьбы против общего врага и выполнили свою историческую задачу — разгромили державы фашистской оси — Германию, Италию и Японию. Коалиция выработала в целом положительные принципы демократического послевоенного устройства мира. В Потсдаме они получили дальнейшее развитие. Однако империалистические реакционные силы, не желая проводить в жизнь согласованные решения, взорвали коалицию прежде, чем она смогла обеспечить полное претворение в жизнь этих принципов.

---

[35] «Новое время», 14 мая 1965 г., стр. 35.

ПЕРВАЯ СОВЕТСКАЯ ПЯТИЛЕТКА И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОЛЕТАРИАТ

★

А. Е. ИОФФЕ

Братская поддержка социалистического строительства в СССР зарубежными трудящимися явилась ярким и убедительным претворением в жизнь великих идей пролетарского интернационализма. До Великой Октябрьской социалистической революции классовая солидарность между трудящимися разных стран проявлялась главным образом в укреплении связей между партиями и другими национальными организациями рабочего класса. После того, как империализм перестал быть единой всеохватывающей системой и на огромных пространствах России победила Советская власть, изменились и формы пролетарского интернационализма: теперь он означал взаимную поддержку трудящихся СССР и всего мира. Помощь Советской стране, опоре мировой социалистической революции, стала важнейшей задачей рабочего класса всех стран.

Строительство социализма в СССР отвечало коренным интересам мирового пролетариата и получало от него широкую помощь. Между советскими и зарубежными трудящимися налаживались и развивались новые, не существовавшие нигде и никогда прежде формы дружественных связей и братской взаимопомощи. Большевистская партия всегда придавала огромное значение единству, сплоченности и солидарности трудящихся масс и их авангарда — коммунистических партий. «Без добровольного стремления к союзу и единству со стороны пролетариата,— писал В. И. Ленин,— а затем и всех трудящихся масс всех стран и наций всего мира, дело победы над капитализмом не может быть успешно завершено»[1]. Интернациональная солидарность трудя-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 168.

щихся — это историческая объективная необходимость, одна из важнейших закономерностей социалистической революции. Наша партия высоко ценила поддержку зарубежного пролетариата, его дружбу и братскую солидарность. «...Мы будем решать наши задачи с помощью рабочих и крестьян всех стран»,— говорил В. И. Ленин еще в 1918 г.[2]

Советские ученые проделали значительную работу по исследованию взаимоотношений трудящихся Советской России и других стран в годы гражданской войны и борьбы с интервенцией. В последние годы достигнуты также существенные результаты в изучении интернациональных связей Советской страны в период восстановления народного хозяйства[3]. Меньше внимания исследователей пока привлекает период реконструкции. О взаимоотношениях между советскими и зарубежными трудящимися в годы первой пятилетки опубликованы лишь две статьи[4]. В первой из них использована в основном периодическая печать, во второй, кроме нее, цитируются ряд архивных документов и материалы некоторых многотиражных газет, издававшихся на предприятиях. Авторы проделали очень полезную работу, но, естественно, смогли использовать лишь некоторую часть имеющихся документов, как опубликованных, так и особенно архивных. Дальнейшая работа над темой в силу ее научной и политической значимости представляется необходимой.

Годы первой пятилетки были важнейшим, решающим этапом в создании материально-технической базы социализма в СССР. Социализм наступал по всему фронту — и в городе, и в деревне. Это были годы гигантского строительства, когда ежедневно в среднем вступало в строй промышленное предприятие, создавались два совхоза и 115 колхозов, начинали работать одна-две машинно-тракторные станции. Каждый месяц возникали новые

---

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 73.

[3] Э. Б. Генкина. Интернациональные связи рабочего класса СССР в годы восстановительного периода (1921—1925 гг.).— «Из истории рабочего класса и революционного движения». Сб. статей. М., 1958; А. А. Макаренко. Мировой пролетариат — стране Советов. Киев, 1963; Г. Е. Рейхберг, Б. С. Шапик. Об участии американских рабочих в восстановлении народного хозяйства.— «История СССР», 1961, № 1; Г. Я. Тарле. Об участии рабочих организаций США в восстановлении народного хозяйства Советской России в 1921—1925 гг.— «Международные отношения. Политика. Дипломатия». Сб. статей. М., 1964. В. А. Шишкин. Чехословацко-советские отношения в 1918—1925 годах. М., 1962 и др.

[4] И. М. Мор, А. Ф. Хавин. Первая советская пятилетка и пролетариат капиталистических стран.— «Вопросы истории», 1954, № 12; И. В. Черепенин. Из опыта работы партии по укреплению братских связей советских и зарубежных рабочих в годы первой пятилетки.— В кн.: «Пролетарский интернационализм — боевое знамя Коммунистической партии». М., 1959. Кроме того, ряд фактов связей между иностранными трудящимися и коллективами уральских промышленных предприятий приводится в книге П. Г. Матушкина «Дружба, солидарность! Интернациональные связи уральцев с трудящимися зарубежных стран» (Челябинск, 1960).

города и рабочие поселки. Это было время необычайного подъема инициативы и энергии трудящихся, массового трудового героизма.

Обостренная мировая обстановка, не прекращавшиеся провокации империалистов и опасность новой антисоветской войны требовали в кратчайший срок ликвидировать экономическую отсталость страны и создать мощную оборонную промышленность. Многообразие и чрезвычайная сложность задач, стоявших перед советским народом в годы пятилетки, большие трудности в их осуществлении — все это только увеличивало значение братской поддержки со стороны зарубежных трудящихся.

В политике партии и правительства вопросам пролетарского интернационализма всегда уделялось большое внимание. Дружеские связи и взаимопомощь рабочего класса СССР с рабочими всего мира были одним из постоянных и надежных источников силы и могущества СССР. «Международный рабочий класс,— говорил М. И. Калинин на торжественном пленуме Моссовета, посвященном 12-й годовщине Великого Октября,— с каждым годом все больше и больше начинает рассматривать Советский Союз как свое подлинное отечество, а дело Советского Союза, дело рабочего класса и крестьянства СССР как *свое кровное дело*, а нас, рабочих и крестьян, как свой революционный авангард» [5]. Достижения и успехи СССР становились успехами всего международного пролетариата. XVI съезд партии, состоявшийся в июне — июле 1930 г., вновь подчеркнул огромное значение интернациональной солидарности и поручил Центральному Комитету и впредь «*вести твердую и решительную политику мира и укрепления братской связи и солидарности рабочих и трудящихся масс СССР с рабочими и трудящимися капиталистических стран и колоний*» [6].

Решительную и последовательную позицию поддержки грандиозного социалистического строительства в Советском Союзе заняли крупнейшие международные организации — Коминтерн и Профинтерн. Годы первой пятилетки совпали с мировым экономическим кризисом и нарастанием нового революционного подъема во многих странах Запада и Востока. Об этом свидетельствовали мощные демонстрации в промышленных центрах Европы и США, всеобщие забастовки в Польше и Испании, создание Советов в некоторых районах Чили и Индокитая, народные восстания в Индии. Коммунистические партии возглавляли крупнейшие выступления пролетариата против наступления реакции. Вместе с ними вели самоотверженную борьбу революционные профсоюзы. Отпор внутренней реакции и защита СССР были тесно связаны между собой, они лежали в основе практической

[5] М. И. Калинин. Избранные произведения, т. 2. М., 1960, стр. 361.

[6] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 3. М., 1954, стр. 12.

деятельности организованных сил мирового пролетариата. Не проходило ни одного конгресса или пленума Исполкома Коммунистического Интернационала, на котором не подчеркивалась бы глубокая связь между достижениями советского народа и классовой борьбой зарубежного пролетариата. В конце 1929 г. Центральный совет профсоюзного Интернационала принял специальное решение о необходимости «систематически информировать широкие рабочие массы капиталистических и колониальных стран о ходе работ по проведению пятилетнего плана», разъяснять значение его успеха для международного пролетариата [7].

Интерес к советской пятилетке за рубежом был огромен. Но он не носил пассивно-созерцательного характера. Многие тысячи рабочих, невзирая на материальные и другие трудности, искали возможности практически помочь претворению в жизнь пятилетнего плана. Коммунистические партии, а также Международная организация рабочей помощи, Общества дружбы с Советским Союзом и другие прогрессивные организации принимали активное участие в этом движении. Межрабпом, в составе которого было создано Бюро технической помощи для оказания содействия рабочим и крестьянам СССР в выполнении пятилетнего плана, обратился с воззванием к трудящимся капиталистических стран собрать средства для отправки в СССР 40 тракторов. Этот призыв был поддержан рабочим классом Германии, Чехословакии, США и других стран. Нередко сбор денег проводился на массовых митингах. В Чехословакии этим занималось 17 пролетарских организаций [8]. В 1930 г. тракторы были направлены в Советский Союз. Кроме того, американским Обществом друзей Советского Союза был организован сбор средств для отправки советским трудящимся 20 тракторов. В этой работе участвовали десятки тысяч американских рабочих. Значение ее определялось, естественно, не числом посылавшихся в СССР машин, а тем политическим движением, которое развертывалось вокруг сбора денег, покупки и отправки тракторов. Кампания сопровождалась организацией докладов, бесед, вечеров, на которых рассказывалось о пятилетке, о коллективизации и механизации советского сельского хозяйства. Многие трудящиеся обращались к руководству Общества с вопросом: «Каким путем могут они помочь СССР. Они знают и чувствуют, что долг их помогать отечеству трудящихся. Один сельский рабочий пришел однажды и дал 100 долларов, он сказал,

[7] «Международное рабочее движение», 1930, № 1, стр. 5, 6. Через год после завершения второго года пятилетки исполнительное бюро Профинтерна постановило «широко популяризировать среди трудящихся масс всего мира пятилетний план социалистического строительства в СССР, успех которого наносит жесточайший удар мировому империализму» («Правда», 18 декабря 1930 г.).

[8] «Международное рабочее движение», 1930, № 4, стр. 26; «Экономическая жизнь», 12 декабря 1929 г. и 19 января 1930 г.; фонды Музея революции СССР, № 30259/96.

что он их накапливал в течение нескольких месяцев и что сейчас он знает, что лучшее употребление для них — отдать их пятилетке»[9].

В апреле — мае 1930 г. делегация рабочих и фермеров из США торжественно передала тракторы колхозу «Страна Советов» и другим коллективным хозяйствам. Повсюду передача тракторов сопровождалась многолюдными митингами и вечерами интернациональной солидарности. Члены американской делегации обещали по возвращении в Соединенные Штаты совершить поездки по стране и «передать привет рабочих и крестьян СССР американским трудящимся массам»[10]. Это обещание было выполнено. Члены делегации буквально исколесили страну, от Атлантики до Тихоокеанского побережья; их правдивый рассказ об успехах советской пятилетки слышали десятки тысяч рабочих и фермеров[11]. В начале 1931 г. в США была организована новая кампания по сбору средств на покупку сельскохозяйственных орудий «для страны Советов». Были приобретены комбайны и трактор с плугом, автомобиль и телефонное оборудование[12]. Разумеется, в масштабах грандиозного пятилетнего плана практическое значение получавшейся таким путем техники нет нужды переоценивать. Огромным было морально-политическое значение этой братской поддержки. Каждый трактор, приобретенный на деньги, выделенные из очень скромных бюджетов наших зарубежных друзей, был символом животворных идей интернационального братства. Практическую помощь советской пятилетке американские трудящиеся стремились оказывать и в других формах. На различных предприятиях проводился сбор средств на покупку в дар Советскому Союзу машин и инструментов[13]. Многие рабочие, сделавшие ценные изобретения, стремились переслать их в СССР. Среди фермеров возникло движение в пользу передачи Советскому Союзу сельскохозяйственного опыта, ознакомления с успехами американского животноводства и птицеводства. Через Общество друзей СССР фермеры прислали в Москву семена хлебных злаков, не портившихся от засухи[14]. Искренние стремления помочь выполнению пятилетнего плана выражали английские трудящиеся. Группа рабочих закупила на свои средства ценные инструменты для ленинградского «Красного путиловца». В Норвегии рабочие собрали деньги на тракторы в подарок СССР. На Аляске в 1931 г. было создано Общество помощи Советскому пятилетнему плану, каждый из членов которого

[9] По материалам ЦГАОР СССР.

[10] «Гости пролетариата СССР. Декларации, заявления, письма, отчеты иностранных рабочих делегаций, побывавших в СССР». М., 1932, стр. 101—102; «Известия», 8 мая 1930 г.; «Die Rote Fahne», 8.VII 1930.

[11] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 13, д. 354, л. 6.

[12] «Worker's News», 1.III 1931.

[13] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 13, д. 283, л. 88.

[14] Там же, д. 327, л. 66; «Правда», 7 февраля 1930 г.

обязался вносить доллар в месяц («или больше, как сможет»), «пока советский пятилетний план не будет выполнен», для оказания помощи в его осуществлении [15].

В тех случаях, когда в Советский Союз отправлялась техника, изготовлявшаяся по заказам советских внешнеторговых организаций, рабочие предприятий, выполнявших заказы, внимательно следили за качеством экспортной продукции. Итальянские пролетарии на одном из заводов Турина, узнав о плохом качестве моторов, предназначенных для отправки в СССР, вовремя предупредили советских представителей. Моторы были забракованы, и отправка недоброкачественной продукции в СССР была предотвращена. Делегат Италии на V Международной конференции революционных металлистов (сентябрь 1930 г.) рассказывал, что итальянские рабочие для Советского Союза «с наибольшим удовлетворением изготовляют машины, станки, автомобили, наилучшим образом выполняют эту работу, потому что знают, что эти машины идут в их страну, в пролетарскую страну, в СССР» [16]. На одной из фабрик в польском городе Радоме был получен заказ от СССР. Фабрикант попытался выполнить его на низком качественном уровне, рабочие в ответ забастовали, заявив: «Мы не дадим послать плохие машины в СССР». Рабочие потребовали предоставления им права самим контролировать качество поставляемой продукции. Когда за машинами приехали советские представители, наши польские друзья не допустили, чтобы им дали низкокачественный товар [17].

Зарубежные пролетарии не ограничивались такими формами помощи, очень многим из них хотелось работать непосредственно на советских предприятиях. Стремление ехать работать в СССР в годы первой пятилетки в ряде стран приняло массовый характер. Определенную роль сыграло, конечно, здесь то обстоятельство, что грандиозное строительство в нашей стране совпало с тяжелейшим кризисом в капиталистическом мире и связанной с ним массовой безработицей. Некоторая часть из числа тех, кто стремился попасть в СССР, не принадлежала к политически активным отрядам трудящихся и руководствовалась лишь желанием получить работу; отдельные лица рассчитывали на особо благоприятные материальные условия. Изредка попадались рвачи или классово чуждые элементы, люди, которые плохо работали у себя в стране, не желали добросовестно трудиться и в Советском Союзе. Они занимались симуляцией и не желали соблюдать рабочую дисциплину, распространяли различные слухи, напен-

---

[15] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 13, д. 354, л. 85; «Правда», 12 августа 1930 г.; «Известия», 15 февраля 1930 г. Ряд фактов такой формы проявления интернационального долга зарубежными рабочими приводит также П. В. Черепенин (указ. статья, стр. 343, 344).

[16] ЦГАОР СССР, ф. 5667, оп. 1, д. 136, лл. 109—110.

[17] Там же, ф. 8265, оп. 1, д. 44, л. 37.

тываемые кулацкими элементами, а иногда пытались спекулировать на рынках. Были отдельные случаи хулиганства и проявления расистских настроений среди классово чуждых лиц, затесавшихся в группы иностранных рабочих и специалистов на советских предприятиях; например, в Сталинграде два американца избили рабочего-негра [18]. Кое-кому пришлось из-за неблаговидного поведения досрочно отбыть домой. Однако все это было исключением, основная масса трудящихся, желавшая работать в социалистической стране, была нашими искренними друзьями, стремившимися передать свой опыт, знания, мастерство на пользу выполнения и перевыполнения пятилетнего плана. Печать того времени сообщала, что американское Общество друзей Советского Союза «получает огромную массу писем от квалифицированных рабочих и техников, желающих работать в СССР» [19]. Многие десятки лиц со специальным агрономическим образованием, практики сельского хозяйства выражали желание участвовать в организации и техническом оснащении колхозов [20]. Немало людей обращалось в «Амторг» (смешанное акционерное общество с участием советских капиталов, которое организовывало торговые операции между СССР и США). Только за неполных восемь месяцев 1931 г. туда подали ходатайства о предоставлении им работы в Советском Союзе более 100 тыс. рабочих — горняков и железнодорожников, механиков и трактористов, представителей различных профессий [21].

Советские учреждения в Лондоне и английское Общество друзей СССР были «буквально засыпаны» запросами о возможности получения работы, заявлениями о желании поехать трудиться в Советский Союз [22]. То же было и в Германии. Руководители Международного комитета союза друзей СССР писали из Берлина Н. М. Швернику (тогда председателю союза металлистов СССР): «Отмечается среди рабочих сильная тяга в СССР с тем, чтобы там работать. Ежедневно мы получаем письма, где рабочие сообщают нам, что готовы отдать свои силы на строительство социализма в СССР» [23]. Активную роль в отборе и отправке нужных людей в Советский Союз играл ЦК Коммунисти-

[18] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 14, д. 6146, лл. 8—9; ЦГАОР УССР, ф. 2605, оп. 3, д. 1587, лл. 201—202; д. 309, л. 119.

[19] «Правда», 29 декабря 1930 г.

[20] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 13, д. 309, л. 2 об.; ЦА МВТ, ф. 55, оп. 2290, д. 212, лл. 1—52.

[21] «Известия», 27 августа 1931 г. На устремления американских трудящихся в Советский Союз обращала внимание и буржуазная печать. «New York Times», например, 24 августа 1931 г. писала, что «более чем 6000 квалифицированных американских рабочих хотят, чтобы их послали в Советский Союз еще в конце нынешнего года, хотя вчера «Амторг» объявил, что все возможные предложения полностью уже приняты».

[22] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 13, д. 324, л. 82; «Экономическая жизнь», 24 августа 1931 г.

[23] ЦГАОР СССР, ф. 5667, оп. 1, д. 99, л. 11.

ческой партии Германии во главе с Э. Тельманом[24]. Большую работу проводили областные партийные организации. Коммунисты Мекленбург-Шверина, например, отобрали для отправки в СССР 100 квалифицированных и опытных работников сельского хозяйства[25]. В районах горной промышленности была проведена запись среди высококвалифицированных горняков, желавших участвовать в создании новых шахт в Прокопьевске. Желающих было много: в составе только первой партии уехало 160 человек[26]. Многие обращались прямо в Советский Союз. «Союзнефть», например, получил письмо 53 квалифицированных рабочих южноамериканских нефтепромыслов с просьбой дать им работу в СССР[27]. Сотни писем с предложением своих услуг от электромехаников и строителей, модельщиков, слесарей и формовщиков из Германии, Голландии и других стран получали Всеукраинский совет профсоюзов и его местные организации[28]. За 1930—1932 гг. более 1 млн. человек из крупных европейских государств просило разрешения на въезд в Советскую страну[29]. Разумеется, удовлетворить все просьбы не было ни возможности, ни необходимости. Но около 35 тыс. (вместе с членами семей) квалифицированных рабочих, а также специалистов американцев, немцев и чехов, англичан, югославов и голландцев, трудящихся из других стран, по данным на сентябрь 1932 г., работало в Советском Союзе[30]. Здесь встречали их с радушием и в большинстве случаев находили достойное применение опыта и знаний зарубежных трудящихся. Много внимания уделяли этому вопросу партийные, профсоюзные организации, хотя были и факты противоположного характера. Секретарь ЦК ВКП(б) П. П. Постышев выступил в печати с большой статьей «О работе среди иностранных рабочих», в которой не только показал ценное и положительное в этой работе, но и резко критиковал недостатки, имевшие место со стороны отдельных местных организаций[31]. В ВЦСПС было создано бюро по руководству всей деятельностью профсоюзов в отношении организации труда, быта, отдыха иностранных товарищей.

---

[24] «История СССР», 1959, № 4, стр. 56—57.

[25] Deutsches Zentralarchiv Potsdam. Reichsministerium des Innern. Abt. JAN. Sonderhefte, 2146, Bl. 206.

[26] Там же, Bl. 236.

[27] «Известия», 1 марта 1931 г.

[28] ЦГАОР УССР, ф. 2605, оп. 3, д. 1057, л. 29.

[29] В. П. Касьяненко. Как была завоевана технико-экономическая самостоятельность СССР. М., 1964, стр. 169.

[30] ЦПА ИМЛ, ф. 79, оп. 1, д. 558, л. 6.

[31] «Правда», 26 октября 1930 г. Этой статье предшествовало постановление ЦК ВКП(б) от 26 сентября 1930 г., в котором были показаны не только успехи, но и недостатки в использовании труда иностранных рабочих и в интернациональном воспитании советских трудящихся. Исследование вопросов работы партийных организаций среди иностранных рабочих не входит в задачи данной статьи.

Часть зарубежных трудящихся приезжала в СССР группами, коллективно, привозя с собой машины и инструменты, приобретавшиеся на личные средства. В годы первой пятилетки продолжал успешно работать в Киргизии чехословацкий рабочий кооператив «Интергельпо» («Взаимопомощь») [32]. Его предприятия имели хорошее оборудование и в дальнейшем стали базой для создания ряда крупных промышленных предприятий во Фрунзе. Кроме того, механическая мастерская «Интергельпо» выполняла большое число заказов для Турксиба, помогала вести крупные строительные работы в Чуйской долине, оказывала существенную помощь многим совхозам, МТС и колхозам Киргизии. Интергельповцы шефствовали над несколькими колхозами, помогая им машинами и инструментами. На предприятиях кооператива дружно работали чехи, словаки и венгры вместе с русскими, узбеками, киргизами. Это был пример интернационального братства. В приветственной телеграмме ЦК ВКП(б) члены кооператива писали, что коллектив «Интергельпо» «как ударное предприятие Киргизии неуклонно работает и будет работать энергичными темпами, выполняя пятилетний план социалистического строительства и все директивы нашей Коммунистической партии и Советской власти» [33].

Чехословацкие товарищи не теряли тесных связей и со своей страной. В 1930 г. по просьбе членов кооператива и трудящихся Фрунзе к ним приехала рабочая делегация, в составе которой был один из виднейших деятелей Коммунистической партии Чехословакии писатель и журналист Юлиус Фучик. 1 июня в честь делегации состоялось заседание Фрунзенского городского Совета, в котором принял участие партийный, комсомольский, профсоюзный актив Киргизской республики. «Революционный опыт русского пролетариата,— заявил в большой и яркой речи Фучик,— поможет чехословацкому рабочему классу быстрее покончить с буржуазией и таким образом вступить в семью социалистических республик». Эти пророческие слова сбылись, как известно, через 15 лет. Члены чехословацкой делегации были единодушно избраны почетными депутатами Фрунзенского Совета [34]. Работа коопе-

---

[32] Начало работы «Интергельпо» относится к 1925 г., когда в СССР приехали первые группы чехословацких рабочих — членов кооператива. Они привезли с собой оборудование для кожзавода, нескольких цехов и мастерских, сельскохозяйственный инвентарь и т. п. В их распоряжение Советское правительство передало территорию в западной части Фрунзе, где в течение нескольких лет усилиями чехословацких товарищей был создан крупный промышленный район (подробнее об этом см.: «Исторический архив», 1958, № 3, стр. 123—143; В. А. Шишкин. Указ. соч., стр. 224—226).

[33] «Исторический архив», 1958, № 3, стр. 124; И. И. Самуэль. «Интергельпо». Чехословацкий промысловый кооператив в Киргизии. М.— Л., 1935, стр. 44. Автор — один из организаторов кооператива.

[34] P. Poláк-Stetár. Iúlius Fučik a SSSR. Osveta. Bratislava, 1963, str. 43—44. Выражаю признательность В. А. Шишкину за помощь, оказанную при переводе книги Поллака.— *А. И.*

ратива произвела на гостей большое впечатление. Интергельповцам Фучик посвятил свою книгу «В стране, где наше завтра стало уже вчерашним днем», он намеревался написать отдельную книгу об «Интергельпо», собирал материалы для нее, дважды (в 1934 и 1935 гг.) снова приезжал в Советский Союз. Но эту работу он не смог завершить[35]. Деятельность кооператива (он существовал до 1942 г.) была высоко оценена советским народом. Центральный комитет Коммунистической партии Киргизии признал необходимым увековечить память об «Интергельпо». На зданиях, построенных чехословацкими рабочими во Фрунзе, решено было установить мемориальные надписи. 18 апреля 1957 г. Президиум Верховного Совета Киргизской ССР наградил почетными грамотами многих членов кооператива[36].

В Саратовской области работал кооператив «Рефлектор», созданный в 1925 г. в сотрудничестве с чехословацким отделением Межрабпома. Он организовал показательное зерновое и животноводческое хозяйство, в котором использовалась привезенная из Чехословакии техника. Кооператив добился хороших урожаев. Весной 1929 г. туда выехала из Праги новая партия членов кооператива (22 семейства) вместе с машинами и оборудованием[37].

Хороших результатов добивалась коммуна «Сеятель», организованная в Ростовской области еще в 1922 г. группой американских рабочих, приехавших в Советскую Россию с сельскохозяйственными машинами, в том числе тракторами; в 1929 г. они закупили в США комбайн. В апреле 1930 г. в коммуне состояло свыше 300 человек. За семь лет работы коммунары более чем в 7 раз расширили посевную площадь и в 1,5 раза увеличили урожайность, которая стала лучше, чем на многих частных американских фермах[38]. Другие группы иностранных трудящихся вливались в коллективы советских предприятий. Так было с 30 американскими рабочими — строителями высокой квалификации, привезшими с собой инструменты стоимостью в 50 тыс. долларов, более чем 50 деревообделочниками, которые везли с собой оборудование для целой фабрики (52 машины), и другими группами[39]. Часть рабочих приезжала в одиночку или небольшими партиями.

Основная масса иностранных товарищей использовалась на главных, ударных объектах пятилетки в решающих отраслях тяжелой промышленности (табл.).

---

[35] «Интернациональная литература», 1964, № 1, стр. 190; Ида Радволина. Рассказы о Юлиусе Фучике. М., 1956, стр. 107. Автор — друг Фучика, один из его корреспондентов.

[36] «Советская Киргизия», 20 апреля 1957 г.

[37] В. А. Шишкин. Указ. соч., стр. 223, 224; «Правда», 22 марта 1929 г.

[38] П. Я. Тодеуш. Американская коммуна «Сеятель». М.— Л., 1930, стр. 12, 31, 32, 35.

[39] «Наш ответ на клевету о „рабском" труде в СССР». М., 1931, стр. 31; «Правда», 24 января 1931 г.

Таблица

Сведения об иностранных рабочих и специалистах, занятых в 1932 г. на предприятиях системы Наркомтяжпрома *

Отрасль промышленности	Всего иностранцев	Специалисты	Рабочие	Американцы	Немцы	Прочие
Угольная	969	362	689	12	552	343
Машиностроение	2420	771	1575	180	1323	852
Химическая	236	157	77	16	164	56
Электропромышленность	547	156	395	87	291	235
Металлургия	261	148	48	15	128	53
«Промколхимстрой»	556	290	366	316	229	61
Цветных металлов	169	101	66	75	34	56
Сельскохозяйственное машиностроение	296	92	204	3	25	268
Прочие	817	172	804	65	295	601
Итого	6211	2249	4224	739	3051	2490

* ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 13, д. 556, л. 19. Итоговые подсчеты автора статьи. Некоторые погрешности таблицы (несовпадение цифр рабочих и специалистов с суммарными данными) объясняются неточностью сведений, полученных от отдельных предприятий.

Обращает на себя внимание общее значительное число иностранцев, работавших в основных отраслях советской тяжелой промышленности, а также и то, что примерно $^1/_3$ их была занята в важнейшей для первой пятилетки отрасли — машиностроении.

Трудовой энтузиазм зарубежных товарищей определялся высокими и благородными целями — помочь советским друзьям выполнить и перевыполнить пятилетний план.

Сотни иностранных рабочих принимали решение остаться в СССР до конца пятилетки, несмотря на то, что договоры с ними заключались, как правило, на два или один год (лишь в отдельных случаях на пятилетний срок). Те из них, которые ныне здравствуют, с гордостью вспоминают о своем участии в осуществлении советского пятилетнего плана, бережно хранят полученные в Советском Союзе награды за ударный труд[40]. Производственная активность иностранных товарищей проявлялась в различных формах. Многие из них участвовали в соревновании и ударничестве. На тракторном заводе в Сталинграде объявил себя ударным весь коллектив американских рабочих, техников и ин-

[40] См. об этом, например: М. Озеров. Миллионы твоих друзей (Очерки о советско-германской дружбе). М., 1960.

женеров. Беря на себя обязательства активно помогать рационализации производства, переводу бригад на хозрасчет, передавать свои знания и опыт всему заводскому коллективу, они обратились с письмом-призывом ко всем иностранным рабочим и специалистам, находившимся в СССР, и вызвали на социалистическое соревнование ту их группу, которая работала на Харьковском тракторном заводе и в свою очередь обязалась выполнить пятилетку в четыре года. На заводе за короткий срок было реализовано около 100 рационализаторских предложений американцев. В Харькове иностранные товарищи организовали бригаду «освобождения СССР от импорта» и помогли наладить производство инструментов, ранее ввозившихся из-за границы и не уступавших по качеству импортным [41]. За эту работу, за экономию металла, а также за помощь, оказанную советским рабочим в овладении техникой, коллектив иностранных рабочих и специалистов на Харьковском тракторном заводе получил Красное Знамя Всеукраинского совета профсоюзов [42]. Большой трудовой энтузиазм проявляли американцы, немцы, чехи, англичане, французы и бельгийцы, работавшие на других украинских предприятиях: в шахтах Донбасса, на заводах им. Петровского, Дзержинского, Либкнехта и др. Из их среды была создана 31 интернациональная бригада рационализаторов: от иностранных рабочих и специалистов на Украине поступило 639 рационализаторских предложений в 1931 г. и 821 предложение по улучшению производства в 1932 г. Экономический эффект был значителен [43]. На заводе им. Либкнехта и других предприятиях в результате осуществления предложений иностранных товарищей резко поднялась производительность труда; общая экономия от реализации этих предложений на 11 крупных украинских заводах составила более 500 млн. рублей [44]. В широком и эффективном движении за всемерное сокращение импорта машин и промышленного сырья и расширение отечественного производства, за дальнейшее улучшение организации труда и экономию средств участвовали сотни зарубежных трудящихся на предприятиях Москвы и Ленинграда, Поволжья, Урала и других районов страны. В Кузнецке осуществление предложений иностранных рабочих по более быстрой добыче и ускорению перевозки угля дало возможность значительно поднять ежемесячную добычу угля. 42 принятых ценных предложения в Магнитогорске дали экономию в 5 млн. рублей; на велозаводе в Пензе реализация 95 предложений дала экономию свыше 2 млн. рублей [45]. Каждый иностранный рабочий

---

[41] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 13, д. 459, л. 90 об.; «Worker's News», 9.II 1931; «Труд», 7 июля 1931 г.

[42] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 13, д. 519, л. 47.

[43] Там же, л. 48; ЦГАОР УССР, ф. 2605, оп. 3, д. 1580, л. 57.

[44] ЦГАОР УССР, ф. 2605, оп. 3, д. 1563, л. 543.

[45] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 13, д. 459, лл. 1—4, 12.

в Магнитогорске взял шефство над одним менее квалифицированным советским рабочим для передачи своего опыта, а также принял на себя обязательство внести не менее одного рационализаторского предложения в фонд освобождения от импорта [46]. 80% иностранных рабочих на Московском электрозаводе были ударниками, 56% — участниками социалистического соревнования; с 1 апреля 1931 г. по 1 марта 1932 г. они внесли 246 предложений по улучшению производства, что дало экономический эффект на сумму 400 тыс. рублей [47].

Таких примеров можно было привести много. Это был пролетарский интернационализм в действии. Зарубежные пролетарии считали, что они делают свое, кровное дело, мобилизуя все силы, опыт и знания для успеха социалистического строительства первой в мире Советской страны. Их производственный энтузиазм был не отделим от политической активности, которая росла вместе с успехами в выполнении пятилетки. Многие иностранные рабочие учились в политкружках, посещали лекции и доклады, изучали русский язык. На десятках крупных предприятий для них были организованы библиотечки. Большинство рабочих участвовало в подписке на государственные займы, деятельности профсоюзных органов и в перевыборах Советов (в то время Конституция предоставляла иностранным трудящимся избирательные права); некоторые из них избирались в местные Советы. Зарубежные рабочие и специалисты часто выступали на страницах печати. На шахте «Американка» в Донбассе издавалась многотиражная газета на немецком языке «Sturm auf Kohle». Знакомство даже с неполным комплектом газеты свидетельствует о широте и многообразии ее тематики. Здесь пропагандировался опыт лучших рабочих и рассказывалось о конкретных и обоснованных предложениях, о реорганизации работы в шахтах. Газета включилась в борьбу за выполнение пятилетнего плана в четыре года; на ее страницах освещалась и общая обстановка в Советском Союзе [48]. Нередко «Sturm auf Kohle» отвечала зарубежным клеветникам, разоблачала антисоветские измышления реакционных германских газет, рассказывала правду об условиях работы и жизни иностранных трудящихся, о положении в Донбассе [49].

Десятки заводских газет периодически выпускали «странички» на иностранных языках. На Электрозаводе, например, выходила «немецкая страница» многотиражки, на московском заводе им. Владимира Ильича и Нижегородском автозаводе — англий-

---

[46] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 13, д. 460, л. 43.

[47] Там же, д. 459, л. 101; «Труд», 26 апреля 1932 г.

[48] «Sturm auf Kohle», 18, 22, 29.XII 1931 г., 11.I 1932 г. (комплект газеты хранится в ЦГАОР УССР).

[49] Там же, 24 февраля 1932 г.

ская. Эти «странички» рассказывали об участии зарубежных товарищей в социалистическом соревновании и ударничестве, об их борьбе за рационализацию производства. Кроме того, издавалось несколько общесоюзных газет на иностранных языках, часть тиража которых шла за границу [50]. Редакции этих газет были тесно связаны со своими читателями, получали от них много писем, часть которых публиковалась [51].

В ряде центральных газет и журналов, например, в «Правде», «Труде», «Рабоче-крестьянском корреспонденте», а также в различных республиканских и областных газетах существовали Интернациональные бюро, руководившие перепиской с зарубежными трудящимися. Переписку вели десятки предприятий, сотни отдельных товарищей или групп рабочих. Немало газет имело в зарубежных странах собственных рабкоров. Криворожская газета «Червоный гирник» получала в среднем ежемесячно 50—70 писем из-за границы; около 100 писем в месяц посылали зарубежным трудящимся рабочие Криворожья. Архангельская «Правда Севера» была связана с рабкорами 16 различных стран. При редакции севастопольской газеты «Маяк коммуны», имевшей собственных корреспондентов почти во всех капиталистических странах, работал рабкоровский семинар для подготовки интернациональных работников [52].

Письма немецких, австрийских и других иностранных рабочих, трудившихся в СССР, нередко помещались в иностранной прогрессивной печати. Так читатель узнавал правду об их работе и жизни в Советской стране вопреки вымыслам правой буржуазной печати [53]. Коммунистическая печать систематически печатала большие коллективные письма из Советского Союза, в которых рассказывалось о ходе социалистического строительства, о постепенном улучшении положения советских трудящихся и содержались призывы не верить лживым сообщениям буржуазных газет [54].

Зарубежные друзья использовали и другие формы морально-политической помощи народам СССР в том деле, которое между-

---

[50] В 1932 г. в Москве выходили: «Deutsche Zentral Zeitung», «Moskauer Rundschau», «Worker's News», «Moskau News». 7000 экземпляров каждого номера последней газеты отправлялось в США, 1600 — в Англию и Южную Африку, 600 — в Австралию и т. д. Несколько более половины тиража «Moskauer Rundschau» шло за границу.

[51] «Moskau News» в 1932 г. только за полтора месяца получила 340 писем (ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 13, д. 400, л. 320).

[52] В. Фин. Письма иностранных рабочих на страницах нашей печати. М., 1935, стр. 66—67, 73, 80.

[53] «Die Rote Fahne» 25 декабря 1930 г. привела такой факт: на рабочем собрании в немецком городе Брассерте после рассказов вернувшихся из Советского Союза членов германской рабочей делегации выступили три клеветника, которые признались, что за соответствующую плату они «сообщали антисоветчикам» всевозможные выдумки.

[54] Там же, 20 февраля 1931 г., 9 апреля и 22 апреля 1932 г. и др.

народный пролетариат считал своим, кровным,— в выполнении и перевыполнении пятилетки. Многие рабочие организации и отдельные группы пролетариев вызывали коллективы предприятий Советского Союза на революционное соревнование или принимали вызов с советской стороны. Это было не столько соревнованием в первоначальном и общепринятом значении этого слова, сколько одной из форм взаимной связи и обоюдной поддержки рабочих разных стран. Новая форма международного общения трудящихся способствовала росту инициативы и активности широких рабочих масс. Соревнование создавало дополнительные стимулы для личного общения и переписки между коллективами советских и зарубежных фабрик и заводов, обмена опытом, широкого взаимного ознакомления. Ход выполнения пятилетнего плана как бы ставился под международный пролетарский контроль, а классовая борьба, политическая активность пролетариата капиталистических стран в еще большей степени становились предметом пристального внимания и поддержки советского рабочего класса.

В силу коренных различий в их положении обязательства рабочих СССР и зарубежных стран были, естественно, неодинаковы. В первом случае речь прежде всего шла о досрочном выполнении пятилетки, затем о развертывании интернациональной работы на предприятиях, во втором — об усилении борьбы за мир против фашизма в защиту Советской страны от империалистических наскоков.

Среди коллективов, которые первыми вступили в соревнование, были рабочие Харьковского электрозавода и берлинских предприятий Всеобщей компании электричества (АЭГ), ленинградского «Красного треугольника» и немецкого химического завода «Лейна». В СССР были приглашены германские делегации для торжественного подписания договоров [55]. Это событие произошло в дни празднования 12-й годовщины Великого Октября. Осенью 1929 г. 50 тыс. рабочих и служащих юго-западных дорог СССР приняли вызов на соревнование, последовавший от гамбургских железнодорожников. Коллективы заводов «Серп и молот» и «Котлоаппарат» подписали договор с рабочими машиностроительного завода в Вюртемберге. По инициативе пролетариата швейцарского города Цюриха было организовано групповое соревнование: одно из зарубежных предприятий соревновалось с несколькими родственными ему по профессии заводами СССР, которые в свою очередь соревновались между собой. В результате периодических проверок победителю присваивалось переходящее знамя международного соревнования [56]. Другой формой соревнования был договор между МОСПС и Лондонским советом промышленных рабочих, подписанный в декабре 1929 г.: было решено выделить

[55] «Die Rote Fahne», 27.IX 1929.

[56] «Известия», 9 августа 1929 г.; «Правда», 5 декабря 1929 г.; «Труд», 25 февраля 1930 г.

пять предприятий английской столицы для непосредственной связи, обмена делегациями и переписки с рабочими московских фабрик и заводов. Английские трудящиеся брали на себя обязательство твердо проводить во всей своей работе «принципы и политику революционной классовой борьбы», советские профсоюзы — вовлечь всех рабочих в социалистическое соревнование за досрочное осуществление пятилетки [57]. Нередко договоры заключались с представителями трудящихся нескольких зарубежных стран. Рабочие ленинградских Балтийского и Механического заводов, например, подписали соглашение о революционном соревновании с английской, французской и американской делегациями. В ответ на обязательство балтийцев выполнить пятилетку в четыре года и оказывать моральную и материальную помощь в классовой борьбе в странах капитала иностранные делегаты торжественно обещали защищать Советский Союз от нападения империалистов, активно пропагандировать в своих странах достижения советских рабочих в социалистическом строительстве [58].

Коллектив ленинградского катушечного завода заключил договор с делегациями рабочих-деревообделочников Латвии, Германии, Франции и Англии; трудящиеся тверских текстильных фабрик — также с посланцами из четырех стран, а рабочие передового зерносовхоза «Гигант» — с представителями семи иностранных делегаций (германской, французской, американской, английской, ирландской, эстонской и латышской) [59]. Активное участие в этой новой форме международного общения трудящихся приняли пролетарии скандинавских стран. Побывавшие в Советском Союзе в 1929 г. делегации из Швеции, Норвегии и Дании подписали договоры на революционное соревнование с коллективами киевского завода «Физико-химик», мариупольского им. Ильича, с горняками Криворожья и рабочими целлюлозно-бумажной и картонной фабрик Нижегородского края [60]. Все новые коллективы в различных районах страны Советов расширяли этим путем братские интернациональные связи [61]. Поддержка советской пятилетки неразрывно связывалась с политической и экономической борьбой в защиту прав рабочего класса. Национальные и интернациональные задачи международного пролетариата сливались воедино. Договоры с советскими трудящимися усиливали политическую активность пролетарских масс Запада, способствовали большей четко-

[57] «Правда», 29 декабря 1929 г.

[58] Там же, 16 ноября 1929 г.

[59] ЦГАОР СССР, ф. 8067, оп. 1, д. 10, лл. 120—121; ф. 5451, оп. 13, д. 261, лл. 2—3, 33.

[60] «Труд», 12 сентября и 1 ноября 1929 г.; ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 13, д. 325, л. 7; д. 221, л. 59.

[61] Интересные материалы по этому вопросу приводятся в указанной статье Н. В. Черепенина. Отметим лишь неточность автора, считающего, что «идея революционного соревнования возникла в конце 1929 г.» (стр. 326). К этому времени было уже подписано значительное число договоров.

сти и организованности той классовой и антивоенной борьбы, которую самоотверженно вел рабочий класс капиталистических стран.

Договоры о соревновании создавали дополнительные возможности для постоянных контактов и взаимного обмена опытом между их участниками. В большинстве случаев они заключались во время пребывания в Советском Союзе зарубежных рабочих делегаций; для проверки хода их выполнения также обычно приезжали группы товарищей на советские предприятия. Число таких делегаций возрастало с каждым годом. Росло и число стран, откуда приезжали гости: кроме Европы, США и Японии, в СССР побывали посланцы трудящихся Австралии, Канады и Египта, ряда латиноамериканских стран — всего более чем из 30 государств. Такие поездки были одним из важных путей революционизирующего влияния Советского Союза на международное рабочее и национально-освободительное движение. Они помогали зарубежным друзьям Советской страны глубоко и всесторонне знакомиться с ходом социалистического строительства, чтобы затем популяризировать у себя в стране успехи пятилетки, используя неопровержимые факты и аргументы, разоблачать клевету на СССР со стороны международного империализма. Уже сама организация посылки рабочих делегаций в страну Советов превращалась в большую политическую кампанию, несмотря на частые случаи препятствий со стороны полиции, запрещения правительственных органов[62]. Кандидаты в состав делегаций обычно обсуждались на многолюдных собраниях и конференциях, проходивших с большим подъемом. Средства на отправку избранных товарищей нередко собирались по подписным листам.

Всей этой работой руководили коммунистические партии, в ней активно участвовали профсоюзы, Общества дружбы с Советским Союзом. В СССР посылались и коммунисты и беспартийные; немало было и социалистов, социал-демократов — членов реформистских профсоюзов. Участие их в общих делегациях способствовало укреплению единства действий рабочего класса. Только по линии Обществ дружбы в 1928—1932 гг. в СССР побывало более 2,4 тыс. гостей[63]. Многие приезжали для участия в

[62] В тех случаях, когда власти вынуждены были разрешать поездки, они, как правило, вели тщательную слежку за подготовкой делегаций, отправкой и поведением делегатов после возвращения домой. Большое число документов об этом хранится в Центральном германском архиве в Потсдаме и в отделении этого архива в Мерзебурге. Эти документы свидетельствуют о том, что правительственные органы Германии с помощью дипломатического аппарата стремились организовать слежку также и во время пребывания делегаций трудящихся в СССР (см. например: Deutsches Zentralarchiv Merseburg Preußisches Ministerium des Innern. Ref. 77. Tit. 4043, № 247; Deutsches Zentralarchiv Potsdam. Reichsministerium des Innern. Abt. I, AN, N 26157/1).

[63] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 13, д. 539, л. 1, д. 598, лл. 1—2. В эту цифру не включены делегации, приезжавшие по приглашению ВЦСПС на различные профсоюзные съезды, конференции и другие мероприятия.

торжествах в первомайские праздники, по случаю годовщины Октябрьской революции, в связи с Международным женским днем. Большинство гостей знакомилось не только с Москвой и Ленинградом, но и совершало большие поездки по стране, посещало Урал, города Сибири, Украину, Белоруссию, Поволжье, Среднюю Азию и Закавказье. Они могли видеть то, что им хотелось, то, что их интересовало. Как идет грандиозное социалистическое строительство, как выполняется пятилетний план, о котором они столько слышали у себя дома,— вот тот главный, основной вопрос, на который искали ответ члены рабочих делегаций. Впечатление от поездок было огромное, хотя гости оценивали виденное объективно и критически — они видели не только успехи и достижения, но также трудности и недостатки. «На фабриках, посещаемых нами,— заявили 4 сентября 1929 г. в Ленинграде члены скандинавской рабочей делегации,— мы были свидетелями безукоризненного воодушевления и энергии в работе, коллективной революционной рабочей воли, являющейся верной гарантией победоносного выполнения пятилетнего плана» [64]. Руководитель американской рабочей делегации, приехавшей в СССР на майские праздники 1930 г., Донован отметил: «Пятилетка является величайшим планом. Его величие еще более возрастает оттого, что он направлен на улучшение положения рабочего класса. В Америке мы много слыхали о пятилетке и, приехав в СССР, были поражены гигантскими темпами выполнения этого плана» [65]. Во время поездки по стране члены делегации осматривали громадные (разумеется, для того времени) заводы и электростанции, посещали совхозы и колхозы, побывали в угольных шахтах на Украине и в санаториях для рабочих на Кавказе. «Прощаясь с вами,— заявили гости перед отъездом,— мы обязуемся разоблачать ложь капиталистов и их церковных и фашистских агентов по адресу СССР» [66]. Такого рода впечатления и настроения были характерны для всех рабочих делегаций, независимо от партийной принадлежности их членов, безотносительно к тому, из какой страны они приехали, были ли это представители одной или нескольких стран. Испанская рабочая делегация (в ее составе были трудящиеся, принадлежавшие к различным партиям) заявила пленуму ВЦСПС, что «советские рабочие, рабоче-крестьянская молодежь строят социализм с прекрасным энтузиазмом, сознавая свою великую историческую ответственность»; в то же время делегаты отметили, что в Испании закрываются фабрики, прекращаются посевы на многих полях, не ведутся строительные работы [67].

[64] ГАОРСС ЛО, ф. 6276, оп. 14, св. 300, д. 234, л. 75.
[65] «Труд», 6 мая 1930 г.
[66] «Гости пролетариата СССР», стр. 115.
[67] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 13, д. 434, лл. 23—24.

«Прибыв из стран, где господствует экономический хаос, мы поражены практическим осуществлением социалистического планирования экономической и социальной жизни»,— писали члены международной делегации рабочих из шести стран, проехавшие свыше 10 тыс. миль по советской территории [68]. О бурном росте индустриализации и развитии коллективизации сельского хозяйства, подъеме общественной и культурной жизни СССР можно написать толстые книги — таков был вывод большой делегации Межрабпома, путешествовавшей более двух месяцев по Советскому Союзу [69]. В составе делегаций приезжали в СССР и видные общественные деятели. Юлиус Фучик в тех условиях не мог приехать к нам легально; вместе с четырьмя рабочими он тайно перешел границу. В предисловии к книге об этой поездке Фучик писал: «Мы, пятеро иностранцев, приехали слегка растерянные и очень любознательные и стали советскими людьми. Увлеченные великой стройкой, мы на несколько месяцев сделались ее участниками. Мы срослись, сами того не замечая, с великим трудовым коллективом и глядели на окружающее его глазами» [70]. Эта делегация пробыла в Советском Союзе полгода, она побывала на Днепрострое, посетила Поволжье и Кавказ, Таджикистан и Казахстан.

Два месяца (ноябрь и декабрь 1930 г.) провела в СССР делегация работников немецких, английских и американских коммунистических газет во главе с Вильгельмом Пиком. «Советский Союз — пример и гордость международного пролетариата»,—заявили они и выразили уверенность в том, что пятилетка будет выполнена досрочно, что полная победа социализма не за горами [71]. Кроме публикации писем, заявлений, деклараций, возвращавшиеся из СССР делегаты выступали на многолюдных митингах и собраниях. Сотни тысяч рабочих и служащих слушали из уст очевидцев рассказы о жизни народов СССР, миллионы читали об этом в брошюрах, газетных корреспонденциях, журнальных статьях. Фучик после возвращения из нашей страны только в 1930 г. несколько сот раз выступал в различных районах Чехии и Словакии перед рабочими и крестьянами, рассказывая правду о СССР и разоблачая вымыслы врагов Советской страны. Большое число ярких корреспонденций о пятилетке он напечатал в газете «Rude Pravo» и журнале «Tvorba» [72]. Среди пролетарских писателей и видных прогрессивных деятелей, которые приезжали в годы первой пятилетки в Советский Союз, были Анри Барбюс, Поль Вайян-Кутюрье, Эгон Эрвин Киш, Луи Арагон и Иоганнес Бехер.

---

[68] «Гости пролетариата СССР», стр. 297.
[69] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 13, д. 257, л. 5.
[70] «Дело трудящихся всего мира», стр. 264.
[71] «Die Rote Fahne», 4.I 1931.
[72] P. Polla'k-Stetar. Указ. соч., стр. 75.

Их книги о трудовом подвиге советских людей известны. Кроме книг и статей писателей и журналистов, публиковались отчеты рабочих делегаций. Отчет о поездке делегации из США, посетившей Советский Союз в ноябрьские праздники 1931 г., был помещен в прессе и затем отпечатан брошюрой тиражом в 100 тыс. экземпляров [73].

Большой интерес к пятилетке проявляли не только рабочие западноевропейских стран. В австралийских городах афиши приглашали трудящихся: «Рабочие! Придите и послушайте правду о Советской России. Н. Дж. Ханнет, только что вернувшийся из Советского Союза, прочтет лекцию „О пятилетнем плане социалистического строительства“» [74]. Там, где не было возможности выступать открыто, письма и брошюры рабочих делегатов, побывавших в СССР, распространялись нелегально. Так было, например, в панской Польше [75].

Собрания и митинги, обсуждения статей и брошюр проходили под знаком сплочения всех революционных сил в защиту СССР, борьбы за единство международного профсоюзного движения. На вечере в Берлине, состоявшемся 21 ноября 1931 г. в связи с возвращением из СССР рабочей делегации, когда в клубе, где шло собрание, были переполнены два зала и тем не менее тысячи желающих не могли попасть в помещение, выступали только рабочие социал-демократы. И каждая их речь «воспринималась залом как призыв к единому фронту трудящихся. В конце вечера выступил депутат рейхстага Вальтер Ульбрихт, поставивший перед собравшимися конкретные задачи борьбы за единый пролетарский фронт в стране [76]. В ряде стран по инициативе вернувшихся из СССР делегаций организовывались «Комитеты единства» [77].

Как ни значительна и многообразна была проводимая в связи с поездкой рабочих делегаций в Советский Союз работа по пропаганде достижений пятилетки, организация политической поддержки социалистического строительства в стране победившего пролетариата, это было лишь частью той большой и неутомимой деятельности, которую вели зарубежные друзья СССР в популяризации пятилетнего плана, защите его от клеветников. Клевета на страницах многих буржуазных газет появилась одновременно с рождением самой пятилетки. Каких только кричащих «сенсационных» заголовков не было в тех органах печати, которые принимали участие в нестройном, но шумном хоре недоброжелателей! «Гигантский блеф», «дикая фантазия», «новая сумасшедшая выходка кремлевских диктаторов» — под такими и им подобными

---

[73] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 13, д. 414, л. 108.
[74] «Дело трудящихся всего мира», стр. 259.
[75] «Гости пролетариата СССР», стр. 159.
[76] «Berlin am Morgen», 21.XI 1931.
[77] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 13, д. 21, л. 1.

заголовками печатались десятки статей, заметок, сообщений, одно нелепее другого. По мере нарастания реальных и неопровержимых успехов советского народа в выполнении и перевыполнении пятилетнего плана ряды клеветников стали заметно редеть, но вынужденные признания отдельных органов капиталистической прессы не помешали наиболее отъявленным фальсификаторам продолжать выдумывать различные небылицы. Прогрессивная печать многих стран вела большую систематическую работу по разоблачению измышлений в адрес советской пятилетки, рассказывала о строительстве гигантов советской индустрии и коллективизации деревни, об улучшениях условий жизни рабочих и крестьян и об успехах советской науки и культуры. Организаторами этой большой работы были коммунистические партии. Э. Тельман призывал относиться к разъяснению германскому пролетариату значения пятилетки как к одной из важнейших задач в практической деятельности Коммунистической партии Германии [78]. «Rote Fahne» отводила целые страницы подробным рассказам об экономических успехах страны Советов, посвящала им большое число статей, рассказов, корреспонденций. Нередко газета сравнивала два мира, две системы, справедливо указывая на то, что на фоне жестокого экономического кризиса на Западе особенно заметен мощный экономический подъем в СССР, «который превратит страну пролетарской диктатуры и планового хозяйства в максимально короткие исторические сроки в ведущую индустриальную державу» [79]. Много писали об успехах пятилетки и другие прогрессивные германские газеты. Сошлемся, например, на статью Анны Зегерс в «Welt am Abend», на ярких фактах и примерах показавшей трудовой энтузиазм советских людей [80]. Нередко статьи о пятилетке печатались в провинциальных немецких коммунистических газетах и органах революционной профоппозиции.

В Англии II съезд Коммунистической партии (ноябрь 1929 г.) после доклада Гарри Поллита принял специальное решение о широком разъяснении рабочим массам «значения пятилетки в СССР и международного социалистического соревнования» [81]. В разъяснительной работе активно участвовала лондонская «Daily Worker», помещавшая обильные материалы о ходе осуществления грандиозного плана. Пятилетний план будет выполнен в четыре года вопреки «пророчествам» буржуазии — эта мысль была главной в рассказах о жизни и работе советских людей [82]. Еженедельно посвящала специальную страницу Советскому Союзу «L'Humanité». Газета опубликовала серию очерков вернувшегося из СССР

---

[78] «Die Rote Fahne», 19.X 1929.
[79] Там же, 21 декабря 1929 г.
[80] «Welt am Abend», 30.VI 1931.
[81] «Правда», 2 декабря 1929 г.
[82] «Daily Worker», 1.V 1930, 8.I 1932.

Вайяна-Кутюрье о пятилетке и ряд статей Габриэля Пери о великом плане, печатала переводы статей советских авторов, многочисленные фотографии о труде и быте в СССР [83]. Много ценных и правдивых сведений о пятилетке читатели могли почерпнуть из журналов, издававшихся Обществами дружбы с СССР,— «Der drohende Krieg» в Германии, «L'appel de Soviet» во Франции и др.

Летом 1930 г. книга М. Ильина о пятилетке («Рассказ о великом плане») была издана в Японии. Трехтысячный тираж раскупили мгновенно. Осенью того же года вышло второе издание [84]. В США и Англии эта книга за короткий срок издавалась несколько раз и вызвала много откликов в печати.

Наши зарубежные друзья использовали и такую доходчивую форму рассказа о великом плане, как выставки. Несколько выставок о пятилетке было организовано в Германии. В Берлине они устраивались дважды, и оба раза с большим успехом. Диаграммы, фотомонтажи и другие наглядные и яркие материалы о первых годах выполнения грандиозного плана производили большое впечатление не только на рабочих, но и на посещавших выставки представителей ученого и делового мира, журналистов [85]. В Гамбурге такие выставки о советской пятилетке устраивались ежегодно, начиная с 1930 г. [86] В Чехословакии выставка, на которой экспонировалось примерно 500 фотографий, дававших убедительное представление о социалистическом строительстве в СССР и о жизни рабочих и крестьян, тоже пользовалась большим успехом. Она демонстрировалась не только в столице, но и в различных городах страны. В книге посетителей можно было прочитать такие записи: «Эту выставку необходимо повторить и показать каждому рабочему»; «Коммунизм — наша будущность»; «Русский пролетариат указывает нам путь»; «Нам следует показать гораздо больше. Немедленно и подробно! Организуйте курсы и лекции, мы все на них явимся» [87]. Много посетителей привлекли выставки о пятилетке в Швеции, Франции, Бельгии. Нередко рабочие приходили знакомиться с ними коллективно. В организации этих выставок активную роль играли Общества дружбы с Советским Союзом [88]. В США и Германии в конце 1932 г. были организованы имевшие большой успех выставки об итогах первой советской пятилетки [89].

---

[83] «L'Humanité», 17.VI, 5.XI 1929, 29.I 1932.

[84] ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 2, д. 77, л. 130.

[85] «Правда», 20 августа 1930 г.; «Die Rote Fahne», 9.XII 1930.

[86] Фонды Музея революции СССР, № 30 120/109; «Международная пролетарская солидарность в борьбе с наступлением фашизма (1928—1932)». Документы и материалы. М., 1960, стр. 551.

[87] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 13, д. 320, л. 76; «Правда», 18 февраля 1932 г.

[88] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 13, д. 283, л. 225; ф. 4459, оп. 2, д. 505; И. В. Черепенин. Указ. статья, стр. 359, 360.

[89] ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 1, д. 219, л. 57.

Находившиеся в подполье итальянские коммунисты освещали ход выполнения плана в своей нелегальной печати [90]. Им удалось выпускать и брошюры, например рассказ о ходе социалистического строительства в СССР, написанный Дж. Витторио [91]. Румынские коммунисты тоже издавали нелегально брошюры о советской пятилетке [92]. В ряде подпольных коммунистических изданий в Румынии постоянно имелись специальные рубрики: «Пятилетний план в СССР»; «Строительство социализма в СССР»; «Вести из Советского Союза». Разными путями и средствами доходила правда о пятилетке до широких пролетарских масс капиталистических стран. Но она доходила!

Досрочное выполнение первой пятилетки было большим праздником для трудящихся всех стран. Этот выдающийся успех социалистической державы вызвал огромное количество радостных откликов среди международного пролетариата. В ряде стран состоялись торжественные вечера и заседания, в Советский Союз посылались приветственные письма и телеграммы.

Поддерживая пятилетку, посильно помогая ее выполнению и оберегая ее от происков империалистической реакции, зарубежные трудящиеся свято выполняли свой интернациональный долг. Их поддержка способствовала созданию благоприятных внешних условий для ускоренного строительства материально-технической базы социализма в СССР.

Международный пролетариат внес ценный вклад в победу бесклассового общества в Советской стране. В свою очередь итоги пятилетки имели огромное значение для революционной борьбы рабочего класса капиталистических государств; они вселяли в него уверенность в конечном торжестве сил мира, демократии и социализма. Отношение зарубежных трудящихся к первой советской пятилетке — яркая страница в истории пролетарского интернационализма, этой огромной неодолимой силы современного общества.

---

[90] «Stato Operaio. Rassegna di politica proletaria». Gennaio, 1930, № 1, p. 59.
[91] Фонды Музея революции СССР, № 6713/17.
[92] Там же, № 10 675/1.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

Е. Н. ГОРОДЕЦКИЙ. Советская наука и изучение производительных сил России в 1917—1920 гг. 11

И. П. ЛЕЙБЕРОВ. Петроградский пролетариат во всеобщей политической стачке 25 февраля 1917 г. 31

Г. И. ЗЛОКАЗОВ. О заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 28 февраля 1917 г. 47

В. И. МИЛЛЕР. Ставка и солдатские комитеты в марте 1917 г. . . 62

З. Л. СЕРЕБРЯКОВА. Большевистские фракции в Советах рабочих и солдатских депутатов Центрального промышленного района (март — август 1917 г.) 81

Г. А. ТРУКАН. Большевизация Советов Центральной России накануне Октября 96

А. И. РАЗГОН. Советы Среднего и Нижнего Поволжья в борьбе за демократические перевыборы городского самоуправления (март — август 1917 г.) 109

Л. Л. ФРАЙМАН. Революционный Петроград и борьба за победу Советской власти на Юге России 125

Ю. М. ГАМРЕЦКИЙ. Объединение Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на Украине в 1917 г. 143

А. П. ГРИЦЕНКО. Роль фабзавкомов в создании Красной гвардии на Украине 157

А. В. ИГНАТЬЕВ. Отношение империалистов Антанты и США ко «второй корниловщине» 171

Л. С. ГАПОНЕНКО, Т. Ф. КУЗЬМИНА. Из истории борьбы солдат Западного фронта за мир в 1917 г. 181

Е. В. ИЛЛЕРИЦКАЯ. В. И. Ленин и разрешение аграрного вопроса в России в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую (март — октябрь 1917 г.) 192

И. М. РАЗГОН. Политические настроения сибирского крестьянства (в марте — апреле 1917 г.) 211

Е. А. ЛУЦКИЙ. Подготовка проекта Декрета о земле . . 233

Э. В. ОСТРОВСКИЙ. Распределение земель в Новгородской губернии в 1918 г. 249
А. Д. МАЛЯВСКИЙ. Распределение земель во Владимирской губернии в 1918 г. 270
М. Е. РАКОВСКИЙ. Первые шаги Одесского Совнаркома (январь — начало марта 1918 г.) 280
А. А. ДРИЗУЛ. В. И. Ленин и латышские стрелки 289
Г. А. ГАЛОЯН. Из истории совместной борьбы трудящихся Закавказья за Советскую власть 296
М. В. ЦЕРЦВАДЗЕ. Борьба трудящихся Грузии за Советскую власть в 1918 г. 309
З. И. ИБРАГИМОВ, Е. А. ТОКАРЖЕВСКИЙ. Разработка вопросов борьбы за Советскую власть в Азербайджане в исторической литературе 20-х — начала 30-х годов 318
И. Л. ШЕРМАН. Некоторые вопросы историографии гражданской войны и труды академика И. И. Минца 325
Доклад комиссара 2-й Украинской советской дивизии И. И. Минца (май 1919 г.) 337
Н. В. КАМЕНСКАЯ. Партийное подполье и партизанское движение в тылу белополяков на территории Белоруссии (1919—1920 гг.) 349
Ю. А. ПОЛЯКОВ. О политических настроениях крестьянства к концу гражданской войны 364
Г. Е. РЕЙХБЕРГ. О подготовке и начале иностранной военной интервенции на Советском Дальнем Востоке 381
Н. И. СУПРУНЕНКО. К истории заключительного этапа гражданской войны на Украине 391
О. Ф. СОЛОВЬЕВ. О роли внутренней контрреволюции в развязывании интервенции Антанты летом 1918 г. 400
Е. Г. ГИМПЕЛЬСОН. Выборы в сельские Советы в 1919 г. . . 414
А. П. ПЕНАРОКОВ. К вопросу о начальном периоде строительства Красной Армии 433
П. И. ЯКИР. Из истории перехода Красной Армии на мирное положение 445
И. М. МАЙСКИЙ. Невилль Чемберлен 464
В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ. Советский Союз и путь антигитлеровской коалиции к Потсдаму 484
А. Е. ИОФФЕ. Первая советская пятилетка и международный пролетариат 502

ОКТЯБРЬ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СССР

Утверждено к печати
Институтом истории
Академии наук СССР

Редактор издательства *А. И. Кордюкова*

Художник *Н. А. Седельников*

Технические редакторы *Г. А. Астафьева и В. В. Волкова*

Сдано в набор 17/IX 1965 г. Подписано к печати 3/XII 1965 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Печ. л. 33+2 вкл.
Уч.-изд. л. 33,8(33,6+0,2вкл.). Тираж 3700 экз.
Т-16439. Изд. № 627/66. Тип. зак. № 2995.

Цена 2 р. 28 к.

Издательство «Наука»

Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА» ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ МОНОГРАФИЯ АКАДЕМИКА И. И. МИНЦА «ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ».

Монография — результат многолетней исследовательской работы крупнейшего специалиста в области истории Великой Октябрьской социалистической революции. Это капитальный обобщающий труд, в котором учтены современные достижения советской исторической науки и на основе большого документального материала сделаны новые выводы. Монография состоит из трех томов.

Первый том — **«Свержение самодержавия»** — охватывает период с 1914 по февраль 1917 г. В нем раскрываются социально-экономические предпосылки революции в России, показаны нарастание революционного движения в стране и героическая борьба партии большевиков во имя мира, свободы, демократии и социализма во время первой мировой войны, детально освещена история Февральской буржуазно-демократической революции в Петрограде, Москве и в других городах и районах России, в армии. Первый том выйдет в свет во втором квартале 1966 г.

Второй том — **«Свержение диктатуры буржуазии и установление диктатуры пролетариата»** — посвящен великим событиям периода подготовки и проведения Октябрьской революции.

В третьем, заключительном, томе излагается история создания Советского государства. Хронологически он охватывает период с октября 1917 по июль 1918 г.

Предварительные заказы просим направлять по адресу: Москва, Центр, Б. Черкасский пер., 2/10, «Академкнига», магазин «Книга — почтой» или в ближайший магазин «Академкнига»: Алма-Ата, ул. Фурманова, 129; Баку, ул. Джапаридзе, 13; Киев, ул. Ленина, 42; Ленинград, Литейный проспект, 57; Москва, ул. Горького, 8; Москва, ул. Вавилова, 55/5; Новосибирск, Красный проспект, 51; Свердловск, ул. Белинского, 71в; Ташкент, ул. К. Маркса, 29; Харьков, Уфимский пер., 4/6.

Заказы на книги издательства «Наука» принимаются также местными магазинами книготоргов.

Заказанные книги будут направлены в ваш адрес наложенным платежом.

Опечатки и исправления

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
20	9 св.	образе	обзоре
107	1 сн.	стр. 50	стр. 48, 50, 52, 63.
111	8 сн.	депутов	депутатов
194	4 сн.	Т. В. Шарапова	Г. В. Шарапова
314	7 сн.	избавили	избивали
356	6 сн.	Маслыков	Маслыко
393	19 сн.	Якур	Якир
401	2 сн.	silte aux cosiderations dejanvier	suite aux considerations de janvier
489	13 св.	1943 г.	1944 г.
495	8 св.	Аланбрук	Алан Брук
499	22 сн.	чтобы	что